Виктор Юшковский

БАТЕНЬКОВ В ТОМСКЕ

Узнают обо мне в России необъятной
Лишь те безумцы, чей мне сродствен странный дух…
Гавриил Батеньков

Текст, примечания:
Юшковский В.Д.
Редактор. Лойша В.А
Научный редактор
проф. Шерстова Л.И.

Художественно-документальное исследование посвящено мало известным годам жизни декабриста-сибиряка Гавриила Степановича Батенькова.

В книге рассказывается об его инженерной работе в Томске, о сотрудничестве с сибирским реформатором М.М. Сперанским и сибирской ссылке. Раскрывается сложный внутренний мир поэта, философа и государственного деятеля, одного из членов Северного общества декабристов.

Книга основана на документальных источниках: письмах, воспоминаниях Г.С. Батенькова и архивных материалах, большая часть которых публикуется впервые.

Томск 2004.

Путь в Сибирь

Столицу империи и Тобольск, столицу необъятной Сибири, отделяют три недели санного пути.

При хорошей да ласковой погоде, ежели не особо свирепствуют морозы, не дуют жестокие ветра, а дорога ладно укатана, путешествие не в тягость. Кати себе под уютный звон колокольцев, закутавшись в бездонную медвежью доху, кати да размышляй.

Лишь бы на сердце не было тревоги, не жгла душу печаль – тогда и путь покажется удачным, и тысячеверстные дорожные неудобства не испортят радости встречи.

Батеньков едет домой.

Он возвращается в Тобольск, предаваясь мыслям о превратности судьбы. Поистине, Колесо Фортуны прихотливо катит, куда и как заблагорассудится. Но ежели дерзкие ожидания сбываются на удивление окружающим, то лишь благодаря Небесам и собственной – да, собственной решимости. Отговаривали ведь друзья, предостерегали от опрометчивого в их глазах шага: мыслимо ли, говорили, оставить армейскую карьеру, снять офицерский мундир ради призрачных надежд[1]. Потерять можно многое, одним неверным порывом лишиться надежной будущности, устойчивого положения да прочного материального достатка – не худо бы подумать.

Ну, а что взамен?

Так говаривал любезный Алексей Андреич – друг Елагин[2], так увещал насмешник Паскевич, так наставлял любимец женщин несносный Бердяев – армейские товарищи, члены задушевного «кагала»[3], ближе которых у Батенькова нет, кажется, никого Кроме матери.

Друзья наставляли, желая добра, а он, упрямый, сделал-таки по-своему. Оставив службу, приехал в северную столицу, где никого, в сущности, не знал и где никто б не помог осуществить затеянное. В Петербурге Батеньков остановился *«на Литейной части против Гагаринских бань, в доме Быкова № 24»*.

Экономя средства, расположился в недорогой квартире, поспешил обзавестись книгами и, не тратя драгоценного времени, кое всегда ценил, усердно взялся за науки.

Что ожидало его, он не знал, – всё впереди окутано было мраком, но сознание того, что со службой покончено, что хватило силы свернуть с уготованного пути – уже одно это вселяло в душу спокойствие и уверенность.

«Наслаждаюсь свободой», – писал он Елагину в августе 1816-го. – *Дело моё, касающееся до поступления в инженеры путей сообщения, приняло, по-видимому, доброе начало… Меня приняли весьма ласково и, может*

быть, останусь даже в Петербурге, но что проживу более двух месяцев, ето весьма верно»[4].

Так и оказалось.

Ласково принятый молодой офицер, герой военных походов, кавалер ордена Святого Владимира совершенно покорил всех не столько даже обаянием, сколько умом. Решительно всё располагало в его пользу – блестящие математические способности, не слишком обширные, но твердые и упорядоченные познания в точных предметах, начитанность, здравость суждений.

С легкостью, как мнится со стороны, Гаврила Степанович сдаёт экзамены, его зачисляют в инженерный Корпус, а спустя два месяца он уже катит по снегу в Сибирь, негодуя на беспечность друга Елагина, браня того за свойственную ему лень и заклиная *«святым именем дружбы»* ответить хотя бы короткой запиской.

«Ничто не напомнит мне о тех обещаниях, которые ты давал и нарушал беспрестанно, – пишет по дороге из Казани. – *Приму разве покорное покаяние, извинениям нет места. Не поверю, чтоб пропали все шесть писем, на которые ты не отвечал…».* Распекает друга, а ниже, после подписи, делает приписку: *«Через десять дней я буду в Тобольске в звании инженера путей сообщения»*[5].

Батеньков едет домой.

Экзамен в Петербурге сделал его *«известным всему верховному начальству по сей службе, а честолюбие и надежды заставляют её продолжить»*[6]. Он и в мыслях не держит оставить столицу, его *«отпустили почти только в отпуск»,* повидаться с родными; отпустили с условием, что в Тобольске он поступит на службу к инженер-полковнику Риддеру[7], а после, весной, вернется в Петербург.

Но судьба распорядится иначе. Обратная дорога к сиятельной и шумной, полной светского блеска столице проляжет через пять долгих лет. Зато возвратится туда не бедным безвестным офицером, вышедшим в отставку с чином, мундиром и пенсией, не пылким молодым человеком с далекими от жизни романтическими мечтаниями, а умудренным государственным мужем, познавшим гонения и почет, в свите всемогущего вельможи…

Ох, и прихотливо колесо фортуны. Пути господни неисповедимы.

Но честолюбие молодого инженера, объяснимое сознанием недюжинных своих способностей, далеко не простирается. Он едет домой, по собственному прошению, *«на помощь престарелой матери»,* и видит себя прилежным служащим по ведомству путей сообщения. Думает о доме, будущей семье. О пользе, что принесет людям своими знаниями, неустанным трудом.

Он полон энергии, надеется что-то построить, улучшить, исправить, изменить.

А дорога далека и свободна, и лошади резвы. Тихо сыплет снег, садясь на верстовые столбы, укутывая придорожные кусты чистейшим белым покрывалом.

На душе тепло, несмотря на бодрящий мороз, и мыслям просторно. И будущее рисуется ясным, понятным, как этот зимний день, как прочный возок и всё, что окружает.

Батеньков едет домой.

Δ

Ч а с т ь I. ПЕТЕРБУРГ – ТОБОЛЬСК – ТОМСК (1817 – 1819)

I

Матушка…

Милостивая матушка выйдет навстречу, седая и немощная, обнимет на высоком крыльце, прижмет. Весь дом, вся просторная усадьба – гомонящая, населенная родственниками, дальними и близкими, держится на ней. На её тихом слове, коему послушны все, на сердечных её наставлениях, проникнутых светлой верой в Создателя[1].

Два года минуло, как виделись в последний раз, а здесь ровно ничего не изменилось. Да что два года – двадцати лет мало, чтобы время что-то сдвинуло и повернуло, сделав заметным внимательному взору. Так прочен, основателен, незыблем патриархальный мир, населенный понятными и дорогими, знакомыми с детства красками, запахами, звуками.

Вот церковь, куда во младенчестве ходил с отцом на богослужения, ее тяжкий тысячепудовый колокол и *«образ Спаса непомерной величины»*. Когда при нем, при Батенькове, впервые ударили в колокол, раздался мощный, ужасающей силы звук, который совершенно оглушил, *«расстроил его слух»,* а когда его, маленького, подвели к Спасу, сей образ показался так страшен, что мальчик *«лишился чувств от испуга»* и из церкви его вынесли на руках[2].

Как давно это было…

Давно, а кажется, будто вчера, так прочно отложились в памяти впечатления детства, которые – он сознавал – потому и запомнились во всех подробностях, что повлияли на ранимую его детскую душу, сделав *«чрез меру робким и пугливым».*

Родной город.

Крепкие деревянные постройки. Мощенные камнем улицы и *«гора, которая окаймлена большими каменными зданиями».* Подъем на неё *«сделан в ущелье, одетом каменными стенами»,*– взбираясь туда, всякий раз он невольно оглядывался *«на ту часть города, которая с каждым шагом понижалась и расстилалась на равнине».*

Отсюда хорошо был виден густой хвойной лес, простиравшийся за городом и казавшийся волшебным, где *«в добрые дни отрочества»* так приятно было бродить, *«получив с сиротством свободу гулять по своей воле».* И озерца, где ловил *«золотых рыбок»,* а после отпускал их, жалея, на волю. И *«знаменитая обитель»* за городскими стенами, и *«громадная глубокая река»* Иртыш.

Это была та *«старая жизнь»,* которую Батеньков хорошо знал, помнил и любил *«во всей её целости»*, где была дешевизна и господствовала привычка к труду, где *«священники, большей частью долговечные, неподвижные в своих приходах, были своими во всех семействах»* и где «*тысяча руб-*

лей составляла капитал и ставила обладателя на высокий пьедестал. Маленький военный чин, незначительная гражданская должность вводили в сословие господ и делали авторитетами и аристократией...»[3].

Таков был Тобольск. Город, где бывшему офицеру, увенчанному славой недавних сражений, предстояло служить на новом поприще – в государственном ведомстве.

Канцелярия Сибирского X округа путей сообщения располагалась в центре Тобольска. В ноябре 1816 года туда явился *«высокий, смуглый, худощавый, рябоватый человек с открытым видом, довольно быстрым взглядом… более веселый, нежели мрачный, не совсем провинциал, не дикий»,* имеющий «*понятие обо всех человеческих знаниях»,* говорящий *«прямо, без украшений, лести и скрытности»*[4].

Таким он казался себе сам – таким увидел его Риддер.

Молодой человек в звании инженера III класса подал документы – паспорт, выданный его бывшим командиром полковником Урлафом, и копию послужного списка, где указывалось участие в военных походах против наполеоновских войск.

«Та-ак», – промолвил начальник округа, принимая документы. Всякое знакомство, по российской традиции, начинал он с бумаги.

«От роду 21 год. Обучен языкам, российскому и французскому, сведущ в части чистой математики и инженерных исчислений, смешанной математики, фортификации и гражданской архитектуры, риторики и логики, нравственной философии и черчения планов. В штрафах и под судом не был…»[5].

Гаврила Степанович знал, что работы предстоит много, но деятельность его не пугала: ежели что и могло тяготить, так только праздность. К трудностям был готов, даже ждал, чтоб исполнить мечту, испытать себя в деле.

Но дела в Тобольске – большого, настоящего дела – увы, не находилось…

Полковник Риддер принял петербургского инженера любезно. Большой знаток горных наук, трудолюбивый и ответственный, щепетильный до крайности человек, он и в других ценил трудолюбие и прочные знания. Да повода разочароваться в этих своих качествах Батеньков не дал. Он был исполнителен, но не услужлив, прямодушен, но не глуп – Риддер таких любил.

Однако же время шло, а поручений, за исключением мелкой канцелярской работы, не возникало.

По «Ведомости о чинах», инженерной бригаде X округа надлежало состоять из семи человек, включая управляющего[6]. На самом же деле, к приезду Батенькова она была представлена двумя инженерами, один из коих, барон Унгерштернберг, откомандирован был в IV округ путей сообщения, а другой, подполковник Лукин, отошел в мир иной[7].

Ну, а сам управляющий изнемогал под тяжестью неприятнейшей тяжбы по поводу *«злоупотреблений гражданских чиновников по судоходству в Си-*

бири», обличая тобольского городничего и местную полицию в чинимых купцам «злодеяниях».

Конфликт тянулся с переменным успехом, но предугадать его финал было несложно. Лихоимцев взял под защиту генерал-губернатор Сибири Иван Борисович Пестель[8], что обрекло справедливые, надо сказать, хлопоты на неудачу. Пестель не давал хода донесениям управляющего округа, интриговал, настраивал против него петербургское начальство.

И немало в сём преуспел: Риддер пал духом, и даже не в шутку захворал. С конца 1816 года Филипп Филиппович, *«в оправдание болезненного своего состояния»,* просил отпустить его в отпуск.

Просьбы эти, однако, оставались без ответа.

Территория X округа путей сообщения включала тогда всю Сибирь, а также Пермскую и Оренбургскую губернии. Полноводных рек здесь было немало, а вот сил и средств для развития судоходства не хватало. *«Слабые»* и недостоверные сведения о гидрографическом и топографическом положении мест отдаленного края затрудняли освоение Сибири. Сбор точных данных о путях сообщения становился задачей исключительной важности – Риддер уделял ей большое внимание.

Понимал он и важность новых транспортных маршрутов, для чего проводил съемки местности в междуречье Оби и Енисея, замышляя связать две могучие сибирские реки посредством судоходного канала. Идея, отраженная в записке «Об изыскании и улучшении сибирских рек», нашла поддержку у высокого начальства. В столичной дирекции путей сообщения к ней отнеслись с сочувствием, и инженер-полковник Риддер наметил продолжить изыскания, поручив их молодому, подающему надежды Батенькову.

Но это не удалось.

По просьбе генерал-губернатора Сибири ведомство путей сообщения согласилось выделить инженера и отправить в Томск, приказав взять на себя техническое руководство инженерно-строительными работами. Кроме Батенькова поехать туда, выходило, было некому, и он, получив в феврале 1817 года предписание и прогонные[9], стал собираться в дорогу.

Весть о предстоящей поездке вызвала смешанное чувство радости и огорчения. Наконец появилась самостоятельная работа, куда уж сложней и серьезнее; это редкая удача – возглавить благоустройство губернского центра, пусть и *«под заведованием гражданского начальства»*[10], но… Покидать родной город, *когда «воображение… решило в пользу сердца»* и появилась сердечная привязанность, было ох как непросто.

«Три недели сижу я неподвижно, напрягая все мои силы, чтоб с точностью выполнить веления того пола, которому и ты сам нередко бывал покорным невольником», - пишет Батеньков другу Елагину перед отъездом. – *«Любовь признана комендантом всех чувств, дел и мыслей».*

А произошло знакомство на святках, где *«забавы и игры служили апрошами*[11]*, один поцелуй был в силах довершить атаку, овладел всем, и*

дружба подписала уничтожительную капитуляцию… Кто же она? – вышедши, наконец, из терпения, спросишь ты. – Одно только сердце мое знает ее имя, слышу, правда, что и все называют ее прекрасною и милою»[12].

В таком пылком, романтическом настроении, право же, мало подходящем для серьезной, вдумчивой работы, Батеньков готовился к отъезду. Оставив хворую мать на попечении родни и сделав надлежащие распоряжения, в середине марта он двинулся в путь, а 23 числа прибыл к месту назначения.

Появился в Томске и предстал пред главой губернии – действительным статским советником Дамианом Васильевичем Илличевским[13].

II

Небывалых размеров стол, широкий и прочный, внушал своим видом уважение: на таком столе, думалось, можно маршировать, как на гарнизонном плацу. И уж смело выплясывать кадриль, не боясь оступиться и рухнуть, совершенно точно.

Только здесь, в этом доме, такими глупостями не занимаются. Вот покушать – да, обожают, трапезничать любят, даром что глухая провинция, а на стол-то выставить есть чего. Тут тебе и рыба во всех мыслимых видах, и пироги собственного приготовления, и мясные угощения одно другого заманчивей – так и просятся в рот.

Но Батеньков на угощения не падок – отведал всего понемногу за-ради приличия, откинулся на спинку стула и сидит, попивает наливку да нахваливает хозяйку. Ну, а та довольна: как же, столичный гость хорошо отозвался о кулинарном мастерстве, не очень, по правде сказать, и высоком. Зато хозяин особого расположения не выказывает: смотрит вроде приветливо, а усмешка не сходит с уст.

«Тоже, - мыслит себе, - прислали… Куда нам такого незрелого… Вот бывший инженер – упокой, господь его душу – тот и смотрелся солиднее, и говорил обстоятельно, басовито[1] – не то, что этот…».

Федор Борковский человек неглупый, основательный, ценил в людях предприимчивость и сам, обладая хозяйственной хваткой, немало преуспел в укреплении своего благополучия. Имел капитальнейший дом, пристройки, держал всякую живость, занимаясь личными делами куда с большей охотой и рвением, чем городскими. Ну, так и что: кто нынче печется о благе общественном, как о кровном добре, скажите на милость?

Голова на плечах, побойчей на язык, разворотливей – вот и вышел в градоначальники, хотя и не рвался.

Шумно прихлебывая чай, Борковский слушает гласного Баранова – тот вещает о состоянии хлебного капитала[2]. Рядом сидит городничий Осипов,

приглашенный по случаю знакомства с господином инженер-поручиком, и невпопад кивает: у того на уме, знамо, одно – жалование стражам порядка[3].

Батеньков украдкой оглядывает хозяйские покои: по сибирским меркам дом, что говорить, полная чаша. А вот образа в углу запылились так, что не разглядеть святой лик – то ли Никола-угодник, то ли Богоматерь с Младенцем. Для набожного человека, хранящего в душе веру, сие грех – уж если не молитесь ежедневно, так, по крайней-то мере, выказывайте к иконам уважение[4].

Но настоящего негодования столь явное небрежение христианской верой у него, впрочем, не вызвало: кому и каким богам поклоняться, пусть каждый решает самолично, прислушиваясь к собственной душе[5].

И потом, «не судите, да не судимы будете»…

В столице, откуда приехал, икон, положим, тоже не везде и увидишь, зато развешаны живописные холсты[6], а тут и этого нет: «картинки» для сибиряка сущее баловство, пустая трата денег. Но и это бы ничего: зачем, если подумать, купцу пейзажи – пусть любуется своими хоромами, а вот отсутствие книг – это беда. Книгам Батеньков обязан всем богатым познаниям[7]…

На окружающих Гаврила Степанович производил впечатление человека общительного и радушного, приятного в обхождении, способного быстро сходиться с людьми. Так оно, собственно, и было. Знакомства заводил он легко, однако прочных сердечных отношений ни с кем, кроме армейских друзей, у него не имелось. А расставшись с ними, уехав в Петербург, затем и в Сибирь, оказался в совершенном одиночестве.

Ах, это странное «общительное одиночество»…

Никого, кроме Елагина, не пускал к себе Батеньков в душу, держал всех на расстоянии. И сокровенные мысли позволял себе высказать только ему – доброму близкому другу, с которым пройдено столько дорог и испытано столько смертельных опасностей. Вместе в военные годы предавались утехам раздольной молодости, вместе возносились мечтами*, «объемля всё человечество»,* а потом увлеченно обсуждали философов, спорили о метафизике Канта.

На войне Батеньков показал себя храбрым офицером, безудержная отвага его вызывала восхищение однополчан, а полковое командование даже нередко озадачивала. И мало кто знал, что в действительности отчаянная его храбрость вырастала из стремления преодолеть свои слабости, что изжить в себе детские страхи[8] Батеньков по-настоящему так и не смог.

Но старался…

Он много работал над собой, прилежно и терпеливо «лепил» себя, свой характер и взгляды, уподобившись скульптору, творящему из глины предметы искусства. Много читал, думал – и действовал, по возможности, в соответствии с убеждениями[9], как учил доброй памяти отец[10]…

«Ты, милый мой, мечтатель[11]. Ну, куда тебе на чиновничью службу», - посмеивался добродушно Елагин.

Как не хватает его, славного *«галиматейного»* философа, коему *«предан всею душою»* тот, кто «*в отдаленной пустыне каждое слово друзей считает милым гостем, каждую строчку – неоцененным подарком»*[12].

Как давно не приходило от него ни строчки.

Получая прежде елагинские письма, Батеньков *«тотчас же начинал ответ, и никогда не заботился ни о слоге, ни о хорошем порядке, не вымарывал даже того, что самому… дурным казалось»* – как положено между друзьями. Но *«шестимесячное его молчание»* становилось *«кремниевым хребтом, отделяющим всё, что оставалось»* в них детского, *«от того, что зрелому возрасту прилично»*[13].

Любезный Алексей Андреич брался рассуждать в письмах *«о добродетели и бессмертии»,* ужасаясь мысли, *что «добродетель между людьми чаще всего служит маскою всех пороков»,* и в то же время *«не верил бессмертию»*. Как можно быть таким противоречивым!

«Если души разрушаются, и следственно состоят из материи, - вразумлял его Батеньков, - *то все естественные их обязанности состоят в том, чтоб иметь протяжение, скважность, делимость, тяготение и проч… Не знаю, куда в етом случае поместить добродетель и что она?*

О бессмертии, независимо ни от какой религии, уверяет нас разум, по крайней мере наше самолюбие, и я из человеческой гордости не хочу утверждать, что штабс-капитанство и кавалерство некоего Крючка составляет всю цель, для которой начал ты свое бытие. Ежели бог ничего более не имеет, чтоб сделать нас соучастниками своего блаженства, то, право, достаточно, ежели мы будем называть его высокопревосходительством и, вместо всех молитв, один раз в месяц пройдем церемониальным шагом мимо невидимого, и приложим правую руку к козырьку кивера…»[14].

Да-а, галиматейные рассуждения могут завести далеко…

Я и то люблю писать,
Чего не примут и в печать.[15]

«Ой, а что ж ничего не едите, - захлопотала хозяйка, - отведайте же хоть что-то еще, прошу вас».

Батеньков любезно поблагодарил и, чтоб не обидеть, придвинул поближе одно из блюд, которое в былые годы, во время похода, могло б насытить артиллерийскую батарею.

Готовить здесь, верно, умеют, в угощениях знают толк, сие несомненно.

Ну, да и только: во всем остальном, включая градостроение, больших заслуг томичи не возымели. Конечно, высказывать вслух подобное мнение Батеньков не стал, но в первый же день отметил, что работ предстоит много. Вопреки существующим правилам, стремления к чистоте и порядку город, увы, не обнаруживал[16].

«Признайтесь, - говорили ему, - вам после столицы наши тесные грязные улочки покажутся страшно убогими. А что делать: каковы городские доходы, так и живем».

Полноте, мысль-то спорная – навести тут порядок можно, во многом, не тратя почти ни копейки, но высказывать нравоучения не в правилах Батенькова. Вот ведь сам же Борковский признавал, между прочим, что «денежные» книги *«ведутся с большою небрежностью»*[17], в собирании податей есть некие сложности, а сама городская казна, можно сказать, доступна каждому вору[18].

«Попробуйте теперь это блюдо, - увещевала хозяйка, – и это, умоляю, не оставьте без внимания».

Городничий Осипов, который, видно, легко поддавался на хлебосольные уговоры, сосредоточенно, молча жевал. И так при этом сопел, так хмурился, будто сердился на чрезмерно обильное угощение. А гласный Баранов вкушал яства, шумно прихлебывая и поминутно восклицая, чем радовал щедрую душу супруги градоначальника.

«Ох, эти куриные крылышки! – радовался он, будто не ел ничего похожего во всю свою жизнь. – Ох, этот чудный холодец! Вы просто мастерица на все руки».

Похвала чуть смутила хозяйку, но напор свой она не убавила.

И городской голова, восседавший на резном табурете словно на троне, был явно доволен, мол, знай наших – мы и не на такое способны.

Батенькову вспомнился такой же довольный, как кот, старичок, который *«взбесил его»* давеча на вечере *«слишком механическим поцелуем прекрасной ручки».* Событие это, вполне заурядное, почему-то так раззадорило, что, вернувшись, он набросал в две минуты стишок.

Когда увижу, что Анете
Случится встретить старика,
И, как уж водится на свете,
Потерпит поцелуй рука
От губ нечувственных, холодных,
Которы пережили жар, -
Всегда я в выраженьях томных
Скажу: пропал небесный дар! [19]

Написал – и отправил бесценному другу Елагину, добавив, что очень бы хотел познакомиться с настоящим поэтом, автором знаменитых элегий и баллад[20].

«Тебе известно, - указал в письме, - *что я люблю словесность и, следственно, прочесть хорошие творения всегда мне приятно, - зачем же прямо не прислать всего того, что Жуковский тебе сообщает? Кстати, я замечаю, что ты близко знаком с этим почтенным земляком твоим; удели и мне*

етой чести…я буду писать к нему, только с условием, чтоб наша переписка не была наполнена сухими учтивостями: лучше не начинать ее, ежели не можно продолжать прямо приятельски»[21].

О да, учтивости не для него: найти родственную душу и вместо дружеских, человеческих отношений довольствоваться сухой перепиской Батеньков не может.

Печально сознавать, что люди, по-настоящему близкие, где-то далеко, а рядом, сытно отдуваясь, сидят те, которым нет до поэзии ни малейшего дела[22]. И, подумав об этом, Батеньков возвращается к мысли сблизиться с автором «Людмилы».

«О, Людмила, грех роптанье;
Скорбь – создателя посланье;
Зла создатель не творит;
Мертвых стон не воскресит». –
«Ах! Родная, миновалось!
Я ль, с надеждой и мольбой,
Пред иконою святой
Не точила слез ручьями?
Нет, бесплодными мольбами
Не признать минувших дней;
Не цвести душе моей…» [23]

III

Батеньков ходит по улицам и вглядывается, наблюдает, по давней привычке, за несуетной и незыблемой, плавно текущей жизнью томичей.

Что говорить, сибиряк и здесь оставался сибиряком. Немного хитрым, но радушным. В меру беспечным, зато трудолюбивым. Любившим хорошо, сытно поесть, и не совсем благочестивым.

Ну, и сам город, ежели не брать во внимание губернский его статус[1], ничего примечательного, в смысле плодов цивилизации, не имел. После блистательных, разумно устроенных и опрятных европейских городов, в коих доводилось бывать во время похода, после Санкт-Петербурга сибирские города оставляли впечатление совершенно гнетущее. Непролазная всюду грязь, почти полное отсутствие планировки и господство того самого стиля, который в народе именовали «кто во что горазд».

Да что Петербург – родной его город, еще не утративший титула столицы Сибири, хоть и устроен был на обычный манер, а всё ж больше располагал к уюту. Томск по части благоустройства, откровенно надо признать, заметно проигрывал: и дороги здесь были грязнее, и уличное убранство незатейливее.

Но общее сходство, тем не менее, внимательный взгляд Гаврилы Степановича подмечал.

Дом старожила тут, как в Тобольске, был небольшим, в несколько комнат, однако же крепким, добротным, сложенным из толстых, на века, бревен, с тесовой крышей. Небольшие окна обрамляли наличники в виде рамки почти без резьбы. Если не считать скромного орнамента в виде зубчиков, пущенных под свесом кровли и кое-где на карнизах наличников, здешние постройки, в большинстве, обходились без украшений[2].

И все же дома радовали глаз, в немудреной их простоте ощущалось присущее сибирякам достоинство.

Красота тут была иного рода, но располагала к себе не хуже затейливых «украшательств». Весь дом, такой основательный, вдумчиво сделанный, казалось, дышал спокойствием, ровным достатком и уверенностью в себе. Впечатление усиливали ворота – прочные, широкие ворота на могучих столбах, которые связывали сверху перекладины с неизменными резными зубцами. На деревянном полотне издали были видны головки кованых гвоздей. Такой дом, было заметно, простоит не одну сотню лет – ежели не пожары да наводнения, от которых Томск бедствовал издавна.

Шутка ли, за последние одиннадцать лет – сорок семь крупных пожаров, и страдали от них не только обывательские дома, но и церкви, общественные здания.

Когда загоралось, из-за плотной, неразумной застройки огонь легко перекидывался на соседние дома и охватывал целые кварталы[3]. Томск, хоть и жили в нем люди небедные, состоятельные, оставался почти сплошь деревянным: на весь город, считай, всего двенадцать каменных зданий, а деревянных домов – без малого полторы тысячи. Проживали там, большей частью, купцы да ремесленники, мастеровые люди, да посадские, кормившиеся от земли[4].

На них, домовладельцев, и возложены были главные тяготы по улучшению улиц.

Прежде благоустройством города ведала полиция, которая следила за выполнением натуральной повинности, но подневольный труд, что говорить, на пользу не шел. Работы велись медленно, как придется, с перерывом на сенокос и прочие всенепременные надобности, и вышло, что за тринадцать лет деревянные мостовые устроены были всего на восьми продольных и восьми поперечных улицах города. Да и те мостовые к появлению Гаврилы Степановича пришли в полную, можно сказать, негодность[5].

«*По главным улицам прорыты кюветы,* - сообщал в рапорте, - *и хотя по проекту моему предполагалось одеть их досками, но никак невозможно было согласить на то жителей, и поистине беднейшие из них не имели способа. Надобно было ограничиться везде плетневой одеждой с покрышкою только деревом, но и тут многие жители не в силах доставить потребный*

материал и, отрабатывая сами, не в силах сохранить нужную правильность и чистоту…»[6].

Не хватало материалов, *«извиняемые бедностью»* жители доставляли их *«мало помалу, весьма медленно»*, а Батеньков, со своей стороны, *«старался только, чтобы труды их и издержки клонились к существенной пользе»*[7], что, впрочем, при всем старании его выходило худо. Хотя домовладельцы улучшали таким способом улицы не где-нибудь там, у чужих зданий, а непосредственно вблизи собственных построек.

Что ж говорить о колодниках, арестантах из городского острога, кои вели работы во всех прочих местах. Мало того, что трудились они, скованные по рукам и ногам, крайне медленно да небрежно, так еще *«не могли работать в день полных часов»* из-за продолжительных задержек со сменой караула и неспешной доставки туда и обратно.

Батеньков нервничал, переживал, но поделать ничего не мог: точно так, с грехом пополам, шли работы при его предшественнике Лукине[8].

Признаться, ожидал что-то подобное, в наставлениях пред отъездом о трудностях говорилось немало, но тут даже слегка растерялся: с чего ж начать при столь явной нехватке денег и сил? Как, какими средствами добиться успеха в деле, представшем, на первый взгляд, едва ли не безысходным?

Неделю-другую Батеньков ходил и обдумывал, вел расспросы, присматривался. А потом достал перо и бумагу и взялся за рапорт о своем понимании предстоящего благоустройства.

Пункты его наметил пока осторожно, с оговорками, сосредоточив внимание на устройстве в Томске капитальных мостовых, по которым выполнил ряд чертежей. Говорить обо всей программе работ молодой инженер посчитал поспешным[9] и, сохраняя репутацию толкового, исполнительного сотрудника, не упустил случая выказать уважение к мнению начальствующих господ.

«Дабы сделать решительное заключение по сим предметом толико важным, не упущу употребить все усилия, - писал Деволанту[10], управляющему путей сообщения, - *и осмелюсь у вашего высокопревосходительства испрашивать нужных наставлений в том, что лучше может руководствовать меняв моих изысканиях и что могу я упустить из виду по малой опытности в том роде службы, к вступлению в которую имел честь быть удостоен и важность которой толико обширны…».*

Доводы Батенькова, его чертежи и планы получили одобрение.

«Сей чиновник, - говорилось в ответном послании, - *обращает должное старание к выполнению своих обязанностей и оправдывает выгодное о нем мнение главного начальства*»[11].

Но начальство далеко, за тысячи верст, полагаться во всем следует на себя самого: свой ум, природную смекалку, свои знания и усердие, коего не занимать…

В конце апреля, спустя месяц после приезда, Батеньков возглавил работы по устройству мостовых из хрящевой насыпи, докладывая о ходе строительства каждые две недели.

На карте города, сделанной губернским землемером Зверевым, одним цветом указал дороги, каковые потребно укрепить, а другим обозначил мостовые, благоустройство которых началось. Получив из столицы одобрение сего плана, Батеньков энергичнее взялся за строительство *«хрящевой насыпи»* – дорог с гравийным покрытием, и мостовых из валежника, дерева и песка, прокладывая по краям дорог облицованные досками кюветы для стока воды и настилая за кюветами деревянные тротуары[12].

Пешеходные дорожки из дерева, как все убедились, служили недолго. Во время пожаров они становились добычей огня и вдобавок не безупречны были в санитарном отношении: под ними постоянно скапливались нечистоты, *«служившие к порче воздуха».*

И все ж такие дорожки были лучше, чем ничего.

Делая мостовую вдоль набережной Ушайки, Батеньков берется за укрепление берегов, размываемых во время весеннего половодья. Берега реки укрепляют ивовыми плетнями, на них насыпают и утрамбовывают привозной грунт[13]. Сии капитальные работы, докладывает Батеньков в Петербург, должно *«свести к земляным стеснительным сооружениям, изобретенным инженером Фабром, коих польза в иностранных землях уже испытана»*[14].

Одновременно Гаврила Степанович переустраивает въезд на Юртошную гору, чрез которую проходит многоверстный почтовый тракт из Тобольска в Иркутск. В месте подъема на гору улучшает профиль дороги, делая въезд более пологим и удобным.

И здесь работы ведут подневольные люди, колодники, которым *«за чищение канав, исправление звоза… и уборку земляных бугров»* платят по 15 копеек в день[15].

Недоставало инструментов, сказывалась нехватка материалов и денег, которые город отпускал понемногу. Посему работы шли медленно, а лето катилось на убыль. Отделку въезда на гору и укрепление берегов Ушайки томичи под надзором инженер-поручика Батенькова вели до конца строительного сезона, до поздней осени 1817 года. Тогда ж появилась новая задача: улучшить главный городской источник, обустроить ключ, питавшей родниковой водою значительную часть губернского центра.

Вот тут-то и возникли первые противоречия с властями, когда Батеньков постиг *«дух уныния», «почувствовал всю силу цепей и узнал, каково жить в отдаленных колониях…»*[16].

IV

Служебные хлопоты занимают всё время. Ни минуты свободной: весь день на ногах, всюду надобно поспеть – там проследить, здесь отдать распоряжение. Одних чертежей и отчетов писано столько, что хватило б на добрую канцелярию.

Голова кругом идет.

Раскрыть бы книгу да, уединившись, почитать спокойно, не торопясь, или побродить лишний раз просто так, без цели, вдоль Томи, чтоб собраться с мыслями. Какой там – ни одно, так другое.

И все же Гаврила Степанович поначалу не теряет расположения духа, он по-прежнему бодр и подвижен, несмотря на ноющие к непогоде раны. Да и отчего, скажите на милость, огорчаться, ежели к тому и стремился, сам рвался к важному делу.

Батеньков молод и жизнелюбив. Образован и начитан, умен и добросердечен. Честолюбив ровно столько, сколь надлежит быть таковым низкородному тобольскому дворянину, имевшему в родне и невежественных мещан, и бедных священников, вся надежда которого – на собственные, природные качества.

Батеньков верит в свой ум, который обеспечит ему то, что другим дают связи. Широта взглядов поможет утвердиться на новом поприще, а принципы, усвоенные в военные годы, позволят снискать уважение.

Всё так... Одно только плохо: решительно не с кем перемолвиться словом.

Внимательно оглядевшись, Батеньков замечает, что здешнее общество проигрывает тобольскому, на всем лежит печать замшелого провинциализма, что наводит уныние.

«Я здесь совершенно один; многие ласкают, но сердце ни к кому не привязывается,– жалуется другу Елагину. – *Судьба даровала мне то щастие, что я по сие время не находил людей, которые бы меня ненавидели; врагов не имею, но есть небольшой кружок друзей; я далеко от них, но ето не препятствует взаимной связи, мы меняемся своими мыслями и забываем обстоятельства и расстояние»*[1].

Молодых земляков, с которыми Батеньков проводил время по приезду в Тобольск, называл он друзьями не потому, что завязал с ними особые, дружеские отношения. Настоящие друзья были там, на войне – Бердяев, Паскевич, Кованька, Андреев, – имена их появляются чуть ли не в каждом письме к Елагину. Но простодушие и искренность тобольского небольшого «кружка» всё ж таки больше по душе, чем холодное внимание томичей.

«Новый круг, в котором я, так сказать, заперт, сильно действует на чувства, – продолжает изливать печаль. – *В каждом слове и поступке нуж-*

на крайняя осторожность, не вижу здесь никого, кому бы мог говорить искренно, и с сожалением вспоминаю о тех приятных днях, которые текли с добрыми товарищами», ценившими дружбу, хорошие отношения и шутку.

Да, *«шутки и здесь употребительны, но они не только близки к насмешкам, а часто клонятся к тому, чтоб, сделавши смешным осмеиваемого, унизить его в глазах тех, от коих зависят почему-нибудь».*

И с жаром восклицает: *«Сохрани бог от таких правил, от такого общества!»*[2].

Чиновничьи нравы везде одинаковы, только прежде сталкиваться с ними так близко не доводилось. Новые знакомые, служащие губернского правления, понравиться не могли, но впечатление от нового круга общения, *«сильно действующего на чувства»,* Гаврила Степанович невольно переносит на всех томичей[3]. И невольно сравнивает военное окружение, которое свежо еще в памяти, с серым чиновничьим миром.

«По сие время, - пишет, - *не мог заметить двух человек гражданского сословия, особенно занимающих места несколько важные… в истинной взаимной дружбе. Они ласкают друг друга, но в то же время видно притворство, и внимательное рассмотрение покажет совершенную вражду, зависть и полную готовность вредить друг другу, - лишь бы иметь какое-либо приобретение»*[4].

Впрочем, дело, ради которого прибыл – важнее всего, а потому и *«в Томске было бы не худо, когда б удалось выполнить свои мечты»,* связанные с инженерной работой. К тому ж и среди чиновников, оказалось, есть люди, с которыми приятно проводить время – ну, вот хотя бы вице-губернатор Михайло Львович Ламанов.

Его славное семейство, где Батеньков нашел теплый прием *«чрез три дня знакомства»,* покорило гостеприимством, добродушием и образованностью. Там *«каждый день хорошее общество; всегда гостят хорошие девушки, и я*, – добавлял молодой инженер, – *не пропускал ни одной свободной минуты, чтоб не разделить с ними»* удовольствие приятного общения[5].

Вот только жаль, что доброе сие знакомство оказалось недолгим: семья господина Ламанова собралась отправиться в Пензу *«и сюда не возвратится».* Батеньков вновь остаётся в «шумном одиночестве» и вновь, развивая привычный эпистолярный жанр, пускается в обсуждения с любезным Елагиным.

Он то бодрится, то откровенно признает свои слабости, говоря: *«Я ослаб теперь и переменился действительно. Мое воображение подобится увеличительному стеклу. Малые достоинства рисует во образе божества; малые неприятности представляет ужасными бедствиями. Одного етого достаточно, чтоб навсегда разлучить меня с покоем, а пустыня, одиночество, удаление от друзей не суть ли новые мои мучители?»*[6].

Куда только делась прежняя бодрость духа?

Вспоминая *«утро жизни, когда душа была непорочна»* и *«одно стремление к приобретению нужных познаний занимало»* его, Батеньков задумывается о будущем – и видит себя «*в вихре сует»,* при котором *«надежды не перестают обманывать».*

От меланхолии спасает работа, хоть и там не всё – увы! – благополучно, да изящная словесность. *«Бываю иногда и стихотворцем,* – признает в июле, в разгар благоустроительных работ. – Почему бы и нет, *«какая нужда откладывать? – не в цензуру, не в руки критиков идут мои строки…»*[7].

В стране Борея, вечно льдистой,
Где нет движенья веществу,
Где магнетизм владеет чистый,
Всё смерти дань, как божеству;
Где солнце полгода сияет;
Но косо падая на льдах,
Луч яркий в радужных цветах
Скользит – и тотчас замерзает[8].

И появляется мысль оставить Сибирь, уехать – неважно куда.

Да разве ж возможно? *«Сибирь мне не нравится,* – пишет Батеньков. – *но я прикован к ней волею матери и не смею подумать о всегдашнем переселении за черту Урала»*[9].

Воля матери, а лучше сказать, просьба состоит в том, чтоб Гаврила Степанович, единственный из оставшихся рядом родных детей[10] был рядом, когда она почувствует дыхание смерти.

«Милой мой! – вновь обращается к Елагину, - *Я привязан к Сибири волею матери, я одну ее имею, и прочее все мне чуждо по крови. Опять от нее удалиться для меня страшно, особливо, когда нужды и болезни не оставляют меня преследовать»*[11].

Но Алексею Андреевичу рассуждения эти не совсем понятны: как так, ежели можно исхлопотать перевод, совершить перемену по службе, которая избавит от нужды и болезней, к чему оставаться? Не лучше ль поступить сообразно доводам разума?

Нет, умный, здравомыслящий Батеньков живет чувствами, принимает решения по велению сердца.

«Какой душеполезный совет подаешь ты мне, любезный друг? – оставить Сибирь… - сетует на Елагина в декабрьском письме. – *Ах, ето всегдашняя мечта моя в минуты огорчения, единственная тогда отрада! Оставить Сибирь – ето самая мучительная мысль в те часы, когда сердце мое добро, чувства согласуются с природою и обманчивые призраки, как сон, исчезают».*

И решительно добавляет: *«Нет, мой милой, мне нелегко оставить Сибирь; ежели я когда-нибудь вынужден буду перешагнуть через Урал с тою*

мыслию, что никогда уже не увижу седые верхи етого исполина, поверь мне, я обольюсь слезами и навсегда расстанусь с добрым покоем»[12].

Такое рассуждение, однако, не могло удовлетворить Алексея Андреевича, который *«простые чувства привык считать странными»*, и Батеньков объясняет:

«Родимая сторона образует наши привычки, склонности и образ мыслей; каждый предмет нам что-нибудь напоминает. Неужели не почесть мне священным то место, где в первый раз осмелился я коснуться к трепещущим грудям милой… Нет, ето место Иерусалим мой, я всегда там на поклонении и, может быть, нигде не благодарю творца вселенной так усердно и искренно»[13].

Иерусалим…

Выходит, дело не только в воле слабеющей матери – привязанность к краю, где вырос, объясняется и другими причинами. Да, сии чувства мешают карьере, служить в Сибири Батеньков никому не желает, *«но жить в ней согласен до последнего издыхания».*

Вот где мучительное противоречие, кое тяготит и, видать, тяготить будет долгие годы, вот где причина тревог, когда реализовать себя в деле, чаще всего, невозможно, сохраняя верность «духовному Иерусалиму».

Совместить полезное и доброе не удается почти никогда.

«Я, видно, родился для того, чтоб терпеть, живу редко так, как хочу, и мало имею способов угождать себе»[14], - признает Гаврила Степанович. Жить в «родимой стороне», что само по себе счастье, горестно в окружении пошлости и ожесточения сердец.

«Кругом пустота, кругом льды: и в мертвой природе, и в самих сердцах», - жалуется, - здесь *«способности и воображение тупеют»* и кажется, еще немного – и *«чувства сердечные потеряют свою пылкость… оледенеют так же, как и мозг»*[15], а это страшнее всего.

И все же он гонит хандру, не позволяет себе пасть духом.

Пишет стихи и читает, переводит с французского «Древность, открываемую чрез обычаи и обряды», сочинение Буланжера, хотя *«по множеству занятий мало на то имеет времени».* Просит друга выслать «Теорию аналитических функций» Лагражана, «Анализ геометрический» Монжа и «Гидравлическую архитектуру» Прони[16].

Книги могут успокоить, дают возможность сохранить душевное равновесие, но сделать это всё сложнее: теперь уж не только служебные дела и отношения занимают его, но и сердечное увлечение. Тобольская знакомая, вскружившая голову незадолго до отбытия в Томск, оказалась *«игрушкой воображения».*

Разлад, казалось, ничто не предвещало, но «*комендант всех чувств»*, «*называемая милою»*, дала вдруг понять, что охладела. Увы, дружба сильнее любви, философски заключает Батеньков, над которым *«слепой божок изволил пошутить»*[17].

Он смотрится в зеркало и вздыхает: ему ли влюбляться?

Но сердце остается незанятым мало: скоро Гаврила Степанович встретит ту, с которой захочет соединить свою жизнь. Потеряв мать, он в ту же пору обретет любимую женщину – и встретит ответное чувство.

Да только радость встреч будет недолгой.

V

Меж тем работы по благоустройству губернского центра шли своим чередом.

Батеньков многое успел и многим делам, не им начатым, придал завершение, проводя дни в трудах и заботах. Но чем больше успевал, тем отчетливей видел, что работы остается – непочатый край, ибо город только сейчас, спустя два века после основания, начал приводить себя в божеский вид, становился чище, удобнее, просторнее.

Только, право же, слишком медленно, словно нехотя.

«*Проделав опыт расчистки наносной земли и нечистот в той низине… которая была покрыта водой, составлявшей как бы небольшое озеро»*[1], Батеньков вознамерился устроить здесь бассейн для противопожарных и прочих надобностей.

Сделать это было не так уж и сложно: требовалось расчистить ключи у подножия Воскресенской горы и провести по ним воду с помощью деревянных труб. Жители окрестных домов пользовались озером с давних времен, однако не слишком заботились о поддержании чистоты.

«Место сие по неуважению жителей весьма засорено… – отмечает Гаврила Степанович в рапорте путейскому начальству, – *нечистоты имеют туда заметный сток»*[2].

А когда берега озера расчистили, увидели, что и здесь имеются подземные источники, стало быть, строить водопровод нет необходимости. Достаточно вернуть в *«природное»* состояние один из родников, самый крупный, и благоустроить его по правилам строительной науки.

Выгода для города получалась очевидная, и не только в деньгах – городской голова Федор Борковский, безусловно, согласился.

Осмотрев с ним родник, Батеньков в июле 1817 года ставит в известность губернатора, на что тот, признавая доводы обоснованными, отдает распоряжение, *«дабы не упустить удобного времени к работе, драгоценного по кратковременности лета…»,* заняться *«начальным приуготовлением»*[3].

Так и поступили.

Благоустройство ключа свелось к тому, что рабочие соорудили здесь плотный сруб из шпунтованных свай, для забивки коих изготовили специальный копёр. Делать это надлежало, сообразуясь с мнением начальства, что

Батеньков добросовестно исполнял. Но переписка с Советом путей сообщения, по дальности расстояния, выходила томительно долгой, а местная гражданская власть принимала в расчет свои лишь соображения.

Двойственное положение, в коем оказался сотрудник X округа, командированный в Томск, таило угрозу столкновения. А нерешительность Деволанта, директора путей сообщения, которая принималась за недоверие к Батенькову, и непомерное властолюбие Илличевского, не терпевшего, дабы кто-то действовал по чужим наставлениям, сделали конфликт неизбежным.

Из Петербурга ответили, что Батенькову надлежит *«держаться только проектов, уже составленных и утвержденных»*, а не *«проводить в действо»* собственные мысли. Но уж если, по *«настоятельным требованиям губернатора»,* он взялся за порученное дело, так пусть его и заканчивает, причем *«само собой разумеется, что за последствия по работам, производимым без одобрения главного управления, оное ответствовать не может».* А на будущее надлежит держаться установленного порядка и не приступать к исполнению проектов без утверждения высшего начальства, *«исключая работ экстренных и времени нимало не терпящих»*[4].

Вынужденное своеволие вызвало, впрочем, не гнев, а лишь отповедь: Батеньков успел показать себя в начальственных глазах предельно исполнительным и толковым инженером. К тому же инженерные его решения, было признано*, «сколько уразуметь можно… действительно необходимы и для прочности сооружения никаких невыгодных видов не представляют»*[5].

Работы велись около трех месяцев, и завершены были к концу сентября, а 1 октября 1817 года *«при собрании целого общества и в присутствии господина губернатора вода была освящена».*

Отвечая на запрос Главного директора путей сообщения, Гаврила Ст6панович сообщает, что количество ключевой воды благодаря его вмешательству увеличено вдвое, новое направление стока лишней воды *«совершенно удовлетворило ожидание»*, а *«обращенное прежде в болото место обсохло и начало обстраиваться»*[6].

Тем временем полковник Риддер, возглавлявший Сибирский округ путей сообщения, добился разрешения на отпуск[7]. И управление округом, за неимением других представителей инженерной бригады, командированных кто куда, поручили взять на себя инженеру III класса Батенькову. К тому ж он и сам просился на время в Тобольск, поскольку *«работы зимою в Томске вестись не будут»*[8].

Что означало перенять управление округом? Взять под ответственность окружную казну, возглавить текущие дела, *«войти в сношения»* с чиновниками канцелярии и членами воинской команды. Для чего надлежало немедленно выехать в Тобольск.

В конце декабря Гаврила Степанович получил таковое предписание и стал готовиться в дорогу[9], передав дела губернскому архитектору Дееву[10].

А сделано было за десять месяцев действительно немало.

Городская дума отмечала: под руководством инженер-поручика господина Батенькова в 1817 году *«производилось устроение водяного ключа, бассейна, левого берега речки Ушайки, мостика чрез Исток, на Юртошную гору звоза и чрез речку Ушайку нового моста»*[11], забыв упомянуть еще и строительство мостовых.

И по всем этим работам, ежели и случались затруднения, так только по вине городской думы, отвечавшей за хозяйственное ведение дел. Причем губернатор, улаживая недоразумения, становился неизменно на сторону Батенькова, поскольку и сам сталкивался с нерадивостью думы.

Перед отъездом инженера он представил аттестат, где указал, что Батеньков *«производил… устроение мостовых и публичных площадей усыпкою оных дресвою и осушением канавами с кюветами, отделкой набережной по речке Ушайке, начатием укрепления берега оной от подмытия водою, прожектированием к построению через ту же речку Ушайку предполагаемого нового каменного большого моста, отделкою одного из главнейших в городе вытекающего из горы водяного ключа с бассейном… расширив между тем спуск горы при въезде в город, и распорядил построение по его же прожекту чрез речку Ушайку по совершенной ветхости старого моста нового небольшого простой конструкции, которое получил уже начальное свое основание с желаемым успехом»*[12].

Перечисление дел завершалось похвалой: Гаврила Степанович, было указано, *«в короткое время… показал на пользу города Томска довольно успеха усердным своим старанием, деятельными всегда занятиями и искусством»*[13].

Получив аттестат, Батеньков сообщил полковнику Риддеру, что сего дня, 3 января 1818 года, отправляется в Тобольск.

«Здесь теперь посадили меня на воеводство, – пишет Елагину из Тобольска. – *Знай, что ты в лице знаменитого книжника кагала, должен теперь уважить еще господина управляющего X округом путей сообщения. Так, я калиф, и не на час, а на целые 4 месяца, может быть и более».*

И, приободренный начальством, добавляет: «*Уже более года, как я живу в Сибири… и теперь начинаю думать, что здесь основать можно всегдашнее свое пребывание»*[14].

Новая должность, пусть временная, отвлекла от привычных забот, добавила уверенности в себе. Батеньков словно бы вырос в собственных глазах, даже вспомнил о неполученной награде, *«серебряной медали в память о 1812 годе»*, и просит выслать её полковника Ульриха, бывшего своего командира[15].

В конце января состоялась передача дел.

Батеньков принял денежную кассу[16] и казенное имущество: три астролябии со штативом, готовальни с принадлежностями, столы и стулья, чернильницы, медные подсвечники и стальная печать X округа путей сообще-

ния. Из железных вещей указаны были мелкий хозяйственный инвентарь да пара старых подсвечников.

Некоторые вещи, за кои надлежало расписаться, находились при Иркутском губернском правительстве, ведь деятельность округа распространялась на Восточную Сибирь: барометр в деревянной оправе и термометр, восемь готовален, *«астролябия с ватерпасом и трубою в футляре со штативом»,* а также *«магнитная астролябическая игла, именуемая компасом, и пантограф в футляре».* Пришлось принять под свою ответственность и эти инструменты.

Архив округа состоял из множества дел, копившихся на протяжении семи лет. Там же, на полках, вместе с пыльными отчетами хранились указы Правительствующего Сената, распоряжения собственного инженерного ведомства. Всё это бумажное хозяйство Гаврила Степанович внимательно осмотрел, подумав, что будет, чем поживиться огню, коли что. Однако вникать в старые отчеты не стал, не было времени.

Зато книги и карты, хранящиеся там же, изучил с большим любопытством[17].

VI

Только здесь, в отчем доме, он почувствовал, как устал. И пробыл-то в Томске всего ничего, меньше года, а мнится, будто провел тут полжизни. Так был насыщен делами и хлопотами сей малый кусок жизни, столько всего довелось обдумать и пережить.

«Мне кажется, я уже состарился, - жалуется Елагину, - *кажется, поздно гоняться за пустяками, кажется, пора уже искать покой и выкинуть из головы мечты, которые беспрестанно меня обманывали лестным обещанием лучшего щастия»*[1].

Действительность оказалась иной, чем думал, поступая на службу в путейное ведомство, прежние представления растаяли, как дым. Постоянство, оказывается, *«непоколебимо только в привязанности к друзьям»,* за всё остальное ручаться нельзя.

Всюду ханжество, лесть, корыстолюбие. И ежели ты не такой, смеешь жить «не по правилам», общество тебя не примет. Будет смотреть на тебя, как на чудака, насмешливо и отстраненно.

Но Батеньков недоволен и собой, ему кажется, будто мало успел сделать в Томске.

Похвала губернатора говорит о другом – и пусть, своего мнения он не оставит, ведь знает, для чего пишут чиновничьи бумаги. Своя оценка важней, нежели добрый отзыв властей. Ведь не довел до конца главную свою работу. Уехал, не достроив мост – новый прочный, капитальный мост чрез

Ушайку, история которого позже легла в основу разбирательств, столкновений, выпадов[2].

Ещё первые грозовые раскаты не успели прогреметь над его головой, ещё вроде бы всё хорошо, а ощущение приближающейся бури живет уже в чутком, ранимом, беспокойном сердце…

История с мостом поучительна.

Мысль о строительстве нового моста, который *«давал сообщение частям города»* и обеспечивал транзитный путь на Иркутск, возникла за три года до приезда Батенькова. Такое решение появилось после того, как томичи убедились в невозможности *«поправки»* старого ветхого сооружения

Первым обратил внимание на *«крайнюю ветхость моста»* городской голова Федор Борковский. *«Со вступления в должность»,* - сообщил в думу, - заметил он необходимость укрепления берегов Ушайки и моста, для чего потребовал заготовить *«немалое количество лесу»*[3].

Градоначальника поддержал губернатор, который распорядился *«составить смету к починке»*. На исполнение предписания Илличевский дал пять дней, добавив, что позже, ежели оно не будет выполнено, *«прикажет начать поправку ушайкинского моста»* за счет работников думы[4].

Из их собственного, то есть, кармана.

Сие возымело действие. В тот же день городничий Бутыркин и губернский архитектор Раевский[5] вызваны были в думу и приступили к составлению сметы. На это ушло больше десяти дней: *«примерное исчисление»* того, что *«потребно на поправление ветхого здешнего ушаешного моста»* подготовили к 3 сентября.

Сумма оказалась не очень большой, из городского бюджета следовало выделить 664 рубля, и все же губернатор приказал, чтобы дума *«производила поправку моста сколь можно поспешнее и с большею бережливостию суммы против сметы»*[6]. Торопиться следовало из опасения, что старый мост не выдержит очередного половодья и от напора льда будет разрушен.

Но задача не была решена, работы шли медленно, и уложиться в смету дума не смогла.

Должного радения гласные думы не выказывали, их постоянно требовалось торопить и подталкивать. Не на высоте оказался и губернский архитектор. Недостатки в его проекте видны были настолько, что собравшиеся на осмотр моста члены думы и «*лучшие люди от купечества и мещанства»* сами вносили поправки в планы работ, а архитектор Раевский, *«приехавши к мосту и смотря разобранный обруб, не объясня своих мыслей и расположений, уехал…»*[7].

Сказывалась и нехватка рабочих рук, хотя городская полиция с первых дней *«распорядилась отрядить на работу людей из числа содержащихся в тюремном остроге… подсудимых и пересыльных колодников»*[8].

Не удивительно, что к весне будущего года работы по ремонту моста не были завершены, требовала продолжения и *«поправка обруба»* у берегов ре-

ки. А по отчету, который представил гласный думы Михайло Клестов, выходило, что город выделил на эти цели уже 1896 рублей 43 с половиной копейки.

Но главное, расходы оказались напрасны. Даже в обновленном, исправленном виде мост чрез Ушайку просуществовал недолго. И ко времени, когда город получил нового инженера, необходимость строительства прочного, капитального моста уж не вызывала сомнений…

В сентябре 1817 года губернатор, обращаясь в городскую думу, заметил, что *«стоящий чрез Ушайку деревянный мост не только по наружному его виду от разных обветшалостей требует поправления, но и снизу оного делаемое… в прошедшем году укрепление»* надо *«усовершить и привесть в прочность»,* дабы *«не делал он никакой опасности».*

И следом добавил, что пока не получено из Петербурга разрешение на постройку нового моста, он *«поручил господину инженер-поручику Батенькову с землемером и архитектором осмотреть и положить, что нужно от градской думы к приведению в надлежащую безопасность»* старого[9].

Отношения с губернатором и представителями городского управления у Батенькова сложились поначалу неплохие. Умный, образованный, знающий дело инженер заметно выделялся в окружении местных чиновников. Не было к нему претензий и у начальства по службе, хотя необходимость согласовывать каждый свой шаг, ожидая благосклонного разрешения из Петербурга, Батенькова, конечно, тяготила. Но в то же время он сознавал, что такая необходимость при недостатке грамотных специалистов была, в какой-то мере, оправдана и принимал опеку, как должное[10].

«*Вся моя служба… ещё в самом начале,* - писал он Елагину в эту пору, - *Мне предстоит укрепление берега, постройка большого каменного или чугунного моста… Прожектер и исполнитель соединены в лице моем, я мало подчинен местному начальству и пользуюсь большою свободой в выборе занятий*». И не без гордости указывал, что проекты его получили весьма лестный отзыв, и что *«доказывают они знание и прилежание и убеждают начальство в самом выгодном»* о нем мнении[11].

А месяцем раньше Батеньков писал о своем *«предположении на постройку здесь большого железного моста»,* что совпадало с мнением томской губернской администрации.

Однако проект отклонен был на том, видно, основании, что сооружение сего моста требовало чрезмерно больших ассигнований.

Вынужденный исполнять приказания губернатора без предварительного одобрения непосредственного начальства, Батеньков поставлен был в сложные условия. Тем более, что *«входить в хозяйственную сторону»* при составлении сметы ему не полагалось, вопросами этими ведала городская дума, а документы требовали точных расчетов.

И здесь он впервые столкнулся с нерадивостью представителей городского управления: сведения о ценах на строительные материалы и провоз

груза, о наличии *«знающих дело мастеровых и чернорабочих»*, несмотря на распоряжение губернатора, были представлены ему с большим опозданием.

В октябре 1817 года, *«осмотрев с землемером Зверевым и губернским архитектором Деевым»* старый мост, Гаврила Степанович нашел *«удобнее и полезнее в другом месте против самого магистрата построить новый простой конструкции»* всего за 3000 рублей[12]. И, получив одобрение Его Превосходительства, взялся за работу.

Рапорты Батенькова той поры встречали понимание Совета путей сообщения[13]. Переписка с Петербургом привела к тому, что молодой инженер получил разрешение делать *«прочное устройство моста»* под свою ответственность и по собственному проекту, хотя в нём усмотрены были определенные недостатки[14]. Но, давая Батенькову разрешение, управляющий путей сообщения Деволант счел нужным уведомить о кажущихся ему недостатках проекта Сибирского генерал-губернатора Пестеля.

Обеспокоенный отзыв того, в свою очередь, послужил началом пристрастного отношения к Батенькову томских властей. Хотя первый вариант проекта, наверное, имел какие-то недочеты[15]...

И всё-таки, как бы там ни было, работы по строительству нового моста шли обычным порядком.

Место у реки против городского магистрата по требованию губернатора без промедления было очищено, началась закупка материалов. В обиде на не вполне справедливые высказывания управляющего путей сообщения Батеньков порывался, было, подать в отставку, но *«начальство здешнее… самым лучшим расположением заставило отказаться»*[16] от этого намерения.

В декабре 1817 года рапортом в думу он извещает, что среди томских рабочих есть желающие взять на подряд деревянную обшивку моста, и просит поднять плату всем, кто участвует в работах, *«по суровому времени года»*. И высказывает доводы, как лучше производить оплату для скорейшего завершения работ. Сделать распоряжение Батеньков просит городскую думу, поскольку *«всё сие составляет часть хозяйственную»,* добавив, что приводит мнение *«единственно для того, чтоб сообщить свои мысли о средствах к удобнейшему и скорейшему производству начатой работы»*[17].

Оба предложения остались без внимания.

В конце года, получив предписание вернуться в Тобольск, Батеньков передает дела архитектору Дееву. Не прошло двух недель, как тот пишет в думу тревожный рапорт, просит *«чрез гласного Степанова о подводе леса, камня, веревок и разных инструментов»,* причем сообщает, что инструмент нужно требовать от гласного Аркашева, *«коего на работе никогда не бывает»*. А ежели, указывает, сии задержки будут и впредь, *«мост до вскрытия реки не токмо не будет окончен, но даже не укреплен надлежащим образом, и, значит, неминуемо будет подвержен повреждениям» от предстоящего паводка»*[18].

Обратиться в думу с подобным заявлением Батеньков, конечно, не мог, хотя это не помешало навлечь немилость городских властей. Особенно после истории с арестантской одеждой, где Гаврила Степанович показал себя человеком, коему не чужда «милость к падшим».

На городских работах использовался труд колодников из острога. Их полагалось снабжать инструментом и одеждой, но только на время работы, имущество следовало вернуть по первому требованию.

В декабре 1817 года гласный Степанов обратился в думу с жалобой на Батенькова. Сообщил, что колоднику Лебедеву выданы сукно, бродни[19] и рукавицы на 20 рублей 70 копеек. *«Но ныне узнал я, что означенный колодник за преступления наказан и следует в отправку в Иркутскую губернию,* - писал гласный. – *Посему я сходил к господину инженер-поручику Батенькову и просил его с того Лебедева… одежду отобрать и мне выдать… На что господин инженер и кавалер Батеньков уверил меня, что та одежда с Лебедева отобрана будет и в думу доставлена».*

И сомневаясь, как видно не без причины, что Батеньков это сделает, гласный приписал: *«А будет ли то исполнено или нет, я знать не могу»*[20].

Осенью в письме к другу Батеньков приводил рассказ о *«нещастном, который имел некогда надежды и наслаждения».* Сообщил о гвардейском капитане, *«ценившем дорого свою честь и смертию дерзкого своего сослуживца отомстившем нанесенную обиду»*. Закованный в кандалы, тот оказался в Томске и вместе с другими колодниками привлечен был к строительным работам, но только на время: арестанта препровождали в Нерчинск.

«Можешь представить, какое имело его влияние на мое сердце… - сообщал Батеньков, - *я постарался утешить его, по крайней мере, ласкою и состраданием»*[21].

В судьбе бывшего офицера, *«человека скованного… но с благородным видом»* Гаврила Степанович принял живое участие, *«возбудил сострадание»* к нему общества. Написал даже в Нерчинск, *«главному тамошнему начальнику»* с просьбой *«облегчить его участь».*

Что это было, эмоциональный порыв или твердая установка воздать каждому по справедливости?

В другом письме Батеньков рассуждает о *«здешнем наилучшем мире»,* где *«истинно добрые страдают, а злодеи и клятвопреступники наслаждаются»*[22]. Да только стремление помогать «истинно добрым» не всегда находило поддержку. Так вышло в случае с одеждой, оставленной колоднику Лебедеву, о котором, видно, и говорилось в письме.

Исполнить предписание думы Батеньков не спешил, и на него поступила новая жалоба. *«Дабы колодник Лебедев не мог тою одеждой воспользоваться навсегда»,* значилось в бумаге, нужно *«сообщить господину Батенькову и просить, дабы благоволил снять оную одежду с Лебедева и прислать в думу»*[23].

Через несколько дней, 2 января 1818 года, дума решила еще раз обратиться к. Батенькову с той же просьбой, *«поелику одежды по сие время не доставлено»* и *«дабы тот Лебедев не был отсюда выслан на поселение… и не мог той одеждой воспользоваться навсегда»*[24].

Батеньков отказался выполнить это решение, советуя обратиться в городскую полицию. Но в ответ на ее требование Лебедев, работавший на берегу Ушайки, ответил, что одежда изношена, а *«зипун и бродни удержаны из следующей платы оною думою».* Завязалась переписка, и тут выяснилось, что колоднику сему платили вдвое больше, чем остальным. Плотники получали на строительстве по 20 копеек в день, а Лебедеву выдавали 40-копеечную плату.

И отправили его не в Нерчинск, а ближе, в Боготольский винокуренный завод Томской губернии. Тоже, надо полагать, не без участия Батенькова.

Одежду с колодника дума, впрочем, так и не получила – впредь условились брать деньги за казенную одежду своевременно. А в феврале 1818 года гласный Степанов сообщил в думу, что *«плотники из колодников, работавшие на постройке нового моста… которые ныне при работе не находятся и последуют из города в отсылку»* вновь *«получили по записке инженер-поручика Батенькова одежду»* на 47 рублей 90 копеек[25].

Гаврила Степанович в ту пору, приняв управление округом, находился в Тобольске. Адресовать туда просьбы дума не стала, и история с казенной одеждой на том завершилась. Но укрепить его отношения с городской властью она, ясно, не могла: государственному служащему, каким был Батеньков, вести себя так не полагалось. А он, со своей стороны, не мог принять мир, где *«живут в казнь за преступление»,* имя того края *«как свист бича, устрашает»*[26] …

VII

За окном – ночная темнота и лютая стужа.

И тишина, какая была при сотворении мира. Лишь слышно, как потрескивают временами свечи, очерчивая светлый круг на столе, сплошь заваленном бумагами.

В такие часы приятно творить, предаваясь мечтам и настраивая душу на высокое. Образы рождаются легко, вдохновенные строки бегут из-под пера, словно бы кто-то водит рукою.

Батеньков пишет, зачеркивает, правит. Комкает в сердцах исписанный лист, бросает в корзину. Берет чистый – и снова водит пером:

Чтоб царь земли прошел спокойно
По всем владениям своим,
Велишь горам, чтобы покорно

Челом ударили пред ним.
Края ты бездны съединяешь,
С громами тучи отгоняешь,
Корабль над кораблем ведешь.
Река рвет лед и берег зыбкий, -
Ты, приподняв поток сей гибкий,
Царя под ним пройти зовешь…[1].

Поутру, бегло прочитав написанное, запечатывает с письмом в конверт и идет на почту, чтобы отправить в Белевский уезд Тульской губернии другу Елагину. *«Посылаю тебе стихи моей фабрики,* - прячет за шуткой смущение, - *не смей строго критиковать военно-походного поэта»*[2].

Но ответных посланий не получал уж давно – Алексей Андреич молчит. Что ж, как его осудить? Он не испытывает одиночества, окружен близкими, любящими его людьми, и лишен необходимости служить, гнаться за куском хлеба. Не сталкивается с обманом и грубостью, не видит подлость и черствость. Ему трудно понять, как важны его письма затерянному в холодных сибирских просторах одинокому Книжнику[3].

И прежде, появившись в Тобольске, Гаврила Степанович держался со всеми приветливо-ровных отношений, не спешил сходиться с сослуживцами. Теперь подавно, возглавив округ и поднявшись вдруг сразу на несколько ступеней, он должен сохранять дистанцию: пусть не на час, а все жё калиф! Что не мешает, впрочем, присматриваться к окружающим. К тому же вникать в их службу предписывают должностные обязанности.

Приняв дела по округу, Батеньков знакомится с «Ведомостью о состоянии команды», послужными списками. И выясняет, что вместо пятнадцати человек, коим надлежит быть по штату, господ офицеров и чиновников в Х округе путей сообщения вдвое меньше. Среди них инженер I класса, Филипп Филиппович Риддер, да четыре инженера III класса. Но управляющий в отпуске, а ближайшие сотрудники его служат, кто где: один безотлучно пребывает в столице, находится при Главном управлении путей сообщения, другой откомандирован во второй округ. Ещё два инженера, числившись в команде Риддера, состоят, на самом деле, в свите Сибирского генерал-губернатора[4].

Ну, и с кем, скажите на милость, выполнять предписания?[5]

В мастерской бригаде – того меньше: здесь, согласно ведомости, всего шесть человек: унтер-офицер и пять рядовых, а положено иметь по штату тридцать пять, не меньше.

Хорошо хоть канцелярия округа почти в полном составе, там не хватает всего двух человек. Возглавляет её губернский секретарь Иван Васильевич Филимонов, человек преклонных лет и отягощенный недугами, а в помощниках у него – канцелярист Евгений Петрович Попов, исполнительный, но недалекий малый. Здесь же служат Константин Сергеевич Чернов[6] и Иван

Ильич Чуйкин, оба в чине губернского секретаря, а также коллежский секретарь Михаил Семенович Харкевич да титулярный советник Иван Тихонович Куткин[7].

Вот и все чиновники округа.

Иные из них годятся в отцы, вдвое старше молодого – нет и двадцати пяти лет – Батенькова, а туда же, непременно хотят выказать почтение новому начальнику. Как-нибудь угодить, обратить на себя внимание: глядишь, и замолвит, где надо, словечко. А там, может, недалеко до прибавки жалования – хорошо бы, конечно, уж больно низко. Все разговоры только об этом: кому сколько платят, да как дорога нынче жизнь, да каковы виды на продвижение по службе…

Тоска и только!

По случаю зимы в делах службы наступило затишье, но бумажной работы мало убавилось. Батенькову, уж точно, скучать не приходится: зная, что предстоит вернуться к томским проектам, завершать начатое строительство, все дни он проводит за рабочим столом. Готовит чертежи, рисует эскизы, выполняет расчеты, хотя *«проклятая рука»,* вспомнившая раны, бывает, «*ни вверх, ни вниз не изволит тронуться».*

В такое время откладывает бумаги, которые вовсе не в тягость, а напротив, составляют приятное, *«любимое отдохновенье»,* и берется переводить Буланжера. Умный француз знает, о чем пишет, книга сия *«доставляет столько новых идей, что весь сонм педантов в париках во всю жизнь возбудить такого множества не в силах»*[8].

А почему? Да потому что здесь удивительным образом сошлись наука и вера, причем одно не противоречит другому, а дополняет, образуя стройное, упорядоченное толкование мира. Ибо наука в её стремлении к истине, думает Батеньков, неизбежно приходит к признанию Творца – точно так же, как богословие, свободное от церковных догматов, чуждое схоластике, не пытается отрицать научные достижения, а использует их в рассуждениях.

Скажем, *«унылый дух, который вообще почти господствует в человеке»,* по Буланжеру, невозможно рассматривать вне связи с библейским потопом – *«важным переворотом, случившимся на земле»* тысячелетия назад, который *«произвел столь сильные впечатления ужаса и горести над плачевным остатком рода нашего».* Возможно, здесь коренится причина тех страхов, которые *«делают человека нещастнее всех творений земных»*[9].

Эти мысли так занимают Гаврилу Степановича, что он решает в каждом письме *«помещать всегда одну статью такого рода»* – и хотел бы получать от Алексея Андреича то же самое. Готов сообщать свои мысли и чувства не только *«просвещенному другу»,* но также почтенной его супруге, хотя… «*не забывая пол»* её, думает, не лучше ли *«сделать услугу другого рода»*: отправить *«узоры для платьев, колье и других надобностей»*[10].

Но это не означает, что Батеньков недооценивает ум и способности Авдотьи Петровны – он сам просит друга прочесть ей *«галиматейное»* свое письмо, а после, собравшись с духом, пишет и ей самой.

«Я пишу к вам, сударыня, - начал издалека, – *как к давнишнему другу, которого люблю всей душою и почитаю столько, сколько человеку человека почитать можно, хотя бы и грешил в етом случае против первой заповеди»*[11]. Обращаться к другу жены в таком тоне не принято, но ничего худого Алексей Андреич тут и помыслить не может. Даже не потому, что супругу его тобольский затворник в глаза не видел, значит, любить всей душою может только по-дружески.

Но иного от Батенькова, в любом случае, и ожидать невозможно: так он чист и прямодушен. Не говоря о том, что начать переписку с Авдотьей Петровной предложил ему сам Елагин.

Да, помилуйте, можно ль усомниться в его искренности?

«Знаю вас, как женщину редкую и превосходную, - продолжает он, - *знаю, как друга моего сердца, знаю, как существо, необходимое для щастья друга и моего собственного и, к удивлению, зная все это, имею еще нещастие останавливаться при мысли писать к вам. Вот следствие человеческой ограниченности, вот доказательство необходимости личного знакомства… Буду искать случая увидеть благополучие семейства, которое для меня всё составляет»*[12].

Уж так устремлены туда мысли, что, кажется, готов пуститься в дорогу пешком, с котомкой за плечами. Ведь и тут людей кругом много: богатые и бедные, умные и недалекие, образованные и темные, а встретить родственную душу по-настоящему трудно. Не хуже, чем в Томске.

«Жалуюсь тебе на недостаток общества, - сообщает в письме Гаврила Степанович, - *но не могу тебе сказать, чтоб никого здесь не было. Лучшего и ближайшего друга имею я в лице здешнего председателя Коллета… Может быть, как-нибудь вы встретитесь, и ты будешь иметь случай узнать ученого, доброго моего друга»*[13].

Да, с Коллетом[14] приятно общаться, слов нет: начитан, умен, добродушен. И всё же недостаток общества ощутим[15].

Настала масленица, Батеньков участвует в веселье, катании на лошадях, но и тут остаётся верен себе: настроенный на философский лад, размышляет о том, *«прочно ли подкованы салазки»* его счастья. Сумеет ли удержаться *«на сколькой горе жизни»* и опередить других, когда *«руки голы, карманы холодны и нет горячей груди, около которой мог бы согреваться»*[16].

А тут и великий пост наступил: Батеньков поздравляет с ним друга и сетует, что три недели от него, буквально, ни строчки. Но сетует так, между делом, голова занята другим. Гаврила Степанович думает о многих вещах, обсудить которые не с кем. И он хотел бы, не прерывая *«искреннего и дружеского обмена чувств»*, начать, в некотором роде, *«классическую перепис-*

ку», то есть обсуждать, как было принято у древних мыслителей, предметы возвышенные и сложные, достойные пытливого ума.

Ну, вот хотя бы, для начала, благонамеренность: хорошо это или плохо? *«Следуя обычаям времени и страны своей и исполняя во всей точности, без прекословий и умствований, уставы их, человек бывает благополучен, а следовательно, ближе к праву называться мудрым»,* - думает Батеньков.

Мысль, конечно, не оригинальна, но, высказывая ее, молодой идеалист наблюдает обратное: именно несоблюдение законов везде, особенно в Сибири, обеспечивает человеку благополучие и право называться мудрым. Так, может, *«слепое доверие уставам и обычаям времени и страны своей налагает на человека узы предрассудка»,* может, *«лишает его истинной душевной свободы и… приближает к роду бессмысленных»*? – вот над чем предлагает подумать Елагину[17].

Но за отвлеченным, хоть и полезным умствованием, за напряженными «духовными упражнениями» Батеньков не забывает о работе. *«На нынешней почте,* - добавляет, - *отправляю к Деволанту последние груды бумаг и чертежей по томским работам – и становлюсь самодержавным владыкою всего моего времени»*[18].

А в следующем тобольском письме впервые за несколько месяцев с беспокойством говорит о незавершенном томском мосте, который достраивал Деев.

«По полученным сведениям, продолжающий оные <неоконченные работы> далеко отступил от моих предположений и, по видимому, всё подвергается большой опасности в весенний разлив воды». И завершает: *«За полторы тысячи верст на бумаге только и должно действовать; можешь вообразить, как трудно таким образом быть строителем»*[19].

Батеньков не знает, что скоро снова окажется в Томске: незримое Колесо Фортуны катит себе, вершит свой причудливый путь. Он не ведает, что вынужденный отъезд его вызвал гнев всесильного Пестеля: да как посмели решить такое без его, генерал-губернатора, ведома!

Из Петербурга пишут, требуя возвращаться, прихватив кого-нибудь из чиновников округа. *«Самонужнейшие дела»* советуют Батенькову взять с собою, а остальные оставить в запечатанном виде до возвращения полковника Риддера. В начале апреля, за дальностью расстояния, депеша достигает Тобольска. И снова, спешно простившись с родными, Гаврила Степанович отправляется в путь.

«Поручение должности окружного начальника, - вспоминал он позже в письме, - *обещало уже мне долговременное здесь пребывание, а я ничего и не желал более. Однако ж через три месяца должен был опять ехать… Сильно настояли о возвращении меня, начальство наше согласилось – и я в двух лицах: окружного начальника и инженера-производителя работ, прибыл в Томск. Первые дни были хороши, по-прежнему. Но вскоре начался период явного моего бедствия…»*[20].

В Томске Батеньков оказался 12 апреля. И через короткое время предстал перед губернатором Илличевским, настроение которого за это время совершенно переменилось.

VIII

Книги, вот кто помогает в трудную минуту. Они и утешат, и отвлекут, и дадут дельный совет. Они, как истинные друзья, всегда рядом и готовы оказать поддержку без всяких просьб.

Но, как говаривал в шутку или всерьез добрый старый приятель Паскевич, ежели хочешь обрести душевный покой, откажись от чтения немедля, сию же минуту – и навсегда.

Мудрый совет, что уж лукавить.

Ибо примириться с тем, что желаемое оказывается в тяжком противоречии с действительным, на самом-то деле, не просто. Всё, во что верил, оказывается непрочным, шатким, иллюзорным – и как, спрашивается, жить?

«Свобода, по праву рождения, самими гражданскими установлениями нам предоставленная, безрассудно меняется нами на пустые мечты», связанные со службой. И хотя *«она составляет первейшее наше щастие, но во зло употребляется до такой степени, что пользуемся ею, только покоряя себя неволе и узам»*[1].

Такова *«метафизика»,* смириться с которой Батенькову тяжело: слишком ощутимой, тягостной становится служебная несвобода. Мучительны и несправедливы нападки.

И вот вам образчик человеческой природы: где они, вчерашние благожелатели, льстивые угодники, расточавшие похвалу инженерному мастерству Батенькова? Переменился ветер, подул в обратном направлении – они с чуткостью флюгера уловили настроение начальства[2]. И хотя впавший в немилость Батеньков теперь сам, пусть ненадолго, превратился в начальника, встал во главе X округа, томское окружение к нему заметно и вдруг охладело. «Прозорливые» чиновники знают, к кому как относиться, они воспитали в себе это чутье многолетней практикой – на том и стоят.

Ну, да ладно.

Невелика беда потерять расположение канцелярской рати, тем более, что с некоторыми Гаврила Степанович по-прежнему на короткой ноге. Есть, милостивые государи, и в Томске люди, с коими приятно иметь дело. Немного, но есть. И первый среди них, пожалуй, Горлов[3], – начитанный и добросердечный Николай Петрович Горлов, занимающий вторую после губернатора должность в губернском правлении.

Добрые отношения к тобольскому инженеру сохранили, кроме него, командир гарнизона полковник Иоган фон Трейблют[4], ветеринарный врач

Федор Иванович Гонигман[5], секретарь томской казенной экспедиции Иван Иванович Коновалов – да не только они[6].

Однако ж сам властитель губернии не упускает случая, чтоб показать, сколь мало ныне значит в его глазах инженер-поручик Батеньков. Его оценки несправедливы, а недовольство не имеет под собой оснований – Батеньков, уж во всяком случае, повода к ним не давал[7]. Ведь он по-прежнему исполнителен, трудолюбив и ответственен – не в пример чиновникам, ретиво устремившимся в лагерь гонителей. Он во всем такой же, как прежде, – разве что более сдержан, замкнут, сосредоточен в себе.

Написать бы Елагину, излить всю печаль, да где там: вот-вот наступит ледоход, а почтовое сообщение в переменчивую эту пору совершенно прекращается.

Гаврила Степанович теплее закутывается в шинель и идет на берег наблюдать, как река вершит неизбывную свою, тяжелую работу, освобождается ото льда. Первое восприятие, поэтическое, навеянное думой о природе, сменяется здравым практическим решением. Возникает желание вести подробные записи, дабы обратить их на пользу жителям Томска, страдающим от ежегодного наводнения и вынужденным *«править»* деревянные мосты.

«Вскрытие реки Томи 1818 года, - отмечает Батеньков в дневнике наблюдений, - *сопровождаемо было некоторыми особенными и редко случающимися положениями».* Поначалу всё складывалось, как обычно: *«До 15 апреля продолжались морозы, лед на реке был крепок, покрылся толстым слоем снега и дорога по оному осталась в хорошем положении».* Но потом нагрянула оттепель*, «снег таял уже более и доставлял много воды реке Томи».* А Ушайка *«потекла с большою быстротой, ибо речка сия при малой глубине своей не противостоит жестоким морозам, замерзает почти до самого дна»*[8].

К концу месяца, 25 апреля, на Томи образовался прочный ледяной затор. *«Татарская слободка, часть Заозерья и прочие места в нижней части города покрылись водою,* - пишет Батеньков. И как инженер исследует причину ледяной пробки, угрожающей городу новым сильным наводнением. Произошло так из-за резкого колебания температуры: вода в реке стала прибывать, затем вернулся мороз, повалил снег*, «лёд на Томи сперся, и против города смерзлись ледяные глыбы»,* так что «*сообщение с левым берегом было прекращено совершенно и в сём виде оставалось до 4 мая»*[9].

Затем вновь наступило потепление, вода стала убывать, *«но на реке Томи лёд пролежал до середины июня, посему судоходство претерпело остановку».* Вода в реке всё это время то убывала, то пребывала – Батеньков ищет объяснение этому явлению, его пространные рассуждения занимают несколько листов[10]. Паводок беспокоит его сам по себе и в связи с недостроенным мостом через Ушайку, коему действительно угрожает опасность – тут архитектор Деев, положительно, прав.

Когда снег сошел и потеплело настолько, что работы на мосту возобновились с прежней силой, а «холод» в отношении к Батенькову стал заметнее, из Петербурга пришло сообщение о его повышении. *«За особенное усердие и отличие по службе, Вами оказанное,* - писал генерал Деволант, - *я поместил Вас в должность инженера II класса с оставлением в X округе и при настоящих Ваших занятиях»*[11]. Это, конечно, хорошо и приятно, отметил Гаврила Степанович, да лучше б наоборот: оставили в прежнем звании, позволив уехать в Тобольск – либо, того замечательней, в отпуск.

«Приятная весна, - шлёт другу послание, - *подумаешь ты, совсем разнежила мои чувства, прохладное майское утро манит с подругою в зеленую рощу плесть венки из цветов и роскошествовать при веянии зефиров, слушать свирель пастушка. Ах, мой милый, ты не знаешь, что такое Сибирь: майские снега и ледяные сердца суть ее чада. Тело в шубе, сердце в коре, - вот что встретишь здесь на каждом шагу и в то время, когда у вас всё ликует и искренно благодарит творца в восторге чистых наслаждений»*[12].

И Батеньков вновь, в который уж раз, выказывает нетерпеливое желание покинуть Сибирь, *«отыскав непременно Ариадину*[*] *нить*», по которой удалось бы выбраться. Ибо сердца здесь покрыты корой и нет *«ничего нового, занимательного, нет ни людей, ни предметов почему-нибудь славных»,* а давняя привязанность к другу *«не заменит сих недостатков»*[13].

Но время идет, и становится ясно, что покинуть Сибирь, увы, недостижимо.

«Сколько ни вертелось в голове моей различных прожектов к выезду моему из Сибири, однако ж надежда на ето час от часу удаляется, - жалуется в следующем, июньском, письме. - *Здесь я один по нашей службе и начальник, и повинующийся, некому другому сдать дела – вот почему надобно оставаться на неопределенное время*»[14]. И жалуясь, бранит друга за то, что тот не выполнил обещания познакомить с Жуковским – *«не из тщеславия, но по склонности любить добрых»,* и не доставил *«тотчас все новые сочинения»* поэта[15].

А газеты сообщают, меж тем, о больших переменах в артиллерии – там *«явилось много новых генералов»,* и другой старый друг, Любенков, оставшийся в армии, *«описывает подробно, как их муштруют, выправляют и бранят за то, что они имеют головы»,* в коих бродят собственные мысли. Чем так, решает Батеньков, уж лучше служебная неволя – здесь хоть не без хлопот и неприятностей, *«однако ж и в этих неприятностях страдающее лицо есть все ж человек, а не кукла»*[16]. И *«благословляет час, в который решился переменить звание»*, сняв армейский мундир.

Правда, полное счастье доставила б служба в губернии, где живут Елагины – или где-нибудь рядом, хотя и Сибирь, признает, *«есть хорошая школа», которая сделала из него «не мальчика резвого, но опытного мужа».*

---

[*] Так в тексте.

Опыт состоит в познании добра и зла, человеческой сущности, и в постижении природы самоуправной власти. Есть и другой, чисто практический опыт, в пользу которого свидетельствуют искренние похвалы петербургского начальства.

Только одобрение и поддержку из Петербурга высказывают уже сдержаннее. По мере возрастания недовольства гражданских властей позиция Совета путей сообщения становится менее объективной и взвешенной. Все проекты Батенькова Совет отправляет Сибирскому генерал-губернатору, которому надобно знать мнение томского губернатора, а тот, делая вид, что никаких бумаг не получал, медлит с заключением. И на Батенькова со всех сторон падают упреки, хотя повлиять на рассмотрение инженерных решений он, конечно, не в состоянии.

Так было с проектом устройства нового городского бассейна. Да и строительство моста через Ушайку, вопреки усердию Батенькова, двигалось крайне медленно. Плохое снабжение материалом, слабый контроль над хозяйственной частью со стороны думы, нехватка рабочих рук замедляли работы и вели к удорожанию строительства[17]

Наступила осень.

Городская полиция сообщает в думу, что работы на новом мосту близки к завершению, и просит сломать за ненадобностью старый ветхий мост, стоящий поблизости[18]. Губернатор медлит отдавать приказ, видно, сомневаясь в близком окончании работ, и два деревянных моста, новый и старый, попрежнему служат томичам.

Гаврила Степанович сообщает в путейное управление о ходе работ и просит дозволения *«с наступлением зимы отбыть в Тобольск»*: из дома приходят тревожные вести о здоровье старой немощной матери. И тут служебные неприятности достигают предельной остроты: наступает пора явных, неприкрытых гонений.

IX

По воскресеньям лучшая, просвещенная часть томского общества собирается в хлебосольном, просторном доме статского советника Горлова. Хозяин – важная персона, при чинах, а держится просто, приветливо. И принимает гостей радушно, как принято у сибиряков, и потчует лучшим, доставленным из Петербурга, вином.

Но не вино занимает Батенькова – воздерживаться от крепких напитков с армейских лет вошло у него в привычку. Влечет не богатый стол, ломящийся от разносолов, коими не стыдно угощать августейшую особу, – в еде Гаврила Степанович тоже неприхотлив. Во время обеда, когда звучит за столом сосредоточенный стук вилок и все поглощены изысканной трапезой, молодой инженер, по обыкновению, хмур и молчалив.

Раньше всех покончив с яствами, а лучше сказать, едва вкусив, Батеньков откидывается на спинку венского стула, рассеянно теребит в руках салфетку и наблюдает из-под очков за гостями. Несколько чиновников губернского правления, смотритель городской больницы да врачи, несколько господ военных и армейский штаб-лекарь, два-три склонных к благотворительности купца – вот то общество, что изволит принимать у себя радушный, приятный в обращении Горлов.

В один из дней у Николая Петровича появился Молчанов[1], с которым Батеньков познакомился года три назад, во время французской кампании. Оказалось, в Томск он попал против воли, «роковым», можно сказать, стечением обстоятельств, но принят был ласково в лучших домах города и, как знаток французского языка, получил место гувернера[2].

«А ведь я, не поступи в инженерный корпус, занимался б сейчас тем же – учил, должно быть, чужих детей либо корпел над ненужными никому бумагами в местной канцелярии», – отметил про себя Батеньков, и еще раз возблагодарил судьбу за удачу.

Но сходиться с Молчановым не спешил – пустой, думалось, человек, легкомысленный и недалекий.

Об остальных завсегдатаях дома Горлова держался лучшего мнения, с иными нашел много общего. Рассуждать о высоких материях, философствовать с ними о близких по духу вещах составляло теперь первейшее и единственное, после Елагинских писем, удовольствие Батенькова. Говорили, конечно, о литературе – здесь Гаврила Степанович показал себя тонким знатоком Карамзина и Жуковского. Спорили о немецкой философии, – но не так пылко, как принято было у молодых офицеров, членов дружеского *«кагала»*. Обсуждали сочинения французских мыслителей, наследие Просвещенного золотого века, воспитавшего Батенькова и людей, старше его по возрасту.

Нравилось ему, что разговоры эти сходились к превосходству человеколюбивого взгляда на мир, а мнение о несовершенной природе людей, необходимости постоянной духовной работы выходило созвучно сокровенным мыслям Гаврилы Степановича. И хотя большинство гостей либерального вице-губернатора были людьми практического склада ума, а некоторые, как повелось у сибиряков, держались откровенно меркантильных взглядов, разговор о таинствах духа, модных мистических увлечениях, о значении чувства, веры и откровения[3] находил отклик в душах некоторых, не чуждых исканиям, томичей.

– Вы рассуждаете, мой друг, как настоящий масон, – с улыбкой заметил однажды хозяин дома. Начитанный, умный инженер-поручик, строитель мостов и дорог, привлекал его независимостью суждений, добросердечием. А ещё тем, что в спорах не спешил показать незаурядный свой ум, подавить собеседника знаниями или подвергнуть, как некоторые, остротам.

– Что ж такого, почему б не быть мне масоном? – хотел, было, возразить Гаврила Степанович, но промолчал, помня о заповеди, предписывающей не разглашать участие в ложе[4].

Немного смутившись, он тут же сменил тему, но признание, готовое сорваться с языка, заставило потом возвращаться к ней снова и снова. Только беседы такие велись лишь в присутствии узкого круга гостей вице-губернатора, в его собственном кабинете, когда остальные гости, ввиду ранних сумерек, спешили откланяться, садились в экипажи и разъезжались по домам.

В один из подобных вечеров, попыхивая трубкой, Николай Петрович заметил, что в Томске, с его дикими нравами[5] и непросвещенностью, учреждение масонских лож встретило бы неодолимые препятствия. Сибиряки не готовы получить масонские знания, хотя и здесь, надобно сказать, есть люди, коим не чужды идеалы «вольных каменщиков».

Батеньков согласился, что здесь, вдали от столицы, некоторые препятствия существуют, это так, но сие, господа, не делает невозможным распространение масонских идей. Мне доводилось слышать, добавил он, что «*общество это мирное, безвредно для общей жизни, человеколюбиво; в лучших членах своих умно, нравственно, чуждо суеверия, друг света и чтит Бога как причину всего существующего*»[6].

И если подумать, можно найти, что масонство, в основе своей, мало отличимо от Библейского общества, стараниями правительства получившего распространение во всей России[7], убеждал Батеньков.

– Да, – подтвердил Николай Петрович, – сходство в целях не вызывает сомнения. А вам, Гаврила Степанович, масонские рассуждения близки, наверно, ещё как архитектору: все эти циркули, молотки, линейки[8].

– Вы совершенно правы, – ответил Батеньков. – У масонов *«символ ученика есть грубый булыжный камень, и упражнение его должно состоять в отвердении, чтоб быть годным в здание храма, посвященного вечному, духовному Существу… чтобы человек занялся обработкой себя в зрелости, своих дарований и сил…»*[9].

Жизнь в глуши, где мало книг и много забот о куске хлеба, где мало духовных исканий и любви к отвлеченным идеям, однако, не настраивала на практическое воплощение масонских идей. И Батеньков в глубине души, признаться, мало верил, что «воскресные умствования» в доме Горлова приведут к чему-то дельному, но вскоре возымел случай убедиться, что был поспешен в оценках.

Умствования, как благие семена, легли на подготовленную почву: в доме Горлова заговорили о необходимости установить сношения со столичными масонами. Скрывать далее свои связи с ними Батеньков посчитал неразумным, был вынужден сделать признание и согласился взять на себя посредничество в отношениях с Великой Ложей Астреи.

В конце августа на квартире Трейблюта состоялось открытие первой в Сибири масонской ложи. Позже, сообразно требованиям закрытости и уединения, собираться стали за городом – на Шумиловской заимке. Днями собраний решено было сделать первый и третий четверг каждого месяца.

Работа ложи велась по древнеанглийской системе на русском языке – в обстановке сосредоточенности и самопогружения.

«Самый образ работы, требующей тишины и углубления в самого себя, не может происходить в виду общей жизни и при открытых дверях»,– говорил Батеньков. К тому же, указывал, *«такой осторожности требует хранимый ложею великий свет знания…бытия самобытного вседействующего Бога»*[10].

Ложа получила название «Ложа Восточного светила на востоке Томска»[11], а на печати, присланной из Петербурга, изображен был *«горящий факел в треугольнике, на который спадают идущие от факела ленты, и под которым означено время основания – 30.VIII. 5818»* год от сотворения мира[12].

Управляющим мастером ложи стал Николай Петрович Горлов, а «наместным мастером» был избран Иван Христофорович Трейблют. Среди надзирателей ложи оказались Гонигман и Балюра-Кондратьев, а секретарем сделался Батеньков[13].

Его масонское прошлое вызывало естественное любопытство братьев по ордену. Гаврила Степанович старался откровенно передавать свои знания «вольным каменщикам», но привлекать внимание к себе самому, повествуя о собственном жизненном опыте, избегал.

Лишь раз, повинуясь настроению, поведал о том, как масонство, в буквальном смысле, спасло ему жизнь. Рассказал, как *«в одном из сражений… в холодном и сыром январе»,* получив множество ран, был оставлен на поле боя с трупами и *«раздет до рубашки неприятельскими солдатами».* Казалось, гибель была неизбежна. Но вот явились французы, два гвардейских офицера, обратили на него внимание и, приникнув к лицу, поняли, что он жив.

«Меня покрыли плащом убитого солдата и на руках донесли до шоссе… не менее полуверсты. Там сдали на фуры, собиравшие раненых и строго приказали отвести в госпиталь ближайшего города и передать особенному попечению медика», - просто, как о ком-то другом, изложил Батеньков обстоятельства своего чудесного спасения.

«Впоследствии я узнал, что обязан спасением положению своей руки, которую покрыл одну из главных ран случайно в виде масонского знака[14]*. Крайне горестно, что я не знаю имен своих благодетелей»,* – заключил удивительный свой рассказ[15].

Впрочем, разговоры о масонских таинствах, о равенстве и братстве было не главное, ради чего собирались на заимке томские «каменщики». Поговорить о добре и зле, уютно расположившись в кресле, в конце концов, ни-

что не мешало и прежде. Сложнее было воплотить «программу добра», перейти от слов к делу, доказать поступками подлинность намерений и помыслов[16].

И здесь масонские традиции, живой полноценный опыт «Астреи» нашли применение: в первое же собрание томичи организовали сбор средств в пользу бедных, увечных, пострадавших от пожаров и иных злоключений[17]. В Томске страдающих да неимущих было не так уж и мало.

Но собрать весомую сумму оказалось не так просто: томские чиновники, люди небогатые, сами испытывали некоторые денежные затруднения. Зато купцам щедрые пожертвования оказались по карману. Самые значительные взносы внесли братья Поповы, Андрей и Христофор[18], которые вошли в ложу несколько позже. И это движение души, настроенной на милосердие, чуждое зависти, рождалось из масонских устремлений к добру.

«Масонство, - полагал Батеньков, - *внедряет разумное смирение, не возбуждает зависти, будучи чуждо гордости»*[19].

Да, тот грубый булыжник, что являет собой человеческая натура, нужно долго, старательно обтесывать, проявляя смирение и благодарность Творцу. И помнить о ближних. Вот это есть главная работа и, по замечанию Батенькова, одновременно искусство масона – сложное *«познание самого себя и устройство жизни»*. Но совершить эту работу дано не всем.

«По трудности задачи, - продолжал Гаврила Степанович, - *нет сомнения, что не все масоны достигают ея исполнения, и даже немногим из них это может быть приписано; но неоспоримо, что она глубоко укоренена в натуре человека»*[20].

Трудность собственного воспитания в том, что происходит оно в зрелом возрасте, так не лучше ли «обрабатывать булыжник», когда он не так крепок?

Помогать детям неимущих братьев призывал Горлов, по этому поводу на одном из собраний он произнес проникновенную речь. Тут же приняли решение *«вносить ежегодно в Великую Ложу по 50 рублей»,* каковые в скорое время и были отправлены на имя представителя Томской ложи в Петербурге[21].

Но при этом в послании Кусову управляющий мастер Горлов заметил, что *«члены томской ложи вообще недостаточного состояния, как и все, вступающие в братство на здешнем востоке, которые вообще состоят из одних служащих чиновников, имеющих единственное содержание от небольших годовых своих окладов».* А потому указал, что *«здесь нельзя увеличить взносов за прием»*, и расширить пожертвования[22].

Все это время Батеньков, который серьезно относился к исполнению масонских законов, ни словом, ни намеком не обмолвился о «Восточном Светиле» лучшему другу Елагину. Переписка с ним на какое-то время вообще прекратилась: Алексей Андреич, *«привыкший к хозяйству и сельской жизни»,* несколько месяцев не находил для ответа времени.

И Батеньков за служебными хлопотами, тревогами и делами масонского тайного общества совершенно оставил перо. Не спешил бранить «белевского барина», как делал не раз.

Хотя была и другая причина, мешавшая обратиться к другу. Испытав новое сердечное увлечение, Гаврила Степанович хотел разобраться в своих чувствах. Понять свое сердце, которое отчаянно, как никогда, болело и томилось в ожидании редких радостных встреч.

X

Редкий день на берегу Ушайки не раздавался стук топоров да окрик возниц, доставлявших к мосту свежий лес.

Посмотреть со стороны – дело вроде бы шло неплохо, куда с добром. И книга денежных средств на постройку моста пополнялась, что ни день, свежими записями, и работать было кому: бойкие вольнонаемные плотники да острожные бедолаги-колодники находили *«у ушаешного моста»* пропитание[1]. А вникнешь – конца и краю работам не видать.

Только кто ж виноват? Не одно, так другое: то не подвезут вовремя доски для обшивки готовых частей, то подвезут, но забудут укрыть от дождя или снега. И дерево, как полагается, начинает гнить, а чего беречь - чай, не свой материал, общественный[2].

Но винить себя отцам города не пристало, ронять авторитет солидным мужам не с руки. Зачем, когда вот он, исполнитель работ – инженер-поручик Батеньков. С него-то, голубчика, и спрос, хотя к хозяйственным делам касательства он не имеет. Ну, и что, зато отвечает за общий, так сказать, всеохватный контроль строительных работ. «Далжон», стало быть, ответствовать пред начальством. Или вот, не угодно ль, ещё причина задержки: отчего это господин губернатор имеет чертеж означенного моста, а дума, представьте себе, нет – почему не направили?

И дума, вместо того, чтоб обратититься в канцелярию его превосходительства, вопрошает впавшего в немилость Батенькова, *«какой именно величины предложено сделать оный мост»*[3], и просит выслать чертеж.

Пожалуйста, отвечает Батеньков, отчего не выслать, ежели можете уразуметь строительные чертежи. Да беда-то в другом: «направил» бы кто сюда хозяйственной сметки и убавил корыстолюбия[4], дал бы ответственности вместо равнодушия. Тогда, глядишь, дело пошло бы бойчее и не пришлось оправдываться перед начальником губернии, грозным Дамианом Васильевичем, за неурядицы с мостом.

Плохо Батенькову. Не дают хода его проектам, обвиняют во всех смертных грехах. Мешают заняться строительством бассейна внутри города, что *«составляло прежде одно из первых желаний»* его превосходительства,

отлучили от устройства мостовых – на работу сию он не имеет уже *«совсем никакого влияния, ибо градская полиция распоряжается в полной мере»*[5].

А тут еще занедужил, разболелись к холодам полученные в сражениях раны – ноют без удержу, только отлежаться никто ведь не даст. И так невесть что говорят, плетут семь верст до небес.

Губернатор своё мнение не скрывает, открыто выражает недовольство, а чиновникам – того и надо, рады посплетничать. Подхватят и раздуют, чего не было.

Иные, недалекие, сразу отшатнулись от гонимого, перестали здороваться, будто не замечают. Другие вроде не показывают вида, но и с поддержкой не спешат: приглядываются да прикидывают, чем оно всё закончится. Тот же Деев, душа общества, будто избегает встреч, а увидит, через силу улыбнется: моё, мол, почтение – и бежит, не перемолвившись, дальше: «Извините, Гаврила Степанович, – дела!».

Оба обучены инженерному делу, заканчивали один Кадетский корпус, побывали оба на *«театре военных действий»* – один в Германии и Франции, второй на Балканах. Даровиты, умны, образованы – что один, что другой, а вот, поди ж ты, не могут близко сойтись. Какая-то неодолимая стена мешает: слишком разные, право, натуры – мягкий, переживающий обо всем Батеньков и расчетливо сдержанный Деев, чиновник с превосходной репутацией[6].

Но, несмотря на то, обсуждать городские дела вынуждают обстоятельства: цели-то общие, интерес обоюдный.

– А что, – вопрошает Батеньков, – как там ваши гауптвахты?

– И не спрашивайте, любезнейший, – удрученно машет рукою Деев. – Вот уж месяц никакого движенья. Ума не приложу, что делать?

– Ждать, Алексей Петрович, что ж остается? Наберитесь терпения, – советует дружески Батеньков.

Приступить к постройке *«новых, по воинским караулам, сооружений»* предписала губернскому архитектору дума, ибо *«старые обветшали и часовые стоят ныне на открытом воздухе»*[7]. Указать-то указала, но сама же распорядиться о строительных материалах будто забыла – дальнейших указаний не воспоследовало.

Хороши отцы города, нечего сказать, да ведь и за архитектором водятся промашки – вспомнить хотя бы караульные будки[8]. Но подтрунивать над честолюбивым Алексеем Петровичем, известно, не допустимо. Шуток в свой адрес не признает.

– Да, тяжела ваша доля, – сочувственно молвит Батеньков. – Так ведь в Сибири-то служим, понимать надо.

– Эх, то-то и оно, – с чувством кивает Деев. И не трудно догадаться, о чем он умалчивает, пресекая свою речь: ему бы, Алексею Дееву, с неукротимой его энергией и отпущенными свыше талантами, да развернуться где-

то в столице. Там, где заметят, оценят, почтут чинами и званиями – не то, что в Сибири.

Здесь дарования не ценят, знаниям не доверяют. Дают чужие чертежи и планы и говорят: «Работайте, милостивый государь, с должным старанием и пользою для бюджета, по высочайше утвержденным образцам». А что проку в чужих проектах, ежели они мало согласуются с местными, здешними условиями – природными, климатическими, какими угодно. Фасады домов – и те надобно проектировать с учетом присланных из Петербурга «планов»: даром, что ли, городу пришлось раскошелиться[9]?

Вот вам и свобода творчества: скован по рукам и ногам, не хуже колодников – того не моги, этого не делай, а отвечать за постройки кому? Губернскому архитектору. С него весь спрос.

Проект планировки города, выполненный Алексеем Петровичем, ушел в Петербург – и с концами, ни слуху ни духу[10]. Деев запечалился…

– А что, – предлагал, – не сходить ли к мосту: давеча видел, пустили на обшивку не те доски, что велел. Распусти-или народ, никакого послушания.

– Отчего не сходить, – соглашался Гаврила Степанович, – давайте посмотрим…

Обязанностей у Батенькова по благоустройству города становилось всё меньше, да и оценка сделанного выходила на удивление противоречивой. Вся печаль была в том, что его вознамерились устранять от ведения дел тогда, когда он изрядно поднаторел, набрался опыта и хорошо, основательно изучил этот город. Понял, за что браться, куда приложить силы и как достичь желаемого с наименьшими издержками.

Тут бы в самый раз за работу, тут бы развернуться, а ему вдруг связали руки. Выказали недоверие, принялись осыпать упреками, несправедливость коих была, казалась, для всех очевидной. Вначале отстранили от ремонта дорог и устройства мостовой. Работа по укреплению берега Ушайки велась теперь тоже без его участия. Обыватели с помощью колодников строили колодцы, а руководил строительством *«колодешный мастер»* крестьянин Семен Дружинин – к Батенькову не обратились даже за советом[11]. Будто он не инженер, отвечающий за воплощение проектов, а так, неизвестно кто.

Плохо Батенькову.

И нет никому до него дела. Некому вникнуть, дабы поддержать гонимого и воздать по заслугам гонителям. Петербургскому начальству, за тысячи верст, разобраться непросто, а местному и разбираться нет нужды: всё, чтоб ни говорил и ни делал Гаврила Степанович, выходит теперь скверно – хуже некуда. И мост возводил-де неспешно, с издержками, и ключ обустроил неважно.

Из донесения Батенькова выходило, что воды теперь в ключе *«взимается в большом количестве и новое направление течения вполне удовлетворяет ожиданию, а чрез то встречаемые прежде неудобства совершенно отвращаются»*[12]. Ну, разве не так? Да нет же, говорит губернатор, всё об-

стоит по-другому. И отсылает в Петербург *«представление»*, где убеждает Деволанта, главного управляющего путей сообщения, верить ему, наделенному властью сановнику.

«Обделка ключа, произведенная Батеньковым, хотя стоит городу издержек более 1700 рублей, однако даже и по наружности не представляет собою хорошего вида, – пишет Илличевский, не гнушаясь откровенною ложью, – *а что до обилия истечения воды, то жители не только не находят ее ныне в большом количестве, но и вообще отзываются, что ключ теперь не доставляет им того изобилия, какой имели они прежде, до переделки его Батеньковым»*[13].

Губернатор словно бы вопрошал, приглашая разделить его недоумение: как, скажите на милость, он мог ошибиться в этом человеке, ведь *«ожидаемо было от занятия сим делом его, Батенькова, лучшего успеха в надеянии на его знания и искусство».* Но эти качества как раз и не вызывали сомнений у Деволанта – тут он полностью был согласен с губернатором: знания и инженерное искусство Батенькова дали проникнуться к нему уважением. Хотя зерно недоверия было брошено.

«Так как содержание представления томского губернатора совершенно противоречит тому донесению Вашего благородия, в котором вы отписывали полный успех по устроению в Томске ключа, – отвечает досадливо Деволант, – *и по неимению здесь полных сведений по делу сему… предписываю вам… представить ко мне ваше донесение с изложением подлинного описания»* работ, *«сопроводив данное описание аккуратным чертежом»*[14].

Как будто предыдущие описания были не совсем подлинны…

Батеньков, в рассуждении дел по управлению округом, просит отпустить его с наступлением зимы в Тобольск. Пытается доказать, что в бумагах Илличевского и *«вообще во всех официальных актах местного начальства находятся противоречия»*[15], приводит новые доказательства. Напоминает, наконец, что сам губернатор несколько месяцев назад искренне хвалил ту же работу, которую ныне хулит.

Доводы признают справедливыми. Совет путей сообщения, одобрив работу сибирского представителя, объявляет его *«по сему делу не подлежащим никакому обвинению».* Мало того, действия его, *«как сообразные с правилами искусства и должною бережливостью»,* отмечает, *«заслуживают похвалу»*[16].

На том бы, казалось, поставить точку. Ан нет, не тут-то было. Неугомонный Илличевский втягивает в переписку своего благодетеля, Сибирского генерал-губернатора Пестеля, коего мнение, он уверен, должно быть решающим.

И тот принимает сторону начальника губернии, тоже не потрудившись вникнуть в обстоятельства дела.

В ноябре 1818 года Деволант получает бумагу за подписью близкого к придворным кругам сановника. Повторив сказанное относительно томского

ключа, Пестель сообщал, что *«остается неоконченным и другое необходимое строение чрез протекающую средь города речку Ушайку нового моста»*[17].

Ни по сроку окончания работ, ни по издержкам, полагал он, Батеньков своего обещания не исполнил. *«Напротив, построение оного продолжается поныне, и стоит городу уже более 12 тысяч рублей»,* хотя и в законченном виде *«при всех сих задержках»* мост вряд ли будет служить городу, ибо жители его *«судя по действиям вешней воды и построению моста, не надеются, что оный устоит»*[18]. Хотя в действительности всё обстояло наоборот: томичи, привыкшие к неспешной работе, беспечно ждали окончания постройки, а Батеньков пытался ее ускорить и предупреждал о грозящей опасности.

Единственный, кто внял его словам, разделив тревогу, был Деев. Но и его мнение не смогло поколебать благодушие: отцы города, а вместе с ними и губернатор, принять должных мер к завершению строительства, кое соответствовало бы проекту, не спешили.

Все это время Гаврила Степанович надеялся уехать в Тобольск.

В последних числах декабря почта доставила пакет со знакомой сургучной печатью – на пакете значилась подпись члена Совета путей сообщения Леонтьева. Отказываясь выслать *«потребные для производства работ инструменты»,* генерал-майор советовал обращаться по всем вопросам непосредственно к гражданскому губернатору, поскольку *«работы сии ведутся от гражданского ведомства и влияние на них главного управляющего путей сообщения ограничивается токмо командированием в оный инженера»*[19].

Яснее высказаться было невозможно: от Батенькова отвернулись, его оставили наедине с губернскими чиновниками, подтвердив тем самым их правоту.

А тут, спустя несколько дней, подоспела и другая депеша: постановление Совета в ответ на «особое мнение» Его Высокопревосходительства генерал-губернатора. Батенькова обязали *«доставить новое объяснение по устройству ключа»,* потребовали *«не приступать ни к какой работе, не получив разрешения от главного начальства».* И главное, предписали следовать распоряжениям томского гражданского губернатора и *«оказывать ему всякое по службе уважение»*[20].

Это было равносильно поражению. И Батеньков *«при недоверии…от господина губернатора изъявляемом, при беспрестанных усилиях выказывать все действия в превратном виде»,* снова просит освободить его от обязанностей, связанных с пребыванием в Томске [21].

Оставить навсегда город, в который устремился, полный сил и надежд, становится для него пределом мечтаний. Но ему сообщают, что просьба о переводе найдена неосновательной[22]. Нужно следовать распоряжениям губернатора и оказывать ему уважение…

XI

Первый звон раздаётся где-то неподалеку, может, на Воскресенской горе. Голос колокола чистый и такой свежий, каким бывает в ясное осеннее утро: прорежет тишину, повисит в воздухе, словно раздумывая, как быть, – и угаснет.

Но не сразу.

Плавный гул плывет, еле слышимый, какое-то время, больше похожий на память о благовесте, нежели на отзвук. И тут, будто разбуженный, откликается голос на другой колокольне, подальше. Слышится звон в соседней части города, потом возвещает раннее утро еще одна церковь на Песках. И вот уже ладная, стройная разноголосица ласкает взыскательный слух: ни одной хриплой, фальшивой ноты – сплошная гармония.

Покой и умиротворенность.

В такое тихое воскресное утро хорошо возлежать, ни о чем не думая. А лучше помечтать о приятных вещах, отдаться затейливым грезам, улавливая краем сознания приметы разбуженного города: протяжный скрип тяжелых ворот, звяканье пустых ведер. Спешить-то некуда, лежи себе да лежи.

Но привычка, знаете ли, великая сила: чуть свет, Батеньков уж на ногах. Умыт, одет и полон бодрости.

Подниматься рано приучил себя давно, с малых лет, когда от набожности *«детским умом пожелал спастись»* и приучал себя к подвижничеству[1]. С той поры повелось: спал мало и ни минуты лишней не оставался в постели. Да и потом, ступать в церковь к заутренней лучше пораньше, когда малолюдно. Постоишь, послушаешь службу – и воротишься в избу, к своим бумагам, книгам, чертежам. И так хорошо, спокойно становится на душе – ни тревог, ни волнений, будто воротился в само детство.

А еще… признаться в этом можно только самому себе… еще влечет из дома желание увидеть в церкви её. Хотя бы издали, хоть на мгновение.

Полина…

Какое чудесное имя, сколько в нем плавности, трогательного очарования. Сколько душевной теплоты: Полина.

Увидел ее пару недель назад, у церковных ворот, когда поворотил домой после службы. И будто лопнула, натянувшись, струна где-то глубоко внутри. О, как давно не испытывал ничего похожего!

Высокая, статная, с длинной косой, перекинутой на грудь. Движения плавны, размеренны – под стать имени. И ничем вроде не выделяется – ни одеждой, ни манерами, одна из многих, девушка как все. Не сказать, чтобы первая красавица – есть, наверное, красивее, а вот взгляд отвести невозможно. Увидел и ахнул: кто такая, как звать?

– Эт вы о ком? – спросил оказавшийся рядом Шохин, секретарь губернского правления. – Ах, вона. Ну, как же, Полина Аргамакова, изволите познакомиться?

– Что вы, – смущенно залепетал Гаврила Степанович. – Это я так, из простого любопытства.

А про себя повторил: Полина. Что за чудное, право же, имя…

Аргамаковы обретались в Томске давно – два брата и сестры[2]. Семен Трофимович[3], самый старший и состоятельный из детей Аргамаковых, жил на особицу, часто отлучался из города по делам. Афанасий, его брат, служил канцеляристом в почтовой конторе, а сестры, Татьяна с Полиной[4], занимались домашним хозяйством.

Дом Аргамаковых находился у мужского монастыря – средней руки усадьба с садом. Больше ничего узнать не удалось…

Через неделю встретил ее там же, в церковной ограде. Хотел оказаться рядом, да заробел, потерялся и, сердясь на себя, спешным шагом двинул домой – в комнату, которую снимал на средства городского управления вблизи присутственных мест. И в следующий раз опять не сумел одолеть свою робость: мучился, переживал, но решиться на знакомство отчего-то не мог.

Так продолжалось какое-то время – месяц или два, пока не увидел ее на литературном вечере в доме главного томского стихотворца, губернского почтмейстера Алексея Илличевского[4]. Тут и познакомились: вышло это просто, само собой.

Амур, амур лукавый
Опасней всех богов:
Он вечно скрыт забавой,
Как змей листом цветов…
Но жалоба напрасна
На милого божка:
Стрела его ужасна,
Но боль от ней сладка [5].

Помогла сблизиться поэзия: не слишком хорошо разбираясь в стихосложении, Полина Трофимовна имела тонкий безупречный вкус. И предпочтение отдавала авторам, коих любил сам Батеньков, – тут вкусы их целиком совпадали. Она была умна и для своего круга довольно образована, однако показывать начитанность, в отличие от других, не спешила – и это тоже свидетельствовало в ее пользу.

Раскрывать свои чувства Гаврила Степанович не стал, да в этом не было и нужды: влюбленность его угадывалась без труда. В короткие встречи говорил о службе, вспоминал забавные случаи из армейской жизни. Живописал походы, прекрасные европейские города.

– Вы казались таким мрачным, – признавалась Полина, – таким замкнутым, а теперь вижу, что это не так.

– О, да, – отвечал с улыбкою Батеньков, – *«люблю забавы и считаю оные первым делом: нрав мой все тот же, люблю видеть и обнаруживать смешное во всем»*[6].

Вскоре он стал бывать в доме Аргамаковых – его приняли, как своего, будто знали сто лет[7]. Там молодой инженер находил радушный прием и заботу, хотя гостеприимством старался не злоупотреблять, дабы избежать пересудов. Доброе, дружеское отношение к себе он всегда необычайно ценил и старался, не упуская случая, выказать ответную привязанность.

Такой случай, собственно, и представился: как-то во время званого обеда Семен Трофимович упомянул о брате, который тяготился мало оплачиваемой почтовой службой и искал новое место. Батеньков вызвался помочь: должность начальника округа, которую ему доверяли исполнять время от времени[8], давала как будто такую возможность.

Афанасия Аргамакова можно было определить в канцелярию округа, которая испытывала недостаток в чиновниках, хотя претендовать туда мог не каждый. Да и жалование канцеляристы округа получали не больше, чем в почтовой конторе – для чего же тогда хлопотать? Оставалась одна лишь вакансия, которая обеспечивала известный достаток и оправдывала тягостный переезд в Тобольск: должность секретаря округа, но предоставить ее Аргамакову было чрезвычайно сложно.

И всё же Батенькову удалось[9]: спустя время его стараниями Афанасий Трофимович получил сию выгодную, во всех смыслах, должность и перебрался в Тобольск[10].

«Хотя не имеет он обер-офицерского чина», требуемого, чтобы занять эту должность, сообщал в Петербург Батеньков, *«не дослужил он только шести месяцев».* Да, *«впрочем, другого чиновника, за которого мог бы с уверенностью ручаться…и желающего вступить в ведомство путей сообщения, не имею»,* указывал следом, зная, что слова эти окажут воздействие.

Служебный аттестат, довольно хороший, подписал Аргамакову начальник почтовой конторы Алексей Илличевский[11]. Будучи холостым, молодой чиновник отправился на службу один, проводы вышли недолгими. Уезжал с легким сердцем, окрыленный надеждами, о чем простодушно поведал Батенькову, возблагодарив за содеянное.

– Полноте, Афанасий Трофимович, – ответил инженер-поручик, пожимая ему руку. – Не стоит благодарностей. Ведь помогать друг другу – святая обязанность добрых людей, – закончил масонской сентенцией.

А про себя подумал: стал бы настойчиво хлопотать, кабы вместо родственника Полины был кто-то другой? Из братской любви к ближнему, стал бы?

Трудно сказать… Может, и нет, – всего приятнее помогать тому, кто более других нуждается в участии. К чему ж тогда расточать похвалу? Еже-

ли кого благодарить, так только Творца всего сущего, владыку владык: в его власти помогать и наказывать.

Хвала святому Провиденью!
Хвала тебе, Господь, бог сил,
Что мне еще день к наслажденью
По тихой нощи присудил!
Ты будь и впредь мой Бог-хранитель,
Надежда вся моя, Творец!
Будь мне в напасти покровитель
И к слабостям моим отец!
Подай мне сердце непорочно,
Исполнено любви к другим,
Чтоб ревностно всегда и точно
К делам стремилося благим! [12]

Как многие сибиряки, Аргамаковы особой набожностью не отличались. Кроме Полины – для нее христианское вероучение служило поистине путеводной звездой. Поддержкой и опорой. Батеньков это видел и не без удовольствия отмечал: здесь, как в поэзии, сходство взглядов и вкусов было удивительное.

Сложные умствования Гаврилы Степановича она слушала с тем же вниманием, что поэтические строки, хотя многого, точно, не понимала. Просила поведать о детстве и Тобольске, где никогда не была, рассказать об отце.

И Батеньков вспоминал. *«Отец мой,* – говорил, – *был святой человек. В крайней простоте сердца искренне, безусловно привязанный к церкви; добрее его сердцем я не встречал никого в жизни. Набожность со всех сторон меня обымала, и младенчество почти удвоялось…»*[13].

Что разумелось под младенчеством, объяснять, будто, не было нужды. Вообще, Батенькову казалось, что никто ещё не понимал его так – всей душой – как Полина[14]. Ну, разве что Елагин, который за сельскими заботами и домашними удовольствиями забыл о «сибирском затворнике», молчит уж какую неделю.

Да еще мать…Самый близкий после отца человек, единственный, кто все последние годы связывал по-настоящему с Сибирью – покуда не вошла в его жизнь Полина. Сведения из Тобольска поступали тревожные: мать, сообщали, уж очень плоха – поспешили бы, батюшка Гаврила Степаныч, увидеться напоследок. Хорошо бы, да как? – пешком, кажется, пошел, ежели б пустили.

Батеньков снова испрашивает дозволения вернуться домой, говоря, что до самой весны надобности в пребывании его в Томске *«настоять не может»*[15]. И эта его просьба, как предыдущие, остается без удовлетворения.

Но он верит в добрые предзнаменования, в свою путеводную звезду: уж сколько раз в самых тяжких обстоятельствах, когда ничто не предвещало удачу и мгла окутывала душу, Небеса посылали спасение.

Так будет и теперь, непременно. Надобно только набраться терпения. Смириться и ждать.

XII

Всё на свете имеет причину. Нужно только распознать, догадываться о ней, а не судить превратно, наблюдая следствия. И если вникнуть хорошенько да рассудить, как устроен мир, увидишь, что причина-то чаще всего не в других, а в тебе самом.

Стало быть, и гонения, которые обрушились без всякого, вроде бы, повода, объясняются не происками врагов. Известно: худшим врагом человеку может стать только он сам. Его гордость, тщеславие, себялюбие…

Батеньков *«мучился и роптал»* против недругов, но когда понял это, его *«ярость обратилась в некоторую скромную тоску»,* которая *«возымела решительное влияние на характер»*[1]. Он думает о себе, пытаясь разобраться в мыслях и поступках, понять, как себя вести. И это уберегает от поспешных шагов. Дает силу сдерживать эмоции.

«Чем затруднительнее мое положение, тем осторожнее шаги, – пишет Елагиным. – *Я сделался педант по службе, непреклонность и ничтожность ее почти в мелочах возбудила более негодования, но обеспечила мою безопасность. Строгость правил и образа жизни моей не позволяли злословить…»*[2].

Мало кто в подобной ситуации поступал столь осмотрительно и мудро. Батеньков не давал ни малейшего повода к неудовольствию, оставался подчеркнуто вежлив и невозмутим.

Но гонения приняли иную форму: пошли доносы в Петербург.

«Произведенные мною работы… – жаловался друзьям, – *стали охуждать, голоса были в воле моих гонителей… могли препятствовать моим действиям»,* а средства оправдать себя могли привести к худшему – и это *«без явного разлада».* Но донесения, все до единого, были лживы, противоречили фактам – доказать это не составляло труда. Надежды *«одним махом сразить его, подвести под суд»,* к счастью, не оправдались.

Правды в томских доносах *«не было ни на волос»,* и Батеньков *«был в силах совершенно оправдаться»,* получив вместо обвинения благодарность, чем сильнее раздосадовал недругов. Однако *«злоба изобретательна»,* доносы становятся умнее: так, *«в неровной борьбе, лютой и продолжительной»,* шла сибирская служба[3].

И тут, в разгар противостояния, пришло известие о смерти человека, который почти всегда, во всех схватках с гражданским начальством брал сто-

рону Батенькова. Не стало главного его покровителя, управляющего путями сообщения генерала Деволанта[4].

А следом сообщили о смерти матери: беда не приходит одна[5]…

Почта доставила черную весть через пару недель, в начале февраля, когда тело ее, по христианскому обычаю, было предано земле. Получив бумагу, Батеньков уединился. Вошел к себе, сел к столу и просидел так до глубокой ночи.

Хотелось рыдать, но слез почему-то не было.

Пусто было на душе и мучительно горестно, будто оказался на родном пепелище. Он видел, как это бывает: черная труба торчит из земли, как грозный указующий перст, а вокруг – выжженное огнем пространство, заваленное обгоревшими досками, какими-то тряпками, хламом.

Вот и порвалась последняя нить, связующая с краем. *«Отдаленная Сибирь, с суровым своим климатом, с тяжкими цепями, конечно, не может понравиться сама собою*, - напишет чуть позже друзьям, - *но вы знаете, что целой мир иногда для нас заключается в одном существе, - ето существо для меня была мать»*[6].

Два года назад *«желание успокоить ее»* привлекло Батенькова на берег Иртыша. И вот теперь он остался один, *«и Сибирь, с которой прервались… все сердечные связи»*, сделалась для него *«ужасною пустынею, темницею, совершенным адом»*[7].

Вспомнилось детство. Милый дом с устоявшимся бытом, знакомыми запахами, родными голосами. Походы за город, где стояла древняя обитель и были пруды, «озерцы».

Там, мальчишкой, ловил *«маленьких с желтою блестящею чешуею рыбок»,* коих называли *«золотыми». «Поймать и смотреть на них хотелось, но было жаль»,* и он просил отпустить их в воду, а после рассказывал матери, будто они его благодарили.

Город окружал темный лес. Когда он вошел туда впервые, ему показалось, что это *«другой мир»,* а кустарник, каких немало и в городе, почудился волшебным. Товарищем в этих прогулках был молодой живописец, почти отрок, *«ученик как-то родственника матери».* Вместе читали книги, *«а после, как умели, разбирали их»: «живительные сочинения»* Карамзина, оды Державина, заставлявшие парить, и душевные стихи Богдановича.

Ссыльный граф Салтыков, священник Гиганов, учитель народного училища Сейфулин, хорошо знавший арабский язык, *«прилежный охотник к преподаванию»* родного своего татарского языка. Прочие люди, окружавшие в детстве[8]…

Это был его мир, накрепко связанный с домом – и матерью, олицетворявшей дом[9]. Мир, который пришлось рано покинуть, чтоб поступить, как подобает сыну военного, в петербургский Кадетский корпус.

В Дворянском полку при Кадетском корпусе учились дети знатных особ, а шефом был сам великий князь Константин Павлович. Но безродный,

неимущий Батеньков туда как-то поступил. Как, какими путями, осталось неведомо: догадывался, что не обошлось без прошений и долгих хлопот, а вот кто хлопотал, мать ему так и не сказала.

Близким другом по корпусу был Раевский[10]. Он не оставил армейскую службу, носит, как прежде, мундир артиллериста. Прислал недавно письмо – всё такой же пылкий, деятельный, заботливый[11]. Надо б ответить, а еще…

Батеньков вспоминает, что дал себе слово посетить заведение, где воспитывались дети военных. Открылось оно недавно, в доме, построенном на средства города, и нуждалось, по слухам, в пожертвованиях[12]. Сам когда-то жил вот так же, в вечной нужде, терпел лишения и розги. Надо помочь.

Он берет из ларца деньги, одевается и идет на другой конец города, в военно-сиротское отделение[13]. Неказистое деревянное строение, воздвигнутое, как горделиво вещали чиновники, *«к украшению города»,* утопало в снегу чуть не по самую крышу.

На крыльце показались дети…

Боже милосердный, не оставь без поддержки тех, кто нуждается в благой твоей помощи больше всего! Сердце болит, глядя на изможденные их лица, потрепанное платье. Маленькие, затравленные муштрою зверьки.

Так ведь и сам был таким, когда оказался, по смерти отца, в Тобольском сиротском приюте. Когда увлекся знаниями и *«стал развивать себя… вверх и вверх»,* пока не дошел до *«разумения рассудочности».* И соединился с природой, полюбил ее *«в сильном восторге»* души. И задумавшись о смерти, *«стоял на коленях пред образом… боролся с собою… пока внезапным осиянием ума обнял»,* какое ему *«свойственно богопознание и верование»*[14]...

Когда, земное оставляя,
Душа бессмертная парит,
По воле, всем располагая,
Мир новый для себя творит,
Мир светлый, стройный и священный;
Когда один я во вселенной,
Один – и просто божий сын.
Как пульс огнем, не кровью бьется,
Тогда-то песнь рекою льется,
И языка я властелин[15].

Батеньков идет по улице, мимо старых, покосившихся изб, брошенных за ветхостью в распоряжение воров и нищих[16], и думает превратности судьбы. Он чувствует сильный озноб и головную боль, его мучает кашель: который уж день нездоровится. Нужно отлежаться – благо, срочных дел, по случаю холодов, не предвидится. Городские работы почти не ведутся.

Вернувшись домой, Гаврила Степанович испросил у хозяев[17] горячего чаю и слег в постель.

Назавтра ему стало хуже, вызвали лекаря, Ивана Нимейера[18].

К приходу врача Батеньков был совсем уже плох. Поднялся жар, в голове кружились обрывки мыслей – ни на чем нельзя было сосредоточиться. Временами впадал в забытье, и тогда грезилась мать: будто стоит, молодая, у родового гнезда и тихо, печально улыбается.

Когда приходил в себя, обнаруживал рядом Полину. Она вытирала больному испарину, протягивала кружку с клюквенным морсом. В глазах её стояли слезы.

Так продолжалось месяц.

Потом болезнь отступила[19], и Батенькову вручили запечатанный сургучом конверт из губернского правительства. Не дожидаясь, пока дело пойдет на поправку, губернатор прислал распоряжение отправиться тотчас в Иркутск *«для постройки набережной по реке Ангаре»*[20].

Чиновничье войско ликовало: старания увенчались успехом, недруг повержен и должен покинуть их город. Так-то, мол, с нами тягаться! Но Батеньков откровенно недоумевал: из Петербурга никаких приказов не поступало. Напротив, начальство находило уместным, чтоб он, оставаясь в Томске, продолжил благоустроительные работы.

Оспаривать мнение гражданского губернатора было опасно. Но того хуже было ослушаться собственных «командиров», посылающих предписания из Петербурга.

Выручил добряк доктор: в справке, выданной им, говорилось, что больной *«по великой слабости без опасности жизни никак не может предпринять пути прежде, как через месяц»*[21]. Что, впрочем, было истинной правдой: Батеньков после болезни сильно ослаб. Думать и читать, лежа в постели, он вполне мог – голова уж работала ясно, а подниматься, совершать пешие прогулки доктор по-прежнему запрещал.

– Рано, голубчик, – увещевал он, сдерживая попытки подняться, - говорю же вам: рано. Служба подождет, ибо из всяческих дел наиважнейшее есть сохранение здоровья.

Да куда там, Батенькова разве удержишь.

В жарко натопленном доме ему невмоготу, хочется на порог, вдохнуть зимней свежести. Тянет на волю, на простор, который всегда, с детских лет, манил и завораживал[22].

Он неспешно одевается, выходит за ворота, жмурясь от яркого, предвесеннего солнца. И идет, стараясь ступать потверже, в почтовую контору – справиться о корреспонденции.

Так и есть, на почте дожидается пакет: «Его благородию г-ну инженер-поручику Г. Батенькову». Ломает печать, надеясь узнать решение своей участи, читает:

«Совет путей сообщения уведомляет:

1. служащего в канцелярии Х округа путей сообщения писца коллежского регистратора Чернова, согласно его прошению, из ведомства путей сообщения уволить;

2. канцеляриста Аргамакова определить для исправления письменных дел в канцелярию Х округа по изъявленному им желанию в качестве старшего письмоводителя с жалованьем по 400 рублей на год…»[23].

А ниже приписка: когда сей чиновник проявит себя в полной мере, *«получит обер-офицерский чин и от управляющего Х округом одобрение»*[24], тогда и будет достоин места секретаря канцелярии. Но не раньше, как испрашивал Батеньков.

Что ж, усмехнулся Гаврила Степанович, пусть не раньше. За одобрением дело не станет[25].

Он прячет пакет в карман и шествует обратно.

Да, таковая должность – удача. Место хорошее: чиновник путейного ведомства не в пример канцеляристу почтовой конторы – жалованье пусть небольшое, зато виды к служебному росту весьма определенные…

И следом мысль: а кто поможет ему, Батенькову, когда стало трудно, как никогда? Кто рассудит, разумно всё взвесит, отделит правого от виноватого и каждому воздаст по заслугам?

Есть ли таков и где он: умный, добрый, внимательный – почитающий закон, а не силу, правоту, а не льстивую ложь? Может, и есть, Батеньков верит… только не здесь, не в Сибири.

Ну, а где?

XIII

Весна нынче ранняя, снег тает быстро. Ежели не случится заморозков, наводнения, упаси Боже, не избежать.

Который год терпят бедствие томичи от гибельного разлива рек, пропадает столько добра, столько денег уходит впустую, а помочь нет возможности.

Так говорят все кругом.

Батеньков слушает, кивает, а сам напряженно думает: верно ли нет средства? Прошлогодние наблюдения дали понять, отчего происходят бедствия, в чем причина ледяного затора и *«стремительного пребывания воды»*. Занятия эти надо продолжить.

Он достает тетрадь с дневниковыми записями, где отмечал, буквально по дням, состояние рек – Томи и Ушайки. Внимательно изучает написанное, что-то рассчитывает, вычерчивает на листе ледорезы и дамбы, в коих нуждается город.

И снова идет к реке продолжать наблюдения[1].

Перемен в его положении, увы, не наметилось, но уныние уже не владеет сердцем, как прежде. Намедни получил долгожданное письмо от любезного друга, «белевского барина», который молчал без малого год. Алексей Андреич сообщал о рождении сына[2] – более никаких новостей в письме не имелось.

Батеньков трижды брался за письмо и останавливался в волнении, не в силах прочесть. Затем отложил, дав себе *«несколько часов успокоения»,* и начал мысленно общаться с дорогими людьми: мечтами унесся за тысячи верст.

Наконец восстановил ход мыслей, успокоился, взялся за перо.

«Мне ли винить вас, милые и единственные друзья? – были первые строки ответа. – *Боюсь, не огорчил ли вас моим роптанием… Простите нестройным порывам моей чувствительности: я после много скажу вам, должен много сказать, теперь скажу только, что вы для меня есть то, без чего я перестаю быть я, без чего не сделаюсь прежним я».* Ведь в нынешнем положении едва ли можно вообразить, сколь изменился характер: *«грусть, гонения судьбы и сильных преобразовали его»*[3].

Но и тут признания о сердечном влечении не было сделано: имя Полины Аргамаковой в письме не прозвучало – только смутный намек.

«Малютка ваш дорог мне, как залог взаимного вашего счастия, – пишет Книжник. – *Вообще я люблю детей – и ежели угрюмый рок отвратит на минуту грозный свой взгляд, какое восхищение ожидает меня…»*[4].

Письмо вышло коротким, отправлять его Батеньков не стал. А через пару дней написал новое, изложив подробно историю горестных бедствий.

«Пользуясь лестными обо мне отзывами и доверием начальства, - сообщил в конце, - *вздумали переменить место моей ссылки на другое, еще ужаснейшее. Под благовидным предлогом важного поручения я должен отсюда выехать… в Иркутск; и ето исполню 1-го маия, исполнить бы надобно и теперь, но тяжкая болезнь не допускает. Там поручено мне строить на реке Ангаре набережную в 300 тыс. рублей – поручение виднейшее и наилучше во всяких других обстоятельствах, но…»* – добавил – *«тут, конечно, уже приняты все меры к вреду моему…»*[5].

Вместе с письмом Елагины выслали другу посылку. Гаврила Степанович поблагодарил и обещал отыскать для них по приезду в Иркутск *«что-нибудь из китайских вещей»*, какие в российских краях *«не совсем обыкновенны».*

Лестные отзывы начальства, упоминаемые в письме, получены были тогда же, в марте.

Батенькову сообщили, что доводы его *«признаны уважительными»,* и что, основываясь на них и на положительном отзыве самого губернатора, Совет путей сообщения, признает его *«по сему делу не подлежащим никакому обвинению».* А напротив, рассматривает его действия, как *«сообразные*

с правилами искусства и должною бережливостию», а потому *«засвидетельствовать может похвалу»*[6].

Еще несколько месяцев назад такое *«доверие начальства»,* наверное, бы окрылило. Но не теперь, когда узнал цену похвалам и силу интриг… Делать нечего, придется ехать в Иркутск, хотя и там есть губернатор – как не быть, которому могут стать неугодными его, Батенькова, суждения и поступки.

Между тем наступила весна, *«седины свои мало-помалу стрясает природа»*. И вдруг опять ударил мороз, и *«опять всё умерло… ручьи остановились – и белый мох покрыл распутия».* В природе, как в жизни, плохое идет за хорошим, тепло сменяется холодом. И скучен уж день, скучна ночь, и заунывный звон колокола *«согласуется»* с расположением его души.

Батеньков собирает *«остатки изнуренных сил»* и идет в ближайшую церковь молится.

Тот день, в подробностях и красках, он опишет в письме, ибо там, в древнем деревянном соборе, удалось постичь и почувствовать нечто важное. Он увидел вдруг происходящее как бы со стороны, свежим взглядом, и ирония, не покидавшая его раньше даже в смертельной опасности, вернулась к нему. Печаль, неизбывная спутница последних недель, не покинула душу, но это была уж другая печаль, которая позволяла надеяться, жить и любить эту грешную, несуразную, противоречивую жизнь.

Церковь возвышалась на крутой Воскресенской горе, где было *«первое на берегу Томи пристанище покорителей Сибири».* И по ту пору *«остатки старых башен казачьего острога»* сохранились на мысу – Батеньков любил гулять там и прежде. Собор потускнел, обветшал, обрушилось внутри него *«всё рукотворное»* и *«сгнил пергамент, содержавший предания о его построении».* Медный колокол не оглашает окрестности благовестом[7]. Но люди, казалось, не изменились, особенно старый дьячок, коего пощадило *«неумолимое время».*

«Молиться пришел я – и молился, – вспоминал Батеньков. – *Богу раскрывал тоску сердца моего, богу исповедывал мои слабости, невинность и страдания; у бога просил помощи, просил прощения – моим гонителям. Казалось, ничто не возмутит сладкого расположения души моей. Но сатана, древний враг благочестия, и древними, и новыми орудиями искушает нас»*[8].

Какое уж тут благочестие, поневоле обратишь свой взор, отвлечешься от молитвы – и усмехнешься невольно, и воздосадуешь.

Старый дьячок суетился неподалеку, хлопотал у подсвечников. Он вел себя так, будто забыл, ради чего пришли сюда люди: *«ударил три раза кошку, кинул углем из кадила в лицо сторожа, погрозил старушке»*. То есть поступал, как обычно, и никто, кроме Батенькова, не обращал на него внимания. Да и он старался вникнуть в слова молитвы, вслушивался в чистый голос молодого пономаря, который *«истинно из глубины сердечной, из самой, по-видимому, сокровеннейшей глубины, тянул «Господи помилуй…»*.

И Батеньков молился, горячо и искренне, и не заметил, как свечка в его руке запылала неподобающе сильным огнем. «Да ты спишь, что ли, в церкви!», – сделал ему дьячок строгий выговор. *«Помилуй бог!* – подумал Батеньков, - *сон и на мягкой постели бежит от меня».* Но даже это происшествие не омрачило светлого состояния души. Он продолжал тихо молиться, слушая особенно благочестивый, казалось, распев пономаря. Ничего лучшего, мнилось, не слышал даже в Киево-Печерской лавре.

Тут к пономарю пристроился петь тот же дьячок и, конечно, испортил всё пение. Он и фальшивил, и отставал *«по случаю увольнения, за выслугою срока, зубов его»,* и сердился на это, распаляя свой гнев. Пономарь сделал замечание. Возникла перепалка, уместная больше в кабаке, нежели в стенах церкви. *«Священник насилу помирил их, пославши читать стороннего».* Но оба даже не думали стихнуть. Тогда пономарь, чтобы хоть чем-то показать свое превосходство, *«поспешил за алтарь и явился среди церкви – в стихаре и с свечою».*

Слаб человек, что скажешь. Да только не Батенькову осуждать его, сам ведь за полчаса пред этим сделал то же самое: *«теснимый народом»,* полез в карман, якобы за платком, а на самом деле показать, словно нечаянно, *«орденский крест и тем защититься от толчков соседних».* Чиновников в Сибири, сосланных за прегрешения, не особенно-то уважали, а мундир – что ж, для всех одинаков.

А служба тем временем продолжалась. *«Дьячок беспрестанно качал головою, когда, по его мнению, пономарь сбивался с ноты»,* хотя трудно сказать, была там ошибка иль не было. Ближе к концу возникла новая перепалка, дьячок стал бранить чтеца, начал опять сердиться. И не докончив службы, принялся, *«к греху нашему, снимать свой стихарь»,* да запутался в одеждах, а пономарь, не видя, продолжал читать. *«Поделом ему!», – проворчал священник»,* но дьячку, *«бедному страдальцу»,* все же дал знак помочь.

Вернувшись домой, Батеньков *«смеялся, как дитя».* Впервые за много месяцев дал волю хохоту, но… это был горький смех. Почему так, думал, в чем причина того, что судьба оборачивает всё вверх дном*: «Где ищу радости – там горе; где ищу искренности – там коварство; где ищу покровительства – там тиранство»*[9]. Вот и в церковь шел для умиления, а вернулся со смехом.

Описав происшедшее, он уверил друзей, что это особенный*, «примечательнейший случай во весь год»* в однообразной – работа и тяготы – его томской жизни. Однако и новое послание отправлять не стал, убрал перо, оставил, как есть, на полуслове…

Продолжил писать через четыре дня, когда наступила Пасха.

Есть ли день светлее и лучше! *«При звоне колоколов, при стуке колес, при шуме народном»* забываешь о себе и своих бедствиях. Вот кабы отпраздновать с милыми друзьями, тогда бы, точно, настал для него *«истин-*

ный праздник воскресенья», он *«воскрес бы из гроба досад, печали, скуки, недо0,,0верчивости, раскаяний»*[10].

Он бы поведал Елагиным то, что не скажешь в письме, и выслушал дельный совет. Он бы обнял их сына, который растет, должно статься*, «не по дням, а по часам, как сильный, могучий богатырь»* – в такой-то семье как иначе. Да только милый кров далеко, когда еще Господь сподобит навестить. А потому, снова и снова просит друзей не забывать его, всеми покинутого, писать чаще – тогда это войдет в привычку, и связь меж ними станет прочнее.

И подпись: *«Остаюсь всегда преданный вам*

Батеньков».

А ниже приписка: просьба выслать «Божественную философию» в переводе Корнеева[11], *«отпечатанную в Москве недавно, в нынешнем году».* Это было последнее, что Батеньков написал из Томска в год невыносимых гонений – и неожиданного, счастливого возвышения.

Он аккуратно складывает листки и спешит в почтовую контору.

Еще везде лежит снег, от реки дует пронзительный ветер. Но снег весенний, тяжелый и грязный, а у домов особенно рыхлый, заметно осевший. И птицы, стоит выглянуть солнцу, верещат звонко, предвещая скорое тепло. И деревья набирают силы, чтобы воспрянуть, облачиться в зеленый наряд.

Природа вершит обновление. Неспешно и старательно выполняет извечную свою работу, проводя черту меж зимою и летом, светом и тьмой, тревогой и покоем.

Батеньков не знает, но чувствует, что добрая весть впереди, вот-вот огласится. И душа его полна ожиданий.

Ну, так и есть: дней через десять, в середине апреля, приходит депеша. Совет путей сообщения извещает Гаврилу Степановича, что он, в числе прочих инженеров путей сообщения, удостоен повышения в чине. Из поручиков его перевели в капитаны[12].

И первым, кто поздравил с повышением, был губернатор Илличевский. Подчеркнуто вежливо и бесстрастно, дабы не уронить высокого своего достоинства, его превосходительство соизволил обронить слова почтения, тоже, видимо, чувствуя скорую «перемену декораций».

О, эти старые чиновники! Они развили шестое чувство в совершенстве, дозволенном природой. Они, как чуткие псы, хорошо знают, когда следует лаять и кусать, а когда нужно оскалить в улыбке зубы, выразить ласку и преданность.

«Рад вас поздравить, – гнет спину в коридоре губернского правления титулярный советник… то бишь, как там его… – Позвольте высказать совершеннейшее почтение и искреннюю преданность».

Кажется, еще немного, и шаркнет ножкой, как гимназист в присутствии господина директора. И такое беспредельное счастье написано на лице, будто и вправду, каналья, испытывает радость, поздравляя опального инженера.

Батеньков сухо кивает и шествует дальше. Другое у него на уме.

Так устроен человек: получив надежду, он уверяет себя, что всё худшее, благодаря Создателю, наконец, позади. Новых погон, на которые в нынешнем положении мало рассчитывал, Батенькову уже мало – ему не терпится выпросить обещанный правительством пансион, *«всемилостивейше доставленный по ходатайству генерала Деволанта… сверх жалованья»*[13], каковой поступал в Тобольскую казенную палату с большими задержками, а то не поступал и вовсе.

В начале апреля Батеньков обратился в Совет путей сообщения с просьбой похлопотать за него в Министерстве финансов, ибо *«просить о том, где следует, помимо начальства»* не осмеливался. Просьба состояла, собственно, в том, чтобы Казенная палата Тобольска присылала деньги, без промедления, на то место службы, где он окажется волею начальства, либо выдавала окружному управляющему.

«Требовать от меня, чтобы я перепоручил, по доверенности, получение денег, невозможно, - сообщал он, - *так как, не имея родственников, затруднять совершенно никого не могу. Да и род службы моей не позволяет утвердительно назначить место, где получать пансион можно; удобно же сие всегда чрез своего окружного начальника»*[14].

Так написал, отправил прошение. И теперь размышлял, не лучше ли было обратиться в финансовое ведомство самому, поскольку *«дело сие не относится»* до нынешней его службы и затруднять петербургское начальство таковыми просьбами не вполне, признаться, удобно.

Но это так, между прочим, ему одному-то ведь много не нужно: поможет родственникам, оставит что-то на будущее – и ладно. Другое дело – семья, мысли о которой не оставляют его в продолжение долгого времени. Вот покинут его беды, и решится он сделать предложение – стать мужем, отцом, главою семьи. Тогда испрашиваемые деньги будут, конечно, не лишними.

Мысли об этом греют душу. И сладостно думать, и тревожно: как знать, получит ли руку и сердце Полины Николаевны, оправдаются ли ожидания, удастся ли завести домашний очаг, свить гнездо…

А весна решительнее вступает в права. И тают снега, сырой свежий ветер кружит голову, теплые лучи еще робкого солнца согревают лицо. И как никогда хочется жить.

Жить и любить.

XIV

Еще зимою, до наступления распутицы, отцы города снаряжали обычно одного-двух гласных думы для заготовки продовольствия[1]. Муки и крупы надлежало купить сполна, ибо наступит пора, пригрет весеннее солнце, и

рухнет Сибирский тракт, главная государева дорога, раскиснет – ни пройти, ни проехать[2]. Нужен запас.

К тому же имели в виду, что пострадавшим от паводка жителям придется, не ровен час, подсоблять хлебом: что ж им, горемыкам, не пропадать же с голоду. Всякий год, почитай, от разлива рек страдают томские семьи – ожидать ли беды нынче?

Ждали, конечно, как без того, готовились, веря в приметы. И все же, богатые опытом, не могли и предположить размеры бедствия: наводнение той весною случилось небывалое[3].

Страшное случилось наводнение, гибельное для жителей приречных мест[4]. Многие дома оказались в воде по самые окна, а ветхие хозяйственные постройки – те и вовсе смыло стихией, и плыли ошметки чьего-то имущества по мутной ледяной воде.

Доски, обломки забора, двери на ржавых петлях.

Собаки выли от страха на крышах, гомонили пострадавшие: бедные мещанские вдовы, крестьяне, солдатки с детьми. А из лодок, проплывая меж домов, преувеличенно бодро покрикивали на них младшие полицейские чины, снаряженные в помощь.

«Ничего, – говорили, – образуется. Э-эх, православные, нам ли горевать! Постоит вода пару дён да убудет».

В ответ раздавался бабий плач да чья-то отборная ругань. Тут доставалось уж всем сполна: отцам города, не помышлявшим о дамбе, полицейским да самим Силам Небесным. Но помощь принимали охотно, куда деваться, и от хлеба не отказывались[5].

Все эти дни Гаврила Степанович, хоть и чувствовал недомогание, старался помочь общей беде – не делом, так советом. Наблюдал за разливом, кого-то успокаивал, возмущался, переживал. Чужое горе равнодушным разве ж оставит.

О своих бедах-болячках уж не вспоминал, не до того: вон их сколько, страдальцев, вот кому посочувствовать да помочь. А уйдет вода, настанет тепло, тут поджидай новые горести: пожары. Летом дома томичей полыхали, будто солома, один за другим. Лишь успевай тушить.

«Пода-айте, Христа ради, – слышит Батеньков хриплый, простуженный голос. – Не оста-авьте без милости…».

Старик в немыслимом каком-то, гадком рванье тянет за подаянием дряблую руку. И приблизиться-то страшно, не то что коснуться ладони, подавая монету. Окажись тут рядом городничий Пенкин, тот бы не стал размышлять, мигом упек в каталажку. Потому как не дозволено праздно шататься, смущать народ оборванным видом: *«всякое бродяжество по узаконениям воспрещается»*[6].

Но у Батенькова свои понятия об узаконениях: мир стоит на законах милосердия. Каждый обязан помогать другому, жалеть и сострадать. И не

думать о власти: должна ли доставить нуждающимся пропитание, – не перекладывать ответственность. Мир стоит на доброте.

Пусть цена ему – потертый гривенник.

Получив монету, старик затряс головой, забормотал что-то в неподдельной благодарности, но Батеньков уж отошел. Рад бы помочь всем, кто в великой нужде, да разве по силам…

Одному нет, в одиночку мало кого осчастливишь. И для добрых сердцем благотворителей задача не по плечу: помогут одним, другим, третьим. Дадут пожертвование, уберегут от нужды на время, а дальше – дальше-то что, снова нужда? Значит, потребны все-таки добрые, человеколюбивые законы, основанные на справедливости, естественном праве людей.

Но могу ли умные, добрые законы изменить того, кто погряз в пороках, выведут ли на правильный путь? Трудно ответить…Взять вот, для примера, посельщиков. Уж что бы, казалось, не жить: строй себе дом, обзаводись семьей, занимайся ремеслом. И никаких повинностей, никаких тебе податей на несколько лет: живи да радуйся[7]. Цени заботу.

Так нет, живут одним днем. Пьянствуют, ленятся, вконец опускаются.

Недавно, слышал, мещанское общество просило выслать из города *«за распутство и худое поведение»* кого-то из поселенцев, приписанных на жительство[8]. Что им добрые законы, напиши сотню – всё одно, не исправятся. Труднее исправить себя самого, чем всё общество. Загляни-ка в душу тому чиновнику, что, сладко улыбаясь, говорит любезности, – и ужаснешься: вот где воистину ад.

Зависть, бесчестие, злоба. Жажда наслаждений и ненасытная, всеохватная, всепоглощающая алчность.

Вроде не так много соприкасался с чиновничьим миром, а хватило и того: осталось чувство какой-то брезгливости. Будто лягушку погладил, болотную гадину, скользкую и противную.

Место служащего, может, и мало кормит – пусть так, зато дает возможность показать какую-то власть, обернуть всякое дело к выгоде для себя. Залезть в казенный карман, как в свой собственный[9].

Каков томский чиновник средней руки? Мало образованный господин в потертом, видавшем виды мундире, с вечно изогнутой в подобострастном поклоне спиной. Да и городские служащие, выбранные на разные *«по хозяйственным делам»* должности, не лучше, так же безнравственны и порочны[10]. А некоторые вдобавок совершенно безграмотны – письму не обучены и чтению тоже. Считать толком, и то не умеют[11].

Духовные лица, в большинстве, лишены благочестия. Ходят в храм, как на службу, отбывают повинность, возложенную на себя добровольно.

И кто ж остаётся, торговцы?

Оборотистые люди, ловкие купцы, ревнители о пользе общественной[12]. Они ходят в церковь, подают милостыню, забоятся о городских делах. Иные не чужды культуре, влекомы к наукам и образованию. Как будто доброде-

тельны, без сомнения, умны, а приглядишься, узнаешь подробней – всё тоже: бессердечие, стяжательство, обман.

Только хуже, чем у мещан, ибо *«прямой и ничем не украшаемый порок менее вреден, нежели кроющийся за щитом добродетели; жаль только, что люди чрезвычайно смешны и, хотя знают, что нет ни одного деяния, произведенного чистою добродетелию, но всегда хотят, чтоб их обманывали и старались уверять в том, чему они никогда не поверят»*[13].

Так думал Батеньков.

Созерцать окружающих, по возможности беспристрастно, вглядываться в сложные и простые черты мира, размышлять о них давно стало потребностью.

Еще сложнее всматриваться самого в себя, узнавать свое «я» и совершенствовать, хоть и кажется, что *«занимаясь собою, знает все свои слабости»*[14]. Полноте, узнать себя до конца невозможно: душа бездонна и темна, как таинственный космос. Нужно многое постичь в себе, открыть для себя новые книги, источник познания и мудрости – литература все-таки шагнула вперед[15].

Только здесь-то, в глуши, хороших книг не достать, вот в чем беда.

Батеньков глубоко погружен в себя. Мысли теснятся в голове, рука просит перо. Впору сесть за трактат в духе европейских просветителей, сочинить некий внушительный труд. Кажется, он способен, и временем пока располагает, и есть, что сказать. Ан нет, сочинять приходится служебную записку.

Подоспело известие о том, что всесильный генерал-губернатор, сидевший на «сибирском троне» так прочно, столько лет, неожиданно смещен. На его место назначен новый[16].

Кто таков, Батеньков не знает и не спешит прояснить: один важный сановник сменит другого, а станет ли лучше?

Может, и так…

Как бы там ни было, приезд наместника государя императора способен многое изменить, к встрече стоит подготовиться. Ведь опять, в отсутствие Риддера, вынужден исполнять должность управляющего округом. Значит ему, Батенькову и предстоит в скором времени предстать пред новым властителем края, которые льстивые угодники, не видя, вовсю уж славословят.

Да, властителю дано много, он как светило – выше всех и имеет в избытке тепло, способное обогреть множество людей. Но по той же причине он должен осветить им дорогу.

Вот солнце. Вкруг него вертится
Миров несметное число,
И каждый вдаль уплыть стремится,
Но сколько тысяч лет прошло,
Как царь сей царством управляет,

В нем каждый мир путь точный знает,
Пути не пресечет другим, –
В горниле солнце остается,
Всем свет, всем жизнь из солнца льется,
И тем необходимо им…[17]

Что есть власть: добро она или зло, благо или несчастие?

«Устройство правительственных учреждений есть самое важное в исполинских делах человека». Но *«высокий дар власти»*, развивающийся *«под покровом божьего храма…открытый току его милосердия и правды»,* остается *«слабо понятый еще человеком»,* хотя *«по практическому ходу истории»* и признан *«необходимым порядку общежития».*

Значит, что? Власть, благословенная Небесами, становится необходимой человеку, *«занимает высшие, центральные… точки в человеческой жизни, и самая жизнь составляет для нее широкое, само собой развивающееся основание».*

Власть, стало быть, нужна и полезна, если она нравственна, а *«ежели гнетет жизнь»,* она *«теряет свою натуру».* Ведь *«ее назначение от бога – сохранять стройность жизни, облегчать ее отправления и возвышать ее силы. Не должна она также гнести собственные свои органы, ибо по существу своему она, чем выше, тем легче»*[18]…

Относится это и к власти, кою представляет петербургское начальство – облаченные полномочиями члены Совета путей сообщения. Генералы в расшитых золотом мундирах.

Только подумал о них – новая депеша[19]. Во главе ведомства, говорилось там, встал генерал-майор Бетанкур[20], известивший господ управляющих округами о своем всемилостивейше одобренном назначении.

Новость хорошая: Батеньков высокого мнения о сем человеке. И тот явно благоволит к сибиряку. Давно, со времен экзаменов в Институт путей сообщения, молодой инженер пользовался расположением Бетанкура.

Так что вот – добрый знак: *«всё стекается к его успокоению».* Авось, теперь всё, благодаря Создателю, и образуется… Пора собираться в Тобольск[21].

Ох, и прихотливо Колесо Фортуны. Пути Господни неисповедимы.

Δ

ЧАСТЬ 2. ТОМСК – ИРКУТСК – ПЕТЕРБУРГ (1819 – 1821)

I

Ужасная, тряская дорога, зажатая высокими стенами леса. Слева густой хвойный лес и справа такой же, без единого просвета.

Едешь и едешь, а картина не меняется: будто стоишь на месте, а не движешься. Таковы, милостивые государи, знаменитые сибирские просторы. Сколько б ни представлял их, читая о Сибири в кабинетной тиши, не перестаешь удивляться: здесь всё бесконечное, немереное, всеохватное.

Глухая тайга, безбрежные степи, невиданные по ширине реки.

Уже одно это делает трудно осуществимым управление территорией, где разместилась бы вся Европа[1]. Да еще, пожалуй, осталось бы место для какого-нибудь приличного государства. Пока из столицы дойдет распоряжение, тут всё переменится – да не на один, поди, раз...

«Мы возлагаем на вас большие надежды, – говорили в правительстве. – С вашим умом, с вашей неиссякаемой энергией привести всё в должное соответствие не представится сложным».

А в соответствие с чем, и каким образом, думал Сперанский[2], никто ведь не скажет. Не обмолвится ни словом, а почему, позвольте спросить? Да потому как сами толком не знают, хотя признаться не могут: сие есть государственная тайна.

Реформатор…

Вспомнили же, после стольких лет опалы и забвения. И откуда бы взяться энергии, да ещё неиссякаемой? И что здесь, скажите на милость, реформировать, ежели порядки сложились веками и, чтоб поменять их, нужны десятилетия. Да-да, не месяцы, не годы – десятилетия. Всюду взяточничество, казнокрадство, произвол[3]…

Но государь повелел.

Государь оказал доверие. Возложил ответственность, приказав *«исправить… что будет в возможности, облича лиц, предающихся злоупотреблениям, предав, кого нужно, законному осуждению».*

Оно бы еще ничего, дело скорое, хотя и неприятное: обычная ревизия. Так нет, цели-то выше, надобно, велел государь, «сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края, и сделав оному начертание на бумаге… самим привезти ко мне в Петербург… дабы прочным образом установить на предбудущие времена его благосостояние»[4].

Сложнее задачи представить невозможно.

Одно утешает: надежда вернуться, *«начертав оное на бумаге»,* в Петербург, ко Двору. Ради такой цели стоит постараться, работать, не ведая покоя. Только бы знать, что предпринять, как изменить порядок, ведь дело-то не в людях. Ну, уберешь одного, другого, на их место встанут такие же, не лучше.

Чтобы искоренить злоупотребления, нужно менять систему, это ясно. А по силам ли такое одному человеку, пусть даже умному и широко образованному?

Сомнительно[5].

Может, потому ничего у предшественников и не вышло. Пытались же на первых порах, тревожились, думали, старались быть услышанными[6]. И что, склонил ли кто ухо к беспокойным призывам, пошел ли навстречу, вникнул ли в беды обширного края? Увы…

Трудная задача, что говорить, немыслимо трудная. А делать нечего, надобно браться. Сибирь так Сибирь – есть, наверное, места и похуже[7].

Короткий отдых, смена лошадей, два слова станционному смотрителю – и снова в дорогу.

И снова леса, бескрайние леса…

От Казани до Тобольска – полторы тысячи верст, две недели пути. Да мешкать нельзя: *«несмотря на разлитие рек и частые переправы»,* преодолели сие расстояние в кратчайший срок, за восемь дней. И в дороге, стоит заметить, «все были веселы и бодры» – вся свита генерал-губернатора.

«Легко представить, как мы здесь были приняты, – пишет из Тобольска любимой дочери наместник императора. – *Восторг, можно сказать, был всеобщий. И самые те, кои страшились меня, как судьбы грозной, утомленные ожиданием, рады были видеть решение»*[8].

Равнодушных нет: обиженные уповают, неправые трепещут, уставшие от тягот надеются на послабления.

Всё пришло вдруг в движение, загомонило, засуетилось, нарушилось видимое спокойствие. А поздравлять Сибирь с новым властителем либо сочувствовать, мало кто, признаться, и ведает[9].

Но жалобы пишут.

В первые же дни на его высокопревосходительство обрушился поток всевозможных жалоб – подобострастных и слезных, а что стоит за ними – где правда, где ложь, поди разбери. Крестьяне пишут на купцов, мещане доносят на градоначальников, инородцы обличают земских исправников, ремесленники недовольны гласными, чиновники пишут друг на друга[10].

Кажется, года не хватит разобрать все эти споры, тяжбы и ссоры.

Однако бумагами следовало заняться, уверив первым делом сибиряков, что «жалобы на местное начальство не составляют преступлений и что их можно приносить»[11].

«Я окружен здесь хлопотами, - жалуется наместник дочери, - *а ты знаешь, как ненавижу я всякую хлопотливость; не дела, о безделки, чрез кои надобно пройти к делам, неприятны…Но душа моя исполнена надежды»*[12].

И надежды на добрых помощников тоже.

В один из дней попалась на глаза весьма дельная записка. Хотел пробежаться глазами да передать, как повелось, сопровождающим[13], но невольно вчитался.

Записка совершенно не походила на всё, что привелось видеть в эти дни, и благосклонное отношение к автору возникло сразу, само собою.

Что обращало на себя внимание?

Безусловно, слог. Наместник, как ценитель хорошего слога, сразу отметил язык – очень грамотный, лишенный канцелярских оборотов и не перегруженный терминами, чем любят щеголять специалисты. Бросалось в глаза умение излагать мысли простым, доходчивым языком, избегая бессодержательных и пышных фраз. Способность аргументировано, но не сухо рассуждать на темы достаточно сложные.

Ну, и позиция, конечно.

Сибирские чиновники во всяких *«сношениях»* с начальством стремились показать, первым делом, собственную значимость. Убедить в своей незаменимости на данном государственном поприще. Провести мысль о важности той службы, кою они имели честь представлять.

Ничего этого в записке о состоянии Сибирского округа путей сообщения обнаружить было решительно невозможно. Напротив, излагать мнение о положении дел автор вздумал с того, что обрисовал хоть не исключительную, зато достоверную роль самого ведомства и его сибирского отделения.

«Действия ведомства путей сообщения в сибирских губерниях, - сообщал он, - *ограничиваются единственно практическими изысканиями, собиранием предположений для будущего устройства округа по движению судоходства, а равно содержания сухопутных сообщений и переправ… и по*

сие время зависит, на прежнем положении, от местных гражданских губернаторов»[14].

Все это наместнику, возможно, и было известно.

Но его, прибывшего для преобразования края, интересовала реальная ситуация с путями сообщения, от коих зависело состояние торговли и промышленности в огромной, отдаленной от правительства Сибири. Заботило строительство дорог, развитие судоходства и «сухопутных перевозок», наличие мостов и переправ. Поэтому сведения, содержащиеся в записке, для него были крайне важны.

И наместник стал внимательно читать дальше.

После определения значимости округа и обязанностей инженерных чиновников писавший перешел к рассмотрению водных путей. Дал подробное описание крупнейших рек – Оби, Иртыша, Ангары, а также основных их притоков.

«Подъем судов вверх совершается посредством парусного плавания или обыкновенной тяги»[15], - продолжал он.

Не указывая прямо на слабую техническую оснащенность службы путей сообщения, чтоб не выставить в нежелательном свете непосредственное, благожелательное к нему начальство, автор записки все же высказал, что хотел, сделав критический настрой «прозрачным» для умного, проницательного вельможи[16].

И это тоже чрезвычайно понравилось генерал-губернатору.

Много места в записке отводилось описанию маршрутов речного плавания, показаны были водные пути до Томска, Тобольска, других сибирских городов.

«Река Енисей, – сообщалось там, – судоходна на всем протяжении до Томской губернии, составляет торговый путь к городу Енисейску и от оного к Туруханску», служа для доставки хлебного продовольствия.

Но само судоходство развития пока не получило, не говоря о *«сухопутных сообщениях», кои «преимущественно совершаются по почтовым большим дорогам».* Движение по ним затруднено, *«через большие реки мостов нет, и даже на средних, большей частью, устроены перевозы»,* но важность сухопутных перевозок не подлежит сомнению. Особенно зимою, когда начинает действовать Ирбитская ярмарка и *«доставляются в столицу взимаемый в ясак пушной товар и минеральные произведения Восточной Сибири»*[17].

Автор рассуждал не просто как инженер, смотрящий на всё под определенным углом зрения, а пытался подняться над положением, показать его в государственном масштабе, представить, по возможности, наиболее полно и всеохватно.

Стремление это было заметно и в заключительной части записки, где указывалось, для чего надобно развивать пути сообщения – водные, как наиболее дешевые, и сухопутные, какая от них выгода государству и краю.

«Водные сообщения, – читает наместник, – *служат везде «для частной торговли и преимущественно перевозки китайских товаров, для снабжения мест солью и хлебом», «к доставлению строевого леса туда, где в оном стоит нужда»,* а также для доставки грузов к рудникам и заводам[18].

Вряд ли экономическое значение путей сообщения надлежало рассматривать при составлении такого рода записки. Сомнительно, чтоб рассуждения о развитии Сибирского края входили в полномочия начальника округа. Но неудовольствия у наместника, придававшего большое значение как форме, так и содержанию служебных докладов, это не вызвало[19].

Он увидел в авторе записки человека, который искренне заботится о благе отечества, а не о личных, своекорыстных интересах. Человека разумного и неравнодушного, образованного и способного. Такого, в котором нуждался для выработки и воплощения плана преобразования края.

И хотя встречи с генерал-губернатором всем были отказаны, а рапорты «посылали в пакетах», автору записки, капитану Батенькову, предписано было явиться на следующий день.

Услышав волю генерал-губернатора, он совершенно растерялся.

А тут еще – случится ж такое! – городничий на дороге объявил, что солдат его мастеровой команды *«напился пьян и упал против дома генерал-губернатора»,* отчего Батеньков пришел в полное замешательство[20].

Думал ли он что встреча эта решит его судьбу, вернет к жизни, возвысит, превратит из гонимого в человека, приближенного к властителю края?

Нам не ведомо, что готовит провидение: грядущее скрыто под завесой. Надо лишь уметь ждать – и оставаться самим собой.

Всегда, во всех ситуациях.

II

Приезд Сперанского взволновал и взбудоражил всю губернию, а сам губернатор фон Брин[1] пребывал, казалось, в совершенном спокойствии. То ли не ведал за собой прегрешений, почти не вмешиваясь, за неимением административных дарований, в управление краем. То ли, по свойственному иным старикам благодушию, не давал оценки происходящему.

На своем веку он повидал всякое.

И теперь ясным солнечным днем сидел у раскрытого окна, расположившись в кожаном кресле, слушал беззаботное щебетание птах и как будто дремал, ожидая наместника.

Батеньков вошел в залу, почтительно со всеми поздоровался. Затем сел подле и принялся ждать. По прошествии некоторого времени дверь распахнулась, вышел какой-то чиновник, а следом показался генерал-губернатор.

Сперанский был *«большого роста, хотя несколько сутуловатый, с высоким лбом, с головою, обнаженною до затылка»,* опрятно одетый. *«Он но-*

сил в чертах своего лица отпечаток необыкновенного ума и вместе добродушной приветливости». Особенно поражали его глаза, *«если уж не прежним блеском… то сохранившимся в них особенным выражением»*[2].

Это был человек, который держал в руках судьбу всей России, соратник и друг государя императора. Вельможа, коего неизмеримые достоинства признавал сам Наполеон.

Удивительный, знаменитый, восхитительный Сперанский, которого боялись и ненавидели, которым восхищались и любовались, возносили за явные его достоинства и презирали за мнимые недостатки.

Он вышел к ожидавшим его чиновникам и обвел общество пристальным взглядом.

Батеньков, чрезвычайно смущенный, *«был смиренным и робким»*[3]. Но держался независимо, стараясь казаться спокойным.

– Ваш рапорт мне понравился, – просто, как давнему знакомому, сказал наместник царя. – Позвольте выразить вам мою признательность[4].

А дальше…

Дальше произошло совсем уж невероятное. В кабинет властителя края был приглашен не губернатор, оторопело застывший в поклоне, не кто-то из его помощников, а молодой инженер-капитан, возрастом и чином не подходивший для такой аудиенции.

Разговор вышел не коротким и не долгим – беседа шла ровно столько, чтобы обговорить существо дела: по всему было видно, что наместник умеет ценить время, свое и чужое.

Говорил Сперанский – умно и обстоятельно, *«доводы его были сжаты, просты и ясны»,* а Батеньков молча внимал, лишь изредка, когда к нему обращались, вставляя короткие, точные реплики.

Гаврила Степанович *«видел в нем разумного, строго мыслящего, огромного ума человека, энергией и упорством достигшего власти и употребляющего ее только для блага России».* В его глазах Сперанский был человек, *«разумно объясняющий явления жизни, признающий действительным только то, что разумно, и ко всему умеющий прилагать мерило разумности».*

В его изложении *«всё представлялось так просто, ясно»,* только одно смущало Батенькова: *«холодный, зеркальный, не пропускающий себе в душу взгляд Сперанского»*[5].

Между тем разговор принимал неожиданный оборот.

Коротко известив о своей миссии и отдав должное способностям молодого человека, генерал-губернатор оказал ему высокую честь, предложив следовать с ним по Сибири[6].

Он говорил, что желает *«дать ход»* действиям инженеров Х округа в трех сибирских губерниях, *«чтоб построения на дорогах и самая конструкция судов руководимы были» инженерами округа, и что, взяв с собой инже-*

нер-капитана Батенькова «для совместного сих частей обозрения, он лучше увидит, в чем нужды настоят теперь»[7].

Выразиться короче и яснее, казалось, было невозможно. На предложение Батеньков ответил утвердительно, и сей же час из кабинета его высокопревосходительства последовали необходимые распоряжения[8].

– Буду рад продолжить знакомство, – мягко улыбаясь, проговорил Сперанский. – И надеюсь, что совместная наша работа окажется на пользу сему краю.

Батеньков что-то ответил – кажется, поблагодарил за необычайное доверие, учтиво откланялся и вышел. Голова его пылала, он был весь как в лихорадке. Воображение рисовало заманчивые картины: исполнялись давние и робкие мечтания.

Он спрашивал себя: что ж ожидать, чем всё обернется?

Со служебными неприятностями, уж точно, было покончено. Малоизвестного инженера встреча поставила в новое, высокое положение сотрудника генерал-губернатора. Самый раз отыграться на вчерашних гонителях, но…

Злорадство чуждо его сердцу. Он и в мыслях не держит притеснить или унизить вчерашних недругов. А вот о том, чтобы сдать округ, передав все дела на попечение секретаря окружной канцелярии Чернова, право же, стоит подумать.

Из документов, кои Батеньков представил наместнику вместе с запиской о состоянии округа, выходило, что из семи человек инженерной бригады на тот момент шестеро находились в командировках. Батеньков попрежнему оставался единственным инженером в округе [9].

Он стал приводить в порядок бумаги, готовить отчет.

И уже по-новому, не как сторонний наблюдатель, а как человек, имеющий отношение к высокой миссии генерал-губернатора, воспринимал слухи о кипучей его деятельности. Батенькову нравилось, что тот *«не высказывал себя властелином»,* не подчеркивал превосходства, хотя имел, по всему видно, *«чрезвычайное полномочие»* и по гражданской части, и *«даже насчет войск и горной части».*

О полномочиях наместника вслух нигде не говорилось, но Батенькову, с его аналитическим умом, выводы сделать было не сложно. Он понял, что власть Сперанского *«более, нежели власть предместника»,* хотя новый властитель был прост в обращении, много работал, вникал во всё лично. Держал дверь открытой для визитов, *«позволяя к себе свободный вход бедным и угнетенным».*

Но громить и наказывать не торопился, *«заводить великой бури»* не спешил[10].

Такой человек, мнилось Батенькову, может помышлять лишь о судьбах народов, думать о других, но никак не о себе. В его кабинете, казалось, рождались одни лишь мудрые наставления, указы и распоряжения, а дом

наместника воспринимался чуть ли не храмом подлинной, от всевышнего, власти.

А почта, меж тем, уносила из Тобольска письма, написанные рукою его высокопревосходительства, в коих, средь прочего, говорилось:

«Воображение наше рисует в Сибири чего-то чудного, отличного, и ничего не находит; как жаль, что скучная однообразная действительность везде уничтожает паренья романтические…». Однако *«бодрость духа и здоровье меня не оставляют… Молись только, чтобы я был здоров; прочее всё устроится в своем порядке…».*

И следом: *«Провидение постигло меня несчастьем»*[11].

Ну, а Батеньков был счастлив, как никогда. О, да! Теперь его идеям суждено воплотиться, а работа будет оцениваться так, как того заслуживает, а не как угодно начальству. Он ощущал в себе огромные силы, спешил применить знания в деле, выплеснуть энергию: пора действовать, за разговорами, господа, проходит жизнь.

Многие наши неудачи, думал он, проистекают от невозможности выразить себя, свои лучшие качества, во всей полноте. И сознавать это обидно и горько[12]…

В начале июня, через неделю после памятной встречи, Батеньков вновь был вызван к генерал-губернатору. В знакомый кабинет он входил уже без робости, но всё с тем же заметным трепетом.

Его высокопревосходительство распорядился выехать в Омск. Следовало на месте выяснить правильность составления какой-то строительной сметы.

Дело вряд ли требовало спешности, тем более, что передать управление округом Батеньков ещё не успел. Но, уловив подоплеку поручения, счел за лучшее беспрекословно его исполнить[13].

Перед дорогой решил написать и отправить короткое послание *«любезным друзьям»,* известив их о доброй перемене.

«Сибирь должна возродиться, - написал он, - *должна воспрянуть снова. У нас уже новый властитель, вельможа доброй, сильной, и сильной только для добра. Я говорю о генерал-губернаторе Сперанском. Имея честь приобрести его внимание, я приглашен сопутствовать ему при обозрении Сибири в качестве окружного начальника путей сообщения. Грех было бы упустить такой случай, ибо его и благодарность, и надежды лучшего требуют»*[14].

А сегодня, уведомил, *«еду в Омск, вернусь сюда чрез 8 дней и отправлюсь в Иркутск, где пробуду, по крайней мере, два года».*

Задача, конечно, не трудная – проверить, верно ли сделаны расчеты. *«Осмотрев старый мост, Батеньков указал, что его можно поправить, затратив не более тысячи рублей».* И тут же, не дав себе отдыха, пустился в обратный путь.

Генерал-губернатор остался доволен: *«Сей первый опыт усердия был принят благосклонно»*[15]. Батеньков снова услышал лестный о себе отзыв.

Казалось, ничто уж не омрачит его настроения. Дорога на восток была в то же время лестницей к верхам служебного положения – Батеньков не лишен честолюбия, – и дорогой к себе самому. Ибо позволяла вернуть душевное равновесие.

Но за три дня до отъезда, *«с последнею почтою»,* пришло сообщение о скором приезде Риддера, что ставило перед выбором: ехать или нет. Ведь приглашение он получил в качестве окружного начальника – следовательно, сдав полномочия, не мог боле претендовать на участие в поездке.

Батеньков заволновался: как быть?

Все советовали ехать, не упуская случая «примирить с главным сибирским начальником» свое ведомство в глазах гражданских властей. И вообще, знаете ли, такая удача…

В конце концов, главное было соблюсти приличия, не дать повод Риддеру усомниться, что выбор наместника предопределен был случаем, а вовсе не служебным рвением Батенькова и не его интригами.

Он поспешил уведомить наместника о появлении Риддера.

«Я решился объяснить ему о вашем приезде, – написал в тот же день Филиппу Филипповичу, – *об обязанности моей сдать вам должность и о степени зависимости, по которой без вашей воли не могу и делать ни одного шага. Его Высокопревосходительство отвечал то только, что ежели вы готовы будете уважить его просьбу, то исполнение нынешнего его желания будет ему приятнейшим одолжением. Вместе с тем жалел он, что не имел случая лично с вами познакомиться»*[16].

Теперь генерал-майор будет доволен: его не забыли, его отметили.

Но этого мало. Требовалось убедить в невозможности «соблюсти приличия», представить веские доводы. И Батеньков их привел – причем по пунктам, как учил педантичный, точный в мелочах Риддер.

Итак, довод первый: не следует отказом навлекать неудовольствие *«нового и весьма доверенного властелина»;*

второй: можно показать, что наши инженеры *«быть могут употреблены» к тому, чтоб доказать «влияние <инженерного> искусства на обыкновенные дела»;*

третий: неизвестно, что наговорят там об округе местные губернаторы, уж лучше быть рядом, дабы *«при суждении об оном мог кто-либо говорить в его пользу»;*

четвертый: проездка – превосходный случай *«без всяких насчет наших сумм издержек» осмотреть «и сделать подробные описания важнейших сибирских мест»;*

довод пятый: ежели вы, господин управляющий, пожелаете всё же отправиться лично, сделать сие будет нетрудно, застав генерал-губернатора в Томске, где он рассчитывает пробыть до середины августа.

И последнее: нужно окончить *«с особенною пользою»* некоторые из важных томских дел, *«по которым вместо два года продолжавшихся охуждений»* получить, наконец, одобрение.

К тому же, добавил Батеньков, генерал-губернатор берет его, главным образом, для постройки набережной в Иркутске, *«и отпустит, когда вам буду нужен»,* но полагает, что *«вы позволите мне пробыть у него до весны и что сдача дел не требует необходимо здесь моего пребывания»*[17].

Покончив с письмом, он взялся за другое: поставил в известность Совет путей сообщения о предписании Сибирского генерал-губернатора отправиться с ним. *«Управление Х округом до прибытия в оный господина генерал-майора Риддера,* - сообщил он, - *будет мною произведено на таком же основании, как было прежде, в бытность мою в Томске»*[18].

Ну, вот, теперь, после таковых посланий, можно отправляться со спокойной душою. Батеньков простился с родными, знакомыми, дал последние наставления сослуживцам, чиновникам округа.

И тронулся в путь.

III

В Томск выехали 26 июня, но отправились кругом, решив свернуть по дороге в Омскую крепость. Там встретил их командир гарнизона барон Клот фон Юргенсбург.

Пышные речи, торжественный ужин, дежурные улыбки – всё, как везде.

И здесь важный сановник держался просто, со всеми был вежлив, не спешил, как громовержец, *«делать бурю»* и блистать молниями. Словом, решительно всех очаровал. В нем впервые, быть может, за всю историю края увидели не машину для наказания и поборов, а человека[1]. Думающего, приятного в обхождении, доброжелательного.

Но вместе с тем *«приятный»* наместник давал ясно понять, что существует дистанция, смотрел на всё холодно отстраненным взглядом и близко ни с кем не сходился…

За Омском природа совершенно изменилась: пошла Барабинская степь, вдали от дороги показались юрты кочевников. Батенькову вспомнились детские годы, татарские *«войлочные избы»* за рекою, чужая чудная речь. Наблюдать за бытом другого народа, подмечать броские, колоритные детали в одежде, манере поведения было интересно.

Другое дело Сперанский: знатный вельможа, коего он сопровождал, при виде «грязных дикарей» с трудом прятал презрительную гримасу, что не могло укрыться от Батенькова.

Ещё в Тобольске, зная, что путешествие окажется занимательным, он завел особую тетрадь, куда заносил кой-какие мысли. И теперь, на привале, сделал об этом краткую запись[2].

А чуть позже указал в дневнике:

«В пути я не переставал быть весьма застенчивым, ибо смущало меня даже и то, что экипаж мой был хуже всех. Не приходил даже к столу без приглашения, а когда один раз пала лошадь под моею бричкою, то я считал себя уже совсем погибшим. Сперанский заметил сие, сказал, чтоб я не беспокоился, что он заплатит за разъездных денег, и чтоб ободрить меня, начал на некоторых станциях сажать в свою карету»[3].

Находиться рядом со столь знатным вельможей – уж, само по себе, большая честь, слушать его и подавно. Но молчаливый почтительный слушатель как будто мало устраивал Сперанского, ему нужен был собеседник. Начитанный и умный, да такой, чтоб имел свое собственное мнение, а не ловил каждое слово сановника, принимая на веру любое высказывание.

Сперанский ценил проявления недюжинного ума. *«Лицо его было всегда спокойно, голос тихий – будто под сурдинку; смеялся редко. Но улыбка часто играла на его лице. Говорил медленно, мало, будто по необходимости, зато», в самом деле, «любил слушать других»*[4].

Степи меж тем кончились, началась тайга – такая же необозримая и безбрежная. Полноводная Обь, густые хвойные леса, раздольные заливные луга приятно радовали глаз его высокопревосходительства[5]. *«Здесь природа начинает одушевляться»*[6], – отметил он в письме дочери.

Ямщики пугливо жмутся к обочине: знамо, начальство катит. Крестьяне, завидев кавалькаду, отвешивают поклоны, но делают это не рабски угодливо, как в крепостном состоянии, а вроде бы в силу обязанности.

Сибиряк – он и есть сибиряк[7].

Плохо зная сей край, не испытывая к нему никаких особенных чувств, посланник государя всё же понимал, что преобразования по силам лишь людям осведомленным, постигшим нравы и традиции живущих здесь народов.

Таким человеком был Батеньков. Пусть молод, невысок пока чином, зато умен и порядочен, понимает и любит свой край. Не будет, подобно другим, заботиться о собственном кошельке, не поспешит сделать карьеру, по чиновничьи ловко карабкаясь по головам ближних.

Он нужен Сперанскому, он ему необходим[8]. И в Томске, и в Иркутске – везде, где проляжет сибирский путь. Во всё время, покуда придется разрабатывать *«полезнейшее устройство сего отдаленного края»…*

Батеньков вспомнил, как въехали в Каинск. Только вздумали отдохнуть с дороги – пошли «челобитные». Жаловались на местного каинского исправника и воскресенского комиссара: *«кроме обыкновенных поборов, они крайне стесняли местную промышленность, запрещая крестьянам сплавлять в Омск… леса, которого ежегодно сплавлялось туда до 30 000 дерев»*[9].

Плохой знак, подумал тогда Батеньков: дальше жалобами завалят с ног до головы. И в Тобольске злоупотребления обнаружены были, не без того, но злоупотребления всё больше мелкие, *«по слабости старика фон Брина»*[10] допущенные. Тут всё иначе, хотя здешняя губерния меньше населением[11]…

А дорога всё не кончалась и не кончалась: известное дело – Сибирь.

В Томск прибыли пятого июля в десять часов вечера. Въехали, когда догорала заря, промчались по недостроенным мостовым. «Эка повезло, – отметил про себя Гаврила Степанович, – дороги-то подсохли, можно проехать, а ну как осенью или весной? Увязли бы тут же».

Лучший в городе дом, просторный, на каменном фундаменте, принадлежал купцу Мыльникову. Однако расположиться наместник пожелал в доме купца Серебреникова[12].

Губернатор изменился в лице, будто крепко нездоровилось.

Историю отношений прибывшего наместника с главою Томской губернии никто здесь, понятно, не знал, толки и слухи на сей предмет не возникли. Ну, так и что? Дамиан-то Васильевич всё хорошо помнил: как был дерзок и неблагодарен, как промчал мимо опального вельможи в городе Пензе, не повернув головы.

Тогда он был в фаворе, приближен и возвышен, а благодетель его ниспровергнут с *«престола славы»,* всеми забыт и унижен. Кто ж знал, что оно так всё обернется…

Впрочем, Сперанский ни видом, ни словом не дал понять, что помнит обиду. Как прежде, был вежлив и невозмутим. Отдал последние перед отдыхом распоряжения, велел принести побольше свечей, уединился и сел что-то писать.

Не иначе, распоряжение о лишении его, Илличевского, должности…

Чуть свет, высокий гость уж был на ногах. Узнав о готовящемся в его честь празднестве, нахмурился, на высокое чело легла тень.

– Не время, господа, не время, увеселения подождут. Пора заняться делом.

Тут-то всё и открылось.

Не сразу, не вдруг, а постепенно, как раздвигают в театре тяжелый занавес, являя сцену и действующих лиц, и умело исполненные декорации. Кажется, вот раздадутся аплодисменты, и пьеса начнется, ан…

Некому хлопать. Зрителей нет, все вовлечены в действие, и по велению господина постановщика исполняют предписанное им, в точности следуя невеселому сценарию…

Картина открылась гнетущая.

Его высокопревосходительство изволил осмотреть присутственные места, где всё было *«исполнено пакости и мерзости»,* сделал *«подробную ревизию»* дел, ознакомился *«с порядком и течением»* местной жизни[13].

Прежде он, хоть и вникал в сибирские тяжбы, старался, по возможности, поручить разбирательство ближайшим сотрудникам. А тут сам, *«лично взялся за разбор жалоб на притеснения, монополии и взятки»,* а гражданские иски *«решал личною расправою: обличенный сознавался во взятках, туда же был должен возвращать незаконно присвоенное»*[14].

Здесь, по Томской губернии, *«поборы были тягостнее, чиновники дерзновеннее, преступления очевиднее», даже «на самого губернатора падали сильные подозрения»*[15].

Выходило, чем дальше на восток, чем удаленней от центра, тем сильнее безобразия и меньше законной, подлинной власти.

«Если бы в Тобольске я отдал всех под суд, что и можно было бы сделать, то здесь оставалось бы уже всех повесить, – сокрушенно пишет дочери генерал-губернатор. – *Злоупотребления вопиющие, и по глупости губернатора Илличевского, по жадности жены его, по строптивому корыстолюбию брата его, губернского почтмейстера*[16]*, весьма худо прикрытые»*[17].

Сперанский раздосадован и возбужден: разогнать бы всех, уволить, лишить чинов, не должно таковых отмечать доверием власти.

Однако унял свой гнев… Простая мысль: кем заменить пройдох, мешала убрать, как хотел, всех виновных. Хотя почтмейстера «тогда же удалил от должности», как некоторых других одиозных особ, вроде смотрителя тюрьмы Худякова[18].

«Много дней занял у Сперанского личный разбор жалоб на притеснителей»[19] – его канцелярия помогала, не зная покоя.

Кроме них, ближайших сотрудников, да двух-трех господ, вроде Николая Петровича Горлова, здесь не с кем и поговорить. Одно утешает: письма дочери, Елизаветы Михайловны. Заботливые и ласковые её слова. И ответные послания, где можно откровенно выговорится.

«Томск и вообще вся Томская губерния, - рассуждает, - *могла бы быть и по богатству произведений, и по климату ея, весьма умеренному… одной из лучших губерний в России; но худое управление сделало из нее сущий вертеп разбойников. Сие противоречие между возможностью и делом разрывает сердце. Надежда со временем согласить противоречие так еще слаба, что не можно на нее опереться»*[20].

Город, он видел, управляется худо. Много нарушений, мздоимства, откровенного небрежения долгом.

Да и в смысле городской казны не все благополучно, а финансы, позволительно будет напомнить, основа всему: доходы окладные и неокладные, доходы единовременные, акцизы, штрафы и пошлины. Ну, и расходы, соответственно, тоже. Каждую копейку следует учесть, вникнуть в каждую трату.

Сперанский вникал, разбирался, осматривал.

За полгода до его приезда в доме губернской казенной экспедиции случился пожар[21]. Причины требовалось узнать по особому, высочайшему повелению. В огне погибли пухлые книги отчетов за несколько лет. Случайно или по злому умыслу, вот что интересовало посланца государя императора.

Первое же, беглое знакомство с уцелевшими и частью восстановленными документами показало, что основания для подозрений имеются. Уж

кто-кто, а крупнейший знаток, творец финансовой реформы России обмануться на сей счет просто не мог. Хотя общее состоянье городской казны, судя по представленным сведениям, тревоги как будто не вызывало[22].

Городская *«смета»* исполнялась вроде неплохо, а нарушений его высокопревосходительство обнаружил большое множество[23].

– Дак мы что, - лукавили отцы города, - живем в глуши, тыщи верст от столицы, толкованию законов не обучены. Разве ж можно не ошибиться?

Однако ж оправдывались так, для порядка: генерал-губернатор не скрывал, что *«карать ради кары»* в намерения его не входит. Иных так даже и поощрил[24].

Ничего, снести головы успеется, вот навести порядок – да, необходимо, а после, разобравшись да вникнув, утвердить сей порядок на новых законных основаниях.

Но что это за основания, и ради чего следовало искоренять и переиначивать, мало кто, признаться, разумел.

Батеньков поначалу тоже.

Видел, понимал, что сибирская жизнь нуждается в основательном переустройстве. С восторгом следил за действиями умного вельможи, а кое в чем так даже помогал. Но глубокий смысл преобразований оставался для него, на первых порах, сокрытым.

Он только учился сложной науке государственного управления, постигал на ходу правовые премудрости. Задавал вопросы и усердно, как послушный школяр, выполнял «домашние задания», оглядываясь на сослуживцев: в свите Сперанского он был не единственным учеником.

Не единственным, но самым способным.

IV

Давно, ох давно не испытывал город такого волнения. Уж полторы сотни лет, почитай, со времен последних набегов свирепых кочевников.

Оно, может, и плохо, что глушь, медвежий угол – неприхотливость во всем, необустроенность, тоска смертная, а с другой стороны, вроде хорошо. Даже замечательно: меньше беспокойства. Петербург-то вон где, а мы тут, живем – хлеб жуем, никому не мешаем.

Ну, нагрянет с проверкой ревизия, постращает – так на то она и власть, чтоб стращать. Начальству полагается быть строгим, иметь грозный вид и говорить громким голосом всякие нехорошие слова.

Сперанский же был не таков. И оттого повергал в растерянность, заставлял насторожиться[1]. Поди, затаился и выжидает – копит, небось, злость, подсчитывает грехи. А чего таиться? Ну, закричал бы, как следует, затопал ногами – все б испугались, попрятались по щелям и там, как тараканы, отси-

делись. Выждали б, покуда уляжется гнев, может, приношение какое-нибудь сотворили – начальство это любит.

А тут как быть, совершенно не ясно.

Приезжий был непонятен и чужд, как француз, хотя говорил вроде по-русски[2]. И люди, его окружавшие, непонятны: на подношения не падки, увеселениями пренебрегают, держатся со всеми почтительно, без грубостей.

И всё трудятся, трудятся…

Батеньков тоже без дела не сидел, хотя в ревизию его не вовлекали, была у него иная задача. Он пребывал здесь как инженер, исполнявший поручения самого генерал-губернатора. Оставался в прежнем чине, носил те же погоны, но в глазах томичей стал как будто рангом повыше.

Отчего не вырасти: близость к сибирскому властителю прекрасная для того почва.

Сперанский к нему благоволил. При недостатке толковых чиновников[3], когда решительно не на кого было опереться, при общей косности, невежестве, завистливости и злословии Батеньков и впрямь оказался находкой.

И он, в свою очередь, благодарил судьбу за удачу, за счастье находиться подле человека, величие коего было неоспоримо. Для Батенькова, в особенности.

Зато новый круг, в который вошел, большого восторга не вызвал. Сподвижники генерал-губернатора, составлявшие свиту, звезд с неба не хватали, хотя и отличались от здешних чиновников в лучшую сторону.

Батеньков присматривался к ним и находил, что из всех помощников его высокопревосходительства разве что Цейер удостоен сей чести по заслугам. Франц Иванович, он видел, *«человек с порядочным образованием, очень добрый и усердный, вполне преданный»* своему благодетелю, у коего находился с давних пор почти на воспитании[4].

Про других нельзя было сказать ничего худого и хорошего: люди как люди. Со слабостями и недостатками, не преуспевшие в науках и не слишком-то ревностные по службе, разве что исполнительные[5].

Да и среди тех, кто составлял канцелярию генерал-губернатора, выделить кого-то было сложно. Кроме коллежского асессора Жуковского – *«чиновника честного, доброго, рассудительного и заботливого»*[6]. Он был, точно, на своем месте, а остальные, что ж…

Один *«дряхлый, притом скучный говорун»,* другой *«не очень грамотный, но сметливый и бойкий на словах»,* третий *«из тверских семинаристов»,* тоже *«бойкий, но полагавший целью жизни сладострастие, притом честности сомнительной»*[7]. Одно слово: чиновники.

Пока идет ревизия и нужна больше канцелярская работа, ещё ничего, дело движется. Ну, а дальше-то как, на кого опереться[8], когда придет время ломать привычные устои, вводить новые законоположения?

Его высокопревосходительство – человек деликатного обхождения, на службе не станет подчеркивать разницу в положении помощников. Да отли-

чие сие не трудно и заметить: вся канцелярия, включая управителя, старика Шкларевского, состоит *«на общих правилах»,* все держатся вместе, даже за столом.

И только ближайшие помощники, человек пять, входят к наместнику без доклада, живут и обедают в одном с ним доме. Гаврила Степанович тоже.

«С приездом в Сибирь Сперанского, – напишет чуть позже друзьям, – *я стряхнул с себя все хлопоты и беспокойства… Все дела приняли неожиданный и невероятный поворот. Из угнетаемого вдруг сделался я близким вельможе, домашним его человеком, и приглашен в спутники и товарищи для обозрения Сибири»*[9].

Достоинства *«нового начальника Сибири»* очевидны, *«его ум и познания всем известны, но доброта души»* известна, *«конечно, не многим»,* а для Батенькова это самое ценное, что есть в человеке. Наместник, при всей грозной миссии, весьма милостив, *«каждый шаг ознаменовал он благотворениями и умел согласить удовлетворение обиженных с пощадою виновных».*

Поистине, вот *«ангел-хранитель угнетенного края»,* при нем всё изменится, станет лучше. Это ли не счастье: помогать ему во всем, находиться с ним рядом, беседовать, слушать. Тем более, что «в приватной жизни», хоть и важный вельможа, он *«прост и откровенен».*

Батенькову лестно, что выбран в собеседники. *«Я в таких теперь к нему отношениях,* – не без гордости пишет Елагиным, – *могу говорить всё, как бы другу, и не помнить о великом различии наших достоинств… Он воскресил меня, снова оживил и желания, и надежды…»*[10].

Вот то-то и удивительно.

Знаменитый сановник, облеченный огромною властью, и инженер путей сообщения, коего не все знают даже в пределах Сибирского округа, находят общий язык. Превосходно ладят, несмотря на разницу в возрасте: двадцатишестилетний Батеньков и его умудренный годами покровитель, который годится в отцы.

Хотя ни лета, ни общественный вес к сближению не располагали.

И что, выходит, основанием для щедрой милости наместника послужила толково составленная записка? Получается, неожиданная поездка скромного инженера в свите могущественного властителя края – простая случайность, подарок слепой фортуны?

Батеньков много об этом думает, присматривается, сопоставляет. И обращает взор в прошлое, вспоминая молодость.

Мысль о превосходстве закона над волей отдельного человека, включая монарха, он вынес из военного похода, находя тому подтверждение в учении просвещенных гуманистов. Сперанский тоже, известно, побывал в Европе и, *«доказывая необходимость ограничения самодержавия в интересах расширения политической и личной свободы»,* тоже *«апеллировал к естественному праву, нравственности и просвещению»*[11].

Батеньков, правда, рассуждал больше о силе нравственности, а Сперанский заботился, в первую очередь, о силе права, которое бы защищало собственность и его владельца, о порядке и «разумном» политическом строе. Но сами идеи гуманизма, гражданского права волновали их одинаково, подталкивая к делу, поступку.

Оба с интересом читали Декарта, Локка, Лейбница, Канта, Шеллинга, Фихте, *«обладали большими познаниями в области истории и философии»*[12]. Ну, так что, эти идеи были популярны во всех слоях образованной части общества. Мудрено было не воспринять их думающему, неравнодушному человеку.

Сходное умонастроение, созвучие идей – это, конечно же, важно, но для такого сближения как будто недостаточно.

Тогда что ещё, уж не сходство ли судеб, думал Батеньков...

Сперанский был яркой, заметной фигурой, о нем много говорили и спорили, указывая на «плебейское» его происхождение. Не имея ни имени, ни влиятельных родственников, сын простого священника устраивал жизнь, рассчитывая лишь на собственные силы, ум и способности.

Как Батеньков, ему это было знакомо.

Беседуя с наместником на темы самые отвлеченные, умозрительные, он отмечал искреннее благочестие вельможи. Сперанский был человеком глубоко верующим[13], и это их тоже по-настоящему, глубоко роднило.

Работая в Томске, Гаврила Степанович испытал интриги, злословие, несправедливость, был чужд в своем окружении. Ну, так и Сперанский не походил на других вельмож[14].

«Его высокая терпимость к людям, доходившая до того, что о злейших своих врагах он говорил спокойно: «какие чудаки» или «безумные люди!»; его нежная привязанность к близким ему лицам и постоянное желание блага внушали тем, кто его окружал, какое-то благоговение»[15].

Желание блага не только добрым друзьям, но и людям дурным, *«безумным»* в непонимании воли творца руководило в той же мере его, Батенькова, поступками[16]. И разве случайно, что независимость, чувство собственного достоинства, нравственность тоболяка увидел и оценил сановный ревизор, прибывший в Сибирь *«водворять порядок»*, – что понималось, как исправление зла.

Но зло многолико и сильно.

Обнаружив зло, следовало *«истребить его в корне»,* а для этого *«представить и способы к его исправлению»*, ведь *«Сибирь достойна и по всем отношениям требовала государственных отображений»*[17].

Так понимал свою миссию наместник государя императора.

Мысль о *«коренном»* истреблении зла волновала и Батенькова[18], он тоже горел желанием добиться добрых перемен. Но перемен постепенных, растянутых во времени, не сиюминутных[19]. Ему, как и Сперанскому, важно

было «ввести новое, не разрушая старого», дабы семена благих *«приуготовлений»* легли на хорошо подготовленную почву.

Вот о том, как это сделать, оба и помышляли. Рассуждали о *«нравственных законах»,* основанных на правде, и о *«суде совести»,* который, безусловно, *«важнее суда общественного и административного»*[20].

Создать *«добрый» закон быстрее и проще, чем переделать людей, чтоб они руководствовались добрым началом, жили в согласии с «внутренней правдой»,* это понятно. Но время не ждет: преобразования неизбежны, давно и остро назрели, кому ж их выполнять?

Конечно, *«доброму правителю»*[21].

Чувство без разума слепо. Но и разум, который *«напишет наилучшие законы, предупредит неудобства, ограничит силу властей»,* способен при *«развращенном сердце»* привести к безначалию и замешательству. Остается уповать на *«хорошую»,* добрую власть и доброго, *«истинного»* правителя, который и разумен и человечен[22].

Ежели *«образ мыслей настоящего времени в совершенной противоположности с образом правления»,* а нравы и порядок несоразмерны, следует нравы *«подтянуть»* до хороших законов. И сделать это по силам лишь *«доброму правителю»,* обладающему полнотой власти и действующему в рамках *«добрых законов»*[23].

В этом убеждении оба, учитель и ученик, были также едины[24].

Наблюдая действительность, сознавая отсталость, а во многих случаях и неготовность людей принять *«дарованный»* порядок, тот и другой не переставили верить *«в лучшие способности человеческого духа»*[25].

Верить в то, что *«политическая свобода способна быстро воскресить лучшие стороны человеческой натуры, пробудить в ней сознание собственного достоинства и дать толчок общественной самодеятельности»*[26].

Верить в человека. Его разум и доброе сердце.

V

Нет, это не город, а невесть что. Кривые грязные улочки, без намека на пропорцию, огороды и неухоженные палисадники, собаки, коровы и прочая живность.

Никакого порядка, строят – кто во что горазд, живут, как бог на душу положит, никакого понятия о градоустройстве.

Вид неухоженного Томска коробил, вызывал у его высокопревосходительства прямо-таки эстетическое неприятие. Ничто не радовало глаз, хотя виду не показывал, всё на каждом шагу раздражало. Даже Пенза казалась теперь, из сибирской глуши, местом обитания вполне пригодным, а Петербург…

О, мечта долгих лет, прекрасный, величественный, ни с чем не сравнимый город… Невский проспект, дворцы и просторные площади, каналы и мостики. Великосветское общество, изысканные манеры, французская речь.

Когда это было, не в прошлой ли жизни, да и было ль вообще?

Но раз провидение ниспослало бедствия, значит, неспроста. Есть, стало быть, причина тому, и нужно смириться, не роптать. Сибирская ссылка[1] не вечна – настанет час, кончится изгнание, и Петербург, далекий царственный Петербург примет его с почтеньем и радостью.

Лишь одна эта мысль, доставляет силы пройти с честью новое, хорошо бы последнее, испытание. Не стоит предаваться унынию, – и не время, признаться: ревизия в самом начале, впереди столько дел.

Кто, кроме него, облегчит страдания, кто утешит обиженных, воздаст по заслугам, по справедливости – кто, ежели не он, наместник государя императора?

В том состояла, видать, воля создателя. И понимание этого укрепляет душу не хуже мечты о столице.

«Я был здесь действительно Ему нужен, – пишет Елизавете Михайловне, – *чтобы уменьшить страдания, чтоб оживить надежды почти уже исчезнувшие, и ободрить терпение слишком утомительное»*[2].

Сомнения и терзания наместника никому, кроме дочери, неведомы: для окружающих он полон энергии, решимости, величия. Весь соткан из достоинств, напрочь лишен слабостей.

Не человек, а живой памятник, монумент.

Встаёт рано утром – так заведено, и после чашечки кофе садится за бумаги. Бодрый, подтянутый, свежий. Потом, по обыкновению, читает по-гречески Новый Завет, а после надевает длинный сюртук и отправляется на прогулку, взяв в попутчики Батенькова.

Каждый праздник ходит к обедне, стоит со свечою в руке всю долгую службу.

У себя принимает редко, в исключительных случаях, и немногих благоволит пригласить к обеду. Но в целом образ жизни его высокопревосходительства здесь *«несколько оживленнее, нежели в Тобольске»*[3].

Приезд генерал-губернатора, конечно, наделал среди чиновников изрядный переполох, однако и внес оживление, растормошил здешнее общество. Дамы достали лучшие наряды, вспомнили о петербургской моде; мужья их приосанились, вычистили сюртуки, заспорили о политике.

Люди высшего круга, то есть чиновники рангом повыше да некоторые из купцов, стали чаще собираться в гостиных, слушать музыку, обсуждать за карточною игрою последние новости.

– Его высокопревосходительство, я слышал, изволили возродить Библейское общество[4].

– Наш долг, господа, способствовать сему поистине благому делу.

Все заговорили вдруг о *«небесном промысле»* и спасении души, хотя вчера ещё о душе не вспоминали. Увидели, что кругом полно бедных, а иные так совсем живут в нищете и некому протянуть им щедрую руку. Одинокие вдовы, жертвы пожара, хворые неимущие чиновники нуждаются во вспомоществовании, а не имеют даже простого человеческого сострадания.

Прозрели: нешто так можно!

Давайте ж поможем несчастным, призвал генерал-губернатор, утешим в бедствии, вытрем их горькие слезы. Объявили подписку, обсудили способы доставления помощи, учредили *«Общество для снабжения бедных, требующих сострадания и благотворительных пособий к жизни»*[5].

А всё он – деятельный и по отечески внимательный сановник. Всюду поспеет, всех рассудит, во всё вникнет. Страждущим поможет, непонятливым подскажет, порочных осудит. Добродетельный начальник, коего узрел сей край, быть может, впервые со времен оных, не дает забыть о себе ни минуты.

– Вы слышали, намечается бал. Его высокопревосходительство собирает лучших представителей города.

– C”est une bonne idée! Quelle joie![6].

Кажется, так принято отвечать в светском обществе.

Бал… Когда здесь в последний раз было что-то подобное, кто скажет? Полноте, не морщите лоб, и не вспомните. Ох, эти серые будни, суета и возня. Беспросветная, скудная на радости жизнь...

И вот 22 июля, в день тезоименитства императрицы Марии Федоровны, двери дома Его высокопревосходительство распахиваются для гостей.

Пришедшие очень взволнованы, чувствуют себя не вполне свободно, зато хозяин остается самим собою, спокоен и предельно учтив.

Среди приглашенных – вице-губернатор Горлов, надворные советники Демидовский и Михновский[7], полковник фон Трейблют, купцы Мыльников и Чулошников, городской голова Федор Борковский, городничий Пенкин, заседатель Приказа общественного призрения Зинов, стряпчий губернского суда Зорин, другие весьма почтенные люди.

Днем генерал-губернатор дает большой обед, а вечером в саду у него – бал и праздничный ужин. Здесь собирается «всё губернское великолепие»[8].

Танцы, музыка, вино – короткий отдых и снова танцы.

– Сударыня, вечер просто восхитительный, вы не находите?

– О, никогда не чувствовала себя так хорошо. Ca marche bien![9]

Хозяин вроде бы тоже доволен, ласково всем улыбается, отпускает дамам комплименты. Но Батеньков, научившись разбираться в оттенках чувств и настроений Сперанского, замечает, что радость его напускная.

Здешнее общество, видит, для него чуждо и мало симпатично, а бал кажется *«глуп, неловок, слишком беден и слишком пестр, как всегда бывает в маленьких городках при чрезвычайных ситуациях»*[10].

Илличевский присутствует на праздничном вечере в лучшем мундире, с орденской лентой. Сановный ревизор с ним учтив, как со всеми, не обходит вниманием: то соизволит пошутить, то обронит дельное словцо.

Опасность миновала, губернатор расслабился[11]. А напрасно: в эти-то дни и решалась его судьба. И быть ему отстраненным от должности, кабы не вести из Иркутска, где начальник губернии, Трескин[12], совершал совсем уже нечто неслыханное.

Один плут и мошенник, другой того хуже – сравнение в пользу первого. Так и решаются людские участи…

А надобно б предать суду обоих.

Вскоре после памятного вечера наместник отправил послание тому, кто «сослал» его в Сибирь, всероссийскому самодержцу. В письме *«испрашивал разрешения принять эту меру, в случае надобности, к обоим губернаторам, – но только как временную, предварительную»*, обещая, закончив ревизию, *«представить на Высочайшее усмотрение полный отчет о бывшем здесь управлении и предать судьбу управляющих действию закона или милосердия»*[13].

Письмо было лаконично, резоны убедительны. Государь согласился с мнением посланника и вновь дал понять, что предоставляет ему полную свободу действий[14].

Меч пронесся мимо, просвистел над головой томского губернатора, хотя он об этом и не догадывался. Но сомнения у наместника остались, он не был вполне уверен, что поступил правильно, оставив у власти Илличевского[15].

Оказалось, не только в Томске всё было *«исполнено мерзости»*. Во всей губернии видны были *«явные следы неправосудия и пристрастия»*. Список чиновников, на коих *«падало большое подозрение в личном злоупотреблении»*, увеличивался с каждым днем[16].

Там были указаны бывший нарымский исправник Федоров, туруханский смотритель над поселениями Красовский, управляющий Томским уездом Попов, богородский частный комиссар Берестов, заседатель бийского земского суда Бутыркин и бийский городничий Мещерский, балахнинский комиссар Агиевский, боготольский комиссар соколов, туруханский земской исправник Стырков и бывший туруханский городничий Тренш, каинский исправник Зинов и секретарь каинского земского суда Устеженин, спасский комиссар Лосев[17].

И много другого народу: чиновники, исправники, судебные заседатели, стряпчие, казаки и вахтеры.

В Нарымском крае *«торговля была в высшей степени монополизирована»*, но условия диктовали там, преимущественно, не купцы, а чиновники. Бывший исправник Пенкин *«обвинялся в торговле с инородцами собственными товарами под видом казенных»* и других злоупотреблениях, а когда жалобы дошли до губернатора, тот перевел его в Томск и сделал городни-

чим. Вовсю «чудил» и бывший исправник Федоров, он обвинялся во взятках и *«злоупотреблениях по продовольствию».*

И тоже, как Пенкин, ушел бы от следствия, кабы не отдал, наворовавшись, богу душу.

Следствие в Нарымском крае, по указанию генерал-губернатора, вел правитель его канцелярии Шкларевский. Командировать в Туруханский край было, видимо, некого, хотя и там дела находились *«в большом беспорядке».*

За год до приезда наместника Илличевский отправил туда одного из своих чиновников. Не из благих побуждений, а по распоряжению правительства, коему стало известно о голоде и наводнении, нанесшем *«большой вред Туруханскому краю».* Еще в Тобольске, зная об этом, наместник потребовал от Илличевского сведений об этой ревизии[18].

Дамиан Васильевич обещал дать все бумаги, однако ничего, конечно, не представил[19].

Но чиновник такой же человек: убрал плохого, поставил хорошего – и все дела. Так ведь и хороший-то, вот в чем беда, может испортиться: отчего ж не воровать, когда делать это легко и, большей частью, ненаказуемо. Нужно менять общие правила, вводить разумные законоположения, кои учитывали бы местные, сибирские особенности.

Взять, для примера, повинности.

Жалобы на несправедливое и несуразное их начисление приходят со всех уездов губернии. Денежные земские повинности безмерно *«тяжелы и неуравнительны»,* а натуральные того хуже[20]. Отменить бы их вовсе, сетуют томичи, да где там: правительство далеко, не услышит.

Обыватели жаловались на «отяготительное содержание почты, подвод для земских сообщений и дорог»[21]. Были недовольные тяжкими и несправедливыми сборами. *«Много было жалоб на неуравнительность военного постоя*[22]*, Сперанский поручил… изыскать средства к лучшему устройству постойной повинности»*[23].

А незадолго до отъезда, *«по обозрении дел губернского и уездного управления и по рассмотрению входивших жалоб»,* генерал-губернатор *«дал огромное предложение губернскому правительству»*[24]. Получился столь основательный и дельный документ, что видавшие виды чиновники не могли скрыть изумления: так глубоко в дела управления и финансов никто, на их памяти, здесь не вникал.

Два месяца пролетели быстро, пора было укладывать вещи.

«Кочующая жизнь мне крайне наскучила», – написал наместник дочери[25], и стал собираться в дорогу.

А в другом письме, князю Голицыну, пожаловался, что *«поверхностное отправление текущих дел и терпимость беспорядка»* здесь, в Сибири, повсеместны. *«Я мог бы их остановить, но не истребить, ибо порядок управления… остается тот же»*[26].

Но изменить порядок Сперанский способен, он это знает. Одному сие не по силам, безусловно, слишком трудна, велика работа. Так ведь есть, слава богу, на кого опереться. Такой помощник, как Батеньков, стоит, право же, целой канцелярии[27].

Он тоже собирается в путь, но с другим настроением: Гаврила Степанович дорогой не тяготится. Путешествовать для него – дело привычное.

Вот только жаль, что, пробыв в Томске, не решился предложить руку и сердце Полине Трофимовне. Теперь-то, кажется, в самую пору: положение переменилось, и новое звание прибавило жалованья. Но…проклятая робость.

Что ж, время терпит, сделать это можно по возвращении из Иркутска, почему бы и нет? Самое время, думает Батеньков, обрести семейный кров.

Но судьба распорядится иначе.

VI

Батеньков любил дорогу. Всякая перемена мест сулила, казалось, изменения в судьбе – хотелось верить, что добрые. И когда выпадал случай, он с удовольствием отправлялся в путь, невзирая на неизбежные в этих краях дорожные неудобства.

В пути хорошо думалось, появлялись свежие мысли, рождались яркие образы. Они переполняли душу, не давали покоя, торопили взяться на стоянке за перо и бумагу. Сама природа, одаривая щедро красотами, настраивала на творческий лад, будила вдохновение.

Являла пример удивительной божественной гармонии.

А дорога бежит и бежит, петляет и вновь выпрямляется среди лугов, густых хвойных лесов. Батеньков думает о себе, стараясь предугадать, как сложится жизнь. Вспоминает далеких любезных друзей. Возвращается мыслями к Полине Трофимовне, переживая каждое её слово, каждый трогательный, полный скрытого значения жест.

И сей волнующий возглас, звучавший в ушах: «Возвращайтесь скорее, Гаврила Степанович… Мне без вас одиноко»…

В путевой тетради Батенькова между исписанных страниц лежит подаренный ею полевой цветок – засохший, но сохранивший, чудилось, тепло ее рук.

Сейчас это единственная вещь, которая связывает с нею[1].

Там же, в сумке, кроме книг по строительному искусству, справочных пособий да подаренного матерью образа богородицы[2], хранятся бумаги, относящиеся к службе: письменное предписание его высокопревосходительства следовать в Иркутск, собственный рапорт на имя непосредственного начальника, генерал-майора Риддера[3], и письмо от него самого.

Сообщив, что *«господин Чернов осмотрел и принял денежную казну и команду в должном виде»,* начальник округа уведомлял, что ему, инженер-

капитану Батенькову, *«за содержание всего в должном порядке изъявлена благодарность»*[4].

Риддер прибыл в Тобольск, когда его подчиненный по воле наместника собрался умчаться в противоположную сторону. Внимательно изучив доводы Батенькова, он нашел их заслуживающими уважения, и дабы поддержать высокое мнение о молодом инженере в столице, *«почел долгом»* известить Совет управления об *«изъявленной»* ему благодарности.

Ну, как тут не возблагодарить творца за столь добродетельного начальника!

Батеньков размышляет о возложенной на него миссии. Он так погружен в свои мысли, что не замечает, как кончилась первая часть пути: свита генерал-губернатора въехала в Енисейск.

Здесь, против ожидания, обошлось почти без жалоб. Да ведь и жаловаться-то, по чести сказать, было некому: край мало населенный, одни, почитай, инородцы[5], а те грамоте не обучены и боятся исправников, как нечистую силу[6].

Но ежели б от инородцев и посыпались жалобы, вряд ли его высокопревосходительство придал им большое значение: для него они оставались «дикарями», людьми *«не способными понимать прекрасное»,* коим *«свойственны низшие степени чувствительности»*[7].

В Енисейске пробыли недолго, после краткого отдыха двинулись дальше[8].

Дорога на Иркутск лежала через Красноярск и Нижнеудинск. Здесь уже начиналась Восточная Сибирь, красота тут была особенная – сказочная красота.

Батенькову в этих местах бывать не доводилось, он с интересом смотрел по сторонам. Его сановный спутник тоже высказывался об окружающих видах весьма одобрительно, полагая, что здесь-то, наконец, и показалась *«настоящая Сибирь»*[9].

Путевой дневник тем временем разрастался, полнился новыми записями.

«Благополучно проследовали мы Красноярский уезд, где, пользуясь доброю погодою, во время перепряжки лошадей обыкновенно шли некоторое расстояние вперед пешком, окруженные толпою народа, с которым Михайло Михайлович входил в разговор»[10]**,** – отмечал Батеньков.

Особенно запомнились два случая: как деньги, собранные в 1812 году на ополчение, осели в карманах чиновников, хотя велено было *«по заключении мира»* возвратить их крестьянам, и как готовилась жалоба на исправника. Написать-то написали, да после *«рассудили, что он еще человек порядочный»,* не совсем испорченный, а сменят исправника, от нового за просьбу может крепко достаться. И *«потом, этот уж сыт, а другой приедет голодный»*[11].

Оба рассказа Батеньков внес в путевой дневник – таких свидетельств, впрочем, набиралось немало.

Местные жители высказывали *«обиды»* на земские повинности, плохо отзывались о казенных подрядах[12], жаловались на притеснения торговцев[13] и несправедливость судей[14].

И все ж это были сущие пустяки по сравнению с лихоимством власть предержащих. Чиновники лютовали и грабили, обходясь с населением, как злобные, алчные завоеватели с покоренным народом.

Вопль о властолюбивых уездных правителях стоял по всей могучей Сибири.

Но даже среди них умудрился прославиться нижнеудинский исправник Лоскутов[15]. Молва о его жестокости разнеслась далеко за пределами округа. И когда, желая пресечь слухи, сей «местный самодержец» распорядился отобрать у населения бумагу с чернилами, крестьяне как-то составили жалобу и отправили навстречу генерал-губернатору двух стариков, *«готовых на жертву».*

Что было дальше, Гаврила Степанович мог видеть собственными глазами.

Переправившись через речку своего уезда и думая, что *«ускользнули из-под всевидящего ока исправника»,* старики оказались перед его высокопревосходительством и обмерли от ужаса: рядом с ним увидели всемогущего Лоскутова.

Наместник велел взять их бумаги и прочесть вслух. А выслушав, распорядился тут же арестовать исправника.

Перепуганные насмерть крестьяне рухнули на колени. *«Батюшка,* – взмолились, *–ведь это Лоскутов, что бы баешь: чтоб тебе за нас чего худого не было; верно, ты не знаешь Лоскутова…»*[16].

Батеньков поежился: от таких сцен мороз пробирает по коже. Вот оно, великое бесправие сибиряков, и нет спасения от необузданного властолюбия управителей. Всякий, поставленный думать об интересах людей, мнит себя всесильным царьком. Бесчинствует, покуда не нагрянет ревизия.

Сперанский того же мнения. Но он мыслит шире, заглядывает дальше своего способного ученика. Зато оба сходны в понимании природы человека, возможностей ее *«усовершенствования».*

Наместник спешит. Остановки в пути делают небольшие, только чтобы сменить лошадей, посидеть часок-другой у самовара да немного прийти в себя[17]. Недельный путь в полтысячи верст от Нижнеудинска до Иркутска проделали в два дня[18].

Кончилось лето, подошел к концу и дальний путь: 29 августа прибыли в Иркутск.

«Музыканты грянули марш. Чиновники в последний раз оправили мундиры и замерли: одни только учителя… явились на встречу в партикуляр-

ном платье. Прибывшие переправились через Ангару на карбасе, специально выстроенном для этого случая»[19].

Наместника государя встретило всё высшее общество во главе с губернатором. Поднесли, по традиции, хлеб-соль, высказали хорошо подготовленные, прочувствованные речи.

Сдержанный вид его высокопревосходительства несколько смутил иркутян, но, право, трудно было ожидать восторга после того, как получили известность творившиеся тут безобразия.

Город был и удобнее, и крупнее Томска, хотя тоже, чуть в сторону от главной дороги, *«имел вид большого села, где по грязным улицам гуляли коровы, стадами бегали собаки и, по временам, плавали утки»*[20].

И всё же Иркутск недаром *«считался столицей всего Сибирского генерал-губернаторства»* – населения в здешних краях проживало не больше, чем в Тобольской губернии, зато *«дела были многочисленнее и важнее»*[21].

«Встреча была великолепная, – отметил наместник позже в письме, – *По стечению народа, по яркости освещения Иркутск показался нам столицею. Поутру очарование исчезло, остался обыкновенный губернский город, довольно многолюдный…».* Однако ж *«и здесь те же люди, та же чернь, те же нравы и обычаи, те же почти пороки и добродетели»*[22].

Местные купцы *«составляли знать, аристократию города. Они брили бороды и носили фрак. Главные из них не ломали шапки и перед губернатором… Все это были люди достойные, умные, готовые на доброе дело»,* но *«нравы купцов были весьма оригинальны»,* любимым увеселением их считались попойки.

Дворян тут почти не было, зато чиновников, как в Томске, имелось великое множество. То были *«большей частью, люди бедные и безответные, загнанные, невольные оружия самовластия, жизнь их была простая и скудная»*[23]. Что не мешало им, впрочем, безоглядно брать взятки и самоуправствовать, ежели позволяла возможность.

Наместнику уготованы были хоромы с красивейшим в городе садом, где останавливался его предшественник, покуда окончательно не поселился в столице.

Сперанский вежливо отказался.

Поселился он в большом деревянном доме купца Кузнецова[24] на восточной окраине города, ближе к адмиралтейству, и вел себя так, что в Иркутске о нём, на первых порах, было *«мало что слышно»*[25].

Потом, конечно, узнали и услышали.

VII

Ох, и падок народ на слухи. Хлебом не корми, дай посудачить.

Кто говорит, что новый генерал-губернатор приехал так, на время, и что власти настоящей у него вовсе и нет. Не то, что у Николая Ивановича Трескина. А кто убежден, что наместник останется и будет ждать, мол, покуда не соберут приличествующую его званию сумму.

Всяко говорят. Рассказов о приезжем *«по городу ходило множество»,* один удивительнее другого. *«Каждое его слово, кажется, каждое его движение замечалось и повторялось в публике»*[1].

Генерал-губернатору надлежало держаться на виду, окружать себя почетом, принимать доклады, давать званые обеды. А он? Закроется в кабинете и тихо сидит: что там делает, и делает ли что-то вообще, – неизвестно.

Кабинет наместника окутан тайной: здесь готовится нечто непонятное. То ли *«будущее для Сибири»,* то ли грозный манифест. А какой, знают лишь три секретаря, больше никто.

Но и они молчат – никому не слова: *«маленького роста, сухонький, с большим носом»* Цейер, правитель канцелярии старичок Шкларевский и молодой капитан путей сообщения, *«довольно большого роста, сухощавый брюнет, с золотыми, по близорукости очками»*[2].

Батеньков прибыл в качестве окружного инженера, но не трудно заметить, что положение его более значимо: он стал, по существу, правой рукою наместника. Его домашним секретарем[3].

«В фигуре его, – отмечали иркутяне, – *не было ничего замечательного, но рот и устройство губ поражали своею особенностию. Губы его не выражали ни злости, ни улыбки, но так и ожидаешь – вот-вот услышишь насмешку, сарказм. Дар говорить о чем угодно занимательно, весело, и говорить целые часы – эта способность была изумительна! Готовность его на ответы и возражения не имел равных»*[4].

Таким всем виделся Батеньков.

Он был полон надежд, имел чрезвычайно деятельный вид, обходился со всеми учтиво, но без подобострастия. В первом же письме из Восточной Сибири сообщил друзьям, что новый вельможа его *«воскресил, снова оживил и желания, и надежды»*[5].

Одно из «воскресших» желаний – заняться большой серьезной работой.

Батеньков идет осматривать город и отмечает, как инженер, что по части благоустройства Иркутску предстоит еще многое сделать. *«Трескин хлопотал об осушении улиц и площадей, и о том, чтобы выпрямить кривизны улиц»*[6], но делал это по-своему, диким способом.

Если дом выдвигался вперед, его обыкновенно сносили, а если «выглядывал» угол, часть дома могли отпилить. То есть, натурально, *«являлась Гущинская команда»* – по имени некоего ссыльного Гущи, *«который ходил в каком-то импровизированном мундире, в виде начальника»,* и напрочь сносила выступающий край дома[7].

Своего инженера путей сообщения Иркутск еще не имел, а приезжие, выполнив одно какое-то дело, спешили удалиться, да и выполнить-то до конца не всегда, признаться, могли.

Взять вот хотя бы набережную.

Бурная река с каждым годом сильнее разрушала правый берег, угрожая основанию ближних к реке домов. Могучая Ангара показывала упрямый свой норов: что только ни делали, а она неизбежно возвращалась в прежнее русло, стремительно напирала на город[8].

Представление о работе Батеньков получил еще в Томске, из рапортов и чужих предварительных смет, но подлинный размах ее смог оценить только сейчас. Никогда прежде Гаврила Степанович не видел столь мощных, разрушительных рек, ни одна прежняя задача не вставала с такой остротой: от неминуемого бедствия могли пострадать сотни семей.

Там же, на правом берегу, стояли собор и казначейство – ветхая деревянная набережная их тоже теперь почти не защищала. Вместо нее полагали построить каменную, стоимостью больше миллиона рублей, или такую же деревянную.

«Трескин предпочел последний проект», который стоил в пять раз меньше, и Главное управление путей сообщения проект утвердило. Необходимые деньги, 200 000 рублей, *«назначено было отпустить в распоряжение Сибирского генерал-губернатора в три срока; но выдача их замедлилась»*[9].

Что сделал бы, по приезду в город, любой другой наделенный властью начальник?

Распорядился б, не мешкая, начать работу по утвержденному проекту. Деньги обещаны, специалист имеется, рабочих рук вполне хватает. Чего ж, собственно, ждать?

Сперанский поступил иначе. Он попросил Батенькова проверить расчеты, вникнуть в детали, *«произвести наблюдение над течением»* реки – и сделать собственные выводы.

Такое решение Батеньков посчитал разумным, оно добавило авторитета его высокому покровителю, который, не будучи специалистом, нашел единственно верный путь.

«Учитель» снова, в который раз, дал пример здравомыслия, ответственности, государственного мышления. «Ученик» вновь поблагодарил судьбу, позволившую работать под началом столь умного, во всех смыслах необычного человека.

И взялся за дело.

Здесь, очень кстати, пригодился томский опыт наблюдения над реками и укрепления берега Ушайки. С полмесяца он осматривал набережную[10], делал обмеры, готовил расчеты, а после представил рапорт, где подробно изложил свое мнение.

Рапорт составил на имя начальника X округа путей сообщения Риддера, поскольку продолжал оставаться в его подчинении. А в качестве причины,

заставившей усомниться в утвержденном проекте, указал вполне понятные «хозяйственные» соображения. Да, заметил Батеньков, проект получил одобрение, однако *«работа сия требует значительной прибавки материалов и рабочих, поэтому поставил я себе обязанностью исследовать основания, на коих… утвердили свои мысли»*[11] предшественники.

Среди предшественников оказались иркутский губернский архитектор Кругликов и два инженера его же, Батенькова, ведомства – капитан Камков и генерал-инспектор Леонтьев. Тот самый Леонтьев, который входил в состав Совета путей сообщения, утверждая важнейшие решения, и составил проект деревянной набережной в Иркутске.

Выставить его в нежелательном свете, как человека, чью работу приходилось переделывать, означало нажить себе недруга. Но и принять к исполнению проект, который противоречил установке Сперанского, было совершенно недопустимо.

Выбор был неизбежен. И выбор не между техническими решениями – оно б еще ничего, а меж честным поступком и бесчестным соглашательством.

Закрыть глаза на несовершенство проекта или проявить твердость, отстаивать позицию, во многом неугодную своему ведомству, ибо пострадала бы «честь мундира», – вот что предстояло решить.

Конечно, в повторных согласованиях город потерял бы время, но казна сберегла б деньги – и немалые, вдобавок не пришлось бы переделывать через несколько лет ту же работу.

Как быть?

Батеньков «*разобрал проект в хозяйственном и имущественном отношениях»* и сделал неожиданный вывод: что, если отказаться от набережной вовсе?

Деревянная набережная, даже очень хорошая, не спасет от разрушения правобережную часть города. Кроме того, *«все здания, которые могли подвергаться опасности, стоят дешевле, нежели постройка набережной»*[12]. Вот исходная, отправная точка – в этом направлении и следует рассуждать.

Но рассуждать, по возможности, так, чтоб сохранить репутацию собственного ведомства. То есть говорить не об ошибке или поспешности, а представить всё, как недоразумение, возникшее из-за нехватки сведений.

«Рассмотрев подробно дело о постройке набережной, – пишет Батеньков, –*нахожу, что собранные сведения о реке Ангаре и береге ее, которому полагается сделать укрепление, не только не достаточны к тому, чтобы можно было утвердительно сказать о надобности прибавления работ против утвержденного проекта, но и не согласны даже частью с истинным положением места»*[13].

Вот что побудило *«ныне же собрать дополнительные сведения и произвести некоторые испытания».*

А дальше, по пунктам, следуют предложения: что именно *«исчислить»* и узнать, какие провести испытания, когда и какие материалы и машины своевременно заготовить.

Сии соображения, пишет Батеньков, представлены были Сибирскому генерал-губернатору: тот *«нашел мои мысли… весьма основательными и необходимыми»,* и разрешил *«привести оные в надлежащее исполнение, что и составляет мои по сему поручению здешние действия»*[14].

Гаврила Степанович призывал отказаться от прежнего проекта, предложив *«уменьшить протяжение набережной, прерывая ее против площади простым устройством другого берега, или вовсе не производить этой постройки, а только укрепить основание откоса, связав сплошные сваи в шпунтовую раму»*[15].

Укрепление берега против собора и той его части, где находился Знаменский женский монастырь, обходилось недорого. Вместе *«со сломкою здания казначейства»,* которое пришло в полную ветхость, стоимость работ оценивалась им в 91726 рублей 50 копеек.

Выходило вдвое дешевле, чем деревянная набережная, и более основательно.

Получив рапорт и ознакомившись с ним, генерал-майор Риддер переправил донесение в Петербург. Туда же выслал свое подробное *«представление»* генерал-губернатор Сперанский, который поддержал мнение Батенькова и добавил, что остатки от выделенных казною 200 000 рублей нужно бы *«оставить в ведении казенной экспедиции до окончательного разрешения вопроса о казенных постройках Иркутской губернии»*[16].

Оба предложение были одобрены и утверждены[17]. Но Батеньков продолжал *«наблюдения и опыты к постройке набережной»*[18], чертил план, готовил смету, делал описания местности.

Его вдохновляла поддержка Сперанского.

Проверить инженерные расчеты, рассмотреть строительную смету его высокопревосходительство, безусловно, не мог – он целиком доверился мнению молодого человека. Встал на его сторону, принялся защищать его проект[19].

И Батеньков был ему бесконечно благодарен.

Он видел: наместник нуждается в дельном помощнике, готов был работать с ним хоть до конца своих дней, но… Увы, поездка не вечна, *«восточное обозрение»* скоро закончится, и что же тогда? Возвращаться в Тобольск к своим прежним обязанностям, *«вступать в сношения»* с гражданским начальством, получать несправедливые упреки, незаслуженные обиды?

Думать об этом было невыносимо.

Из Томска приходят известия: деревянный мост, как ни настаивал Батеньков, закончить строительством не успели, весенний ледостав привел к *«повреждениям»,* и теперь город хлопочет о ремонте[20]. Самое время просить того, кто начинал сооружение.

Сходное желание, впрочем, могли высказать иркутские власти: Батеньков представил проект укрепления набережной – ему сей замысел и претворять.

Есть от чего *«впасть в задумчивость».*

Но тут, словно разгадав его мысли, в один из сентябрьских дней наместник позвал в кабинет и прямо спросил, как представляет он свою будущность.

Дальнейший разговор Батеньков плохо запомнил: он был взволнован, как никогда. Вот, оказывается, как может решиться судьба, мелькнула мысль. Ничего особенного – несколько слов, простое деловое предложение, – и всё переменилось.

Из кабинета Гаврила Степанович выходил уже как официальный сотрудник наместника, получивший предложение следовать за ним в столицу.

«В Иркутске пробудем до марта, – сообщил друзьям, – *и после надеюсь оставить Сибирь, поеду с генерал-губернатором в Петербург и там решится, что будет далее»*[21].

Петербург…

Три с половиной года назад ради матери оставил столицу, поехал в Сибирь, изведал обиду, гонения, разочарования. Теперь матери нет, в Сибири ничто, по сути,
не держит. И открывается новый, заманчивый путь.

Каким он будет, спокойным или тревожным, знать не дано. Но каким бы ни был, благодарность доброму покровителю Батеньков сохранит навсегда.

В том нет никаких сомнений.

VIII

Удивительное дело!

Наместник государя, коего так боялись, прибыл – да не один, со всей своей канцелярией, а всё течет будто по-старому. Ничего вроде не изменилось. Тишь да гладь.

Уж кому первому полагалось лишиться места, так это губернатору, тут и гадать было нечего, а он хоть бы что: такой же грозный, нахохленный, прожигает взглядом из-под бровей – ну, прямо орел. И чиновники, приунывшие было от страшных слухов, начали отходить, молиться, чтоб пронесло беду стороной, не задело.

Воспрянула духом канцелярская рать.

По утрам просторная прихожая Трескина наполнялась, как прежде, людьми: казаки, полицейские офицеры да дежурные чиновники, чтоб всегда, значит, были под рукой. Несколько ранних просителей, не без этого:

всем от губернатора что-то надо, всех надо выслушать, выспросить, подписать бумаги, отдать распоряжения да проверить, как исполнили.

Тяжело быть начальником непутевого края, где все приходиться делать самому. Хотя и не бескорыстно[1].

Посетители ждут, не дыша, прижав к телу бумаги, как родное дитя. Чиновники расположились *«у глухой стены, на раз назначенных местах»,* а кто посолиднее да старше чином, *«занимают места около печек»*[2], и тоже в соответствии с рангом. Так заведено.

И тишина такая, что слышен комариный звон, но никто, ни одни чиновник не смеет шевельнуться.

Стой и терпи, жди своей очереди. Заранее готовь оправдание, ибо быть того не может, чтоб ни в чем пред его превосходительством господином губернатором не провинился. Вина есть, и даже доказана, только ты о ней покуда не знаешь[3].

Николай Иванович принимал в халате. И раньше-то добродушия не выказывал, а теперь, после смерти жены, подавно: вечно мрачный, строгий, раздражительный.

«Не обладая научными познаниями, Трескин был наделен от природы необыкновенным умом, орлиным взглядом… Деятельность его, – полагали иркутяне, – *превосходила всякую меру: он работал почти постоянно, с раннего утра до глубокой ночи»*[4].

И не сказать, чтоб зря. *«Наружный вид губернии»,* во всяком случае, *«был отделан на славу. Дороги, гати, мосты находились в отличном порядке, болота осушены, станционные дома – удобные, просторные, теплые и чистые, лошади – сытые и добрые, ямщики – удалые»*[5].

Словом, посмотришь со стороны: образцовая губерния. *«Недоставало немногого»,* сущей безделицы: *«человеколюбия и справедливости».*

Но справедливость что, пустой звук, когда не касается лично тебя, потому Николая Ивановича ценили и крепко уважали. Всем бы, молвили, такого губернатора – живи, как у христа за пазухой.

Наместника тоже уважали – за должность, как власть, но ценить, благодарим покорно, пока было не за что. Писать, мол, и сами умеем, а ты покажи, во что горазд, дай указание да строго спроси – нашему брату без строгости никак невозможно.

Куда там! Со всеми обходителен, благодушен и вежлив. Не наместник императора, а прямо-таки священнослужитель – только без рясы.

Губернатор посмотрит – хочется тут же, без слов, провалиться сквозь землю, а у этого *«глаза спокойны, ласковы; они не прищурены, но и не открыты, не вызывающие и не уклоняющиеся – ум, душа, сердце поместились в этих глазах»*[6].

Да что нам душа – доброта бывает во вред, когда нужно держать всех в узде, как Николай Иванович.

Приемная Сперанского тоже не бывает пустой, но *«разница в обстановке и в приеме» поразительная».* Здесь всё скромно и просто, ничего лишнего, а вместо чиновников – *«пестрая толпа»* крестьян и инородцев. Сам наместник *«в форменном сюртуке, застегнутом на все пуговицы».* Говорит тихо и мало, будто по необходимости, и улыбается: у него *«скромная, очень приятная улыбка»*[7].

Наместник не менял привычек. Внешние обстоятельства мало влияли на его образ жизни: как в Томске, он много читал, ходил в церковь, совершал по городу пешие прогулки, а вечером *«гулял в огромном саду, прилегавшем к его квартире»*[8].

Всегда бодрый, подтянутый, доброжелательный. Одевается просто, *«ходит тихо, размеренно – как говорит».* И только на званый обед, если попросят, являлся в мундирном фраке, правда, без орденов, а *«званые обеды тогда были очень часты»*[9].

После обеда его высокопревосходительство вынимал из золотой коробки пилюлю и проглатывал. Совершал недолгий разговор, предпочитая беседовать с дамами, прощался и уезжал к себе. А, приехав, принимался за чтение, *«в сумерки ходил по зале до темноты»,* затем *«при огне принимался за бумаги»,* работая, как видно, допоздна[10].

С его приездом общественная жизнь в Иркутске оживилась.

По праздникам теперь бывали балы, где собирались, по преимуществу, купцы да чиновники с женами. Вкушали яства, танцевали кадриль, толковали меж собою о всяком.

Наместник, с неизменной улыбкою на устах, смотрел на танцующих со стороны, зато его племянник, молодой Жорж Вейкарт, танцевал кадриль без устали. Кружил в танце жену коменданта Луизу Ивановну или супругу полковника Наталию Карповну, первую красавицу Иркутска.

Сперанский вида не показывал, но наблюдательному взору открывалось, что он несколько тяготился праздностью. И здесь держался особняком, в разговоры почти не вступал, выжидал требуемое приличьем время и покидал праздничную залу, любезно простившись с хозяином.

«Коротких знакомстве в Иркутске у него не было»[11], но в первый же день по приезду он *«послал за бывшим своим товарищем по семинарии Словцовым»*[12]. Директор местных училищ Словцов[13] был чуть не единственным, с кем наместник поддерживал здесь тесные отношения.

Кроме, конечно же, Батенькова, Вильде[14] и Цейера. Еще, пожалуй, одаривал особой благосклонностью здешнего коменданта Цейдлера, доброго отца *«почтенного немецкого семейства»*[15].

Более никого.

Вскоре по приезду его высокопревосходительство учредил в городе Благотворительное общество, собравшее по подписке 8000 рублей, открыл отделение Библейского общества. Вообще, как-то незаметно всколыхнул спящую провинцию, дал всему новое направление, оживил общую мысль.

Но картина произвола, немыслимого, по-азиатски деспотичного правления его тяготила. Заставляла думать об административном и законодательном переустройстве, искать пути выхода. Трескин обречен, не сегодня – завтра получено будет высочайшее распоряжение об отстранении его от власти[16].

Ну, а что, собственно говоря, изменится?

«Частным человеком я, может, и нашел бы здесь способ составить себе довольно сносный образ жизни; но никогда начальником, – сообщает Сперанский дочери. – *Слишком много ответственности – и пред Богом, и пред людьми, и силы мои к сему совершенно недостаточны»*[17].

Дела в Иркутске оказались *«чрезмерно запутаны»,* но он надеялся, что к Новому году *«удастся окончить всё существенное и грязное»,* так что *«останется уже более умственная работа»*[18].

Для этого следовало продолжить ревизию. И вот в конце сентября наместник в обществе двух-трех ближайших сотрудников отправляется дальше на восток, к китайской границе[19].

Кяхта, небольшой пограничный городок, был *«средоточием русско-китайской торговли. Стоимость обращавшихся в ней товаров достигала 11 миллионов рублей».* Туда доставляли, в основном, сибирскую пушнину, ткани да кожи, а ввозили, главным образом, чай. Ну, и конечно, диковинные безделушки[20].

Кяхтинский бургомистр, Николай Матвеевич Игумнов, принимая гостей, произнес чрезвычайно длинную речь. Наместник, слушая, заскучал, а Гаврила Степанович рад: вот и выпало самому увидеть края, о коих доводилось прежде читать.

Оттуда, взяв в руки перо, он пишет друзьям в далекую Тульскую губернию: *«Милые и почтеннейшие друзья мои! Конечно, для вас покажется удивительным, что я пишу из владений Киа-кинга, но и земля Александра перед моими глазами, ибо далее здешнего места не можно проникнуть в неприступную для иноземцев империю…»*[21].

И не без гордости сообщает, что *«приехал в Кяхту на самое короткое время для обозрения и обревизирования пограничных дел».* Уже не просто как инженер, а как правая рука могущественного наместника.

«Само по себе разумеется, – пишет, – *в таковом качестве я здесь велик и славен… Жаль почта отходит прежде, нежели увижу я многие здешние обыкновения, совершено для нас новые»*[22].

Обозрение дел, впрочем, не задержало наместника. Дав кой-какие указания[23], его высокопревосходительство со спутниками повернул обратно.

Возвращались через бурный Байкал, который немного страшил. Зато какие тут виды, какая божественная, прямо-таки неземная красота!

«Места живописные, – продолжает Батеньков, – *поистине так называемый здесь заморский край составляет для глаз наилучше зрелище в целой Сибири…»*[24].

Воистину благодатная земля. Поселиться б где-нибудь здесь – с той, что живет в его сердце, и обрести настоящий покой. Не думать о мостах и набережных, не заботиться о том, как истолкуют слова и поступки, держаться подальше от сильных мира сего.

Красивая мечта.

Вот только… следом приходит другая: блистательная столица империи, почет и уважение, полученные благими трудами под высоким покровительством сиятельного вельможи. Но и там, в столице, он мыслил себя рядом с нею – милою, доверчивой Полиной. Ибо к чему все труды, когда рядом не будет её, для чего почет, когда не с кем разделить его сладость…

Без нее никакие красоты природы не будут радовать глаз.

А всё же… Бог ты мой, до чего здесь красиво! *«Видны иногда вечным снегом покрытые горы…зеленеющие долины, окруженные гранитными скалами и омываемые быстрыми реками; всюду рассеяны шалаши кочующих бурят, неподвижные зимовья русских, полосы обработанных полей и луга, покрытые стадами»*[25].

Можно ехать много дней, недель, даже месяцев, а *«земли Александровой»* не будет конца и края. Могучая страна. Великая держава, достойная великого будущего...

Каким огромным великаном
Я зрю тебя, Россия-мать!
Полмира облегла ты станом,
И не перестает сиять
В твоих пределах дня светило,
И море синее повило
Фатой волнистою тебя.
Ты опоясалась хребтами
И снегов вечных сединами
Покрыла, древняя, себя…[26].

IX

Заморосили дожди, стало сыро и ветрено.

Небо заволокло тучами, они клубились над головой – зловещие и такие тяжелые, будто вобрали в себя всю земную печаль. Ветер то утихал, то начинал с новой силой колотиться о ставни, стучать в ворота – бесприютный шальной бродяга.

Собаки – и те сидят в конуре, не высунут носа наружу. Кругом так мокро, так грязно, а конурка хоть и тесна, да уютна: ничего, отсидимся. Пере-

ждем непогоду, есть с кого брать пример: вон чиновники, вишь, тоже попрятались.

Ждут, любезные, чем кончится ревизия, присмирели. Ти-ихо сидят, что-то старательно пишут, поглядывая украдкой, не разогнало ли тучи.

А-а, нет, пока не разогнало… И ладно: всё равно будет по-старому, как от века заведено в здешних краях. Подождем…

В присутственных местах царит благонравие, все преисполнены усердия, все молчат. Ну, а дома, частным образом, можно и выговориться.

– Как вам, господа, наш новый генерал-губернатор?

– Да как сказать, – откликнется титулярный советник в потертом мундире. – *«Впечатление производит самое благоприятное. Никаких волнений, никаких переворотов. Ведет себя просто…»*[1].

– Оно, конечно, – скажет задумчиво купец. – *«А Трескин все-таки был хозяин, административный человек. Конечно – лихоимство… Но водворил хлебопашество, даже у бурят. Жаль, не сошелся со Сперанским. Гордость какая-то…».*

– *«Вообще, Трескин действовал энергично. Правда, манеры у него были слишком некрасивы, но что делать»,* –подхватит другой, критически настроенный господин, – *«с нашим народом иначе нельзя, кроме как кнутом и пряником».*

– Ну, не скажите. Вот Сперанский – да, великий человек, – возразит купец, который принимал на званом обеде его высокопревосходительство. – *«О таком человеке следует написать историю. Вид у него благородный, говорит со всеми кротко, тихо… И с обществом сошелся хорошо».*

– Да о чем вы толкуете? – подаст голос статский советник. – *«Сперанский только и сделал особенного, что сменил Трескина… Правление его ничем не замечательно, одна запутанность и неразборчивость; просьб принимается множество – и ничего по ним не делается, а некоторые даже и не прочитаны. Я смотрю на Сперанского, что он никакой не администратор, он только умный человек на бумаге…»*[2].

И дальше, в том же духе: хороший – плохой, толковый – неугодный, великий – посредственный.

Но Трескина, точно, в Иркутске уж нет. Кончился Трескин, был да вышел.

Вместо него Зеркалеев: *«добрый старик, но без больших способностей, и даже малограмотный. В бумагах не терпит «кавык», – знаков препинания, говорит, что изредка они красивы, а часто никуда не годятся»*[3].

Что еще сказать о сем почтенном чиновнике?

«Взгляд его на управление отзывался Трескинской закваской и воспоминаниями прежней военной службы; но, по личной доброте и слабости характера, он не мог быть вреден» – и то хорошо. Впрочем, он *«обладал ничем не заменимыми достоинствами – опытностью и знанием края»*[4].

Спору нет, хорошие достоинства: при прежнем губернаторе из оных легко было извлечь ощутимую пользу. Как это делали Волошин и Лоскутов[5].

Ну, так что? Грех умному человеку не воспользоваться должностью – все берут, все гребут под себя, это естественно. Да только мало набить карман, надобно получить свою выгоду, не привлекая внимания, осторожно.

Вот Волошин – уж на что виноват, а уцелел, должности не лишился. Всюду бывает, со всеми на короткой ноге. Самого генерал-губернатора принимал в своем доме, устроив в его честь роскошный праздничный обед[6].

Умный человек, изволите видеть, не пропадет ни при каком начальнике.

А на следующий день – на тебе: *«у бедного Волошина описали имение, и оказалось денег – один рубль семьдесят три копейки»*. Город взбудоражен: такое событие!

Но взволновала не опись имущества, удивило другое: куда, каналья, дел деньги, как успел спрятать? Слухи – самые противоречивые: зарыл в кубышку, отдал верным людям, сжег.

Оказалось, нет, ничего подобного. Вечером, накануне событий, *«должно быть, с горя проиграл в банке до 25 тысяч рублей»*[7]. Вот это по-нашему, по-сибирски: легко нажился, легко потерял, а после, глядишь, опять наживется...

Мало кто из исправников удержался при должности. Среди них Геденштром[8], который *«особенно выделялся… своими манерами и нравственными качествами»*[9].

Его генерал-губернатор не тронул, хотя донос на него получил в первые дни. Не захотел спешить: столь образованных, толковых людей, как Матвей Матвеевич, в Сибири поди поищи. Пусть послужит.

Затребовав к себе Геденштрома, наместник распорядился исследовать *«кругобайкальский тракт»*. Посмотреть, в каком он состоянии и требует ли исправлений[10]. Мог бы отправить и Батенькова, работа для него знакомая, да Гаврила Степанович был занят устройством набережной – чертежами и планами.

Дел много, одному инженеру не справиться, нужен помощник. Вот Геденштром, о котором наместник слышал прежде, и окажет услугу его высокопревосходительству, явит свои качества. А для начала пусть познакомится с Батеньковым, обсудит предстоящую поездку.

Тем же днем состоялось знакомство, которое переросло в настоящую дружбу. Хотя *«Батеньков не употреблял табаку, не играл в карты и почти не пил вина»*[11], а лихому исправнику сие было привычно, скоро они сошлись: общего в характере и взглядах оказалось куда больше, чем различий.

Между тем подходила к концу осень. Наступили заморозки, подул ледяной ветер.

Гаврила Степанович почувствовал недомогание, но заставлял себя заниматься делами, выполнял предписанное наместником задание. Превозмо-

гая слабость, ступал на службу, пока боль от фронтовых ран не стала вконец невыносимой.

В свите генерал-губернатора имелся свой врач, Яков Альберт[12], который вместе с Батеньковым был взят из Тобольска. Обследовав больного, он приписал ему постельный режим, велел принимать какие-то порошки.

Да только лучше не стало: болезнь свалила-таки с ног.

Ах, кабы рядом была Полина Трофимовна, она непременно помогла бы окрепнуть – одним своим присутствием дала б силы одолеть хворобу. Но нет ее рядом, далеко – вместо нее незнакомая сиделка, назначенная ухаживать за его благородием господином инженер-капитаном.

Проклятый климат… Всякий раз с наступлением холодов ноют раны, болит исколотое штыками тело. Но жаловаться – нет, Батеньков не приучен. Еще в детстве *«охоту к жалобам и ябедам»* выбил из него отец, *«но зато осталась склонность поворчать про себя»*[13].

Почему так: всякий раз во время болезни, словно путешествуя в детство, Батеньков видел перед собой, у изголовья, отца или мать. Вёл с ними неторопливый разговор, что-то рассказывал, что-то объяснял. И так хорошо становилось на душе, тепло и спокойно, что, кажется, не вставал бы с постели вовек.

Вспоминает: отец ведет его, малолетнего, по улицам города. Отчего-то становится страшно, *«чувство пространства»* так вдруг подействовало, что *он «испугался: прижался к отцу и не смел внимательно смотреть на предметы»,* пред глазами *«во множестве представшие».* Он *«едва не заплакал, ходил, почти не помня себя, и когда возвратился домой, рад был, как избавившийся от великой беды, как погибавший и спасшийся»*[14].

Мир так огромен, крепок, силен, а ребенок мал, слабосилен, пуглив: где ж ему одному в сём враждебном, огромном мире, без отца? Тому и объяснять ничего не надо, всё поймет и защитит, *«в несколько прогулок ознакомит с вещами».*

Примирит его с миром…

Ближе к концу года, в середине декабря, почтовый чиновник доставил пакет, в коем находились бумаги из Тобольска.

Одна была направлена начальнику X округа генерал-майору Риддеру: рапорт тобольского городового магистрата *«о взыскании при сей расписке…».*

Что такое? Батеньков близоруко щурит глаза, возвращается к началу прочитанного.

«…магистрат просит о взыскании по сей расписке, выданной покойного прапорщика Степана Батенькова, с сына его поручика Гавриила Батенькова десяти рублей, принадлежащих в капитал умершего купца Куклина младшего, по доставлению оных в магистрат, о чем следует определение губернского правления»[15].

Чушь какая-то, сущая блажь. Какой долг, какая расписка, и отчего здесь его имя…

Сама расписка там же, в пакете.

«Я, нижепоименовавшийся, дал сию расписку тобольскому второй гильдии купцу Ивану Куклину младшему, в том, что взял у него, господина Куклина, на собственные свои надобности денег медною монетой десять рублей, кои и обязан без всяких моих отговорок представить при наступающем 1804 году, в последних числах декабря месяца, непременно,

в чем под сим и подписуюсь

прапорщик Степан Батеньков»[16].

Десять рублей, даже по тем временам, когда деньги были дороже, невелика сумма. Но на ремонт крова вполне бы хватило: родовое гнездо требовало ухода.

В ту пору отец был уже немощен – под семьдесят лет, и часто хворал: участник сражений, он тоже пострадал за отечество, имел боевые раны. И тоже, превозмогая боль, заставлял себя двигаться, что-то делать по дому, всё куда-то спешил…

Прогадал купец. Не подумал, давая взаймы, что хворый ветеран может не дожить, отдаст богу душу, – что и случилось. Но на то они и купцы, чтобы смекать, чтоб сохранить, несмотря ни на что, свои кровные: наследники покойного Куклина оказались настойчивы.

Батеньков хмыкнул: ведь вот, в Иркутске нашли, не поленились искать. Коль не стали взыскивать на месте, в Тобольске, стало быть, живут не там – действовали через магистрат. А может, никуда не выезжали, да поручили дело властям, не рассчитывая вытребовать добром…

Кроме означенных документов была еще бумага от Риддера.

Филипп Филиппович эмоциям не доверял, он действовал, повинуясь во всем здравому смыслу и логике. И вопрос о наследовании долга подверг законному сомнению.

«Тобольское губернское правление просит взыскать с вас, как с наследника, десять рублей, по долговой расписке отца и доставить в оное правление, – сообщал начальник округа. – *Но наследовали ли вы по смерти родителя какое-либо имение, мне неизвестно. Расписка же в сих деньгах дана еще в 1803 году на одни год, и по прошествии более десяти лет, кажется, не может быть действительна. Но за всем тем препровождаю оную в подлиннике и даю на волю и рассуждение ваше переслать оные деньги ко мне или возвратить расписку с законными доказательствами ко мне»*[17].

Такая вот весточка из детства.

Гаврила Степанович полагал ответить сразу, на следующий день, но назавтра почувствовал сильный жар – занемог так, что не было сил ни на что. Болезнь скрутила не на шутку, ослаб как тогда, после Монмираля, когда очнулся весь израненный во французском госпитале…

– Тише, прошу вас, – увещает кого-то доктор Альберт. – Больному необходимы покой и тишина.

Голоса стихают, раздаются шаги: все уходят.

Батеньков снова впадает в забытье. И там, в полубреду, видит того, о ком вспоминал все эти дни. Отец, не совсем еще старый, стоит на утренней молитве, а он с сестрой *«забрались под полы его длинного платья и начали ловить друг друга»*. Другой бы осерчал, возмутился, но не таков был отец: он *«как бы не примечая, продолжал свое дело»*[18]…

Так, в сражениях с недугами, прошло больше месяца. Только уже не под домашним кровом, а в больнице[19].

В конце декабря, немного окрепнув, Батеньков попросил перо и бумагу: надлежало ответить Риддеру. Только … что ж написать?

Его рассудительный начальник, безусловно, прав: за давностью срока выплата долга лишена оснований. Любой немец, вроде Риддера, согласился бы с этим доводом. Но Батеньковых никто не уличал в бесчестии: долг есть долг.

Даже без всякой расписки.

«В удовлетворение иска купца Куклина к покойному моему отцу, – пишет он, – *хотя по миновению десятилетнего срока и по совершенной неизвестности мне обоюдных между ними расчетов, по закону и не следовало бы, но в избежание переписки честь имею предоставить при сем моем рапорте десять рулей, и покорнейше прошу отослать оные по принадлежности»*[20].

Написал, свернул бумагу.

Затем достал пятнадцать рублей ассигнациями и попросил выслать вместе с письмом в Тобольск: десять в удовлетворение долга, а пять – в Тобольское отделение Библейского общества, в качестве ежегодного взноса[21].

И спокойно вздохнул: отец бы остался доволен.

X

Из больницы Батеньков вернулся исхудавшим, не узнать: мундир висит мешком. Не человек, а бесплотное существо, сущая тень.

Доктор велел не вставать, пока не вернутся силы: «Лежите, сударь, лежите – в вашем положении надобен покой». Да где там, вон сколько бумаг на столе, ждут – не дождутся, когда о них вспомнят: чертежи, планы, расчеты. Письма, на которые следует ответить, и по возможности поскорей.

Милость генерал-губернатора безгранична, по доброте душевной он даст отлежаться, набраться сил, однако… нехорошо. Неудобно пользоваться доверием благодетеля, когда столько дел, одно важнее другого. Некогда лежать, не время…

А как кружится голова…

Мысли трудно собрать, и перо кажется таким тяжелым, будто целиком из железа. Но это ничего, это скоро пойдет... Вот черновики по последней поездке, с них и начнем: отчет о кяхтинском *«обревизировании»*[1].

Теперь набережная. О, здесь бумаг еще больше, просто бурная бумажная река, запросто можно утонуть.

Какое-то время Батеньков пишет, что-то пересчитывает, вычерчивает, вымарывает. Потом решительно встает, одевается и идет к Ангаре: на месте всегда виднее[2].

Но инженерные заботы не слишком удручают: дело привычное, ход ему дан – так или иначе, будет закончено. А вот другое поручение его высокопревосходительства неизмеримо труднее, тут уж речь не об Иркутске и даже не о губернии.

Что набережная, пустяки, перестроить ее не сложно – дело времени: нужны только средства и люди. Ты попробуй перестроить весь край, всю Сибирь, а генерал-губернатор сие и замыслил.

И отводит Батенькову особую роль.

Казнокрадство, всевластие, лихоимство… Сколько было попыток навести тут порядок, сколь много административных проектов рождало желание *«искоренить зло»,* а что изменилось? Значит, нужно действовать по-другому, смотреть глубже[3].

Так рассуждал Сперанский, делясь мыслями с ближайшим помощником. *«Порядок управления, местному положению свойственный*, – говорил он, – *один может упрочить добро на долгое время»*[4]. А дабы ввести его, нужно лучше узнать Сибирь.

Помочь это сделать должен был Батеньков[5].

Конечно, не один, в работу вовлечен был *«даровитый»* князь Шаховской, прибывший по просьбе наместника, и местные иркутские чиновники[6]. Но действовали они не самостоятельно, а под началом молодого тобольского инженера[7], который, в свою очередь, во всем полагался на сибирского реформатора[8].

Так и работал Гаврила Степанович – один в двух лицах, как инженер и сотрудник наместника.

«Служба моя ныне идет весьма хорошо, – пишет Елагиным. – *Я пользуюсь расположением главного директора и весьма близок ко здешнему генерал-губернатору; достоинства сего истинно превосходного человека известны всякому, и мне простительна, быть может, слабость похваляться моими к нему отношениями»*[9].

В конце марта, изучив отчет Геденштрома о состоянии *«кругобайкальской дороги»,* наместник поручил Батенькову ознакомиться с запиской. После чего предписал выехать туда лично и *«провести изыскания к устройству дороги»*[10].

Направление пути, указанное Геденштромом, *«шло по байкальскому берегу… и оканчивалось селением Посольским»*[11]. Следовало убедиться, что выбранный путь *«будет легче и выгоднее нынешнего»,* хотя оснований не доверять представленному рапорту как будто не имелось.

Батеньков рад этой поездке и немного смущен: его слово, а не мнение Матвея Матвеевича, должно стать решающим. Но у наместника свои резоны, ему виднее, как лучше. Пора собираться в дорогу…

Байкал – красивейшее место на земле, попасть сюда снова – большая удача.

«В отдаленной синеве седые исполины, препоясанные густым туманом, гладкая зеркальная поверхность воды в тихое время, и страшные черные волны во время бури, оглушающие ревом своим и как бы готовые испровергнуть в бездну мшистые скалы, препятствующие их буйству…»[12].

Это Байкал…

А когда здесь становится тихо, *«сердце наполняется каким-то особенным восторгом при виде сего озера. Воображение чрезвычайной отдаленности оного от средоточия отечества нашего, совершенный недостаток постоянного населения, дикая природа, разбросанные кое-где хижины ловцов, белеющие вдали парусы судов, – и мысль, что там, за водами, за высокими хребтами гор, близко начинается земля, отличная от всех, виденных нами… – всё это питает в душе задумчивость и особенные чувства»*[13].

Вот место для художников и поэтов, великолепие его неизъяснимо.

«Но сколько бы мертвая натура ни представляла величественного и изящного, без нравственных наслаждений оставит она великую пустоту в сердце, – добавляет Батеньков, жалуясь в письме на невнимание к себе друзей. – *И унылая тоска, всегдашний спутник одиночества возьмет верх над всеми ее впечатлениями».* Потому как *«людям всего любезнее люди, со всеми их недостатками и слабостями»*[14].

Одиночество, впрочем, скоро закончилось.

Проехав по маршруту Геденштрома и дополнив его проект своими замечаниями[15], Батеньков повернул обратно.

В Иркутске, на основании собственных изысканий, представил проект *«кругобайкальской дороги»* и вновь занялся городской набережной. Погрузился в расчеты, замеры, наблюдения[16].

Наместник, вернувшись из поездки по губернии[17], к тому времени пребывал уж в Иркутске и готовил всеподданнейшее донесение государю императору, полагая сибирскую ревизию почти завершенной.

«Сибирская ссылка» длится недолго, меньше года, и трудно сказать, когда завершится. Одно утешает: сознание важности, даже величия выполненного.

«Сибирь, – размышляет Сперанский в письмах, – *для меня есть театр довольно выгодный. Если не много я здесь сделал, по крайней мере, много осушил слез, утешил негодований, пресек вопиющих насилий и, что может*

быть, еще и того важнее, открыл Сибирь в истинных ее политических отношениях. Один Ермак может спорить со мною в сей части»[18].

Но Ермак действовал мечом, а не словом, ему было легче. *«Устал жить в непрестанных ябедах, следствиях и обвинениях»*[19], – жалуется наместник дочери.

Новые законы нужны, он понимал, в преобразованиях надобно действовать, сообразуясь с местными условиями. *«Люди без добрых учреждений мало добра произвести могут», это известно, так ведь и «учреждения без людей тщетны»*[20].

Ну, а где ж, спрашивается, взять их – умных, образованных, порядочных людей, – где взять их в Сибири?

Воспитывать, убежден Батеньков. Исправлять здешние нравы должно не нравоучением, а просвещением[21], приобщеньем к высокой культуре. Не говоря о том, что Сибири нужны свои инженеры, врачи, учителя народных школ.

Разговор заинтересовал наместника, – и как оказалось, не бесполезно. Несколько дней спустя при содействии коменданта Цейдлера в Иркутском военно-сиротском отделении введено было обучение *«по методе Ланкастера»*[22].

То был первый в Сибири опыт такого рода обучения.

«При открытии классов», правда, *«встретилась надобность в аспидных досках и грифелях»* и *«оказалось, что в Иркутске не нашлось ни того, ни другого…Узнав о нуждах училища и озаботясь скорейшим открытием классов по введенной методике»,* Михаил Михайлович просил Енисейского исправника Генца *«прислать из Енисейска хотя б до десяти аспидных досок с грифелями»*[23].

Исправник ответил, что оные *«нигде не мог получить»,* и всё же дело наладилось. А полковник Цейдлер за деятельность на сем благородном поприще даже удостоился получить высочайший подарок, бриллиантовый перстень в 1000 рублей.

В классах *«взаимного обучения»* преподавали чтение, письмо и арифметику, а сверх того, ученики получали *«первоначальные геометрические познания».*

И тут неожиданно пригодился опыт Батенькова. Составленные им *«для сего предмета, на общих правилах той методы, таблицы вошли здесь в употребление и показали успех»*[24].

Классы открылись в конце апреля, а через две недели Батеньков пишет начальнику Х округа подробнейший рапорт:

«Его Высокопревосходительство Михайло Михайлович при личном обозрении, которым он несколько раз школу сию удостоил, нашел, что составленные мною таблицы соответствуют их целям, и дабы те из них, которые служат для объяснения, дополнить военно-сиротскому отделению до-

статочное число и облегчить их чтение, изволил напечатать оные в губернской типографии»[25].

Таблицы Сперанскому так понравились, что один рукописный экземпляр их он велел отослать в столичное Общество для учреждения в России *«ланкастерских школ»,* дабы труд сей попал в департамент народного просвещения. Другой экземпляр и пояснения к ним Батеньков отправил в Тобольск вместе с рапортом.

«Ежели изволите труды мои найти заслуживающими внимание, – обращается к Риддеру, – *то на тот конец, что училище по методу взаимного обучения могло быть заведено и в ведомстве путей сообщения, я осмеливаюсь покорнейше просить Вас, не угодно ли будет экземпляр сей переслать в Главное управление*»[26].

Мог бы отправить и больше, да не вышло: рукописных, «начертанных» им таблиц и отпечатанных оказалось *«соразмерно только одной здешней надобности»,* а чертить новые, положительно, нет времени. *«Занятия перепискою»* отвлекли бы от служебных дел, *«значительность коих требует поспешности и всего внимания».*

Особой поспешности требует завершение проектирования *«сухопутной дороги по берегу Байкала».*

В конце мая, отложив все дела, Батеньков вновь отправляется в те благодатные края, чтобы пройти по знакомому маршруту.

Спокоен и величественен Байкал в тихую погоду. Вот отрада для глаз: позавидуешь живописцам, коим дано запечатлеть красоту. Но *«настанет буря, страшно засвищет ветер в горных пропастях, заскрыпят столетние лиственницы на вершинах, заревут волны, – и невольный ужас объемлет сердце странника ужасной пустыне. Тут предстанут ему дела веков минувших, живо вспомянутся разрушительные орды, изшедшие отсюда, страшные и неумолимые, подобно бунтующим волнам святилища их»,* не зря *«Байкал почитается священным между язычниками»*[27].

В душе Гаврила Степанович поэт. Рад попасть под очарование божественной натуры, увлечься колдовскими чарами волн, закатов и горных вершин.

Где тот серьезный инженер, что занят сложным, ответственным делом? Нет его – есть прекраснодушный мечтатель, слагающий «легкомысленные» стихотворные строки.

В нём просыпается ребенок.

Он вспоминает Тобольск и детские годы, когда загородные прогулки походили на путешествие в волшебный мир, *«когда взбирался на высоты и чувствовал красоты видов».* Вот *«громадная глубокая река, гордо опоясывающая круговые дуги»,* а вот *«мысы, отмечающие пределы зрению, даль предметов»*[28].

Только одна природа способна «очеловечить» разум. Лишь *«отвлеченная фантазия»* может всё оживить и *«доставить целость наслаждения».*

Путешествие по Байкалу возвращает к себе, становится дорогой к сокровенным мыслям и чувствам. Словно окунулся в воды священного озера, смыв с себя ничтожные помыслы и суетливые мысли.

И обновленный, помолодевший вернулся в Иркутск.

XI

Весна пробудила надежды, а они успокоили сердце: терпеть осталось немного. Совсем, уж право, немного – конец страданиям близок.

Нет, никто не ропщет, *«нельзя прекословить судьбе, покорность и гибкость – вот всё, что остается, всякий ропот есть бунт против провидения»*[1]. Надо достойно принять, что предначертано небесами, и выполнить долг до конца.

Но, видит бог, так хочется уехать, уйти, убежать из этого дикого невежественного края с его чудовищным климатом, с его дикими, варварскими нравами. Уехать туда, где всё привычно, желанно, удобно.

Весна пробудила надежды – и наместник воспрянул духом.

Обозрение Сибири, можно сказать, завершено – никогда столь много не ездил: жизнь, кажется, превратилась в одну сплошную дорогу. Ревизия подходит к концу, уменьшается неиссякаемый, мнилось, поток доносов, жалоб, клеветы.

Скоро…

Нынче осенью надобно непременно вернуться в Петербург, предстать во дворе, доложить государю об исполнении его монаршей воли. Однако известия, увы, поступают не утешительные, письма из столицы усугубляют душевную рану. А потом *«через князя Голицына»* приходит повеление явится ко двору не раньше будущего марта.

Наместника охватило отчаянье.

Сдержанный всегда и осторожный в словах Сперанский пишет его величеству и министрам, *«что отсрочку принимает в точном смысле удаления»*[2]. Ежели это ссылка, будьте добры назвать вещи своими именами!

Наместник желает просить об отставке, уведомив о сем графа Кочубея: *«отставку, вероятно, не дадут»,* зато *«почувствуют, что нельзя никого держать генерал-губернатором по неволе и, следовательно, скорее на что-нибудь решатся»*[3].

Но потом успокаивается, приходит в себя. К чему возмущаться, на всё *«воля Божия… Может быть, всё и к лучшему…».*

Дело есть лучший врачеватель – он это знает, а дел, поистине, еще великое множество. Оно, конечно, с бумажной работой можно бы справиться и в Петербурге: собрать недостающие статистические сведения[4], а затем

начертать разумный и всеобъемлющий план преобразований. Но здесь, в Иркутске, сделать это куда проще.

К тому же часть работы, едва ли не самая важная, кажется, выполнена – немудрено, имея таких помощников, как Батеньков[5].

Гаврила Степанович хорошо знает сей край – нравы, порядки, обычаи[6]. У него дельное перо и светлая голова, ему и отводится первая роль. Шесть из десяти проектов написал он, не будучи правоведом, под руководством наместника[7]. А ведь *«изданы еще многие другие постановления, более или менее важные»*[8] для Сибири, продуманы меры к *«усилению ответственности посредством внутреннего устройства самого управления»*[9].

Государь не ошибся, направив сюда лучшего законотворца и администратора, в правительстве это понимают: такая задача никому боле не по силам. Наместник недоволен, обижен, раздражен, жалуется в письмах на злую судьбу, однако ж задачу, возложенную его величеством, исполняет.

И исполняет, надо заметить, превосходно.

Для одних самодур, спесивый вельможа – порушил порядки, позволявшие делать, что заблагорассудится, других – отец родной, благодетель. Умный, заботливый, добрый.

Трескина, положим, сместил, а за Миницкого[10], *«деятельного и опытного начальника»* в Якутске, взялся истово хлопотать. Просил уволить его, *«в уважение его многотрудной службы»* в гибельном для здоровья краю, и *«доставить ему выгодное и способностям сообразное место»* в Петербурге[11].

Взяв за правило *«не говорить худого о предшественнике»,* он лишь раз, не сдержась, позволил себе неуважительный отзыв: когда хлопотал за несправедливо свергнутых сибирских губернаторов. *«Вся вина их,* – убеждал , – *состоит в том, что они не хотели или не умели войти в понятия главного их начальника: вина простительная перед законом и совестию. Но Иван Борисович не хотел им простить сего и преследовал в течение восьми лет во всех инстанциях от земского суда до Совета»*[12].

И Сперанский добился своего: «восстановил честь двух гонимых и опозоренных Пестелем губернаторов – Хвостова[13] и Корнилова»[14]. Из любви к справедливости – ну, и чтоб показать лишний раз, что влияние его при дворе еще сохранилось.

Где они, благонравные, толковые, распорядительные чиновники, почему их так мало; даже если появятся «добрые» законы, кому, спрашивается, их выполнять?

«Как могу я управлять без моральной власти? – вопрошает наместник, - *Скажут – законами. Как будто существуют законы в Сибири, всегда управляемой самовластием, и как будто законы могут исполняться без исполнителей? Страх есть дело внезапности, род очарования. Надобно знать меру, что им пользоваться. Вопрос: кто наиболее пострадает от сего по-*

ложения дел? Сибирь: ибо первое последствие всякого пренебрежения власти есть собственный свой вред».

«А что власть, мне данная, – заключает, – *будет пренебрегаема, в сем не могу я иметь ни малейшего сомнения»*[15].

Таков уж сей край, где много произвола и мало правды. Край, который не знает толком, что же он есть, каковы его окраины и народы, населяющие безмерные просторы.

Неведом и Север – государь отправил туда экспедицию, с членами коей наместник имел удовольствие повстречаться[16].

Молодой мичман Матюшкин[17] прибыл с сильным предубеждением к его высокопревосходительству, а уезжал совершенно им очарованный, оставив кое-что из книг. Наместник назвал его Дон-Кихотом[18], *«благословил, поцеловав на прощание в лоб»,* и тот, положительно, растрогался, молвив: *«За что этот человек полюбил меня, за что я полюбил его?»*[19].

Меж тем наступила середина лета, установились жаркие дни. Всё кругом расцвело и распустилось, природа явила благолепие, неземную красу. Чудный, подумаешь, благодатный край – живи в удовольствие, не зная печали.

Ах, как легко поддаться обману.

Всякое сердце растает, попав в сети этого края, прельстится, запомнит, будет думать о нем с тоскою. Но наместник немолод и мудр, он видел Сибирь всякой. Видел ее грязной, неухоженной, бесцветной – его не проведешь.

Петербург – вот предмет мечтаний, единственное место, где чувствуешь себя хорошо и спокойно, как дома, вернувшись из долгой дороги. Терпеть осталось немного, скоро он увидит его.

Скоро…

Осталось завершить кой-какие дела по ревизии, подготовить для правительства бумаги по трем сибирским губерниям[20], собрать недостающие данные, кои пригодятся для будущей законотворческой работы. Да и можно трогаться в путь.

Всё проистекает, как должно, и *«нельзя прекословить судьбе…».*

Ему не в чем упрекнуть себя, он действовал, сообразно условиям, пытаясь честно *«искоренить зло»,* предупредить его появление. Действовал гласно и разумно[21].

Но люди…

«Я не могу здесь и потому еще долее оставаться, что, продолжая управление без способов и без людей, я мог бы утратить и честь, и доверие мною здесь приобретенные, – жалуется дочери. – *Чем более я ценю сие доверие, тем более чувствую, что поддержать его впоследствии никак не смогу»*[22].

И это сильно заботит наместника. Пожалуй, так же сильно, как и стремление вернуться ко двору. Хотя таковые желания, если подумать, не вполне

совместимы, ибо *«поддержать впоследствии»* установленный здесь порядок можно, лишь оставшись в Сибири на долгое время.

Если не навсегда.

Жизнь постоянно, на каждом шагу ставит перед выбором. Так ведь и выбор-то, милостивые государи, бывает разный: тут, в этом случае, и задумываться нечего.

1 августа наместник со свитой *«окончательно оставил Иркутск».*

Обратная дорога до Красноярска показалась чуть ли не вдвое короче – так легко и радостно было на душе. Прощай, кладовая России, *«дальнее поместье богатой барыни, случайно ей доставшееся»*[23]. Не поминай, как говорится, лихом.

Из Красноярска выехали, толком не отдохнув. И хотя начались дожди, расстояние в полтысячи верст до Томска проехали в четверо суток. Так мчатся, сломя голову, не разбирая дороги, когда вырвались из неволи. Или бегут, спасаясь от погони.

Наместник тоже спасался – от страхов, сомнений, тревог.

Всё худшее, думалось, позади. Вот только оглядываться не надо, чтоб не превратиться, как тот библейский персонаж, в соляной столб.

На одиннадцатый день пути, считая от Иркутска, достигли главного города Томской губернии. Здесь наместник рассчитывал пробыть всего день, но пришлось задержаться на дольше: в пути его высокопревосходительство занемог.

Ничего страшного, обычная простуда – можно обойтись без лекарств, одним горьким чаем да диетой, как привык лечиться в Сибири. Но раньше, чем через несколько дней выехать не получится.

А губернская администрация и рада: вот случай еще заметнее, еще любезнее и жарче выразить почтение сему благонравному, во всех смыслах достойному, необыкновенному по душевным своим качествам вельможе. Молодой Илличевский, сын губернатора, даже «смастерил» в его честь что-то вроде оды, каковая была напечатана в губернской типографии.

Не лести внемлешь ты обеты,
Но наших чувств согласный клик;
Будь счастлив ты несчетны леты,
Сколь милостью ты к нам велик…[24].

Услышав такое, наместник поморщился, как от зубной боли, однако, совладав с собою, вернул на лицо миловидную, *«задумчивую»* свою улыбку. Право слово, как дети, – что с них взять, а на детей обижаться грех.

Губернатора же стишки не заботят, у него на уме другое. Зная, что наместник, по своему обыкновению, станет вникать в существо дел, потребует доложить об исполнении прежних распоряжений, проверит состояние городской казны, Дамиан Васильевич пребывал в беспокойстве.

Тут ведь как: в любом месте копни, откроется бездна всяких несоответствий и неполадок.

Взять тот же мост: на деньги, что вложили в его строительство и ремонт, можно было б получить, пожалуй, два новых моста. И не оправдаешься: кругом одни упущения[25].

Но господь миловал. Никаких новых расследований, к счастью, не воспоследовало.

Наместник был тих и спокоен, будто теперь при одном его появлении водворялся всюду законный порядок, отступало зло и торжествовала добродетель.

Что-то писал, но не грозные постановления, это точно. Кого-то вызывал, но не для вразумления или, избави бог, смещения с должности. Растревоженный чиновничий рой, продолжая гудеть, начинал понемногу успокаиваться.

Генерал-губернаторы приезжают и уезжают, а они, канцелярские служащие, остаются. Потому как чиновник – он не просто, знаете ли, бумагомаратель, а опора государственной системы.

Да, судари мои, опора – ни больше и ни меньше.

XII

Ах, молодость, молодость…

И жажда жизни, когда всем своим существом, каждой клеткой ощущаешь радость бытия, дарованного благословенным Создателем. И желание счастья, любви, признания, само предощущение коих так сладостно кружит голову.

Молодости простительны пылкие порывы, ей свойственны искренность и свежесть души.

Ну, что, говорил себе, Батеньков, настал час признания: далее откладывать невозможно. Еще в дороге, на пути к Томску, он положил себе непременно объясниться с той, которая трепетно ждала его приезда.

Расстроенное здоровье наместника дарило несколько лишних дней – это ли не удача, это ль не знак того, что само Небо благоволит к сему объяснению. Ну же, давай, мчись к ней, спеши к родителям, проси её руки! Жалование, карьера, блестящая столица – будущее открывается великолепное, какого и помыслить не мог, чего же робеть…

О, да, конечно, говорит себе Батеньков.

И страшно волнуясь, ступает к Полине Трофимовне, слагая в уме соответствующие сему случаю фразы. Но, переступив порог дома, совершенно теряется, краснеет и мнется, мгновенно забыв обороты речи, которые говорят, говорили и будут говорить все поколения влюбленных молодых людей.

Женское сердце – чуткий инструмент, оно и без слов всё прекрасно поймет, обо всем догадается. Только гложет его печаль: Полина Трофимовна улыбается, не скрывая радости от встречи, и смахивает непрошеные слезы. Оказывается, не так давно некто Полуянов сделал ей предложение. Ничего ответить она не смогла, пожелала дождаться Гаврилу Степановича.

«Тут только Батеньков решился признаться в любви. Вместо ответа Полина протянула ему руку и повела его к матери»[1].

Молодые получили благословение родителей.

«Батеньков настаивал на немедленной свадьбе, но родные Полины не согласились на такую поспешность, говоря, что это похоже будет на крестьянскую свадьбу «бегом» И, несмотря на слезы невесты, отложили свадьбу»[2] до возвращения Батенькова из Санкт-Петербурга.

Несколько дней пролетели, как одно мгновение. Пора снова собираться в дорогу, впереди еще сотни верст: Барнаул[3], Семипалатинск, Тобольск.

– Что с вами, – вопрошают знакомые Батенькова. – На вас лица нет – часом, не захворали?

Да, хотелось ответить, сие есть любовный недуг, неизлечимая болезнь, терзающая сердце хуже всякой пытки.

О, как тяжело уезжать, отрываться от любимого человека – будто по живому режешь. Душа стонет и плачет…Но и оставаться, право, нельзя, двух мнений тут нет – такая удача выпадает в жизни не каждому. Надо ценить милость творца и быть благодарным ему за добро... Нет, не ехать никак невозможно.

Ну, что же делать, кто скажет, кто посоветует: что?

Расставались в слезах. Произнесено было много слов, обещаний, признаний.

Никогда еще Батеньков не испытывал столь сложное чувство, в коем счастье перемешивалось с горечью, а радость не могла заглушить предчувствие дурного. Знал, что уезжает ненадолго, скоро вернется, знал и верил, а холодок на дне души, предвестник бедствий, убеждал в ином.

Так, погруженный в мысли, ничего не видя вокруг и не замечая, Гаврила Степанович одолел остаток пути. «Да полноте, – пытались растормошить его спутники, – очнитесь, взгляните, какое тут великолепие»[4].

Тщетно. Батеньков оставался угрюм и молчалив, чего прежде за ним не замечалось.

Но вот и Тобольск. Знакомые с детства, родные места.

Первым делом по приезду Батеньков справился о корреспонденции. Уж скоро два года, как от Алексея Андреича ни строчки: все *«убедительнейшие просьбы»* друга оставляет он *«без внимания и ответа»*[5].

Увы, опять ничего.

Возобновлять, со своей стороны, переписку не слишком учтиво: что у него там сердце, поди разбери. Надо бы выждать, получить хоть два слова – и там уж решать.

Разумно, соглашается сам с собою Батеньков… И берется за перо.

«Душа моя утешается еще некоторою надеждою; но, вместе с тем, какое-то непонятное чувство говорит мне: не льстись…», – пишет он, и просит *«истребить из памяти его имя»,* избегать встречи, *«ибо она может разрушить то искусственное спокойствие»,* коим наслаждается добрый *«белевский барин»*[6].

А в конце письма коротко сообщает о нынешнем своем положении.

«Гражданские мои отношения, – пишет, – *взяли некоторый странной оборот. Расположение Сперанского возросло до значительной степени, он привык ежедневно быть со мною».* Но объясняет это не собственными редкими здесь качествами, а *«редкостью людей»* толковых и образованных. Что, дескать, и доставило *«большое удобство совершенно обнаружить»* ему свое сердце, каковое наместник *«нашел достойным некоторой привязанности»*[7].

Двойственное положение Батенькова, мало ощутимое прежде, здесь, в центре Сибирского округа путей сообщения, снова дает о себе знать. Выполняя поручения генерал-губернатора, он в то же время вынужден возвратиться к инженерным обязанностям.

Жители *«высокой части Тобольска»,* что на горе, страдали в ту пору от недостатка питьевой воды, особенно весной и осенью. И наместник обратился в Главное управление путей сообщения с просьбой *«изобрести водоподъемную машину, сообразную положению города, и сколь можно менее сложную»*[8].

Там, в той части города, находились присутственные места, стоял кафедральный собор, а неподалеку – архиерейский дом. Военные держали на горе артиллерийский арсенал, многие именитые купцы имели там усадьбы. Посему трудности с питьевою водою не могли быть терпимы совершенно.

«Тобольский гражданский губернатор счел нужным поставить машину для перекачки воды», и обратился к инженерам, дабы таковое устройство *«придумали, по возможности, не сложное и не дорогое».* Ну, и Сперанский, со своей стороны, обещал поучаствовать в хлопотах. Речь шла о насосе *«для поднятия воды из Иртыша в ту часть Тобольска»,* что страдала от ее недостатка[9].

За решение задачи взялся Гаврила Степанович[10]. Вновь погрузился в расчеты, чертежи и планы, а в промежутках, не забывая об ином своем качестве, возвращался к более серьезным проектам. Работал над главными для Сибири законоположениями.

Это было и трудно, и восхитительно. *«Работа кипела под руками, мысль образовывалась, быстро делилась, разливалась, тянулась последовательно. Отделы, главы, параграфы так и толкали друг друга, стройно ложились в ряд».* Он писал, *«весь в жару»,* и находил, что *«произведение выходит стройным»,* вроде бы и *«возражать на это не остаётся»*[11].

Первые опыты, коими занялся в Иркутске, оказались мало пригодными. Вышла *«психическая программа», оторванная от жизни, лишенная «плоти и крови»,* – некое красивое, но *«необитаемое здание».* Что, естественно, вызвало недовольство его высокопревосходительства[12].

Но Батеньков способный ученик, он схватывал на лету, учился на ошибках, всё реже давая повод к неудовольствию. Некоторые его проекты, наиболее важные и продуманные, снискали даже похвалу умного и деятельного реформатора[13], который прежде «не без причины удерживался от восторга»[14].

И Батеньков вновь берется за бумаги, готовит очередные параграфы, пункты, разделы, размышляя о природе власти и достойном правителе, о жизни сибиряков и будущем сего удивительного края.

«Я торчу при Сперанском в качестве таком, какого и сам не знаю… – сообщает Елагину. – *План преобразования сибирского управления во всех почти частях… – вот что занимает меня под руководством сего истинно великого человека. Он привык уже ко мне и ко всем моим странностям, так что я вовсе не прячусь, не кривляюсь, не жеманюсь, – и отношусь прямо, как человек к человеку»*[15].

Скоро, совсем скоро он сможет увидеться с другом – после семи лет разлуки. Дела, пишет, задержат в Тобольске еще на месяц-полтора, а потом, где-то в конце января, придет срок оставить Сибирь. *«На последней неделе послано прошение о увольнении в отпуск»*[16]: предстоит четырехмесячный отдых *«в южной стороне»*[17] и возвращение в Петербург.

А по дороге обещает заехать к «блудному сыну» Елагину*, «хладнокровно сносившему двухлетний»* перерыв в переписке.

«Я собираюсь к тебе тогда, как ты перестал звать меня, – укоряет его Батеньков. – Но вот *«пробежал я твои письма, писанные назад тому за три года: там на каждой строчке усильное желание меня видеть».*

И посмеиваясь над собой, добавляет: *«Не знаю, что ты выиграешь, взглянувши на рябую харю, красный нос и сутулую фигуру?»*[18].

Ах, Петербург…

Четыре с половиной года назад покинул столицу, не зная, чем доведется заняться, не подозревая, какие горести и разочарования ждут впереди, каким счастьем одарит судьба.

Приехал в Сибирь с твердым намерением поселиться здесь навсегда, а вышло иначе. Так ведь там, в столице, для Сибири он будет нужнее, нет ни малейших сомнений[19].

Стало быть, нечего и переживать. Нужно лететь из Сибири, как птица, навстречу новой счастливой, совершенно блестящей жизни – лететь, не оглядываясь и не волнуясь.

Но покидать родной край, ни о чем не думая, не терзаясь мыслями, Батеньков не может. Он помышляет о родственниках – когда придется еще свидеться, о сослуживцах по округу, к коим успел привыкнуть.

Думает о ней – единственной, желанной, близкой.

Батеньков вспоминает Томск и район, где она живет*: «вот та самая улица, по которой он часто ходил к Аргамаковым, вот деревянный дом, обшитый потемневшим тесом… и окно, в которое Полина смотрела, поджидая его»*[20].

Ему и тревожно, и радостно. На сердце лежит камень – мог ведь уехать, назвав ее женой, осчастливить себя совершенно, а вместо того принужден двигать всё дальше в противоположном от Томска направлении.

Да принужден-то собою…

Он хороший инженер, толковый строитель, архитектор, распорядитель работ. Какие могли быть сомнения: вот его подлинное призвание, настоящий его путь.

Так казалось, – а вышло, что предназначение в ином: быть рядом с таким великим человеком, учиться у него, помогать ему вершить громадное, важное дело.

Ну, а коль так, значит, и быть посему: надо ехать со спокойной душою в столицу, положась во всем на творца.

На грозного и милосердного создателя всего сущего.

Δ

Часть 3. ПЕТЕРБУРГ – ТОМСК – КАЛУГА (1846 – 1856)

I

Золото, золото, золото…

Какое дивное, волшебное слово – так и просится на уста, как сладкозвучная песня, так и завораживает.

Вот властелин всех дум, предмет всех мечтаний и повод для слухов: золото. Благородный металл, коему доступно решительно всё, драгоценная россыпь, способная возвеличить и низвергнуть, заставить поклоняться глупости, восторгаться подлости, не замечать обмана.

И вдохнуть новую жизнь в захудалый, неухоженный город.

Золото меняет Томск неузнаваемо: появляются красивые особняки, сады и парки. На месте ветхих домишек да пустырей возникают большие каменные здания. Сильный оборот получила торговля, окрепла промышленность, расцвело судоходство. Всё вдруг сдвинулось с места, пришло в движение, закрутилось и понеслось.

Что ж тут удивительного: деньги, известно, делают чудеса[1].

Деньги, милостивые мои государи, такая восхитительная вещь, что всё, чего ни коснутся, совершенно меняет свой облик. И все ликуют: народонаселению хорошо и власть, прямо скажем, довольна, всюду покой и благоденствие.

Так и укажем в отчёте, мол, при неустанном усердии и неизменной заботе о благе вверенной нам губернии дела в здешнем крае идут, слава богу, хорошо – лучше не бывает. Пусть там, в Петербурге, прочтут и оценят его, губернатора, живейшую деятельность. Глядишь, вернут побыстрей на Урал, ближе к столице, к полюбившемуся краю.

С таковыми надеждами, право же, легче. Хотя, надо признать, жизнь его превосходительства начальника губернии Татаринова[2] не омрачало здесь, кажется, ничего.

Бездельников Степан Петрович не жалует – любит, чтоб подле него находились услужливые, ловкие люди, которые воздавали б ему должное. Откровенно и прямо, без лести, а из лучших побуждений подчеркивали бы его безусловную значимость и административное рвение.

Когда появился здесь, в дремучей глуши, слегка даже приуныл: город ему не понравился[3]. Оно, конечно, монаршая воля выше всего, рассуждать не приходится, а все ж таки государь, лично удостоивший похвалы, мог бы найти его способностям лучшее применение.

Потом ничего, попривык, тем более, что город удивительно быстро менял облик, застраивался и хорошел на глазах. И превращение радовало глаз, позволяя думать о непосредственном своем, крайне важном участии во всех скоротечных изменениях.

Благочестия вот, правда, в людях недостает, это да, многие в душе привержены старообрядству[4], удаляются от истинной веры. Но с тех пор, как на архиерейскую кафедру вступил епископ Афанасий[5], отношение к церкви стало заметно меняться.

Сей праведный муж вёл жизнь подвижническую, совершал службы с благоговением, охотно отправлялся в поездки по краю, вразумляя заблудших. А вернувшись, занимался меж делом переводом со старославянского житий святых да разводил благоуханный сад у архиерейского дома при мужском монастыре[6].

Доброе его напутствие побудило томичей к постройке нового кафедрального собора, сам преосвященный учредил сбор пожертвований на богоугодное дело. Купцы и чиновники, растрогавшись душевной проповедью, тут же открыли подписку на строительство храма.

Губернатор тоже, со своей стороны, внес лепту, не пожалел выделить 600 рублей, а после самолично проследил за сбором средств на храм, взялся подыскивать качественные и недорогие строительные материалы.

Таковое рвение на поприще благочестия не осталось без внимания жителей.

– Вот подлинно нравственный правитель, – толковали между собою томичи. – Услышал господь наши молитвы, одарил нас, послав достойного начальника края.

Слышать о себе подобное чрезвычайно лестно.

Сам вид его превосходительства, осанка и манеры, внушали уважение, особенно в высокоторжественные дни, когда губернатор являлся в генеральском мундире с орденами: широкую его грудь украшали Святой Владимир и две Святые Анны.

Другой окружил бы себя почетом и пребывал в совершеннейшей неге, как древнеримский проконсул, а он нет, всё чего-то двигался, всюду бывал, вникал в мелочи здешнего жизнеустройства. Интересовался состоянием промышленности и ремесел[7], следил за городским хозяйством[8], не давал в обиду богоугодные заведения[9].

Но с особым вниманием, вполне объяснимым, Степан Петрович интересовался делами горного ведомства. Часто бывал на Алтае, посещал заводы и прииски[10]…

Во время прогулок по городу, кои губернатор любил совершать, возвращаясь из храма, сопровождал его городской голова Филимонов[11]. Шли не торопясь, степенно обсуждая увиденное – губернатор, а за ним, на полшага, отец города.

– Больница переполнена, – бросал, не повернув головы, его превосходительство, – подлинное безобразие.

– Истинно так, – покорно соглашался спутник, – сие возмутительно. Однако, смею заметить, народ наш, по темноте своей, не слишком-то жалует медицину. Лечатся наговорами да травами, а новые больничные койки… того, выходят в копеечку.

– А это что такое, – указывал губернатор, направляя перст в полусгнившее, покосившееся строение.

– Виноват, – привычно твердил градоначальник, – оные ветхие здания – печальное наследие былых времен[12]… Не угодно ли заглянуть вот сюда. – И ловко направлял вельможу в сторону строящегося Троицкого кафедрального собора.

Дальше разговору надлежало пойти по новому, угодному для губернатора руслу, но тут взору открывалось мало приятное зрелище вдребезги пьяных прохожих. Губернатор мрачнел, а отец города делал знаки частному приставу, дабы тот убрал с дороги гуляк[13].

– Настанет ли время, когда люди поймут, сколь греховно предаваться буйному пьянству, – печально и тихо, слово для себя, молвил начальник губернии.

– Да уж, – неопределенно кивал Филимонов, который не далее как вчера провел чудный вечер в доме зятя, *«томского герцога»,* обильно вкушая знатные вина.

«Томским герцогом» называли золотопромышленника Философа Горохова[14]. Богатое его жилище собирало гостей со всего города: вино тут лилось рекою, а угощением впору было потчевать самого государя императора, коли б тому заблагорассудилось оказаться в далекой стылой провинции.

Дом *«герцога»,* а в особенности его сказочной красоты парк создавались словно бы для того, чтобы подчеркнуть торжество золота, показать его силу и власть, его возможности.

Дабы воздать ему, всевластному и могущественному, хвалу.

О, это был необыкновеннейший сад! Ухоженный и пышный, со статуями и беседками, изящным мостиком через Исток и павильоном над искусственным прудом. И дом был, не хуже того, полной чашей добра – как в той волшебной пещере, где стояли сундуки с драгоценными каменьями, высились горы златых украшений и серебряных блюд, а на стенах висели ковры тончайшей работы.

Весь этот блеск способен был ошеломить, подавить, повергнуть в трепет человека, привыкшего к скудости и однообразию. Но у того, кто знал толк в роскоши и имел вкус, пошлая обстановка «герцога» вызвала бы

улыбку. Вряд ли прочитав за свою жизнь две-три книги, хозяин дома держал библиотеку, где на полках красивыми рядами стояли искусно выполненные подделки.

Обманные тома, став фоном жизни, выражали немудреную, но очень прочную философию золота. И образ мыслей почтенного Философа Александровича.

Но золото текло не только в его руки, и воплощалось не только в грандиозных пиршествах.

Вот господин Асташев[15] – тот не раскидывает попусту деньги, не тратит на пустяки, а целиком вкладывает в дело, наращивая капитал. Как и Горохов, умен да расчетлив, необычайно честолюбив: ему важно, чтобы о нем говорили, судачили о его поступках. Но пускать деньги на ветер, устраивая пышные увеселения – уж извините, ему вовсе незачем, хотя двери его дома для гостей тоже открыты.

Нет, господин Асташев знает людей, и цену молве тоже превосходно знает. Он поступает иначе: для Мариинского женского приюта строит двухэтажное здание и содержит приют на собственные средства[16]. Убыток невелик, а польза огромная: расположить к себе общественное мнение, ведя благотворительность, куда проще.

Творить добро, разбогатев на золоте, томичи не очень-то рвутся: прижимист народ[17]. Оно, конечно, и в старое время тяжело расставались с деньгами, и все же, старики помнят, тогда было лучше.

И набожней были люди, и добрее.

Старая жизнь была *«тверда и покойна»,* а новая деятельна, она *«беспрестанно стремится в даль, бесконечность; одна была ясна, другая светлее. Власть в первой не встречала никакой оппозиции, но она давила на почву мягкую и не расстраивала привычек и обычаев, не простирала опеки на жизнь и труд»*[18].

Сравнение, вообще говоря, можно продолжить. Тогда *«были города и в них семьи; теперь государство, в котором личность дышит, как в обширной среде, почти отрекаясь от себя самой. В старой жизни собственность была тверда на слово, как и всякие взаимные условия. Теперь право собственности неполное…Тогда было нужно на все позволение главы семейства, теперь начальства»*[19].

Но и начальство бывает разное. Губернатор Татаринов, положим, вызывает не ропот, а уважение: толковый, распорядительный администратор и весьма благочестивый человек. Дай бог всем такого начальника…

В один из февральских дней 1846 года Степан Петрович получил из Петербурга уведомление. На бумаге стоял штемпель III Отделения собственной его императорского величества канцелярии.

Его сиятельство граф Орлов, возглавляющий «тайное» ведомство, извещал, что в Томск отправлен государственный преступник, осужденный по

делу о мятеже 1825 года. *«На первоначальное его обзаведение»* казна выделила 500 рублей – деньги были высланы тогда же, в конце февраля.

А через пару недель, 9 марта *«в четыре часа пополудни»,* оный преступник и явился[20]. Он был *«довольно высокого роста, хорошо сложен, но, от преклонных лет, немного сутуловат. Черты лица имел правильные… взгляд задумчивый»*[21].

– Гавриил Батеньков, – отрекомендовал его сопровождавший в пути жандармский унтер-офицер. – Велено доставить для водворения в Томск.

Хм-м, Батеньков… Губернатор наморщил лоб, пытаясь вспомнить: как будто слышал о нем что-то такое, какие-то занимательные подробности, но… так давно, что не упомнишь, от кого и что именно.

В здешнем краю повидали всяких ссыльных – одним будет больше, только и всего.

Степан Петрович распорядился отправить приезжего к томскому полицмейстеру и тут же, чем-то увлекшись, о нем позабыл.

II

Мысль осязаема.

Напрасно ее считают бесплотной: она светла и огромна, как небо, где парит никому неподвластная птица, она кружит голову, как мартовский свежий воздух, она безбрежна и чиста. Проста и вечна, как мир: свобода.

А ее посланник того реальней: у него зычный, чуть хрипловатый прокуренный голос, пышные усы и насупленные брови. У него имя и звание: жандармский унтер-офицер Никифор Жданов[1]. Он неразговорчив, и это хорошо. Тишина привычней, лучше помолчать.

Да и нет тишины, откуда ей взяться, когда кругом всё полно жизни. Скрипят полозья повозки, громко переговариваются прохожие, где-то лает свирепо цепной пес.

Бедолага, плохо ему на цепи. Ежели с детства привык к свободе, он будет о ней тосковать. Он станет другим: ожесточится, озлобится на весь мир. И однажды сердце его, не выдержав пытки, может остановиться. Одиночество и неволя погубят его.

Человек тоже страдает в неволе, но ему проще. Коли искренне верит в творца и предначертанный путь, он не одинок даже в тесной сумрачной темнице. Его сердце не превратится в камень, не утратит чувства добра и способности сопереживать. Рассудок может померкнуть[2], память ослабнет, а душа останется прежней, живой и страдающей.

Время не властно над ней. Двадцать лет[3] или два мгновения для бессмертной души всё одно: время подобно могучей, полноводной реке омыва-

ет ее, как каменный остров, не причиняя вреда. Вот только сохранить цельность и чистоту души, это известно, дано не каждому[4].

Далеко не каждому…

Страдающая душа непонятна – истолковать ее движения, верно, предельно сложно. Общаешься с Богом – тебя объявляют сумасшедшим, рассуждаешь на бумаге о важных вещах, записи полагают бредовыми[5]. Если полжизни не видел женского лица, поневоле взволнуешься встречей – ещё бы, такое событие, а со стороны скажут: пьян[6].

Ну, и пусть… Душа жива, и это главное.

Она, как больной ребенок, плачет и чего-то просит, ей тяжело, страшно в сём мире, она хочет тепла, любви, понимания. И помочь ей может только добро – чуточку добра, самую малость, и она оживет, излечится, окрепнет.

Но любовь и понимание – самое ценное, что есть на земле, их следует заслужить. Нужно быть достойным любви, сей великой божьей милости, хотя она, как свет, разлита во всем мире – Батеньков думал об этом весь путь.

Всю долгую дорогу от Петербурга до Томска.

Четыре с половиной тысячи верст и ровно четверть века меж двумя этими городами. Однообразные почтовые станции, бесконечные леса, придорожные трактиры – это пространство, а работа в Сибирском комитете и при штабе военных поселений, участие в литературной жизни, события 14 декабря, следствие и Алексеевский равелин – это время.

Точкой пересечения времени и пространства стал Томск.

Батеньков так погружен в свои мысли, что не заметил, как спустя двадцать четыре дня по выезде из столицы оказался вдруг в старом губернском центре. Будто и не было дорожных тягот и неудобств: крытая сукном волчья шуба, коей снабдил его, провожая, комендант крепости Скобелев[7], согревала тело и отгораживала, казалось, от всего яркого, звучного мира.

Но в Томске странный путник оживился, стряхнул оцепенение и даже будто посветлел лицом. Здесь он уже был, совершал прогулки по этим вот улицам, хаживал в местный храм, дышал здешним воздухом. И спустя четверть века, пережив нечеловеческие страдания, отчаянье и муку, вернулся сюда, чтобы обрести покой.

Что ж, лучшего места, дабы вернуться к себе, не придумаешь...

Весть о государственном преступнике мигом облетела жадный до новостей город: кто-то вспомнил, мол, был такой инженер, строил дороги, а кто-то поморщился – вот еще один ссыльный, держи ухо востро.

Но кроткий, благостный облик «мятежника» успокоил: вот уж, подлинно, страдалец. С таким видом стоять у паперти, выпрашивая подаяние, а не дерзить и не нарушать спокойствие[8].

Взрослый ребенок – вот кто он, тихий ребенок пятидесяти трех лет от роду, а никакой не преступник. Во всем полагается на провожатого, робок и молчалив, и в глазах что-то такое нездешнее, что-то просящее, как у хворого…

Ну, а провожатому что, есть инструкция: препоручил его заботам городской полиции, да на следующий день, отоспавшись, и отбыл. Последнее звено, кое связывало со страшным, гибельным прошлым, разомкнулось.

Пора начинать новую жизнь, вступать в нее после тюремного *«погребения»*. Многие ли знают, как трудна эта работа: воскресение из мертвых…

Батенькова поселили в гостинице «Лондон», которую содержал некий Краулей[9], полагая, что здесь-то ему будет удобней. Да только ошиблись: хозяин назначил столь дикую цену, что волей-неволей пришлось подыскивать иное жилье.

И бывший узник нашел приют в гостеприимном доме исправника Николая Ивановича Лучшева на Благовещенской улице. Там, в его семье, смог, наконец, передохнуть, как после долгого, длиною в двадцать лет, и тяжкого пути[10].

Боже, как он устал…

Не от дороги, нет, устал от душевных бурь и страданий… Закрыть за собою дверь, никого не видя и ни с кем не разговаривая, сесть у окна и смотреть на эту вот жизнь – просто смотреть, ни о чем не думая, вот что хотелось больше всего.

Комната брата хозяина, Саши Лучшева, куда поместили его на первых порах, была тесновата и не слишком уютна, но хорошо прибрана[11]. Стол да узкая кровать, да в углу, как положено, образ Спасителя – больше ничего и не нужно.

Сиди и смотри в окошко.

Там идет обычная, будничных жизнь, сотканная из радостей и огорчений, грешных желаний и мелких страстей, из каждодневных забот о насущном куске хлеба. И это кажется странным: ужели так можно существовать, целиком погрузившись в никчемные хлопоты. Ведь суета вредна душе, она отдаляет от Всесильного, благословенно имя его.

Прожив полжизни в мрачной, похожей на склеп, каменной норе, понимаешь это особенно ясно…

Десять аршин в длину и шесть в ширину – таким было жизненное пространство два десятилетия[12]. Днем и ночью камера освещалась тусклою лампою – небольшой светлый квадрат под потолком, называемый окном, почти не давал света. Да и не на что было смотреть: шероховатые закопченные стены давно и прочно врезались в память, отпечатались в сознании грубые тюремные вещи.

Руки запомнили каждую отметину, каждую щербинку на столе.

Утром и вечером тяжелая дверь медленно распахивалась, и на пороге возникал караульный офицер. Справившись о здоровье, оставлял еду и уходил[13]. Молочная каша, кусок белого хлеба и чай – ежедневная трапеза. Кто скажет, что этого мало: голод уходит, а не испытывать голод – само по себе счастье. Человеку много не нужно: чуть пищи для поддержания сил, немно-

го движения, чтоб не ослабли мышцы[14], и самую малость света для утомленных сумраком глаз – без света нельзя ни читать, ни писать.

Вот читать – да, необходимо: пища для души куда важнее[15]. Без нее, точно, погибнешь – перестанешь быть человеком.

И открывал он ветхую, истрепанную книгу и читал:

«…и пришли на место, о котором сказал ему Всесильный, и построил там Авраам жертвенник, и разложил дрова, и связал Ицхака, сына своего, и положил его на жертвенник, поверх дров.

И простер Авраам руку свою, и взял нож, чтобы зарезать сына своего. Но Ангел бога воззвал к нему с неба и сказал: «Авраам! Авраам!». И он сказал: «Вот я!».

И сказал тот: «Не заноси руки твоей на отрока и не делай ему ничего; ибо узнал уже я теперь, что ты боишься Всесильного, когда ты не щадил твоего сына, твоего единственного, ради Меня…».

Творец справедлив, и замыслы его непостижимы.

Он испытывает милосердием к сыну, а может испытать одиночеством, тоской, безнадежностью. Он справедлив, и всё, что делает, справедливо: каждому отпущено по заслугам его[16]. Каждому отмерено единственно возможною мерою. А потому роптать недопустимо и грешно, нет смысла жаловаться на тяжкую долю тому, от кого она зависит. Молча неси крест – только тем и спасешься. Молись и жди, когда услышит всесильный молитву и простит.

И Батеньков молился – горячо, исступленно, трепетно. Начинал день с молитвы и заканчивал его словами благодарности творцу:

«Только в Боге успокоится душа моя; от Него спасение мое. Только Он – твердыня моя, спасение мое, убежище мое; не поколеблюсь более. Доколе вы будете налегать на человека? Вы будете низринуты, все вы, как наклонившаяся стена, как ограда пошатнувшаяся…

Только в Боге успокаивайся, душа моя! ибо на Него надежда моя. Только Он – твердыня моя и спасение моё, убежище моё: не поколеблюсь. В Боге спасение моё и слава моя; крепость силы моей и упование моё в Боге…»[17].

Десять аршин в длину и шесть в ширину – квадрат, в коем заключено странное, похоже на сон бытие.

Больше, чем могила, и меньше, чем жилая комната. Стены давят, сближаются, грозят раздавить, но текут месяцы, годы – прошла целая вечность, а он жив, хранит память, читает молитвы, заставляет работать ум и воображение[18]. Хотя, по всем законам, был должен утратить в себе человеческое начало и уподобиться земной твари, той мыши, что навещала его несколько лет[19].

Здесь взор потухший лишь находит
Пространство в нескольких шагах,
С железом ржавым на дверях,

Соломы сгнившей пук обшитый
И на увлажненных дверях
Следы страданий позабытых... [20].

Десять аршин в длину и шесть в ширину…

Теперь больше. И стены белее, и свет из окна льется в комнату, не давая мраку сгуститься – сиди и смотри в божий мир, а усидеть, поди ж ты, нельзя.

Батеньков вскакивает, начинает метаться, и чудится – вот, откроется дверь и выглянет сонное, равнодушное лицо служивого: что-то, мол, узник нынче не в себе. Эва, не может найти покоя… Подать бы голос, закричать во всю мощь, чтоб услышав себя, убедиться, что жив[21]. Да нельзя – примут за душевнобольного.

Сколько раз, устав бороться с безумием, малодушно просил смерти, а она всё не шла.

...Как для меня
Желателен конец дыханья!
Тлен благотворного огня
Сулит покой, конец страданья!
Но, други, в этот самый час,
Как кончу я мой путь печальный,
Быть может, трепет погребальный
Раздастся в сердце и у вас…[22].

Мы не знаем судьбу. Раз выжил, сохранил рассудок, сберег душу – стало быть, так было нужно творцу[23]. Была, значит, на то его воля. А коли так, нужно жить, превозмогая боль, черпая силы из того высшего источника, который никогда не оскудеет.

Нужно жить...

III

Как мудро устроен мир. Кажется, что тут такого: наступила весна и земля, получив тепло, начинает оттаивать, пробуждаться, копить в себе силы.

Законы природы, и ничего больше, есть ли чему удивляться…Но в том и состоит высшая мудрость: тепло чередуется с холодом, мрак уравновешен светом, а жизнь, несмотря ни на что, продолжается.

Вот травка, хилый стебелек, появилась из-под земли – вышла, не дождавшись, покуда сойдет снег. Отсюда, с крыльца, почти не приметна, но

Батеньков знает: еще несколько дней тепла, и она пойдет в рост, окрепнет. Природа даёт нам пример совершенства, всё в ней разумно и целесообразно: извечно вершит она неторопливую, великую, таинственную свою работу.

Так и добро: когда есть, не замечаешь и не ценишь. Греет, подобно солнцу, и ладно, пусть себе греет, а стоит исчезнуть – беда…

Ценить жизнь и добро может по настоящему лишь тот, кто преодолел смерть.

Батеньков ценит. Он почти счастлив, и как слабый росток, едва выглянет солнце, подставляет благодатным лучам и лицо и руки. Встанет, закрыв глаза, и строит неподвижно, чувствуя всем существом, как слабое тепло разливается по телу, как проникает оно в каждую клетку.

Со стороны, наверное, выглядит немного того… странным[1]. И пусть, он об этом не думает, он просто живет. Дышит, слушает, наблюдает.

И пишет…

Когда начинает писать, лицо его тускнеет, в глазах появляется хмурь, какая-то неясная боль искажает черты. В такие минуты, погружаясь в себя, он выглядит, как глубокий старик. И не замечает уже ничего: как сгущаются сумерки, как смолкают за окном голоса и входит хозяин, чтоб пригласить на вечернюю трапезу.

Неровные беглые строчки ложатся на бумагу. Слова бегут, торопятся, выстраиваются в шеренгу, как солдаты, оставшиеся в живых после боя. Их не так-то много, но каждое очень выпукло, полно особого смысла, а вместе образуют призрачный мир, в который уходит одинокий бывший затворник...

Как-то раз, когда постоялец вышел, Николай Иванович оказался у его стола да взглянул ненароком на эти листки. Пробежал глазами – и оторопел: может, и вправду, болен рассудком. Хоть и по-русски написано, а понять записи решительно невозможно:

«… Когда проявилось все семя людей, долженствовал совершиться первый, полный физиономический цикл. Творящее слово пересеклось. Мысль встретилась с мыслию и характер с характером. Возникло великое единство.

Таким образом стала мысль в определенном круге.

Если б не было сего цикла, создание людей не имело бы никакой определенной цели.

С совершением цикла начинается… наше семя.

От стремления к сему началу произошли великие общежительства… царства.

Не должно противополагать эгоизм общежительству…»[2].

Написано почти без помарок, и вроде для самого себя. Но, позвольте, с какою целью, зачем, что за странное мудрствование…

Николай Иванович взял следующий лист, вчитался внимательнее. Там было написано:

«Первая потребность учонаго разсмотреть свет.

Кто разсмотрел свет, тот поставил себя в средоточие, в начале: настроил мысль к прямому познанию (истины).

Разсмотреть свет прямо не зависит от труда и заботы. Это устремление мысли к совмещению с внешним ея сходством.

Иногда можно от разсмотрения света, перейти к уразумению внутренняго света чрез Аналогию.

Разсмотрению света способствует светлая жизнь во всех видах.

Способствует светлое состояние народа.

Способствует часть мира в вечности…»[3].

«Боже ты мой, какая аналогия, какой внутренний свет, – отрешенно подумал Лучшев. – Не спросить ли, часом, Мелентия[4], что сие означает…».

Прожив долгую жизнь, повидав на своем веку всякого, он умел разбираться в людях и знал, что тревожиться нечего: постоялец, хоть не в себе, но тих и послушен, и доброты необыкновенной, мухи не обидит.

Такого не опасаться, такого жалеть надо: при его-то былом положении да уме оказаться в тюрьме, средь государственных преступников, и провести там полжизни.

Бедный, бедный Гаврила Степанович…

А всё ж хотелось бы понять, что он за человек и о чем думает, и отчего временами столь явно терзается. Что его мучает, какая тоска гложет душу…

Пытался прознать – не прямо, конечно, а исподволь, мол, есть ли причины страдать… может, помощь какая тут требуется. Нет, всё напрасно – уводит разговор в сторону, или ответит намеком, что-то невразумительное насчет природного самолюбия и гордыни[5]. Поди разбери…

Одно слово: загадочный человек.

Но смирный. Живет тихо, уединенно, нисколько вроде не тяготясь одиночеством[6]. Встает рано и днем почти никогда не ложится, а всё ходит, ходит по комнате – либо сядет за стол да сидит, что-то пишет, читает, смотрит в окно. И всё думает – должно, вспоминает страшное свое затворничество: мыслимо дело, так натерпеться.

Хороший постоялец, грех жаловаться. Питается скромно, водки не пьет, что само по себе уж диковинка, и мяса совсем не употребляет, ни под каким видом – не привык, говорит, к мясной пищи[7]. А уж набожен[8], как никто, благо церковь у дома, в двух шагах: в праздники и будни шествует первым и стоит всю долгую службу, не шелохнувшись, как вкопаный[9].

Соседи[10], и те заметили, мол, зачастил ваш жилец в церковь, не иначе грехи замаливает[11]. Да полно, какие грехи – тянется человек к святому, ищет успокоения, ужель непонятно. Слова в простоте не скажет, а всё что-нибудь этакое о возвышенном, духовном – так и философствует[12], так и вещает, как по писаному, и на всё-то у него один ответ: так, дескать, угодно Богу[13]…

Что тут скажешь… Оно, конечно, чужая душа потёмки – сколь ни живет тут, под сей крышей, а всё, как в скорлупке: спрятался в свое одиночество да молчит. Глаза печальные, будто проводил на погост дорогого покой-

ника, губы сжаты, скорбно изогнуты – ну, вроде не живое лицо, а каменное, как у того изваяния, что на картинке. Ни улыбки, ни блеска во взоре.

Видать, верно, что-то терзает его бедную душу, что-то гнетет…

А листы, что лежат на столе, исписаны ровным, аккуратным почерком, как пишут обычно люди уравновешенные и весьма, надо сказать, здравые:

«В познании, что Бог есть, воля стоит без пределов. Нельзя уже идти чрез «да» и «нет».

Познание, что Бог есть, есть совершенное наслаждение умов. Познание это обильно и составляет жизнь мыслящего человека.

Для того и следим природу, чтоб жить сим познанием.

Каждое слово, каждой предмет, всякое действие в мысли приводит к истине.

Глубоко могущь, многообразен, свободен, бессмертен человек сим познанием.

Оно одно и безчисленно.

Един Бог знает всю природу, вообще или в разделах, человек может только разсмотреть, уразуметь, подумать, понять. Может и познать, что Бог есть…»[14].

Как же, поймешь… Отец Афанасий провозглашал давеча в церкви, что Бога познать не дано, можно только верить в него и ощущать его неземное присутствие, а наш архипастырь – человек ученый, образованный, это и постоялец признаёт[15].

Да, в конце концов, наше ли дело – вникать в эти тонкости. Лучшевы могут служить[16], следовать установленным правилам, то есть жить попросту, как все, а уж мудрствовать – увольте, не по нашей части. Как там, в листочке: *«наслаждение ума»* – так, что ли?

Придет же, ей богу, такое в голову…

Вот солнце светит – благодать, птицы распелись в саду, словно в раю, деревья вот-вот распустятся. Это да, наслаждение – ходить, наблюдать и радоваться жизни. Гулять-то власть не запретила, другие, кто под надзором, всюду бывают. И ничем, никакими ограничениями себя не стесняют: общаются, с кем хотят, мотаются по питейным домам и говорят всякий вздор, как Ананьин[17]…

– Помилуйте, Гаврила Степанович, такая погода. Время ли сидеть чахнуть, – обратится к постояльцу.

– И то правда, - скажет тот, – пойду-ка подышу свежим воздухом.

Накинет на плечи шубу, в которой приехал, выйдет на крыльцо и стоит. Нет, чтоб прогуляться, положим, по улице, побывать в гостях, пообщаться – здесь не столица, но умных людей найти можно.

Какой там! Улыбнется: спасибо за заботу, мол, вы мне как брат – душой у вас отогреваюсь. А улыбка, как у малого ребенка, открытая и беззащитная. Тоже, государственный преступник…

Однако ж заботиться о нем есть кому. Должно, и вправду, занимал видное положение, коль в покровителях у него самые именитые господа, первые в городе люди – Поповы, Асташев, Горохов[18]. Таким покровительством осчастливят не каждого.

На первых порах, бывало, заглядывали: как там наш узник, всё ли у него хорошо, не хворает ли часом. Потом видят – не в себе человек, заговаривается и дичится, словом, отвык жить. Ну, и перестали беспокоить: пусть поживет, придет в себя, а мы, коли нужно, решим его денежные дела[19]. Не такой это, знаете ли, человек, чтоб позволить ему впасть в нищету.

Так и живет…

Да и ладно: дом просторный, семья небольшая[20], есть лишние комнаты. Питается жилец скромно, ведет себя тихо, никаких с ним хлопот. Опять же, плату вносит аккуратно, что при нынешней дороговизне[21] стоит отметить особо.

Отчего же не жить, пусть живет…

Иногда очнется, будто от сна, спросит: каков нынче день. Время его мало интересует – спрашивает, чтобы узнать, пришла ли свежая почта. «Вы, – скажет, – Николай Иванович, меня крайне обяжите, ежели узнаете, нет ли чего для меня».

Да полно, кому писать-то: родственников не имеет, сам говорил, а из старых знакомых за двадцать-то лет кто помер, а кто, видать, позабыл. И немудрено, такой срок.

Но об этом не скажешь: к чему расстраивать больного душой человека. Может, надеждами-то и живет.

Ничего, пусть ждет, пусть надеется…

Ждет писем из той, давней, полузабытой жизни. Ждет сострадания, добра, обычного человеческого участия.

Ждет солнца, тепла, свежей зелени – старый, больной человек.

И снова выходит из дома, зябко кутаясь в шубу, и стоит, подняв к небу лицо. Стоит молча, неподвижно – ветер робко шевелит седины.

А небо огромно и по-весеннему чисто, ни единого облачка, и там, в далекой синеве, порхают вольные птицы. Беззаботные божьи создания, кои живут одним днем: тепло им, сыто, и хорошо. Вот и счастливы.

Даже если погода испортится, не беда – через день, глядишь, снова выглянет солнце, и будет по-прежнему щедро расточать тепло. Ведь в том и состоит высшая мудрость: тепло чередуется с холодом, мрак уравновешен светом, а жизнь, несмотря ни на что, продолжается.

IV

Они приходят, когда наступают сумерки. Зыбкие тени, тревожные сгустки мрака приходят из прошлого и заводят обычный неторопливый разговор.

Голоса звучат, как наяву, и он охотно вступает в беседу, не тревожась насчет больного своего воображения: с кем и общаться, как не с ними, ведь они часть его собственного прошлого. Часть жизни, судьбы, а значит, его самого.

Вот только лиц почти не разглядеть – лица размыты, расплывчаты, и это доставляет страдание: дороже этих людей у него нет никого. Он бы и сам охотно растворился во мраке, ушел вместе с ними, но христианский долг велит делать иначе. Нужно испить свою чашу до дна.

Да придаст нам силы господь пронести свой крест до конца. Без жалоб и ропота, с достоинством и смирением…

Былое оказалось сильней настоящего, душа живет там. И только одно примиряет с сегодняшней жизнью: затаенное, робкое желание увидеть ту, ради которой, наверное, вернулся в сей город, куда возвращаться бы и не следовало.

Какая она, сильно ли изменилась, обрадуется или огорчится, увидев. А может, испугается, ведь для нее он такой же призрак… Да, точно, устрашится: оттуда, где он был, не являются. Во всяком случае, в здравом рассудке.

Пытался осторожно, намеками выведать, что с ней. Говорят, жива и здорова. Вдовствует, растит двух детей, держит скромное хозяйство[1]. Ну, словом, ничем будто не выделяется. Разве характером: уж таких тихих и набожных, как она, мол, еще поискать – впору ступать в монастырь. А в остальном, что ж, живет как все, не хорошо – не плохо.

Дом после смерти мужа продала, купила другой, поменьше – на углу Дворянской и Монастырской[2]. Там, ежели что, можно застать…

Кажется, чего проще: идти недалеко – вон ее дом, рукою подать, оделся да вышел… А всё что-то боязно, одолевают сомнения: нужно ли, думает, являться вот так, из небытия, тревожить понапрасну человека.

Но в небольшом городке утаить ничего невозможно – приезд «важного» государственного преступника тем более. Стоило въехать, загудели как мухи, зашептались: *«секретный узник», «враг престола», «небывалый злодей»*. Стало быть, узнала и она – узнала и, верно, ждет.

Батеньков представлял эту встречу не раз – давно, еще в крепости, дал себе слово увидеть Полину, если останется жив, и сказать… Нет, просто увидеть, порадоваться ее счастью – он почему-то верил, что она, так или иначе, счастлива. Кому как не ей жить безмятежно, в достатке и радости, уж таким добрым людям всегда помогает творец.

Представлял, как войдет в ее дом и молча, без слов поклонится – склонит седую свою голову перед страданиями, невольной причиной которых явился он сам. И пред собственным прошлым: поклонится мечтам, надеждам, молодости.

Ну, а вышло-то все по-другому, чуть ли не буднично: увиделись, прослезились и сдержанно, будто чужие, поведали коротко о себе[3]. Дети, ее сыновья, наблюдали за встречей с большим любопытством: тоже, видать, прослышали о *«безумном преступнике»,* коего доставил из Петербурга строгий жандарм.

Когда-нибудь, спустя годы, подумал он, мать поведает им удивительную, неправдоподобную историю разлуки, тревог и ожиданий. И они вспомнят его, чудно говорящего старика, – вспомнят, как боялись нездешнего взгляда и странных речей. Как знать, может, что-то поймут, и сердца их наполнятся жалостью к нелепому, одинокому, тоскующему человеку…

С той поры Гаврила Степанович стал бывать в этом доме, сошелся близко с детьми – они попривыкли к нему, к его туманным словам, и уже почти не сторонились. Поселиться бы здесь, рядом с ней[4], приходила мысль, помогать по хозяйству, учить ее сыновей – да разве возможно. Прошлое не воротишь, пустое…

Изменились люди, изменился весь мир.

И город, он видел, тоже заметно преобразился[5]. Четверть века назад оставил его бедным, неухоженным, жалким, ну, а теперь совсем другое дело: ухоженные палисадники, приятные глазу особняки, крепкие дороги на главных улицах. Лачуги, правда, кой-где сохранились и, надо признать, портят общий вид купеческого центра, зато при этом, по контрасту, весьма выгодно оттеняют роскошь.

Батеньков бредет по городу и отмечает перемены, не увидеть кои нельзя.

Что говорить, удобнее стал город и чище[6], а первым-то начинал приводить его в порядок он сам – знает ли о том кто-нибудь, помнит ли… Может, и помнят.

Вот здесь укладывали когда-то с его участием дорожное полотно, а здесь спрямляли крутой взвоз. Укрепляли берега Ушайки, строили мост – он и по сей день служит исправно[7].

Батеньков доволен: как бы там ни было, помнит ли кто или нет, а труд не пропал втуне, послужил на благо людей, овеществился в конкретных делах. И когда не станет его, бывшего инженера, когда возьмет творец бессмертную душу и воззовет на свой суд, ему будет чем оправдаться: да, оставил кое-что после себя.

Он идет, глубоко погруженный в мысли.

Прохожие смотрят на него, как на безумца – дамы пугливо сторонятся, а мужчины производят насмешливые жесты. В их глазах он чудак, городской сумасшедший, местная достопримечательность – как же, одинокий узник, в прошлом злоумышленник, опасный, в общем, преступник[8].

Но Батеньков ничего этого не замечает: прошлое сильней настоящего, он живет прошлым, с большой неохотой возвращаясь в сегодняшний день. И корит себя за то, что выпал из жизни, и пытается приладить свое уставшее

сознание к стремительно меняющемуся бытию, дабы вновь принести какую-то пользу и не быть никому обузой.

Однако ж там, где живет его существо, тяжело, но привычно, а здесь, в настоящем, неприятно и чуждо. И преодоление себя слишком мучительно…

– Гаврила Степанович! – окликает знакомый голос. – Вот уж не чаял, дай-ка обнять тебя. Слышал, дома сидишь, всех сторонишься, а ты нет, выходишь на люди…

Перед ним стоит довольный собой, чрезвычайно оживленный господин с открытым лицом.

Кто ж это… Да неужто Алексей Петрович: само прошлое – собственной персоной.

– Ви-ижу, вижу, Гаврила Степанович, – басит Деев, – осматриваете город на предмет, так сказать, перемен. Ну, так я скажу: есть на что посмотреть.

И властной рукою, приобняв, влечет показывать перемены, происшедшие не без его, архитектора Деева, участия: здание губернского правительства[9], особняк Асташева[10], другие казенные и частные постройки.

Положение обязывает восторгаться, расточать похвалу, а Батеньков угрюмо молчит. Эка, подумаешь, невидаль – особняк, вот она, провинциальная спесь. Кичатся роскошью, а о душе забывают.

Всё суета, одна суета сует.

«Что было, то и будет: и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после…

Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь»[11].

Всё суета и томление духа...

Шествуя мимо здания почтовой конторы, Деев, будто прочтя его мысли, мимоходом бросает:

– Увы нам, в короткое наше пребывание на земле следует много успеть. Есть люди, коим отпущено сверху сполна, а распорядиться дарованием они не сумели.

Геденштром…

Кто-то, помнится, обронил: мол, такая беда – совсем недавно ушел из жизни, мир праху его[12]. Батеньков отметил краем сознания, но только сейчас почувствовал тяжесть утраты.

Да, Матвей Матвеевич его б непременно понял, такой уж это был человек, сердечный и умный[13]. Они б сошлись и сели друг против друга, как сходятся в гавани потрепанные бурями корабли: мачты поломаны, снасти

разорваны, такелаж утерян. Но не утерян смысл пути: команда отдохнет, восстановит корабль – и снова в путь.

Геденштром, бывалый путешественник, рассказывал о своих странствиях легко и непринужденно, сочно сдабривая иронией[14]. Из него, пожалуй, получился б хороший писатель, отмечал, бывало, Гаврила Степанович.

Но нет его, ушел в мир теней…

Да только ли он. Не стало лучшего друга, бесценного Алексея Андреича. И потеря отозвалась в душе острейшей болью: мир еще больше потускнел[15].

Ах, добрый белевский барин, любезный друг Елагин, острослов и домашний философ… Если и быть благодарным судьбе, так, первым делом, за то, что подарила чуткого, понимающего друга.

Он тоже переступил черту, за коей покой и вечность. Ушел туда, откуда не возвращаются.

И лицо его, столь же расплывчатое, является из сумерек первым, и голос, который отличил бы из тысячи голосов, начинает звучать прежде других: утешает, одобряет, поддерживает.

«В самом деле, как-то крайне кратка наша жизнь, – думает Батеньков, – *и тем самым резко противоречит всем гармониям. Не очевидно, ли, что настоящее время есть не что иное, как приуготовление к лучшему. Есть бог. Удел его бесконечного духа долженствует и на нас излиться…»*[16].

Жизненный путь невелик, а успеть нужно много, тут Деев прав. Только… отчего ж он уверен, что успеть удалось ему одному. О, да, расторопный зодчий останется в памяти сибиряков, в том нет никаких сомнений.

Но не он один.

Наставник – незабвенный мудрый учитель[17], вот кто достоин благодарности потомков. Такие люди, известно, рождаются раз в сотню лет, если не реже. Они вспыхнут на государственном небосклоне, как яркая лучезарная звезда, а когда отживут свой срок и умрут, свет великих свершений, оставленных ими, продолжает изливаться на бренный мир долго и долго.

Находиться подле такого сановника, внимать каждому слову, наблюдать всю мощь его дарования, всю небывалую силу административного таланта выпадает не каждому, а уж сотрудничать, вершить вместе преобразования – тем паче. За многие годы, живя и работая рядом с человеком, отмеченным печатью величия, Батеньков искренне привязался к нему и полюбил[18].

И теперь, спустя время, заслышав нелепые, несправедливые замечания в его адрес, сразу менялся в лице и закипал: вам ли судить[19]…

Мало кто сделал для Сибири столько хорошего и за столь малый срок, как Сперанский. Его ли вина, что смелые начинания, стоило уехать, не осуществились и наполовину, увязли в болоте равнодушия и косности[20].

Не вина, а беда...

Нельзя забывать время, когда *«сама фортуна»* взмахнула на многих волшебным платком, и Сибирь благодаря его, учителя, стараниям совершенно переменилась. Многие сибиряки были *«обязаны первым шагам»*[21] именно ему.

И об этом тоже нельзя забывать.

Не помнить добра, злословить того, кто желал перемен, плохая черта. И вообще, *«по свойству русской жизни редактор закона, какую бы он ни имел современную известность… не имеет у нас ни имени, ни авторитета, и не может ничем обязать потомство и преемников или утвердить дело свое в предании…»*[22].

И Батеньков снова уходит мыслями в далекое и такое близкое прошлое. Туда, где знакомые лики, тени, голоса…

V

Маятник раскачивается легко и незаметно, повинуясь законам, установленным свыше. Качнется влево – настаёт ночь, опускается тьма и жизнь замирает. Качнется вправо – загорается солнце, и снова на землю льется тепло, а тепло и свет дают новую жизнь.

Маятник времени…Кто запустил его, хорошо известно, а как он устроен и почему, собственно, движется, того постичь не дано.

Можно представить время иначе, в виде бесконечной закольцованной ленты: кажется, ее ровное и плавное скольжение в вечности означает развитие, непрерывное совершенствование, а на самом-то деле, никакого развития нет, время замыкается в себе.

Что, само по себе, ни хорошо и ни плохо.

А можно вообразить реку, которая спокойно и неторопливо катит воды в одном, для нее установленном, направлении. Вот она-то подходит к ощущению времени, пожалуй, лучше всего. Река сия величава, необычайно сильна, но отнюдь не жестока: называть время безжалостным, говорить, что оно неумолимо, просто неразумно.

Течет река времени, течет, невзирая на наши ошибки, метания, сомнения и на то, что о ней думают. И наблюдая извечное, непостижимое ее движение, сами становимся спокойнее и мудрее…

Здесь, на берегу Томи, у самой кромки воды, где сохнут перевернутые лодки, Батеньков проводит порою полдня. Сидит и смотрит на воду, больше ничего, а со стороны кажется, дремлет: плечи опущены, спина согнута, весь неподвижен, как изваяние.

Какую работу совершает его разум, как далеко во времени заводит его беспокойная память – не знает никто. Но, видать, уединенные речные раздумья идут только на пользу. Купанье укрепляет тело[1], а вид бесконечно те-

кущей воды и тихие всплески волны, и свежий, бодрящий запах реки укрепляют исстрадавшую душу...

Летние месяцы Гаврила Степанович провел в парке, поистине райском для здешних краев месте: среди небывалой тут зелени и невиданной роскоши. Уж так, право, настаивал хозяин, уж такой рьяной заботой окружил затворника[2]. А тому что, не все ли равно, если от чистого сердца и если хозяин, Философ Александрович, не навязывает своего общества, хотя…

«Томский герцог» знает себе цену, в собеседники выбирает человека достойного, образованного, а что там судачат про «дикого» ссыльного и его, Горохова, покровительство бывшему узнику, не так уж и важно[3]. Он выше пустых пересудов – богатый человек может себе позволить не обращать внимания на разговоры в обществе, а на само общество может смотреть свысока.

На то он и *«герцог».*

А Батеньков может себе позволить выбирать: томский свет признал его за человека, достойного войти в круг избранных, и распахнул объятия. Как же, помощник Сперанского, творец сибирских реформ, соратник всесильного Аракчеева[4]. Один из мятежников, замышлявших государственный переворот, личный враг императора[5], чья государственная политика вызывает скрытое неудовольствие у всех.

Пусть странный, замкнутый, все еще немного дикий – это ничего, зато как умен, начитан, сколь необыкновенна, таинственна его судьба. Нет никого, кто сравнился бы с ним по силе духа и жизненному опыту – такого рады принять в лучших домах города. Да только напрасны ожидания: все предложения он вежливо, но настойчиво отклоняет, ссылаясь на нездоровье[6].

Почти нигде не бывает, и всё время о чем-то напряженно думает.

А между тем…

«…кто может свободно подумать, тот знает

а) что действие в мысли есть действие Боже,

б) что все познания наши зависят от нашей же воли. Сколько можем, столько и знаем.

И можем не иначе, как волею Божией… Столько и знаем предметов, сколько можем или изволяем… Таким образом познание развивается и крепнет…»[6].

Познание чего?

Самого себя и мира, законов развития, государственного устройства, природы, пространства и времени. Кто испытал то же, что *«знаменитый несчастливец»*[7], тому есть над чем поразмыслить.

Жизнь клонится к закату, самое время спокойно, без ропота подумать о предстоящем конце и бессмертной душе, ибо *«нет уже другого утешения, как только в бессмертии нашего духа»*[8].

Еще я мощен, и творящих

Храню в себе зачатки сил,
Свободных, умных, яснозрящих
Не подавил во мне кумир.
Не раз и смерть своей косою
Мелькала мне над головою, -
Я не боюсь ее. Сразит
Свое, чему нельзя быть вечно.
Иду навстречу ей беспечно,
А дух, забыв ее, парит…[9].

Смерть неизбежна, но признать очевидную эту мысль не так просто, и *«мы к ней доселе не можем привыкнуть. Ждем утра, ждем весны – и неизбежность смерти, как будто и не знаем»*[10], что уж так заведено: молодым расцветать, а старикам увядать.

Всё правильно, всё закономерно. Но смерть мало связана с возрастом, человеку отпущено много, возраст как раз и обманчив. Что такое, положим, девяносто лет, большой это срок или малый?

«Мы привыкли почитать 90 лет глубокою старостию; но в самом деле цифра-то не велика, и чудно как-то, что так кратка жизнь наша», – думает Батеньков. Преодолев половину сего срока, он *«ясно чувствует, что недолго еще жил»,* и размышляет о краткой жизни, как наказании Господа, как об отсутствие *«какой-то гармонии, когда Человек, такой могущественный владыка над пространством, так мал во времени»*[11].

Изменить время или преодолеть его, как версты, не дано никому из смертных. Да стоит ли переживать: разве дерево, завершая земное существование, тяготиться необходимостью ухода, и разве птицу заботит прошлое – нет, она живет сегодняшним днем, и рада, что живет. Природа мудрее человека, хоть он и *«могущественный владыка».*

Гаврила Степанович идет на природу.

«Я исходил, – пишет, – *все стежки около города и в окрестностях одной из хозяйских пустынных дач, наслаждаясь целыми солдатскими переходами»*[12].

Когда без всякого покрова
Певец увидит красоту
И звуками родного слова
Оденет в легкую мечту,
Он все отечество возносит.
Напрасно иноземец просит
Священной манны сей вкусить;
Чужим она не достается.
Одно Танталу остается –
В един язык с певцом вступить…[13].

Где-то высоко в синем небе парит одинокая птица, и воздух струится под крыльями, как воды под килем бегущего по волнам корабля. Море иль небо, всё одно, лишь бы мчаться, не думая ни о чем, ощущая радость движения, – это ли не истинное блаженство: жить, устремившись вперед, и радоваться тому, что имеешь.

Полетав в небесах, птица опустится на землю, чтоб утолить голод, а затем снова взмахнет крылами и вознесется туда, где так хорошо…

Вот и душа, словно птица, устремляется ввысь, к покою, свету и радости. К милосердному творцу, который *«до сего времени хранит»* бывшего узника *«всемогущею своею десницею»,* ибо он, всеблагой, *«не оставляет никого».* И *«самый переезд»* в город Томск, переезд*, «который только и сохранил»* его, Батенькова, жизнь, *«был бы невозможен без явного небесного действия»*[14].

Отец небесный да святится
От всех небесных чад его!
И на земле да водворится
Сиянье царства Твоего.
О, да познаем Твою волю!
Насущного дай хлеба долю
И не взыщи твоих долгов.
Мы все и всем теперь прощаем,
Дай да в напасти не впадаем,
Ты царь единый всех миров… [15].

Да, это так: что бы ни делал, где б ни пребывал, Батеньков думает о нем, *«царе всех миров»* – бродит ли за городом, сидит у реки, наблюдая движение вод, или занимается наукой.

За двадцать лет наука ушла далеко вперед, угнаться за ней мыслью, да в этаком возрасте, тяжело, но Батеньков мало огорчен: он усматривает здесь свое преимущество.

«Наука, – сообщает в письме, – *составляет единственное мое занятие. Двадцатилетняя разлука с нею сделала меня способным непосредственно сводить умом настоящее с минувшим и проводить по многим направлениям перспективы там, где время вело ученых по всем своим изгибам»*[16].

Хотя наука для него есть *«просветление мысли»,* направленной к *«познанию божие в мире действия»,* и ничего больше. Ибо *«ум, сколько-нибудь возбужденный к самодеятельности»,* знает, что *«среда, в коей он действует,– сам бог»,* лишь *«в благости и обетованиях творца можно найти успокоение»*[17].

И Батеньков пытается применить свой ум, не утративший способность анализировать, к познанию волнующих истин. Думает о разуме и чувствах,

о науке, которой «*недостает благочестия, ибо она вышла бы из своей шаткости и противоречий, если б признала бога всему причиною»*[18].

Размышляет о жизни и времени[19], открывает святое писание и вчитывается в строки, которые знает наизусть…

Река времени уносит печали и страдания, течет, как заведено, изо дня в день, из месяца в месяц, из века к век, не зная сомнений и усталости, поддерживает надежду и обновляет сей мир.

Всё та же Томь хрящ роет и несет,
Струит свои морщины молодые.
Кайма высот одним широким кругом
Объемлет город юный и живой
Под чашей вечного… [20].

Когда потускнеет и опустится дневное светило и закат прочертит на воде алую дорожку, у реки станет неприютно и сыро. Суетливый шумный город за спиною угомонится, утихнет, приготовится ко сну.

Пора возвращаться…

Гаврила Степанович встанет и, не оборачиваясь, направится к дому. Вот и еще день прошел: время движется, подобно маятнику, отмеряет равные доли существования.

Он войдет к себе в комнатку, засветит лампаду – ну, чем не монашеская келья.

«Уединенный, – напишет, – *только теперь и слышу, что тихий бой маятника… Та же лампадка на всю ночь, та же библия на столике. Ко мне придут и уйдут в определенное время: с чашкой чая, с куском хлеба и стаканом молока. Такая жизнь имеет глубокую приятность. Понятно, какая святыня окружает сельского священника, когда он одни, при немногих свечах, собственно для себя отправляет служение …»*[21].

А маятник времени раскачивается легко и незаметно, повинуясь законам, установленным свыше.

VI

Если выйти из дома по направлению к реке, а затем повернуть на улицу, которая сделалась главною, да подняться на гору, окажешься у почтовой конторы.

Совсем, можно сказать, рядом – рукою подать.

Путь недалекий, Батеньков преодолевает его за короткое время. Идет, по своему обыкновению, погрузившись в мысли, рассеянно отвечает на при-

ветствия. Хоть и ссыльный, а поди ж ты, сам полицмейстер, завидев его, спешит с почтением приподнять фуражку да пожелать доброго здравия[1].

Строго говоря, особого смысла наведываться на почту нет, вся корреспонденция идет через несколько рук – последним письма государственных преступников изволит читать его превосходительство начальник губернии[2]. Но весть о послании сообщить, конечно же, могут и почтовые служащие. Пообщаться с чудным посетителем[3] скучающим чиновникам одно удовольствие.

Начнут о погоде, потом коснутся каких-нибудь слухов, а уж после, видя досаду неразговорчивого Батенькова, перейдут к существу дела.

– Намедни, – скажут, – ничего для вас, милостивый государь, не поступало… Да и доставка, надобно сообщить, уж не та, что в прежние годы: нет той обязательности[4].

– Ну, не скажите, – подаст голос другой, – обязательности-то, положим, хватает, а вот содержать в надлежащем виде почтовый тракт разучились.

Тут в разговор вступит третий чиновник, завяжется спор и Батеньков, не ожидая конца разномыслия, сочтет за благо удалиться.

Увы, письма от Авдотьи Петровны[5] пока нет, надо ждать: его *«ангел-хранитель», «единственная отрада»* не замедлит с ответом. И уж если в переписке возник перерыв, знать, виной тому, верно, почтовая служба – никак не иначе.

Надо ждать.

Что ж, это он может – терпеливо, безропотно ждать, надеясь на милость творца, во всем положась на благое его участие.

Уж как желал повидать семью друга, самых близких людей, когда, покинув крепость, проезжал через Москву. Как мечтал встретиться с теми, без коих не мыслил себе жизни, а вышло-то что? Остановился у знакомого дома, *«пролил несколько слез на опустевшие… места около Сухаревой башни»,* вздохнул да отправился дальше[6].

Родные бесценные души… Знали б вы, как вас не хватает, сколь много значите для изнуренного болезнями, постаревшего, одинокого затворника. После смерти Алексея Андреича вы одни остались поддержкой и утешением, к вам стремится больная душа несчастного узника. *«А кто знает будущее?* – думает Батеньков. – *Может быть, обымемся… и скажем друг другу, чем наполнены наши души»*[7].

Здесь, среди чуждых по духу людей, положительно, не с кем составить общение. И налаживать связи с прежним окружением Батеньков не спешит, хотя друзья по несчастью, сосланные за убеждения, куда ближе Елагиных – в соседних губерниях[8]. По здешним, сибирским меркам, не так далеко.

Они знали того, прежнего, Батенькова, но…

Мудрено искать его здесь. Он остался в мрачном сыром каземате, в том каменном склепе: десять аршин в длину и шесть в ширину.

Где тот *«приятель армейских гуляк, бравирующий своим бесстрашием, участник войны и заграничных походов, весь израненный и спасенный французами из кучи трупов, поражающий товарищей своим глубоким увлечением натурфилософией Фридриха Шеллинга и чуть ли не первый перенесший ее на русскую почву»*[9], где он? Тот бесстрашный офицер, инженер, соратник первых в государстве людей[10], автор многих сибирских *«узаконений»* и журнальных статей, коего заговорщики прочили во Временное правительство…

Пережить то, что отпущено было одному ему из нескольких сотен *«виновных в мятеже»*[11] и остаться прежним, сохранить прежнее отношение к жизни, людям, самому себе – возможно ль такое?

Раньше жил разумом, делиться мыслями составляло для него первую необходимость. Теперь живет чувствами, укрепившись во мнении, что сыскать родственную душу несказанно важнее, чем пообщаться с умным, образованным человеком.

Доброе сердце надо ценить выше разума – воскреснув для жизни, по-другому и думать невозможно. Самые восхитительные игры ума не стоит капли истинного сострадания, *«при нынешних бедствиях нужно утешение, вера и надежды»*[12], а не разумное объяснение причин их отсутствия.

Впрочем, добро никуда не исчезло, оно и ныне служит большим утешением, а Батеньков меж тем оглядывается в прошлое, полагая, что всё самое лучшее, искреннее, душевное осталось, подлинно, там. Вспоминает первую любовь и *«с сердечным удовольствием» пишет в Тобольск той, которая была «детской еще приязнью»*[13]. Пишет другу детства Раевскому[14], а следом отправляет теплое послание дочери покровителя[15], коему обязан карьерой и известностью.

«Глубокое к особе вашей уважение, – пишет Елизавете Михайловне, – *и вся душа моя да будут вам должною данью».*

Утешает в *«великих лишениях»* и коротко, будто о чем-то стороннем, упоминает о собственных горестях, пред которыми меркнут чужие глубокие переживания. Коротко не оттого, что бедствия человека, который «потерял всё, что может вместить в себе человек», уж так подробно известны знакомым по той, прежней жизни. Правда осталась в каземате – десять аршин в длину и шесть в ширину, всю ее не знает никто, ни одна живая душа.

Но для Батенькова важнее сообщить следствие – подробности остаются за многоточием.

«О себе, – добавляет, – *мне сказать нечего. Продолжительные страдания положили на все бытие мое неизгладимые печати».* Но и о них, этих *«печатях»,* главная из которых состоит в неистовом, безграничном уповании на Бога, говорит коротко, вскользь, оставляя всё главное в подтексте: *«Много надо света, чтоб мысль, сама мысль не погасла; а истина так: ищущему дано будет».*

Светом служит милость творца, дающая силы любить сей мир и людей вместо того, чтоб от них удалиться – в безумие или небытие, а условие, позволяющее это сделать, заключаются в одном главном слове: покорность.

«Благоговея перед неисповедимыми судьбами провидения, – пишет Батеньков, – *с христианскою покорностию храню мир в душе моей».* Сохраняя покорность, примирившись с судьбою, какой бы жестокой она ни была, право же, легче искать истину.

А ищущему воистину *«дано будет»…*

Очнулся… Будет мне отныне
Легко без света и тепла.
Душа, причастная святыне,
Для новой жизни ожила.
Презрев и тлен, и мрак унылой,
Восторжествую над могилой
Недавних суетных надежд.
Отныне скорбь томить не станет;
Не обожжет, не отуманит
Слеза моих прозревших вежд…[16]

«Я привык быть всем доволен и хотя часто говорю строго и горько, но не помню ни оного дня в жизни, который бы кончил ропотом, – обращается к сыну *«ангела-хранителя»* Петру Киреевскому[17]. – *Чувство божией благости проникло весь мой состав, и в нем нет места, не занятого любовью к людям. Она пресуществила во мне всякое чувство зла, и мне все кажется, что я недовольно еще терпел. Это потому не самохвальство, что я не могу и хвалить себя»*[18].

Петр Иванович увлекается археологией и *«следовательно, по обязанности славянофил»,* ощущает нерасторжимую связь с литературой, но в *«литературном брожении»* предпочитает не участвовать, видя ложные страсти. И Батеньков на правах старого друга семьи вразумляет, что избегать сии споры нельзя, «это значило бы отказаться от жизни». Уж он-то знает, что время рассудит все споры, *«унесет с собою страсти, так не стройно действующие в настоящем», а «истины останутся».*

Потребность жить интересами литературы ощущает и Батеньков. Книги снова, как в прежние годы, начинают обретать цену, ведь лучших собеседников не найти: они, молчаливые, умные друзья, сопровождают его всюду и во все годы. Книги по истории, философии, культуре, сочинения французских и немецких мыслителей, поэтические сборники, журналы и газеты из собрания господина Асташева, любезно дозволившего пользоваться своею лучшею в городе библиотекой[19].

«Книги читаю охотно, – сообщает «милой сестре» Авдотье Елагиной, – *но, не имея никакой возможности проследить все, что было без меня, я*

стараюсь приводить к общим понятиям… читаю с равным участием и старое и новое…»[20].

Кабинет Асташева выходит окнами в сад: распахни окно, и в комнату польются такие божественные запахи, что разом вскружится голова.

Здесь всё без обмана, не как у Горохова: настоящие книги хранят настоящую мудрость. И половины их, мелькнула мысль, хватило бы, чтоб внимательно прочесть и изучить за двадцатилетнее одиночество, но Батеньков не дает мысли окрепнуть, гонит прочь: ему ли роптать, ведь с ним была главная книга, где даны ответы на все волнующие человечество вопросы. И уже потому говорить об одиночестве, как таковом, не приходится.

– Вот сюда, прошу вас, - хлопочет хозяин, усаживая гостя в мягкое глубокое кресло, - здесь будет хорошо и покойно.

Гаврила Степанович благодарит, с удобством размещается в кресле и не спеша окидывает взором безмолвное книжное общество. Какое сокровище! Стройные ряды корешков зовут приобщиться к тайнам духа, но он не спешит: так гурман, вооружившись столовыми приборами и повязавшись салфеткой, блаженствует от самой возможности драгоценного выбора.

Осознание его едва ли не сладостней предстоящего пиршества.

И не так уж, наверное, важно, свои это книги иль чужие, хотя и свои бы иметь не худо, дабы не зависеть от благодеяний. В письме Киреевскому он просил порыться *«в пыли отцовских кладовых»* и поделиться немецкими книгами, *«которых много было у отца»*. Ибо теперь, на старости лет, сам *«сделался порядочным философом и, к довершению бед, немецким»*[21].

Однако ж книг хватает и здесь: чего стоит подборка поэзии – Жуковский, Батюшков, Пушкин, Майков.

С светлой главой,
на тяжких свинцовых ногах
между нами ходит судьба!
Человек, прямо и смело иди!
Если, ее повстречав, не потупишь очей и спокойным
оком ей взглянешь в лицо –
сам просветлеешь лицом;
если ж, испуганный ею,
пред нею падешь ты – наступит
тяжкой ногой на тебя,
будешь затоптан в грязи! [22]

Милые добрые друзья… Батеньков проводит ладонью по книгам, будто передает тепло своих рук бумажным собратьям. Ну *«как пренебречь таким богатством»,* как удержаться и не раскрыть первый же том, чтобы с первых же строк попасть во власть мятущегося в поисках истины ума.

«Философы, – читает Батеньков, – *рассуждают о свойствах и делах божиих, а мне думается, что это они предпринимают излишнее и не сходное с силами их разума дело. Священное писание проповедует нам в божестве непостижимую умом нашим премудрость, беспредельное всемогущество, вечность бытия, неприкосновенность необъятность и правую волю, то есть склонность к благодеянию и правосудию и отвращение от всех неправостей, чего для нас и довольно, а более покушаться на непонятное умом нашим, кажется, некстати»*[23].

Сказано точно, будто прочел свои мысли. Не о том ли он думал, когда перед сном, запалив свечи, укладывал на столе потрепанную книгу и начинал читать духовные тексты[24].

«Но как всякой истины первым началом почитается знание самого себя, то мы легко можем свободиться… болезней душевных, когда, прежде всего испытав свои силы, будем рассматривать, сколь далеко могут оные простираться, чтоб нам, начавшим высокое здание истины и премудрости, в самом продолжении не лишиться нужных и потребных для такого здания иждивений и чрез то не остаться в посмеянии; а особливо ежели надлежащим образом рассмотрим разные причины, доводящие ум наш… до разных заблуждений»[25].

Отложив книги, Гаврила Степанович устремляет свой взор в окно, за которым растет, благоухая, куст акации, и глубоко задумывается.

Было время, он превзошел многие науки, постиг немало сокрытых истин, дошел умом до самых, казалось, основ бытия, а вот познать самого себя так и не смог, хоть это «почитается первым началом». Прежде чем задумываться о мире, надо бы, оказалось, разобраться в себе.

Да ведь начать «поиски себя» не поздно и сейчас, в преклонном возрасте, на склоне лет. Ищущему, сказано, *«дано будет».*

Воистину так.

VII

Из хаоса и грязи, из толчеи и беспорядочного, казалось, движения растет в центре города величественное здание. Собора еще нет, он в чертежах и планах, но по тому, как уверенно и мощно устремляются к небу стены, нетрудно вообразить его будущий образ.

Внизу, на пустыре, и мусор и сутолока, а наверху, куда вознесутся сотворенные здесь молитвы, всё исполнено чистоты и спокойствия. Ясное небо словно притягивает неохватные стены, на которые щедро, не скупясь, отпускают кирпич из нового, недавно открытого завода господина Асташева.

Небо даёт стенам силу для роста, это очевидно.

Огромная стройка напоминает муравейник: одни сосредоточено копошатся внизу, что-то подносят, уносят, другие снуют по деревянным, аккуратно сколоченным лесам, гомонят, мелькают высоко от земли – ну, муравейник и есть. Иначе не скажешь.

«И да воздастся по трудолюбию их», - думает Батеньков, наблюдая со стороны за упорядоченной, разумной суетой.

Его привлекает именно мощь, грандиозность растущего кафедрального собора, который вобрал и воплотил в себе честолюбивые замыслы томичей. Но злая участь Вавилонской башни здешний собор не постигнет, ведь та, думает Батеньков, стала следствием гордыни, себялюбия, желания вознестись к небесам и сравняться с творцом, а тут нечто другое. Деньги на храм, немыслимые даже для разбогатевшего на золоте Томска, собирали всем миром[1], кому сколько по силам, и собирали, надо полагать, от чистого сердца.

А вместе с тем громадная стройка переросла себя по значению, стала приметой времени, особенной вехой в жизни города, а может, в глазах иных томичей, даже знаком эпохи. Точнее, того странного промежутка времени, который лучше именовать водоразделом эпох, старой и новой, и до которого по счастливой удаче довелось дожить бывшему узнику. Батеньков называет эту пору *«экватором жизни»,* имея в виду, что ныне, на сломе эпох, можно видеть разом как бы оба *«полушария времени»,* минувшее и будущее[2].

Видеть, размышлять, делать выводы.

Мир явно меняется, и сие нужно принимать, как должное, не кручинясь напрасно о твердых, добропорядочных патриархальных устоях[3], канувших в Лету, и не отметая сходу набирающие силу новые порядки, взращенные на капитале. Перемены неизбежны, тут Гаврила Степанович целиком согласен с Деевым, который помогает их осуществлять, – расходятся они лишь в оценке перемен. Жадность и пошлость всегда раздражали Батенькова, но до таких пределов, кажется, они еще не доходили.

«Мне сильно здесь надоела ненасытная жадность к деньгам простого народа, оставляющего всякое дело в стороне и погубившего в себе нравственные начала, – сетует в письме. – *Если бы был я богат, не мог бы переносить такое состояние… Ореол, блиставший некогда над сибирским Сан-Франциско, осветил только широкий путь к разврату»*[4], вместо того, чтоб осветить дорогу к знаниям и личному совершенствованию, как позволяли средства.

Алексей Петрович не склонен так полагать.

– Так вы, стало быть, не поощряете стремление к прогрессу, который, допускаю, имеет оборотную сторону, – наседает Деев.

Батеньков морщится: полноте, какой там прогресс, скажите спасибо золоту, ему все обязаны развитием, с золотом связан скачок[5], а не с просвещением и плодами разума[6]. Люди-то остались прежними, вот в чем беда.

– И мне, – добавляет, – это виднее, чем кому бы то ни было, ибо понятия мои *«переступили пространство и время…Чрез сравнения и противопо-*

ложения могу делать такие комбинации понятий, какие и не предполагал возможными»[7].

Спору нет, Томск обновился, принял *«европейский»* вид. *«Внутри домов явились чистота и убранство, показалась библиотека»*[8], стали слышны *«языки иностранные и столичный говор»,* в домах *«появились газеты и журналы»*[9]. Город стал многолюдным[10], вошел во вкус общественной жизни[11], научился ремеслам, которых не знал[12], заимел особняки и парки, а теперь стремится украсить себя небывалым храмом.

Всё так, да только зависть и злоба, сударь мой, никуда не делись, распутность и жадность разрослись до страшных пределов и губят живую душу с еще большей силой. Какой же тут, скажите на милость, прогресс, ежели человек, научившись строить громадные церкви, собственный храм внутри себя возвести не в состоянии[13].

– Что ж, получается, вы не верите в человека, его нравственные силы?

– Кабы не верил, не переживал так за людей. Ведь человек есть подобие творца, который вдохнул в него душу, а значит святость и чистота присущи нам изначально. И видеть, что свойства, дарованные свыше, многие ни во что не ставят, забывают о них, мучительно. Но нет в том ничего рокового: поверить в себя и возродиться никогда не поздно.

Батеньков думает о судьбе народа и высших учреждений, кои *«достаточны и разумны»,* только *«нуждаются в нас, в нашей любви и энергии, в наших силах правды и честности».* Ну, а прогресс… *«Коли будем мудры и благоразумны, успеем еще догнать и перегнать опередивших нас, ежели только общие судьбы мира не ведут весь человеческий род к некоторому близкому перелому, как бы означившемуся уже на самой мене поколений»*[14].

Батеньков думает о себе и собственной судьбе, но думает спокойно, как бы даже отстранено, словно о другом человеке. Ему забавно, что кто-то зовет его *«дедушкой»,* хотя он не имеет внуков, – из одного лишь почтенного возраста, ведь стар уже и помнит «три поколения в полной силе»[15]. Жизнь его проходит однообразно, но время, что примечательно, *«течет как-то скоро»*[16], и в этом непостижимая загадка.

Способность наблюдать и делать выводы он не утратил, да ничего другого в его положении не остается. Конечно, *«нелегко поставить мысль в гармонию с мыслию целого поколения»,* при нем не существовавшего, *«которое довелось видеть только в углу и в отрывке».* Но это, с другой стороны, невероятно интересно «психически», именно как упражнение для ума. *«Вижу,* – признает, – *ежечасно новое, и не знаю скуки»*[17].

«Жизнь моя течет в ея обычной тишине. Не скучаю, потому что ни к чему не привязываюсь. Встречаю каждый день как новый и отдельный дар и оканчиваю как продвинувшееся звено цепи, не моею рукою движимой, – пишет *«доброй сестре»* Елагиной. – *Когда же небесная благость осенит своим наитием, осияет ум и согреет сердце, я люблю предаваться сему святому влечению, и тогда нахожу себя вполне счастливым…»*[18].

Правда, что плохо, *«совершенно отвык от здешнего климата».*

При наступлении морозов «*раны начинают беспокоить»,* и он никак не может согреться. В непогоду тяжелеет голова, нервы ослабевают: сказывается всё, что довелось претерпеть[19]. Но и на хвори Гаврила Степанович способен взирать иронически, сравнивая себя *«по враждебному воздействию климата»* с кавказским пленником[20], заточенным в *«неволю болезней».*

Бывает, лихорадка как скрутит, так и не отпустит две недели сряду, хвороба и *«лом раненого плеча»* продержат в постели надолго[21]. Но ангелы-хранители всегда помогают, и несмотря на шестой десяток, он все же *«большей частию на ногах»*[22]. Чуть окрепнет – за порог и на волю, в движении, говорит, вся жизнь. Потом сядет писать, готовить статью[23], либо возьмет в руки новый журнал: и тут, в глуши, отставать от литературных новинок не пристало.

Зная об этой его тяге к словесности, некоторые свежие издания дает сам губернатор. Не тот, что встретил тут прежде, в первый день по приезду, а новый, Павел Петрович, добрейшей души человек[24].

Губернаторский дом неподалеку, в двух шагах, вот случай видеться, что ни день, и выпадает. Его превосходительство отменно любезен, приглашает воспользоваться библиотекой да заглянуть по-соседски на чашечку чая, хотя вводить в дом государственного преступника ему вроде как не положено. Но от политики он, знаете ли, далек – ему, умному и образованному инженеру, доставляет удовольствие беседовать со столь же умным инженером, пусть и бывшим.

Батеньков, однако, гостеприимством властителя края не злоупотребляет. На зов идет, но старается не задерживаться – возьмет что-то из книг и журналов да сразу прощаться.

– Как, – всплеснет руками хозяин, – вы уж уходите! Помилуйте, Гаврила Степанович, куда торопиться. Присядьте, прошу вас, сюда… нет, здесь вам будет покойнее – это кресло привез я с Урала, здесь таковые не делают.

Губернатор – невысокий пожилой господин, *«рыжий, невзрачный, в золотых очках, в горном сюртуке без эполет»,* входит *«как-то боком»* и *говорит «довольно мягким голосом»*[25]. Вид у него, прямо скажем, не начальственный, да и супруга его превосходительства отличается от здешних начальственных жен добронравием и сердечной простотой. Семья большая, девять детей – мал мала меньше, но и это вполне располагает, Батеньков сам любит детей, а все же…

Бывает здесь не часто: сказывается привычка сторониться начальственных глаз.

Уединение сделалось потребностью, аскетизм превратился в образ жизни. Комнатка в доме Лучшева, кажется, еще больше стала походить на монашескую келью. Здесь, за молитвой и Библией, за переводами с иностранного[26] и записками критического характера Батеньков проводит, по обыкно-

вению, свои дни. Пишет, читает, думает о современном поколении и самом себе.

Непросто понять время, кое *«сдвинуло с прежней черты целую громаду жизни и далеко, далеко унесло от желаний и ожиданий, которыми она была повита; унесло, верно, уже невозвратно».* Осознать это не всем удается, хотя, несомненно, *«должно знать время, когда принимаешься писать».* Лишь самым талантливым, вроде Гоголя, дано проникнуть в суть эпохи и увидеть, что *«настоящее поколение оглушено временем и пространством. Железные колеи, по которым катится общество, издают свой собственный шум и свист, гонят гармонию…»*[27].

Оно, конечно, гармония и раньше не была так присуща духовной жизни, как бы хотелось, а теперь ее и вовсе почти нет: *«теперь уже насильственно или естественно, но дух убит, сердце переродилось, ум иначе организовался»,* а из всевозможных желаний осталось лишь два – золотой песок да бутыль наливки. Не здесь ли причина смятения, охватившего Гоголя, не тут ли главная пружина его мучительных переживаний, которые отразились во второй части «Мертвых душ» и особенно в «Исповеди»?

Искренне переживая за писателя, Гаврила Степанович пишет ему обстоятельное, дружеское письмо, и следом, не дожидаясь ответа, второе. *«Одно, и лучшее, не дошло. На другое он отвечал, благодарил и обещал не почитать свои «Мертвые души» ни слишком великим делом, ни грехом смертным»*[28].

Вглядевшись в эпоху и ужаснувшись, Гоголь *«впал в мистицизм»,* отстранился от жизни и, как некогда Батеньков, пожелал «*остаток жизни провести в крайнем смирении и непрестанной молитве».* Но для талантливого, умного человека это не выход, сей путь основан на отрицании и *«не ведет ни к чему, кроме изнурения».* Ведь вот и Батеньков, было время, *«стоял на коленях пред образом по целым дням: боролся с собою, не чувствуя желаемого умиления»,* пока не понял, *«какое ему свойственно богопознание»* и каково его назначение в жизни[29].

Да, мир катит по железной колее, несется с шумом и грохотом. И пошлость, которую описывал Гоголь, окрепла, с нею теперь *«далеко можно унестись».* Но все же чувство, «доброе и светлое», осталось, Батеньков верит. Есть последовательный ум, который *«хотя бы растворен пошлою жизнию до пресыщения»,* но остается *«всегда от бога»*[30].

А значит, мир не погиб для развития, можно жить и надеяться на лучшее.

VIII

Еще вчера, кажется, не было даже намека на зелень: голые ветви, жалкие и такие хрупкие без листьев, качались под ветром, словно мучимые непреходящею болью.

Но вот переменилась погода, разлилось всюду тепло – и жизнь пробудилась. Батеньков ходит по саду, трогает кусты и деревья руками, будто не веря глазам, и радуется, чувствуя великую силу обновления: на ветках появились пахучие нежные почки, не сегодня - завтра распустятся листья.

От земли исходит свежесть, она отдохнула и снова, как сотни, тысячи лет назад, готова давать жизнь. Только в дальнем углу сада, что в низине, подолгу стоит сырость – ту часть усадьбы подтопляет вешними водами больше всего. Да не беда, нужно лишь приложить руки да старание.

«С наступлением весны, – пишет *«доброй и милой сестре»* Елагиной, – *принял возможное мне участие в хлопотах по домашнему хозяйству, и не более как в хлопотах. Главное земляное дело: ох это земляное дело! Оно состоит в осушке болотного места и в возвышении части, потопляемой рекою»*[1].

Гаврила Степанович *«формирует из домашнего народа рабочую команду»* и сам берету в руки лопату. Весь день на ногах: суетится, заботится, командует возчиками и уж *«всем, кому только мог, надоел своею энергией».* Но работа-то движется, низинная часть земли подымается на глазах – *«еще надобно насыпать тысячу возов, и дело с концом».* Ведь вот: прожил, считай, жизнь и даже не думал, что немудреные садовые хлопоты, простая работа с землей может доставить радость.

Было б здоровье… Но тут, в общем-то, грех жаловаться: *«Бог, помощник труждающихся и обремененных»,* не оставляет без милостей. Бывает, конечно, и худо, не без того, а в целом жить можно, в его-то лета рано идти на покой. Вот и *«гадательная книга гласит: ежели не скончается на 54-м году, то проживет до 96 лет».* А *«верить гаданиям, которые льстят»,* совсем и нетрудно[2].

«Всё в руках Бога, – думает Батеньков, – уж если продлил жизнь, *«хранил меня всемогущею своею десницею»,* значит, была на то его воля». *«Как ни проста и бездейственна моя жизнь,* – признает, – *но я знаю, что без божьего особенного милосердия не могла бы она не быть мне тягостною»*[3].

Душа моя величит Бога,
Кипит вся радости огнем.
Рабе смиренной радость многа
И верное спасенье в нем.
В странах далеких будет славна,
Светла в позднейших временах.
Его величеством державна…
О, да святится он в сердцах! [4]

Батеньков верен привычкам. По-прежнему рано встает и рано ложится, при хорошей погоде вершит по улицам пешие прогулки, а порой устремляется и за город, до самых холодов купается спозаранку в Томи.

«Теперь уже четверть века совсем не ем мяса, даже рыбного, – повествует в письме Авдотье Петровне. – *Питаюсь молошным, хлебом и зеленью, здесь не слишком роскошною. Но роскошны у нас плоды; ибо бывают редко, редко у богатых. Водок вовсе не пью, а вино люблю, и сей час перед глазами рюмка Донского. Трубку не курю, а сигары. Гардероб соответствует моему положению и самым привычкам»*[5].

В старой Греции, шутит, его б непременно сделали основателем школы: *«Всё купленное и не вошедшее в употребление или вышедшее из него – я всё раздаю, и вообще покупаю не для себя, а в общину», семью Лучшевых, «завожу, чего дом и семья требует… Сапоги ношу дотоле, пока все мастерские откажутся их починивать; новые часто переходят к другим, не бывши и надеваны. Не люблю обнов, особливо на голове и ногах. Прочего платья много, нет только шинели, и больно состарились шубы…»*[6].

Одно только, пожалуй, и переменилось: прежде тяготел больше к книгам, искал покой да уединения, чтоб обозреть мыслию *«пространство»* всей жизни – теперь же, не оставляя книг, проводит часть времени в хлопотах по хозяйству. Работу ума дополняет физический труд, получается вполне даже неплохо. Уж *«так создал Бог человека, что надобно что-нибудь сделать, чтоб увидеть, по своей ли идет дороге»*[7]. Ведь *«жизнь в самом простом значении слова и отрицание того, что ведет к смерти, есть лучше угождение богу, и по разуму, и по букве Евангелия»*[8].

Мысли о смерти, что там скрывать, приходят на ум, но Батеньков думает об этом спокойно, без страха. Хотя привыкнуть к ней, этой мысли, «мы доселе не можем».

«Признаюсь тебе, – пишет Авдотье Елагиной, – *у меня есть своя философия мертвых».* Когда-то люди, если верить писанию, жили долго и могли, *«окрепнув душою, привлечь на себя и сосредоточить в себе великий дух».* Ну, а потом, по прошествии веков, *«богу угодно было ускорить развитие… всего семени»* в понимании добра и зла, и он *«наслал смерть»,* настигающую быстрее. *«Смерть действует до совершения великого цикла»* познания, *«но духу исчезать и уничтожаться не свойственно; он идет в свое собрание… мертвых»*[9].

Строки о смерти появляются в письме к жизнелюбивому доброму Пущину[10], с которым познакомился полжизни назад, в канун *«катастрофы».* Вот кого, право, хотел бы увидеть: Батеньков помнил его *«глубокие, умные глаза и приветливую улыбку»,* ему были приятны *«юношеская веселость нрава»* Ивана Ивановича и *«забавные, меткие остроты»,* делавшие *«чрезвычайно приятным его общество»*[11].

Приглашал к себе в Томск и его, как многих, с кем вел переписку[12], но скорее из вежливости, не слишком надеясь, что пожелание сбудется. А ведь сбылось – и даже раньше, чем думал.

В один из погожих дней, вернувшись с прогулки, застал дома славного гостя – поседевший, немного согбенный, но всё такой же улыбчивый Пущин встал из-за стола, оторвавшись от чая, и распахнул широко объятия. Оказалось, что вот – едет *«на воды»* в соседнюю губернию, а Томск, как известно, перекресток сибирских дорог, *«тем и славится, что даже птица мимо его не пролетает».* И в глазах всех, кто живет тут, *«беспрестанно мелькают то мильонеры, то камер-юнкеры»,* то еще невесть кто[13].

Анна Михайловна, хозяйка дома, взялась хлопотать вокруг хлебосольного стола, и всё хвалила, нахваливала необыкновенного своего постояльца, приводя его в смущение[14]. Мол, «за честный и кроткий нрав, прямой и благородный образ мыслей» Гаврилу Степановича уважают буквально все в городе[15].

Батеньков отшучивался и побуждал гостя поведать об ялуторовском своем житье.

– Ну, что вам сказать, – оглаживая пышные усы, молвил Пущин, – живем, слава богу, ладно. *«Толкуем откровенно, когда собираемся, что случается непременно два раза в неделю… Обедаем без больших прихотей вместе, потом или отправляемся ходить, или садимся за вист, чтобы доставить* некоторое развлечение нашему старому товарищу Тезингаузену, который стар и глух…»[16].

Ялуторовские «преступники» Якушкин, Пущин, Тезингаузен, князь Оболенский и Муравьев-Апостол проживали в доме вдовы Бронниковой, но охотнее всего собирались у местного купца Балакшина, человека *«доброго и смышленого»,* с коим *«приятно было толковать и приятно видеть готовность его на всякую услугу»*[17].

– Ничего, жить можно… – продолжал Иван Иванович. – Время проходит *«в занятиях всякого рода, и умственных и механических. Большого сближения с чиновным людом у нас нет, но вообще все они очень хорошо понимают нас и оказывают всевозможное уважение». Да беда-то в том, что «они народ всё пустой и большею частию с пушком на рыльце…»*[18].

Батеньков сосредоточенно слушал, примеряя рассказ к себе, своему образу жизни. И снова подумал о том, как не хватает ему «ладного» круга общения. Только и может, что в письмах изливать свою душу, шлет послания одно за другим…

А гость между тем толковал о Сибири, говорил о ней *«почти восторженно»,* суля небывалое будущее.

– Да ведь богатства-то, – горячился, – посмотрите, какие тут царские богатства. Простор для развития, при неимении крепостного рабства, поистине грандиозный. Ну, чем не Америка[19].

Да-а, соглашается Батеньков, думая о чем-то своем.

– А вы знаете, – неожиданное вставляет, – род наш имеет некоторое отношение к открытию Русской Америки.

Пущину об этом ничего неизвестно, просит изложить подробнее.

– Извольте, – соглашается Батеньков. – мой дядя служил под началом Шелехова[20]. Помню, *«на крыльце нашего домика держала меня на руках моя любимая нянька Наталья; я сосал рожок. В это время приехал к нам из Петербурга дядя Осип в обратном пути на Алеутские острова, откуда ездил с отчетом и за милостями императрицы по подвигам Шелехова. Он, подойдя ко мне, сказал, вероятно, грозно: «Стыдно сосать доселе». Эти слова так сильно на меня подействовали, что я бросил рожок за окно и пришел в сознание: увидел, что я на крыльце, оглядел наружность строения, подлинно увидел свет божий, и это впечатление сохранилось во всей его живости доселе…»*[21].

Поведав всё это, Гаврила Степанович вдруг умолк, будто споткнулся о незримое препятствие: развивая тему, следовало бы рассказать и о том, как сам едва не угодил на службу в Российско-Американскую компанию[22]. Но тогда пришлось бы коснуться и обстоятельств того дела, кое вовлекло в *«события»,* а он давно положил себе за правило избегать таких воспоминаний.

Повисла пауза…

Догадываясь, что творится в душе у Батенькова, ялуторовский гость притих, не нарушая молчания. Но тут явилась с новым угощением Анна Михайловна, и разговор возобновился. Коснулись хозяйства, здешнего быта.

– А не осмотреть ли вам, любезный Иван Иванович, сию скромную усадьбу, – оживился Батеньков. – Я покажу кусты, которые посадил самолично.

Вышли в сад.

– *«Лучшевым за призрение меня и за такую ко мне привязанность, что буквально ни одного слова между нами неприятного… не было, я до глубины души благодарен,* – молвил Батеньков, когда оказались вдвоем. – *Здесь пока и останусь, да и после не разлучусь…»*[23].

Конечно, дом требует ремонта, да ведь и ремонт, ежели рассудить, вполне по силам. *«Черчу уже планы на перестройку флигеля, после примусь за цветник, за теплицы. Словом,* – добавил с улыбкою Батеньков, – *нашему огороду и прилежащим к нему местам предстоит такая радикальная реформа, какой не мог бы он ожидать и от поступления в откупное или золотопромышленное ведомство»*[24].

Вот так, в трудах и заботах, проходит время. И сколько его отпущено, никто, верно, не знает.

«Время течет быстро… Кажется, тут при нас вечность и совершает свой оборот. Может быть, дождемся, что означится ее круглота и циклы. Но много еще надобно, чтобы карта времен была состав-

лена, и чтоб… изобретен был компас для плавания без берегов в океане жизни»[25].

В могучем и безбрежном, добром и жестоком, непостижимом океане жизни…

IX

Сокрытый смысл чисел еще никто, пожалуй, до конца не разгадал. А что они имеют над человеком особую власть, доказывает уж то обстоятельство, что к числам обращаются и для духовных упражнений[1], и в стремлении к материальному благополучию.

Все дни напролет Батеньков теперь проводит в подсчетах, рассыпая на бумаге множество чисел и складывая их в аккуратные длинные столбцы. Исчисления эти вовсе не утомительны, даже напротив, полезны уму, готовому к сложной работе: математика всегда, во все годы, составляла его обязательное и приятное занятие.

Числам надлежит обратиться в кирпич, строительный камень и бревна, прочие же означают цены и деньги, отложенные к предстоящим издержкам.

А издержки неизбежны: семья увеличилась и испытывает уже некоторое стеснение: в доме поселилась вдова брата хозяина Ольга Павловна с двумя малыми детьми[2]. Деликатный Батеньков, переживая за доставленные Лучшевым неудобства, хотел было отселиться в самую крохотную комнатку, да ему не дали. Сам губернатор, *«узнавши о намерении избрать хоть тут же в доме, но более тесное помещение»*[3], напал на него с упреками.

Вот и выходило, как ни крути, что надобна хорошая пристройка.

Батеньков начертил проект, сделал смету, договорился с начальником арестантской роты о рабочих руках, без коих не обойтись. И взвалил на себя все строительные хлопоты, когда Николай Иванович, связанный обязательствами службы, выбыл за пределы города.

Так, в бесконечных делах и расчетах, минуло лето 1849 года[4].

«На зиму остаюсь в прежнем помещении, – докладывал Батеньков *«неоцененному другу»* Елагиной. – *Новое не успели и не могли докончить. Правду сказать, давно уже хочется завоевать до дюжины кубических сажень для вседневного дыхания… Теплой одеждою я запасся, и ежели буду в силах употребить ее, то, наученный опытами трех минувших годов, не буду себя закупоривать, а пойду лицом к лицу прямо навстречу здешним морозам и установлю пешие прогулки непрерываемо».*

И добавлял с горькой усмешкой: *«Надобно признаться, что старею: ибо до пятидесяти лет шуба была мне сущим бременем»*[5].

Но мысли о старости не так занимают Батенькова и не так тяготят, как заботы о независимом существовании. Жить на чужой счет, казенный[6] или

благотворительный, ему, который с молодых лет обеспечивал кусок хлеба своими трудами, невыносимо тяжко. *«Подавленный и измученный долгим бездействием своей довольно энергической натуры»,* Гаврила Степанович *«вскоре бы уже умер, если бы не принялся ни за какое дело»*[7].

А дела-то, способного доставить ему пропитание, здесь не было – и не могло, в сущности, быть по причине особого, поднадзорного положения.

Конечно, с отъездами Николая Ивановича он, вышло так, *«очутился хозяином дома и действительно встал во главе семейства»,* но распоряжаться чужими деньгами, вести чужое хозяйство, не имея в достатке своих собственных средств, было не очень удобно. *«Доставало, однако же, у меня ума,* – писал *«превосходному другу»* Аргамакову, – *всегда оборачиваясь на средства, не приковать себя к этому положению, и остаться свободным и способным в любой день, никого не удивив, выйти и стать особо»*[8].

Ах, если бы выхлопотать послабление да перебраться в другую родную семью, уехать к Елагиным… Ведь вот же, получает деньги и от Авдотьи Петровны, но какая во всем тут существенная разница: принимать от нее пособие *«как-то легко и просто»,* ежели, разумеется, она не делает это *«в чувствительный ущерб другим потребностям»,* не отрывает от семьи необходимое[9].

Душа туда лететь стремится.
Где зрит сосветлые черты,
Чертогом золотым не льстится.
В дворцах не ищет красоты,
Под мирным кровом селянина
Ей часто радостей причина –
И веки там готова жить.
Сестра! Нам общее нетленье…
Пройдет небесное плененье,
Орлами будем мы парить…[10]

Напоминать лишний раз о себе тем, кто освободил его из темницы, Батеньков не горит желанием, от властей надобно держаться подальше, справедливы они или нет. Да делать-то нечего, другого пути нет.

И Батеньков, истомив себя раздумьями, садится писать графу Орлову[11], дабы представить его сиятельству *«искреннее изложение»* своих нужд:

«В Сибири я надеялся найти родной воздух, а может быть, и дело к покрытию насущных потребностей. В первом отношении жестоко обманулся. Вся жизнь, не здесь проведенная, произвела решительную отвычку в старости от сурового климата. В продолжение краткого лета я бываю здоров, но с наступлением осени весь обращаюсь в болезнь. Многие раны, полученные в сражениях против французов, предрасположение к цингот-

ным… а частию нервным и душевным недугам, особливо при морозах зимою… при неимении медицинских пособий, - мучат меня и истощают»[12].

Написав это, Батеньков остановился.

Жаловаться кому бы то ни было он не привык, тем более в поисках собственных и весьма эфемерных выгод. Хотел перечеркнуть всё и взяться писать заново, деловито и без лишних эмоций, но достигнуть цели таким письмом было труднее, он понимал.

Другие имеют возможность *«в содержании приискивать себе занятие»* и свободно перемещаться, продолжал Батеньков, но к ссыльным сие не относится: *«Я должен есть печальный хлеб казенного и частных пособий».*

«Бездействие и праздность мне не по природе. Они теснят душу мою, даже издали, и разлучают с силами. Заключенный в стенах города, не имеющий никаких гражданских прав, никакой собственности, я могу трудиться только уныло и не для себя. Служба мне возможна – гражданская. Но я редактор здешних законов, и многие установления мною изобретены и названы. В ходе дела под верховною санкциею течет собственное мое слово. Страшно стопою цинизма вступать в это святилище. Предпочитаю совершенно уничтожиться».

Его ли вина, что законы и установления, над коими так много трудился, не соблюдаются вовсе или действуют не в полной мере, ничуть не мешая лихоимству, едва ли не большему, чем прежде. Всякому закону нужны условия, разумным уставам нужна правительственная поддержка… Да разве объяснишь это злым критикам, если видят кругом беззаконие.

«Сближение средств <собственного своего> содержания с условиями лучшего климата – вот что составляет теперь мое желание», – заканчивает мысль Батеньков. И поясняет: имущество взято в казну, а он некогда *«оставил на себе необеспеченные долги… по счетам. Следовало бы их заплатить».* Для чего и требуется вступить на службу в краю, где живет «родственное» его семейство.

Дозволив жить в городе Белеве Тульской губернии и его уезде, сим благодеянием, пишет Батеньков его сиятельству, *«вы бы еще раз меня воскресили…»*[13].

Да полно, будет ли граф помогать государственному преступнику, чего ради, из каких таких выгод, особливо если взять во внимание, что и более достойные безропотно влачат свое печальное существование. Нет, тут как раз надобны не эмоции, а трезвый расчет. Только что может дать взамен он, немощный, одинокий затворник, что может предложить сильным мира сего, кроме…

Своего дара предвидения[14].

Нет, я не громом, - тишиною
Был и разбит и оглушен…
Возник Архангел предо мною,

В златые ризы облачен.
Его глаза добром светились,
Уста отверзты шевелились,
Но звук речей не слышен мне,
И лишь по уст его движеньям
Гадать я тщился с напряженьем,
О чем вещал он в тишине... [15]

«В нынешнее время такой разительный опыт в жизни мог быть и обширно употреблен в пользу <государственных> дел, науки и мысли по простой экономии в людях», – сообщает Батеньков, и заканчивает послание уверением в *«неограниченном и неизменном почтении и любви»* к сей достойной особе, графу Орлову.

Однако ответа, увы, не дождался.

«Мне здесь просто и уже безбедно. Но нравственные мои страдания чрезмерно велики, на свет бы не глядел, хотя душа моя довольно еще сильна и чиста, чтоб одолевать противное чувство… – пишет старинному своему сослуживцу. – *Почел бы за большое добро, если б позволено было переехать на житье в Белев… Там мои Елагины, а сам я мог бы заняться наукою и все, что готовил для нее, доселе привести в окончательный строй»*[16]. Все свои переводы, критические статьи, рассуждения на экономические темы.

Мечты, восхитительные славные грезы! И воспарит душа, и возликует, стоит отдаться им в полную волю…

А строительство флигеля меж тем продолжалось.

«Экономя моими средствами, – отмечает в письме, – *я частию предпринял <строительство> и частию еще склонен устроить ветхий дом. Вот осушал болото, расширил место, построил новое жилье, творю по обширному <своему> плану, чтоб лет на пять или более было мне занятие».* Ведь *«никакое другое дело невозможно, а от бездействия могу умереть»*[17].

И невозможна та духовная чистота, та высокая степень отрешения ото всего земного, благодаря которым ниспослан был пророческий дар, ныне почти утерянный.

В тюрьме провел я много лет,
С единым пребывая богом…
Почто ж опять я вышел в свет,
К людским заботам и тревогам? –
Не лучше ль было жить вдали
От горестных сынов земли…
О днях былого заточенья
Пора настала пожалеть…
Мне б муки прежние терпеть,

Лишь только б слово откровенья,
Как в оны дни, звучало вновь,
И как тогда, вскипала б кровь…[18]

Но бог милостив, и тут не оставляет своею заботою.

«Крайней нужды я вовсе не имею, и могу сносно жить… разве только дряхлею, и <либо> искалечусь, или судьба нанесет новый, столь же неожиданный удар, – пишет Елагиной. – *Но, по чистой совести, я не имею причин ожидать худшаго, тем более, что твердо уповаю на бога, чувствую его милость и благодарен за нее… Знаю по опыту, что ни от болезней, ни от несчастий или, проще, от произрастающего в громадах жизни зла, нет верных предограждений»,* кроме упований на милость творца[19].

Словом, *«нет нужды… но есть большие лишения. Вот тут и стараюсь всеми силами одолеть их чувство, и полагаю, что давно уже начал чувствовать, по крайней мере, независимость от излишеств и умертвление в себе прихотей».*

Если не считать за таковую прихоть естественное *«в его лета»* желание «*иметь <свое> гнездо»,* что пока недостижимо.

«Всеми силами, – добавляет, – *стараюсь слиться с семейством моих хозяев и к счастию… нашел в них мирных, простосердечных и добрых людей. Отсюда возникает особая для меня деятельность. Мне хочется все время подарить им, отдать на службу весь опыт и знание»*[20].

Вот средства «доброй сестры» Авдотьи Петровны на то и сгодятся: *«Нечего уже и говорить, что присланные от тебя деньги тут намерен убить, а благодарность мою разделит новая моя семья…».*

Время теперь занято строительством, и хорошо – *«с самой весны каждый день в земляной работе: а теперь, сверх того, тянут в разные стороны плотники, каменщики, кузнецы, фашинники, печники». И от сих не вполне легких занятий «голова теперь так пуста, что кроме театральной хроники из печатного мира ничего в себя не берет, и кроме арифметики ничего из себя не изливает»*[21].

Ну, так и ладно, арифметика тоже важна и полезна. Важны числа, сокрытый смысл коих еще никто, пожалуй, до конца не разгадал…

X

Вот столовая, ошибиться невозможно: запахи доносятся такие, что прямо-таки кружится голова.

Дальше, стало быть, помещения для прислуги, всякие чуланчики – ну, это смотреть ни к чему. А вот, не угодно ли, гостиная: по выходным здесь собирается цвет томского общества – откушать славной водочки, раскинуть

картишки да, грешным делом, немного посплетничать. Посудачить о ценах, новых назначениях, похвастать покупками.

Хорошо тут, уютно: много света, простора, во всем видна та особая, «благородная» простота, которая стоит, на самом-то деле, немалых денег. За окнами, что выходят в сад, заливаются соловьи. Благодать.

Лестница, пожалуй, что крутовата для человека в преклонных годах, но это, скорее, от непривычки. Здесь, прошу заглянуть, семейные апартаменты, а рядом кабинет. Мебель добротная, выполненная не где-нибудь там, в далеких столицах, а прямо на месте, здешними умельцами, которые, уверяю, могут не хуже – в нашем сибирском, знаете ли, стиле. Со всякими медвежьими лапами да кедровыми шишками.

Степан Егорович[1] умолк, внимательно взглянул на собеседника, пытаясь разгадать, какое впечатление произвел показом усадьбы. Он был в хорошем расположении духа, чрезвычайно доволен собой, своим домом и настроен на похвалы. Но Батеньков, отчасти утомленный суетой, расположился в кресле и не спешил высказывать мнение.

Наконец, отдохнув и как бы собравшись с мыслями, отдал должное хозяйственной сметке Сосулина. Тот и расцвел: умный человек завсегда поймет умного.

– Ну, а ваша постройка, Гаврила Степанович, какова: слышал, большие работы затеяли.

– Что вам сказать… – Батеньков снова задумался. – *«Разные мелочные препятствия и существенные недостатки средств моих и моего хозяина разрушали надежды то в конце, то в начале».* Но теперь, грех роптать, всё хорошо: *«напряжением всех сил»* удалось *«сомкнуть предприятие и цель»*[2].

– Так вы что ж, переехали уже во флигель?

– Да, *«перешел тотчас, как пустили дым»,* обрабатывая стены, – перешел, *«несмотря на шум и гам продолжающейся вокруг одра моего работы. Теперь имею ровно 40 кубических сажень для дыхания и ровно 40 квадратных аршин для света. Не в великолепии и роскоши тут дело, а об удовлетворении вопиющей нужды»*[3].

– Понимаю, – произнес хозяин, приняв сочувственный вид.

– *«Месяц прожил я в новом моем жилье радостно, и как будто чувствую себя легче, крепче и моложе…* – продолжал Батеньков. – *Пространство, свет и воздух нам необходимы, а я долго, долго получал их гомеопатическую дозу».* И все благодаря заботам Авдотьи Петровны, *«без ее ангельского обо мне попечения мне трудно было бы и овладеть частью житейского болота и осушить его, прочие же места в городе по чудовищной цене их вовсе недоступны…»*[4].

Упоминание о ценах заставило Сосулина оживиться: уж больно дорог нынче строительный материал, и участки недешевы, как справедливо изволили заметить. Оттого построек в городе – настоящих построек, на широкую

ногу, столь мало, а улицы всё больше кривые, неухоженные[5]. И всюду грязь[6]…

– Ну, это смотря с чем сравнивать, – ответил Гаврила Степанович. – Бывало и хуже. Теперь, по крайней мере, *«улицы в городе высыпаны хрящем, скоро просыхают, топей нет», хотя грязь да, «грязь от дождей держится дня два или три».* Но теперь *«сильно всё поднято насыпями».*

Сосулину было ведомо о прошлых инженерных заслугах гостя, а к его архитектурным работам он выказывал явный интерес.

– *«При постройке домов,* – говорил Батеньков, – *я имел случай видеть, что фашинная кладка и слой хряща, мною положенный менее 35 лет назад, уже в глубине около двух аршин. Там, где я в первый раз прокладывал и провешивал улицы, погрязая по пояс в болото, теперь уже каретная езда. Так и на хозяйском дворе стучат уже колеса экипажей, в не далее как в 1849 году плодились дикие утки, которых можно иметь честь доселе видеть у соседей».*

Хозяин дома, сидя в кресле напротив и покуривая, внимательно слушал.

– *«Впрочем, некоторые работы и там не удались по слабости грунта, а еще более по слабости капитала. Верно, одним трудом не все одолеть можно. Не моя я добиться, чтоб основываться на свайной бойке. Здесь это такое нововведение, к которому никто не готовился и которое считают приличным для одной казны, так что и снаряд надобно доставить за 400 верст. Теперь период лиственничных стоек и частию каменных бутов; но прочного камня нети до материка доходить не могут, ограничиваются первым слоем твердой глины, который, однако же, нередко оседает, ибо самый материал по всем указаниям должен быть каменный, но глубины пять-шесть аршин для этого недостаточно…»*[7].

Тут Степан Егорович счел за благо вмешаться и выдал комплимент архитектурному дарованию гостя.

Заговорили о стилях, подходах в зодчестве. Батеньков вспомнил, как в детстве, мальчишкой, наблюдал строительство храма, «любуясь постепенным проявлением здания: сперва позолоченным крестом с шаром, потом беленькою шейкою, зеленою крышею, а после ежедневно более открывавшимися оштукатуренными частями, как бы обнажаемыми от одежды лесами, как нечто живое, готовящееся на праздник».

– И знаете, – молвил он. – *«Мне казалось более эстетичным и таинственным, если это остановится на треть высоты, не доходя до земли, и когда открывалась вся колокольня до основания, не был я доволен. Так зародился во мне вкус готического рококо для нижних частей и греческой изящности для верхних частей строения».*

Сосулин вроде бы не вполне понимал, о чем речь, однако не перебивал.

– *«Думаю, что оно так и есть для дали, для высокого и на высоте здания, и для обозрения в самой близи деталей. Мне не довелось что-либо вы-*

работать из этого впечатления, но я с ним не мог расстаться и сохранил в себе эту отличительную черту архитектуры от всех прочих искусств, применимую разве в музыке. Без этой черты долго мне казались самые изящные здания голоногими, а полные готические вычурными и изысканными»[8].

– При здешнем климате, полагаю, необходимы постройки не столь вычурные, сколь основательные.

– О, да, ваша правда… *«Боюсь на зиму за новое мое жилье. Стены и печи не могли просохнуть, а смазку полов и потолков трижды размывало, пока переменяли временную крышу на постоянную и выводили трубы.* – Батеньков грустно улыбнулся. – *Справедливо сибирячки называют свой край немощеным и некрытым».* И все же признаем, что *«божия десница действует к лучшему соглашению нашей жизни с созданною прежде нас природою»*[9].

Философские отступления, было видно, не очень-то занимают практичного Сосулина – по складу ума был он далек от «пустых» размышлений.

Батеньков вновь заговорил о доме.

– Дожди, – сказал, – нанесли урон. Ну, и затопляет, считай, каждую весну: дом-то в низине, страдаем что ни год… Без реки тяжело, мне купание в Томи доставляет бодрость, да еще *«имеет силу избавлять меня от глухоты».* Но и с рекою плохо: благотворные для здоровья струи, обыкновенно, при вскрытии реки *«совсем нас затопляют…Нынче весною в Страстную пятницу вода очень высоко поднялась и оставила в нашем доме не более пяти сажень сухаго места. В обед того дня упала аршина на полтора и в субботу прибыла почти столько же, опять с полудня начала убывать»*[10].

Наблюдать это весьма интересно, если б не издержки на ремонт дома.

– А впрочем, – добавил Гаврила Степанович. – Нельзя не заметить: *«чем больше будет воды, тем меньше наводнение. Вот естественный парадокс! а изъяснение его просто: при глубине лед не запруживает реки…»*[11]. И потом, могу засвидетельствовать, что *наша «Томь слишком красива в ее великолепном разливе»* – ей богу, *«досадно в нескольких саженях от берега исчезать неприметною точкою»*[12].

– Вы так основательно рассуждаете обо всех предметах, – не удержался от нового комплимента Сосулин. – Положительно, приятно иметь дело с образованным, начитанным человеком[13].

Обхаживать кого-то, ходить вокруг да около Степану Егоровичу было, в общем, несвойственно, предпочитал всегда прямо говорить, что ему надо. В людях, однако, разбирался неплохо, и скорее почувствовал, чем вывел умом, что тут следует вести себя по-другому.

Батеньков, поглядывая на хозяина, только усмехался. Он давно уже понял, к чему клонит Сосулин и ждал, когда перейдут к делу.

– А что, Гаврила Степанович, скажите про катастрофу с собором, – неожиданно перевел тот разговор. – Зрелище, доложу вам, не для слабых. Вот как нынче-то строят…

О куполе громадного кафедрального собора, что обвалился и придавил несколько человек, судачил весь город. Происшествие взволновало всех, от мала до велика: кто видел здесь дурное предзнаменование, перст божий, а кто попросту, без затей, костерил, на чем свет, строителей.

Зрелище было, и впрямь, жутковатое, Батеньков видел. И ходил под его впечатлением много дней.

«У нас недавно было горестное и страшное событие, – сообщал Елагиной. – *Упал весь купол на строящемся вновь соборе, почти при самом его окончании… четыре человека лишились жизни… Каждый день многие невозбранно всходили наверх, и я часто бывал другим проводником. Епархиальный, добрый и благочестивый наш архиерей любил это здание и беспрестанно бывал на нем, обозревал и знал все части от великих до малых. Причина падения неизвестна и совсем не понятна»*[14].

Проект[15] был явно продуман – и в главном, и в мельчайших деталях, тут *«невозможно было приложить более прилежания и тщания»*. Да и местного зодчего, Деева, винить вряд ли можно: *«выбор материалов, отделка, техническая точность – все строго соблюдалось, и сомнения нимало не было…»*.

А купол, однако ж, обрушился.

Батеньков *«был в саженях двести и видел падение»*. По его мнению, выходило, что *«большие арки не выдержали тяжести и купол рушился с ними внутрь так симметрично, как по исчислению, не поколебав и не повредив стен, столбов и всех частей, бывших с ним в соприкосновении…»*. Да, жаль было *«труда и усердия, жаль и красоты»*[16].

Сосулин принялся рассуждать о здешних бездарностях, сетовать, что не на кого, мол, положиться, а Батеньков подумал о другом. Вспомнился ему бедолага, по слухам, *«довольно безнравственный»,* который уцелел после катастрофы – *«упал с самого верха купола»* и чудом не разбился. Вот уж где, точно, десница творца.

Кажется, одного такого случая достаточно, чтобы крепко, всем сердцем уверовать и раскаяться.

Или вот, другое происшествие такого же рода: убили недавно медведя, который всех *«целое лето беспокоил – солдаты и охотники убили. Страшный и дерзкий был зверь»*. А примечательно то, что *«перед смертью изломал он человека, который пошел воровать лошадей»*[17]. Конокрад остался жив… Понял ли, что это был не просто урок, а последнее предупреждение, осознал ли вину, покаялся ли за свою жадность, хитрость, ложь, корыстолюбие – вот что здесь важно.

Должно быть, не понял: *«сердце человеческое вода. Брось камень – она даст многочисленные и резкие круги. Но скоро утихнет, и не может вещество повторить явления из самого себя, собственными силами…»*[18].

Нет, человек не помышляет о себе, своей слабой мятущейся душе.

«Может быть, для того и тяжело так душе, чтоб огрубела она и легла плотнее на телесную массу, и потом согласнее с нею расположила свои теории…Как тварь, мы глубоко не самобытны и не можем себе дать полного отчета ни в делах, ни в мыслях. Все получаем или из вне чрез чувства или внутрь действием слова. Ум не может творить из ничего, а еще менее творить самого себя…».

Но опять же, *«если не верить, что чрез добро и зло душа зиждется для нового бытия, и что самые города и царства вырабатывают для него стихию… то жизнь не имеет никакого смысла. Можно еще подумать, что человек есть черта, до которой достигла и на которой остановилась природа в невозможном для нея самой себя сознании. Но если есть слово этого выражения, то и любовь божия должна быть.*

К сей-то любви и прилепляемся, к ней-то и прислушиваемся среди шумов мира. Вот и все, что нам надо. Отсюда глубокая покорность провидению. Она всякий жребий в жизни делает сносным и обязывает нелицемерно благословлять руку, которая на нас его налагает…»[19].

Уж коли явились в сей мир, надо пройти свой путь до конца – и достойно. От жизни не уйти – *«мир не башмак, с ноги не сбросишь. Куда проходит воздух, пройдет и мир, везде светское, где есть свет…»*[20].

О светских вещах и толковал между тем Сосулин, рассказывал о сокровенной мечте: задумал, оказывается, построить «в четырех верстах от города, на берегу речки Ушайки», усадьбу с церковью, *«сад с гротом и горами для катания, оранжерею с фруктовыми деревьями… цветники, огороды, службы, а в стороне различные мастерские»*[21].

Батенькову и раньше выпадало оказывать услуги по части строительства: готовил, если просили, расчеты, проверял-пересчитывал смету, но проектами не занимался давно – и даже, по правде сказать, робел об этом думать[22].

Но ежели надо… Стоит, пожалуй, попробовать – отчего бы и нет.

«Мир не башмак, с ноги не сбросишь».

XI

Белый пух летит с неба – легкий, невесомый. Ветра нет, третий день как утих, и снежные хлопья падают свободно, беспрепятственно, окутывая землю плотным покровом.

Вот так и душа отлетит к вечному чертогу – свободно, неудержимо возвысится над миром. И вся-то разница в направлении: разлучившись с телом, она устремится туда, навстречу падающему снегу, воспарит обратно к небу.

Странный образ: душа, летящая сквозь снежные хлопья…

Снег прочерчивает белыми штрихами все видимое глазу пространство за окном, как будто зачеркивает прошлую жизнь, выбеливает страницы былого. Под окном уже целый сугроб, надо взять утром лопату да откинуть, пока не намело выше.

Но… куда там, встать бы с постели.

Скрутила лихоманка, свалила с ног, который день уж мучает, бросая то в жар, то в холод. Батеньков подняться не может, а помогать себе запрещает: встану, говорит, приберу в комнате, откину снег, принесу дров.

– Не надо… я еще живой, я сам… Бог даст, вернутся силы.

Ольга Павловна готова рассердиться: где уж сам, такой хворый, и откуда столько упрямства! – а глянет в глаза, где столько мольбы и благодарности, окинет взглядом всю беспомощную фигуру, вздохнет и отойдет в сторонку. И жалко его, жалко до слез, и досадно, что не может помочь.

Но жалеть надо других, слабых духом, а он, который держится за жизнь изо всех сил, борется с недугом и побеждает, он нуждается в добром участии, а не жалости. Удивительно: в таком болезненном теле – такая крепка, могучая душа.

– Вот, – ставит на стол горшок с медом, – вам угощение. Полина Трофимовна принесла, велела кланяться.

– А-а, Полина… – больной закрыл глаза. – Не надо, зачем, нелегко ей самой[1]… Полина…

Батеньков утих, будто заснул.

Еще немного, и пора зажигать свечи: теперь смеркается рано. Только ему в свечах покуда нет надобности – ни читать, ни писать еще не может. И пусть лежит, набирается сил, авось впрямь скоро встанет, как не раз уже было – поднимется сам, без участия медиков.

У него своя медицина: молитва[2].

Поправив одеяло, Ольга Павловна неслышно удалилась, прикрыв дверь флигеля. Пусть спокойно отдыхает, пусть…

Полно, какой там покой: ужасно болит голова, ноют старые раны, особенно поврежденное в бою колено, вновь поднимается жар. Батеньков мечется, шепчет что-то неслышное, а потом впадает в забытье.

Видит себя маленьким, на коленях незрячего дедушки, который «был мастер по вечерам рассказывать сказки». Речь его льется легко и свободно, будто падает снег, ребенок внимательно слушает, но *«сон одолевает его»,* он засыпает, а проснувшись, силится вспомнить – и не может, *«и горько плачет об этом с наступлением утра»*[3].

Да только напрасно: дедушка вот он, никуда не ушел, сказка продолжается – чудесная, волшебная сказка детства, где добро побеждает зло, правда

торжествует, где доблесть и красота заслуживают поощрения, а подлость никогда, ни при каких условиях, не остается безнаказанной.

Было б так в жизни…

Нет, не гоже роптать на несправедливо устроенный мир – всему виною наше, людское несовершенство. Творец сделал мир гармоничным, подчинил его мудрым законам, всё устроил безупречно. Вот если б каждый взглянул на себя да занялся собою…

«Богу единому принадлежит любовь…она вся в боге; живое слово его и сила и в таком значении: наша жизнь, наше слово, наша сила и мудрость. В душе любовь тесна и беспокойна; в духе безбрежна и стремительна. Она сама себя выразила вседневною нашею молитвою»[4].

Благодарю тебя, всесильный творец…

Благодарю за то, что даровал мне жизнь, поддерживал ее во мне и позволил дожить до сего самого дня.

«Упование, упование! Кто мог пройти без тебя и краткий путь от колыбели до гроба; а по точным словам писания: «Упование не постыдит…».

Печалится незачем, пустое это занятие. Есть только одна причина печали: недосягаемая, по грехам нашим, благость творца. *«Бог, с которым мы разлучены и, может быть, даже по смерти нескоро, не вдруг соединимся»*[5], – вот что единственно может тревожить, взывать к скорби.

Остальное всё блажь, пустяки.

Без высшей опоры человек ничто, пыль на ветру. Но мы, к счастью, *«имеем и нравственную опору в небе…Чаяние царствия божия во всей природе, то есть действия его в ней, по понятным нам и согласным с бытием нашим законам, под верховною его волею, - все изъясняет, представляет исходный пункт и основание уму, и вводит его в обещанный покой. К труду ли обратимся, в страдании ли являем терпение, властвуем или повинуемся – все это ни в чем другом основать невозможно…»*[6].

Только покорность, только *«преданность абсолютной воле божией, действие которой по всеобъятности и порядку и есть существенный закон мира»*[7], может принести душе покой.

Больше-то и ничего…

Живой и всемогущий Бог,
Космогоническая сила,
Полнейший бытия итог,
Умом нас, словом одарила.
И неоткуда инде взяться,
Что может в мысли оказаться;
К нему и все пути ведут.
Чрез отрицанье утвержденьем.
Твердыней веры и сомненьем
Причины все не обойдут... [8].

Батеньков открыл глаза и осмотрел, будто не узнавая, комнату, *«оклеенную миленькими шпалерами по белому фону с розовыми цветами и мелкою зеленью узорно».* Подле кровати комод, рядом конторка, у окна небольшой письменный столик, два удобных кресла. *А «на стене портрет Сперанского и в маленьком объеме «Тайная вечеря». Высота покоя в пять с половиной аршин»* [9] – мера, вполне пригодная.

Не то, что там, в заточении, где прошла почти половина жизни.

Слабой рукой откидывает одеяло, и подымается, преодолевая головокруженье.

Вот здесь, у окна, за которым ничего, кроме снега, боле не существует, надобно сесть. Только он и снег, белые легкие хлопья, которым не наскучило круженье…

Ничего, слабость вздор, это пройдет, голова прояснится, мысли потекут ровно. Надо прийти в себя…

Холодно, а *«по климату холодеет и душа. В ней все как-то день ото дня пустее, бессильнее, бесцветнее».* Бывает, отогреется и расцветет, а бывает, скукожится, точно ребенок, от холода воспоминаний, хотя забытое он полагает ненужным и *«всегда рад, когда что вновь забывает»*[10].

Ну, а в самом-то деле, *«есть ли прошедшее? Математики проводят свои оси, где захотят, и в жизни то же можно делать, тем более, что совершенное забвение невозможно»,* ничто не проходит бесследно. *«По прежним чертам прошли новые, вот и все, ежели они совместились – стали яснее, ежели рознятся – дают образ, и все забытое только в мрак вступает»,* однако *«стоит обратить туда внимание – и оно осветит»*[11].

Порой, забывшись, Батеньков вдруг ощущает себя там, в сыром и жутком, как склеп, каземате. Тишина давит могильной плитой, гнетет, становится трудно дышать, мрак обступает – и во мраке готовы явиться «видения».

Темницы тишина святая
Сосредоточила мой дух.
К громам священного Синая
Покорный приучила слух.
Открыла, в чем великих сила,
И в огненном столпе учила
Источник красоты искать,
Языком моря Бога славить,
Зовет средь Иордана ставить
И тьму на землю не пускать…[12]

Десять шагов в длину и шесть в ширину…

Иногда ему бывает жаль своего заточения, своей тесной каменной могилы, где *«недоставало только беседы с другом»* и разум грозил помутиться, зато душе открывалось такое, что в обычной жизни, увы, недоступно…[13]

О днях былого заточенья
Пора настала пожалеть…
Мне б муки прежние терпеть,
Лишь только б слово откровенья,
Как в оны дни, звучало вновь,
И как тогда, вскипала кровь! [13]

Батеньков зажигает свечу, и комната наполняется трепетным светом.

Хорошо, что поднялся, преодолел свою слабость – теперь, в самом деле, полегче, недуг отступил. Ещё немного, пройдет совсем, он уверен – должен пройти.

А зима-то пройдет нескоро, она нынче лютая. *«Морозы начались вскоре после Николы, и доселе не было оттепели менее двадцати градусов»,* только в последние дни чуть отпустило: пошел снег. Эта напасть, холода, уж куда *«настойчивее и продолжительнее»* болезни: мороз *«держит под прессом»,* не дает свободно двигаться.

Но в первые годы страдал от морозов приметнее: видать, *«применился немного жить»*[15].

Впрочем, *«такая погода имеет свою величавость. Воздух густ, как бы маслянист и совершенно спокоен. Солнце в радугах; все покрыто алмазами; птицы летают низко; лица румяны; пусто и тихо».*

И в эту пору, когда всё кругом успокоилось, всё в мире утихло и ничто не предвещало беды, налетела на город корь и *«похитила многих детей.»*[16].

Всегда жаль чьей-то несбывшейся жизни: *«только что вышедшее из рук Создателя создание прозрачно еще его добротами; на него не пали еще имена земных громад и не начался в нем химизм разрушительного действия страстей. Не препятствуйте детям идти ко мне, - сказал Христос, - в них царствие божие».*

Да, это проводники любви нашей к Богу…

«Прекрасно первое состояние невинности. Но от нас уже требуется познание добра и зла, и потому окончательное совершение наше в уме. Когда эта божественная искра рассеет окружающий ее мрак, сольется воедино с волей…тогда начинается бессмертие. Свет во тьме светится, и тьма не объемлет его…»[17].

Свеча на столе почти догорела, еще чуть-чуть, и комната снова погрузится в мрак, но Батеньков этого не замечает. Он обратил свой взор глубоко в себя: думает, вспоминает, беседует мысленно с друзьями.

Душа не вполне успокоилась, но уже не болит, как прежде.

«От нищеты и упадка Духа да сохранит нас господь, – думает Батеньков, – *а жизнь наполовину с нуждами и трудом я очень люблю, лишь бы не свалиться в действительный цинизм»*[18].

Такова немудреная формула жизни, ничего другого нам не дано.

А еще избавь нас, творец, от величия и падения: *«В жизни человеческой возвышение и упадок смежны, и это самая грустная часть ея. Лучше бы судьба была более строга, но не играла крайностями. Для кого ей нужны эффекты? – Кроме человека зрителей нет, а он и без того непрестанно плачет. Может быть, резкими противоположностями восполняется краткость века, а иначе и счислить было бы нечего…».*

«Страсти и обстоятельства действуют без расчета; в них нет правды. Когда же начинает человек чувствовать ея святыню, казалось бы все прошедшее долженствовало послужить бутовым мусором для возведения в нем новаго, лучшаго здания; однако же большою частию является оно обрывком и не насытною пропастью. Выходит, что время точно течет, и уносит с собою наше счастье и надежды»[19].

Время – река, ее воды уносятся в Лету.

Время – река…

XII

В начале весны разнеслась молва о новой большой воде. Ждали ее, как незваную и страшно опасную, но неизбежную гостью, готовились к ней, как могли.

Слух был верный: здешние старухи *«как-то по тараканам рассчитали, что вода будет огромная».* Батеньков усмехался: *«Не имея никаких лучших оснований, поневоле усомнишься», что это не так, – и вместе со всеми «готовился встретить дорогую гостью».* Оно, конечно, толкуют *«чудеса и об улитках, разговаривающих через Атлантический океан»,* однако *«осторожность не помешает»*. Надо бы *«перенести хлам из подвалов на чердак»*[1].

Так, на всякий случай.

После некоторого потепления завернули морозы, народ возроптал, зато Батеньков, не переносивший весенней сырости, был доволен: такая погода для его здоровья, говорил, *«сущее благодеяние».*

Старательно одевшись, встал перед зеркалом и окинул себя взглядом, каков он *«в серой полутриковой куртке… вигоневом жилете и красных сапогах»*[2]. Потом накинул шубу, прихватил стопку журналов и вышел из дома, с удовольствием вздыхая свежий морозный воздух.

У подъезда губернаторского дома стоит будка, возле которой дежурит служивый, часовой линейного батальона. Молодое безусое лицо его освети-

лось улыбкой: подобрел, увидев Батенькова, приветливо, как давнему знакомому, кивнул головою.

Его превосходительство велел подать лучшего вина, угостил дорогой сигарой. Батеньков достал *«пальмовый мундштук, который имел привычку грызть»* в сильной задумчивости, отчего *«снабжение его этой вещью сделалось»,* по собственному выражению, *«постоянною повинностью обеих столиц»*[3].

Заговорили о предстоящем половодье и навигации, коснулись иных злободневных предметов, после чего перешли к литературе[4].

Павел Петрович, не слишком-то разбираясь в словесности, бесспорно, отдавал приоритет в этой сфере образованному гостю. Рассуждал мало, всё больше слушал и сосредоточенно, вдумчиво кивал.

Завели речь о последних произведениях Жуковского, *«животворящая поэзия которого торжествует над летами»* автора.

– *«Не приметно ничего дряхлого: стих гладок и чувство льется,* – говорил Батеньков. – *Конечно, нельзя уже требовать беспечной веселости; она долженствовала отцвести; мечты заменились опытом и игра фантазии уже не простая игра, а разумный узор зрелой мысли…»*[5].

Дальше мысль его полилась, как всегда, легко, полетела, как птица, выпущенная из клетки.

Разобрав сочинения поэта, Гаврила Степанович перешел к древнему эпосу, доказуя, что *«наша эпопея должна стать выше, ибо в древних недостает… управляющей идеи – знания Творца вселенной».* Хотя следует признать, что *«эпос древних вошел в текущую жизнь: мы окружены чудесами, и сколько богаты мыслями, чувством, знанием причины, понятиями… воображением лучшаго мира», столько же лишены благодарности к единому сущему Творцу: уже «сами населяем Олимп»*[6].

Губернатор, один из жителей пресловутого Олимпа, вознамерился, было, что-то сказать, но Батеньков, не замечая его порыва, горячо продолжал:

– *«Поэзия теперь окована схоластическими и мифологическими формами: она в куколке, труп минувших веков еще неубран, свет слабо сияет в необъятном и неисследованном пространстве».* И все *же «настанет день, Давид возьмет перевес над Гомером, а вдохновение, проистекая из прямого его истока, разольется в обилии, и конечно, уже не истощится».*

– *«Без Бога,* – заключил, – *какая ж поэзия? без Бога мир наш - мир без природы, простой отточенный шар».*

– И оттого поэзия бессмертна, как добродетельная душа, – продолжил мысль Павел Петрович.

– Вне всякого сомнения. *«Когда душа наша расстанется с телом, большая часть ныне важных предметов многозаботливаго нашего ума потеряет свое значение; но поэзия и в новый момент ума не прекратится. Как младенцы новаго мира, мы будем иметь в ней нужду, она должна быть*

языком нашим и мышлением…». А что до меня, так я, положительно, *«живу одною поэзиею, через нее и гоню старость, недуги и печали…»*[7].

Если б губернатор знал, что и Батеньков имеет обыкновение *«бывать иногда стихотворцем»,* непременно упросил бы почитать что-то свое. Но ведали об его стихосложении только Лучшевы, а они, оправдывая фамилию, умели хранить секреты лучше всех.

– *«Скудна теперь литература,* – рассуждал Гаврила Степанович. – *Она, по свойству времени, всеми юными силами занималась переработкою фраз и терминов сообразно с состоянием наук и понятий, но крепко отстала в изяществе, пестра и не окончена. Часто доводится читать сущий вздор»*[8].

– Что, по-вашему, скудна и западная литература? – подал голос хозяин дома.

– *«Письменность Европы развита была быстрее нашей, и исключения совершались в их же стихии, она основана была на глубоком историческом чувстве и наследственном развитии ума, и потому не подлежала никакому категорическому разделению. Россия усвояла ее себе целою и одинаковою, из какого бы века не взимала. Так и было почти до истечения первой четверти нынешнего столетия. Между тем время и громадные события оплодотворили новые поля…».*

Шурша платьем, вошла Анна Ивановна, супруга его превосходительства. Постояла, послушала, затем достала из шкафа какую-то книгу и столь же тихо удалилась.

– В наше время, – убежденно вещал Батеньков, – *«наука всецело слилась с изящною литературою, а поелику она, наука, обработана была не у нас… то в нашем языке по необходимости появилось множество иноземных слов и таких оборотов, которые назвать можно и классицизмами, и неруссицизмами. Через это много выиграл ум, но вкус приоставлен, ибо непосредственно природа его еще не совершила, а социальные глубины иссякли. Это не просто разделение и школы, а наступление нового цикла…»*[9].

К науке, коя *«всецело слилась с литературой»,* Павел Петрович имел, надо сказать, прямое отношение, занимался ею основательно, потому оживился и сделал тут некоторые весьма дельные замечания...

А за окном уж по-весеннему звонко щебетали птицы, и солнце, накопив за зиму драгоценное тепло, начало скудно пока, по крохам, но явственно отдавать его людям. Хотелось распахнуть настежь окно, впустить свежий воздух и робкие еще солнечные лучи.

Получив свежую порцию столичных изданий, гость взялся откланиваться.

– Ну, что вы так рано, – увещевал губернатор. – Вот даже и вино не распробовали.

– Что вино, когда на пороге весна, – тут без вина голова идет кругом, – полушутливо сказал Батеньков, направляясь к выходу.

Город, по случаю воскресного дня, вовсю гомонил: кричали мальчишки, голосили лотошники, переругивались во дворах вконец ошалелые псы. Даже снег под ногами скрипел, казалось, громче обычного, будто старательно выговаривал: «Скоро весна…».

Да, скоро весна, и *«зеленые ковры за городом»* будут *«выложены для просушки, а деревья окажутся наскоро подмалеванными под окраску»*. И величавая Томь, *«сняв с себя довольно смирно ледяной покров и войдя в обычные берега»,* вздумает *«подражать своим сестрам, текущим по илу… произведет сущий потоп и не захочет уступать своей горной натуре»* больше недели[10]. Словом, выйдет всё по-весеннему ладно…

Край пробуждается, стряхивает дремоту.

«Богата и прекрасна наша Сибирь, – думает Батеньков, – *ежели забыв расстояние, смотреть на нее вообще; пустынна и далека, если окинуть взором всякое место».* Жаль только, что *«все великие здешние реки текут в вечный лед и страна не может иметь удобного и быстрого сообщения с остальным миром. Но кто знает! В тысячелетие не растает ли и море от огненного дыхания сгущенной цивилизации...»*[11].

Кто хоть единожды перешагнул Урал и полюбил сей край, к тому *«тотчас и прильнет название сибиряка надолго, на всю жизнь, хоть уезжай за море. Может быть, это и есть общее свойство пустыни,* – размышлял он, ступая домой. – *Но я здесь родился и окреп: все кажется около меня новым и все воспоминания уснули или преобразовались; однако же основание чувства не изменилось. Великая, широкая и грозная здешняя природа поглощает все особенности и, имея явное свойство первозданного покоя, являет в нем отличительную черту от прочих стран. Мы не в Европе, даже не в России; но никогда не было мысли, что составляем ея колонию, хотя этнографически это неоспоримо…»*[12].

И вновь припомнилось тобольское детство, и первые впечатления от загородных прогулок, казавшихся необыкновенным путешествием. И восторг от *«соединения с природою»,* который *«разбил затверделость эстетического чувства»* и открыл живописную красоту тех мест.

В дальних прогулках за городом его *«любимым товарищем сделался молодой живописец»,* вроде бы *«ученик одного какого-то… мастера, имевшего в городе известность и надолго пережившего ее в произведениях. Он принадлежал вышедшей от Строгановых школе, отделившейся от суздальской… очевидно обруселой европейского происхождения, и по слабости научной мало правильной, но более естественной»*[13].

Вот взять бы сейчас краски да кисть и, взобравшись на гору, отколь начинался Томск, изобразить пробуждающийся от зимнего сна город: дымок над крышами домов, где готовят воскресный обед, всю эту уличную суету и радостное ожидание тепла.

Да где уж там изобразить…

А все же *«прекрасна наша Сибирь незыблемым покоем и отдалением ото всех возможных бурь. Она довольно сильна, чтоб представить непрерывное население*[14]*; но нигде и никогда не был громом ее голос… Исполняя десять заповедей катехезиса, мы удовлетворяем всему, чего честь требует, и в пределах живущего теперь поколения, досель верного преданию, здесь точно ничего не случится. Правда, предание нежно, оно изменяется от всякого напряжения. Пусть тихий небесный свет прямо на него и сияет: тогда только оно оплодотворится»*[15].

Свет нужен Сибири, сие неоспоримо…[16]

Между тем *«денежный кризис… продолжается, становятся приметны его свойства. Во-первых, он разногласит с принятыми сроками в кассах и в виде истощения обнажает несвоевременно обыкновенные отливы на дело. От этого колеблется кредит и заемные премии выходят из естественных границ, слагаясь из страхования и прибыли. Во-вторых, быстро понизив потребление и цены, затруднил движение капиталов и труда. В третьих, в местном отдалении от централизации сил парализовал возможность пособия, а нравственное нужд и причин их выражение обременил сомнением в правде»*[17].

Деньги преображают край, деньги замедляют его развитие.

«Деньги, этот не исследованный доселе бассейн движущих сил, реальная математика, рациональное простейшее выражение чисел, требуемое всюду, где человеческая мысль имеет потребность в числе… Деньги успевают описать многие орбиты, произвести пучины, поднять материки, насорить осадки и обвалить в пропасти первобытные материки. Если б человек успел понять год – могущественно поумнел бы он, положив основание великому порядку»[18].

Батеньков идет, полон дум, и не замечает уже ни уличного гомона, ни радостного оживления горожан.

Было время, его волновал лишь собственный мир, движения истомившейся по свету души. Ну, а теперь близко всё, что кругом: право, *«не хочется отяжелять в стариковских привычках»,* – потому *«стал следить по возможности за всяким движением мысли и чувства в новых областях времени»*[19].

А время вершит свой путь неумолимо и бесстрастно, весна, как прежде, вступает в свои права и солнце согревает землю, как определено от начала веков.

Вот солнце. Вкруг него вертится
Миров несчетное число,
И каждый вдаль уплыть стремится,
Но сколько тысяч лет прошло,
Как царь сей царством управляет,
В нем каждый мир путь точный знает,

Пути не пресечет другим, -
В горниле солнце остается,
Всем свет, всем жизнь из солнца льется,
И тем необходимо им…[20]

Время вершит свой путь…

XIII

Хорошо поутру отправляться в дорогу. Тихо кругом, спокойно, мир еще спит, только птицы гомонят оживленно в округе. И утренняя свежесть бодрит, проясняет мысли, наполняет тело неведомой силой.

Мерно покачиваясь в бричке, Батеньков едет за город.

Хозяйская лошадь знает дорогу, можно не править – отпускай поводья да кати в свое удовольствие, доставит по назначению. Сиди и любуйся окрестной природой, смотри по сторонам, наблюдай и думай. Хорошо…

Дорога укатана, почти без колдобин, в сухую погоду ехать по ней крайне приятно. А того приятнее видеть эти красоты – густой хвойный лес, уходящий в далекую даль, цветущий луг у реки, и саму быстротечную речку, поросшую по берегам ивняком. Кажется, обойти кругом землю, исходи тысячи верст – не найдешь ничего краше.

Тут, в стороне, есть места, где растут дикие розы. В пору цветения Батеньков отправлялся за ними пешком, рвал пышный букет – поднести Ольге Павловне, да заодно собирал лепестки для «домашнего употребления»: варенье получалось из оных отменное[1].

Теперь другое занимает мысли. Думает об усадебных постройках на левом берегу Ушайки, гадает, справились давеча плотники с замысловатою башенкой[2] или нет, прикидывает, хватит ли материала на эту неделю. Заботы, положим, не новые, но, по обширности стройки, весьма утомительные.

Топоры здесь стучат с утра до ночи, дела идут нескончаемо: торопит Степан Егорович, тормошит – хочет въехать в усадьбу как можно скорей, но сам, в деловой маете, тут бывает не часто. Возложил управление работами на Батенькова: вы, сказал, всё это измыслили, начертили, продумали – вам, сударь вы мой, возводить.

На поляне, где складывали бревна, бричка остановилась. Привязав лошадь к дереву, Гаврила Степанович пошел быстрым шагом к постройке, силясь разглядеть из-за сосен, поставлена ль башенка. Да, напрасно тревожился – вот она, высится над крышею, вонзает в небо заостренный свой шпиль. И флюгер, молодцы, успели поставить….

Работы ведутся в двух-трех местах, стены растут будто сами собою, повинуясь одной только воле седого, озабоченного архитектора. Здесь, у реки, стоит загородный дом, просторный резной теремок с затейливыми украше-

ниями[3], рядом двухэтажный амбар, а там, чуть подальше, хозяйственные помещения для будущих производств[4].

И деревянная церковь строгого вида с шестиугольными окошками[5] – ее, по просьбе Батенькова, возвели первой. В дни крестного хода, когда из села Спасского несут в город *«образ Спасителя»*[6], неподалеку, у каменной церкви, проходит гулянье. Возникают тут лавки, столы, на столах появляются вкусные блюда – веселится народ, отдыхает[7]. Отчего ж не веселиться, когда праздник…

Осмотрев с разных сторон усадьбу, налюбовавшись ее видом, Батеньков входит внутрь. Неспешно обходит покои, трогает стены – хороша ли побелка, водит рукой по оконным проемам[8] и, довольный, идет дальше. Гулкое эхо вторит шагам, полы даже не скрипнут – уложили, как надо[9]. А как же, старались…

Вышел на крыльцо, обошел весь двор, нахмурился: ну, говорил ведь, не надо бросать годные в работу отходы, учил подбирать и пускать в дело любую дощечку.

«Внушал, что строительные материалы – такой же дар божий, как и хлеб, – и если считается за грех бросать под ноги кусок и даже крошку, для которых зерно ежегодно произрастает, то не надобно ли усилить еще чувство благоговения и благодарности к творцу, когда потребляешь лес, во многие десятилетия им взлелеянный, лишение которого, особливо здесь, угрожает бедствием, худшим голода»[10].

Но возмущение, вспыхнув, быстро угасло: уж больно хорош получается дом, – значит, имеют-то смысл хлопоты, не напрасно старание, приложенное, чтоб оставить после себя деревянное, в кружевах, чудо.

Завидна доля строителя: если, упаси боже, не подберется огонь, простоит усадьба лет сто, даже больше[11]. Люди будут смотреть, любоваться, а вспомнят создателей, нет – так ли уж важно. *«Нравственные силы добродетели далеко существеннее и обязательного золотого блеска»*[12], и всего сотворенного человеческими руками. Стало быть, больше пристало трудиться над собою[13]…

Батеньков идет к плотникам, приступившим к работе, чтоб перемолвиться словом: долго беседовать нечего, да и некогда, время не ждет. Потом вновь обходит постройки, смотрит придирчиво, как оценивал бы сам хозяин, строящий для себя. С удовольствием вдыхает настоянный на хвое сосновый воздух, окидывает взглядом замечательные окрестные виды: как хорошо-то здесь, как тут чудесно! Самому б поселиться…

Однако же возраст не дает о себе забывать: почувствовав слабость, ступает в плотничий домик и ложится там на полати, сбитые из плах: *«как бы то ни было, но слабость уж такова, что заставляет лежать три четверти суток». Хотя в этакие лета «лучшего и ожидать нечего»*[14].

Наваливается тут же дремота, коей мерный стук топоров совсем не мешает. Ничего, отдохнуть полчаса – это можно, ничего…

И он забывается легким, как в детстве, спокойным сном.

Снится ему давний *«поход на французов»,* фронтовые товарищи – и с ними покойный Алексей Андреич, добрый любезный друг. Мертвые часто приходят во сне, ведь *«мы обязаны, живые, не потушать наших к ним чувств, особенно в то время, когда люди слишком уже как-то оземленели»*[15], удалились от Неба…

А небеса, с утра ясные, меж тем потемнели: быть нынче грозе, не иначе.

Проснувшись, Гаврила Степанович, наскоро собирается, едет домой. Гроза что, гроза пустяки: сверни куда под навес, вот и не вымокнешь. Батеньков любит сие *«величавое воздушное торжество»,* когда *«за городом, среди гор и лесов, при блеске молнии»* преображается совершенно природа. И чувствует себя *«в силах срисовать явление»* и передать рисунок в письме *«милой сестре»,* как когда-то, за неимением карандаша и бумаги, делал пейзаж мысленно, силою воображения.

Но выходило не то: *«воображение и воспоминание недостаточно художеству, когда природа молчит или другое представляет»*[16] – скажем, краешек неба в зарешетчатом окошке…

К прошлому, впрочем, обращается реже[17], живет больше настоящим. Получает и отсылает письма, кого-то встречает, потом провожает[18], хлопочет по дому, где стал, по необходимости, хозяином да ведет нескончаемое, уже кажется, строительство.

Пишет многим[19], а чаще, конечно же, *«доброй сестре».*

Сообщал намедни Авдотье Петровне, как *«ездил на завод в телеге одетый в армяк – чисто по-сельски и прямо с своей пашни. Обратно губернаторша с своими гостями,* – писал, – *усадила меня на огромную линейку и проводила сюда. Долго бы мы просидели за чаем и пробегали по лугу, но приближение громовой тучи нас разлучило. Несмотря на вседневные дожди и громы, лето у нас жаркое, и я купался в один день трижды: два раза в Ушайке и раз в Басандайке…»*[20].

Авдотья Петровна *«рисуется в письмах больною и усталою»*[21]. Оказаться бы рядом, утешить, поговорить по душам, как только и можно с близким, понимающим и любящим тебя человеком…

«Великодушная сестра, – думает Батеньков, – *вечно я в худых перед тобою: вечно ты недовольно щадишь меня и будто целые веки уже не пишешь. Насилу распознал я, что это-то и называется самолюбием. Ох, какое оно кислое и беспокойное! Боже упаси, ежели оно в человеке господствует и тянется с ним в чести, славе, любви, беде и силе. Ведь не шутя мы имеем внутренние нервы… отправления которых совсем не в нашей воле. Иные из них восхищают тонкую умную субстанцию, другие дистиллируют низкую, страстную…».* А все же *«чудно, что телесные нервы всего далее от воли, как противный ее полюс…»*[22]

Портрет Авдотьи Петровны «красуется» в доме Лучшевых. И все, кто увидят ее милый облик, *«любуются им: кажется, добрее лица не произвела природа»*[23].

Не тщетно мы слились сердцами:
Перст божий узел сей вязал
И тот же жар к добру меж нами
В единокровие создал.
Покойна будь в душе прекрасной!
Нам упованье не напрасно:
Отец наш не оставит нас.
Богат он в милостях и силе
И сторожем к святой могиле
Приставил воскресенья час… [24]

Добрая сестра… Право же, *«есть внутри нас и невозмутимая красота, а что всего надежнее, Бог в нас и с нами».* Он во всем, что окружает нас, ведь *«бог – это пространство, не менее человеколюбивое, истинный источник чувства и мысли, освящающий и просвещающий душу, покоящий ее и возвышающий, не оставляющий до смерти…».*

Ведь *«что самая воля наша? Она была бы простым бескачественным движением и рутинною привычкою, если б не привлекала в себе и слово, силу, значение и суд из божия бытия…».* Согласись, сестра, что *«никогда человек не отрицался и не может отречься своего небесного происхождения и непрестанной зависимости от причины, но беспрестанно и затемняет это благородное сознание земными страстями и, единожды возгордясь дарами, считает унизительным признавать себя созданием»*[25].

«Однако же оглядываюсь и вижу, – продолжает он думать, – что *«бог у всех на языке, но едва ли веруют его бытию; иначе старались бы узнать его волю и его правду».* Впрочем, *«независимо от этого все же он один действует, один связует звенья рождающихся и вымирающих, и возбуждает вседневно спящий мир к утреннему бодрствованию…».*

Мир – вот он, кругом: величественный и прекрасный. Высокие, до неба сосны, березовый пролесок, где щебечут звонкие птахи, луговые пахучие травы. А что есть природа, как не *«наведенный дух божий»?*

«Беден обточенный шар» без Бога, *«мертв и не изящен без этого духа. Бронзовую вещицу произвел ум, а цветок – бессмысленная природа».* А мы, неразумные, *«не можем понять, что Бог не меньше Солнца, и это оттого, что все чертим и вертим, и не можем дух измерять трубочками и толочь <в ступе>. Чего нельзя притащить в Академию, то, конечно, уже и не существует. Если б самую маленькую дозу богопознания приняла жизнь, мысль и наука, они бы вышли на широту и прямо направились бы к лучшему; а не имея светильника, громадны только и многотрудны…»*[26].

А дорога стелется, вьется средь чудной, наделенной божественным духом красы, и так хорошо, так привольно на этом просторе, что замирает в восторге душа. Кажется, ехал бы, неважно куда, по этой вот пыльной дороге до конца своих дней, уютно качаясь в бричке, и размышлял о себе, думал и мире и людях.

И об общем благе, кое *«требует, чтоб все человеческие силы, далеко еще не соразмеренные с силами вещественной природы, при всем их разнообразии стремились к соединению и направлялись к общему средоточию, прекрасно указанному в Евангелии под именем царства божия и вечной его правды.*

По мере удаления от этого пути растут наши бедствия, и одному провидению известен исход их…»[27].

XIV

Сибирская «окольная» почта принесла два листочка от Штейнгеля[1], исписанные узнаваемым, ровным его почерком.

«Две беседы твои, любезнейший брат-друг, передо мною, несколько раз прочитанные, перечувствованные, – писал Владимир Иванович. – *Октябрь был так тяжел, физически и нравственно, что несколько раз, принимаясь сказать что-нибудь, уничтожал начатое. Но надо же; не знаю, настоящая отповедь доведется ли до конца. Увидим».*

Батеньков оторвался от письма. Вот как, оказывается: не он один, бывает, в каком-то порыве безжалостно рвет написанное[2]…

«Всякое твое слово – бальзам для моего сердца; чистая твоя душа, пламенное твое участие видны, как отблеск луча… Но если ты поставлен между желанием, как бы оно не было сильно, пособлять мне и невозможностью, всегда полномочною, удовлетворить ему, то без всяких «отчетов» уступи последней, с полною уверенностью, что тень сомнения не падет на мысль мою»[3].

Ах, святая старая дружба…

Многим хотелось помочь, всё свое бы отдал друзьям[4], когда б имел, что отдать. Так ведь и доброе слово, вовремя сказанное, и утешение окажут поддержку, если исходят от сердца.

Жизнь в изгнании, сетует Штейнгель, тяготит чрезвычайно. Замечание, увы, справедливое: *«оставаться сфинксом в пустыне, право, не лестно, хотя бы какие-нибудь бедуины и огребали наносимый ветром песок, и странник по временам дарил бы любопытным взглядом»*[5].

Но у Батенькова, по крайнему разумению, есть то, чего лишен его названный брат: приятное и в то же время большое, нескончаемое дело. Дни

напролет проводит за городом, устраивает свое новое гнездо на дарованной земле[6] – строит и ладит, выкорчевывает и сажает, почитай, непрерывно.

«Дачная жизнь» обрела иные устои, получила прочный фундамент: на нем возведен Соломенный хутор[7]. *«Сажень за сто»* от того места – усадьба Сосулиных, им же построенная, всего *«несколько шагов… до их пчельника, а из него прямо в сад»* добрых *«соседей по земле»...*

У Бестужева[8], видно из писем, тоже есть дело, но такое, что увлечься им он не способен. *«Одни материальные заботы о поддержании жизненного процесса еще занимают нас, – сетует, – но и это занятие вялое, с ноги на ногу, ступою бредучею!.. »*[9].

Зато сохранил бойкость в суждениях и свежесть мысли.

«Вижу, тебе понравилось мое желание сообщаться не одним здравствуй и прощай, – сообщает Николай Александрович. – *В ответ на это ты высказываешь свои задушевные думы и, несмотря на короткость и оригинальность твоих объяснений, я радуюсь, что зацепил тебя и могу кое-чем поживиться. Ты наводишь на меня такие идеи, которые никогда мне в голову не приходили; а если приходили, то я не принимал труда обдумать их и углубиться в самого себя. Но, во всяком случае, я не смею возвышаться до истин метафизических, мои орудия мышления для этого слабы…»*[10].

Ну, что тут скажешь…

Батеньков хмыкает: ох, и лукав селенгинский художник[11]. Это ему-то чужды метафизические истины – ему, с которым строили *«вольное братство»*[12].

Теперь суждено строить другое. Но как в молодости галиматейная философия спасала ранимую душу, так и сейчас, на склоне лет, «соломенная» крепость не хуже настоящей защищает от безумного мира…

Оторвавшись от письма, Гаврила Степанович дает волю уставшим глазам. И с большим удовольствием, в который раз, оглядывает новое жилище. Смотрит в стенное зеркало, как восседает *«на больших сафьяновых креслах пред желтым заводским… сукном, с пятью выдвижными ящиками, столом…»*

«Направо стоит коробка с бумагами, налево разбросанные книги и газеты, русские, немецкие, французские, а иногда и польские. У задней стены в углу комод, возле него шкап с платьем, а к обеим боковым стенам шкапы же с книгами и покрытая канфовым голубым одеялом кровать…»[13].

Что ж, у нас не столица, однако и на скудные средства можем сделать уют, создать *«праздничный вид».* Если не впадать в апатию да трудиться, не покладая рук, дикое сие место преобразится неузнаваемо. Работы здесь столько, что, точно, хватит до конца дней. Земля властно притягивает, манит – и щедро одаривает за усердие, хотя… откровенно сказать, и не думал, что простой крестьянский труд будет в радость[14].

«Миниатюрное» свое хозяйство он подробно описывает Авдотье Петровне. Сообщает, что *«первый опыт озимого хлеба удался вполне; сжали ко-*

лосья полные и обильные. При всходе, казалось, заглушат его дикие сорные травы, но он, как истинный русский, победоносно одолел всех своих соперников, так что и васильков не видно в снопах».

Зато *«яровой много потерпел от <августовских> морозов, опустошивших огороды…Сено уродилось прекрасно, но всё собрать не успели, потому что каждый день бывает дождь… Жаль продукта, а о выгодах тут думать нечего, какие могут быть выгоды… Это делается только для занятия и успокоения своей совести, что не живешь дармоедом, а вымаливаешь кое-что от земли».* Ибо *«всегда дешевле привозной хлеб…»*[15]

Да-а вот, сподобился выстроить к старости пусть и «соломенный», а все же дворец. *«Дикое во время… приезда сюда и приступное одним охотникам болотистое место составляет теперь»* постоянное его жилище.

«Из окон дома... видна вблизи рисующаяся выпуклою дугою речка Ушайка с миниатюрными островками, потопленными весною и потому заросшими одною вербою… Правый берег образуют вогнутою дугою поросшие лесом горы, на левом берегу, через небольшой двор, плетется березовый частокол, обымающий в виде прямоугольника» его огород, «испещренный посреди зелени обыкновенных овощей цветущим маком, подсолнечниками и оставленным на семена салатом.

Речка быстра, течет по… каменистому дну, местами журчит на переборах, а ниже, против городской каменоломни, образует шумный порог. Ландшафт не обширен, но довольно приятен…

С юго-западной стороны дома горы отходят далее и образуют опять красивый мыс, не закрывающий дороги в город, которая видна на большое расстояние. Перед окнами с этой стороны огорожено место и сделаны на нем дорожки для цветника, а против середины тянется вновь сделанная прямая дорога… Тут рисуется во всей красоте течение реки и монументальный очерк Толстого мыса. С горы же вид обширный до самого города. Эту дорогу, – пишет Батеньков, – *и сделал я для местоположения, хотя и есть другая, более удобная...»*[16].

Здесь, в Соломенном хуторе, Гаврила Степанович любит принимать гостей – кого тут только не бывало. Последним гостил Якушкин[17], и как все, остался доволен, – писал после, что *«вспоминает с удовольствием свое пребывание в Томске»* и Соломенном дворце, *«который ни ветер, ни воды быстротечны не сокрушат»*, поскольку *«построен не на песке»*[18].

Ну, а теперь Батеньков ждет Феликса Толля[19], коего приютили, по его просьбе, «лучшие из лучших» хозяев: тот обещал навестить во «дворце» и сделать осмотр свежих посадок, хотя в сельском хозяйстве, по собственному признанию, мало что смыслит.

Напившись чаю, выйдут во двор, пройдутся по саду и, по обыкновению, примутся спорить.

Толль, небольшого роста, *«с огромною головою на бычачьей шее и на широких плечах, с огромным мыслящим лбом, уродливым носом, с толсты-*

ми мясоедными губами, с руками длиннее сажени», умен и начитан. Выражение лица у него доброе, и *«улыбка в высшей степени привлекательная, улыбка такая, против которой устоять невозможно. Его любят дети, которых он обожает»*[20], а уж они чувствуют хорошего человека лучше всякого взрослого.

И не мудрено: лучшего учителя русской словесности, как этот немец, и лучшего педагога не сыскать во всей России. Толль и на поселении жил, по преимуществу, частными уроками. Писал воспоминания, много читал, пользуясь библиотекою Батенькова. Душевный покой после каторги, однако, не обрел: из-за пустяков терял самообладание, горячился[21].

И все же общаться с ним было истинным удовольствием. Разговаривали о литературе и науке, о жизни края и будущем громадной империи, но всякий разговор, о чем бы ни заходил, неизменно клонился в сторону веры и разума.

– Вот вы восторгаетесь силою разума, – говорил Батеньков. – Конечно, *«ум показывает, что есть к нему много путей, и они должны сходиться, потому что все ведут к нему… Разуму надобно верить», как «верим мы слуху и зрению»*[22], но это лишь инструмент для познания мира и себя, а само познание имеет особую, высшую цель.

– Верить разуму – это вы хорошо заметили, – пряча усмешку, отвечал Толль.

– Познание, – продолжал Батеньков, – таково, что *«деятельный ум непременно впадет в скептицизм, а ум слабый обымется суеверным страхом…»*[23].

– Ну, отчего же непременно в скептицизм, – возражал Толль, который твердо придерживался своей линии[24].

И разгорался спор, где каждый, не в силах убедить другого, как после жаркой баталии, отходил затем на исходные позиции. Толль высоко ставил разум и решительно не признавал богоискательства – Батеньков, не умаляя значение разума, *«этого алмазного камня нашего духа»,* доверял больше чувству, *«искреннему чувству»,* кое *«крепнет в препятствиях и даже в самой вине»*[25].

Глубокое уважение, которое Толль питал к обитателю «Соломенного», заставляло сворачивать спор, да и Батеньков не навязывал взглядов, старался обходить острые темы стороною. Поговорив, увлекал гостя опять-таки в сад, показывал свои достижения.

«С городом теперь расстался, – говорил, – *являюсь там единственно ко всенощной… Но и здесь не дают покоя»: что ни день, новые гости, - «молодая зелень и цветы всех прельщают, а за город всего ближе и беззаботнее – ко мне. Прекрасно это для прославления Соломенного, но мне и отдых нужен, да и самое время, чтобы чем-нибудь заняться…»*[26].

Вот тут, осторожнее, – предупреждал гостя, – не испачкайтесь: дом, знаете ли, требует беспрерывной возни. *«Я закупорился в одной избной ком-*

нате, прочие штукатурят…». А что, сударь мой, делать? *«У нас все дворцы, главное, должны быть зимние, не выключая и соломенных…»*[27]

Тут раздавалось ворчание, и появлялась пред ними скрюченная неприветливая особа в цветастом переднике:

– Всё-то надо таскаться, и чего таскаться… ой, я не знаю. Сама насилу хожу, да за тобой-то, знай, прибирай.

Старая немка, которая одна составляет прислугу «дворца», при всей небывалой ворчливости, *«исполнена ревности и нетерпимости; не может переносить, чтоб служил»* тут кто-то, кроме нее, и так аккуратна, что возмущается самомалейшею новизною, особливо же появлением» гостей, – что всем, конечно, известно.

– Не обращайте внимания, – шептал в таких случаях Батеньков. И добавлял с улыбкою: – Похоже, *«она старается привести меня в то положение, в котором я находился двадцать лет»:* туда не ходи, здесь не топчи.

Упоминание о каземате здесь, в лесной вольной обстановке, резало слух: не существовало, кажется, на свете ничего столь противоположного, как сырая мрачная темница и наполненный светом да благоухающими цветами «Соломенный»[28].

И Толль, имевший случай убедиться[29], придерживался того же мнения.

XV

Деньги, деньги… Только и разговоров всюду, что о деньгах да о кризисе[1]. Кто-то разорился, кто-то окреп – так, положим, было всегда, только сейчас, по особому состоянию финансовых дел, смена декораций происходит быстрее. Как у бродячих актеров, что выступали давеча в городе[2].

Одни денежные источники пересыхают, другие начинают бить ключом, а вот правительственный, при всяком раскладе, остается неизменным: что б там ни случилось, а положенное казенное «подаяние» прибудет вовремя[3]. Не было, кажется, случая, чтоб запоздало…

И доставляет его обычно сам господин полицмейстер, любезный Василий Михайлович, коего Толль, навидавшись иных стражей порядка, без устали хвалит[4].

– Вам от казны прибавок, – говорит, входя во «дворец», Любимов. – Вот, извольте-ка получить.

Какой там прибавок – так, жалкое пособие, но при нынешнем кризисе, когда, потеряв миллионы[5], люди научились дорожить каждой копейкой, и это деньги.

Василий Михайлович усаживается к столу пить чай – чаевничать любит и делает это, как заведено у сибиряков, степенно, обстоятельно, будто справляет важное дело.

Прихлебывая из блюдца, сообщает городские новости, которые Батенькову без того хорошо известны. Говорит, что *«Иван Дмитриевич улетел на Неву; губернатор на заводы; сам архиерей в ту же сторону, по епархии»,* и что-де *«один Философ Александрович остается на поглядочку…. Переселились с завода Поклевские, возвратились из Вологды Коноваловы; любовь Еремеева одолела все преграды, и он женится на красавице Клеванской»,* а небезызвестный *«Дмитрий Гаврилович также просватал свою дочь за майора Катина»,* и значит, *«нам предстоят пиры или, по крайней мере, бесчисленные толки…»*[6].

Гаврила Степанович слушает, кивая головой, откликается редко, как бы нехотя.

Зная о *«запутанных»* делах Лучшевых[7], гость деликатно обходит беседу о доме стороной, и Батеньков вновь, в который раз отмечает в нем эту, несвойственную представителям власти, черту.

– Да что я всё о знакомых – расскажите-ка о себе, – просит Любимов. – Прошло ли недомогание, как, вообще, самочувствие…

На седьмом десятке хорошего самочувствия быть и не может. Да после стольких фронтовых ран и двадцати лет заключения – какое уж тут здоровье[8].

– Спасибо, – отвечает хозяин «Соломенного, – теперь, благодаря богу, *«здоров, но довольно расслаблен тяжестию атмосферы и головою и всеми суставами. Даже все книги кажутся туманными, и память страшится всякой встречи с невытверженным прежде словом…»*[9].

– Так обратитесь же к докторам.

– О нет*, «к этому искусству не прибегаю»,* – смеется Батеньков. – *«Мне лучшим целебным средством служит веселый юмор, беззаботность, а чаще всего тихое уединение»*[10], которому и намерен предаваться впредь.

– Да уж предаваться уединению теперь, полагаю, сложнее[11], – замечает гость.

Спору нет – сложнее, тут любезный Василий Михайлович прав.

С некоторых пор Батеньков почти *«вовсе бросил город и переселился всем составом на Соломенный»* хутор: *«мажет его, красит, обклеивает»,* чтоб, *«закупорясь герметически, дополнять свою слепоту и глухоту и, свернувшись в куколку, подвергнуть опыту человеческую организацию, не подлежит ли она метаморфозе из червячка в мотылек»*[12] – и наоборот.

«Живу в двух домах, – сообщал Елагиной, – *в городе и за городом, и как ни люблю последний, отделанный теперь уютно и красиво, но поневоле более в первом…»*[13].

За окном слышится квохтанье, где-то в стороне, в коровнике, гремит ведрами прислуга – видать, пришло время дойки. Сельская идиллия, да и только.

– А что, не осмотреть ли хозяйство? – говорит, будто в раздумье, правитель «Соломенного». – Вы, кажется, и половины не видели.

Любимов поднимается во весь молодецкий свой рост, поправляет мундир и следом, таким же привычным жестом, трогает густые усы. В самом деле, отчего ж не пройтись – это можно.

Хозяйство и впрямь заслуживает похвалы: всюду порядок, чистота, какая-то не свойственная здешним усадьбам системность. Кусты пострижены, дорожки меж грядок прямые и ровные, дрова аккуратно сложены, каждая вещь на своем, отведенном ей месте. Будто не сибирское подворье, а часть упорядоченного европейского хозяйства.

И такая во всем благодать, такая, поистине, умиротворенность – не верится, что где-то гремит война, рвутся снаряды и гибнут в мучениях люди, проклиная судьбу, врагов и жестокий мир. Наверное, бравая фигура полицмейстера, чужеродная на фоне мирного пейзажа, навевает подобные мысли: Василий Михайлович топчется неуклюже на узких садовых дорожках, как тяжелое орудие, кое спешно разворачивают к противнику.

Война страшна, война уродлива, а эта, которая в Крыму, еще и бездарна. Чем всё кончится[14]…

Невольно память обращается к молодости: встают пред глазами баталии, в которых участвовал, бился с врагом, стрелял из орудий и падал, раненый на землю, и вновь, залечив раны, летел на врага[15]. То было лихое, победоносное время, и правда была на стороне войск, с которыми двигался Батеньков, ведь им покровительствовало Небо, а теперь[16]…

Право же, *«пусть Европа киснет и бродит для нового продукта, она к тому и готовилась. Наше русское место – не теряя с нею полного соприкосновения, питаться ее соками, всеми без исключения»,* и преследовать при этом свои интересы, чтоб *«сгущаясь в каменную опару будущего, послужить потом новому движению жизни»*[17].

Я русский. Гордо бьется грудь
При имени Россия…[18]

Только б закончить проклятую эту *«Троянскую войну»*[19], где гибнут изо дня в день люди…

Василий Михайлович между тем, договаривая томские вести, завел разговор об одном общем знакомом, который прошел когда-то невредимым войну, а сейчас, по неосторожности слуги, чуть было не погиб от случайного выстрела. *«Вчера привезен»* в больницу и *«страдает теперь от перевязок и вырезок дроби»*[20], надо б навестить.

– Судьба, – глубокомысленно заключает Любимов.

– Да, – соглашается Батеньков, - кому суждено умереть от оружия, а кому от другого.

Смерть всегда ходит рядом, поблизости, и держит наготове убийственную свою косу, но решать, кому сколько жить, конечно, не ей – она лишь исполняет приговор, повлиять на который едва ли возможно. Разве что ис-

кренним покаянием, да и то если мера грехов не столь велика или не пришел черед умереть собственной смертью[21].

А тому ли бояться смерти, кто живет седьмой уж десяток.

«О, это гроб! Человеку в наши лета он тянется через всю жизнь длинною и непрерывною аллеею… и в конце перспективы довольно ясно выказывает собственную нашу цель. Тут уже всё стало как-то знакомым, нестрашным; как акт воли божией – величественным, и даже цветистым, надеждою на его благость»[22].

Тому ли бояться смерти, кто был уже погребен и вызволен из каменной могилы волей творца. *«Ежели вызывались когда тени в оставленный ими мир»,* то Батеньков *«один из них, ибо более знаком с смертию и гробом, нежели со светом жизни», и удивительно, что «эта тень все же могла смешать себя с ликующими душами…»*[23].

Я прожил век в гробу темницы,
Меня томила ночи тень,
Но дух мой был вольнее птицы
И ночь преображалась в день.
А молчании часов тюремных
Я много вынес бурь душевных,
Хотя с людьми не враждовал,
Не знал любви, не правил царством
И покоренным государствам
Склониться не повелевал…[24]

У каждого своя судьба, своя дорога…

В юности Батеньков *«читал книгу, в которой один английский ученый доказывал, что воскресенье Христово имеет всю достоверность исторического»,* и казалось *«неприятным, что наука ничего не основала на вере и признании такого великого факта».* А теперь уже *«кажется, что и на это отклонение науки есть также воля божия, но понятия наши об ней принадлежат к такому роду, который мы называем судьбою или иррациональною стороною провидения»*[25].

– Да! – осклицает Любимов. – Чуть не забыл: вам же письмо – вот, вчера было получено.

Письмо… Уж не Авдотья ль Петровна напоминает о себе после некоторого молчания. Нет, адрес указан другою рукой.

Батеньков с благодарностью принимает послание и провожает гостя к его удобной, роскошной коляске, которую давно и безуспешно выпрашивает завистливый Сосулин. Затем, попрощавшись, возвращается в комнату.

«Вот уж два месяца пролетело, как опять нажили обоюдный упрек в молчании», – начинает читать.

Это Штейнгель, *«любезнейший брат и верный друг».*

«…Духом я неразлучно с тобою, потому что при каждой молитве, и утренней и вечерней, тебя вспоминаю, моля господа, чтобы хранил он тебя здрава и благополучна. Как мне понравилось все сказанное тобою о преосвященном, о прежнем и новом[26]*. Замечание твое о разности с давно минувшим очень справедливо. Желательно, чтобы эта разница быстрее еще и явнее расходилась»*[27].

Измеряя время чувством, ясно видишь, как оно летит, будто стрела. Вот уж и половина столетия позади, а давно ли, казалось, думал об этом пределе, как о чем-то несбыточном[28]…

Штейнгель называет в письме общих знакомых, отмечает, как заведено, их успехи и неудачи, поездки и болезни. Так же пишет добрейший Пущин, давая отчет о Муравьеве, Вольфе, отце и сыне Якушкиных, Давыдове, других сибирских изгнанниках.

На днях пришло от него новое дружеское послание.

Сообщив о смерти Фонвизина, Иван Иванович перешел к делу. *«Я к вам с просьбой* – написал, – *от себя и от соседа Басаргина. Брат его жены, некто Менделеев*[29]*, подал в Омске просьбу Бекману*[30] *о месте. Бекман обещал определить его, когда возвратится из Омска в Томск. Вероятно, теперь уже дома… Пожалуйста, узнайте у Бекмана и уведомьте меня. Он заверил Менделеева, что непременно исполнит его просьбу… Без сомнения, вам не будет никакого затруднения доставить нам положительные сведения по этому вопросу…»*[31].

Совпадений нет, всё в мире предопределено и увязано: стоило вспомнить о детстве, как вот – оно само постучалось в двери.

Так и бежит колесо жизни, так и катит, повинуясь воле создателя, то по ровной дороге, то по рытвинам. И в конце пути вдруг начинаешь отчетливо сознавать, что гладкая дорога вряд ли нужна, начинаешь «любить ход жизни сколько можно более драматичный», когда *«чувство… участвует в событиях, а ум группирует их и организует».*

И «желал бы непрестанно творить» и действовать всю свою жизнь, опасаясь лишь одного: *«пошлой обыденности»*[32].

XVI

Нет ничего лучше, как утренней тихой порой ступить на крыльцо и постоять там задумчиво, вслушиваясь в таинственный шепот леса.

Если закрыть глаза и лицом ощутить дуновение ветра, можно представить себя далеко-далеко – за тысячи верст, где нет полицейского надзора, никто не вскрывает письма, да и переписываться-то нету нужды, ибо кругом близкие люди, которых не видел без малого десять лет.

Ветер приносит их ласковый голос.

Ветер будит надежду[1], от которой трепещет взволнованно сердце.

Ветер шевелит поседевшие волосы, как отец когда-то ерошил их доброй небрежной рукою…

Батеньков собирается, идет на прогулку. Зима нынче *«легкая»,* хоть реки давно подо льдом, настоящих морозов пока не было, ну а снегу хватает – *«снег лежит прозрачною дымкой»*[2].

С наступлением зимы город, как медведь, впадает в спячку: *«новостей никаких нет, даже мод и обыкновенных губернских сплетней».* Город дремлет посреди снегов, словно *«тихий оазис, сомкнутый в самом себе без брожения. Деятельность жителей видна, а предметы ее скрыты…»*[3].

Один цикл сменяется другим, бурный рост переходит в затишье, затем вновь пробуждаются силы – так и живет, не теряя значения. Хотя желательно для города, чтоб *«поскорее его капиталы возродились, и чтоб он пошел проложенным уже путем к улучшению и украшению».* Ведь *«по географическому положению окончательно пасть никогда не может, как этап, необходимый для всей промышленности столь необъятной и богатой страны»*[4].

Мысль о чужих капиталах возвращает к думам о собственных средствах. Смутные надежды, сознаваемые как предчувствие, некий знак, толкают к бережливости, без того всегда свойственной, и накоплению ради важной, *«непредвиденной потребности»*[5].

Какова будет потребность, Батеньков знает, но старается об этом не думать, бережет надежду, дабы не вспугнуть ее, робкую, холодным расчетом.

Прежде, в молодости, занимал его *«рациональный отчетливый, живой и широкий строй государственных и общественных установлений; дело и приложение к нему математического метода в мышлении»*[6]. Теперь думает больше о милости божией, о добре и зле[7], ищет *«симпатии в сердцах»,* пытается вникнуть в сущность вещей, до коих едва ли простиралась прежняя мысль.

Мир идей столь же важен, как сфера поступков, особенно если завязаны руки[8]. *«Тяжелеть в стариковских привычках»,* право, не хочется, потому и *«следит своим тихим и мерным шагом всякое движение мысли и чувства в новых областях времени, всегда вновь населяемых»*[9]. Присматривается, сколь можно, к науке, новым идеям[10], движению словесности.

К мысли и слову.

«Брошюры ваши я прочел и возвращаю, – сообщал Пущину. – *Любопытна из них была приписываемая Бонапарту… Вы много в отношении меня не маремьянствуйте: здесь книги есть, притом же я постоянно читаю «L'independance» и «Revue des deux mondes», а в них теперь вся суть, поколику нужно, чтоб нить современности не порвалась».*

«Хорошо сделали, что начали издавать в Бельгии газету с русской точки зрения, это, конечно, уже поумнее, нежели бранчливая «Северная пчела» или медвежье-услужливая «Новая прусская газета». Здесь получать ее будут…»[11].

И просил Асташева выслать из Петербурга *«некоторые выходящие вновь серьезные книги, которые здесь»*, в сибирской глуши, *«не могут показаться»* нигде[12]...

Иван Дмитриевич исполнил обещание, почитая за благо прислушиваться к словам томского затворника: при его-то проницательности да уме худое не посоветует. Выслал, что тот просил – даже больше: вот и занятие, чтоб коротать зимние дни.

Вернувшись с прогулки, Батеньков усаживается к столу, где нет свободного места: книги, журналы, письма, на которые нужно ответить, занимают всё пространство стола. Наступает самый славный момент, как накануне встречи с друзьями: приятно, вытянувшись в кресле, взять в руки первый попавшийся том, раскрыть наугад, прочитать несколько фраз, потом взять другой, пробежаться глазами.

Увидеть и почувствовать Слово.

«Слово, эта объемлющая мир субстанция, – думает Батеньков, – *дается каждому в удел и разлито на целые народы для исследования той и другой природы, в нем воля и почерпает понятия, а беспредельный ряд их представляет уму, этому алмазному камню нашего духа, средства открывать новую связь, созидать новые формы и раскрывать внутреннее глубокое значение того же самого слова»*[13].

Но нет, читать, положительно, невозможно: мысли скажут с одного на другое, трудно сосредоточиться, вникнуть в суть.

Батеньков откладывает в сторону книгу, задумывается...

Случилось то, чего ждал долгие годы, и не он один – пришло к концу время царствования того, чье имя старался не произносить даже в мыслях. Кончился земной путь преследовавшего их, сибирских изгнанников, монарха – да простит всевышний грешную его душу. На престол восходит наследник.

Ну, так что? Разум толкует: не жди перемен, – сердце вещает другое.

«Верую и исповедую, что у такого царя, как нынешний, достало бы широты сердца в добро и правду на удовлетворение многих желаний, да форма-то пружина, – убеждал друзей Батеньков. – *Он безжалостно связан ими, и потребно быть исполином-реформатором, чтоб сколько-нибудь по-*

рвать эти узы…Так что мечте и надежде мало сроку, и предаваться им незачем»[14].

Убеждал, а сам тихо лелеял мечту: думал о том, как хорошо б сейчас, вот сию же минуту, наскоро взять, что есть под рукою, да кинуться в сани, крикнув кучеру: «Гони!». Да помчать сквозь снега и мглу, звеня колокольцами, к милым «своим», и ехать, и ехать – не важно, сколь долго, хотя бы остаток всех своих дней.

Глупое сердце, ну что ж ты болишь…

«Прекрасно делаете, что оставляете под красным сукном надежды, которыми и вас, и меня, потчуют добрые люди, – откликнулся Пущин. – *Это очень понятно и естественно с их стороны, но, кажется, мы, допотопные, не подлежим ни переменам погоды, ни переменам царства»*[15].

Всё так, спору нет, это конечно…но душа ведь не слушает голоса разума. И мечты, вопреки воле, уносятся вдаль – туда, «к своим».

«Чем солидарнее слита жизнь наша с милыми сердцу, тем несовместнее с нею обязательные сроки на излияния чувств, ибо всё же на это нужно хотя <бы> небольшое вдохновение, потому что чувства все происходят от бога и нередко они глубинны, хотя краткого молчания. Это заметил и Соломон…»[16].

Батеньков отодвигает бумаги, встает, начинает ходить по комнате.

Уехать, скорей бы уехать, чтоб пожить на свободе, среди близких, хотя бы немного, сколь отпущено свыше… Неужто несбыточна такая, в сущности, малость: свобода движений. Уехать, оставив тут книги[17], постройки, участок земли – и добрую, хочется верить, о себе память[18].

Себе я не воздвиг литого монумента,
Который бы затмил великость пирамид;
Неясный облик мой изустная легенда
В народной памяти едва ли сохранит.

Но весь я не умру: неведомый потомок
В пыли минувшего разыщет стертый след
И скажет: «Жил поэт, чей голос был негромок,
А всё дошел до нас сквозь толщу многих лет…[19]

Ежели чувства происходят от Бога, то поэзия, как выражение чувств, несомненно, имеет тот же источник. *«Не может быть жизни чисто прозаической и материальной»,* лишенной поэзии, ведь *«материя не мыслит, и проза не творит»*[20]. Ну, а *«какая поэзия без Бога? без Бога мир наш – мир без природы, просто отточенный шар»*[21].

«Действие божие всегда беспредельно, потому и видим, что просветляемые народы собраны в огромные общества, в которых каждый индивидуум ищет и находит свои силы. Бытие есть та же бесконечность, полая в

одну сторону и определенная началом, как удел и особь, что и называем сотворением. Это определение составляет судьбу и сущность каждого предмета и чувствуется ясно в собственном нашем Я»[22].

Владыко, отпусти слугу
В родной дом с миром по глаголу:
Я видел свет, исшедший долу,
И указать его могу…[23]

Ночь на исходе, догорает свеча. Дом погружен в безмятежный сон: не скрипнет половица, не затрещат в печи дрова.

И снова, хоть прошло столько лет, тихое ночное уединение возвращает туда, где был и словно бы не был долгих двадцать лет. Мнится каменный склеп – старые стены, грубо сколоченный стол. И хочется крикнуть, чтоб, услышав себя, убедиться, что жив, что не умер…

Ничего тут не сделать, не преодолеть – это останется до конца жизни[24].

Но *«что было, то было: настоящее положение восполнит и объяснит. Бранят или хвалят, рассказывают и критикуют <нас> каждый по своему воззрению и направлению; но от этого зависеть не должно. Мы сами довольно выдвинулись на вид и хорошо было, что принуждены долго мыслить молча…*

Очевидно, бог нас не оставил, и мы своею жизнию успели дать добрый ответ. Может быть, теперь только и созрело наше нравственное значение. Кто же здесь нас ищет, тот очень опоздал с бороною: пашня давно уже поросла строевым лесом.

Перетерпим до конца – и спасемся...»[25].

Следовало собрать *«в себе эти мысли для того, чтоб уметь молчать и говорить, на случай, если приведется еще погрузиться в обширную стадию общежития»*[26]. Только б уехать, только бы вырваться…

Ночь на исходе. Да и жизнь, кажется, тоже.

Дай мне силы, творец, пройти, распрямившись, остаток пути...

Узнают обо мне в России необъятной
Лишь те безумцы, чей мне сродствен странный дух.
Ни славой, ни молвой стоустой и превратной
Не отзовется вдруг прошелестевший слух.

О чем сей слух? О том, что в сумрачной Сибири
Влача свой долгий век, я истину искал,
Что был я одинок, но счастлив в этом мире,
И в дни душевных гроз стихи свои слагал…[27]

Путь из Сибири

Вскоре после коронации нового государя, назначенной на август 1856 года, из Петербурга пришла депеша[1].

То была весть о свободе – копия высочайшего указа, данного Правительствующему Сенату, написанная рукой равнодушного канцеляриста. Сообщалось, что государственному преступнику Батенькову, *«осужденному по прикосновенности к политическим делам 1825 года 14 декабря, шестидесяти двух лет»,* милостиво *«даровано право потомственного дворянства, с возвращением из Сибири на жительства в пределы Российской Империи, где жить пожелает, исключая Санкт-Петербурга и Москвы»*[2].

Незадолго до этого, обсуждая будущее, Батеньков сообщал друзьям, что *«ежели сколько-нибудь развяжут ноги, намерен водвориться у своих, в Тульской губернии, в деревнях около Белева… В случае же освобождения более обширного, – на что трудно надеяться»,* – собирается поселиться *«в какой-нибудь из столиц, где много еще осталось близких, дружеских симпатий»*[3].

Манифест получен был в сентябре – тогда же Гаврила Степанович стал спешно готовиться к отъезду[4].

«Милый Александр Иванович… – написал Лучшеву. – *Через две недели здесь уже не буду, и сложившееся из душевных симпатий семейство мое должно будет меня отпустить и со мною проститься.*

Я теперь как новорожденный младенец, чист от всего, от чего только можно быть чистым, с правом на жизнь, даже привилегированную, и – что важнее – свободен. Обе столицы мне негостеприимны, но не совсем и заперты. Со службою не мирит бесчиние; но и туда есть дверь. Словом, я теперь юноша, недоросль и старец, только что поднятый из-под креста…»[5].

В середине октября Томское губернское правление выдало паспорт и подорожную до города Белева Тульской губернии. Настала пора прощаться с томичами.

Ночь перед отъездом Батеньков провел без сна.

«Решено: в путь! Дважды воскресшим называли меня – третий раз воскресаю. Боже мой, последняя ночь в Томске… А ведь устал, устал, и достанет ли сил моих добраться наконец до России?»[6].

В те ночные часы расставанья родились строки:
Утром уеду отсюда.

Ждут меня новых скитаний дороги…
Это судьба иль причуда –
Мыкаться по свету в вечной тревоге,
Тихую пристань минуя?

Слышу твой шепот зловещий,
Ночь одинокая, ночь неживая…
Буду укладывать вещи,
Не торопясь, бормоча и зевая,
Будто старик трехсотлетний.

Берег провижу далекий,
С близкими встречу желанную вскоре.
Кануло в омут глубокий
Лет прожитых перезрелое горе, -
Что ж мне так грустно, не знаю. [7]

Через восемь суток Батеньков был уж в Тобольске, где встретился с *«братом»* Штейнгелем и другими товарищами по мятежу, а затем отправился дальше[8].

В конце октября прибыл в Москву[9], откуда через три дня, помня запрет, направился через Калугу в белевское поместье Елагиных[10]…

Δ

П Р И М Е Ч А Н И Я

Предисловие

[1] **Рапорт полковника управляющего X округом путей сообщения Ф.Ф. Риддера правящему должность Главного директор путей ведомства путей сообщения генералу Де Воланту**:
«Уволенный из армии на шесть месяцев 27-й бригады 53-й легкой роты артиллерии подпоручик Батеньков для излечения ран и свидания с матерью, явясь ко мне, объявил желание быть перемещенным в Корпус инженеров путей сообщения и продолжать службу в X округе, для чего просит меня представить вашему Высокопревосходительству < на усмотрение >, не благоугодно ли будет приказать, когда он обратно поедет в бригаду… позволить для экзамена приехать и явиться в Твери или в Санкт-Петербурге…».
Ответ был получен такой:
«Сим даю знать Вашему Высокоблагородию, что ежели поручик Батеньков желает быть принят в Корпус инженеров путей сообщения, то для предварительного испытания может явиться в Институт корпуса инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге 12 апреля 1815 года, но не иначе, как с позволения его начальства.
Правящий должность Главного директора генерал Де Волант. 30 января 1815 г.».
(ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 129 л 1-3).
[2] **Елагин Алексей Андреевич (1790 – 1846)** – ближайший друг Г.С. Батенькова и однополчанин по 13-й артиллерийской бригаде. Выйдя в отставку в чине штабс-капитана, поселился в Белевском имении. Писатель, переводчик, поклонник немецкой идеалистической философии.
«Это был не совсем заурядный офицер, - писал о нем А.А. Сабуров, - *весельчак и добряк, любивший в меру покутить и не лишенный любознательности и склонности к философствованию… По словам Хомякова, «в этом человеке, по-видимому, грубом и неотесанном, много было теплоты чувства и ума». Рано, много раньше своих современников познакомившись с Кантом, «которого «Критику чистого разума» он вывез из своих заграничных походов»… он глубоко проникся идеями трансцендентальной философии и проделал в своих философских занятиях весь классический путь немецкого идеализма от Канта через Шеллинга, которому он обучал своих пасынков (Киреевских), и до Гегеля, которому они обучали его. Переписка его невесты с ним 1816-1817 годов пестрит немецкими цитатами, совсем еще нехарактерными для русского общества эпохи «Священного союза»… Как и Батеньков, А.А. Елагин всю французскую войну прослужил в армии. Выйдя в отставку, он женился на А.П. Киреевской, сел на землю и стал помещиком-хозяином, из тех, которые послужили социальной почвой славянофильства».* (Сабуров А.А. Стр. 21 – 22).
[3] **Паскевич (Пашкевич) Михаил Николаевич** – ближайший друг и сослуживец Г.С. Батенькова. А.А. Брегман соотносит его с поэтом Паскевичем, ставшим впоследствии штаб-ротмистром Белорусского гусарского полка и *«прикосновенным»* к деятельности Южного общества. Был осужден Верховным уголовным судом.
Бердяев Василий Николаевич – друг и сослуживец Г.С. Батенькова по заграничным походам. Среди других армейских товарищей декабриста были **Н.Т. Любенков** и **А.И.**

Браамс. В письмах упоминаются также **Моисеев, Бурнашев, Чертов** и другие офицеры. (Брегман А.А. Стр. 419- 421).
«Кагалом» друзья в шутку называли свой армейский кружок. Некоторые исследователи, впрочем, усматривали в этом намек на существование тайного, вероятнее всего масонского, общества, связанного более тесными узами.
[4] Письмо из Санкт-Петербурга от 6 августа 1816 г. (Письма Батенькова Г.С. Стр. 65).
[5] Письмо из Казани от 28 октября 1816 г. (Там же. Стр. 68).
[6] Из тобольского письма к А.А. Елагину от 1 декабря 1816 г. (Там же. Стр. 70).
[7] **Риддер Филипп Филиппович** – известный минералог, из лифляндских дворян. Обнаружил в Сибири месторождения золота, серебра, меди и свинца. Вот данные из формулярного списка.
За заслуги на государственной службе удостоен был ордена Св. Иоанна Иерусалимского. В 1779 году, по окончанию Петербургского горного корпуса, утвержден в должности шихтмейстера. В 1781 году командирован в Колыванские и Нерчинские заводы для *«окончания запутанных дел».* Открыл на Алтае богатый рудник, получивший его имя. В 1785 году *«кабинет-министр Саймонов употреблял его для разных поручений в Тобольской и Иркутской губерниях».* В 1786 году командирован *«в разные по Сибири места во исполнение указа о распространении в России приисков цветных каменьев»,* вёл там изыскания. В 1792 году поступил в контору Колывано-Воскресенских рудников, стал членом канцелярии Горного начальства.
Однако в 1800 году был *«уволен вследствие заболевания по собственному прошению до выздоровления с годовым пенсионом в 600 рулей».* Почувствовав улучшение здоровья, стал добиваться возвращения на службу. Получил место лишь в 1809 году. В августе того года Главный директор путей сообщения принц Георгий Голштейн Олденбургский принял берг-гауптмана Ф. Риддера управляющим по Х округу с чином полковника.
Свободно говорил на трех языках – французском, немецком, русском; «*знал науки химию, минералогию, пробирное искусство, чистую математику, физику, механику, подземную механику, геометрию и географию, горное строение, черчение планов».* Имел жену, купеческую дочь Наталью Алексеевну и детей, Георгия и Елизавету, а также дочь от первого брака.
(ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 162 л. 90-91)
Как горный инженер, удерживать за собою должность начальника округа путей сообщения Риддер, очевидно, не мог – против него, как можно догадаться, велись интриги. 14 февраля 1810 года он пишет рапорт на имя **Его Императорского Высочества принца Голштейн Олденбургского**, где описывает безупречную свою службу и добавляет:
«Служа с ревностью и усердием единственно из чести весьма долговременно, с великим трудом заслуживал многие чины, которые переходил, что доказывает внесенные в формуляр мои отличные заслуги… По вступлению на Всероссийский престол Александра I был лично представлен ныне царствующему императору Александру Павловичу, и тогда по Именному Высочайшему Указу за отличные мои заслуги произведен нынешним чином… Покорнейше прошу учинить милостивейше рассмотрение моего рапорта…».
Бумаге был дан ход, но рассмотрение её затянулось на год. Лишь 22 февраля 1811 года воспоследовал приказ, по которому Риддера «окончательно» утвердили в должности управляющего Сибирским округом путей сообщения. (ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 2 л. 3 – 5).

Ч а с т ь I. ПЕТЕРБУРГ – ТОБОЛЬСК – ТОМСК

I

[1] **О родных Г.С. Батенькова находим в изыскании С.Г. Чернова**:
«Из какой социальной среды вышел Батеньков, мы мало знаем. Одно было давно и хорошо известно, что его родители и, по крайней мере, частью родные были люди небогатые, даже бедные. Это ясно и из рассеянных в его автобиографии упоминаний… По-видимому, по матери Батеньков принадлежал к тобольскому мещанскому роду Урванцевых, имевшему ответвление и в Семипалатинске. Значит, Батеньков по матери уходил родственными связями в среду городского мещанства, переплетавшегося браками и с духовенством и с мелким чиновничеством и считавшего в своей родне «солдатских жен». Весьма пестрый по сословным признакам состав родни Батенькова с материнской стороны пестр, видимо, и в смысле имущественном… Что же касается его отца и родни по отцу, то о них мы ничего не знаем, кроме того, что отец был обер-офицером и очень небогатым, чтобы не сказать бедным, человеком. Так как отец его нигде не называется дворянином, можно считать его офицером не дворянского происхождения». (Стр. 55-57).
[2] Здесь и дальше воспоминания Г.С. Батенькова из «Повести собственной жизни» (Стр. 91-101).
[3] Батеньков Г.С. «Повесть собственной жизни». (Стр. 91).
Идеализация прошлого была характерна для Г.С. Батенькова, противопоставление простых, но сердечных патриархальных отношений и новых «деловых» и деятельных связей между людьми проходит через многие письма и воспоминания.
[4] **Характеристика, которую Г.С. Батеньков, несколько иронизируя, даёт себе самому** в письме А.А. Елагину от 26 марта 1819 г. (Письма Батенькова Г.С. Стр. 99).
[5] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 129 л 2.
[6] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 184 л. 1.
[7] **Остальные чиновники**, формально числившись в Х округе, пребывали на службе в других местах.
[8] **Пестель Иван Борисович – генерал-губернатор Сибири.**
Коренной москвич (предки – выходцы из Саксонии), основатель «почтовой династии» Пестелей. Его отец был почт-директором Московского, затем Петербургского почтамтов, а сам Иван Борисович, сделав блистательную карьеру, в 1789 году поступил на должность отца, возглавил московскую почтовую службу. В правлении Павла I стал петербургским почт-директором и президентом Главного почтового правления, но затем впал в немилость. При Александре I, однако, был восстановлен в правах, повыше в чине и определен на службу в один из департаментов Сената. В марте 1806 г высочайшим повелением был назначен генерал-губернатором Сибири, и правил краем до 1819 года, когда назначено было следствие о злоупотреблениях самого И.Б. Пестеля и чиновников, близких к его окружению.
«В то время, как Россия наслаждалась кротким правлением… Александра I, Сибирь носила на себе иго времени Иоанна Грозного, - вспоминали сибиряки. – Купечество было запугано, чиновники боялись помыслить о малейшем противоречии. Принцип: безмолвное повиновение распоряжениям губернского начальства… развился во всей обширности. По губернии распространилась мертвая тишина». (И.Т. Калашников. Стр. 235-256).
[9] Полковник **Ф.Ф. Риддер** *«отношением»* к томскому губернатору требовал возвратить в казну округа *«прогонные деньги от Тобольска до Томска»,* выданные Г.С. Батенькову (88 рублей 53 копейки).
Губернатор **Д.В. Илличевский** распорядился: *«Поелику сей чиновник командирован в город Томск по высочайшей… воле для устройства в городе Томске дорог, взвозов и бас-*

сейнов, следовательно, посему и возвращение означенных денег относится на счет города, и для того предписываю Томской градской думе сие количество денег отчислить из градских доходов…». (ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 977 л. 254).

[10] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 129 л. 17.

[11] **Апрош** (франц. approche) – пробел между буквами (знаками) и словами в типографском наборе.

[12] Письма Батенькова Г.С. (Стр. 70-72).

[13] **Илличевский Дамиан (Демьян) Васильевич** – томский гражданский губернатор. Правил губернией десять лет, с 1812 по 1822 год. Происходил из духовного звания и был товарищем **М.М. Сперанского** по Александро-Невской семинарии, откуда перешел в Киевскую духовную семинарию. Окончив курс, служил чиновником в Министерстве финансов, затем преподавал в Полтаве. Пользуясь расположением и протекцией М.М. Сперанского**,** получил в 1812 году должность томского губернатора.

«Умный, находчивый, деловой Сперанский быстро сделал блестящую карьеру и достиг высоких чинов…Тут он вспомнил Илличевского, вызвал его из Полтавы и добился его назначения на пост губернатора в старинный сибирский город Томск. Сделал это Сперанский отнюдь не из-за любви к своему бывшему товарищу, а потому, что ему нужен был свой человек в Сибири. Он знал много отрицательных качеств Илличевского, но знал и то, что служить он будет ему верой и правдой, ибо был единственной опорой Илличевского в высшем свете…». (Лозовский И.Т. Стр. 284).

Когда М.М. Сперанский оказался в ссылке в Перми, он узнал, что новый томский губернатор будет проезжать через этот город и вышел к нему навстречу. Но тот, испугавшись свидания с опальным, быстро проехал мимо, сделав вид, что не узнал. Впоследствии, став Сибирским генерал- губернатором, М.М. Сперанский ничем не напомнил о случившемся, оставил погрязшего в злоупотреблениях Д.В. Илличевского на прежней должности. И даже хлопотал о снисхождении к нему перед Сенатом.

По словам барона М. Корфа, томский губернатор *«пользовался весьма печальной репутацией в отношении к чистоте своих правил».* (Корф М. Стр. 168).

II

[1] **Инженер-полковник Лукин,** работавший в Томске до Г.С. Батенькова, заболел и скоропостижно умер, только начав, по существу, благоустроительные работы. Кроме него в документах упоминается **инженер-подполковник Фомин,** который распоряжался и *«наблюдал за порядком»* при строительстве мостовых, но тот бывал в Томске реже.

[2] По распоряжению губернатора **заготовкой хлеба для городского *«казенного»* магазина занимался гласный Петр Баранов**. Он закупал хлеб в окрестных селах по 80 копеек за пуд. Время от времени дума выделяла средства из *«хлебного капитала»,* обеспечивая важнейшим продовольствием жителей города. Губернатор держал эту работу на особом контроле, приказывая закупать, *«сколько возможность дозволит, не ограничиваясь пропорцией, но до такого количества, как позволит состоящий хлебный капитал и избыток хлеба».* (ГАТО ф. 127 оп. 1 д 885 л. 263; ф. 127 оп. 1 д.977 л. 32-33).

[3] Из документов видно, что жалование чинам полиции – частным приставам и квартальным надзирателям – платили не очень исправно, и не начисляли им вовремя положенные надбавки. (ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 977 л. 327).

[4] **Г.С. Батеньков воспитывался в патриархальной набожной семье** Стержнем его убеждений было признание могущества Творца, стремление жить в полном соответствии

с Его заповедями. Христианские добродетели, усвоенные с детства, осмысливались им в духе традиций, а нормы поведения, регламентированные евангелическими проповедями, находили для него подтверждение в мыслях просвещенных духовных наставников. *«Впечатление младенчества успокоилось и не возмутило рассудка, но оставалось и крепло со временем, хотя и казалось заглушенным в волнах жизни»,* - вспоминал он позже (Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. Стр. 97).

На это обратил внимание первый биограф декабриста И. Ореус, который писал, что *«глубокая и разумная религиозность оставалась до конца жизни одною из отличительных черт Гавриила Степановича и служила ему поддержкою при постигших его впоследствии невзгодах»* (Стр. 303).

[5] **Одной из главных особенностей мировосприятия Г.С. Батенькова стало умение понять и принять человека** во всем многообразии его интересов, пристрастий и вкусов, терпимость к чужим мнениям, проявлению чужих поступков, инакомыслию и «инаковерованию».

Сибиряк по рождению, Г.С. Батеньков свободно впитывал иную культуру, допускал существование чужих религиозных идей, выучил в детстве язык сибирских татар без всякой, казалось бы, необходимости. Недаром же все признавали, что сибиряки отличаются *«трудолюбием, чувством собственного достоинства, религиозной терпимостью… Даже к язычникам относятся хорошо, за разноверие их не гонят и не презирают».* (Петров М. Стр. 85).

Со временем на эту почву наложилось мироощущение сентиментализма, легли *«прекраснодушные»* масонские увлечения, этические установки западных просветителей, гуманистов и философов.

[6] **Особое, трепетное отношение к искусству было обусловлено, во многом, увлечением немецкой философией,** Кантом и Шеллингом, которые провозглашали культ природы и культ искусства, как высшей духовной потенции, как продолжения природы. Г.С. Батенькова подкупал взгляд на мир, как на живой организм, созданный волей Творца и подчиняющийся естественным законам, постичь которые помогала наука.

В особенности же близкими казались ему философские размышления о добре и зле, сочетании божьего промысла и свободы воли, необходимости истинной свободы и любви, которая превыше всего. Взгляд на человека, как связующее звено двух миров, естественного и божественного, мучительные попытки примирить дух с материей тоже были свойственны Г.С. Батенькову.

[7] **Первоначальное образование Г.С. Батеньков получил в Тобольском военно-сиротском отделении**. Затем учился какое-то время в губернском училище, директором которого был отец великого химика Иван Павлович Менделеев, преподававший изящные искусства. Потом, как сына офицера, Г.С. Батеньков был направлен во Второй Кадетский корпус и уехал в Петербург. И все же справедливо будет отметить, что глубоких знаний в разных отраслях науки он достиг, прежде всего, благодаря самообразованию.

[8] Говоря о *«необычайных чертах»* биографии декабриста, С.Н. Чернов подчеркивал, что его глубокая и искренняя религиозность была тесно связана ***«с физической болезненностью и некоторой психической неуравновешенностью».*** (Стр. 60). Но эти рассуждения, в действительности, ни на что не опирались, хотя стремление Г.С. Батенькова преодолеть детские страхи и комплексы нетрудно увидеть в его воспоминаниях.

[9] **Находясь в Петербурге, Г.С. Батеньков сошелся с масонами и вступил в столичную ложу «Избранного Михаила»:** он был посвящен в масоны и возведен во вторую степень незадолго до окончания Кадетского корпуса (Серков А.И. Стр. 90). По сведениям же О.П. Ведьмина, он это сделал во время войны, в 1813 году (Стр. 162), а позже вступил

в ложу «Избранного Михаила», которая была основана в 1815 году членами русского отделения ложи «Петра к истине».
Поначалу ложа работала в здании Гвардейского штаба в бельэтаже на углу дома по Невскому проспекту и Адмиралтейской площади, напротив трактира «Лондон». Затем члены ложи стали собираться по субботам на Васильевском острове в доме некой Колосовой. Ложа «Избранного Михаила» вела работу на русском языке по древнеанглийской системе, состояла в союзе с **директоральной ложей «Астреи»** (Астрея - богиня справедливости), числилась под номером 5 и была связана с Союзом Благоденствия, Вольным обществом любителей российской словесности, а также Обществом распространения ланкастерского обучения. В ложу входило 213 человек, среди них декабристы Николай Бестужев, Федор Глинка, братья Вильгельм и Михаил Кюхельбекеры, публицист и издатель Николай Греч, поэт Антон Дельвиг, писатель Михаил Загоскин, художник граф Федор Толстой, архитектор Александр Тон и некоторые видные аристократы.
[10] ***«Отец мой был святой человек, в крайней простоте сердца искренне привязанный к церкви;*** *добрее его сердцем я не встречал…*- вспоминал Г.С. Батеньков. - *Набожность со всех сторон меня обымала и младенчество почти удвоялось*» (Повесть собственной жизни. Стр. 95).
«Доброта» и «набожность», благодаря отцу, составляли для Г.С. Батенькова нераздельные понятия. Не менее важным было и то особое состояние, которое он понимал под «младенчеством» – простодушие, чистота помыслов, незапятнанность совести, и которое смог сохранить в себе до конца дней.
«Общее благо есть Верховный закон. Вот механика, которая была основана в моей религии и моей нравственности, - писал декабрист А.И. Борисов, чьи религиозные взгляды были сходны со взглядами Г.С. Батенькова. – *Мой родитель не старался влить в меня чрезмерной набожности, он часто говорил мне, что Богу приятнее всех жертвоприношений видеть человека честным и делающим добро, что Бог смотрит не на полные, но на чистые руки, а еще более на чистое сердце. Однако не поселял в душе моей вольнодумства; мнениями моими относительно некоторых мест Старого Завета и некоторых обрядов, установленных церковью… я должен некоторым французским авторам и собственному своему рассудку, который во всем заблуждается. В моем вольнодумстве укрепляли меня притеснения многими священниками… к прихожанам сказываемые, так же как и худая мораль некоторых из них».* (Довнар-Запольский М. Стр. 241).
[11] Как справедливо заметил В.Г. Карцов, **добросердечному, мечтательному Г.С. Батенькову, который *«оставался идеалистом даже на чиновничьей службе»,* приходилось нелегко (**Стр. 84). Его возвышенные мечты разбивались о грубую действительность, его высокие порывы не находили поддержки и оказывались вроде бы не нужными. Думая о природе человека и роли государства, Г.С. Батеньков приходил к необходимости бороться со злом всеми доступными средствами, противопоставляя низости чистоту, повсеместному обману – истину, аморальности – совесть, ту *«силу, которую вдохнул Бог и которая обращена к Богу и есть как бы наместник Божий во внутреннем судилище души» (*Солярский П. Стр. 46).
[12] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 72.
«Я состарился в те три долгие года, которые живу без тебя, - продолжал Г.С. Батеньков в письме от 24 мая 1817 года, - *может быть, поетому исчезла большая часть той веселой резвости, которую беспрестанно вы во мне видели; я не умел тогда скучать и тосковать, все мне казалось приятным, и я находил смешное в вещах довольно важных. Ты должен удивиться, что все теперь от меня исходящее, носит печать какое—то уныния; но не полагай, чтоб я совсем переменился…»* (Там же).
[13] Там же. Стр. 69.

[14] Там же. Стр. 61-62.

Столкновение веры, которую Г.С. Батеньков ставил выше разума, и холодной рассудочности будет для него продолжаться всю жизнь. Примиряя их, умный и образованный Г.С. Батеньков сами основы веры объяснял, опираясь на науку и логику.

Пройдя через страдания, Г.С. Батеньков только укрепился в мысли о превосходстве веры. В письме И.И. Пущину из ссылки он говорил о бессилии науки, которая *«не разобрала даже, что такое время».* Разуму, конечно, нужно верить, как и слуху и зрению, но *«ум обещает отрыть более, нежели Америку»* лишь тогда, когда обратится *«к жизни и к богу… и на природу будет смотреть не как на взъерошенную действием мертвых сил поверхность шара, но как на полное отражение вечного бытия живой разумной причины, это одно достойно называться миром и обиталищем умной твари»* (Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Стр. 237-238).

И в следующем письме, адресованном Е.П. Оболенскому, продолжал эти рассуждения, говоря, что *«науке нашего времени именно недостает благочестия. Она вышла бы из своей шаткости и противоречий, если б признала бога всему причиною»* (Там же, с. 238). Через несколько лет, соглашаясь, что *«наука делает огромные шаги»,* Г.С. Батеньков указывает её место: она, по его мнению, *«ведет к обновлению как человека лично… так и огромных царств. Когда же будет уже светло до того, что под густотою материального покрова откроется Божие бытие, тогда действительно < все люди> переправятся в новый свет, с жизнью, наукою и делами»* (Ореус И.И. Стр. 338-339). Разум может многое, но главное, на что он способен, по Г.С. Батенькову, так *это «разумно дойти до признания Божия бытия».*

Но, совершая христианские поступки, Г.С. Батеньков рассуждал о них, опираясь не на церковные авторитеты. Зная превосходно Библию, он избегал отвлеченных богословских умствований, понимая набожность, как высшую степень доброты. Христианская мораль для него была заключена в Завете, по законам которого живут люди, он далек был от мысли искать ее в церковных стенах. Будучи молодым офицером, Г.С. Батеньков напоминал другу сентенции Вольтера, который *«давно уже открыл целому свету, что беззакония, происки, коварство, властолюбие и все ужасные грехи были свойством особ духовных; архиереи всегда грешили более простых попов, а попы более каждого из овец духовных»* (Письма Батенькова Г.С. Стр. 54).

[15] Батеньков Г.С. Шутливое двустишье (Илюшин А.А. Стр. 91).

[16] **Общие для городов Правила градостроения, подписанные августейшей рукою, разрабатывал граф А.А. Аракчеев.** Главных пунктов там было четыре:

1. запрещалось *«громоздить улицы и на них что-либо складывать, разве при случае постройки домов, и то временно»;*
2. *«находящиеся на улицах или разбросанные» камни, доски, бревна, «всякий лом и прочее»,* надлежало *«прибрать с улиц, дабы оные чисты были»;*
3. улицы необходимо было *«планировать, дабы ям и бугров не было до самых домов»;*
4. наконец, *«никакого неопрятства на улицах терпеть»* не дозволялось.

(ГАТО ф 127 оп 1 д 977 л. 104).

[17] Там же, л. 6.

Книги прихода и расхода денежных средств городская дума вела очень небрежно, не показывая, кому из гласных *«давала в расход казенные деньги»,* и не требуя отчета. Что, конечно, вело к злоупотреблениям.

[18] **Городские доходы** хранились *«в двух небольших сундуках с замками»,* ключи от которых находились у гласных, а караул состоял из старого сторожа. *«При таковом присмотре за крепостью сундука, в сохранности денежных сумм, особенно в ночное время весьма опасно положиться»,* - отмечал губернатор. И советовал думе *«узаконить поря-*

док хранения денег в кладовых, которые есть при уездном казначействе». Казенной экспедиции следовало дать согласие, но она этого не желала. Тогда губернатор потребовал усилить караул *«или из числа свободных людей, или из числа казаков».*
(ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 885 л. 463).
[19] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 78.
[20] Как человек, глубоко и оригинально мыслящий, Г.С. Батеньков был, во многом, свободен от влияния наставников. И все же были люди, оказавшие заметное на его духовное формирование. Среди них – «первый русский романтик» **Василий Андреевич Жуковский**.
Алексей Елагин в 1817 году женился на **Авдотье Петровне Киреевской**. Её мать, Варвара Афанасьевна Юшкова (урожденная Бунина), была родной сестрой (по отцу) и крестной матерью В.А. Жуковского. В юности Авдотья Петровна много общалась с ним, а после смерти мужа встречалась с поэтом в имении Бунино у своей тетки Екатерины Афанасьевны Протасовой, где прожила два года. Некоторое время поэт жил в имении Киреевских Долбино Тульской губернии и написал там несколько произведений. В.А. Жуковский прислушивался к замечаниям племянницы, высоко ценил её литературное дарование, вкус и серьезные занятия. (Брегман А..А. Комментарии. Стр. 424). Большое влияние Жуковский оказал на обоих сыновей Авдотьи Петровны от первого брака, **Ивана и Петра Киреевских** (впоследствии известные литераторы), получивших превосходное домашнее воспитание.
[21] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 78.
Степень таланта, по Г.С. Батенькову, измерялась близостью к чистым божественным силам – в этом отношении В.А. Жуковский являл пример вполне совершенный. И то, что творчество поэта окрашено было нравственным, религиозным чувством, делало его, в глазах Г.С. Батенькова, достойным почитания, ставило на высшую ступень.
[22] **В Томске, тем не менее, был небольшой кружок любителей изящной словесности.** Балладу В.А. Жуковского «Людмила», другие его романтические творения в июле того же 1817 года Г.С. Батеньков читал на одном из литературных вечеров. И *«девушки с удовольствием слушали»,* даже хвалили его искусство, а он, *«пришедши домой, прыгал от радости до тех пор, пока проклятые раны в левой ноге не доложили»,* что он *«опоздал уже резвиться и должен мыслить о покое».* (Письма Г.С. Батенькова. Стр.77).
[23] Жуковский В.А. Баллада «Людмила» (Стр. 145).

III

[1] Статус губернского центра Томск обрел в 1804 году, за 13 лет до приезда Г.С. Батенькова.
[2] Емельянова Н.Ф. Стр. 31.
Там же находим следующие данные. **На грани веков, XVIII и XIX столетий, в Томске было** 7 каменных приходских церквей и соборная Богоявленская церковь, где находился алтарь во имя явления Господня и придел во имя Архангела Михаила, а выше, на верхнем этаже, придел во имя пророка Ильи; мужской Богородице-Алексеевский монастырь с каменной церковью во имя Флора и Лавра. В центре города располагались каменные денежные кладовые с арсеналом, стояли 2 корпуса деревянных присутственных мест. Город имел провиантские и соляные магазины, 17 питейных домов и винные, врытые в землю, подвалы, старую гарнизонную школу. Из общественных служб следует назвать магистрат, городскую думу, народное училище и почтовую экспедицию. В июле 1807 года в

Томске открылась аптека, оборудованная на средства Приказа общественного призрения. Поначалу город делился на 5 частей, где порядок охраняли 3 частных пристава и 6 квартальных надзирателей. Позже из-за безденежья город были вынуждены поделить на 3 части. (Стр. 31 – 35).

По обывательским книгам 1815 года, *«в Томске отмечено 937 семей обывателей, 46 бухарцев и ясачных, имеющих свои дома, 405 людей разного звания. А всего проживало 1388 семей. По сравнению с 1806 годом население увеличилось всего на 9 семей, но резко (на 139 семей) уменьшилось число самих обывателей, зато возросло число чиновников и военных (почти на 100 семей»).* (Там же. Стр.65).

«Заметно было, как он поднялся сам собою, - писал о Томске начала XIX века Ф. Вигель, - *вырос естественным образом, без усилий правительства… Следуя течению времени он от младенчества перешел в зрелый возраст. В нем считалось более 8 тысяч жителей… Общества никакого еще не было…».* (Стр. 156).

[3] **Очередной такой пожар Г.С. Батеньков мог наблюдать лично через несколько месяцев после приезда**: 10 августа 1817 года огнем было повреждено множество домов, ущерб составил 9310 рублей. (Емельянов Н.Ф. Стр. 35).

[4] **По данным Н.Ф. Емельянова, в 1815 году здесь проживали:**

19 купцов, 730 посадских (51 процент всего населения), 277 ремесленников, 18 бухарцев, 28 ясачных, 67 крестьян, 80 военнослужащих и отставных, 21 из числа приказных и столько же ямщиков, 18 церковнослужителей. А общее число домовладельцев составляло 1444 человека (Там же. Стр. 34).

[5] ***«Жители Томска не могут починивать пред домами своими мостовых, отговариваясь, что не имеют леса,*** - сообщал губернатор, – *отчего по улицам деревянные мостовые никогда не были починяемы в свое время прочно и исправно, а ныне в такое пришли положение, что в проезде по оным нет ни малейшей удобности, кроме явной опасности и повреждения экипажей».*

Приступить к строительству новых деревянных мостовых, по его мнению, было сложно, ибо *«не бывает <тут> хорошего леса даже для починки мостовых; вся почина бывает из мокрого и весьма худого леса»,* из-за чего *«мостовые тот же час начинают шататься и наводить опасность или проламываться и оставляют дыры».* В то же время вокруг Томска и на реке Ушайке имелись в изобилии бутовый камень, щебень и дресва, *«которые могут быть получаемы перевозкою и употреблены на мостовые»,* так как обладают прочностью, а жители города в таком случае *«избавятся от тех издержек, какие ежегодно употребляются ими на деревянные мостовые».*

Исходя из этих соображений, губернатор велел объявить томичам о необходимости **заготавливать, *«как только вода убудет»,* щебень и дресву с хворостом, *«с доставкою и привозом против своих домов».*** (ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 885 л. 315-316).

[6] Котляров Г.М. Стр. 147

[7] Там же.

[8] **В мае 1816 года губернатор Д.В. Илличевский распорядился думе *«поручить инженер-подполковнику Лукину осмотреть в городе Томске взвозы, мосты и площади*** *с тем предположением, чтобы произвести их в надлежащую и возможную исправность».* Думе следовало предоставить Лукину в помощники кого-то из гласных, что и было сделано. (ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 885 л. 256).

Через месяц, 27 июня, губернатор сделал следующее распоряжение:

«Необходимость требует привести в лучшее устройство по городу главные съезды и спуски, также некоторые мосты и площади, в чем предстоит ныне возможность под наблюдением г. инженер-подполковника Лукина».

Губернатор предложил ему *«привести в положенную известность все находящиеся в губернском городе неустройства и затруднения в проездах, и площади, напитанные почти везде грязью и мокротою с вредным на здоровье людей испарением и великою неудобностию»* привести также в порядок.
Сделав осмотр, Лукин представил свои замечания и предложения.
После чего губернатор *«назначил некоторые необходимые поправки публичных главных взвозов»,* поручил настилать площадь фашинником и насыпать дресвою, а *«новый мост через Исток, впадающий в Томь, привести в исправность ныне же летом, употребив в работы содержащихся в остроге по неважным преступлениям колодников, которых посылают на поселение».* Одновременно дума получила распоряжение *«готовить материалы, которые колодники заготовить в городе не могут…употребив на это средства из городских доходов»* и поручив это кому-то из гласных думы.
Приступить к работам надлежало немедленно, для чего предписано было приготовить инструменты, отвести для рабочих особый дом, начать отпускать строителям хлеб и давать деньги на другие нужды, *«дабы они имели надлежащее продовольствие».* (ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 885 л. 331-332).
[9] **Еще до приезда Г.С. Батенькова наметился определенный план благоустройства города**, но он полагал необходимым скорректировать этот план.
Намечалось благоустроить следующее:
1. подъем и спуск на Воскресенскую гору,
2. дорогу по Московскому тракту и спуск с Юрточной горы;
3. взвоз на Юрточную гору;
4. площадь против главной гауптвахты *«и вокруг оной»;*
5. площадь у Благовещенской церкви;
6. площадь *«против Гостиного ряда до Рыбного ряда»;*
7 площадь *«против Рыбного ряда и Калашного»;*
8. мосты через Ушайку;
9. спуск с Юрточной горы *«мимо Татарской деревни через Исток».*
(ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 885 л. 333).
[10] **Деволант Франц Павлович**, **de Voland** – возглавлял при Г.С. Батенькове Главное управление путей сообщения. *«Из французской фамилии, в Голландии поселившейся,* - пишет князь П. Долгоруков, - *служил в Голландии инженерным офицером и 30 октября 1787 года поступил в русскую службу. Он находился в чине подполковника начальником инженеров в войсках Суворова. При Павле отставлен от службы, но вскоре опять принят в службу членом Департамента водяных коммуникаций. По этой части он оказал России огромные услуги. В 1809 году учреждено было Управление путей сообщения под номинальным начальством доброго и ученого, но совершенно неспособного принца Георгия Ольденбургского, мужа умной великой княгини Екатерины Павловны, и Деволан, в чине инженер-генерала, был настоящим начальником этого ведомства, а по кончине принца, в декабре 1812 года, назначен главноуправляющим путями сообщения. Он умер 30 ноября 1818 года, и место его заступил Бетанкур».* (Долгоруков П. Стр. 386).
[11] Котляров Г.М. Стр. 146-147
[12] Баландин С. Стр. 93.
[13] Большаков В. Стр. 31.
[14] Котляров Г.М. Стр. 148
[15] ГАТО ф. 127 оп. 2 д. 199 л. 4 - 4 об.
[16] Письма Батенькова Г.С. Стр. 97

IV

[1] Письма Батенькова Г.С. Стр. 72.
[2] Там же. Стр. 72-73.
[3] **Высшая томская администрация состояла из следующих чиновников**. Главой края тогда был действительный статский советник *«орденов Св. Анны II класса и Св. Владимира IV степени кавалер»* Дамиан Васильевич Илличевский, а Томское губернское правление возглавлял вице-губернатор статский советник Михайло Львович Ламанов, с которым Г.С. Батеньков, главным образом, и сошелся в свой первый томский приезд (позже его сменил статский советник Николай Петрович Горлов). Должности советников губернатора занимали коллежские асессоры Пантелеймон Селиванович Демидовский, Сергей Иванович Мешков и Василий Михайлович Кобылин. Секретарем правления служил титулярный советник Петр Григорьевич Шохин, место губернского прокурора занимал коммерческий советник Андрей Иванович Кротов, губернским архитектором был отставной поручик Алексей Петрович Деев. (ГАТО ф.1 оп. 1 д. 1334 л.3).
Любопытную характеристику томскому обществу этого периода находим у И.В. Щеглова, который ссылался на слова М.М. Сперанского: *«Из трех Сибирских губерний нет теперь Библейского учреждения в Томской; но там нет ни одного замечательного духовного лица, гражданские чины не тверды на местах, а купечество и все почти обыватели суть закоренелые раскольники».* (Стр. 404).
[4] Письма Батенькова Г.С. Стр. 73
[5] Письмо от 30 мая 1817 года. (Там же. Стр. 75).
[6] Письмо от 19 июля 1817 года (Там же. Стр. 77).
[7] Письмо от 20 июля 1817 года (Там же. Стр. 77-78).
[8] **Одно из первых стихотворений Г.С. Батенькова**. (Там же. Стр. 58).
[9] Письмо от 30 мая 1817 года (Там же. Стр. 75).
[10] **Отец Г.С. Батенькова был женат вторым браком на дочери тобольского мещанина Урванцева**. И хотя биографы Г.С. Батенькова отмечали, что он был двадцатым ребенком в семье, родных братьев и сестер к той поре у него, как видно, не осталось. Подтверждение тому находим в архивах. Так, испрашивая в апреле 1819 года пожалованный за военную службу пенсион и собираясь отъехать, Г.С. Батеньков обратился в Совет путей сообщения со словами: *«Требовать от меня, чтобы я перепоручил по доверенности получение этих денег невозможно, так как, не имея родственников, затруднять совершенно никого не могу…»* (ГАОО ф. 4 оп. 1 д.176 л. 219).
В «Повести собственной жизни» декабрист отмечал, вспоминая детство: *«У меня много было бабушек, все они добрые, кормили пряниками и потчевали другими сластями. Одна только из них была гордая, строгая, сущая аристократка. Это мать первой жены отца и родная бабка моему старшему брату. Прогневавшись на вторую женитьбу, она запретила внуку называть мачеху матерью и детей ее братом и сестрою. Повиновение было безусловное, и хотя брат был уже поручиком, не смел ослушаться, пока она была жива. Никогда у нас не бывала, и только тайно посещала нас ее другая, добрая сестра. Мы одни с отцом являлись к ней. Я получил, не знаю уже какой заслугой, обильную дачу коврижек и право называть ее бабушкой, но не всегда просто, а более с эпитетом «бабушка Николаевна». Под конец и с брата Николая снялось запрещение хотя робко, не совсем решительно, но называть меня этим дорогим именем».* (Стр. 92).
Упоминание об этом брате имеется в архивах ведомства путей сообщения. В личном деле инженера Гаврилы Степановича Батенькова есть бумага, датированная апрелем 1811 года, когда он учился во 2-м Кадетском корпусе. Это короткое письмо якутского мушке-

терского полка майора Аншера, в котором тот сообщает о капитане **Николае Степановиче Батенькове**, убитом в сражении. И обещает выслать *«оставшиеся после него»* 100 рублей ассигнациями и какие-то вещи. *«По собрании оных обязуюсь то же время посредством почты доставить»,* - заключает майор (ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 129 л. 61).

[11] Письмо от 3 октября 1817 года (Письма Батенькова Г.С. Стр. 83).

[12] Письмо от 5 декабря 1817 года. (Там же. Стр. 85).

[13] Там же. Стр. 86

[14] Письмо от 30 мая 1817 года. (Там же. Стр. 76).

[15] Из писем от 8 ноября 1817 г. и 19 января 1819 г. (Там же. Стр.85, 87).

[16] Эти книги, как видно из описи Батеньковской библиотеки, у него впоследствии и оказались (Сабуров А.А. Стр. 18).

[17] Комментируя это сердечное увлечение, А.А. Брегман высказал предположение, что **речь идет о любви Батенькова к молодой жительнице Тобольска Марии Ивановне (впоследствии Кочетовой).**

Он же первым из исследователей приводит письмо Батенькову некой **Окулины Ивановны** от 30 мая 1817 года, где она сообщает, что *«дал Бог сына Петра Гавриловича»,* поздравляет с его рождением и просит *«не оставить при едаком случае и помочь своим радением».* А.А. Брегман пишет: *«К сожалению, на протяжении свой жизни Гавриил Степанович, нежно любивший даже чужих детей и мечтавший сам о сыне и женитьбе, ни разу не упомянул о своем (!?) сыне Петре. Не исключено, что ребенок Акулины Ивановны прожил недолго и не оставил следа в биографии отца. Возможно также, что письмо попало к адресату уже тогда, когда младенца не было в живых. Адресатка могла быть какой-то знакомой или служанкой в доме матери Гавриила Степановича в Тобольске, где «слепой божок сшутил» над ним…».* (Брегман А.А. Стр. 423).

Сообщив о сыне, Окулина Ивановна добавляет, что отправит записку *«с верным человеком»,* пошлет *«чрез кума Илью Иванова».* А на обороте записки читаем: *«Кланяется вам и желает вам быть здоровым, <желает > уведомить, что мы живы-здоровы и ожидаем ответа от вас. Не прогневайтесь, что пишу… Не оставляйте моей просьбы, потрудитесь мне сказать… Известите своим письмом о своем здоровье».*

(ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 129 л. 99).

V

[1] Котляров Г.М. Стр. 148

[2] Большаков В. Стр. 31

[3] Котляров Г.М. Стр. 149

[4] Там же.

[5] Там же. С. 150

[6] Там же.

[7] **Из письма полковника Ф.Ф. Риддера генерал-аншефу Ф.П. Деволанту**:

«По случаю необходимой надобности быть для собственных моих обстоятельств в Санкт-Петербурге, а потом в Лифляндии, честь имею представить Вашему Высокопревосходительству на Высочайшее имя прошение, и покорнейше прошу удостоить меня отпуском на четырехмесячный срок…».

Ответ был получен такой: *«В уважение надобностей ваших… дозволяю вам от занимаемой вами должности взять отпуск на четыре месяца».*

(ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 144 л. 5 – 5 об.)

[8] Там же.

[9] При этом **деньги на дорогу и жалование за текущий месяц,** как видно из архивных дел, Г.С. Батеньков в Томске не получил. Из чего можно заключить, что он был вынужден занять где-то средства, *дабы «отправился в Тобольск для принятия управления»* (Там же. Стр. 10).

[10] **Деев Алексей Петрович** – томский губернский архитектор. В истории томского зодчества это фигура *«столь же знаменательная, сколь и трагическая, если судить о финале карьеры».*

«За три года до создания Томской губернии Алексей Петрович Деев заканчивает Второй военно-инженерный кадетский корпус и в звании «инженерного кондуктора 2-го класса» начинает нести службу. Однако продвижение в чинах дается нелегко. Пять лет потребовалось на то, чтобы дослужиться до подпоручика. Еще три года ушло на получение звания поручика. При этих погонах молодой офицер попадает на турецкую войну. Но, судя по всему, долго участвовать в баталиях не пришлось. По неведомой причине Деева освобождают от военной службы и направляют в Бийск. Там поручик возглавляет инженерную команду и трудится на сем поприще до 1816 года, показав себя способным и грамотным зодчим». Затем в 1817 году он попадает в Томск и становится губернским архитектором… В этой должности Алексей Петрович строит в Томске воспитательный дом и городскую лечебницу, переделывает типовой проект здания присутственных мест» (Юшковский В.Д. Стр. 187).

«Неугомонный был человек, - писал о нем К.Н. Евтропов, - *всю жизнь как бы искал своего места, постоянно менял места и род службы; трижды выходил в отставку».* Но *«такие даровитые и энергичные личности, как Деев, не затеряются и не затираются. Несчастья не ослабляют их крепкого духа, но пробуждают к более энергичной деятельности…»* (Стр. 48).

По приезду М.М. Сперанского был взят в его свиту, попал в канцелярию нового генерал-губернатора. Работал зодчим в Нерчинске и Иркутске. Затем был назначен советником Томского губернского правительства, участвовал в Западной Сибири 1827 года. Заведовал в Томске экспедицией о ссыльных, занимался частной практикой, ибо *«кто любил хорошо и солидно строиться, без Деева не обходились».*

Среди лучших построек А.П. Деева в Томске – памятник зодчества особняк золотопромышленника И.Д. Асташева (1842 г).

Он же начинал строить самый величественный в Сибири кафедральный собор (по проекту академика Тона). Но когда рухнул массивный купол собора, от строительства его отстранили. И звезда архитектора А.П. Деева закатилась.

[11] ГАТО ф. 127 оп.1 д. 942 л. 79

Далее в документе говорится о том, что к концу года *«кроме Ушаешного мосту работ более уж ныне не производится»* (Там же, л. 79 об).

[12] Котляров Г.М. Стр. 153

[13] Там же.

[14] Письмо от 19 января 1818 года (Письма Батенькова Г.С. Стр. 87).

[15] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 129 л 18.

О том, как работала армейская канцелярия, говорит тот факт, что **Указ об отставке от военной службы**, подписанный генерал-фельдмаршалом князем Барклай де Толли 19 октября 1816 года, вышел лишь в марте 1818 года, когда Г.С. Батеньков находился в Тобольске.

[16] **В документе сказано, что на конец января 1818 года в кассе X округа путей сообщения имелось:**

«83 рубля 42 копейки штатной окладной казны;

44 рубля 51 копейка воинской казны;
99 рублей 50 копеек экстраординарной казны.
Всего 227 рублей 43 копейки. О чем расписался унтер-офицер воинской команды Василий Казаринов».
(ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 144 л. 10).

[17] **Среди книг, имевшихся в округе, стоит отметить:**
«Сочинение тайного советника Вибикинга, часть II и часть III»;
«Урочные регистры»,
«Практическое руководство к утроению судоходных каналов»;
«Новейшие открытия по части водоходства»;
«Опыт теории быстротаянья рек»;
«Описание нового способа для употребления машинных цепей и усовершенствования крана»;
«Начальные основания статистики»;
«Основание начертательной геометрии».
Там же находился *«Журнал производимых для опыта дорожных работ»*, хранились **генеральные карты губерний,** входящих в Сибирский округ:
- Тобольской,
- Томской,
- Иркутской,
- Пермской;

а также *«карта Колыванских заводов и рудников,чертеж местонахождения между реками Чусовою и Исетью,генеральный план соединения рек Оби и Енисея (в 26-ти деталях), черновые планы и карты дорог, рек и чертежи судов, употребляемых в Сибири».*
(ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 144 л. 15 – 19).

VI

[1] Письмо от 19 января 1818 года (Письма Батенькова Г.С. Стр. 87).

[2] **Деятельность Г.С. Батенькова по сооружению моста** почти во всех известных работах излагалась в духе того не вполне достоверного и схематичного описания, которое еще в конце XIX века сделал И.И. Ореус. История с мостом в его трактовке сводилась, по существу, к иллюстрации «беспокойного» характера молодого инженера, тогда как, напротив, Г.С. Батеньков показал себя в этом конфликте человеком выдержанным и разумным. *«Местным губернатором*, - писал И.И. Ореус, - *подана была высшему начальству смета о стоимости постройки какого-то предполагавшегося моста. Батеньков вызвался построить его за полцены. Подобный поступок, который, вероятно, был не единственным в своем роде, мог бы при тогдашних сибирских порядках повлечь за собою крайне грустные последствия для молодого инженерного капитана. На его счастие около этого же именно времени… прибыл в Сибирь на ревизию знаменитый Сперанский…».* (Стр. 308).

[3] ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 818 л.1

[4] Там же, л. 2 об.

[5] **Раевский П.В. –** занял место губернского архитектора в 1809 году после А.П. Малышева, который не смог справиться со своими обязанностями и был заменен. Выпускник Академии художеств, работал в столице при Дворе, а затем *«решил поехать в Томск на самостоятельную работу»* – архитектор Камерон, его учитель, дал П.В. Раевскому от-

личный отзыв. По приезду он успешно выдержал экзамен и проработал в Томске около семи лет. В 1817 году, уже при Г.С. Батенькове, его заменил А.П. Деев.
«Наиболее крупной работой его в Томске был проект здания присутственных месть, выполненный на основе «апробованного» варианта Захарова. Раевский руководил ремонтными работами, а также проектировал остроги, казармы и т.п.». (Попов А.И. Стр. 44-45.
[6] ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 818 л. 7
[7] Там же, л. 24
[8] Там же, л. 20
[9] ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 942 л. 1
[10] Утверждать, что *«первые же столкновения с тяжеловесным… государственным аппаратом бюрократической монархии заставили… Батенькова задуматься над царившей в стране системой управления»* (Карцов В.Г. Стр. 33), думается, вряд ли возможно. А вот местные, сибирские порядки, очевидно, давали повод к размышлениям.
[11] Письма Г.С. Батенькова. С. 80
[12] ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 942 л.11об.
[13] **Нет никаких оснований говорить,** что Г.С. Батеньков *«почти с первых же шагов… в роли инженера-строителя столкнулся с крайне несочувственным отношениям к его новаторским начинаниям со стороны ближайшего начальства»*, как утверждал К Дубровский (С. 23).
И уж тем более несостоятельным видится утверждение, что Г.С. Батеньков в пору томской службы *«постоянно мучительно заботился о том, чтобы «обратить на себя какое-нибудь внимание»* (Брокгауз. С. 733). Хотя томское общество, как явствует из писем, ему совершенно не нравилось, поведение его не давало повода к подобным суждениям. Он оставался предельно исполнителен и заботился только о порученном деле. Ни на что другое, собственно, времени не оставалось.
«В службе не имею помощников, - жаловался он Елагину, - *тьма чертежей, тьма бумаг требуют упражнения моих рук, а желание не делать ничего не обдумавши отнимает много времени»* (Письма Г.С. Батенькова. С. 80-81).
[14] Никаких типовых, *«образцовых»* чертежей, как утверждали некоторые исследователи (в частности, А. А. Брегман, стр. 10) в основу Батеньковского проекта положено не было.
[15] Об этих «недочетах» можно заключить из **оправдательного письма Г.С. Батенькова в Совет путей сообщения.**
«Наконец, - пишет он, - *приемлю смелость донести, что и на будущее время к составлению проектов по всем правилам науки должно мне преобороть важнейшие затруднения по совершенному неимению здесь никаких практических инструментов. К тому же расстроенное мое здоровье от одиннадцати ран. В сражениях полученных, особливо при действии сурового климата ощутительных и нередко отнимающих употребление левой руки, наиболее изувеченной, имеют влияние на поспешность и чистоту отделки планов, для которых не получаю ниоткуда и потребных припасов, кои не должно достать иначе, как выписывая дорогой ценой из столиц, толико удаленных».* (Котляров Г.М. Стр. 152).
[16] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 84
[17] ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 942 л.84
[18] ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 942 л. 95-95 об.
Заканчивался документ просьбой о *«безотлагательном содействии»* в том, чтобы гласные *«выполняли вскорости все необходимые надобности»* по строительству моста.
[19] **Бродни** – вид обуви, высокие кожаные сапоги.
[20] ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 942 л.74-74 об.
[21] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 81-82

[22] Там же. Стр. 67
[23] ГАТО ф.127 оп. 1 д. 942 л. 75
[24] Там же, л.85
[25] Там же, л. 111
[26] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 85

VII

[1] **Стихотворение Батенькова «К математике»** /(Илюшин А.А. Стр. 124).
[2] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 86
[3] **Книжник** – армейское прозвище Г.С. Батенькова, так называли его близкие друзья-однополчане.
[4] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 162 л. 4 – 4об.
[5] **Одна из главных обязанностей сотрудников округа** состояла в *«собирании сведений»* – ведомство путей сообщения накапливало статистический материал, необходимый для принятия важных решений и составления проектов.
Вот один из характерных документов той поры, **рапорт Главного директора путей сообщения А.Ф. Бетанкура начальнику X округа Ф.Ф. Риддеру**:
«В рассуждении рапорта от 29 ноября о мерах, принятых Вашим Превосходительством к собранию статистических и гидрографических сведений по вверенному вам округу, даю знать, что я одобряю оные, равным образом изъявляю вам согласие мое и на командирование лучших и надежнейших смотрителей для обозрения рек, если сие не сопряжено будет с большими издержками, коих ожидать можно по великому пространству округа. Издержки сии должны быть ограничены ежегодно 2 тысячами рублями. Наставления и формы, Вашим Превосходительством по проекту сему сочиненные, признаю заслуживающими похвалу…».
(ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 232 л. 5).
[6] Можно предположить, что место в канцелярии Сибирского округа **Константин Чернов** получил не без участия Г.С. Батенькова, своего земляка, с которым встречался в Петербурге. Встречи, впрочем, носили одиозный характер: Чернов, как видно из архивного документа, то и дело просит у Батенькова, принятого в Корпус инженеров путей сообщения, денег.

«Милостивый государь Гаврила Степанович!

Я вчера посылал к вам, но Вас не было дома, - находим в записке от 18 сентября 1816 года, - *теперь я полагаю, что Вы свои дела уже окончили и может уделить время видеться с моими родственниками. Я вчера получил из деревни от тетки моей письмо, что она на этой неделе будет в Петербурге, и если Вы пробудете здесь, <сможете > увидеть родную сестру отца моего, которой не видели более двух лет».* Дальше просит занять 50 рублей и заканчивает словами: *«Поверьте Богу, более беспокоить не буду».*
(ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 129 л. 101).
Вскоре после того, как Г.С. Батеньков возглавил X округ, Филимонов умирает, и Чернов, хлопотами Гаврилы Степановича, занимает его место, становится во главе канцелярии.
[7] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 269 л. 8
[8] Письмо от 16 февраля 1818 года (Письма Г.С. Батенькова. Стр. 89).
[9] Там же.

[10] Друзья не только обменивались письмами: незадолго до этого Г.С. Батеньков, например, получил от Елагиных полотно, достать которое в Сибири было тогда чрезвычайно трудно.
[11] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 88
[12] Там же.
[13] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 92
[14] **Коллет Леонард Петрович** – коллежский советник, председатель Гражданской палаты в Тобольской губернии. Отношения с ним Г.С. Батенькова, несмотря на взаимную симпатию, как видно, не получили развития.
[15] **В эту пору Г.С. Батеньков вступает в Тобольское отделение Библейского общества** (ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 129 л. 70)**.** Общество было основано 6 декабря 1812 года, во главе его встал ближайший друг Александра I князь Александр Николаевич Голицын, министр духовных дел и народного просвещения (Тобольское отделение возникло в 1817 году). Как писал А.Н. Пыпин, провинциальные комитеты Общества возникли во многих городах Российской империи, там вели сбор пожертвований на издание священных текстов. За 4 года существования Общества было осуществлено 43 издания Библии на 17 языках – 196 тысяч экземпляров, а продано и роздано 20 тысяч экземпляров книг.
«Русская жизнь, - писал А.Н. Пыпин, - *до тех пор не представляла, кажется, никаких примеров общественной деятельности такого рода, и это едва ли не был первый случай соединения частных усилий в обширном предприятии на общую пользу».* (Пыпин А.Н. Исследования. Стр. 86).
Среди людей *«ревностных в делах благочестия и филантропии»* оказался и Г.С. Батеньков. Ежегодный его взнос в кассу Тобольского местного комитета Библейского общества составлял 5 рублей.
[16] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 90 – 91
[17] Там же. Стр. 91
[18] Там же. Стр. 92
[19] Там же.
[20] Там же. Стр. 97

VIII

[1] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 93
[2] **О томских чиновниках начала XIX столетия** находим в «Сокровенном Томске»:
«Взяточничеством в Томске грешили все или почти все. Низшее и среднее чиновничество предавалось разгулу и пьянству. Верхние слои, помимо этого, разделились на «парии», враждовавшие между собой по личным или корыстным мотивам… К 1818 году общество в Томске устойчиво делилось на три «партии». Первую возглавляли сам Илличевский и его приверженцы: советник губернского правления Демидовский, прокурор кротов, городничий Пенкин, бывший городской голова Чулошников и купец Касимов… С губернатором и его приспешниками непримиримо враждовал вице-губернатор Горлов, тоже имевший своих сторонников. Ими являлись командир гарнизонного батальона Трейблют, енисейский исправник Генц, советник гражданского и уголовного суда Балюра-Кондратьев. К ним примкнул сосланный в Сибирь на жительство Стратинович… Третьей партией была купеческая, но она не оформилась организационно». (Стр. 210).
[3] **Горлов Николай Петрович** – статский советник, занимающий в Томске должность вице-губернатора.

В Томске служил с 1806 года, получив место советника исполнительной экспедиции губернского правления. Быстро выдвинулся по службе. Должность вице-губернатора занимал в Томске с 1817 по 1821 год. Затем оказался в Иркутске, стал председателем Иркутского губернского правления. Был лишен должности из-за невыполнения предписаний в отношении государственных преступников, осужденных на каторжные работы после восстания 14 декабря 1825 года.

«Заступая место иркутского гражданского губернатора по случаю его отсутствия, - писал генерал-губернатор А.С. Лавинский, - *вы отправили сих преступников не в Нерчинск, как то следовало…но в заводы гражданского ведомства, вблизи Иркутска стоящие, и без разбору… Нахожусь в необходимости требовать от вас объяснения, по каким причинам вовлеклись вы в оплошность, столь непростительную».*

Н.П. Горлов дал подробное объяснение, а следом ответил на новое обвинение, доставленное из канцелярии генерал-губернатора, по поводу декабристов: *«Когда к дому городской полиции, в котором они содержались, поставлен был комендантом воинский караул, то ваше превосходительство… дали приказание караул сей снять, что и было тотчас исполнено. После чего всякий мог беспрепятственно иметь с государственными преступниками сообщение, и некоторые лица даже беспрепятственно у них бывали…».*

Естественно, возникло «*недоверие к нему со стороны гражданских начальников»* и Н.П. Горлов был предан суду Тобольской уголовной палаты.

(ГАТО ф. 417 оп. 1 д. 2 л. 16 – 26).

[4] **Трейблют (Трейблут) Иоган (Иван) Христофорович** – в 1818-1819 годах полковник, комендант томского гарнизона, затем генерал-майор.

В 1827 году стал Тульским губернатором, а позже, в 1831 году, членом совета Министерства финансов. В 1833 году получил чин действительного статского советника. Умер в 1848 году в чине тайного советника и похоронен на Смоленском кладбище в Петербурге. (Брегман А.А. Стр. 391).

[5] **Гонигман (Гонихман) Федор-Иоганн Иванович** – томский масон, в ложе «Восточного Светила» исполнял обязанности казначея, а затем надзирателя. Переехав в Петербург, стал представителем томичей в Директоральной ложе, получил должность ветеринарного врача придворных конюшен. Упоминается в письмах Г.С. Батенькова петербургского периода.

«Дружеские отношения с ним возобновились после освобождения декабриста из Алексеевского равелина. В письме И.М. Пущину 17 апреля 1857 г Батеньков писал: «Мне бы хотелось познакомить вас с одним немцем, старым моим и самым оригинальным приятелем Федором Ивановичем Гонихманом. Это первенец из ветеринарных врачей, рожденных Берлином для русской службы. Теперь, кажется, коллежский советник в придворном штате». (Брегман А.А. Стр. 440).

[6] Все эти люди вошли позже в **масонскую ложу**, созданную в Томске при непосредственном участии Г.С. Батенькова (Адрианов А.В. Стр. 35-38). .

[7] **Причины резкой перемены отношения к Г.С. Батенькову со стороны гражданских властей вызывали недоумение у многих исследователей.** Почти все были склонны искать их в служебных неурядицах.

Так, рассуждая об этом на архивном материале, Г.М. Котляров писал:

«Произошло так потому, что за это время томский губернатор получил, во-первых, от генерал-губернатора предписание присылать проекты Батенькова на одобрение, а кроме того Деволант запросил губернатора о деятельности Батенькова за прошлое лето, прося уведомлять об его деятельности и на будущее время «хотя повременно», чтобы Деволант мог «быть удостоверен о пользе, каковую приносит пребывание г-на Батенькова в Сибирском крае», а в частности Деволант осведомлялся об успешном устройстве

ключа. Такие предписания и запросы могли поколебать у Илличевского доверие к Батенькову. К этому прибавлялось еще то, что во время зимы в запертом резервуаре при ключе вода стала затхлой… Изменение отношений губернатора к Батенькову сказалось, прежде всего, в том, что губернатор совершенно игнорировал поданный Батеньковым еще перед отъездом в декабре 1817 г. проект на устройство бассейна внутри города. А между тем… устройство бассейна «составляло прежде одно из первых желаний его превосходительства» (Котляров Г.М. Стр. 154).

Признавая такие доводы, во многом, основательными, нельзя все же согласиться с главным выводом. Не выдерживает критики и мнение, высказанное в комментариях к «Письмам» Г.С. Батенькова 1936 года издания, будто бы *«зрелище Сибири возбудило в Батенькове протест и что его деятельность клонилась в сторону устранения административных недостатков сибирского управления, вызывая против него клевету и интриги»* (Сабуров АА. Стр. 178).

По-видимому, дело обстояло в другом: Г.С. Батеньков, скорее всего, навлек недовольство сближением с кругом чиновников, которые сохраняли некоторую независимость суждений и состояли в довольно призрачной оппозиции к губернатору. Вряд ли мог понравиться Д.В. Илличевскому и образ мыслей самого Г.С. Батенькова. *«Вполне можно предполагать,* - справедливо отмечал В. Карцов, - *что взгляды и настроения будущего декабриста, а к тому же его участие в масонской ложе, где он, вероятно, довольно свободно их высказывал, достигли ушей томского губернатора Илличевского… Возможно этим и объясняются гонения, как-то сразу, неожиданно обрушившиеся на Батенькова»* (Карцов В. Стр. 37).

[8] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 167 л. 3

[9] Там же, л. 4 – 4 об.

[10] Эти рассуждения были использованы при написании **служебной записки в Совет путей сообщения, озаглавленной «Сведения о вскрытии рек Х округа».** Следующей весной, в апреле-мае 1819 года, Г.С. Батеньков продолжил научные наблюдения. (ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 167 л. 2 - 15).

[11] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 129 л. 25

[12] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 94

[13] Там же. Стр. 94

[14] Там же. Стр. 95

[15] **Жуковский Василий Андреевич –** поэт, внебрачный сын богатого помещика Афанасия Ивановича Бунина.

Образование получил у домашних учителей, затем в Тульском пансионе Роде и в народном училище. Потом был взят в семью сестры Варвары Афанасьевны Юшковой, где продолжал учиться под руководством гувернанток. В 1800 году закончил Благородный пансион при Московском университете. Вместе с А. Тургеневым и А. Мерзляковым организовал «Дружеское общество», куда входили некоторые литераторы, стал печататься в «Вестнике Европы». В начале войны 1812 года вступил в ополчение, а в январе 1813 года возвратился из армии в родные места (с. Долбино Орловской губ.). Затем уехал в Петербург, поступил на придворную службу. С 1826 года был воспитателем наследника престола будущего царя Александра II (при котором декабристы и Г.С. Батеньков в их числе вернулись из ссылки). Был близко знаком с лучшим людьми эпохи. Один из активных членов литературного общества «Арзамас». Много путешествовал за границей, плодотворно работал. В 1840 году уехал в Германию и после краткого возвращения в Петербург навсегда поселился в Дюссельдорфе, где и умер. Первое полное собрание в 12-титомах вышло в 1902 году. (Русские писатели. Стр. 325-331).

«Знать Жуковского и не любить его было делом невозможным, - писал Ф. Вигель. – *Ни на одного из поэтов он не был похож. Как можно всегда подражать и всегда быть оригинальным? Как можно уметь так трогательно, всею душой грустить и потом от всего сердца смеяться?»* (Вигель Ф.Ф. Стр. 54).

[16] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 95.

[17] Есть основания полагать, что при этом были допущены отступления от утвержденного проекта, который представил Г.С. Батеньков.

[18] ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 1044 л 14

IX

[1] **Молчанов Мирон Филиппович** – сослуживец Г.С. Батенькова по артиллерийскому полку, чиновник канцелярии Иркутского губернатора Н.И. Трескина, а с 1819 года – секретарь канцелярии Сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского. *«Молчанов – не очень грамотный, но сметливый и бойкий на словах чиновник»,* - писал о нем М.А. Корф. - Настолько бойкий, что М.М. Сперанский пожелал избавиться от него, взяв на его место, по рекомендации князя А.Н. Голицына, Е. Д. Борисоглебского – *«из тамбовских семинаристов, чистых правил и с замечательным пером».* (Корф М.А. Стр. 209).

[2] **«*Здесь я отыскал Молчанова, – знакомого тебе по корпусу и лейб-шампанскому полку,*** – сообщает Батеньков другу. – *Он тебя знает – и не дает ли уже ето ему права требовать у меня всего, что могу сделать? Он нещастлив, лишен всего – за грубость против начальства. Теперь принят в доме губернатора и вице-губернатора как учитель французского языка!!! – что делать, не имея лучшего, надобно быть и тем довольну* (Письма Г.С. Батенькова. Стр. 86).

[3] ***«Масоны создают… новую науку о человеке****, как единстве разнородных стихий, борющихся друг с другом, и долженствующих быть в гармонии и равновесии,* – пишет современный исследователь масонства Всеволод Сахаров. - *Рядом с разумом просветителей они ставят сердце, душу, чувства, веру, поэтическое проницание, и под влиянием этих мощных стихий сам разум меняется, усложняется и далеко уходит от остроумного, но одномерного «эвклидовского» мышления энциклопедистов, процветавшего в парижских салонах… Закрытая «школа великих таинств натуры» в эпоху просветительского механистического материализма… вдруг заявляет, что мысль и дух нематериальны, и что единственный путь познания – это «сверхнатуральное» постижение высшей мудрости – откровение».* (Сахаров В.И. Стр. 13, 31).

[4] **Находясь в Сибири, Г.С. Батеньков оставался членом масонской ложи «Избранного Михаила».**

Верность масонским идеалам он, в отличие от большинства «вольных каменщиков», пронес через всю жизнь. *«Его масонство,* - отмечал С.Н. Чернов, - *было, в отличие от масонских увлечений и искательств многих, глубоким и искренним состоянием души».* (Стр. 60).

Масонство для Г.С. Батенькова не было модным увлечением, постулаты этого «закрытого» эзотерического учения были ему чрезвычайно близки, что отразилось в письмах и нашло выражение в поэзии Г.С. Батенькова. Исследователь его поэзии А.А. Илюшин писал, что мистико-религиозные мотивы занимали отчетливо значимое место в романтической поэзии декабриста. То же самое находил В.И. Сахаров, посвятивший масонской литературе замечательную книгу «Иероглифы вольных каменщиков». Так, автобиографическая поэма «Одичалый», по его мнению, однозначно принадлежит к масонской

поэзии, *«в ней никак нельзя видеть одну только исповедь декабриста».* Хотя в этой поэме *«масонская ода с ее разработанной системой символов не может существовать самостоятельно, сливается с романтической историей о гонимом, несчастном герое…»* (Сахаров В.И. Стр. 144 – 147).

Лишенными основания представляются доводы авторов томской книги «Декабрист Батеньков», которые ставили декабристам в вину *«избавление человека от цепей духовных, а не крепостнических»* и убеждали: *«Не следует делать вывод, что масонство явилось предварительной ступенькой декабризма, скорее наоборот – оно мешало развитию передовых идей и освободительного движения».* (Бородавкин А.П. Стр.16). Декабристы той поры, читаем дальше, *«не только не посягали на существующие порядки, но своей религиозно-мистической деятельностью способствовали укреплению этих порядков».*

В действительности всё обстояло наоборот: именно масонство для многих членов тайных обществ стало «школой» либерализма, первопричиной благотворительной и просветительной работы. Иначе становится непонятным, отчего царское правительство так последовательно, начиная с 1820 года, преследовало русских масонов, добиваясь закрытия масонских лож. И даже когда декабристы, тяготея к общественной, политической деятельности, порвали с масонством, преемственность взглядов оставалась очевидной. Но лишь единицы из них, включая Г.С. Батенькова, остались верны увлечению юности даже на склоне лет, что нетрудно заметить из писем и автобиографических записей бывшего инженера-строителя. Поэтому утверждать, что Г.С. Батеньков со временем *«постепенно охладевает к своему увлечению масонством»* (Там же.), совершенно несправедливо.

[5] ***«Нравы сибирские под влиянием административного произвола ожесточились,*** - отмечал М. Петров, - *но велика и обширна Сибирь, и не могло начальство вплотную подойти к населению, это спасло сибиряков от окончательной порчи… Коренные жители научились тонко хитрить, стали очень осторожны и, как говорится, «себе на уме»... К религиозным обрядам сибиряки равнодушны. Роскошно украшенные церкви встречаются очень редко…»,* а присутствие большого количества ссыльных, *«испорченных людей дурно влияет на местное население, особенно на молодежь. Сибиряки успели кое-где порядочно испортиться, вдоль проезжих трактов и около бывших каторжных заводов коренное население отличается мошенническими наклонностями».*
(Петров М. Стр. 84 – 89).

В 1811 году в губернаторском отчете было сказано: *«Население Томской губернии, столь отличное от внутренних российских как по нравственности, таки по религии народов, в ней обитающих, требует лучшего надзора городской и земской полиции».* (Попов А.И. стр. 30).

[6] **Масонские воспоминания Батенькова** (Пыпин А.Н. Материалы. Стр. 271-272).

[7] *«Новое масонство мало чем отличалось от господствующего в общественных настроениях мистицизма, получившего официальную санкцию в деятельности полуправительственного* ***Библейского общества****… В этой связи следует прежде всего упомянуть деятельность ложи «Избранного Михаила», Досточтимым Мастером которой был известный художник и гравер Ф.П. Толстой».* (Новиков В.И. Стр. 28).

Художнику Федору Толстому посвятил свою книгу томич Л. Пичурин. *«Ложа «Избранного Михаила»,* - писал он, - *находилась в здании на углу Адмиралтейского и Невского проспектов, в бельэтаже. Помещение было оборудовано самим Федором Петровичем с большим вкусом, с точным соблюдением всех масонских аллегорий и считалось лучшим из всех тогдашних масонских лож в Петербурге».* Члены ложи отдали дань филантропии, помогали людям, *«терпящим крайнюю нужду», «основали заведение для продажи разных вещей в пособие бедным всякого состояния»,* хотели устроить ланкастерскую школу…*».* (Стр. 99-104).

[8] Согласно учению масонов, творцом мира был **Верховный Архитектор Вселенной.** *«Архитектура – символ фундамента Ордена «вольных каменщиков», появился в память строителей и зодчих старинных храмов, дворцов и зданий. Поэтому на масонов возлагалась обязанность приобретать знания во всех серьезных делах. Одной из центральных фигур обрядности масонов был образ Архитектора – руководителя работ… Циркуль в сочетании с наугольником принадлежал к основным инструментам каменщика для производства измерений; считается активным началом с воздействием на материю раздвигаемыми частями с высшим углом в 180 градусов».*
(Соловьев О.Ф. Стр. 105, 319).

[9] Масонские воспоминания Батенькова. Стр. 272.

[10] Там же. Стр. 272-273

[11] **Восток** в воззрениях масонов играл важную роль. Это символическое направление, *«освященное пространство, источник света, мудрости и красоты».* (Соловьев О.Ф. Стр. 225).

[12] **Факел и треугольник** – известные масонские символы. Треугольник считался *«символическим изображением Божества».* Вообще, цифра «три» играла у масонов важную роль, знаменуя собой принцип троичности, символ которой – лучезарная Дельта с оком внутри нее. Огонь *«считался одним из главных элементов очищения адепта перед третьем путешествием в процессе получения второй степени подмастерья. Иногда означал факел в образе солнца…».* (Там же. Стр. 105, 279). По А.Н. Пыпину, масонство состояло из трех великих принципов: братской любви, помощи и верности. (Пыпин А.Н. Русское масонство. Стр. 66).

[13] В книге **А. Адрианова** томским масонам посвящена отдельная глава. *«Вероятно,* ***томская масонская ложа,*** - говорится там, - *насчитывала в своем составе более или менее значительный круг лиц, только достаточных сведений об этом нет, а равно и о деятельности ложи мы не имеем».* (Стр. 37).

Список членов ложи «Восточного светила» действительно не сохранился, но можно предположить, что она была немногочисленной. Круг лиц, которым близки идеи масонства, в Томске начала XIX столетия не мог быть «более или менее» значительным, об этом говорят исследования, где указан социальный состав населения, подчеркивается его низкий образовательный уровень, почти полное отсутствие общественной мысли. Но сведения о главных членах томской ложи, взятые у А.Н. Пыпина, не подлежат сомнению. Основателями ложи, кроме Г.С. Батенькова, там названы Н.П. Горлов, И.Х. Трейблют, Ф.И. Гонигман, И.И. Нимейер, К.Х. Трейблют, И.Г. Иванов, В.М. Кобылин. Почти все они были чиновниками и занимали разные должности в Томском губернском правлении.

«Томская ложа, - писал А. Адрианов, - *находилась в союзе с так называемой* ***«Великой Ложей Астреи»*** *в Петербурге, и потому у нее был здесь свой «наместный представитель»; в качестве такого представителя состоял несколько лет Н.И. Кусов, живший в Петербурге, но имевший связи с томскими масонами. Сам Кусов принадлежал к Петербургской ложе «Избранного Михаила». В 1820 году, кроме Кусова избран был вторым представителем томской ложи граф Владимир Петрович Толстой. Старший мастер ложи Н.П. Горлов, после трех лет службы, был избран почетным членом Астреи, т. е. Удостоился высшего звания, о каком мог мечтать каждый масон».(*Там же. Стр. 38).

Н.И. Кусов, ставший петербургским градоначальником, и брат его А.И. Кусов упоминаются в книге Л.Ф. Пичурина, как активные деятели ложи «Избранного Михаила» (Стр. 99).

[14] **В сражении под Монмиралем (Монмиреем) Г.С. Батеньков получил 11 штыковых ран.** Одна из ран оказалась особенно опасной: вражеский штык прошел сквозь горло и воткнулся в землю. А среди масонских знаков, помогающим братьям по ордену *«распо-*

знавать друг друга вне масонских лож», был такой: «ученик поднимает под горло правую руку с оттянутым в сторону большим пальцем, остальные сжаты в виде наугольника, левая рука при этом опущена вдоль туловища» (Соловьев О.Ф. Стр. 240). Невольное расположение рук Г.С. Батенькова в ту минуту спасло ему жизнь. Однако «чрезмерную храбрость» его полковое начальство не оценило.

За этот бой Г.С. Батеньков, в отличие от других офицеров полка, менее достойных награды, не возымел ничего. *«За Монмираль,* – с обидой писал он А.А. Елагину, - *ты и Андреев получили Анненские шпаги, Владимира с бантом < получили > все наши, даже и Бердяев, кроме меня одного, я получил ноль, потому что более всех надеялся получить что-нибудь».* (Письма Г.С. Батенькова. Стр. 55).

[15] Масонские воспоминания Батенькова. Стр. 276.

Эта правдивая история, став классическим случаем подобного рода, вошла во многие книги по русскому масонству. О ней упоминали известные исследователи прошлого, включая А.Н. Пыпина, и современные историки. *«Были случаи,* - писал О. Ведьмин, - *когда масонское братство спасало русских офицеров, казалось, уже от неминуемой гибели».* И приводил рассказ о Г.С. Батенькове. (Стр. 137).

[16] *«Высокие моральные требования, которые масонский устав предъявлял братьям, заставил томских чиновников сплотиться* ***для искоренения конкретного зла****: хищений и злоупотребления властью со стороны губернатора»,* - указывал В.Д. Славнин (Стр. 211).

Масоны были людьми действия, свои собрания они называли работой. Но *«это была работа над собой, они были чужды политике… Политические интересы были категорически запрещены масонству, как занятия, искажающие самую цель ордена».* (Лотман Ю.М. Стр. 369).

[17] *«По* ***«Уложению великой масонской ложи Астреи»*** *все ложи, принадлежащие к ея союзу, должны были вносить ей ежегодно в июле месяце по Иоаннову червонцу за каждого присутствующего или действительного члена , т. е. по полтора рубля серебром, доколе они будут по курсу… в 5 рублей ассигнациями».* Эти деньги шли на открытие благотворительных заведений. Их следовало вносить в *«сохранную кассу для приращения процентов»* и на что-то другое употреблять возбранялось.

Туда же шли добровольные пожертвования.*«Сборы на бедных производились в каждом заседании отдельных лож, и по законам Астреи даже не пришедший в заседание ложи обязан был прислать подаяние в пользу бедных. Денежные штрафы с провинившихся против правил ложи братьев тоже взимались в пользу бедных».* На эти средства братья оказывали единовременную помощь, давали ежемесячные пенсии в размере 5-10 рублей, помогали находящимся в тюрьмах арестантам, в некоторых случаях давали бедным на погребение родственников. (Семевский В.И. Стр. 406).

[18] ***«К этой ложе принадлежали из местных купцов Поповы, Христофор и Андрей,*** - читаем у А. Адрианова, - *У дочери первого из них, Татьяны Христофоровны, вышедшей замуж за писателя Н.М. Наумова, сохранялся, в качестве реликвии, стаканчик из зеленого стекла грубой работы, с масонскими знаками, присвоенными Томской ложе».* (Стр. 37).

[19] Масонские воспоминания Батенькова. Стр. 273

[20] Там же. С. 275

[21] **Н.И. Кусов от звания представителя «Восточного Светила» отказывался,** а томская ложа *«старалась удержать его и на будущее время».* Какое-то время интересы томичей в «Астрее» представляли двое – сам Кусов и граф Владимир Петрович Толстой (Пыпин А.Н. Материалы. Стр. 278).

[22] Там же.

X

[1] **На строительство моста город выделял разное количество рабочих рук.** Бывали дни, когда там было занято, от силы, десятка полтора людей, а в иные дни, как в феврале 1818 года, в постройке участвовало свыше 60-ти человек. Дума постановила плотникам давать 30 копеек в день, простым же рабочим платить по 15-ти. И тем, кто старается, решила добавлять, а тем, кто ленится, – платить меньше положенного. Но из этой повременной платы рабочим, пользовавшимся казенной одеждой, стали вычитать какую-то сумму. Хотя из документов видно, что таковой одежды было вдоволь – даже образовался некоторый излишек, каковой дума вознамерилась продать на градском рынке, попросив это сделать гласного Андрея Барабанщикова. Захватив ношеные шубы и рукавицы, гласный подался на рынок, но *«за означенную цену, 34 рубля 82 с половиной копейки, продать оные шубы на базаре не смог»*. (ГАТО ф. 127 оп.2 д .189 л. 12; ф. 127 оп. 1 д. 942 л. 96-104).

Кроме моста, работы шли на берегу, по укреплению и *«уравнению правого берега Ушайки».* Там тоже применялся труд колодников.

[2] **О ценах на строительные материалы в те годы можно судить из следующих архивных данных:**

кирпич (тысяча штук) стоил 10 рублей,
пуд извести – 10 копеек,
пуд полосового железа в связке – 2 рубля 70 коп.,
пуд железа листового, на крыши изготовленного – 14 рублей,
лес круглый в 12 аршин длины (за бревно) – 2 рубля 50 копеек,
он же в 10 аршин длины – 1 рубль 80 копеек,
плахи ломовые:
длиной в 12 аршин – 120 копеек,
длиною в 10 аршин – 90 копеек,
тес крышечный (сотня) – 40 рублей,
стёкла (сотня) – 60 рублей.

Цена труда на строительстве:

каменщикам за кладку здания (тысяча штук кирпича) платили 10 рублей,
штукатуры с квадратной сажени брали 1 рубль 50 копеек.

Это сведения, которых добивался от думы инженер III класса Г.С. Батеньков при составлении сметы на строительства моста, и которые он получил с большим опозданием.
(ГАТО ф 127 оп. 1 д. 974 л. 5).

[3] **Такое обращение поступило к Г.С. Батенькову со стороны думы в октябре 1818 года.** Тот незамедлительно выдал чертеж строящегося моста – точно такой, какой был отправлен в свое время главному управляющему путей сообщения Ф.П. Деволанту и губернатору В.Д. Илличевскому. А к рисунку моста приложил *«перечневую выписку исчисленным на постройку моста материалов»* с указанием их количества, но не цены, поскольку финансовая сторона дела от него совершенно не зависела.
(ГАТО ф.127 оп. 1 д. 942 л. 36, 59).

[4] **Финансовой отчетности на выборных должностях** в ту пору не было почти никакой, отсюда – злоупотребления и случаи казнокрадства.

Так, в июле 1817 года, уже при Г.С. Батенькове, в думе разразился скандал, связанный с присвоением общественных денег. Один из почтенных томских купцов, Петр Чулошников, возглавлявший тогда городское управление, обвинил в казнокрадстве гласного Батурина, который весьма тяготился исполнением общественных обязанностей и искал слу-

чая освободиться от сей обузы. *«По случаю неотлучного от должности пребывания»,* он *«чувствовал крайнее для себя отягощение»*, что, по его мнению, *«неизбежно должно было расстроить его состояние»*, а потому просил уволить от должности хотя бы его на четыре месяца.

Просьба эта осталась без удовлетворения, а вскоре выяснилось, что Батурин, в бытность его мещанским старостой – при прежнем градоначальнике Шутове, положил в карман изрядную сумму, 878 рублей 85 с половиной копеек. Полиции было предписано тотчас взыскать присвоенные деньги и отослать в думу, а до тех пор его, Батурина, из города не выпускать. И если денег не будет или он *«не представит обеспечение на означенную сумму»*, полиции дано было право изъять в пользу общества его, Батурина, имение. Причем это был не единственный случай воровства: Батурин «*неоднократно был уличен в утаивании… немалого количества общественных денег».*

(ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 948 л. 5 – 16).

[5] Котляров Г.М. Стр. 154 –155

[6] **В Томске А.П. Деев** *«стяжал себе репутацию умного и разносторонне сведущего чиновника, живого и хорошо знающего своё дело техника».* (Евтропов К.Н. Стр. 49).

[7] **Это предписание было сделано благодаря губернатору**, указавшему думе, что есть потребность в новых воинских сооружениях.

По смете **А.П. Деева** на устройство «плац-форм», строительство шлагбаумов и гауптвахт отпущено было 1832 рубля. Но сделать распоряжение о заготовке необходимых материалов дума не спешила, пока не вмешался Илличевский. Городское управление, сказал он, *«более месяца потратило в разных отговорках, форменных переписках и требовании от прежних членов думы сведений, не поступивших якобы новым членам думы»,* которым следовало *«привесть всё в известность на самом ближайшем времени».*

Губернатор распорядился, чтобы дума, не теряя времени, отпустила из запаса часть стройматериалов, поскольку возникла острая потребность в новых постройках. И попутно велел думе сделать *«распоряжение о покупке для главной гауптвахты колокола весом до полутора пудов»,* а возникнет сложность, купить его *«по выписке на Ирбитской ярмонке».* Тогда же было велено против магистрата, где стоял ряд деревянных лавок, выстроить каменную двухэтажную гауптвахту.

(ГАТО ф. 127 оп. 2 д . 216 л. 5 – 7 об).

[8] В 1817 году **губернатор Д.В. Илличевский** обратился в городскую думу по поводу *«переделки совершенно негодных караульных будок».*

Надлежало, первым делом, поставить новые будки против дома Его Превосходительства начальника губернии, на берегу Ушайки недалеко от Благовещенского храма, против квартиры г-на городничего и у здания земского суда. Губернатор сам осмотрел и утвердил эскиз караульных будок, выполненный архитектором А.П. Деевым. После чего распорядился, чтобы *«на шпиле каждой будки был флюгер с надписью той части города, в которой оная <будка> находится… и имелся <на будке > фонарь».* Но время шло, а дело стояло, потому как, жаловались гласные, господин Деев *«долго не отводил места под постройку сих будок»,* а *«отведенные ранее места объявил неудобными».*

(ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 949 л.21, 37).

[9] **В 1814 году томичам поступила бумага от «управляющего министерством полиции».** Он извещал о том, что для городов империи *«отпечатаны планы фасадов, составленные архитектором Стасовым, в дополнение к разосланным прежде. Цена же оным, переплетенным в две части, назначена 30 рублей».* Томской думе было предписано донести «потребное для города» количество проектов, *«за которые необходимо заплатить из городских доходов».* Дума распорядилась купить один экземпляр означенной книги проектов, дав на сей счет указание гласному Серебреникову.

А через несколько месяцев **губернатор Д.В. Илличевский** сообщил городской думе, что получил из Министерства внутренних дел *«высочайше опробованные чертежи городских кварталов»,* и препроводил один экземпляр в думу, приказав *«оным соображаться при расположении в городе улиц, частей и площадей, и по оным приравнивать здания и постройки, что должно быть непременно наблюдаемо…».*
(ГАТО ф.127 оп. 1 д. 812 л. 1-3).

[10] Как писал А. Попов, *«за 1810-1830 годы, как в Томске, так и в Петербурге, было* ***составлено несколько проектов планировки города****. Два плана, 1810 и 1820-1824 годов, сделаны местным землемером О. Зверевым, два других – 1818 и 1824 года, - губернским архитектором А.П. Деевым».*
И дальше: *«Его первой работой являлся проект планировки Томска, который свидетельствовал, что автору для решения архитектурно-планировочных задач одного инженерного образования было недостаточно. Гораздо лучше Деев справлялся с проектированием отдельных зданий. Несомненно, он был знаком с решением планов гражданских зданий, знал архитектурную композицию, ордера и современные строительные конструкции. К тому же он хорошо владел архитектурной графикой. Вскоре Деев стал популярен среди населения как опытный специалист и построил много жилых домов по частным заказам».* (Попов А.И. Стр. 25).

[11] ГАТО ф. 127 оп. 2 д. 219 л. 3 об.

[12] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 158 л. 361

[13] Там же, л. 362

Далее говорилось о том, что сама **конструкция ключа с бассейном** оказалась несовершенной: Г.С. Батеньков *«не сделал в оном <водохранилище> отдушины для воздуха и вода пришла в затхлость»,* что было верно лишь отчасти. Вернувшись из Тобольска, Г.С. Батеньков увидел ошибку и поспешил ее устранить, так что вода там стала по-прежнему чистой и приток ее, вопреки заверениям губернатора, не уменьшился, а заметно возрос.

[14] Там же, л. 358

[15] Котляров Г.М. Стр. 155.

Относительно расходов на постройку Г.С. Батеньков писал**,** что финансовая сторона его абсолютно не касалась и количество материалов*, «употребленных на работы в Томске»* было неизвестно, ибо он *«устранял себя от хозяйственных распоряжений и, несмотря на некоторые требования думы, не брал в ведение свое никаких сумм, предоставляя расходы… непосредственно воле местного начальства».* За исполнение сметы расходов отвечал один гласный думы, за употребление материалов – другой.

[16] Котляров Г.М. Стр. 156.

[17] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 158 л. 393

[18] Там же, 393 об.

[19] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 176 л.29

[20] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 158 л 392

[21] Котляров Г.М. Стр. 157

Здесь уместно привести высказывание Г.С. Батенькова подробнее. Он сообщал, что **несправедливые нападки** делают бесполезным дальнейшее его пребывание в Томске. *«И предложенная мною цель быть полезным для службы, стараясь трудами своими достигнуть по силам моим усовершенствования в искусстве инженерном, становится для меня весьма отдаленной, ежели высшему начальству не благоугодно будет дать мне другое назначение,* - писал он. – *Сия цель была единственной, когда я, изнуренный одиннадцатью ранами, в сражениях полученных… не замедлил променять покой… на те труды, которые теперь при беспрестанных огорчениях, удвоив болезненное мое состояние, делаются по обстоятельствам и воле сильных… менее, нежели бесполезными».*

Письмо, однако, заканчивалось уверением в том, что его автор не перестанет *«быть всегда ревностным исполнителем начальственных поручений».*

[22] *«Ибо только начальство может назначить занятия и место пребывания чиновника, в государственной службе состоящего»,* - говорится в письме из Петербурга (Там же).

XI

[1] Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. Стр. 96.

«Много было в доме бесед о святых людях и их подвигах, - вспоминал декабрист. – *Вслушиваясь стороною, среди игр, я детским умом пожелал спастись: начал, сколько мог, удаляться от пищи, а как от мясной имел природное отвращение, то вскоре замечено было мое постничество и я принужден был притворяться. Выдумал еще подвиг: слезать ночью с постели и спать по нескольку часов на голом полу… Мучился я подолгу, и мысль сделалась неотступной. Хотелось спастись, чего бы ни стоило и, услышав о жизни св. Даниила Столпника, я рассудил, что это самое трудное и потому решительное средство. Вскарабкался, хотя и с боязнию, на один из заборных столбов в городе с намерением простоять на нем во все жизнь. Через несколько минут закружилась у меня голова и напал такой страх, что я закричал во все горло. Увидели, сняли и дивились такой небывалой во мне смелости; стали расспрашивать, и я рассказал все…».* (Там же. Стр. 96-97).

[2] Аргамаковы, по мнению А.А. Брегмана, **доводились молодому тоболяку дальними родственниками** (Стр. 434). Но говорить об этом можно лишь предположительно: ни подтвердить, ни опровергнуть догадку на основании имеющихся данных, к сожалению, невозможно. В статье С.Н. Чернова, который исследовал родственные связи декабриста, о семье Аргамаковых не говорится ни слова. Скорее всего, родственных отношений между ними и Г.С. Батеньковым не существовало.

[3] **Аргамаков Семен Трофимович** – в дальнейшем друг и сослуживец Г.С. Батенькова, они вместе работали при М.М. Сперанском.

«В ноябре 1821 года, оставаясь в штате Главного управления Восточной Сибири, был переведен в Санкт-Петербург и вошел в первый Сибирский комитет, где служил Гаврила Степанович. После ареста Батенькова в 1825 году участвовал в разборке его бумаг, получил доверенность декабриста распоряжаться его личным имуществом и квартирой. В тридцатые годы служил чиновником Министерства финансов, стал крупным сибирским золотопромышленником, вместе с И.Д. Асташевым владел Прокопьевскими золотыми приисками. Получил чин действительного статского советника». (Сабуров А.А. Комментарии. Стр. 434).

А вот комментарий в другой книге Батеньковских писем: *«Имя **С.Т. Аргамакова** сопровождает Батенькова вплоть до смерти Аргамакова (23 сентября 1862 года)… В показаниях 31 марта 1826 года Батеньков, называя Аргамакова «чиновником канцелярии», говорит, что он взял его из Томска «по дружбе с его отцом»… В Петербурге Аргамаков служил в канцелярии Сибирского комитета и жил вместе с Батеньковым по одному коридору в доме Сперанского. Его почерк встречается не раз в письмах Батенькова к Елагиным».* (Брегман А.А. Комментарии. Стр. 197).

С.Т. Аргамакову посвящено несколько писем Г.С. Батенькова петербургского периода.

[4] **Отчество невесты** Г.С. Батенькова упоминается в статье «Один из декабристов». Там она фигурирует под именем **Полины Николаевны Кобылиной**. Но, по мнению А.А. Брегман, автора комментариев к письмам декабриста, здесь вкралась ошибка: **Полина**

(Прасковья) была дочерью жителя Томска Трофима Аргамакова и сестрою С.Т. Аргамакова. (Стр. 467).

[4] **Илличевский Алексей Демьянович** – сын томского губернатора Д.В. Илличевского. Поэт, переводчик, лицейский товарищ А.С. Пушкина. Ему посвящены пушкинские строки (в стихотворении «Пирующие студенты»):

Остряк любезный! По рукам!
Полней бокал досуга!
И вылей сотню эпиграмм
На недруга и друга.

Учился в Петербургской губернской гимназии. Затем в тринадцать лет, не будучи знатного рода, по рекомендации М.М. Сперанского поступил в Царскосельский лицей – в первый, «пушкинский» набор. Писал неплохие стихи и мечтал стать поэтом. Был способным рисовальщиком, особенно ему удавались карикатуры. «Олесенька», как называли его друзья, участвовал в лицейских журналах: делал переводы, писал на товарищей и преподавателей эпиграммы, снабжая их едкими карикатурами.

Окончив лицей в чине коллежского секретаря, поступил на службу в Министерство финансов, хотя способностей к математике и другим точным наукам не имел. В эти годы много писал и печатался в журналах «Вестник Европы», «Северный наблюдатель», «Российский музеум»: помещал там эпиграммы, стихи и переводы. Опубликовал повесть «Невидимка, или Таинственная женщина», переводил пьесы для театра. А затем уехал в Сибирь к отцу, томскому губернатору, и поступил на службу в почтовое ведомство.

В 1821 году Алексей Илличевский вернулся в Петербург. Встретился с лицейскими товарищами, стал бывать на литературных вечерах барона Дельвига, где познакомился с Адамом Мицкевичем. Появлялся в известном литературном салоне С.Д. Пономаревой, в доме А.П. Керн, которой был увлечен, и у сестры Пушкина О.С. Павлищевой. Поэт подарил ему вторую главу «Евгения Онегина», сделав на обложке дарственную надпись: *«Другу Олесеньке от Француза».* В 1827 году Илличевский издал книгу стихотворений «Опыты в антологическом роде...», которая не осталась не замеченной. А спустя два года вышла в свет его повесть «История булавки». Всё это время Алексей Илличевский продолжал печататься в журналах и альманахах, но известность не обрёл. Дослужился до статского советника и умер через восемь месяцев после трагической гибели Пушкина. (Руденская М. Стр. 293). В разные годы о нем писали Н. Лернер, В. Вересаев, А. Эфрос, Ю. Тынянов, Н. Эйдельман и другие.

В 1822 году в одном из петербургских литературных салонов Г.С. Батеньков повстречал А.Д. Илличевского, назвав его в письме А.А. Елагину *«томским юношей».*

[5] **Стихотворение А.Д. Илличевского «Надежда»** (Антология. Стр. 352).

[6] Из письма Г.С. Батенькова другу А.А. Елагину(Письма Г.С. Батенькова. Стр. 70).

[7] *«Это были простые и добрые люди, всегда душевно принимавшие его <Батенькова >,* - писал И.Т. Лозовский. - *В их доме Батеньков не только находил заботу и внимание – влекла его туда дочь Аргамаковых, красавица Полинька. Молодые люди познакомились, сблизились, а затем полюбили друг друга…».* (Стр. 292).

[8] Испрашивая в октябре 1817 года отпуск, **Ф.Ф. Риддер** оговаривал четырехмесячную отлучку, во время которой руководство Сибирским округом оставалось за Г.С. Батеньковым. Однако и позже, как видим из документов, Г.С. Батенькову приходилось временно брать на себя управление округом. Было это в 1818 году, когда он хлопотал за А.Т. Аргамакова и получил от **Ф.П. Деволанта** напоминание *«аккуратно вести журнал работ… и ежемесячно представлять извлечения из всех рабочих журналов»,* и в 1819 году.

В одно из возвращений в Тобольск (7 августа 1819 года), Ф.Ф. Риддер сообщил ему: *«Порученную вам и секретарю Чернову денежную казну, команду и имущество по Х округу путей сообщения… осмотрел и нашел в должном порядке, целости и исправности… Как исправному офицеру, надлежит изъявить вам за то совершенную мою благодарность, и долгом почитаю донести о том гласному управлению…».*
(ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 190 л. 15).

[9] **В рапорте Ф.П. Деволанту от 26 ноября 1818 года поручик Г.С. Батеньков писал:**
«Для исправления должности по Х округу, равно и бухгалтерские обязанности, нахожу надобность на место умершего 15 сентября сего года секретаря Саурова при крайнем недостатке в опытных чиновниках в здешнем отдаленном крае определить другого…».
Г.С. Батеньков рекомендует взять на службу служащего Томской губернской почтовой конторы канцеляриста Афанасия Аргамакова, чтобы *«чрез многие опыты об отличиях, усердии и благонравии оного узнать».* И добавляет: трудно здесь *«сыскать, особенно по малому окраду жалования, штатных писцов, из коих один помер, а другой просит увольнения»,* не говоря о секретаре.
(ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 174 л. 1).

[10] **Каждый, кто поступал на службу, давал клятвенное обещание:**
«Я, такой-то, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству своему истинному и природному, всемилостивейшему великому Государю Императору Александру Павловичу, самодержцу Всероссийскому, и Его Императорскому Высочеству Всероссийского престола наследнику, который назначен будет, верно и нелицеприятно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови; и все к высокому Его Императорского Величества самодержцу сил и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению сил и возможностей предостерегать и оборонять, и при том, по крайней мере, стараться споспешествовать всему, что к его Императорского Величества верной службе и пользу надлежит…».
(ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 174 л. 19)

[11] ***«Аттестат служащего Томской почтовой конторы Аргамакова Афанасия Трофимовича.***
На службу в оную контору вступил из статских обер-офицерских детей подканцеляристом 8 мая 1813 года; произведен канцеляристом 12 июня 1816 года… Ныне определен в службу путей сообщения указом Сибирского почтамта от 10 числа сего года.
Во время работы на почте, при честном похвальном поведении, исправлял возложенную на него должность всегда с отличным усердием, за что заслужил от начальника особенное внимание.
Губернский почтмейстер надворный советник Илличевский,
Письмоводитель коллежский регистратор Орлов».
(Там же, л. 8).
В округ путей сообщения **А.Т. Аргамакова** приняли с испытательным сроком на должность канцеляриста.

[12] **Стихотворение «Утренняя песня»,** приписываемое Г.С. Батенькову (Илюшин А.А. Стр. 164).

[13] Но с годами, продолжал Г.С. Батеньков, *«впечатление младенчества успокоилось, и не возмутило рассудка, но оставалось и крепло… хотя и казалось заглушенным в волнах жизни; я почитал его добрым, как напоминание о смерти и будущей жизни, хотя оно чувствовалось совсем иначе, нежели естественная совесть…»* (Г.С. Батеньков Повесть собственной жизни. Стр. 95, 97).

[14] ***«Батеньков давно ее любил,*** - читаем в статье А. Иванова, - *но, по своей застенчивости, не говорил ей о своей любви. Полина без слов понимала, что творится в его душе, но тоже старалась казаться равнодушной. Роман их продолжался довольно долго, и только неожиданный случай раскрыл тайну их любви».* (Иванов А. Стр. 147).
В другом источнике говорится, что о его сердечной привязанности, *«о возникновении в сердце Батенькова чувства глубокой любви к Полине Аргамаковой, которому так и не пришлось созреть»,* мы узнаем из писем (Бородавкин А.П. Стр. 16). Но это не так. Нигде в своих письмах Г.С. Батеньков о Полине не упоминал. Неверно также утверждать, что чувствам его *«не пришлось созреть»,* ведь верность этим по-настоящему глубоким отношениям Г.С. Батеньков, в самом деле, *«пронес через всю жизнь».* И во многом по этой причине так и остался холостяком.
[15] Котляров Г.М. Стр. 157.

XII

[1] Из письма Елагиным от 26 марта 1819 года. (Письма Г.С. Батенькова. Стр. 97).
[2] Там же. Стр. 97 - 98
[3] Там же. Стр. 98
[4] **13 января 1819 года из Совета путей сообщения инженер-поручику Г.С. Батенькову пришла бумага:**
«По случаю кончины г-на правящего должность Главного директора путей сообщения инженер-генерала Деволанта, последовавшей после продолжительной болезни… Комитет господ министров впредь до высочайшего назначения ему преемника возложил управление сею частью на Совет путей сообщения».
Как управляющий округом, Г.С. Батеньков доложил об этом старшему чиновнику окружной канцелярии коллежскому регистратору К. Чернову.
(ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 178 л.3 – 3 об).
[5] Секретарь канцелярии Х округа **К. Чернов** в отчете о расходе и состоянии тобольского имущества и денег Г.С. Батенькова писал: *«Нанял читать псалтырь за 15 рублей шесть недель»,* то есть читать молитвы *«по усопшей»* матери Г.С. Батенькова. (Брегман А.А. Комментарии. Стр. 428).
[6] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 96
[7] Там же. Стр. 98
[8] Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. Стр. 99 – 101.
[9] **Из писем Г.С. Батенькова армейской поры,** адресованных матери, видна между ними тесная духовная связь (сохранилось лишь одно из этих писем). Без нее, говорил Г.С. Батеньков, он уверился, что *«не может быть счастливым»,* сожалел, что приходится мало писать – *«служба отнимает много времени»* и благословлял день, когда *«мог испросить себе благоволение»* матери, которое *«подкрепляет… в трудах и спасает в опасностях».* Просил мать писать чаще, ибо строки ее служили *«большим утешением в сердечной тоске»* о ней. (Письма Г.С. Батенькова. Стр. 46).
[10] ***«С первых дней пребывания в Дворянском полку*** *Раевский подружился с кадетом Гавриилом Батеньковым,* – читаем в жизнеописании «первого декабриста». - *Эту дружбу они пронесут через всю жизнь. Когда шло следствие по делу декабристов, арестованный подполковник Батеньков вспомнит о днях учебы с Раевским: «С ним мы проводили целые вечера в патриотических мечтаниях, ибо приближалась страшная эпоха 1812 года. Мы развивали друг другу свободные идеи, и желания наши, так сказать, поощря-*

лись ненавистью к фронтовой службе. С ним в первый раз осмелился я говорить о царе, яко о человеке и осуждать поступки с нами цесаревича». А цесаревич Константин Павлович и впрямь чудил. По своей прихоти устраивал разные бессмысленные учения, чрезмерно увлекался шагистикой, от чего испытывал величайшее наслаждение, и конечно же, не пропускал разводов… Учиться было нелегко, однако Раевский и Батеньков в свободное время много читали. Сочинения Николая Новикова, талантливого русского писателя… стали их первой книгой. Зачитывались также произведениями Гельвеция, Руссо и Вольтера…». (Бурлачук Ф. Стр. 9 – 11).

[11] **В показаниях Следственному комитету Г.С. Батеньков сообщал:**

«В 1819 году сверх чаяния получил я ***три или четыре письма от Раевского****. Он казался мне как бы действующим лицом в деле освобождения России и приглашал меня на сие поприще». Активный член Союза благоденствия В.Ф. Раевский, обращаясь к другу, надеется, что он помнит клятву, данную ему при выпуске из кадетского корпуса в 1812 году: «Идя на войну, мы расстались друзьями и обещались сойтись, дабы в то время, когда возмужаем, стараться привести идеи наши в действо». Батеньков не забыл своих обещаний, но, собираясь жениться, ответил «советами «оставить опасные предприятия». К сожалению, ни писем Раевского за 1819 год, ни ответа Батенькова обнаружить не удалось* .(Брегман А.А. Стр. 15).

В конце жизни В.Ф. Раевский и Г.С. Батеньков возобновили переписку. По сведениям А.А. Сабурова, «в материалах елагинского архива сохраняются до настоящего времени неизданные письма Раевского к Батенькову».

(Сабуров А.А. Стр. 19).

[12] **Сбор пожертвований на Томское военно-сиротское отделение проходил осенью 1817 года и позже.**

Губернатор Д.В. Илличевский известил обывателей, что *«инспектор департамента Главного Штаба Его Императорского Величества требует… воспособия для здешнего вновь выстроенного военно-сиротского отделения суммою в 800 рублей, исчисленной г-ном полковником фон Трейблютом».* Начальник губернии предложил томичам *«через думу добровольно пожертвовать 800 рублей… дабы здание, воздвигнутое к украшению города и пользе военных сирот, утвердить на каменном фундаменте».*

(ГАТО ф. 127 оп. 2 д .188 л. 2).

Воспитанники военно-сиротских отделений зачислялись в полки в звании унтер-офицера.

[13] ***«О пребывании Батенькова в местном уездном училище*** *(о чем упоминается в некоторых о нем сведениях) и в* ***Тобольском военно-сиротском отделении*** *(как значится в его послужном списке) не осталось воспоминаний»,* - сообщал И. Ореус. (Стр. 305).

[14] Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. Стр. 97 – 98.

[15] Батеньков Г.С. Тюремная песнь. (Илюшин А.А. Стр. 102).

[16] **В Томске было много обветшавших домов, без окон и дверей, которые не сносили.** Это делало городу *«великое безобразие»*: такие дома *«служили приютом и убежищем ворам и вредным людям»,* там укрывали ворованное. Хозяев извещали подпиской о необходимости огородить забором брошенный дом, но так мало кто делал.

В 1816 году губернатор **Д.В. Илличевский** объявил, чтоб такие ветхие, нежилые дома продали или пустили под снос, а кто имеет пустопорожнее место под строительство, чтобы возводил там постройки незамедлительно. Иначе город отберет место и продаст с публичных торгов. Следом вышел указ губернского правительства о пустых домах, кои *«по чрезвычайной ветхости угрожают даже падением»* и где укрываются воры и беглые ссыльные. Такие дома, было сказано, хозяева должны ремонтировать и жить в них – или сломать, а пустые места отдать под строительство желающим и *«до времени огоро-*

дить забором». Но строгие меры не возымели действие: пустых домов в Томске оставалось по-прежнему немало.
(ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 885 л.324, 348).

[17] По заведенному тогда правилу, **специалисты, присланные для работ или избранные на должность** из числа иногородних, жили в доме, принадлежащем городу. Либо снимали у обывателя комнату, которую оплачивал опять-таки город. Но иногда (как это было с архитектором **П.В. Раевским**) специалист по каким-то причинам лишался казенной квартиры, и в дело вмешивалась губернская власть.
«По вступлении в должность, - сообщал думе **Д.В. Илличевский** в 1816 году, - *г-ну Раевскому была отведена квартира, но с 1810 года по нынешнее время она ему не отводилась»*, и он-де просит *«предоставить житье, ибо на наем оной употребляет значительную сумму, от чего в содержании себя претерпевает недостаток».* Губернатор велел подыскать, *«ежели есть»,* свободный дом, принадлежащий думе *«и в оном дать ему квартиру»,* а ежели такового дома нет, распорядился оплачивать ему жилье из городских доходов.
Через некоторое время дума сообщила, что г-ну **П.В. Раевскому** *«вместо отвода квартиры и отапливания оной дровами»,* выдали деньги на оплату жилья – из расчета по 100 рублей в год, на что губернатор дал согласие.
(ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 885 л. 451, 522).

[18] **Нимейер Иван Иванович** – томский врач, служил, по-видимому, в военном лазарете. Вместе с Г.С. Батеньковым был в числе основателей масонской ложи «Восточное светило на востоке Томска», где с 1818 по 1821 года пребывал «первым исполнителем обрядов», а затем получил статус обрядоначальника. (Серков А.И. Стр. 119).

[19] **В свидетельстве от 19 марта, которое выдал Нимейер**, говорилось, что Г.С. Батеньков с 15 февраля был *«одержим жестокой болезнью от полученных в сражении ран»* и что *«припадки его показывают признаки самой чахотки»* (Котляров Г.М. Стр. 158).
Возможно, заключение врача было ошибочным: никакого упоминания о чахотке у Г.С. Батенькова в последующих годах мы не находим. Однако болен он был в начале 1819 года тяжело.

[20] **Смета на построение капитальной набережной в Иркутске** на реке Ангаре была составлена в 1817 году. По плану работ следовало произвести:
«1. укрепление фундамента;
2. зарубку стен;
3. устроение сходов к воде;
4. обшивку стен и набивку ряжей».
Исчислялось количество людей, требуемых для этих работ, машин и инструментов. Смета была составлена позже. (ГАОО ф. 4 оп. 1 д .49).

[21] *«Важность работ,* - писал Г.С. Батеньков в Петербург, - *требует укрепления сил и поставляет в обязанность покорнейше представить на уважение Совета путей сообщения, что сколь ни дорого ценю я толико лестное для меня доверие высокого начальства и сколь ни готов я даже с пожертвованием собою оправдать его выбор, но* ***без рачительного сохранения моего расстроенного здоровья опасаюсь в самой середине занятий лишиться возможности исполнения и подвергнуть дело остановке****, которая при гидравлических строениях часто бывает сопровождаема убыточными последствиями, и тем более в моем положении возможна, что на весьма большом расстоянии нет другого инженера, который бы мог заменить меня в случае тяжелой болезни или самой смерти».*
А ниже заметил: *«Впрочем, ежели в течение времени получу из Совета путей сообщения предписание, то по уверению медика* ***могу предпринять путь к первому числу мая ме-***

***сяца**, и не упущу, сколько можно, поспешить точнейшим исполнением воли моего начальства».* (Там же. С. 158).

[22] **Время и пространство** с юных лет составляли предмет размышлений Г.С. Батенькова, что видно из «Повести собственной жизни». Задумывался он об этом и в зрелом возрасте. В младенческие годы пространство так сильно действовало на его воображение, что он пугался, прижимался к отцу и *«не смел смотреть на предметы»,* едва не плакал и ходит, *«почти не помня себя»* вне дома. Окружающее, по всей вероятности, воспринималось, как нечто враждебное, чуждое, от чего нужно спасаться – особенно пугали громадные предметы. Но постепенно, под влиянием отца и благодаря *«эстетическому наслаждению природой»,* отношение к миру и пространству изменилось. Перспектива стала *«более всего веселить»* его око, он *«страстно полюбил пространство»* и *«впился в него своим любопытством».* (Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. Стр. 90, 100).

[23] **В 1819 году оклады годового жалования в Х округе путей сообщения были следующими:**

начальник округа – 4400 руб.,
директор-управляющий – 3000 руб.,
директор-производитель работ – 2000 руб.,
инженер I класса – 1200 руб.,
инженер II класса – 800 руб.,
инженер III класса – 600 руб.

Месячная сумма жалованья для руководителей Х округа путей сообщения – 15 600 рублей (многие должности оставались, однако, вакантными).

Мастерской бригаде следовало платить по штату 5360 руб.,
полицейской бригаде – 450 руб.,
канцелярии округа – 1320 руб.

Всего по Х округу путей сообщения сумма годового жалования составляла, по смете, 31 280 рублей.

(ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 176 л. 57).

[24] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 176 л. 51

[25] Уже через несколько месяцев, **в июне 1819 года,** Г.С. Батеньков сообщал в Петербург, что с должностью секретаря округа **А.Т. Аргамаков** справляется превосходно. И указывал, *что «по особенному усердию по службе и отличному поведению»* сей чиновник *«заслуживает награждения и начальнического внимания».* После чего А.Т. Аргамаков получил право вступить в должность секретаря Х округа на полных правах.

В августе 1819 года Г.С. Батеньков снова просит обратить внимание на А.Т. Аргамакова, хлопочет, чтобы Совет путей сообщения представил его Правительствующему Сенату к повышению. В мае 1820 года по указу Сената А.Т. Аргамаков получил чин коллежского регистратора.

(ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 174 л. 14-14 об.).

XIII

[1] **Записи *«с подробными наблюдениями за двумя реками»* Г.С. Батеньков ведет с 13 по 25 апреля 1819 год.**

Представляя в Петербург новый рапорт о реках, он указывает:

«Осмеливаюсь…передать на рассмотрение мысли мои и предполагаемое занятие по предмету общей теории стечения двух рек. Ежели они будут достойны внимания

начальства и полезны… < прошу > удостоить меня показаниями… кои могли бы служить к руководству». И добавляет, что занятие сие проводит во время, свободное от прочих дел.

Частный случай *«стечения рек»,* наблюдаемый в Томске, дает основание для составления *«общей теории гидрографических явлен*ий», поскольку «*подобных описаний и теорий покуда нет»*. Его записка о вскрытии рек состоит из двух частей: *«общей теории гидрографических процессов»* и наблюдений *«местного значения».* Г.С. Батеньков *«берет в расчет скорость течения, характер местности»* и высказывает дельные соображения о снижении вреда, доставляемого ежегодным паводком.

В частности, советует укрепить фундаменты домов, указывает, где и как соорудить плотину, какой материал необходимо использовать для их строительства, где поставить ледорезы (с приложением чертежей). Если бы рекомендации его осуществились, томичи надолго избавились от разрушительных последствий наводнений.

Но в Петербурге работа эта нашла понимание и поддержку.

«Из ваших записок, - сообщают Г.С. Батенькову в июне 1819 года, - *Совет путей сообщения с удовольствием усмотрел, что* ***занятия ваши совершенно соответствуют званию инженерного офицера****. Посему для руководства вашего по сему предмету, согласно настоящему представлению вашему, Главное управление путей сообщения не преминет доставить вам, как скоро приобретет, одно из лучших сочинений относительно к предмету записи вашей изложенному».*

(ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 167 л. 6 – 15).

Знания Г.С. Батенькова в этой области были немалые, поскольку в Институте путей сообщения он готовил себя *«в водяные*», то есть **к занятиям гидротехникой**. По сведениям Г.М. Котлярова, приведенные записи Г.С. Батенькова – *«одни из первых на Руси гидрометрических наблюдений за разливом рек».* (Котляров Г.М. Стр. 158).

[2] В 1818 году у Авдотьи Петровны и Алексея Андреевича Елагиных родился сын **Василий.**

[3] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 96

[4] Там же.

[5] Там же. Стр. 98

[6] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 176 л. 54

[7] **Старый медный колокол в 1816 году пришел в негодность и был отправлен на переливку.** А поскольку он одновременно играл роль городских часов, «отбивая время», губернатор **Д.В. Илличевский** распорядился найти средства для покупки нового, не очень дорогого, *«чтобы в расходах… соблюдена была надлежащая бережливость».* Но затем переменил решение. Объявил, что томичам *«полезнее и нужнее иметь городовые часы в таковом положении, чтоб на своей башне отбивать < часы > было можно, не заимствуясь церковным < колоколом >».* Губернатор просит думу позаботиться *«о заведении таковых часов»,* потому что *«на то не потребуется великой суммы».* (ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 885 л. 453, 494).

[8] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 101

[9] Там же. Стр. 101 – 103.

[10] Из письма от 10 апреля 1819 года. Там же. Стр. 103

[11] ***«Божественная философия*** *в отношении к непреложным истинам, открытым в тройном зерцале: вселенныя, человека и священного писания» в четырех частях. 1818 - 1819 - перевод французского сочинения «La Philosophie Divine», 1793, Дю-Туа, мистика, последователя Ламот Гион, умершего в 90-х годах XVIII века».* (Сабуров А.А. Комментарии. Стр. 179).

[12] **Приказ о производстве Г.С. Батенькова в капитаны вышел 17 апреля 1819 года.** А через день был подписан другой, согласно которому инженер-полковник Ф.Ф. Риддер получил высокий чин генерал-майора.
Оба документа интересны еще тем, что мы получаем из них представление о том, кто возглавлял среднее и высшее руководящие звенья в ведомстве путей сообщения. Работали там, преимущественно, немцы и французы (реже поляки), состоящие на русской службе.
В приказе упоминаются полковники Фабр, Де Витте, Базен, Браун, Потье, Дестрем, Голькет, Зеге фон Лауренберг, Цвиллинг, Баус;
подполковники Мерлини, Голле, Шредер, Гурландье, Третер. Саккер, Бенард и Сливицкий; майоры Де Витте (очевидно, брат полковника), фон Потт, Эммле, Виадо, Рерберг, Гирш, Стукенберг, граф Ламбздорф, фон Кершен;
капитаны Кеттриц, барон Платто, Светницкий, барон Сленглер, Рокоссовский, Грошольф, барон Унгерштернберг. Среди прочих, кстати, повышение получил тот самый Гирш**,** который после Риддера возглавил Сибирский округ путей сообщения.
(ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 129 л. 26; ф .4 оп. 1 д. 2 л. 201).
[13] **Выплата пансиона и позже производилась крайне нерегулярно,** о чем видно из документа, хранящегося в Томском краеведческом музее*: «Отношении Главного Штаба Его Императорского Величества в Департамент государственного казначейства о правах Г.С. Батенькова на пансион»*. (ТОИКМ опись 4 ед. 387 л. 8-8об).
[14] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 176 л. 219

XIV

[1] **На закупку хлеба в запасной казенный магазин городская дума выделяла зимой из *«хлебного капитала»* порядка 500 рублей.** В описываемое время на эту работу назначался гласный думы Петр Баранов, а контролировал ее сам губернатор **Д.В. Илличевский**. Он предписывал закупать хлеб *«сколько возможность дозволит, не ограничиваясь пропорциею, но до такого количества, как позволит состоящий хлебный капитал и избыток хлеба».* Ежегодно муку и крупу старались покупать столько, чтобы *«в сем запасе жители города не имели недостатка».*
(ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 977 л. 32, 33, 112).
В Томской губернии был хороший урожай хлеба, отмечал В. Андриевич.
С 1816 года урожаи здесь постоянно превышали 2 миллиона четвертей. К 1819 году в губернии числилось 47 хлебных магазинов, главные из которых – Туруханский, Имбатский, Енисейский и Нарымский. А в Томске и других крупных городах кроме казенных хлебных магазинов были общественные, существовавшие на средства города. (Стр. 286).
[2] *«От разлива рек весною дороги, на **Большом Сибирском тракте** расположенные, затруднены для проезда и прохода»,* - читаем в документах начала XIX века. Но по той же причине ссыльные предпочитали отправляться в бега именно в эту пору, и гражданские власти делали на сей счет строгие предостережения.
(ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 885 л. 225).
[3] **В последний раз такое сильное наводнение случилось весной 1814 года**. Тогда пострадали многие здания, в домах томичей были *«повреждены печи и полы»*. И даже дом губернского правительства *«весь был объят водою и мост пред входом в оный»*. Губернскому землемеру Звереву было дано указание составить смету на ремонт зданий и дорог,

а казначейство выделило 100 рублей на починку мостовой у дома губернского правительства, полов и печей внутри здания.
(ГАТО ф. 1 оп. 1 д. 230 л.38)

[4] Из распоряжения губернатора городничему:
***«По случаю великого и необыкновенного наводнения**, продолжающегося в городе и пресекшее многие сообщения частей города между собою и с городом, особенно Заозерья и Татарской слободы, <так> как жители домы свои даже имеют окруженными от реки Томи льдом, наполнившим улицы сих предместий, предписываю вам удостовериться:*
1. куда жители тех предместий вышли для помещения себя, или там находятся, и каким образом;
2. не терпят ли, буде там находятся, нужды в съестных припасах в сие холодное время, имея домы в воде и во льду; не имеют ли потребности в каком пособии, что должно знать непременно и достоверно.
Дабы… жители сих частей города не подвергались в таком обстоятельстве нуждам, подать в надобности всякую помощь должно из хлебного продовольственного магазина и другим средствами, и мне немедленно донести в подробности.
На подлинном подписал гражданский губернатор Дамиан Илличевский
24 апреля 1819 года.
(ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 1062 л 2 - 2об).

[5] **Из отчета городской думы:**
гласный Протопопов ежедневно по два раза объезжает первую часть города, *«стоящую в воде и во льду».* Из некоторых домов жители на время перебрались в безопасное место, им раздают казенный хлеб. Но теперь, 29 апреля, *«вода скатилась и никакой боле опасности для жителей не предвидится».*
Ниже приводится список жителей 1-й части города, лишившихся крова (по рапорту гласного Федора Протопопова);
список жителей 2-й части, чьи дома оказались в воде (по рапорту гласного Степана Смирнова);
список жителей 3-й части (по рапорту гласного Ивана Колесникова).
И общая цифра пострадавших от наводнения – 42 человека.
Городничий Пенкин потребовал более подробные сведения об убытках от наводнения, дабы *«высшему начальству учинить донесение».*
(Там же, л. 4 – 4 об).

[6] **Губернатор отдавал думе распоряжения о *«недозволении накопляться в городе праздношатающимся нищим».*** Но замечал при этом, что *«число сих людей в Томске умножается чрезмерно и полиция данные ею… предписания не исполняет в точности»,* хотя под видом нищих могут скрываться и беглые ссыльные. А потому губернатор предписывал земским исправникам и городничим принять надлежащие меры.
Считалось, что всякое общество, сельское или городское, обязано было ***«особливое иметь попечение о прокормлении нищих и убогих»,*** брать их себе *«на прокормление… и отнюдь не допускать до такой крайности, чтоб от голода и холода принуждены были по миру шататься и стыдным, порочным образом докучать людям… прошением милости».* При этом, согласно предписанию Министерства внутренних дел, следовало забирать сих нищих *«без всякого притеснения или страха»,* даже *«без самого огорчения».* Что, конечно, не выполнялось. Да и вся программа искоренения *«бродяжества»,* довольно гуманная для того времени, оставалась, как видим, нереализованной. (ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 727 л. 1 – 4).

[7] **Поселенцам в Сибири правительство давало *«трехлетнюю льготу»,*** освобождая от земских повинностей и государственных податей. Пользуясь этой поддержкой, они

должны были выстроить дом, обзавестись хозяйством, заиметь семью. Словом, крепко встать на ноги. Если они так и поступали, городское мещанское и цеховое общество, рассмотрев прошение, могло принять их в число обывателей. (ГАТО ф. 127 оп. 1 д .934 л. 1, 5, 12 об)

[8] ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 885 л. 427

Таких случаев было немало. Одни и вправду пускались во все тяжкие, другие, не умея позаботиться о себе, поступали в услужение городским обывателям.

«Многие не имеют никакого старания в обзаведении себя домами, *хотя пользуются трехлетнею льготой от всякого платежа податей и повинностей для улучшения своего состояния,* - читаем в документе начала XIX века. – *Вместо этого они <поселенцы > вступают в услужение к разным людям, и о своем состоянии и обустройстве сею домами не заботятся, чем подают неблагонадежность, < обнаруживают неспособность > быть хорошими гражданами и исправными плательщиками государственных податей и общественных повинностей».* К таким людям, по мнению властей, дума должна была принять все меры *«дабы от них не терпеть беспорядки».*

(Там же, л.382).

[9] **Мещане Баженов и Казанцев, в бытность свою алдерманами, утаивали пошлины с провозимых через город товаров**. По решению губернского правительства, присвоенные деньги *«по возложенной на них должности»* следовало вернуть. И в думу поступил соответствующий запрос.

(ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 955 л. 1)

Чиновники губернского правительства тоже занимались казнокрадством, но делали это «грамотней», с умом, не доводя до скандала. Злоупотребления их могла обнаружить лишь правительственная ревизия, что неоднократно и происходило.

«Добросовестных чиновников вообще было мало, - находим у В. Андриевича, – *а в Сибири и в особенности, так как там сказывался сильный недостаток в служащих, и приходилось чиновников, изгоняемых из одного ведомства за предосудительные проступки, принимать на службу в другое».* (Стр. 282).

[10] **Гласного думы Еглакова *«за всегдашнее его обращение в пьянство»* мещанское и цеховое общество лишило доверия.** Вместо него в думу был выбран мещанин Алексей Ширямов. А гласного Петлина *«за невыполнение сделанного ему от градской думы поручения и неприличные в присутствии думы слова»* наказали выплатой штрафа в пользу Приказа общественного призрения. «Неприличная» матерная ругань обошлась ему в 10 рублей.

(ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 885 л. 168, 418).

[11] **Из объяснения *«бывшего за 12-е трехлетие»* гласного думы Петра Молитвина:** *«Деньги, употребленные на построение чрез реку Ушайку нового моста»,* были отпущены, - признает он. А вот сколько точно израсходовано сказать не может, – *«Ныне по безграмотству моему»* допускаю недостачу 2 рублей 77 с половиной копеек...». (ГАТО ф. 127 оп. 2 д. 192 а л. 143).

[12] **В числе наиболее состоятельных людей Томска значились:**

купцы 1-й гильдии Михайло Мыльников и Калика Касимов;

купец 2-й гильдии Петр Титов;

купцы 3-й гильдии Леонтий Большенин, Михайло Серебряников, Петр Чулошников, Федор Барков, Степан Неупокоев, Филипп Базанов, Михайло быков, Федор Протопопов, Яков Петлин и другие. (ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 810 л. 10; ф. 127 оп. 1 д. 913 л. 5 - 8).

[13] Из письма А.А. Елагину (Письма Г.С. Батенькова. Стр. 62).

[14] Так писал о себе Г.С. Батеньков в мартовском послании Елагиным 1819 года. (Там же. Стр. 99).

[15] **Профессор А.Н. Пыпин давал следующую характеристику литературы начала XIX столетия:**
«В распространении отвлеченного умствования и нравственного образования литература делает успехи. Карамзин, Дмитриев, Жуковский, уже выступивший с романтизмом, были большим прогрессом против XVIII века, и вели дело вперед…общественная мысль все-таки несколько развивалась под влиянием новых понятий, ощущений, новых идеалов, которые выставляла литература, - хотя это было движение медленное и еще мало осознанное». (Пыпин А.Н. Очерки. Стр. 731).
[16] Назначение тайного советника М.М. Сперанского на должность Сибирского генерал-губернатора состоялось **22 марта 1819 года**. С этого времени, писал В. Вагин, *«начинается новая эпоха в Сибирской истории».*
(Вагин В.И. Стр. 1).
[17] **Из стихотворения Г.С. Батенькова «К математике»** (Илюшин А.А. Стр. 125
[18] Рассуждения Г.С. Батенькова о сущности власти взяты из автобиографической «Повести собственной жизни» (Стр. 102).
[19] Депеша о новом **Главном директоре Управления путей сообщения** была получена в мае 1819 года.
[20] **Бетанкур Августин Августинович** – инженер, генерал-майор, Главный директор Управления путей сообщения. Занимал этот пост до августа 1822 года.
«Учился в Париже. На русской службе – с 1808 года. Инициатор учреждения и первый инспектор Института корпуса путей сообщения. По его проектам преобразован Тульский оружейный завод, построены пушечный литейный дом в Казани, здания экспедиции заготовления государственных бумаг в Петербурге, экзерциргауз в Москве, Гостиный двор для Нижегородской ярмарки и др. С 1816 года – председатель Комитета о городских строениях в Петербурге. Автор научных трудов по гидравлике и механике. 25 сентября 1819 года Батеньков писал Елагину: «Давно уже пользуюсь его расположением. Итак, всё стеклось к моему успокоению». С 5 мая 1822 года адъютантом Бетанкура был декабрист А.А. Бестужев (Марлинский)».
(Брегман А.А. Комментарии. Стр. 429).
По словам князя Петра Долгорукова, Бетанкур происходил *«из нормандской фамилии, поселившейся в Испании в XV веке. Он… был в Испании генерал-инспектором Корпуса дорог и каналов; когда французы вторглись в Испанию в 1808 году, Бетанкур не захотел присягнуть Иосифу Бонапарту и по совету русского посланника в Мадриде, графа Григория Строганова, отправился в Россию…».* (Долгоруков П. Стр. 369).
А.А. Бетанкур высоко ценил своего молодого сотрудника. Подписывая в 1821 году Батеньковский формуляр, он одобрил его право на повышение в чине, приписав: «Capable et digne», то есть «Одаренный и достойный». (Брегман А.А. Стр. 24).
[21] Приказ выехать в Иркутск оставался в силе**.** Отправившись для встречи с генерал-губернатором в Тобольск, Г.С. Батеньков **фактически нарушил предписание,** чем впервые за все время службы вызвал серьезное неудовольствие Совета путей сообщения.
Это видно из депеши, где говорилось: *«Приведенные вами причины, в удовлетворении надобности возвратиться в Тобольск, Совет находит не весьма достаточными, и потому предписывает на будущее время в совершенной точности сообразовываться с предписаниями главного начальства, дабы избежать взыскания за неисполнение оных».* (ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 176 л. 266).

ЧАСТЬ 2. ТОМСК – ИРКУТСК – ПЕТЕРБУРГ

I

[1] ***«Управление Сибирью,*** - писал Н. Ядринцев, - *сопряжено было всегда с громадными затруднениями, так как она представляет собой завоеванный край, в котором приходилось удерживать новоприобретенные земли, усмирять инородцев, вести дипломатические сношения, заводить торговлю, отыскивать помыслы, колонизировать страну и обеспечивать ее продовольствием. К этому еще присоединялась чрезвычайная отдаленность Сибири от Москвы и Петербурга на целые тысячи верст, а следовательно – и от правительственного надзора. В этом и состояла всегда «особенность управления этим краем».* (Ядринцев Н.М. Стр. 469).

«Жаль, что Сибирь так скверно управлялась, - замечал А.И. Герцен. – *Сибирь имеет большую будущность – на нее смотрят только, как на подвал, в котором много золота, много меху и другого добра, но который холоден, занесен снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не населен».* (Том 1. Стр. 251).

[2] **Сперанский Михаил Михайлович – (1772–1839), выдающийся государственный деятель, ближайший советник императора Александра I.**

«Сын сельского священника, образование получил в Петербургской духовной академии, отличался работоспособностью, широкой эрудицией и аналитическим мышлением. С 1803 года – директор департамента Министерства иностранных дел, с 1807 года – статс-секретарь Александра I. По поручению царя составил план преобразований – «Введение к уложению государственных законов», представлявший собой программу последовательного перехода России к конституционной монархии и ликвидации крепостного права. Пытался претворить этот план в жизнь, нов 1812 году, по требованию противников реформ, отстранен от дел и сослан в Нижний Новгород. В ссылке раскаялся в своем либерализме и поддержал реакционный курс Александра I (создание Священного союза, организация военных поселений а т.д.). С 1816 года – пензенский гражданский губернатор. В 1819 – 1821 годах – сибирский генерал-губернатор, с 1821 года – член Госсовета и сибирского комитета. Участвовал в суде над декабристами. С 1826 года – глава II Отделения собственной Его императорского величества канцелярии, с 1838 года – председатель департамента законов. В 1839 году пожалован графским титулом. Настоящим памятником М.М. Сперанскому стало созданное под его руководством Полное собрание законов Российской империи с 1649 по 1830 гг в 45-ти томах». (Зуев А. Стр. 183).

[3] **Масштабы произвола в Сибири при генерал-губернаторе И.Б. Пестеле были поистине чудовищные.**

До М.М. Сперанского, отмечал М. Корф, *«Сибирь еще никогда не имела правильного устройства, и с первой половины прошлого XVIII столетия… оставлена почти без всякого попечения со стороны высшей власти. Для нее не существовало ни особых законов, которые были бы применимы к ея местностям и разнообразному населению, ни учреждений, которые соответствовали бы огромным ея расстояниям. Сверх того самовластие начальников не знало ответственности ни перед высшим правительством…ни перед общественным мнением, потому что в Сибири его не было и быть не могло. Под влиянием этой безответственности там издавна укоренилась привычка ничего не ожи-*

дать от закона и всего надеяться или бояться от лиц: следовательно, привычка в каждом деле прибегать к деньгам. Лихоимство сделалось в Сибири домашним злом…». (Корф М. Стр. 164).

[4] **Из письма Александра I,** которое было вручено М.М. Сперанскому вместе с Указом о назначении его Сибирским генерал-губернатором. (Там же. Стр. 175).

Вряд ли можно говорить, что назначение М.М. Сперанского на высшую в Сибири должность обусловлено было тем, что царское правительство желало того, *«сильно обеспокоенное уменьшением поступлений в государственную казну налогов и других доходов из Сибири»* (Бородавкин А.П. Стр. 20). Причины, безусловно, были глубже.

[5] **Своими сомнениями М.М. Сперанский делился в письмах.**

«Какою волшебною силой человек, брошенный сюда из Пензы, без всяких знаков особенного доверия, не получив и не предъявив никому новых и значительных инструкций, мог вступить в борьбу со всеми почти чиновниками, со всем составом управления, мог… обуздать известные сибирские дерзости, обнаружить злоупотребления, потрясти фортуны… и испровергнуть целую систему связей твердых, обдуманных и привычкою скрепленных? – размышлял он в послании графу В. Кочубею. – *Мы не в том веке живем, и Сибирь не тот край, где истина могла произвести подобные явления! Как я могу управлять без моральной власти? Скажут – законами, как будто существуют законы в Сибири, всегда управляемой самовластием, и как будто законы могут исполниться без исполнителей…».*

(Ядринцев. Н.М. Стр. 504).

[6] **Даже И.Б. Пестель вначале указывал правительству и самодержцу на коренные «сибирские язвы»:** *«Чрез два года управления моего… Сибирским краем перенес я всю тяжесть бремени начальствования, утомляемого сопротивлениями, преоборая укорененные здесь беспорядки, отвращая злоупотребления и входя внимательно в существование прав общежития граждан и поселян,* - сообщал он во всеподданейшем докладе государю императору 31 марта 1818 года. – *Но едва только коснулся сокрыть массу существующего зла и беспорядков, с давнего времени подавляющего здесь основания нравственности… как со всеми усилиями потекли недовольствия на правоту мою… В таковом положении, Всемилостивейший Государь, находился и нахожусь я в краю отдаленнейшем, в краю, определенном для наказания, где по естественной удобности существуют пороки, где правила благонравия… затмеваются злоупотреблениями, где прядок правосудия состоял только в одной форме производства, и где никак не могло быть приятно начальство…».*(Вагин В. И. Стр. 541).

[7] **В пору своего назначения М.М. Сперанский относился к Сибири с большим предубеждением,** что видно из многих документов.

«Не слушай рассказов о сибирской природе, - писал он из Тобольска дочери Елизавете Михайловне. – *Сибирь есть просто Сибирь. Надобно иметь воображение не пылкое, но сумасшедшее, чтоб видеть тут какую-то Индию. Доселе, по крайней мере, я ничего не видел ни в природе величественного, ни в людях отличного…».* Сибирь, по его мнению, это *«прекрасное место для ссылочных, выгодное для некоторой части торговли, любопытное и богатое для минералогии, но* ***не место для жизни*** *и высшего гражданского образования, для устроения собственности, твердой, основанной на хлебопашестве, фабриках и внутренней торговле».*

И далее: *«Ты думаешь, что я даю тебе урок статистики; мое намерение есть только предостеречь тебя от модного ныне заблуждения превозносить Сибирь и находить в ней Индию».* (Сперанский М.М. Письма. Стр. 11 – 12).

М.М. Сперанский ***«к своему назначению относился без энтузиазма,*** *без того увлечения, которое вдохновляло его в прежних реформах. Он спешит как бы выполнить фор-*

мально, показать свою деятельность в наиболее выгодном свете и потом поскорее оставить ее». (Ядринцев Н.М. стр. 495).

[8] Письмо из Тобольска от 30 мая 1819 года. (Сперанский М.М. Письма Стр. 5).

[9] **И в высшем свете не все поняли значение для Сибири утверждения в должности наместника М.М. Сперанского.**

«Не вас, но Сибирь поздравляю я с новым генерал-губернаторством, - отмечал прозорливо министр внутренних дел Козодавлев. – *Вас ведет в мире сем явно перст Божий, определение вас генерал-губернатором Сибирским есть дело Промысла… Стоны и молитвы страждущих в том краю, видно, достигли Всевышнего*» (Корф М. Стр. 181). Сам М.М. Сперанский, стоит добавить, держался того же мнения.

[10] **«Ябедничество» в Сибири имело давние корни.**

В. Андриевич замечал, что правительство принимало разные меры *«в обуздание ябедничества»:* заставляло писать жалобы на гербовой бумаге *«с означением имени сочинителя»,* принимало решение *«впредь по безымянным доносам никакого действия»* не производить. Но все было тщетно: *«ябеды»* не прекращались. (Андриевич В.К. Стр. 281).

[11] Цит. по: Вагин В. С. 83.

«Главные жалобы были на земскую полицию, - преимущественно на лихоимство, - читаем далее. - *Поэтому и ревизия не вызвала здесь особенно строгих мер. Сперанский исправил важнейшие беспорядки, показал несколько примеров строгости над земскими чиновниками… Назначено было несколько следствий, но они не имели особенно важных результатов. Некоторые чиновники обвинялись в незаконных денежных оборотах; бывший тюменский городничий Лапин подозревался в злоупотреблениях…».*

[12] Сперанский М.М. Письма. Стр. 8

[13] **Вместе с генерал-губернатором в Тобольск прибыли** *«неизменно верный Цейер и сын госпожи Вейкард Егор Егорович (Жорж), молодой человек, только что начавший службу, <а также > Репинский и сын Дерптского купца и бургомистра Густав Григорьевич Вильде»* (Корф М. Стр. 184). Они и составляли вначале свиту наместника.

[14] **Записка Г.С. Батенькова написана к приезду М.М. Сперанского весной 1819 года.** (ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 184 л. 4).

[15] Там же.

[16] Так, говоря **об отсутствии машин и механизмов** для расчистки русла рек и устройства причалов, Г.С. Батеньков прерывает свою мысль замечанием о то, что *«распоряжений по сему предмету еще не сделано».* И ставя точку, переходит к следующему пункту рассуждений, подразумевая, что распоряжения, хотя бы и вовремя сделанные, не могли в тех условиях привести к желаемому результату. (Там же, л. 4 об).

[17] Там же, л. 6 об.

[18] Там же.

[19] Через три года, когда М.М. Сперанский, *«ангел-хранитель угнетенного края»,* и Г.С. Батеньков, его ближайший соратник, уже пребывали в Петербурге, служа в Сибирском комитете, А.А. Бетанкуру поступил императорских указ об утверждении **Устава сухопутных сообщений**, **который подготовил Г.С. Батеньков.** Подготовил, опираясь, во многом, на изложенные в записке 1919 года мысли и положения.

Сообразно с *«новым гражданским разделением Сибири»* предписано было разделить X округ на два отделения и выработать новый штат, управление сообщениями *«верить надзору»* местных административных органов, а *«все изыскания, съемки и наблюдения по устройству водяных сообщений, равно гидротехнические постройки… производить чрез особо наряжаемых офицеров».* Кроме того, упразднялась *«водоходная полиция»,* обязанности которой возлагались на *«местную гражданскую полицию».* Сообщались другие

кардинальны меры, призванные улучшить и расширить пути сообщения в Сибири. (ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 269 л. 5).
Документ вобрал многолетний опыт предшествующей работы, показал зрелый государственный ум Г.С. Батенькова. Но вместе с тем и **«Записка о состоянии X округа путей сообщения»** по языку, разнообразию приводимых данных, важности поставленных задач могла быть рассмотрена, как законченный документ самостоятельного значения. Она дает представление о степени подготовленности молодого Г.С. Батенькова. И убеждает, что в его лице М.М. Сперанский нашел не просто способного, одаренного помощника, готового у «ученичеству». Бывший советник царя, *«гений российской администрации»* увидел в нем вполне сложившегося специалиста и *«полезнейшего сотрудника во многих своих проектах».*
[20] Из воспоминаний Г.С. Батенькова о встрече с М.М. Сперанским в Тобольске. (Цит. по: Карцов. В. Стр. 38).

II

[1] **Фон Брин Франц Абрамович** – тобольский губернатор. В феврале 1810 года указом Правительствующего Сената по ходатайству Сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля, на родной сестре которого он был женат, определен был в должности начальника Томской губернии. В Томск прибыл в августе 1808 года, а вскоре *«поднялся страшный переполох»* в связи с известием о продвижении «в большом количестве неизвестных людей, вооруженных луками» (у озера Телецкого, на границе с Китаем, обнаружили передвижение джунгар). *«Не успев осмотреть губернию и вникнуть в ее нужды, он получил от Пестеля письмо»,* в котором сообщалось, что он назначен тобольским губернатором *«с выдачей, сверх прогонов и дорожных денег, подъемных в размере 2 тысяч рублей».* В сентябре того же года фон Брин отправился в Тобольск.
По словам М.М. Сперанского, это был *«человек старый, слабый, но добродушный и благовоспитанный, враг Пестелю, хоть и зять ему, и хотя им сюда, в Сибирь, определен, но враг непримиримый, по домашним сплетням и по образу мыслей…».* После ревизии М.М. Сперанского, которая прошла благополучно, Ф.А. фон Брин был назначен сенатором. («Томские губернские ведомости» 1871 г. №31 стр. 4).
[2] Цит. по: Корф М. Стр. 282
Далее о М.М. Сперанском: *«Чуждый всякой тщеславной надутости, обходителен и ласков со всеми, покровитель и друг своих подчиненных, Сперанский, впрочем, никогда не ронял себя в обращении с ними…Самые вкусы его были всегда благородны и изящны, он страстно любил прекрасную природу, хорошие картины, музыку…и цветы»* (Там же. Стр. 283).
А вот портрет М.М. Сперанского, который нарисовал Лев Толстой:
«Высокий, лысый человек… с большим открытым лбом и необычайною, странною белизною продолговатого лица… Ни к у кого… князь Андрей не видел этого спокойствия и самоуверенности неловких и тупых движений, ни у кого он не видел такого твердого и вместе мягкого взгляда полузакрытых и несколько влажных глаз, не видел такой твердости ничего не значащей улыбки, такого тонкого, ровного, тихого голоса и, главное, такой нежной белизны лица и особенно рук… Он говорил тихо, с уверенностью, что будут слушать его, и смотрел только в то лицо, с которым говорил…». (Толстой Л.Н. Стр. 509).
[3] Из воспоминаний Г.С. Батенькова (Цит. по: Карцов В. Стр. 38).

[4] ***«Сперанскому нужен был знающий инженер для его проектов по устройству сообщений в Сибири***. *– писал М. Корф. - Сверх того и записка и ея сочинитель, в котором тотчас можно было заметить пылкое воображение, творческие идеи и вообще блестящие дарования, так ему понравились, что, оставя Батенькова при себе, он взял его с собою в Томск и Иркутск…».*
(Корф М. Стр. 194).
«Несомненно, что первым поводом, обратившим внимание Сперанского на Батенькова, как на способного и деятельного сотрудника, послужила составленная последним ***записка о путях сообщения в Сибири***, - указывал К. Дубровский. - *Сперанский, плененный блестящими способностями и творческою инициативою автора, оставил его при себе во время своих поездок по Сибири и пребывания в Томске и Иркутске»* (Дубровский К. Стр. 25 – 26).
В свою очередь, И. Ореус полагал, что *«первому сближению обоих названных лиц содействовало то, что и тот, и другой принадлежали к* ***франк-масонскому союзу,*** *и что Гавриил Степанович рекомендован был Сперанскому председателем Томской ложи, генерал-майором Трейблютом»* (Ореус И. И. Стр. 309).
Это мнение, однако, ошибочно: ни тогда, ни позже М.М. Сперанский не мог получить такой рекомендации. Тем более, что председателем томской ложи был не фон Трейблют, тогда еще полковник, а вице-губернатор Н.П. Горлов.
[5] **Таким увидел сотрудника Александра I князь Андрей в романе «Война и мир».** (Толстой Л.Н. Стр. 511).
[6] ***«В мае месяце прибыл в Тобольск наш новый и истинно почтенный вельможа,*** - писал Г.С. Батеньков своему непосредственному начальнику Ф.Ф. Риддеру. – *Тишина водворилась вместе с его приездом. Ему угодно было, между прочим, обратить особенное на меня внимание, обласкать, говорить о многом, прочитать значительнейшие из сделанным вами описаний Сибири и, наконец, пригласить меня ехать с собою для обозрения восточного края. Имея, с одной стороны, обязанности быть в Иркутске по известному вам поручению, с которым поступили новые настояния от министра, с другой же, не получая сведений о скором вашем сюда прибытии, а более желая чрез сближение себя к столь доверенной от государя особе доказать ему и пользу нашей службы и несправедливости, всегда здесь нами претерпеваемые, я дал обещание исполнить его волю»* (Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Стр. 140).
Обращает на себя внимание позиция Г.С. Батенькова. От него требовалось только согласие, все служебные формальности могли быть решены без него. Тем не менее, он описывает выгоды, которые сулит его назначение в свиту М.М. Сперанского, и умело подводит к мысли, с которой невозможно не согласиться: предложение это выгодно, в первую очередь, округу путей сообщения, который имеет честь представлять Г.С. Батеньков.
[7] Из письма Ф.Ф. Риддеру. (Там же).
[8] **Г.С. Батенькову, как того требовал порядок, представлено было вместе с тем и письменное предложение:**
«Имея в виду, что Ваше благородие от главного Вашего начальства командировано в распоряжение предместника моего для употребления к постройкам во вверенной моему управлению губернии, я рекомендую вам отправиться вместе со мною в Иркутск на тот предмет, дабы в присутствии моем там вы могли бы заняться мерами на постройку обруба на реке Ангаре, так как сие по обстоятельствам не терпит отлагательств.
Сибирский генерал-губернатор Сперанский».
(ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 190 л.2).
[9] Об этом упоминала А.А. Брегман (Стр. 16).

[10] Из письма Ф.Ф. Риддеру. (Там же. Стр. 141).
[11] Из тобольских писем генерал-губернатора в июне 1819 года (Сперанский М.М. Письма. Стр. 9, 16).
В Тобольске он прожил месяц в совершенном уединении. *«Жизнь в Тобольске весьма дешева; великое изобилие рыбы,* – сообщал в письме генерал-губернатор. – *Но что означает сие местное изобилие, когда за двести верст по недостатку и даже невозможности сообщений, вдруг все изменяется и в виду избытка можно умереть с голоду. Один шаг в сторону от тракта, и ты в пустыне среди непроходимых болот».* (Там же).
[12] **О стремлении людей пушкинской эпохи реализовать себя, как личность, писал Юрий Лотман.**
Уже для людей конца XVIII столетия, отмечал он, была характерна общая черта - *«нацеленность на индивидуальный жизненный путь, реализуемый за счет личного поведения».* Им были свойственны *«попытки найти себя, свою судьбу, выйти из строя, реализовать вою собственную личность. Такая устремленность будет психологически обосновывать многообразие способов поведения».* (Лотман Ю.М. Стр. 254, 288).
[13] **Г.С. Батеньков понравился наместнику, и тот *«решил проверить его на деле»,*** - писал В. Карцов. – *В это время из Омска запрашивали 10 000 рублей на строительство нового моста взамен якобы развалившегося. Генерал-губернатор послал Батенькова обследовать дело на месте».* (Стр. 38).
[14] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 104.
[15] Карцов В. Стр. 38.
[16] Из письма Ф.Ф. Риддеру. (Там же. Стр. 141).
[17] Там же. Стр. 141-142.
[18] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 188 л. 1.

III

[1] **Очень точно это подметил В. Вагин:**
«Сибиряки увидели в вельможе человека. Они снова начали жить и дышать свободно… Власть сделалась действительно тем, чем надлежало ей быть, - защитницей, а не гонительницей населения… Сперанский даже сам считал себя посланником Провидения, видя всю громадность зла, которое надлежало искоренить. Ни прежде, ни после Сперанского в Сибири не было ничего ему подобного. Имя Михаила Михайловича окружено было для сибирских его современников чудным обаянием». (Стр. 1).
[2] Существование **дорожного дневника Г.С. Батенькова** отмечал барон М. Корф (Стр. 198).
[3] Карцов В. Стр. 39.
[4] Там же.
И дальше у В. Карцова: *«Ему <Сперанскому > нравились смелые, подчас сатирические суждения Батенькова. Он приблизил его к себе и вскоре полностью **овладел пылкой душой и горчим сердцем молодого мечтателя**».*
Влияние на Г.С. Батенькова с первых же дней он оказал огромное, это бесспорно, но говорить о том, что *«робкий и застенчивый»* инженер, едва познакомившись со М.М. Сперанским, принялся смело, даже «сатирически» высказываться, вряд ли возможно. Как подчеркивал М.А. Корф, на первых порах Г.С. Батеньков мало выделялся из своего окружения.

[5] ***«Природа Томской губернии произвела на него очень приятное впечатление»,*** - писал М. Корф. И приводил отрывок из письма М.М. Сперанского дочери:*«Виды вообще, начиная от Оби, прекрасные, особливо по Томи»*. (Стр. 46).
[6] Сперанский М.М. Письма. Стр. 19.
[7] **О характере коренного сибиряка** писал М. Петров**:** *«Сибиряки не знали крепостного права, угнетавшего на Руси наших дедов, убивавшего в них достоинство. Поэтому сибиряк не так забит и унижен, как наш русский мужик. Он не привык ломать шапку перед боярином. Горд и чувствует себя таким же человеком, божьим создан ем, как и всяк другой»*. (Стр. 83).
*«Вообще **сибирское племя** здоровое, рослое, умное и чрезвычайно положительное, - отмечал А.И. Герцен. – Дети посельщиков, сибиряки, вовсе не знают помещичьей власти. Дворянства в Сибири нет, а вместе с тем нет и аристократии в городах; чиновник и офицер, представитель власти, скорее похожи на неприятельских гарнизон, оставленный победителем, чем на аристократию. Огромные расстояния спасают крестьян от частого сношения с ними; деньги спасают купцов, которые в Сибири презирают чиновников…»*. (Том 1. Стр. 252).
[8] *«Узнав, что **Батеньков прирожденный сибиряк**, и, следовательно, превосходно знаком с краем, еще столь малоизвестным, Сперанский пригласил Гавриила Степановича сопровождать его, и с тех пор они не разлучались в течение с лишним шести лет,* - писал П. Долгоруков. Стр. 387-388).
***«Батеньков по уму своему и знанию тогдашнего положения дел в Сибири** во многом был полезен Сперанскому»,* - находим в другой книге. (Заметки неизвестного. Стр. 172).
Но верно и то, что М.М. Сперанскому нужны были просто порядочные, толковые чиновники. *«Для Сперанского,* - отмечал Н. Бакай, - *чтобы хоть несколько выяснить те колоссальные злоупотребления… то полное пренебрежение и законами, и распоряжениями центра, тот ужасающий гнет, который испытывало все население Сибири и, наконец, то наглое глумление над человеческой личностью, которым забавлялась Сибирская высшая администрация… нужны были сотрудники, и **одним из первых делается Батеньков**»*. (Стр. 40).
[9] Вагин В. И. Стр. 84.
[10] Там же.
В. Вагин упоминает о том, что некоторые **тобольские чиновники** *«обвинялись в незаконных денежных оборотах; бывший тюменский городничий Лапин подозревался в злоупотреблениях. При отъезде из Тобольска Сперанский устроил, однако же, из оппозиции надзор за действиями местного начальства»*.
[11] **В Тобольской губернии** проживало тогда 512 374 русских жителя и 59 629 инородцев, всего 572 003 человека; **в Томской губернии** русских было 398 928, а инородцев 73 384, – всего, значит, 472312 человек. **Население Иркутской губернии** составляло 557 695 душ обоего пола. (Вагин В.И. Стр. 691).
[12] **О доме, где остановился М.М. Сперанский, упоминает В. Вагин** (Стр. 46). Богатейшими людьми Томска в ту пору были купец Быков, который имел речные суда, две каменные лавки в Гостином двору и *«торговал не только в Томске, но в других городах»,* и купец Касимов, *«выходец из ясачных татар»,* который *«торговал всякими товарами в разных городах»*. (Емельянов Н.Ф. стр. 126). **Купцов Серебреникых в Томске было два** (и оба III гильдии) – Михаил Борисович, который жил с двумя детьми, Федором и Александром, и Петр Федорович, имевший одного сына Мефодия (ГАТО ф 127 оп. 1 д. 913 л. 5-5 об). У какого из них остановился генерал-губернатор, неизвестно.
[13] Вагин В.И. Стр. 46.
[14] Новаковский Вл. Стр. 81.

[15] Вагин В. И. Стр. 83.
Вообще же, эти слова М.М. Сперанского приводили все, кто писал о томской ревизии 1819 года.
[16] Брат **Д.В. Илличевского**, о котором упоминал М.М. Сперанский, нигде больше не фигурирует. Скорее всего, М.М. Сперанский оговорился: губернским почтмейстером был не брат, а сын губернатора, **А.Д. Илличевский**, *«строптивое корыстолюбие»* которого нигде, кроме этого документа, впрочем, не упоминалось.
Другому, младшему сыну губернатора, **Платону Демьяновичу**, в ту пору было всего одиннадцать лет. Впоследствии он сделал выдающуюся карьеру, дослужился до исполняющего должность товарища министра юстиции, в 40 лет стал членом Комитета об устройстве земских повинностей. В 1850 году был произведен в тайные советники, участвовал в работе Комитета о рассмотрении нового устава гражданского судопроизводства. И умер, *«состоя на службе»*. (Русский биографический словарь. Стр. 92).
[17] Вагин В.И. Стр. 84.
[18] ***«Смотритель тюрьмы Худяков***, - писал Н. Бакай, - *когда пересылали арестантов, сам осматривал их и тех из них, которые не могли откупиться от наказания, он подвергал по своему усмотрению наказанию розгами, чтобы они не делали проступков в будущем».* (Стр. 41).
[19] Вагин В.И. Стр. 84.
[20] Сперанский М.М. Письма. Стр. 24.
[21] *«По случаю нещастного приключения, случившегося от* ***пожара в доме, казенной экспедицией занимаемом,*** - находим в архивах, - *принадлежащие до части счетной дела сгорели, а как за 1817 год по губернии отчет в государственную экспедицию для ревизии счетов был еще не отослан и который с прочими делами также сгорел, то ныне таковой потребно составить вновь».* (ГАТО ф. 127 оп. 2 д. 192 а л. 47).
[22] За последние несколько лет до приезда М.М. Сперанского превышения расходов над доходами город не допускал ни разу.

Таблица доходов и расходов г. Томска с 1814 по 1819 гг

год	доходы	доходы с остатком от пред. года	расходы
1814	18213 р 45 ¼ к.	18215 р. 93 к.	16564 р. 29 к.
1815	25814 р. 39 ¼ к.	27463 р. 3 ½ к.	17936 р. 8 ¾ к.
1816	37890 р. 30 к.	47417 р. 24 к.	37546 р 48 к.
1817	35287 р. 36 ½ к.	45157 р.82 к.	34556 р. 51 ¼ к.
1818	35213 р. 91 ¾ к.	45815 р. 23 ¼ к.	43005 59 р. ¾ к.
1819	43729 р. 86 ½ к.	46539 р. 49 ½ к.	46170 р. 89 к.

В доход города, кроме обычных сборов и податей, шли средства от иногородних торговцев и с прибылей питейного дохода, штрафы, деньги за перевоз через Томь, с рыбных лавок и многое другое.
Но финансовые нарушения, конечно, имели место. После ревизии М.М. Сперанского губернатор **Д.В. Илличевский** предписывал *«впредь расходы по ведомостям показывать подробно, указуя предметы, на которые употреблены средства, по какому положению или предписанию они произведены».* (ГАТО ф. 127 оп. 2 д. 192 а л. 185, 221 – 243).
[23] **Об этих нарушениях упоминал В. Вагин.**
«По смете назначался штраф за потаенную торговую с купцов и иного звания людей. Эта статья, по неопределенности ея смысла, подавала повод к большим стеснениям», - писал он. Кроме того, вопреки закону томичи *«взыскивали тягостную пошлину с кресть-*

ян, торгующих сельскими произведениями», назначали *«без законного основания особый сбор с иногородних, поселившихся в городе»* и так далее. Незаконными были признаны некоторые из расходов, например, выдача денег в Приказ общественного призрения на *«чертежную архитектуру».* Хотя некоторые «инициативы», справедливости ради надо признать, М.М. Сперанский одобрил и настаивать на их упразднении не пожелал.
«Это единственный дошедший до нас пример ***подробного рассмотрения Сперанским городской сметы»,*** - резюмировал В. Вагин. (Стр. 154-155).
[24] М.М. Сперанский распорядился закрыть в Томске **старый магистрат**, *«на который были возложены дела 12-ти трехлетий»* и который действовал одновременно с новым, выбранным *«для решения новых дел».* Закончив большинство дел, оставшихся от прежних служащих магистрата, эти люди удостоены были благодарности и *«вознаграждения за труды»* от городской думы. (Там же. Стр. 153).

IV

[1] Ф. Вигель, откровенно не любивший **М.М. Сперанского,** писал о нем, как об ***«умном, но безнравственном человеке».*** В его глазах это был *«спесивый выскочка, который корчил иностранца. Он не знал мести, не умел ненавидеть, зато умел все презирать».* Причиной тому, продолжает Ф. Вигель, было *«совершенное равнодушие ко всему, кроме самого себя и своих творений. Он не любил дворянства, коего презрение испытывал к прежнему своему состоянию, не любил религии»,* чьи правила *«стесняли его действия и противоречили его обширным замыслам; он не любил монархического правления, которое заслоняло ему путь на самую высоту; он не любил своего отечества, ибо почитал его не довольно просвещенным и его недостойным».*
Автор знаменитых «Записок» называл М.М. Сперанского *«зловещим духом», «демоном, вынужденным хвалить господа», «тайным недругом православия, самодержавия и Руси».* (Стр. 9 - 10).
Характеристика, при всей субъективности, весьма примечательная, поскольку таким, или примерно таким, видели главного реформатора многие пострадавшие от его деятельности чиновники.
[2] **Проект реформирования центральной и местной, губернской исполнительной власти**, который М.М. Сперанский представил прежде в Госсовет, вызвал много неудовольствия. *«Злосмешники»,* писал М. Корф, объявили проект *«переводом Наполеоновского кодекса».* (Стр. 171). Вообще, М.М. Сперанскому приписывали слепое копирование *«энциклопедических сочинений о французских законах».* (Там же. Стр. 154).
[3] **В Сибирь просились одни лишь титулярные советники**: существовало положение, по которому за поездку в Сибирь они получали чин коллежского асессора. (Там же. Стр. 209).
[4] **Таким Ф.И. Цейер предстает у В. Вагина.**
Но, заметно выделив его из всей свиты генерал-губернатора, В. Вагин добавляет, что *«Цейер, впрочем, был человек весьма обыкновенный; можно было полагаться на его верность и исполнительность, но едва ли могли принести большую пользу его способности».* Хотя *«иногда он отличался ревностью не по разуму»* и *«Сперанский был очень доволен его усердием».* (Стр. 133).
[5] Поручения генерал-губернатора в его поездке по Сибири, кроме Г.С. Батенькова и Ф.И. Цейера, выполняли три чиновника, **Вейкарт, Вильде и Репинский**. Ни об одном из них

биографы М.М. Сперанского не оставили более или менее подробных записей. *«Это были люди не опытные, не деловые, но усердные»,* - писал о них В. Вагин (Стр. 133).

[6] **Жуковский Николай Васильевич** – (1794-1852) начинал служить чиновником челябинского уездного суда, был секретарем при И.Б. Пестеле. Один из самых деятельных сотрудников М.М. Сперанского. Сделал хорошую карьеру. В 1822 году стал управляющим канцелярии генерал-губернатора Западной Сибири, затем председателем тобольского губернского правления. С 1830 года – оренбургский, а с 1843 по 1851 годы – петербургский гражданский губернатор. С 1851 года – сенатор. (Брегман А.А. Комментарии. Стр. 435).

У Г.С. Батенькова установились с ним особые, дружеские отношения.

[7] Речь идет о чиновниках канцелярии, доставшейся М. М. Сперанскому от прежнего правителя Сибири. В нее, кроме Н.В. Жуковского, входили **Иван Иванович Шкларевский, Мирон Филиппович Молчанов** (его заменил потом **Егор Данилович Борисоглебский,** «*из тамбовских семинаристов, чистых правил и с замечательным пером»),* **Николай Васильевич Крестников и Федор Иванович Шульгин.**

По словам В. Вагина*, «правитель канцелярии Шкларевский был старик, который не интересовался делами»,* а о других чиновниках канцелярии Сперанского, добавлял он, и упоминать не стоит, ибо *«не видно, чтобы в пребывание свое в Сибири они чем-нибудь выдавались из ряда обыкновенных канцелярских чиновников».* (Стр. 131).

Кроме них в канцелярии служили шесть чиновников *«для письма»,* из которых лишь двое, *«**Зеленцов**, сын тобольского откупщика и заводчика, и **Протопопов** отличались… способностью к службе».* Ну, а *«прочие люди были рядовые, и даже ниже рядовых».* (Корф М.А. Стр. 209 - 210).

[8] *«Я не могу даже составить своей канцелярии,* - жаловался **М.М. Сперанский** в письме кн. А. Н. Голицыну, - *и должен довольствоваться тем, что поступило ко мне от моего предместника».* А следующая фраза *(«как трудно, как несносно всегда остерегаться»*) заставляла думать, что многое из того, что он говорил и делал в Сибири, становилось известно в Петербурге благодаря кому-то из сотрудников канцелярии. (Цит. по: Корф М.А. Стр. 209).

[9] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 105.

[10] Там же. Стр. 105 – 106.

[11] Барер И. Стр. 68

[12] Там же.

М.М. Сперанский был хорошо образован: *«хорошо разбирался в вопросах математики, словесности, знал в совершенстве французский язык, обладал большими познаниями в области истории и философии, читал Декарта, Локка, Лейбница, Канта, Шеллинга, Фихте… писал фрагменты по вопросам математики, права, этики, философии, педагогики, политики…»* (Барер И. Стр. 67).

[13] Отмечая **религиозность М.М. Сперанского,** один из исследователей писал: *«В этом направлении он был совершенно искренен, хотя по свойству его мягкой природы, религия развила в нем одно незлобие и не могла дать твердости его характеру».* (Дмитриев Ф.М. Стр. 443).

[14] А.Н, Пыпин указывал, что **М.М. Сперанский** был человек, *«чуждый придворной и высшей чиновничьей сфере, он был в ней выскочка, тем более ненавистный, что и не хотел сближаться с нею».* (Пыпин А.Н. Очерки общественного движения. Стр.738).

[15] Дмитриев Ф.М. Там же.

[16] **Человеколюбивое это стремление привело обоих к масонству**, которое предписывало *«любить своего брата»* и желать ему добра. Причем их масонский мистицизм легко уживался с образованностью, поскольку *«в масонской идеологии существовали мистиче-*

ские и рациональные формы, подчас переплетающиеся и дополняющие одна другую». (Соловьев О.Ф. Стр. 130).

В основе масонской идеи мира лежала **идея всеобщего братства, подлинного равенства,** основанного на взглядах, которое б *«делало братьями вельмож и простых людей… сближая их друг с другом, не смешивая ни имущества, ни сословия».* (Пыпин А.Н. Русское масонство. Стр. 31).

Эта идея, согласуясь с пониманием важности гражданских прав, оказалась близка многим участникам тайных обществ, а творцов сибирских реформ, **М.М. Сперанского** и **Г.С. Батенькова**, прямо подвигала к активным и незамедлительным преобразованиям. Сибири нужны были такие люди, желавшие блага, - люди умные, деятельные, образованные, готовые к бескорыстным, честным трудам. Сибирь нуждалась в них необычайно остро, но почти не имела.

[17] Из письма М.М. Сперанскому одному из правительственных деятелей. (Корф М.А. С. 210).

[18] Но «учитель», решая государственные задачи, не упускал из вида свой интерес, как убеждал Н.М. Ядринцев, а «ученик», помогая в преобразованиях, исходил из возможности делом доказать ту решимость к улучшению сибирской жизни, о которой он не раз сообщал в письмах к Е.Е. Елагину.

Понимание Сибири и отношение к ней, можно повторить, на том этапе совместной работы имело у них видимые различия. М.М. Сперанский поначалу относился к Сибири с предубеждением, вся ревизорская и административная его работа в крае оказалась связана, во многом, с преодолением предубежденности. Сибиряк Г.С. Батеньков оставался в этом отношении натурой последовательной, его взгляд на родной край и жителей изменений не претерпевал, а мысль расстаться с Сибирью была мучительна.

И все-таки «провидению» было угодно, чтоб именно М.М. Сперанский *«осушил здесь много слез, утишил негодований, пресек вопиющих насилий».* Чтоб вместе с Г.С. Батеньковым он ввел здесь ***«порядок управления, местному положению свойственный, который один может упрочить добро на долгое время».*** (Корф М.А. Стр. 207).

[19] *«Проект реформирования Сибири представлял более план к постепенному образованию сибирского управления, нежели внезапную перемену»,* - писал М. Корф (Стр. 230).

[20] Рассуждения **М.М. Сперанского** о *«нравственных законах»* и *«суде совести»* можно найти в его работе «Руководство к познанию законов». Там он убеждал, что *«цель общежития есть утвердить между людьми нравственный порядок и посредством правды общежительной возвести к правде всеобщей».* А высшая, *«верховная власть»,* по его мнению, *«установлена к защите правды, в содействии совести».* (Стр. 25 – 26). Ту же мысль проводил в своих автобиографических «припоминаниях» и **Г.С. Батеньков**, который писал, что *«власть теряет свою натуру, ежели гнетет жизнь».* (Повесть собственной жизни. Стр. 102).

Но взгляды М.М. Сперанского и его «ученика» Г.С. Батенькова **остались, во многом, непонятыми**. Как писал профессор М. Довнар-Запольский, *«лучше люди Александровской эпохи исповедовали те же идеи, которые стремился водворить Сперанский. Но была громадная разница между отчетливостью и ясностью его политического мировоззрения и сентиментальной туманностью воззрений его современников».* (Политические идеалы М.М. Сперанского. Стр. 72).

[21] 1 января 1810 года был открыт Государственный совет, на котором **Александр I** произнес знаменитую речь: *«Все, что в мыслях и желаниях человечества есть самого твердого и непоколебимого, - все будет мною употреблено, чтобы установить порядок и оградить Империю добрыми законами».* (Лотман Ю.М. Стр. 256).

[22] Довнар-Запольский М.В. Политические идеалы М.М. Сперанского. Стр. 9.

[23] **Эти рассуждения М.М. Сперанского развивает Г.С. Батеньков:** *«По настоящему нашему положению все силы, все симпатии должно соединить и направить к поддержанию умного абсолютизма. Историческое наше сложение (и географическое) сделали это необходимым, тем более, что всякую другую форму составить уже поздно, а окончательную… рано».* (Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. Стр. 339).
Почему поздно – понятно: из-за неудавшегося восстания 14декабря, которое отбросило российское общество в его развитии далеко назад. А почему рано – тоже очевидно: сторонник последовательных, эволюционных шагов, Г.С. Батеньков всегда сознавал, что *«непродуманные действия и поспешность могут привести к тяжелым последствиям».* (Овсиенко С.В. Стр. 45).
[24] **М.М. Сперанский** и **Г.С. Батеньков**, очарованные перспективами, которые открывало поначалу царствование Александра I, сохранили веру в благие преобразования «доброго» властителя до конца дней.
[25] Довнар-Запольский М. В. Политические идеалы М.М.Сперанского. Стр. 21.
[26] Там же.

V

[1] Сибирское генерал-губернаторство **М.М. Сперанский** воспринимал именно так, как продолжение ссылки. *«Все пребывание его в Сибири*, - писал В. Вагин, - *было отравлено этим горьким чувством, значительная часть деятельности его была посвящена хлопотам скорее вырваться из Сибири. Это, впрочем, не уменьшало его энергию в исполнении своих обязанностей…».* (Стр. 42).
[2] Сперанский М. М. Письма. Стр. 28.
[3] Вагин В. И. Стр. 46, 60.
«Образ жизни» **генерал-губернатора**, который описан, весьма характерен. М.М. Сперанский, где бы ни жил, старался придерживаться распорядка.
[4] В Томске отделение **Библейского общества** существовало с 1813 года. По всей губернии был объявлен сбор пожертвований. *«Без сомнения, всякий благомыслящий человек, особливо истинный христианин,* - сообщалось, - *во глубине души своей преисполнится чувствованием достойного благодарения божественному промышлению Его о человеках…».*
В городах пожертвование собирали городничие, а в уездах – земские исправники. Деньги поступали в исполнительную экспедицию губернского правительства и пересылались в столицу, его сиятельству обер-прокурору Св. Синода князю А. Голицыну. (ГАТО ф. 1 оп. 1 д. 162 л.5).
Но к приезду Г.С. Батенькова деятельность Библейского общества сошла на нет. М.М. Сперанский, как благочестивый вельможа, возродил его сначала в Тобольске, а затем в Томске.
[5] **Томское Благотворительное общество** возникло в 1819 году по инициативе М.М. Сперанского. После его отъезда какое-то время вело оживленную работу, затем активность его упала: собирать пожертвования становилось все труднее.
Один из последних всплесков такой активности пришелся на 1822 год, когда от бывшего городского головы **Федора Борковского**, хранившего кассу Общества, приняли остаток благотворительных средств в размере 1215 рублей и распределили его сообща среди нуждающихся.

Помощь деньгами тогда получили вдова поручика Степанида Молчанова, коллежский регистратор Воинов *(«по недостаточному его состоянию, в виду излома ноги»*), вдова унтер-офицера Анна Борщова, дочь коллежского асессора Берга девица Катерина, губернский секретарь Алексей Сорокин *(«один содержал семейство и страдал припадками болезни»*), пострадавший от пожара мещанин Петр Поздеев, подканцелярист Мошинский, капитанша Апросинья Кулакова и другие томичи. (ГАТО ф. 127 оп. 2 д. 245 л. 7 – 17).

[6] Это хорошая идея. Какая радость! (фр.).

[7] В 1823 году оба чиновника были переведены в администрацию вновь образованной **Омской области**. (ГАТО ф. 2 оп. 1 д. 25 л. 17).

[8] Сперанский М.М. Письма. Стр. 46.

[9] Всё идет превосходно (фр.).

[10] Герцен А.И. Том 1. стр. 287.

Описание бала в городе Вятке воссоздает картину, близкую к тому, что происходило в Томске.

[11] *«Деятельность его была, во время **Сперанского**, парализована присутствием генерал-губернатора*, - отмечал В. Вагин, - *притом и прежние дела бросали на **Илличевского** невыгодную тень; поэтому, по крайней мере, во время пребывания Сперанского в Сибири, Илличевский держал себя весьма осторожно; но, по выезде Сперанского, он позволял себе некоторые произвольные и несогласные с взглядом генерал-губернатора распоряжения. Бумаги его, во время Сперанского, выказывают какую-то пугливость, какое-то старание оправдаться даже там, где его вовсе не обвиняли». (Стр. 136).*

[12] **Трескин Николай Иванович** – иркутский губернатор, ставленник И.Б. Пестеля и ближайший его сотрудник. Имея большие административные способности, сделал для губернии много полезного, но известность получил, как жестокий правитель, казнокрад и лихоимец.

Это был *«человек с примечательным умом, необыкновенной энергией и с отважностью,* - писал М. Корф. – *Сначала был хорошим администратором, распространял земледелие, призывая к нему бурят. Потом превратился в жестокого тирана и деспота. Не знавшего частного права, не слушавшего ни министерских, ни сенатских предписаний».* (Стр. 166).

[13] В. Вагин. Стр. 84 – 85.

[14] Из Петербурга пришло разрешение устранить от власти обоих сибирских губернаторов**,** *«если по производству дел и по обозрению края сие найдено будет нужным».* Иркутский губернатор **Н.И. Трескин** тут же лишился должности, но **Д.В. Илличевского** наместник предпочел на время оставить. (В. И. Вагин. Стр. 96).

[15] ***«Положение дел было настолько плохо,*** *- сообщал В. Вагин, - что Сперанский предвидел даже необходимость, для успеха следствия, устранить на время Илличевского от должности».* (Стр. 84).

[16] Там же. Стр. 85.

[17] Список **виновных в злоупотреблении по Томской губернии** приводил В. Вагин в приложении к 1-му тому «Исторических сведений о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири». (Стр. 605).

[18] Во время ревизии, писал В. Карцов, ***«раскрылась потрясающая трагедия далекого севера****: здесь царила казенная монополия в торговле хлебом, ведавшие ею чиновники наживались. Хищения привели к тому, что… Туруханский край в низовьях Енисея был обречен на голод. Люди умирали от истощения. Началось людоедство… В запасных магазинах хранилось ничтожно мало хлеба… хлеб, стоивший казне по 1 р. 67 к. за пуд, продавался по 3 р. 50 к. и даже до 7 р. Высшее начальство решительно (еще во главе с Пе-*

стелем) решительно отрицало даже наличие признаков голода в Туруханском крае, отнеся случаи смерти к повальной болезни, а людоедство – «к жестокосердию. И порочности остяков». (Стр. 40).

[19] *«По приезде в Енисейск, - продолжает В. Вагин, - Сперанский признал нужным произвести подробное обозрение Туруханского края»,* поручив это сделать енисейскому городничему **Аниките Степановичу Осипову**, человеку немолодому, *«без дальнего образования, но с практическим умом, добросовестного и исполнительного»* (Стр. 87).

Поручение он исполнил блестяще, генерал-губернатору открылись **громадные беспорядки и злоупотребления:** *«присвоение и растрата денег и рухляди»,* подделка служебных записей, очень высокие цены на хлеб, которые *«назначало произвольно начальство»,* невыдача инородцам хлеба, отчего те умирали от голода, и *«утаивание несчастных случаев», «тайная и разорительная для инородцев продажа вина, утаивание целой инородческой волости»* и многое другое. (Стр. 87-88).

[20] Согласно «Правилам о денежных сборах» 1816 года, сибиряки несли **общие земские повинности** (содержание мостов, переправ, отопление и освещение воинских зданий, их починка и сбережение), **частные земские повинности (**содержание волостных правлений, жалование головам, старостам, писарям, содержание подвод для земского суда, сельских запасных магазинов), а также **чрезвычайные земские повинности** (рекрутский набор, поставка овощей и припасов для армии, перевозка казенных грузов и т.д). Андриевич В.К. Стр. 15

[21] **В 1818 году** на содержание почты томичи затратили 12384 рубля, строительство дорог обошлось им в 2520 рублей 87 копеек. На *«устройство публичных мест и взвозов»* ушло еще 158 рублей 24 копейки, а содержание воинских зданий потребовало изыскать дополнительно 602 рубля 80 копеек. Другой крупной статьей городских расходов было содержание полиции, магистрата, думы и еще нескольких учреждений, вроде словесного суда – на это ушло 16500 рублей 60 ¼ копейки. (ГАТО ф. 127 оп. 2 д. 192 а л. 24).

[22] **Постойная повинность** тоже изрядно тяготила томичей. В 1816 году жители города предложили построить на свои средства казармы *«с офицерскими светлицами и прочими к оным принадлежащими службами»* для расквартированного в Томске второго батальона Тобольского гарнизонного полка, *«дабы домы их навсегда оставлены были от постоя свободными».*

Первые же сборы позволили собрать 20 тысяч рублей, а командир батальона полковник **фон Трейблют** *«согласился принять на свое попечение построение»* казарм за 17 тысяч рублей, обещая выстроить здание силами солдат в том же году. Затем, правда, пересчитал расходы и назвал новую сумму, те же 20 тысяч рублей, но срок окончания работ оставил прежним, 1 октября 1817 года.

Городу это было выгодно, но тут вмешался губернатор, который пожелал, чтоб вместо деревянных казарм были выстроены каменные, на что требовалось более крупная сумма. Эти деньги стали всякими способами «испрашивать» у горожан, которые обязаны были нести постойную повинность.

(ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 885 л. 51-52; л.111-113).

[23] По всем сибирским губерниям, сообщал В. Вагин, в три года после указанной ревизии **повинности уменьшились** на 411000 рублей, и сверх того в 1822 году сбережено было, включая остатки сумм, 410000 рублей. Всего *«уменьшения и сбережения»* по Сибири составили 821082 рубля. (Стр. 491).

[24] **Предложения Томскому губернскому правительству** в полном виде были напечатаны в вышедшей недавно книге М. Сперанского «Руководство к познанию законов» (СПб. Изд. «Наука» 2002 г.).

[25] Сперанский М.М. Письма. Стр. 127.

[26] Ядринцев Н.М. Стр. 505.
[27] *«В Томске* ***Сперанский воочию убедился в правоте оклеветанного начальством Батенькова*** *и оценил его по достоинствам»*, - писал В. Карцов. Он тоже указывал, что сближению их, вероятно, *«содействовало участие обоих в масонстве»,* мало сомневаясь в основательности такого утверждения: *«В какой-то степени это, может быть, подтверждается записью самого декабриста-сибиряка: «Сперанский застал еще в Томске ложу, принимал депутацию, но сам не посещал».* (Стр. 40).

VI

[1] Г.С. Батеньков с иронией писал о **сентиментальных произведениях Н.М. Карамзина,** насмехаясь над его *«восторгами»* и горестными «*Лизами с кузовками»,* кои *«часто сплетают венки»* из цветов (Письма Г.С. Батенькова. Стр. 92). Но сам очень нежно и трепетно относился к близким людям, не боясь показаться смешным.
[2] **Образ богородицы,** *«маленький в серебряной ризе с позолотой»,* хранился средь личных вещей Г.С. Батенькова вплоть до его ареста, свидетельствует Г. Котляров. (Арест декабриста. Стр. 16).
[3] Г.С. Батеньков уведомлял генерал-майора **Ф.Ф. Риддера,** что по предписанию генерал-губернатора отправляется с ним в Иркутск.
«Все дела, имущество и канцелярию, - пишет он, - *поручил, согласно назначению Вашему от 3 июня 1819 года, секретарю* ***Чернову****… Поставляю долгом вместе с тем приложить сведения о состоянии округа и покорнейше прошу, по обозрении предметов, бывших в моем заведовании, снабдить меня о последующем предписанием…».* (ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 190 л. 1).
[4] Там же, л. 14 -15.
[5] Термин **«инородцы»** ввел в обращение Г.С. Батеньков, когда работал над проектом сибирских реформ. (Шерстова Л.И. Стр. 223).
[6] ***«Русские с собою приносили гибель, заставляли платить непосильный ясак, за бунты и непокорность жестоко казнили,*** - *сообщал М. Петров. – Покорители с инородцами обращались по-зверски, отнимая их имущество силой или нагло обманывая при торговле. Их спаивали водкой, заражали всевозможными болезнями, о которых инородцы раньше не знали: оспой, тифом, сифилисом, от которых остяки гибли массами, гибнут и до сих пор. Воеводы и правители сибирские посылались русскими царями на восток с полной, неограниченной властью; и если над русским населением воеводы и губернаторы чинили насилия, то с инородцами они обращались без зазрения совести. Много выпало бед на голову несчастных остяков от этого ига начальства, проповедников, купцов, казаков и даже простых поселенцев».* (Стр. 140).
[7] Из письма М.М. Сперанского дочери (Письма. Стр. 22).
Совершенно не зная **коренные сибирские народы**, сохранившие особенный уклад и особую культуру, не желая их знать, высказываясь о них с полным пренебрежением, **М.М. Сперанский** считал, что лишь *«цивилизованные»* люди достойны внимания и жалости. Он полагал, что инородцы даже устроены иначе, нежели люди белой расы. Постижение прекрасного *«зависит от устройства органов»,* писал он, *«усовершенствования их и нравственного образования, а еще более они <высшие степени чувствительности > зависят от обилия и полноты живущего в нас духа».* (Там же).

[8] ***«Города и села на их пути приводились в порядок**, чиновники теряли спесь и ласкались к населению, концы темных дела «прятали в воду», замазывая старые и новые грехи»* (Карцов В.Г. Стр. 41).
[9] Из письма М.М. Сперанского дочери (Письма. Стр. 28).
[10] Карцов В.Г. Стр. 41.
[11] Там же.
[12] **Система казенных подрядов,** *«сопряженная с разграблением казны посредством непомерных подрядных цен, часть которых шла на взятки, доходила до крайности».* (Андриевич В.К. стр. 293).
[13] ***«Купечество ни в чем не отставало по части злоупотреблений от чиновников»,*** торговцы шли на подлог и обман. Словом, *«сибирское купечество было в высшей степени безнравственно».* (Там же. Стр. 294).
[14] ***«Правда в суде раскрывалась туго,*** *да и трудно было рассчитывать на правду в низших инстанциях, если даже сенаторы, посылавшиеся на ревизии губерний, не всегда давали справедливый отчет о найденном».* (Там же. Стр. 282).
[15] Со слов В. Вагина, М. Корфа и других историков **о прегрешениях Лоскутова** подробно сообщал В. Карцов:
«Он начал карьеру смотрителем поселений, где в обращении с ссыльными не знал никаких мер, кроме истязаний; во время мучительных расправ кричал неистово: «Катай его, нечестивца!». Став исправником, те же методы управления перенес на все население: по округу разъезжал, окруженный казаками, возил с собой розги, палки и плети. Селение, извещенное о его прибытии, заблаговременно готовило палачу жертвы… Лоскутов пощады не знал: старики и дети, девицы и беременные женщины, больные и хилые – все равно подвергались мучению. Приезд исправника сопровождался воплями, стонами, кровью… Истязали за все: плохо вспахана земля – секли; нечисто во дворе или избе – секли; прореха на рубахе или сарафане – секли…». (Стр. 41).
[16] Там же. Стр. 41-42.
[17] **Только в Нижнеудинске, где поступило много жалоб, пришлось задержаться.** *«Жизнь здесь оказалась нелегкой… Округ настолько был разорен всевластьем чиновников, что даже явились затруднения с питанием: запасов с собой генерал-губернаторская свита не везла, а на месте почти ничего нельзя было достать из-за нищеты населения. «Кое-как питались мы куриным супом с яичницею, да ленками (рыбой), но и то в последние дни оскудело; лишь однажды какому-то счастливцу удалось подстрелить молодую сайгу и мы полакомились мясом», - замечает Репинский, секретарь Сперанского и близкий сотоварищ Батенькова во все последующие годы их совместной работы».* В итоге ревизии отстранены были от власти многие чиновники. *«У одного **Лоскутова** было отобрано 132242 рублей одними только деньгами, зашитыми в мебель, кроме серебра и мехов».* (Там же. Стр. 42).
[18] Сперанский М.М. Письма. Стр. 28.
[19] Карцов В.Г. Стр. 44.
Он описывал, как иркутские чиновники, собрав некую сумму, пытались преподнести ее новому генерал-губернатору – как это делали, вероятно, при И.Б. Пестеле. Но, узнав о судьбе Лоскутова, отказались от своего решения.
[20] Калашников И.Т. Стр. 191.
Вид Иркутска начала XIX столетия он описывал следующим образом:
«После проливных дождей многие из иркутских улиц были непроходимы; на площадях образовывались беспредельные лужи. Проезда по ним почти не было; зато какое было наслаждение для детей <пройтись босиком по воде>». Как в Томске, *«иркутские улицы были косы и кривы, тянулись, как им было удобнее, не удостаивая городской план ни ма-*

лейшим вниманием. Дома то высовывались вперед… то пятились назад, как бы стараясь уединиться от городского шума… Многие, склонившись долу после долговременной службы, преспокойно доживали на боку свои последние дни. К довершению картины… город был украшен тысячами колодезных столбов, торчавших из каждого огорода…Зато Иркутск мог похвастать множеством и богатством церквей. Церкви все были каменные и обширные, почти все двухэтажные… Церквей было 13. Всех же домов, каменных и деревянных <в 1822 году > насчитывалось до 2000, а жителей – до 15000 человек». (Там же. стр. 191, 194).

[21] Вагин В.И. Стр. 60.

[22] Сперанский М.М. Письма. Стр. 29.

[23] **Иркутских купцов и чиновников** живописал И.Т. Калашников. (Стр. 200 – 201).

[24] **Кузнецов Иван Ефимович** – известный иркутский купец, которого за богатство и статный вид прозвали «королем».

Он был похож на павлина: говорил очень дурно, зато был редкий красавец. *«Жена Трескина возвращалась с королем Кузнецовым из-за Байкала… лошади понесли с большой горы; жена губернатора решилась выскочить из кареты, попала платьем в колеса и ее буквально разорвало. Король усидел и спасся»,* - вспоминал Э.И. Стогов. (Стр. 507).

Повстречав его в 1830 году, автор «Очерков» писал: *«Я нашел короля порядочно старым, до крайности бедным; кажется, всего имущества остался деревянный дом, в котором жил Сперанский… В Киеве получил я письмо из Иркутска: Иван Ефимович Кузнецов – миллионер, не знает счета деньгам, делает громадные пожертвования, статский советник, в орденах и стал настоящим королем между миллионерами! Виденный мною грязный песок оказался богато содержащим золотом…».* (Стр. 529).

[25] Там же. Стр. 508.

VII

[1] Стогов Э. И. Стр. 510.

[2] Там же. 511.

[3] **Г.С. Батеньков,** *«образованнейший и даровитейший человек своего времени»,* **был назван домашним секретарем М.М. Сперанского** в статье «Сибирские воспоминания». (Д.С. Стр. 12). А.А. Сабуров упоминает о том, что генерал-губернатор не только много общался с Г.С. Батеньковым, но и занимался с ним в Иркутске *«египетскими древностями»* (Стр. 25).

[4] **Описание молодого Г.С. Батенькова** в пору его пребывания в Иркутске оставил тот же Э.И. Стогов. (Стр. 512). Далее он сообщал:

«Батеньков был незлобивого, добрейшего сердца. Ученость его была замечательна, он очень легко и много писал стихи; я много читал его басен, но и тут – только сатира и сарказм, более на известные лица и нравы». К сожалению, ничего из этих «басен» до нас не дошло.

Не удивительно, что Э. И. Стогов не обмолвился о других сочинениях своего знакомого: философские и лирические стихотворения, которые тоже почти все впоследствии были утеряны, Г.С. Батеньков показывал лишь близким ему людям.

[5] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 106.

[6] Калашников И.Т. Стр. 191.

[7] Там же.

«Лучшие деревянные дома принадлежали казне: *генерал-губернаторский дом, зимний и летний, вице-губернаторский,* - сообщал об Иркутске И.Т. Калашников. - *Дом генерал-губернатора был весьма обширный»,* но при Пестеле, который жил в Петербурге, все время *«стоял без всякой поправки и гнил без пользы… Частные деревянные дома принадлежали, большей частию, купцам и мещанам; имели домы и чиновники, но небольшие и бедные… Дома не имели подъездом с улицы, крыльца их выходили во двор, а чтобы попасть во двор. Надо было постучать в ворота большим кольцом, повешенным для этого на одной из двух калиток». (Стр. 193).*

[8] **Попыток справиться с неугомонной рекой было немало**. *«Особенно страшными казались твердые острые льдины – с силой ударяя о правый берег, они сметали преграды…попытались ослабить напор воды, направляя для этого Иркут, приток Ангары, по новому направлению. Пять старых судов с балластом затопили в Иркуте и перегородили его. Устье Иркута действительно повернули в сторону, к боковой ангарской протоке. Но уже через год ледоход изломал плотину».* (Карцов В.Г. Стр. 44).

[9] Вагин В.И. Стр. 200.

[10] Замечание В.И. Вагина о том, что *«Батеньков усердно занимался ими <наблюдениями> около полугода»*, противоречит архивным данным.

[11] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 188 л. 8.

[12] Вагин В.И. Стр. 201.

[13] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 188 л. 8 об.

[14] Там же, л. 9.

[15] Вагин В.И. Стр. 201.

[16] Там же. Стр. 202.

[17] **Дальнейшую историю укрепления берега Ангары** В. Карцов называл *«блестящим образцом всей нелепости самодержавной системы управления гигантской империей».* Два года предложение Г.С. Батенькова блуждали по бюрократическому кругу, и только 20 февраля 1822 года последовал высочайший указ о претворении их в жизнь. Автор проекта в ту пору уже находился в Петербурге.

«Для производства работ по укреплению ангарского берега *был назначен инженер-капитан Медведев. Он кончил все работы в 1826 году, употребив на них 92452 р. 70 коп. Городская дума находила работы Медведева непрочными и долго отказывалась принять их в свое ведение; дело это кончено уже в 12840 году,* - писал В. Вагин. – *Между тем укрепление Ангарского берега против собора до сих пор составляет одну из самых красивых и прочных работ прежнего времени в Иркутске».* (Стр. 203).

[18] **10 июня 1820 года Г.С. Батеньков докладывал Ф.Ф. Риддеру**, что *«окончил наблюдения, опыты и соображения к постройке набережной в городе Иркутске на реке Ангаре».* После чего повторно *«внес планы, сметы и описание на рассмотрение Сибирского генерал-губернатора»* и получил благоприятный отзыв Его Высокопревосходительства, отправив копию отзыва в канцелярию X округа путей сообщения.

В свою очередь, **М.М. Сперанский** письменно известил Г.С. Батенькова, что все его *«сметы и планы по укреплению набережной Ангары»,* дополненные и уточненные, *«препроводил от себя в Главное управление путей сообщения».* А письмом от 6 августа 1820 года сообщил **Ф.Ф. Риддеру,** что одобрил «важность работ» Г.С. Батенькова по укреплению набережной Ангары. В ответом послании Ф.Ф. Риддер указал, что, рассмотрев проект Г.С. Батенькова, *«нашел его весьма толковым».* Он писал: *«Батеньков полагает или уменьшить протяжение набережной, прерывая оную против площади простым устройством отлогого берега, или вовсе не производя сей постройки, укрепить только основание откоса, связать сплошные сваи в шпунтовую раму. Оба сии предложения нахожу основательными, но предпочтительнее из оных последнее, как виднейшее для казны».*

Такое же мнение он представил в главное управление путей сообщения. (ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 188 л. 36, 36 об., 37, 43, 45).

[19] **М.М. Сперанский писал начальнику X округа Ф.Ф. Риддеру**:
«Хотя проект на сию постройку, составленный инженером генерал-майором Леонтьевым на основании присланных от губернского начальства сведений, и одобрен Главным управлением путей сообщения, но при соображении на месте оказалось, что многие сведения, из Иркутска доставленные и в основание сего проекта принятые, вовсе не сообразны, так что до прибытия еще инженера Батенькова в Иркутск замечено, что проект сей требовал изменения в важнейших частых… Препровождая Вашему Превосходительству бумаги и чертежи… покорнейше прошу рассмотреть на основании §68 учреждения путей сообщения проект инженера Батенькова». (Там же, л. 40).

[20] **В сентябре 1819 года томский губернатор предписал архитектору, землемеру и городскому голове** *«ныне же приступить к обозрению построенного чрез речку Ушайку моста»,* предложив способ *«к поправлению надлежащих, при обозрении <обнаруженных> повреждений»,* и распорядился выделить строительные материалы.
О размерах повреждений архитектор и землемер донесли ему рапортом от **30 октября 1819 года**. При обозрении было найдено, что *«углы оного моста в некоторых местах точно повреждены льдом и отбиты сделанные для прочности угловые обшивки».* Исходя из высказанных ими соображений, губернатор указал думе *«доставить потребные к сему материалы и рабочих людей в распоряжение губернского архитектора Деева, под руководством коего постройки и починки производимы… дабы к наступлению весны оное было приведено к окончанию».* А в следующем документе указано, что на эти работы следует дать *«бутовый камень, заготовленный на случай постройки гауптвахты».*
Прошло два месяца, а конца ремонтным работам не было видно. **20 февраля 1820 года архитектор А.П. Деев** *«убедительно просит, сколь возможно поспешнее доставить все потребные материалы и рабочих людей, чтобы всё необходимое успеть окончить не токмо до вскрытия рек, но даже и до больших наледей».* Однако и после этого работы не получили большого развития. Так что в следующую весну многострадальный деревянный мост был, конечно же, снова *«сильно поврежден».* (ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 1044 л. 30, 33, 40, 44-46, 58).

[21] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 106.

VIII

[1] ***«Трескин был страшный корыстолюбец****… но удивительно то, что вообще мало жаловались на его взяточничество: это мне объясняли тем, что он брал, но и умел дать средства наживать»,* – писал Э.И. Стогов (Стр. 507).

[2] Там же. Стр. 504.

[3] *«Мне казалось,* ***Трескин*** *не был зол и жесток, но, как власть, был очень строг; все полиции были доведены до совершенства, и за то в иркутской губернии не было ни грабежей, ни воровства»,* – указывал далее Э.И. Стогов. (Стр. 507).

[4] Калашников И.Т. Стр. 222.

[5] Там же. Стр. 236.

При Н.И. Трескине, читаем дальше, *«грабежи по дорогам прекращены. Места, до того пустынные, облюжены новыми водворениями; поселенцы из бродяг сделались честными и трудолюбивыми земледельцами. Присутственные места… перестроены или построены вновь, и содержались в строгой опрятности; архивы – в примерном порядке…*

Трудно исчислить все наружные устройства, которые были совершены в деятельное управление Трескина, и которыми весьма справедливо славится его имя. Любому ревизору можно было сказать: «Милости просим! Полюбуйтесь!».
***«Трескин,** без сомнения, был умный делец, деятельность его была изумительная», - сообщал Э.И. Стогов. – полиция, земские суды, палаты – он или его власть была всё! Он знал всё и распоряжался всем: он знал подробно всю частную жизнь Иркутска. Трескин был деспот безграничный! Но мне случалось прочитать немного бумаг его в Петербург: там он скромен, добр, скорбел о людских слабостях и тяготился обязанностию исправлять падших…».* (Стр. 506).
[6] Стогов Э.И. Стр. 509.
[7] Там же.
[8] Вагин В.И. Стр. 60.
[9] Стогов Э.И. Стр. 509.
[10] Там же. 510.
[11] Вагин В.И. Стр. 61.
[12] Карцов В. Г. Стр. 44.
[13] **Словцов Петр Андреевич** – (1767-1843) тоболяк, известный сибирский историк, публицист, основоположник историографии Сибири, автор капитального труда, двухтомника «Историческое обозрение Сибири».
«Из местных жителей в Иркутске Сперанский приблизил к себе только Словцова», - сообщал барон Корф. (Стр. 212).
[14] **Вильде** был *«человек надежный и исполнительный, к тому же хороший музыкант (Сперанский любил музыку). К Сперанскому Вильде прилепился еще в Пензе, неукоснительно за него держался, не обладал хорошими способностями, но благополучно к концу жизни достиг предела чиновных мечтаний – высокого поста сенатора, состоящего при Втором отделении его величества собственной канцелярии, которым руководил все тот же Сперанский».* (Карцов В.Г. Стр. 47).
[15] Стогов Э.И. Стр. 506.
[16] *«Сперанский писал в Петербург: «**Устранение губернатора… облегчило бы изыскания.** Не имея сего средства, я должен развивать клубок, чрезмерно запутанный, с медленностью и терпением… среди страха, здесь же действующего».* (Карцов В.Г. Стр. 50).
[17] Сперанский М.М. Письма. Стр. 27.
[18] Там же. Стр. 35.
[19] *«Сперанский немедленно по приезде в Иркутск потребовал сведений о положении дела»* **на китайской границе,** а затем «*поручил Батенькову сообразить на месте степень необходимости»* там благоустроительных работ. (В.И. Вагин. Стр. 203).
[20] Карцов В.Г. Стр. 45.
[21] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 105.
[22] Там же. Стр. 106.
[23] *«Пограничное начальство намечало возвести земляной вал и прорыть ров по обе стороны кяхтинской торговой слободы вместо существовавших прежде надолб, окружить **Кяхту** палисадами, построить деревянную набережную по берегам речки, воздвигнуть каменные пограничные ворота и поставить для пограничного комиссара деревянный дом. На все работы исчислялось по сметам 82 000 рублей…*
*Почти все эти проекты оказались излишними и надуманными: устройство рва и вала возбуждало опасения китайской стороны, к тому же Кяхта окружена песками – возведенные на них валы со рвом были бы сметены ветрами в самое короткое время; палисад и береговое укрепление также найдены несоответствующими цели. Вместо каменных ворот **Батеньков** предлагал сделать деревянные, а дом для комиссара или купить у*

частных людей, или устроить в меньшем размере против предложенного. ***Сперанский*** *признал заключения Батенькова основательным и представил его министру внутренних дел… Эти предложения в октябре 1823 года были утверждены».* (Карцов В.Г. Стр. 46).
[24] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 106.
[25] Там же.
[26] Стихотворение Г.С. Батенькова (Илюшин А.А. Стр. 138); было написано лет через тридцать после описываемых событий, но довольно точно передает восторженное отношение поэта к величию отечества времен сотрудничества с М.М. Сперанским.

IX

[1] Здесь и далее **мнения иркутян**, которые записал В. Вагин. (Стр. 566 - 584).
[2] В том, что **реформы М.М. Сперанского** не достигли успеха, был убежден даже А.И. Герцен. *«Сперанский*, - писал он, - *пробовал облегчить участь сибирского народа. Он ввел всюду коллегиальное начало; как будто зависело от того, как то крадет – поодиночке или шайками. Он сотнями отрешал старых плутов и сотнями принял новых. Сначала он нагнал такой ужас на земскую полицию, что мужики брали деньги с чиновников. Чтобы не ходить с челобитьем. Года через три чиновники наживались по новым формам не хуже, как по старым».* (Том. 1. Стр. 248 – 249).
[3] **Зеркалеев Иван Семенович** – иркутский вице-губернатор*, «из малороссийских дворян».* Вот что писал о нем В. Вагин*: «Зеркалеев когда-то служил в военной службе; в Сибирь он приехал еще при Пиле, остался там навсегда, и постепенно дошел до высших должностей местного управления…Под старость он впал в детство, но во времена Сперанского был еще человеком в поре, хотя и весьма уже пожилым.».* (Там же. Стр. 135 - 136).
[4] Там же. Стр. 135.
[5] **Волошин Евстрафий Фомич** – иркутский исправник. Действовал почти так же, как нижнеудинский исправник Лоскутов, но с гораздо меньшим размахом.
«Волошина называли – студент, смеялись, что он, бывши еще московским студентом, уже был назначен исправником, занимал должность 13 лет». (Стогов Э.И. Стр. 524).
[6] Описание праздничного **обеда у исправника Волошина** дал Э.И. Стогов:
«Обед был роскошный, помню – стерляжью уху на шампанском; обед был очень весел, говорлив, Батеньков был в ударе, абордировал меня немилосердно. Сперанский добр, молчалив, но был приветлив, ласково шутил с хозяином». (Стр. 525).
[7] Там же.
[8] **Геденштром Матвей Матвеевич** – (1781 – 1845) служил исправником Верхнеудинского уезда, один из самых примечательных людей того времени. Учился в Дерптском университете, затем был определен на службу в Сибирь, «*скитался несколько лет в Заполярье, обогатил географию открытием Новой Сибири».* Издал книгу «Отрывки о Сибири», оставил рукопись «Материалы для описания Сибири». Его именем названы залив, отделяющий остров Фаддеевский от земли Бунга на острове Котельном, и горы на юго-западном побережье острова Новая Сибирь. (Описание экспедиции М.М. Геденштрома находим у И.В. Щеглова. Стр. 372).
«Геденштром был человек весьма образованный, говорил на многих европейских языках, знал очень хорошо естественные науки, много имел наглядных сведений, проводя многие годы в путешествии, – таким рисовал его И.Т. Калашников. – *По характеру был весьма кроткий, мягкий и обязательный, готовый всегда на услугу, но вместе с тем сметливый*

и хитрый, и к несчастью, не имевший в душе никаких нравственных оснований, никакой религии…». Какое-то время М.М. Геденштром занимал прежнюю должность, затем *«был отрешен от должности и должен был рассчитаться с обиженными; здесь наступил конец его благосостоянию».* (Стр. 224- 225).

М.М. Геденштром, вспоминал Э.И. Стогов*, «был домашним секретарем графа Румянцева; по какому-то делу… падающему тенью на графа, принял вину на себя и был удален в Сибирь».* (Стр. 524).

А вот что писал о нем В.И. Вагин: *«**Геденштром** очерчен в книге барона Корфа в немногих, но резких чертах, как доносчик и развратник. Мы имеем другие показания, гораздо более благоприятные для Геденштрома. Страсть к разгульной или, скорее, к открытой и роскошной жизни действительно была в нем велика… Но в то же время в характере его встречаются и такие черты, которым нельзя не сочувствовать. Это был человек весьма добрый, помогал крестьянам не только советами, но и деньгами, и оставил по себе в народе добрую память. В свое время он считался одним из умнейших и образованнейших людей, какие когда-либо жили в Сибири, и пользовался глубоким уважением».* (Стр. 12-13).

[9] Калашников И. Т. Стр. 222.

[10] *«**Устройство удобного сообщения вокруг Байкала давно уже обращало на себя внимание правительства.** Сухопутное сообщение Иркутска с Забайкальским краем производилось сначала через Тунку; дорога представляла одно верховое сообщение, неудобное во всех отношениях»,* - указывал В. Вагин. Изыскания нового пути велись с 1780 года.

Была найдена удобная дорога через Хамар-Дабанский хребет, велено было приступить к ее *«окончательному устройству»* за счет таможенных пошлин. *«В 1805 году она была кончена; но уже в 1808 году Трескин отзывался о ней весьма невыгодно».* Для исправления дороги казна отпускала большие средства, эти работы были натуральной повинностью обывателей, *«чрезвычайно обременительной для местного населения».* Они *«изнурялись сами и изнуряли свой скот, терпели разные недостатки в горах и в пустынях»,* но дорога лучше не становилась. (Вагин В.И. Стр. 500-501).

[11] Стогов Э.И. Стр. 515.

[12] О враче **Я. Альберте** упоминает барон Корф. (Стр. 199).

[13] Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. Стр. 93.

[14] Там же. Стр. 90.

[15] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 197 л 3.

[16] Там же, л. 2.

[17] Там же, л. 4.

[18] Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. Стр. 97.

[19] **В начале января 1820 года** Г.С. Батеньков уведомил Ф.Ф. Риддера, что «от полученных в сражениях ран» находится в больнице (ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 188 л. 10).

[20] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 197 л. 7.

[21] Там же, л. 7об.

X

[1] **26 января 1820 года Г.С. Батеньков представил начальнику X округа Ф.Ф. Риддеру** *«по делу, ему в Кяхте порученному, записку, содержащую в себе извлечение из дела,*

сведения о предполагаемых прежде на китайской границе в Иркутской губернии работах».

Об этой записке Ф.Ф. Риддер доложил в Петербург, указав, что *«со своей стороны нашел сведения, представленные Батеньковым, весьма основательными».* (ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 188 л. 17).

[2] *«По болезни моей чувствую облегчение и* ***занимаюсь ныне съемкой реки Ангары,*** *нужной для соображений по предмету укрепления правого берега оной в городе Иркутске»,* - пишет Г.С. Батеньков своему начальнику Ф.Ф. Риддеру в начале февраля 1820 года. (Там же, л. 16).

[3] *«Михаил Михайлович трудился не над исправлением прошедшего зла, чего и невозможно было исправить, была бы бесплодная работа;* ***он трудился над устранением зла в будущем,*** *и работал, <мечтая > пересоздать управление Сибири».* (Стогов Э.И. Стр. 525).

«Обнаружив зло, должно представить и способы к его исправлению, - писал М.М. Сперанский, - *а способы сии зависят не от Иркутска, и даже сообразить их основательно нельзя в Иркутске. Местные сведения тут, конечно, нужны; но Сибирь достойна и по всем отношениям требует государственных отображений».* (Корф М.А. Стр. 210).

[4] Корф М. А. Стр. 207.

[5] Э.И. Стогов тоже участвовал в этой работе. Но его замечание о том, что ему было поручено ***«составить новое положение о ссыльных»,*** не соответствует действительности, занимался этим Г.С. Батеньков. Хотя смысл работы передан точно. Путаницы и противоречий, пишет Э.И. Стогов, *«было пропасть»*, следовало *«прежде привести к одному знаменателю и потом составить что-нибудь целое».* (Стр. 513).

[6] Как вспоминал И.Т. Калашников, он *«имел личное поручение от Сперанского. Он заключалось* ***в историческом и статистическом описании Иркутской губернии*** *и составлении многосложных расчетов относительно издержек, употребленных на поселения и раскладки податей».* (Стр. 249).

[7] Барон Корф указывал, что *«над проектами»* работали многие ***«находившиеся при Батенькове»*** **чиновники,** но трое из них, *«Протопопов, сын учителя тобольской гимназии, Текутьев, бывший помощник иркутского почтмейстера, и Булич… употреблялись более лишь для переписки».* (Стр. 208).

[8] *«Многие из проектов****…*** *Сперанский сам непосредственно обдумывал и писал; другие, вместе с собиранием сведений, предварительными начертаниями и прочим он, не имея времени, ни даже наклонности заниматься подробностями****, возлагал на Батенькова****, говоря, что не может без него обходиться, «как мастер без ученика».* (Корф М.А. Стр. 207).

«В деле редакции» **сибирских проектов** у М.М. Сперанского был один помощник, - сообщал И.Т. Калашников, - *«инженер путей сообщения… человек блестящих способностей, обладавший бойким пером и необыкновенным даром слова»* - Гавриил Степанович Батеньков. (Стр. 249).

Приведем еще один, очень важный отзыв. *«Батеньков, обладавший обширными познаниями и глубоким умом,* - писал М. Довнар-Запольский. – *проявил свои способности во время сотрудничества со Сперанским в Сибири. Подобно Пестелю Батеньков направил свой ум на вопросы, связанные с разными частями государственного управления… по поручению Сперанского Батеньков собирал материал для местной статистики, затем представил ему в виде научного обозрения записки…»* (Стр. 228-229).

[9] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 107.

[10] О предстоящей поездке Г.С. Батеньков, как полагалось, уведомил начальника округа, сообщив, что ***«отправляется в Иркутский и Верхнеудинский уезды»*** для *«изыскания к устройству кругобайкальской дороги».*
(ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 188 л. 20).
[11] Вагин В.И. Стр. 502.
[12] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 107.
[13] Там же.
[14] Там же. Стр. 108.
[15] **Проект Г.С. Батенькова** встретил благожелательную оценку М.М. Сперанского, – указывал В.И. Вагин, – но не был принят: *«потому ли, что требовал больших издержек; или, как думает Геденштром, потому что слишком удалял Кяхту от Иркутска, в сравнении с прежним прямым путем».* (Стр. 502).
«Впоследствии вопрос о выгоднейшем направлении ***кругобайкальской дороги*** *возникал несколько раз»,* - продолжал В.И. Вагин. – Появлялись другие проекты, *«но все они, в большей или меньшей степени, принимали и проект Батенькова».* Кяхтинский купец Игумнов на деньги *купечества «строил свою дорогу»,* которую *«кяхтинское купечество признавало весьма удовлетворительною, а инженеры совершено негодною»,* и *это «надолго остановило осуществление других проектов».*Только в шестидесятые годы того же XIX столетия был проложен новый путь по направлению, *«которое предлагали Геденштром и Батеньков».* (Стр. 502 – 503).
[16] 10 апреля 1820 года Ф.Ф. Риддер докладывал Главному директору путей сообщения генерал-лейтенанту А.А. Бетанкуру:
«Инженер-капитан Батеньков доносит мне, что теоретическое занятие его по предмету ***постройки Ангарской набережной*** *приводит он уже к окончанию, и что новым предписанием от Сибирского генерал-губернатора ему поручено учредить* ***трактовую дорогу вдоль берега Байкала*** *вместо существующей теперь и представить об улучшение оной мнение»* (ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 188 л. 21). Рапорт был подан с некоторым опозданием: тому времени Г.С. Батеньков уже отчитался по *«трактовой дороге».*
[17] **В середине февраля 1820 года М.М. Сперанский совершил поезду** в Нерчинск, посетил Верхнеудинск, ознакомившись с образом жизни бурят (Корф М.А. Стр. 213). *«Ему хотелось самому взглянуть на образ управления* ***разных бурятских родов*** *и удостовериться, до какой степени они близки к принятию христианской веры»* (Там же).
По поводу Нерчинска М.М. Сперанский писал дочери следующее: *«Я буду первый начальник, который посетил Нерчинск. Хотя первенство сие не возбуждает моего честолюбия, но возбуждает надежду, что путешествие сие будет полезно и утешительно обывателям того края».* (Письма. Стр. 107).
[18] Сперанский М.М. Письма. Стр. 106.
[19] Там же. Стр. 119.
«Ревизионная деятельность тяготила Сперанского*, - замечал В. Вагин, - государственный человек разбирал мелкие дрязги».* Но следствие он вел снисходительно, ибо *«многое объяснялось невежеством, обстоятельствами, примером высших. Нельзя было относиться ко всему одинаково».* (Стр. 112).
[20] Корф М. А. Стр. 207.
[21] **В Иркутске М.М. Сперанский** ***«возобновил устройство народных училищ,*** *погибавших при Трескине, поручил их Словцову и Зеркалеву. Снесясь с министерством, он обеспечивает жалованье народным учителям, предлагает крестьянским общинам открытие школ, дает толчок основанию инородческих училищ. Поднимает… навигационную школу в Охотске, заботу о ней принимают на себя кн. Шаховской и Ушинский… Туда начинают поступать дети казаков, мещан и якутов… В Гижите основывается шко-*

ла на пожертвования купца Баранова. Во время пребывания Сперанского в Кяхте тамошний бургомистр Игумнов изъявил желание основать училище и поддерживать на своей счет ремесленное воспитание для мещан…» (Ядринцев Н.М. Стр. 557).

[22] **Просветительству,** как известно, придавали большое значение масоны, а М.М. Сперанский, по некоторым сведениям, состоял какое-то время в одной из столичных масонских лож.

В то же время **ланкастерские школы** составляли предмет особой заботы членов Союза Благоденствия (об этом находим у Л. Пичурина. Стр. 102). В 1818 году они представили в Министерство народного просвещения проект создания Общества для учреждения училищ по методе взаимного обучения. *«Воспитание есть самое успешное средство для доставления обществу граждан честных, трудолюбивых, покорных законам и благочестивых»,* - говорилось в проекте организации. *«14 января 1819 года был учрежден устав этого Общества, который предусматривал составление учебных пособий и основание отделений Общества в разных городах России».* (Бергман А.А. Комментарии. Стр. 430).

*«Причина, почему **ланкастерские школы** приобретали в свое время такой успех, заключалась в чрезвычайной простоте и дешевизне их устройства: если находилось помещение, находился учитель, то школа могла быть готова для нескольких сот учеников, - вещь невозможная при другом устройстве школ»,* - писал А.Н. Пыпин (Очерки общественного движения…» (Стр. 799).

[23] Дмитриев-Мамонов А.И. Стр. 242.

[24] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 188 л. 32.

[25] Там же.

*«Впоследствии, вспоминая свои **геометрические «таблицы»,** Батеньков называл их наиболее «замечательным учебником из числа составленных для первой в Сибири ланкастерской школы».* (Брегман А.А. Стр. 19).

[26] Там же, л. 32 об.

Ф.Ф. Риддер действительно отослал геометрические таблицы Г.С. Батенькова в Петербург. В рапорте на имя А.А. Бетанкура он кратко обрисовал ситуацию, подчеркнув, что ***«таблицы вошли уже в употребление и показали успех»,*** понравившись Сибирскому генерал-губернатору (Там же, л. 33). Ведомство путей сообщения могло бы способствовать распространению опыта взаимного обучения и необходимых пособий к ним, но этого, к сожалению, не произошло.

[27] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 107 – 108.

[28] Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. Стр. 100.

XI

[1] Сперанский М.М. Письма. Стр. 119.

[2] Там же. Стр. 142.

[3] Там же. Стр. 143.

[4] По словам В. Вагина, ***«статистические данные были собраны в 18-ти делах*** *(тетрадях):*

1. о казенных запасных магазинах;

2. распоряжения по хлебным судам;

3. о промене скота;

4. о городских доходах с 1814 по 1820 год;

5. сведения о населении;

6. о состоянии городских и острожных больниц;
7. о ценах на съестные припасы за десять лет;
8. о состоянии воспитательных домов;
9. о волостных повинностях за 1820 год;
10. о перевозах;
11. о состоянии городов и полиций за 1819 год;
12. о почтовых дорогах, числе станций и лошадей там;
13. о поступивших в Сибирь рекрутах;
14. о состоянии урожая;
15. о состоянии земледелия за десять лет;
16. о сумах Приказов за 1820 год;
17. о запасных магазинах Иркутска, Туруханска, Тобольска;
18. о числе уголовных дел за десять лет».
(Вагин В.И. Стр. 187).

А.А. Брегман полагала, что собирание сведений о Сибири следовало, *«чтобы доказать* ***необходимость выработки сибирских законов****, основанных на истории, этнографии, климатологии края, т.е. обосновать нецелесообразность централизации управления в таком многонациональном государстве, как Россия, и необходимость федеративного устройства страны».* (Стр. 21). Подробнее об этой работе, в которой самое деятельное участие принимал Г.С. Батеньков, – в книге В. Г. Карцова (главы V - VIII).

[5] *«Главное дело, которым занимался Батеньков при Сперанском, -* ***это участие в разработке законов и уставов по управлению краем****… Кроме Батенькова о подготовке программы «общего закона» знал только ближайший друг Сперанского Ф.И. Цейер, а затем и К.Г. Репинский, приехавший со Сперанским. Все остальные сотрудники, получив конкретные задания, выполняли их, не зная конечной цели».* (Брегман А.А. Стр. 20).

[6] *«В основе административных начал должен лежать* ***быт народа****, то есть его нравы, обычаи, образ жизни, степень развития, а равно и местные условия»* (Ядринцев Н.М. Стр. 169).

[7] **Вот эти проекты, принадлежащие перу Г.С. Батенькова**:
1. устав об управлении сибирских инородцев;
2. устав об управлении сибирских киргизов;
3. устав о ссыльных;
4. устав об этапах;
5. устав о сухопутных сообщениях в Сибири;
6. устав о сибирских городовых казаках.

В пакет важнейших законопроектов, представленных правительству, кроме того, входили положение о земских повинностях, положение о хлебных запасах, положение о долговых обязанностях между крестьянами и инородцами, а также «Учреждение для управления сибирских губерний», предполагавшее административно-территориальную реформу края. Все эти документы подготовил непосредственно М.М. Сперанский (Корф М.А. Стр. 228).

«Написав ***многосложные и огромные проекты*** *для будущего устройства Сибири, Сперанский совершил истинное чудо, только одному гению доступное. Всё обнял быстро и верно своим гениальным взглядом, всему дал жизнь и движение, везде положил твердые и верные начала»,* – отмечал И.Т. Калашников. (Стр. 249).

[8] Корф М.А. Стр. 228.

Среди этих постановлений М.А. Корф называет *«правила для переселения казенных крестьян… правила для соляного управления в трех сибирских губерниях, постановление о пределах плавания и о порядке приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири*

… об устройстве поселенцев, в Гижигинском крае водворяемых», и многое другое (Там же).

[9] На это указывал Ф.М. Дмитриев: ***«Потребовались учреждения менее произвольные и более ответственные».*** М.М. Сперанский хотел *«подчинить его членов взаимному надзору, уменьшить личный произвол разделением власти… В губерниях и уездах Сперанский думал установить двоякую систему надзора, отдельно для суда и администрации. Безотчетное и личное действие губернского правления предлагал подчинить местному коллегиальному надзору, постоянному, на твердых началах установленному, имеющему власть не только заявлять за тысячу верст беспорядки и злоупотребления, но и прекращать их, остановляя зло… в самом его начале»* (Стр. 353, 409).

[10] **Миницкий Михаил Иванович** – начальник Якутской области.

«Старый моряк, бывший начальник Охотского порта». Возглавляя край, он *«был на своем месте… человек умный и весьма распорядительный. Бескорыстие его было, может быть, небезупречно; но в те времена и долго еще после на этот недостаток смотрели сквозь пальцы, если только он не выходил из известных границ».* (Вагин В.И. Стр. 137).

[11] Дубровин Н. Письма. Стр. 252, 256.

[12] Там же. Стр. 256-257.

[13] **Хвостов Василий Семенович** – первый томский губернатор, правил губернией с 1804 по 1808 год. Происходил из семьи обедневшего дворянина, бывший секретарь генерал-фельдмаршала графа Орлова. Как сибирский офицер, представлен был Екатерине Великой, получил из рук императрицы золотую табакерку. В дальнейшем, оставив военную службу, стал советником в Барнаульской гражданской палате, переехал в столицу. И пользуясь протекцией влиятельных лиц, достиг чина статского советника. После чего с повышением в чине получил должность главного администратора в только что учрежденной Томской губернии.

Вот как описывал его Ф. Ф. Вигель: *«**Хвосто**в был человек тучный, тяжеловесный, степенный и рассудительный, всю живость ума предоставивший брату своему Александру Семеновичу; лицо он имел багровое, говорил тихо и размеренно, действовал осторожно, однако ж не медленно. Если прибавить к тому, что он был самых честных правил и исполнен человеколюбия, то надобно признаться, что лучших качеств для занимаемого им места требовать не можно».* (Стр. 156).

Впал в немилость у И.Б. Пестеля за то, что действовал, мало советуясь с ним. **Хвостов судился шесть лет**, писал В.И. Вагин, а Корнилов, тобольский губернатор, судился восемь лет. В конце концов, благодаря М.М. Сперанскому, сенат и Госсовет их *«совершенно оправдали».* И в 1822 году оба были *«пожалованы сенаторами».* (Стр. 157).

[14] Вагин В.И. Там же.

[15] Корф М. А. Стр. 249.

[16] **Экспедиция Врангеля и Анжу** была направлена в 1820 году для описания северных берегов Сибири (Подробнее о ней – у И.В. Щеглова, стр. 404 – 407).

[17] **Матюшкин Федор Федорович** – лицейский товарищ А.С. Пушкина, морской офицер, который дослужился до контр-адмирала и сенатора.

«Родился в Штутгарте, где отец его был советником посольства… Обладал порядочными способностями, был прилежен, очень скромен, застенчив и молчалив. Товарищи его любили.

Заветной его мечтой еще в лицее было – стать моряком, хотя родился он и вырос вдалеке от моря», - писал В. Вересаев. – *Впоследствии проделал несколько кругосветных плаваний, участвовал в экспедиции по обследованию северных берегов Восточной Сиби-*

ри, где один мыс назван в его честь… Пушкин с очень теплым чувством вспоминает о нем:

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!».

Матюшкин, со своей стороны, горячо любил Пушкина, виделся с ним в свои приезды в Россию. По свидетельству Я.К. Грота, он был одним из товарищей, с которыми по выходе из лицея Пушкин был всего дружнее…». (Том 1. Стр. 94-96).

Следуя к цели маршрута, **Ф.Ф. Матюшкин проезжал через Томск,** где, остановившись у губернатора, встретился с другим лицейским товарищем А.Д. Илличевским. (Вагин В.И. Стр. 218*). «Между прочим,* - отмечал В. Д. Славнин, - *Матюшкин отправил из Томска несколько писем директору Царскосельского лицея **Е.А. Энгельгардту**. В них он не без юмора описывал город, его нравы, свое в нем времяпрепровождение».* (Стр. 214).

[18] *«Познакомился с **молодыми офицерами**, которые отправляются к Ледовитому морю, к белым медведям, к самому полюсу*, - сообщает М.М. Сперанский дочери. -*Я думаю, что Сибирь есть настоящая отчизна Дон-Кихотов».* (Письма. Стр. 164).

[19] Вагин В.И. Стр. 219.

[20] *«По Высочайшему повелению **28 июля 1821 года учрежден был** особый Комитет для рассмотрения отчета Сперанского. Комитет рассматривал и действия лиц, обвинявшихся в злоупотреблениях… 26 января 1822 года был дан именной Высочайший указ правительствующему сенату»,* где говорилось и о томских злоупотреблениях. *«В управлении **томского гражданского губернатора Илличевского** Комитет хотя не нашел… важных беспорядков, но заметил следующие неправильности и упущения:*

1. стеснение торговли, особенно по Нарымскому уезду;

2. неправильное денежное взыскание с инородцев в пополнение капитала хлебных запасных магазинов;

3. беспорядочное и самовольное хозяйство и слабое наблюдение за подчиненными по оборотам хлебного запасного капитала;

4. неправильные распоряжения по сборам с инородцев;

5. беспорядки по водворению ссыльных;

6. слабость и упущение в надзоре за подчиненными».

Рассмотрев сии упущения, Комитет положил *«томского гражданского губернатора… **Илличевского,** удалив от сего звания, поступки его подвергнуть ответу и рассмотрению в Правительствующем Сенате».* (Вагин В.И. Стр. 121 – 122).

В марте того же 1822 года член Сибирского комитета М.М. Сперанский предоставил по ***«делу Илличевского»*** требуемые документы и известил сенаторов, что *«дела о беспорядках и злоупотреблениях в общественных сборах поступили уже в рассмотрение и уважение Томского гражданского и уголовного суда. О чиновниках же, в разных беспорядках и злоупотреблениях обвиняемых, положение… приводится на местах в надлежащее исполнение».* (Там же. Стр. 675).

[21] Примеры «**административных правил» М.М. Сперанского** нетрудно найти в архивах. Так, из Иркутска в декабре 1819 года поступил *«томскому губернскому правитель-*

ству и томской думе указ г-на Сибирского генерал-губернатора и кавалера Михайло Михайловича Сперанского».

Там говорилось: *«По соображении сведений и жалоб ко мне дошедших, признав нужным постановить общие по всем сибирским губерниям правила о свободной внутренней торговле, в подтверждение и пояснение существующих о том узаконений… препровождаю оное в правительство с тем, чтобы разослать в достаточном количестве печатных экземпляров по губернии, по всем думам и ратушам, городническим правлениям, земским судам и волостным правлениям… дабы каждый из жителей был о содержании оных изведан».* А исполнителям указ *«строго предписать, чтоб за точным и непременным исполнением упомянутых правил имели они неослабное наблюдение, под опасением неизбежного в противном случае по законам взыскания».* (ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 997 л. 25).

Автор указа разъясняет его суть, велит довести до сведения всех жителей губернии, неукоснительно соблюдать это распоряжение. И предупреждает о взыскании (наказании) за несоблюдение. То есть **«хороший» закон,** по М.М. Сперанскому, **требовал «хорошего», правильного исполнения.**

[22] Сперанский М.М. Письма. Стр. 105.

«Плоды труда Сперанского были осязательны: *власти были ограничены, правление Трескина было слабым преданием и умерло в истории… Но как все дела человеческие – несовершенны, так и последствия благонамеренного труда умного человека – оказались односторонними. Злоупотребления властей действительно уменьшились; не слыхать было жалоб от богатого купечества и вообще классы имущие были довольны, но зато обессиленная власть не имела силы сдерживать народ, впала в апатию…* - сообщал Э.И. Стогов. - *Казалось бы, с уничтожением деспотической власти полиций, избавлением от незаконных поборов исправников – жизнь крестьян должна бы улучшиться, но результат вышел противный».* (Стр. 525-526).

[23] **Известная характеристика Сибири**, которую дал когда-то острослов Ф.Ф. Вигель, который писал: «*Беспечная Россия всегда смотрела на Сибирь, как богатая барыня на дальнее поместье, случайно ей доставшееся, куда она никогда не заглядывала, управление коею совершенно вверено прикащикам, более или менее честным, более или менее искусным. Поместье всегда исправно платит оброк золотом, серебром, железом, мехами: ей только и надобно; о нравственном и политическом состоянии его она мало заботится…».* (Стр. 197).

[24] Вагин В.И. Стр. 69.

[25] **Весной 1820 года мост, который начинал строить Г.С. Батеньков, получил новые повреждения**. После уезда М.М. Сперанского губернатор *поручил «освидетельствовать новый и старый мосты чрез Ушайку, дабы не пресечь способов к сообщению одной половины города с другою».* Выяснилось, оба требуют ремонта. Городская дума, вслед за губернатором, распорядилась *«как можно быстрее и дешевле исправить»* эти сооружения.

Но дешевле не вышло: по смете, которую составил архитектор **А.П. Деев**, на ремонт того и другого моста требовалось найти свыше 8 тысяч рублей (только починка нового моста обходилась городу в 5199 рублей). Эти траты не вошли в расходную часть бюджета, которую утвердил генерал-губернатор Сибири. Тем не менее, нашли, что из городских доходов требуется выделить нужную сумму, ибо *«сей предмет не может быть оставлен без исправления».*

Губернатор *«предоставил думе свободно изворачиваться»,* чтобы покрыть непредвиденные издержки, ведь *«мост служил не только для томичей».* Через него осуществлялась почтовая связь, *«курьеры ездили в Иркутск и оттоле в Россию».* Но казенная экспедиция пребывала в недоумении: по какому году провести сии неожиданные расходы, и как указывать их в документах вообще? Но порядка в расходовании средств по-прежнему

не было, как и бережливости в *«хозяйственной части».* Так, **в феврале будущего, 1821 года,** архитектор А.П. Деев докладывал в думу, что *«делание ряжи при старом мосту производится столь медленно и нерадиво, что к открытию половодья отделка моста ни под каким видом не поспеет, и притом еще и столь дурно, что… лес почти весь испорчен, так что я принужден был приказать все оные венцы разобрать и начать вновь прочным благонадежным способом <делать>».*

Не лучше дело обстояло с укреплением обруба Ушайки и другими строительными работами в городе. А в 1832 году, **при губернаторе Е. Ковалевском,** *«при ревизии шнуровых книг бывшей томской комиссии по устройству города»* был обнаружен перерасход в размере 2068 рублей, *«якобы выданных подрядчиком за перестройку моста чрез речку Ушайку».* По всей видимости, это был не единственный случай, когда вскрывались следы хищений, имевших место при **Д.В. Илличевском**, однако сведений о том, что кто-то из чиновников пострадал, не имеется.

(ГАТО ф. 127 оп. 1 д. 1044 л. 105, 125; ф. 127 оп. 2 д. 316 л.. 64-65).

XII

[1] Иванов А. Стр. 147.

[2] Там же. Стр. 147-148.

Автор статьи ошибочно полагал, что молодому инженеру лишь в Томске стало известно о решении **М.М. Сперанского** взять его с собой в Петербург. На самом деле, **Г.С. Батеньков** узнал об этом не тогда, а гораздо раньше, но собирался ли он получить благословение родных невесты «по пути» или хотел сделать это в следующий приезд, достоверно не известно.

[3] **Барнаул,** сообщает В.И. Вагин*, «тогда еще не был городом, но… выгодно отличался от прочих мест Сибири образованностью общества и утонченностью его образа жизни».* Там М.М. Сперанский встретился с английским путешественником **Джоном Кохрэном** и горным начальником **П.К. Фроловым**, который позже возглавил Томскую губернию.

Петр Кузьмич Фролов был *«проникнут к заводам каким-то непосредственным чувством, как в своей родне. Всех чиновников держал в твердой руке»*, и от крестьян в его адрес раздавались *«одни благодарности»*. (Вагин В.И. Стр. 70).

[4] **Алтай поразил М.М. Сперанского природой и климатом.** *«Здесь растут арбузы и дыни»,* - восторженно сообщал он в письме дочери, не уставая изумляться просторам Сибири и богатству края. (Письма. Стр. 190).

[5] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 109.

[6] Там же.

[7] Там же. Стр. 110.

[8] ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 259 л. 117.

[9] Там же, л. 115.

[10] **Г.С. Батеньков взялся за решение этой инженерной задачи.** И нашел, что *«всякая машина для подъема воды на таковую высоту, каковая находится в Тобольске над Иртышем, будет дорога и затруднительна для выстройки в столь отдаленном крае».* А посему полагал *«провести воду из речки, в Иртыш впадающей и вблизи города находящейся».*

Но для этого требовались **топографические изыскания**. Следовало *«произвести нивелировку всего пространства от самого истока той речки, по предполагаемому новому ее*

течению; изыскать, где удобнее может быть опущена <машина > в Иртыш; исчислить количество и состояние воды по временам года». И затем уже *«приступить к начертанию проекта работ, <определив> направление и положение бассейнов».* (Там же, л. 116).

Этой работой Г.С. Батеньков начал заниматься в Тобольске, но завершить, как видно, не успел.

[11] Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. Стр. 94.

[12] Там же.

Г.С. Батеньков действовал, как мечтатель, стремящийся *«анализировать зло»* и бороться с ним законодательным способом, показывая одновременно *«недостижимый идеал, совершенное добро».* М.М. Сперанский, по его словам, нашел работу *«непрактичной, мелодраматической»* и *«отметил красными чернилами несколько мест»,* которые годились только, *«как указание».*

У Г.С. Батенькова это вызвало сильные переживания. Он понимал, что чистые помыслы, желание подлинного добра, *«младенчество»* души мало годятся для такой преобразовательной работы, где необходимо постепенно и последовательно усовершенствовать административную машину и искоренять пороки, исходя из того, что есть, а не из того, что хотелось иметь. Но преобороть свое *«младенчество»* ему было непросто.

[13] ***«Из всех законоположений, в основу которых легли доклады Батенькова****, едва ли не самым главным является устав о ссыльных, сыгравший громадную роль в истории ссылки и нашем уголовном законодательстве вообще, - писал К. Дубровский. - Большую роль в жизни страны сыграл также устав об управлении инородцами**,** в смысле регулирования уклада жизни бесправных пасынков Сибири и их взаимоотношении с начальством и русскими торговцами»* (Стр. 26 – 27). Сам Г.С. Батеньков в воспоминаниях отмечал, что тогда были *«начертаны по некоторым переметам органические регламенты, из коих важнейшие суть положение об инородцах и устав о ссыльных».* (Повесть собственной жизни. Стр. 107).

Оба документа имели колоссальное значение для Сибири и действовали почти без изменений практически сотню лет. ***«Устав об этапах****… регламентировал состав команд этапной стражи, порядок отправления и движения партий. Само принятие става было весьма прогрессивным явлением в истории ссылки. Руководствуясь соображением улучшения положения ссыльных, Сперанский и Батеньков надеялись прекратить злоупотребления в этапировании и сохранить здоровье и жизнь пересылаемых, обеспечить сносные условия для отдыха в пути… Законодательство ряда европейских ста, применявших ссылку в качестве уголовного наказания, не располагало подобными правовыми актами»* (Кодан С.В. Стр. 29).

В свою очередь **Устав об управлении инородцев** *«сыграл важнейшую роль в защите прав сибирских аборигенов»*, его появление *«явилось смелой попыткой юридически оформить статус разных категорий сибирских этносов, опираясь при этом на прогрессивные идеи Западной Европы…а также на собственный государственный опыт, на практическое знакомство с бытом аборигенов и с традицией взаимоотношения с ними властей. Это один из первых государственных документов… который не только может считаться «кодексом национальностей», но который изначально признает за «дикарями» человеческие права…».* (Шерстова Л.И. Стр. 227, 238).

[14] Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. Стр. 94

[15] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 111.

[16] Там же.

[17] **27 ноября 1820 года Г.С. Батеньков представил рапорт на имя начальника X округа Ф.Ф. Риддера**, уведомив о собственном его прошении на имя его императорского

величества. *«Для излечения от ран»* попросил *«отпуск к кавказским минеральным водам в губернии Екатеринославскую, Таврическую и в области Донских казаков».* М.М. Сперанский присовокупил, что *«не находит препятствий»,* – и разрешение на отпуск *«с сохранением жалования и выдачей прогонных денег»* было получено.
В резолюции, которую дал **Ф.Ф. Риддер**, указывалось, что он тоже не возражает отпустить своего сотрудника в четырехмесячный отпуск *«по отличной службе и полученных в сражениях ранах… с сохранением положенного по чину жалования».* (ГАОО ф. 4 оп. 1 д. 129 л 38, 43).
[18] Письма Г.С. Батенькова. Стр. 112.
Это было последнее письмо из Сибири. В следующем, уже из центральной России, **Г.С. Батеньков подробнее пишет о себе**:
«Не хвалюсь уже теперь пылким воображением и чрезвычайною памятью, которые имел прежде. Но могу еще похвалиться логическою способностию и уменьем приводить мысли свои в систему. Можно сказать, что всякое мнение, всякое познание имеет у меня какое-то определенное место и, будучи ограничено в должных пределах и подчинено общим правилам…относится к прочим, как звено к непрерывной цепи. Ето делает меня способным начертать какой-либо план, рассмотреть в порядке ли мысли у другого, и даже показать ключ к сему порядку…». (Там же. Стр. 113).
[19] **Покидая Сибирь, Г.С. Батеньков имел туманное представление о будущей службе,** что видно из последнего его тобольского письма А.А. Елагину. Но законотворческая работа, которой он занимался при М.М. Сперанском, давала право думать, что с помощью законодательной реформы удастся многое в Сибири изменить.
[20] Иванов А. Стр. 148.

Часть 3. ПЕТЕРБУРГ – ТОМСК – КАЛУГА

I

[1] ***«Когда Попов открыл золото,*** *многие купчины старинного покроя пустились по его следам и из гостинодворцев вдруг превратились в богатейших золотоискателей, и заняли первенствующее место в городском обществе,* - писал Григорий Потанин. - *В Томске закипела золотая лихорадка… лакеи превращались тогда в богачей, а их господа улетали в трубу…Томск преобразился; из кучи тесно построенных деревянных домишек потемнелого цвета, каким он представился Сперанскому, он стал городом с шикарными палатами, садами и заимками; на Юрточной горе… возник целый новый красивый город золотопромышленников; улица, на которой они преимущественно строились, получила название Миллионной».* (Стр. 50-51).
[2] **Татаринов Степан Петрович** – генерал-майор, томский губернатор в 1840 - 1846 гг.
Принадлежа к старинной дворянской семье, *«унаследовал от своих родовитых предков много добрых качеств души и сердца».* Обучался в Петербургском Горном училище, где *«окончил курс шихтмейстера XIII класса».* Через полтора года стал помощником управляющего Кувшинского завода на Урале, а еще через полгода, в апреле 1803 года, получил должность управителя Серебрянского завода. С.П. Татаринов *«любил горнозаводское де-*

ло и относился серьезно к служебным обязанностям», благодаря чему в 1805 году был *«оправлен на казенный счет в иностранные земли для усовершенствования в горных науках»,* затем вернулся работать на уральские заводы.
«Император Александр I, *обозревая Урал, посетил Златоуст и встретил на заводах Татаринова порядок и благоустройство… и в знак особого благоволения к начальнику…пожаловал ему орден Св. Анны II степени».* По рекомендации генерал-губернатора **А.С. Лавинского**, участвовал в ревизии Нерчинских горных заводов и, не окончив ее, получил должность их начальника. В 1840 году возымев чин генерал-майора, стал главным начальником Алтайских горных заводов и Томским губернатором.
«Он… был верный и добросовестный царский слуга, деятельный и умный распорядитель и усердный по службе работник. Вне службы как настоящий русский дворянин был легко доступен, всегда чуткий к делам милосердия и поистине набожен», - продолжал К.Н. Евтропов (Стр. 44).
[3] **Описывая сибирские города**, М. Петров отмечал, что они *«имеют жалкий вид. Вдоль узких, не мощеных улиц с гнилыми деревянными тротуарами тянутся покосившиеся дощатые заборы вперемежку с низкими деревянными домами. Переулки покрыты иногда на 8-10 вершков свежим или перепревшим навозом. Города малолюдны; наступившая ночь загоняет всех жителей в комнаты: закрываются ставни и жизнь замирает над пустынным, почти неосвещенном городом. Только уныло перекатывается по дворам лай и вой многочисленных собак. И русские провинциальные города не блещут красотой, но сибирские выглядят еще хуже, походя скорее на села. Чем дальше к северу, тем грязнее и беднее города».* (Стр. 75).
[4] **«Тяготение» томичей к старообрядчеству** подметил К.Н. Евтропов. *«В культурном и промышленном отношениях*, - писал он, - *Томск ничем особенно не выдвигался».* Здесь не было своих инженеров, техников, сведущих ремесленников. Ремеслами занимались ссыльнопоселенцы. В то же время **общество в Томске было *«приятное и большое»,*** имелся *«весьма хороший клуб, где по воскресеньям устраивали балы».* Богатые люди *«выписывали хороших гувернанток и учителей из Санкт-Петербурга».* И все здесь тянулись к роскоши. С деньгами даже *«при некультурности Томска и малочисленности православного населения»* здесь можно было вершить большие дела. (Стр. 49).
[5] **Преосвященный Афанасий,** епископ Томский и Енисейский (в миру Андрей Григорьевич Соколов) получил назначение на томскую кафедру 14 июня 1841 года.
«Отличаясь большим умом, хорошим образованием, крепк4им здоровьем, он совершал частые и продолжительные богослужения, без устали проповедовал слово Божие. По свидетельству лиц, близко знавших отца Афанасия, он совершал службы с особенным благоговением, охотно служил и в праздники, и в будни… Во время поездок и живя в Томске, часто и охотно беседовал с людьми, любил благословлять детей, проповедовал с большим чувством, нередко плакал во время проповеди, вызывая слезы у прихожан, которые почитали и искренне любили архипастыря». **Г.С. Батеньков** отзывался о нем с большим уважением. (Исаков С.А., Дмитриенко Н.М. Стр. 15-17).
[6] Евтропов К.Н. Стр. 41.
[7] **К концу губернаторского правления С.П. Татаринова** (1846 г.) в Томске имелось 11 кожевенных заведений, 6 салотопильных и свечных, 4 сыромятных, 5 воскосвечных, 3 мыловаренных. 8 маслобойных, 1 канатное и 9 кирпичных. Необычайно вырос извозный промысел: к 1848 году 82 томича содержали до 4,5 тысяч лошадей и имели 1500 работников, ездивших по Сибирскому тракту. А по рекам губернии ходили 2 буксира, 14 больших дощаников, 24 средней величины и 90 малых судов. Стоимость судов оценивалась в 56 тысяч рублей. (Емельянов Н.Ф. Стр. 96-97).

Производством занимались некоторые из купцов (Сальников, Еренев, Серебряников, Верещагин, Бакланов) и состоятельные мещане. Одни выделывали на своих заведениях юфтевые кожи, свечи и мыло, другие занимались перевозкой купеческих кладей до Тобольска или Иркутска. Несколько человек имели золотые прииски. Цеховых в городе насчитывалось 650 человек (портные, сапожники, каретных и «деревянных» дел мастера, маляры, стекольщики, плотники). Иные имели свои пасеки, где держали от 25 до 300 колодок пчел. *«Хлебопашеством и другими сельскими промыслами никто из городских жителей не занимался».* (ГАТО ф. 2 оп. 1 д. 56 л. 312 об – 313 об).

«Городская промышленность *Сибири базировалась на отсталой технике, носила характер ремесла, а Томск на протяжении первой половины XIX века остается типично феодальным городом, являясь центром ремесла и торговли и центральной станцией на московском тракте. Промышленность Томска обслуживала главным образом местный рынок… Многочисленные кузнечные и столярные мастерские города обслуживали извозный промысел».* (Очерки... Стр. 40).

[8] **К 1842 году в городе имелось** двухэтажное здание думы, 4 гостиных двора, двухэтажный корпус для лавок и кладовых, 6 деревянных мостов, 5 трактиров, 13 гостиниц, 5 постоялых дворов, 4 одноэтажных торговых корпусов, 30 мясных лавок, 28 рыбных лавок и 72 лавочки для мелочных торговцев. Несколько позже, в 1848 году, в городе был сделан первый каменный тротуар и открыт первый постоянный театр. (Емельянов Н.Ф. Стр. 38).

[9] **В ведомстве Приказа общественного призрения** состояли заведения, находившиеся под контролем председателя губернского правления Антона Большина:

1) больница на 35 человек, где за год «призревалось» с платою 3-4 сотни больных, и несколько десятков без платы;

2) Дом умалишенных на 20 человек, где содержалось 26 мужчин и 6 женщин;

3) богадельня на 40 человек, где находились, в основном, увечные кантонисты и инвалиды, престарелые и хворые поселенцы и «всякого рода бедные без надзора»;

4) аптека, которая находилась в одном доме с богадельней, управлял ею провизор Кирилл Матиревич.

Общий годовой доход Приказа общественного призрения превышал полмиллиона рублей, но почти половину средств (свыше 200 тысяч рублей) составляли частные пожертвования (ГАТО ф. 2 оп. 1 д. 56 л. 205 – 214).

[10] **В сферу деятельности Алтайского горного правления** входили заводы Барнаульский, Змеиногорский, Локтевский, Павловский, Сузунский, Томский, Салаирский, Колыванский, Гурьевский и другие.

Горное дело и металлургия в середине XIX века получили большое развитие. В Павловском заводе, к примеру, была довольно крупная серебросплавная фабрика, в Сузунском – медеплавильная, а в Гурьевском – железоделательная. Быстрыми темпами развивалась золотопромышленность. Добыча золота велась на казенных и частных приисках, входивших в несколько горных округов. (Там же, л. 233 – 234 об).

[11] **Филимонов Николай Евтихиевич** – первой гильдии купеческий сын, потомственный почетный гражданин города (всего тогда в Томске было 39 почетных граждан, 22 мужчины и 17 женщин), один из первых в Томске владельцев золотых приисков. (Там же, л. 324).

[12] **В годовом отчете городской полиции читаем:** *«В Томске еще много довольно кривых переулков и безобразных старых зданий, возведенных в прежние времена по собственному произволу. Они стоят в совершенной обветшалости, а потом на их месте будут <построены> красивые строения»* (Там же, л. 317).

[13] ***«Господствующая характеристическая черта в Томске*** *– склонность к роскоши, праздной жизни и пьянству,* - отмечал полицмейстер. - *Все это доказывается дороговиз-*

ною на все жизненные потребности, склонностью к изысканию щегольских нарядов, даже у самого простого чернорабочего народа, и пьянством… Многие из мещан и купцов не имеют самых необходимых познаний от того, что лишают своих детей всякого воспитания, ограничиваясь приучением сыновей к торговле, а дочерей к рукоделию». (Там же, л. 317-318).

[14] **Горохов Философ Александрович** – известный томский золотопромышленник, один из богатейших людей Сибири того времени.

Происходил из обедневших дворян. Особого образования не получил, но благодаря уму и природной хватке смог сделать удивительную карьеру: начинал служить канцеляристом и вскоре, через непродолжительное время, получил должность секретаря по уголовной части в Томском гражданском и уголовном суде. Через пять лет он уже чиновник особых поручений губернского правления а еще через девять лет – губернский прокурор. Женившись на дочери городского головы Н. Е. Филимонова, стал его компаньоном и совладельцем. Когда слух о его «недозволенных торговых операциях» дошел до Петербурга, вынужден был подать в отставку, но занятия коммерцией, естественно, не бросил. В Томске жил на широкую ногу, окружал себя роскошью и устраивал шумные пиршества, благодаря чему получил прозвище «томского герцога». Но по той же причине, в конце концов, разорился.

***«Внешний блеск, с которым он жил**, соответствовал его операциям и должен был поддерживать обаяние публики; его пиршества напоминали эксцентричностью клуб английских лордов; сад его был первый в Сибири; здесь он, в павильоне, переброшенном, вместо моста, через пруд, давал лукулловы обеды… В праздники первый визит все делали Горохову, и потом уже губернатору, и сам губернатор во главе предварительно у него собравшейся бюрократии, ехал первый отдать визит Горохову».* (Потанин Г.Н. Стр. 51).

[15] **Асташёв Иван Дмитриевич** – томский золотопромышленник. Сын мелкого чиновника, окончил уездное училище. Начиная службу канцеляристом Томского губернского правления, сделал небывалую карьеру: служил бийским городничим, столоначальником губернского правления, судебным советником. В компании с Ф.И. Поповым искал золотые прииски, сколотил изрядный капитал.

«Фигура весьма колоритная, своего рода «человек-легенда, – писал он нем В.Д. Славнин. – *Умница, аферист, честолюбец, денежный мешок… Это был истинный буржуа нового типа – холодный, расчетливый, прижимистый, целенаправленно добивавшийся финансового могущества и власти. Он никогда не сорил деньгами для престижа, «для форсу»… Асташев просто так не тратил ни копейки. Он всегда имел выгоду, приумножая материальный или моральный капитал. Биография этого дельца может быть поставлена в один ряд с жизнеописаниями первого Моргана или Форда: от мелкой сошки до миллионера».* (Стр.54 – 55).

В романе «Тайжане» Г.Н. Потанин вывел его под фамилией Аркашёв. *«Это был красивый человек, с белой тонкой кожей, с повелительными манерами, которые даже сквозили у него и тогда, когда он был одет в енотовую шубу…* - читаем в романе. – *Ему дал Бог благородный ум и подлое сердце. Он отлично читает в сердцах людей. Он в состоянии оценить поступок, как никто, и открывает подлость там, где другие ее не замечают; за это его принимают иногда за благородного человека. Он знает лучше, чем кто-нибудь, кодекс божественного права, но никогда не справляется с ним, отлично толкует его, но не стесняется им… Его называли таежным дипломатом, говорили, что если б ему образование, он мог бы стать государственным человеком.».* (Стр. 38, 44, 52).

[16] **Мариинский приют основан был в мае 1844 года** на средства золотопромышленника А.И. Попова, а здание выстроил И.Д. Асташев. Он же содержал приют на свои средства, не без помощи, впрочем, других купеческих семей, Цибульских и Михайловых.
[17] **В отчете по Томской губернии за 1849 год** так прямо и указывалось: *«Благотворительности в Томске <за истекший период> не было»* (ГАТО ф. 2 оп. 1 д. 56 л.310).
[18] Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. Стр. 92.
[19] Там же.
[20] **О дате приезда Г.С. Батенькова** можно судить из отношения Томского общего губернского управления по секретной части за подписью гражданского губернатора С.П. Татаринова. (Модзалевский Б.Л. Стр. 118).
[21] **Такой портрет постаревшего Г.С. Батенькова рисует И.И. Ореус**. И добавляет: «*Что касается характера, то редко можно было встретить человека, который бы так умел сдерживать свои страсти. Никогда и ни о чем Гавриил Степанович не отзывался резко, видимо, со всеми желая хранить согласие. Бывало молодежь выводила его из терпения выходками против тех порядков, которые Сперанский ввел в Сибири; но и тут Батеньков, как ни был раздражен, защищался с достоинством. В обществе дам старик держал себя чрезвычайно любезно, хотя не отказывал себе в удовольствии поспорить с прекрасным полом».* (Стр. 358-359).

II

[1] **14 февраля 1846 года** Никифор Жданов получил на прогоны от Петербурга до Томска 429 рублей, сверх того *«кормовых для себя жандарм получил 85 рублей 76 копеек, а для Батенькова было отпущено 30 рублей».*
Перед самым отъездом Жданов получил инструкцию от начальника штаба корпуса жандармов генерала Дубельта: *«Во время пути никуда с ним, Батеньковым, не заезжать и не позволять ему отлучаться, наблюдать, чтобы он ни с кем не имел разговоров ни о своей жизни, ни даже о своем имени, равно и самому ему, Жданову, уклоняться от всяких вопросов насчет препровождаемого арестанта», а для отдохновения дозволялось по временам останавливаться на ночлегах, но не в городах».* (Бакай Н.Н. Стр. 45).
[2] **Душевное расстройство Г.С. Батенькова** в Алексеевском равелине для большинства исследователей было очевидным. В темнице *«ум его по временам омрачался,* – сообщал И.И. Ореус. – *Стройный ход мозговой работы у несчастного узника иногда прерывался… да и не мудрено».* (Стр. 329).
Анализ душевного состояния *«знаменитого несчастливца»* совершил, в свое время, Б.Л. Модзалевский. Вопрос о том, сохранил ли Г.С. Батеньков рассудок, подробнейшим образом исследовали М.О. Гершензон и С.Н. Чернов. Так или иначе, писали об этом другие исследователи. Выводы были разными, но все сходились в одном: к моменту ссылки «позабытый узник», бесспорно, владел сознанием, хотя говорить о полной ясности рассудка, видимо, не приходилось. Она наступила позже, спустя время, что подтверждается письмами из ссылки.
«По выходе из тюрьмы *Батеньков явился людям и как один из них, и как бесконечно чуждый им; то и другое в трогательном слиянии достаточно обнаруживается в его письмах. Он с любовью входит во все мелкие нужды земной жизни, - и однако свободен среди них, как бы бесплотный дух; а внутри неустанно идет в нем какое-то реальное душевное строительство»,* - писал М. Гершензон, добавляя, что эта душевная работа, в конце концов, и помогла вернуться ему в прежнее состояние. (М.О. Гершензон. Стр. 26).

[3] **В неволе Г.С. Батеньков провел, в общей сложности, 21 год 1 месяц и 18 дней** – считая со дня ареста, 27 декабря 1825 года, по день вывоза из Петербурга, 14 февраля 1846 года.

«Декабрьское дело вовлекло в свой водоворот 579 человек, - писал Б.Л. Модзалевский, - *но* ***наиболее страшная судьба*** *из всех этих почти шести сотен человеческих жизней, не считая даже пяти казненных, постигла Гаврилу Степановича Батенькова. Отнесенный лишь к 3-му разряду государственных преступников, он подлежал… ссылке в 20-летнюю каторжную работу, к которой был приговорен конфирмацией 10 июля 1826 года и которая через месяц, по случаю коронации, была уменьшена до 15-летней с переводом на поселение, но вместо того, по неизвестным нам, загадочным и оставшимся невыясненными причинам, был отправлен в крепостное заключение…».* (Стр. 79).

«По продолжительности тюремного заключения*, вынесенного нашими борцами за освободительное движение, Батенькова превзошли только мученики-шлиссельбуржцы 1884-1905 гг, и еще более поляк Валериан Лукасинский, проведший в тюремном заточении 46 лет…»,* - отмечал В.И. Семевский. (Стр. 677).

[4] **Остаться самим собой, выдержав двадцатилетнее заключение,** Г.С. Батенькову, по его словам, помогло сильное религиозное чувство и особые масонские «упражнения».

«Пробыв двадцать лет в секретном заключении во всю свою молодость, - писал он, - *не имя ни книг, ни живой беседы, чего никто в наше время не мог перенести, не лишась жизни, или по крайней мере разума, я не имел никакой помочи в жестоких душевных страданиях, пока не отрекся от всего внешнего и не обратился внутрь самого себя. Тогда воспользовался методом масонов к обозрению и устройству представшего мне нового мира. Таким образом укрепил себя и пережил многократные нападения смерти и погибели».* (Батеньков Г.С. Масонские воспоминания. Стр. 276 – 277).

[5] ***«Памятником умственных упражнений Батенькова*** *случайно сохранилась толстая, в 40 писанных листов, тетрадь, в которую заносил он мысли или, лучше сказать, обрывки мыслей, накопившиеся у него в голове. Предметом рассуждений являются тут вопросы политические, административные, философские…».* (Ореус И.И. Стр. 329)

[6] *«****На второй станции от Петербурга*** *Батеньков встретил какую-то женщину и , не видав в течении 20 лет живого женского лица, обрадовался ей, как малый ребенок, обнял и расцеловал ее. Рассказывая об этом, Гавриил Степанович прибавлял, что встреченная женщина вероятно подумала, что он или бессознательно пьян, или сумасшедший».* (Ореус И.И. Стр. 330).

[7] **Скобелев Иван Николаевич** (1778 - 1849) - генерал от инфантерии и военный писатель, сын однодворца. Вступил в службу солдатом в первый полевой Оренбургский полк и лишь через 11 лет добился чина прапорщика. В финляндскую компанию 1808 – 1809 годов участвовал в двадцати сражениях и дважды был ранен, служил адъютантом генерала Н.Н. Раевского. Сражался с турками и вновь получил несколько ранений. В войну 1812 года отличился в Бородинском сражении, участвовал в последующих военных кампаниях. В 1831 году напечатал сборник рассказов, который встретил сочувствие публики. Позже печатал свои труды в «Библиотеке для чтения» и «Отечественных записках». Но в историю вошел и своим доносом на юного А.С. Пушкина.

В звании коменданта Петропавловской крепости, впрочем, оставил о себе память, как о сострадательном человеке. Таковым вспоминал его и Г.С. Батеньков.

Шефу жандармов графу А.Н. Орлову комендант писал: *«Если положение грешника, уплатившего за тяжкое преступление двадцатилетним мученическим страданием, с отчуждением людей и божьего света, обратило благодетельное внимание Вашего Сиятельства, так меня… оно давно уже задело за живое; вследствие чего, провожая этого злополучного узника, раскаянного блудного сына, покорностью, просвещенным умом и*

безусловной преданностью к провидению уважение мое заслужившего; всю теплую одежду я ему приготовил, но… недостает у него летнего платья и белья, которое в цейхгаузе сгнило, на которое ста рублей серебром довольно, - и он в Томске явится женихом». Деньги эти были отпущены. (Модзалевский Б.Л. Стр. 115-116).

[8] ***«Когда отпустили меня из Равелина*** *в 1846 году, я был как новорожденный младенец и, сняв ризы ветхого человека, очутился буквально без нитки»,* – писал позже декабрист. И добавлял, что *«был дик, отвык жить и едва говорил»* (Русские Пропилеи. Стр. 108).

[9] **Хозяин гостиницы, английский подданный Краулей**, *«условия для жительства поставил весьма тяжелые, в смысле денежном, так как конкурентов у него не было; но на счастье Батенькова весть о его прибытии скоро разнеслась по городу; нашлись люди, когда-то его знавшие или о нем слыхавшие; приняв участие в ссыльном, они избавили его из когтей жадного трактирщика и нашли ему помещение в доме одного из местных чиновников, по фамилии Лучшев»,* - сообщал И.И. Ореус (Стр. 331).

В другом источнике находим следующее: в Томске Г.С. Батеньков встретил сердобольных людей и *«пока он, находясь в гостинице, тужил о затруднении приискать себе квартиру вследствие недоброжелательства хозяев, молодой человек, сын казачьего офицера Лучшев, узнав о его затруднительном положении, предложил ему занять порожний флигель в доме своего отца… Такое нерасположение к нему жителей тем более его удивило, что, служивши там до 20-х годов по инженерному ведомству, а потом при ревизовавшем Сибирь М.М. Сперанском, он оставил по себе такую добрую память…»* (Комментарии к автобиографическим «припоминаниям» Г.С. Батенькова. Стр. 353).

Существует и третий вариант событий, согласно которому, прибыв в Томск, Г.С. Батеньков первым делом *«обратился к Ивану Дмитриевичу Асташеву с просьбой поместиться жить, но тот ему отказал; затем Батеньков обратился к чиновнику Ивану Петровичу Пономареву, от которого тоже получил отказ. Наконец поместился он у Альбиноса (его так называли, как совершенно белого)»,* и лишь спустя время *«Батеньков был приглашен на жительство Николаем Ивановичем Лучшевым».* (Д.С. Стр. 12). Эту же версию встречаем у Андрея Ивановича Яна, который записал рассказ якобы со слов А.С. Попова, знавшего ссыльного декабриста. Но такие просьбы со стороны Г.С. Батенькова вряд ли имели место, еще труднее допустить, что И.Д. Асташев ему отказал.

Наконец, еще одно толкование этой истории находим у безымянного автора в статье «Рассказы о Г.С. Батенькове». *«Приехав в Томск*, - сообщается статья, - *жандарм снял с него казенный тулуп и выпустил без гроша денег на улицу. Батеньков, чтобы согреться, зашел в трактир. Там встретил он своего старинного знакомого Деева… Каким-то чудом они узнали друг друга. У Деева уже были запряжены лошади ехать в Россию; но он повел Батенькова к своему приятелю Лутчеву и сказал сему последнему: «Вы говорили мне, что желали бы найти случай выразить мне свою благодарность; вот я привел к вам Г.С. Батенькова, поручаю его вам: теперь настало время, когда вы можете доказать на деле ваши слова. Пусть отныне Г.С. будет у вас в доме хозяином». Лутчев свято исполнил приказание Деева…».* (Стр. 440).

Документальных свидетельств найти не удалось, но заслуживающие уважение источники позволяют думать, что всё обстояло так, как писал И.И. Ореус. Сам **Г.С. Батеньков,** вспоминая на склоне лет приезд в Томск, отмечал: *«Томск застал я в великой славе и богатстве. Знакомым, прежде малолетным, золотопромышленность доставила обилие. Из них Поповы, Асташевы, особливо Горохов приняли деятельное участие в моей судьбе и первые поручили меня своему свойственнику… на полное попечение…».* (Русские Пропилеи. Стр. 108-109).

[10] ***«В семье Лучшевых Батеньков обрел наконец первое тихое пристанище*** *после предшествовавшего, многострадального периода своей жизни. Первоначальная и весьма*

понятная растерянность его, когда он снова очутился среди общества, была настолько велика, что некоторые считали его сначала помешанным; тем более, что любил он выражаться непривычным тогдашним сибиркам книжным языком со вставкою ученых выражений и латинских фраз. Мало по малу, однако, с ним освоились и он со всеми освоился и приобрел общее уважение». (Ореус И.И. Стр. 331).

«Шестидесятипятилетний мой хозяин, добрый христианин, добрый гражданин, добрый отец семейства, - говоря светским языком, случайно, на две недели только принял меня под тесную, старинную свою кровлю и поделился необходимым ему помещением, - вспоминал позже Г.С. Батеньков. - Это было в то время, когда все от меня побежали, а я отвык и не умел даже купить на рынке черного хлеба. Он почувствовал сердечную мою теплоту и приселил к себе. Повторю, все это случайно, по-светски, а по моей вере – перст всемилостивейшего Бога». (Сочинения и письма. Стр. 264).

[11] ***«Г.С. переехал в наш дом и поместился со мною в двух небольших комнатках,*** – вспоминал позже Александр Иванович Лучшев, служивший в губернском правлении. – *Первые два-три дня обращения и разговоров его казались мне несколько странными; немногие другие считали его, как после говорили, помешанным; я же этого не видел. Он любил говорить и говорил всегда книжным языком… почти исключительно о высоких нравственно-религиозных и философских предметах. О политических и общественных делах и о правительственных лицах он упоминал, разве так как-нибудь косвенно; да и в последствии, привыкши к новой свободной жизни. Неохотно высказывал свои мнения и суждения об этих предметах».* (Лучшев Ал. Стр. 276).

[12] Декабристы, изведавшие тюремные невзгоды в ожидании следствия, оставили любопытные свидетельства, которые позволяют немного представить, **как и в какой обстановке жил в равелине Г.С. Батеньков.**

«Комната, в которую меня посадили, - вспоминал **И.Д. Якушкин**, - *была шесть шагов длины и четыре ширины, стены… покрыты были пятнами, стекла были выкрашены белой краской и внутри была вделана крепкая железная решетка. Около окна в углу стояла кровать, на ней был тюфяк и гошпитальное бумажное одеяло. Возле кровати стоял маленький столик, на нем кружка с водою… в другом углу, против кровати, была печь. В третьем углу, против печи, стульчак. Кроме того, было еще два стула и на одном из них ночник».* (Декабристы. Стр. 210).

«Пища была отвратительная, так как деньги, отпускавшиеся для нашего содержания, расхищались чиновниками во главе с их начальником, старым плац-майором, - сообщал **А.М. Муравьев**. - *Часть заключенных находилась на хлебе и воде. Многие имели кандалы на ногах и руках… Священнику было поручено приносить религиозное утешение, но главным образом вызывать на признания… Многие из заключенных болели, многие потеряли рассудок, некоторые покушались на свою жизнь».* (Там же. Стр. 212).

«Одиночное заключение в начале было до того строгим*, что караульным солдатам запрещено было говорить с заключенным, и на самые обыкновенные вопросы: «который час, какой день» и т.п., если и был ответ, то один: «не велено говорить»,* - сообщал **о самом Г.С. Батенькове** его первый биограф И.И. Ореус. - *Зато ежедневно, утром и вечером, являлся офицер… Разговор ограничивался односложным вопросом и коротким ответом»* (Стр. 328).

[13] ***«Пищу давали ему, по его желанию, всегда вегетарианскую и не отказывали в вине****, по требованию к нему являлся священник для исповеди и причастия;* - указывал М.О. Гершензон. – *первые четыре-пять лет он совсем не выходил из камеры, а позже мог прохаживаться по коридору, но никого, кроме солдат, не видел и ни с кем не говорил, так что почти разучился говорить».* (Стр. 23).

То же самое писал И.И. Ореус, напоминая, что **Г.С. Батеньков был вегетарианцем** и отказывался от мяса и рыбы: ему *«подавали преимущественно яичницу и разные молочные каши, белый хлеб, кофе или чай, а иногда, по желанию его, и легкие виноградные вина…».* (Стр. 328). Поэтому говорить, что *«варварское обращение с ним старались усилить голодом»*, как полагал П. Долгоруков (Стр. 392), было бы несправедливо. *«Держали его на хлебе и воде,* - указывал автор эмигрантских памфлетов, - *не давая никакой другой пищи, кроме чашки кофе по воскресеньям. Эта роковая чашка дрянного кофе служила несчастному узнику календарем для счисления дней и недель!»* (Там же).

«Строгость, с которой он содержался <на первых порах в равелине>, *объясняется просто: декабристы состояли в разных местах и под ведением разнообразных ведомств; каждое из них представляло свои донесения о них отдельно; Батеньков один только не попадал ни в какие донесения и был как-то забыт всеми. Граф Орлов действительно первый обратил внимание на его заключение и облегчил первоначальную строгость… Отчуждение от всего в крепости было таково, что Батеньков не мог ни с кем все время заключения говорить, и не знал даже, кто царствует в России…».* (Заметки неизвестного. Стр. 173).

[14] А.В. Адрианов со слов знавшего декабриста томского купца И.Л. Фуксмана сообщал, что ***«Батеньков, сидя в равелине, занимался гимнастикой,*** *выучился ходить на руках».* (А.В. Адрианов. Г.С. Батеньков. Стр. 31).

[14]***«Читать ему давали только книги духовно-нравственного содержания…*** *Главным его занятием было сличение переводов в Библии на древних и новых языках; потребные же для сего книги доставлялись ему через коменданта, по всякому заявлению, из публичной библиотеки»* (И.И. Ореус. Стр. 328).

«Там, в сыром каземате, лишенный всякого сношения с миром, разобщенный со всеми без исключения, он был лишен всякого умственного занятия; ему не давали никаких книг, кроме ***Евангелия, Библии и Книги деяний апостольских****»,* - вторил П. Долгоруков (Стр. 392). *«Владея древними языками – еврейским, латинским и греческим, а из новых – французским и немецким,* ***он занялся сличением переводов Библии,*** *так как ничего другого ему не давали читать; его друг и боевой товарищ Елагин доставлял ему Библию на всех языках»,* - утверждал А.В. Адрианов (Стр. 31).

Но для Г.С. Батенькова это не было наказанием, наоборот, единственное, что поддерживало его душевные силы во все годы заключения, была Библия.

[15] ***«Читать ему давали только книги духовно-нравственного содержания…*** *Главным его занятием было сличение переводов в Библии на древних и новых языках; потребные же для сего книги доставлялись ему через коменданта, по всякому заявлению, из публичной библиотеки»* (И.И. Ореус. Стр. 328).

«Там, в сыром каземате, лишенный всякого сношения с миром, разобщенный со всеми без исключения, он был лишен всякого умственного занятия; ему не давали никаких книг, кроме ***Евангелия, Библии и Книги деяний апостольских****»,* - вторил П. Долгоруков (Стр. 392). *«Владея древними языками – еврейским, латинским и греческим, а из новых – французским и немецким,* ***он занялся сличением переводов Библии,*** *так как ничего другого ему не давали читать; его друг и боевой товарищ Елагин доставлял ему Библию на всех языках»,* - утверждал А.В. Адрианов (Стр. 31).

Но для Г.С. Батенькова это не было наказанием, наоборот, единственное, что поддерживало его душевные силы во все годы заключения, была Библия.

[16] **Осознание того, что постигшее несчастье стало следствием собственных ошибок и прегрешений,** было присуще многим декабристам.

«Дражайший родитель. Вы знаете мои несчастья, знаете новый крест, который Бог возложил на меня; с терпением покоряюсь промыслу и в святой надежде на Бога наше

утешение», - обращался к отцу замышлявший цареубийство **А.И. Якубович.** *«Физически чувствую себя хорошо; что касается моего нравственного состояния, то Господь даст мне сил перенести мое несчастье,* - писал **князь С.Г. Волконский** матери по дороге на каторгу. – *Сын ваш очень несчастен, но переносит всю безмерность своего несчастья, оплакивает свои заблуждения и горе, которое он вас причинил…».* (Декабристы на каторге… Стр. 13, 28). А вот письмо, которое каторжанин **Александр Одоевский** написал Николаю I в апреле 1833 года:

«Всемилостивейший Государь!

Если искреннее и глубокое раскаяние человека, впавшего в преступление не по влечению сердца, а по повреждению ума и молодости, может обратить на себя воззрение Вашего Величества, то я с полною надеждою на благость Вашу дерзаю повергнуть к Престолу Вашего Величества всеподданнейшую просьбу о прощении мне вины моей… Я чувствую, я убежден сердечно и существенно, что вполне заслужил кару, определенную законом, и с должным терпением переношу свой жребий…Снизойдите, великий Государь, на просьбу мою, внушенную мне раскаянием…».

(ГАТО ф. 417 оп. 1 д. 16 л. 1).

Тема раскаяния, собственного тяжкого креста, который следует пронести до конца, видна во многих письмах Г.С. Батенькова периода томской ссылки.

[17] Псалом 61 (Псалом Давида), стихи 1-4,6-8.

[18] *«Чтобы не отупеть, не обезуметь, он принялся без всякого средства и способа писать,* ***работая только умом и воображением****, повторять математику, причем всё писалось, чертилось и вычислялось у него в уме; и таким образом он повторил полный курс математики два или три раза».* (Заметки неизвестного. Стр. 174).

[19] По свидетельству А.В. Адрианова, **однажды узник увидел в своей камере мышонка.** *«Батеньков ему обрадовался, стал его кормить и так приучил к себе, что мышонок забирался к нему на ладонь, а Батеньков с ним вел нескончаемые беседы. Эта дружба с единственным живым существом продолжалась несколько лет».* (Стр. 31).

[20] **Поэму «Одичалый»** Г.С. Батеньков создал в 1827 году, находясь в крепости Свартгольм на Аланских островах (Финляндия), а восстановил по памяти в Томске. (Илюшин А.А. Стр. 93).

[21] *«Гавриил Степанович очень не любил вспоминать о крепости…Проведя двадцать лет в полном безмолвии,* ***Батеньков чрезвычайно тяготился тишиной****. Однажды в Петрищеве сидел он у камина, в комнате никого не было. Вдруг слышат, что из этой комнаты раздаются крики; все побежали туда. Но вбежав в комнату, находят одного Батенькова, спокойно сидящего у камина. – Гавриил Степанович, что с вами? - спрашивают его. «Ничего, надо же человеку и покричать». Видно это была у него привычка в крепости, чтобы услышать звук голоса».* (Безымянный автор. Стр. 440-441).

[22] Батеньков Г.С. Поэма «Одичалый» (Илюшин А.А. Стр. 96).

[23] ***«Декабрист Завалишин, сообщая в апреле 1848 года о приезде Батенькова в Томск, прибавляет:*** *«Одиночество сильно на него подействовало, но здоровье выдержало это испытание, он и мыслью теперь начинает освежаться». Волконская, жена декабриста, в своих записках сообщает, что* ***Батеньков по выходе из заключения оказался почти совсем разучившимся говорить****: «Нельзя было ничего разобрать из того, что он хотел сказать; даже его письма были непонятны. Способность выражать правильно свои мысли вернулась к нему мало-по-малу. При всем этом он сохранил свое спокойствие. Светлое настроение и неисчерпаемую доброту; прибавьте сюда силу воли, которую вы в нем знаете, и вы поймете цену этого замечательного человека».* (Бакай Н.Н. Стр. 45).

III

[1] **О молве, сопровождавшей его по приезду, Г.С. Батеньков вспоминал в одном из писем:** *«Молва. Этой госпоже обязан и я тем, что по приезде сюда никто не пускал на квартиру и сутки пробыл голодом. Принужден был нанять помещение в гостинице за 300 руб. в месяц и как был обрадован, когда незнакомый мне Лучшев вознегодовал, осмелился и повернул к себе от ворот мою повозку, хотя и поместить тогда было негде!».* (Сочинения и письма. Стр. 408).

Но вряд ли Г.С. Батеньков придавал большое мнение людской молве, как утверждал В.Г. Карцов, писавший: *«…даже сама нужда была не столь тяжелой, как «страх людского мнения». Среди провинциальных кумушек и сплетников Батеньков явился «притчей во языцех». Его рассматривали как диковинку. Под взглядом сотен пристальных глаз приходилось прикрывать свою душу улыбкой, шуткой…».* (Стр. 186).

Дело в том, что поначалу бывший узник сторонился людей, жил совершенно «в себе» и, следовательно, не мог зависеть от общего мнения. А позже, когда пришел в себя и уже не чуждался общества, никакой «молвы» о нем не было.

[2] **Записи, сделанные Г.С. Батеньковым 19 марта 1846 года,** почти сразу по приезду в Томск. (Русские пропилеи. Стр. 36).

[3] Там же. Стр. 37 – 38.

Размышляя о мире, Г.С. Батеньков, как и в тюремных записях, использует **масонскую символику**. Движение мысли здесь намечено схематично, сама мысль облечена в туманные формы, но общий смысл рассуждений от этого не теряется, он вполне определенно раскрывается в последующих письмах.

[4] **Мелентий Фокеев** – младший фельдшер Дома умалишенных – из его же воспитанников (ГАТО ф.2 оп. 1 д. 56 л .208).

[5] **В исповедальном письме, адресованном главе Следственного комитета военному министру А.И. Татищеву,** узник Петропавловской крепости Г.С. Батеньков писал незадолго до начала судебного заседания:

«Гордясь своим аналитическим умом и заслугами, я постепенно усиливал врожденное и без того сильное чувство самолюбия; боялся и стыдился малейшего на оное посягательства и тем портил свое сердце. Теперь стало для меня понятно: многие случаи жизни изъясняются. Чему я ныне был подвержен, сие было необходимо, чтоб меня исправить. Знаю, что путь честолюбия для меня навсегда уже закрыт… что при всех важнейших лишениях для меня драгоценно то приобретение, что я уразумел и напитал сердце свое великою истиною: что ложный, то есть не на совести, а на самолюбии основанный стыд, есть порок…». (Сочинения и письма. Стр. 212).

О самолюбии и честолюбии Г.С. Батенькова, которые *«временно разрослись до чрезмерной степени вследствие предшествовавших служебных успехов и выдающейся деятельности при таких высоко стоявших лицах, как Сперанский и Аракчеев»,* упоминал И.И. Ореус. (Стр. 21).

По той же причине, как указывалось в **донесении Следственной комиссии,** Г.С. Батеньков якобы и примкнул к «злоумышленникам», когда после доноса П. Клейнмихеля лишился высокой должности в Совете военных поселений. Зная, что Г.С. Батеньков *«имеет влияние на значительных в государстве людей»,* декабристы, сказано в донесении, *«льстили его чрезмерному самолюбию, и каждое слово его казалось им замечательным».* (Текст донесения помещен в статье Ал. Лучшева «Декабрист Г.С. Батеньков». Стр. 271-272).

Как бы там ни было, Г.С. Батеньков остро чувствовал свою вину. Осознанием ее стала мысль, что он, одинокий узник, *«не должен оставлять своего уединения»,* а должен без всякой жалости к себе *«прекратить все связи с людьми»*, о чем поведал в письме

другу детства В.Ф. Раевскому, отбыв два года ссылки. (Сочинения и письма. Стр.242 - 246). Но огромная душевная работа, о которой писал М.О. Гершензон, привела к тому, что «знаменитому несчастливцу» удалось изжить в себе чувство самолюбия. Обращаясь к С.Т. Аргамакову, в начале 1850 года он писал, что ***«природное самолюбие… будучи до крайней меры напряжено волею и обстоятельствами жизни»,*** не могло укрыть его, *«и в борьбе душевной просветило истиной до чувства чести»,* но теперь уж *«нимало не тревожит».* (Там же. Стр. 252).

[6] **За долгие годы заключения одиночество сделалось потребностью Г.С. Батенькова.** Хотя, с другой стороны, справедливо признать, что достойный круг общения в Томске он не нашел. *«Обыватели,* - писал Н.Н. Бакай, - *были заинтересованы лишь в своем материальном благополучии. Интересов морального и интеллектуального характера у них почти не было. Батеньков был одинок».* (Стр. 45).

Об одиночестве Г.С. Батенькова упоминал и К. Дубровский, писавший, что тот *«в первое время совершенно сторонился от общества. Но с течением времени эта отчужденность постепенно сглаживалась, и Батеньков стал завязывать знакомства с местными деятелями»*. (Стр. 44). Или, правильнее будет сказать, восстанавливать старые связи.

В книге А. Гессена есть эпизод, как сестры Бестужевы, **направляясь в Селенгинск, навестили Г.С. Батенькова** (встречи ошибочно датируется 1847 годом): *«Батеньков долго и много говорил, а сестры очень устали с дороги. «Мы спать хотим, Гавриил Степанович», - пыталась остановить его Елена Александровна. «Да ведь я двадцать лет молчал, дорогая Елена Александровна, - ответил, не обижаясь, Батеньков…».* (Гессен А. 440).

[7] **Сведения об образе жизни Г.С. Батенькова в ссылке** находим у его первого биографа И.И. Ореуса. *«Прежний свой вегетарианский режим по части пищи он продолжал соблюдать неуклонно; водки не пил вовсе, а виноградное вино в умеренном количестве, и то изредка»,* - сообщал тот. (Стр. 332).

Рассказ этот дополнял А. В. Адрианов: ***«Вставал он рано и ни смотря ни на какую погоду шел купаться на Томь, что продолжалось до морозов****; почти весь день проводил на ногах, спал мало… Стол его отличался большой умеренностью и состоял из яичницы, икры, зелени, плодов и ягод…».* О том же Г.С. Батеньков сообщал в одном из писем *«другу и брату»* барону В.И. Штейнгелю*: «… Я даже не кормлю себя: мяса и рыбы не ем слишком 30 лет и хотя дома непрерывно стол на 5 – на 6 человек, но я обедаю всегда в гостях, а ужинать не привык».* (А.В. Адрианов Стр. 32).

[8] **Набожность ссыльного Г.С. Батенькова отмечали многие**. *«Батеньков был необыкновенно благочестив,* - читаем в одной из статей, – *знал наизусть Библию, все церковные службы, и никогда не пропускал никакого богослужения».* (Безымянный автор. Стр. 441).

В одном из полицейских отчетов о поднадзорном государственном преступнике Г.С. Батенькове находим следующее замечание: *«Отличается кротким нравом, <имеет> прямой и благоразумный образ мыслей, любит следовать церковным обрядам, <причем> любит церковный обряд за важность, стремясь выполнять его, как религиозный христианин».* (ГАТО ф. 3 оп. 2 д. 513 л. 28).

[9] **На Благовещенской улице, где жили Лучшевы, находилась одна из крупных томских церквей** – старо-кафедральный каменный Благовещенский собор, выстроенный в 1806 году в стиле «сибирское барокко» (деревянная церковь, стоявшая на том месте, упоминается с 1639 года). Долгое время в этом соборе находилась кафедра томского епископа. Хранилась там древняя икона «Живоначальной Троицы» - покровительницы Томска, которую в 1820 году перенесли из древнего Троицкого собора, что на Воскресенской горе.

Эта реликвия находилась в соборе вплоть до 30-го года, когда был взорван храм. Взрыв *«уничтожил старый Благовещенский собор вместе с замечательным иконостасом и, как будто бы, с иконой царя Бориса,* - сообщал В.Д. Славнин. – *По другой версии, икона просто бесследно исчезла: то ли ее выкрали антиквары, то ли спасли и упрятали истово верующие люди».* (Стр. 178).

[10] **«Алфавит» улиц середины XIX века дает представление о том, кто находился в соседях коллежского секретаря Н.И. Лучшева**. В домовладельцах на Благовещенской улице числились, главным образом, мещане и мещанские вдовы. Из состоятельных соседей стоит отметить купца Прокопия Пичугина, отставного подполковника Федора Лыткина да купчиху Варвару Лаврову (ГАТО ф. 127 оп. 2 д. 611 л. 116, 141, 189).

[11] Нельзя не согласиться с В.Г. Карцовым, который писал, что ***«далеко не все смотрели на Батенькова с сочувствием***. *Для верноподданных он был «государственным преступником».* (Стр. 186).

[12] ***«Батеньков принадлежал к числу тех редких людей,*** *которым дана способность с чрезвычайной силой ощущать в себе и созерцать стихийные движения своего духа»* (Гершензон М.О. Стр. 23).

[13] **Вера в Бога для Г.С. Батенькова была *«могущественнее всех зол»***. В письме Авдотье Елагиной он писал, что *«перенес всю тяжесть своего положения*» с христианским смирением – без ропота, как *«быть подобало».* (Сочинения и письма. Стр. 217).

В другом письме, адресованном дочери М.М. Сперанского, добавлял: *«Во всю жизнь мою уповаю на бога… Но слаба моя молитва помогите мне… молитвою-то и помогите».* (Там же. Стр. 221).

Сообщая Петру Киреевскому о теперешнем своем состоянии, Г.С. Батеньков упоминает, что катится ***«по железным рельсам одиночества».*** А кондуктором при этом у него *«одно общее чувство»* и *«целию бог, с святою его волею».* И далее пишет: *«Не думаю, чтоб такая жизнь была святее, даже беззаботнее; однако и она имеет свои добрые стороны. Я привык быть всем доволен, и хотя часто говорю строго и горько, но не помню ни одного дня в жизни, который бы кончил ропотом.* ***Чувство божией благости проникло весь мой состав****, и в нем нет места, не занятого любовью к людям…».* А следом рассуждает о религии: *«Религия не стесняет, не ограничивает – она Сила…».* (Там же. Стр. 223, 224).

Такое мироощущение было характерно для многих декабристов, оказавшихся в Сибири. *«В то время религиозность не была и не могла быть синонимом реакционности, - напротив, часто зажигала в них <декабристах> священный огонь самоотречения и готовности к жертвам во имя идеалов».* (Декабристы на каторге. Стр. 6).

У иркутского губернатора Ивана Цейдлера ссыльнопоселенец **Александр Беляев** спрашивал разрешения *«исполнить священную обязанность посещением… Знаменской церкви, отстоящей от того <Илгинского винокуренного> завода в шести верстах».* Для него это было очень важно. *«Я лишен,* - сообщал он, - *возможности посещать Храм Божий и исполнять те священные обязанности, которые Христос возложил на нас для нашего спасения, и которые в теперешнем моем положении составляют единственную мою опору».* (ГАТО ф. 417 оп. 1 д. 15 л. 1 об. – 2).

Говоря о возможности смягчения наказания для **Александра Одоевского**, генерал-губернатор А.С. Лавинский писал А.Х. Бенкендорфу об *«искреннейшем раскаянии»* ссыльного декабриста, преисполненного христианского смирения и *«надежды на милосердие и благость государя императора».* (ГАТО ф. 417 оп. 1 д. 16 л. 1 об – 2). Примерно в ту же пору душевнобольного **Федора Шаховского** отправили, по его просьбе, *«с фельдъегерем в город Суздаль к архимандриту Спасо-Евфимеевского монастыря, снабдив по времени года нужной одеждой».* (ГАТО ф. 417 оп. 1 д. 6 л. 4).

[14] Русские пропилеи. Стр. 39.

[15] **Епископ Афанасий** *«славился своим миролюбивым характером, любовью к книгам. Живший одновременно с ним в Томске декабрист Г.С. Батеньков в одном из писем писал: «… Наш пастырь Афанасий, человек ученый и по превосходству добрый и миролюбивый… сгладил закоснелое старообрядчество – и всё добром».* (Исаков С.А. Стр. 17).
Можно предположить, что Г.С. Батеньков, который, несомненно, имел с епископом некоторое общение, пользовался его великолепной библиотекой, где находились книги на иностранных языках и отечественные издания.

[16] **Один из Лучшевых в 1823 году угодил под суд за растрату казенных денег.** В чине губернского секретаря он работал помощником комиссионера Боровых (который вел дела с соляными озерами) и был наказан за участие *«в недозволенных оборотах казенных денег»,* отчего последовал их недостаток. Дело рассматривалось в Совете западносибирского Главного управления, и передано было в Томский губернский суд. (ГАТО ф. 2 оп. 1 д. 25 л. 41).

[17] **Если судить по данным за 1949 год, в Томске на положении ссыльнопоселенцев жили тогда четыре человека**. Причем два из них, бывшие чиновники Ананьин и Яблочкин, были *«привержены к пьянству»* и доставляли городской полиции изрядные хлопоты. Разница состояла в том, что *«Яблочкин пил временно, а Ананьин каждый день».* Он *«мотался по питейным домам и подстрекал неграмотных и неопытных людей к составлению всяких просьб и разных бумаг дельных и недельных»,* причем *«меры к удержанию его от пьянства и ябедничества ни к чему не приводили».* Два других из числа *«состоящих под надзором полиции»,* включая Г.С. Батенькова, были *«поведения хорошего».* (ГАТО ф. 2 оп. 1 д. 56 л. 309 об.).

[18] *«Томск застал я в великой славе и богатстве,* - вспоминал декабрист. - *Знакомым прежде малолетным, золотопромышленность доставила обилие. Из них* ***Поповы, Асташев, особливо Горохов приняли деятельное участие в моей судьбе*** *и первые поручили меня своему свойственнику… Лучшеву, на полное попечение, видя, что я дик, отвык жить и едва говорю».* (Русские пропилеи. Стр. 108).

[19] Первое время некоторое **вспомоществование Г.С. Батенькову оказывали люди, которых беспокоила его участь,** золотопромышленники Асташев и Горохов. Но он, как видно, тяготился их помощью. Зато с большей охотой принимал поддержку от А.П. Елагиной.
«Вскоре ***Аргамаков*** *прислал мне через сестру 1000 рублей,* - вспоминал он на склоне лет, - *но как и сама сестра с пятью детьми и двумя младшими сестрами, с бабушкой и вдовой теткой терпели большие недостатки, я оставил у нее присланные мне деньги и не находил нужным брать их и издерживать, получив тогда же помощь от* ***Авдотьи Петровны*** *и царские».* (Русские пропилеи.. Стр. 109). Под «царскими» имеются в виду деньги, возвращенные казной за конфискованный бриллиантовый перстень, дарованный Александром I за участие в работе «Комитета для пособия петербургским жителям, потерпевшим от наводнения».
Когда С.Т. Аргамаков, став опекуном Г.С. Батенькова, *«нашел возможным»* регулярно присылать ему из Петербурга по 500 рублей в год, денежные затруднения были окончательно решены. *«Так увидел я себя богачом, имея на месяц для расхода по крайней мере 80 рублей, что хотя не было огромным по страшной тогда в Томске дороговизне, но мне было достаточно»,* - писал декабрист.
Позже *«пенсия»* его была увеличена до 800, а затем до 1000 рублей в год. *«С пособием от* ***Авдотьи Петровны****»* ссыльный Г.С. Батеньков теперь уже был обеспечен неплохо и *«отказался наотрез пользоваться другими предложениями, чтоб не сбиться с пути, особливо сердил* ***Горохова*** *самыми мелкими с ним расчетами, опираясь на том, что до-*

бывающему 50 пуд. золота в год, я не товарищ». Но на него «смотрели как на отсталого», не принимая его советы и предложения. «*Только **Лучшев** внял им и в согласии с бийским братом решился лучше основаться»,*- находим в том же источнике. (Русские пропилеи. Стр. 109 – 110).

[20] В ту пору **Николай Иванович Лучшев** был, очевидно, вдов и жил с братом коллежским регистратором **Александром Ивановичем**. Позже он женился на **Анне Михайловне**, сестре томского полицмейстера Василия Михайловича Любимова.

Г.С. Батеньков упоминал о других братьях Н.И. Лучшева, которые где-то учились, однако сведений о них не сохранилось. Наконец, еще один Лучшев был женат на племяннице Попова и, видимо, как-то был связан с золотопромышленностью, но и он жил не в Томске, а в Бийске.

Хозяин дома, **Н. И. Лучшев**, тоже *«имел дело с золотопромышленниками… был при деньгах, но жил без толку»,* писал Г.С. Батеньков. (Русские пропилеи. Стр. 109).

[21] **Оптовые цены на продукты питания:**

Оптовые цены на продукты питания в Томске по данным за 1849 год
(колебание цен – в зависимости от сезона).

Наименование	максимальная цена	минимальная цена
Мука ржаная (пуд)	48 коп.	28 ½ коп.
Мука пшеничная	70 коп.	55 коп.
Крупа ячневая (пуд)	1 р. 90 коп.	-
Крупа гречневая	1 р. 20 коп.	1 р. 10 коп.
Крупа просовая	1 р.	90 коп.
Горох (пуд)	1 р.20 коп.	80 коп.
Овес (четверть)	2 р.47 ½ коп	1 р. 21 коп.
Сено (пуд)	12 коп.	10 коп.
Телятина (фунт)	1 р. 20 коп	-
Рыба	1 р. 70 коп.	70 коп.
Сало	2 р. 60 коп.	1 р. 70 коп.
Масло коровье (пуд)	5 р. 50 коп.	3 р. 70 коп.
Масло постное	6 р.	4 р.
Дрова (сажень кубическая)	3 р. 25 коп.	2 р. 80 коп.
Строевой лес (сажень погонная)	21 коп.	18 коп.
Кирпич (сажень куб)	20 р. 30 коп.	17 р. 90 коп.
Камень (сажень куб)	11 р.	8 р. 50 коп.

(ГАТО ф. 2 оп. 1 д .56 л. 334-335).

Стоимость продуктов на томском рынке (данные за 1845 год)

Наименование	цена
Масло конопляное (пуд)	4 р. 50 коп.
Клюква (ведро)	45 коп.
Куриные яйца (сотня)	1 р. 50 коп.
Мед (пуд)	5 р. 50 коп.
Осетрина свежая (пуд)	3 - 5 руб.
Осетрина соленая	3 р. 40 коп. – 4 р.
Стерлядь свежая (пуд)	3 р. 50 коп. – 7 р.

Стерлядь соленая	2 р. 40 коп.
Нельма свежая (пуд)	4 р. 50 коп.
Нельма соленая	2 р. 60 коп.
Муксуны свежие (сотня)	40 руб.
Муксуны соленые	34 руб.
Сырки свежие (сотня)	7 р. 40 коп. – 12 р.
Сырки соленые	5 р. 90 коп. – 8 р.
Рыба мелкая (пуд)	45 коп. – 1 р.
Мука крупчатая 1 сорта (пуд)	2 р. 10 коп.
2 сорта	1 р. 60 коп.
Говядина (пуд)	1 р. 25 ¾ коп.
Свинина (пуд)	1 р. 50 коп.
Овес (пуд)	40 коп.
Крупа ячневая (пуд)	40 коп.
Крупа гречневая (пуд)	1 р. 20 коп.
Крупа просовая	90 коп.
Крупа овсяная	80 коп.
Булки пшеничные (фунт)	1 ¼ коп.
Хлеб печеный ржаной	28 коп.
Соль (пуд)	50 коп.
Масло коровье (пуд)	3 р. 60 коп.

(ГАТО ф. 127 оп. 2 д .503 л. 1 об. - 2 об.).

IV

[1] ***«Долго и верно ждала Полина своего жениха, она готова была следовать за ним хоть на край света*** *и разделить его судьбу, какой бы страшной она ни была. Но годы шли, а вестей о нем никаких не было. Не только вестей, но и слухов не могли дождаться. Все решили, что он погиб. Родители, любившие Батенькова, также уверовали в его смерть. Свыклись с этой мыслью и решили выдать Полину замуж за другого. Повинуясь воле родителей, она вышла за томского купца Бобылина. Родился сын, за ним другой. Став женой Бобылина и матерью его детей, Полина не могла забыть Гавриила Степановича, каждый год служила по нему панихиду. Замужем она была не так долго, овдовела. Свою жизнь она посвятила детям, жила тихо и незаметно, хотя была не из бедных*», - писал И.Т. Лозовский (Стр. 292).

Здесь нужно дополнить следующее. После ареста Г.С. Батенькова, его невеста отправилась в Петербург, чтобы узнать о его судьбе и, по возможности, оказать содействие. Удалось это наполовину: печальная участь, постигшая Г.С. Батенькова, стала известна, а вот помочь, даже при поддержке его друзей, оказалось невозможно (участвовала в этих хлопотах **А.П. Елагина**, которая безуспешно пыталась вовлечь в них **В.А. Жуковского**). Уже одно это, попытка помочь, вызвала восхищение у всех, кто знал декабриста.

Через некоторое время, уверившись в его гибели, **Полина Аргамакова** действительно вышла замуж. Но мужем ее стал не купец, а чиновник **Александр Михайлович Кобылин**. Овдовев, она испытывала некоторые денежные затруднения, и спасалась от нужды лишь благодаря участию брата, С.Т. Аргамакова (Комментарии к «Сочинениям и письмам». Стр. 467).

[2] **Место жительства Полины Аргамаковой** упоминал И.Т. Лозовский (Стр. 292), больше нигде, ни в каких источниках, адрес ее не встречается.

[3] ***«Батеньков разыскал и навестил Полину,*** *- продолжал И.Т. Лозовский. – С трудом они узнали друг друга. Ведь не виделись почти четверть века. В вышедшей к нему пожилой седоватой женщине, уже увядшей, Батеньков не сразу признал свою бывшую невесту, но присмотревшись, увидел, что некоторые черты той далекой девушки, которую он так любил и всегда помнил, все же сохранились. Полина была поражена появлением Гавриила Степановича, которого давно считала погибшим и не переставала оплакивать… Долго они говорили. Он узнал много о ее родителях, о ее собственной жизни. С того времени он стал бывать в доме Полины, подружился с ее сыновьями, обучал их грамоте, помогал хозяйке управляться с делами…».* (Стр. 292-293).

[4] **По собственному признанию, Г.С. Батеньков держал в мыслях жить в доме Полины (Прасковьи) Аргамаковой**. *«Конечно, мне всего простее и желательнее было поместиться в семействе Парасковьи Трофимовны,* - писал он, - *но почему-то опекун мой того не захотел»* (Русские пропилеи. Стр. 110). Впрочем, трудно предположить, что останавливало его только нежелание Семена Трофимовича Аргамакова, от материальной поддержки которого он мог бы и отказаться. Скорее всего, важней оказалась другая причина. Как писал об этой встрече И.Т. Лозовский, *«былые отношения так и не восстановились. Было что-то такое, чего переступить они не смогли».* (Стр. 293).

[5] **К середине XIX века в Томске, по данным Н.Ф. Емельянова, имелись** 33 большие улицы и 38 переулков, было 6 мостов, каменный кафедральный собор, монастырь и 9 приходских церковных сооружений, включая костел и мечеть.

В городе насчитывалось 12 каменных и 7 деревянных казенных домов, одно каменное общественное (городское) здание и одно деревянное. Обыватели имели 56 каменных домов и 1877 деревянных.

Кроме того, город выстроил 2 богадельни, острог, больницу, 2 аптеки, 15 полицейских будок, 21 питейный дом, 2 харчевни. Из предприятий следует упомянуть 9 кожевенных и 8 мыловаренных заводов, канатную фабрику, 19 кирпичных и 5 гончарных заводов, один водочный, несколько мельниц и большое количество кузниц. (Стр. 39).

[6] **В Томске *«много красивых домов, каменных и деревянных****, архитектура построек прекрасная и правильная, улицы широкие, а общество приятное и большое»,* - отмечал К.Н. Евтропов. (Стр. 49).

«Дома, в основном, строились с двухскатной крышей, церкви – с шатром», потом *«к домам начали пристраивать сени, перекрытие на два ската, а к ним крыльцо на столбах с фронтоном».* Тогда же распространилась резьба по дереву. (Н.Ф. Емельянов. Стр. 41).

[7] **Деревянный мост, который начинал строить по собственному проекту Г.С. Батеньков, претерпел изменения**. Не сумев организовать строительство должным образом, и допустив отступления от проекта, городская власть сдала мост не вполне пригодным к эксплуатации. Несколько лет после половодья мост приходилось заново ремонтировать, и в конце концов, мнимая экономия обернулась серьезнейшими расходами.

Но «отцам города» это было на руку: документы свидетельствуют о том, что при работе над мостом не обошлось без казнокрадства. Так, в 1832 году, при губернаторе Е.П. Ковалевском, *«ревизия шнуровых книг бывшей томской комиссии по благоустройству»* обнаружила *«излишние деньги, якобы выданные подрядчикам за перестройку моста чрез Ушайку из городских доходов»* в количестве двух с лишним тысяч рублей (2068 р. 99 коп). Губернатор велел думе разобраться, стали выяснять, подключили Казенную палату. Факт неправомерного «перерасхода» подтвердился, но дело, тем не менее, поспешили замять. (ГАТО ф. 127 оп. 2 д. 316 л. 65-65).

[8] **Г.С. Батеньков сторонился людей лишь в первое время, пока не пришел в себя,** и в самом деле, вызывал у томичей неоднозначные оценки. *«Впоследствии,* - писал А.В. Адрианов, - *отношения эти сгладились, установилось взаимное понимание и Батеньков пользовался общим уважением за свой ум, высокую нравственность, простоту и дружбу».* (Стр. 32).
А это из статьи К. Дубровского: *«Проживая в Томске, Батеньков… пользовался всеобщим уважением и любовью всех, его окружающих, от мала до велика, причем взрослые любили и уважали его «за ум, за высокую нравственность и за двадцатилетние страдания, а дети – за простоту, доброту и ласки».* (Стр. 44)
[9] **План здания присутственных мест был выполнен еще при Г.С. Батенькове.** Сделал его, подработав присланный из Петербурга проект, губернский архитектор **П.В. Раевский.** Не имея средств построить соответствующее проекту большое каменное здание, томичи решили купить просторный жилой дом и приспособить его под чиновничьи нужды. Но прибывший в Томск М.М. Сперанский нашел, что здание при этом *«не будет иметь ни целости, ни удобства, ни свойственного публичному зданию вида: так был отвергнут и этот проект».*
Проектирование поручили архитектору **А.П. Дееву**. Он *«улучшил»* и доработал типовой план, который в 1820 году был наконец рассмотрен и высочайше утвержден. *«Но к строительству здания приступили лишь в 1838 году, а в 1842 году оно было закончено».* (А.И. Попов Стр. 40).
«Словно фрегат из волны, вырывается оно из склона Юрточной горы, подминая под себя почерневшие «доходные дома» внизу», - писал о здании губернского правительства В.Д. Славнин. (Стр. 207).
[10] *«Одержав победу над конкурентами и самоутвердившись,* ***И. Д. Асташев в 1842 году выстроил себе жилище, сообразное с его новым положением в обществе,*** - находим там же, у В.Д. Славнина. - *Стройный двухэтажный дом компактной планировки, с изящными колоннадами по обоим фасадам, спроектировал известный в Томске архитектор* ***А.П. Деев****. Дом этот по праву считался и считается одним из красивейших зданий старого города в стиле «русский ампир». При нем с самого начала был задуман внутренний сад с беседкой и балконом, где хозяин любил отдыхать от трудов праведных и неправедных…».* (Стр. 57).
[11] Книга Екклесиаста. Гл.1. Стихи 9-11, 18.
[12] **Матвей Матвеевич Геденштром**, служивший томским почтмейстером, скончался 2 сентября 1845 года в пригородном селе Хайдуково, где была его заимка. То есть ушел из жизни за полгода до приезда Г.С. Батенькова.
[13] **Последние годы жизни М.М. Геденштрома описаны в книге «Томск сокровенный».** Оставив службу, бывший почтмейстер, отставной надворный советник, поселился за городом, на хайдуковской заимке, завел небольшое хозяйство. Его одолевали тяжелые хвори, но без дела он не сидел: переводил на немецкий и французский свои «Отрывки о Сибири», вел наблюдения за климатом и мерзлотой почвы, писал воспоминания, оставил несколько статей об Арктике.
В ноябре 1840 года его посетил английский путешественник **Чарльз Котрелл,** благодаря которому имя *«хайдуковского затворника»* получило европейскую известность. А незадолго до смерти, летом 1845 года, М.М. Геденштром имел встречу с другим путешественником – на его заимке побывал **Миддендорф.** *«В этом же году… бывший чиновник, полярник, литератор, член Московского Общества Естествоиспытателей… скончался».* (Стр. 117-119).
[14] ***«Геденштром, получив… графа Румянцева поручение осмотреть и описать Ляховы острова, изготовил все необходимое для экспедиции,*** *прибыл в феврале 1809 года в*

Усть-Янск, откуда и разошлись потом участники экспедиции по разным сторонам: землемер Кожевин – для описи Фаддеевского и… Ляховых островов, мещанин Санников – для осмотра пролива между котельным и Фаддеевским островами, а Геденштром взял на себя описание Новой Сибири… В марте следующего 1810 года отправился от Русского устья на Индигирке на 29 нартах опять на Новую Сибирь, причем еще в расстоянии 120 верст от этого о-ва открыл Деревянные горы…». (Щеглов И.В. Стр. 372).

М.М. Геденштром исследовал Новосибирские острова, установил наличие «сибирской полыньи» - обширного пространства открытой воды на границе дрейфующих льдов и континентального ледового припая. Описал берег между устьями рек Яна и Колыма, совершил много поездок по Якутии и Забайкалью. С его арктической экспедицией связано возникновение вопроса о так называемой «Земле Санникова».

[15] *«В жизни моей, и без того уже скорбной, именно в то время, когда силы стали ослабевать,* ***две великие потери потрясли до основания мою душу,*** - писал Г.С. Батеньков своему «ангелу-хранителю» **А.П. Елагиной** в октябре 1846 года. – *Одна общая с Вами; другая… Вы догадались, что говорю о Михайле Михайловиче. У меня нет уже друзей: не довольно ли этого для слез и печали».* (Сочинения и письма. Стр. 215).

[16] Из того же письма (Там же. Стр. 218).

[17] **«Ученичество» Г.С. Батенькова** в пору его сотрудничества с виднейшим администратором и законотворцем XIX столетия **М.М. Сперанским** подчеркивали многие исследователи. Так, В.И. Вагин указывал, что *«бумаги, написанные Батеньковым»* во время подготовки Уставов, отличались *«сильным и сжатым слогом»*. И добавлял: *«Недаром Сперанский называл Батенькова своим учеником»*. (Стр. 135).

[18] **Отношения между «учителем» и «учеником» в петербургскую пору,** особенно перед декабрьской «катастрофой», были довольно сложные. Есть основание полагать, что **М.М. Сперанский** сыграл незавидную роль в судьбе своего бывшего сподвижника, на это указывают многие источники.

По словам профессора П.А. Висковатова**,** разбиравшего «записки» Г.С. Батенькова, в его бумагах можно найти *«намеки на Сперанского, некрасиво рисующие его, хотя Батеньков очень сдержан и не бросает в него обвинения».* (ТОИКМ. Переписка П.А. Висковатова и Л.И. Лаврентьева: оп. 4 д. 213. л. 5). Сам Г.С. Батеньков в оной из записок поздней поры признавал *«смутно дошедшие слухи»* о том, что М.М. Сперанский *«не усиливался»* освободить его из-под креста, *«тревожась только, что не достанет»* ему, бедному узнику, *«твердости снести его».* (Русские Пропилеи. Стр. 102).

Ряд исследователей, среди них П. Долгоруков, откровенно полагали, что **20-летним заключением Г.С. Батеньков был обязан именно М.М. Сперанскому**, который боялся, что тот «наговорит лишнего». В итоге *«умный и добрый, но трусливый и подлый граф Сперанский расхаживал в Андреевской ленте и писал законы; умный и добрый, но благородный и энергический Батеньков был заживо схоронен в каземате».* (Стр. 393). Так считал Ф.Ф. Вигель, говоря о М.М. Сперанском, как об *«умном, но безнравственном человеке»* (Стр. 7).

Того же мнения придерживался А.А. Сабуров, который был убежден, что *«главный деятель суда над декабристами», «на которого в начале столетия с упованием смотрели все представили наиболее передовых кругов России»,* и которого *«чуть не боготворил доверчивый и добродушный Батеньков»,* попросту предал своего «ученика». (Стр. 46). Говоря о «Секретном доме» Алексеевского равелина, А. Гессен писал: *«Если нужно было кого-нибудь заживо похоронить, его сажали в «Секретный дом».* ***Если кто-нибудь слишком много знал и нужно было замкнуть его уста, его сажали сюда навечно или на девятилетия.*** *Так случилось… с декабристом подполковником Г.С. Батеньковым».* (Стр. 107).

И все-таки Г.С. Батеньков сохранил уважение и преданность к *«старику»,* в доме которого жил, в письмах высказывался о нем лишь в почтительном тоне, жалея, что Россия потеряла такого незаурядного мыслителя и деятеля.

[19] ***«Люди прогрессивные, видевшие по-прежнему царивший в Сибири произвол, готовы были обвинить в нем бывшего правителя дел Сибирского комитета.*** *«Бывало, молодежь выводила его из терпения выходками против тех порядков, которые Сперанский ввел в Сибири; но и тут Батеньков, как ни был раздражен, защищался с достоинством». Эти нападки были ужаснее всего. Декабрист часть души своей вложил в «Сибирское учреждение» и теперь не мог не увидеть, как жизнь растоптала его, как в новых формах чиновники притесняли и грабили народ не меньше, чем в старых»,* - указывал В.Г. Карцов. (Стр. 186). И приводил собственное признание декабриста: *«Я редактор здешних законов и многие установления мною изобретены и названы. В ходе дел под верховною санкциею течет собственное мое слово.* ***Страшно стопою цинизма вступать в это святилище. Предпочитаю совершенно уничтожиться».*** (Там же).

[20] **О том, что сибирская реформа М.М. Сперанского встретила противодействие чиновников,** не нашла поддержки у населения и, в конце концов, не достигла во всей полноте желаемого результата, подробно писал Н.М. Ядринцев. Из важнейших проблем, которые не удалось решить М.М. Сперанскому, он отмечал:

1. торговую кабалу;
2. казенные подряды, *«сопряженные с разграблением казны посредством непомерных подрядных цен, часть которых шла на взятки»;*
3. налоговое невежество;
4. отсутствие гласности, общественного мнения и коллегиального начала в управлении;
5. чиновничий и купеческий произвол в отношении инородцев.

И ряд других, не менее острых проблем. *«Правила никто не исполнял, они были «утопией», дарованной испорченнейшему в мире обществу»,* - заключал Н.М. Ядринцев. Но признавал, что вину за это нельзя возлагать на одного М.М. Сперанского (Стр. 507–509; 519-521).

Документы подтверждают справедливость подобных упреков. После М.М. Сперанского дела в Томской губернии шли, в основном, тем же порядком, что раньше. Осталась хлебная спекуляция (для наведения порядка новый генерал-губернатор командировал даже «особых» чиновников); городничие и исправники так же злоупотребляли властью (в 1823 году был предан суду бийский городничий поручик Гренинг, который *«причинял побои»* и содержал мещан под стражей *«без всякой основательной к тому причины»*, а нарымский исправник Беляев допустил беспорядки по тамошним казенным запасным магазинам»); некоторые судебные тяжбы тянулись годами (как, например, дело о смотрителе острога Худякове, которое рассматривалось около десяти лет) и так далее. (ГАТО ф. 2 оп. 1 д. 25 л. 16, 19, 29).

[21] Из письма Г.С. Батенькова дочери М.М Сперанского от 12 марта 1847 года (Сочинения и письма. Стр. 221).

[22] Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. (Стр. 107-108).

V

[1] **«Красавица наша Томь вседневно ласкает меня своими быстрыми и светлыми струями**. *Обыкновенно встаю в 4 часа утра и погружаюсь в реке. Успел разглядеть ве-*

личественное ее течение… - писал декабрист А.П. Елагиной. – *В большой реке точно можно видеть себя средоточием»* природы. (Сочинения и письма. Стр. 241).

[2] **Философ Горохов любил привечать гостей в парке**, *куда «с особенным удовольствием и даже любопытством»* могли б заглянуть *«самые прихотливые из столичных жителей».* По заведенному обычаю, *«в летние праздники каждый имел право гулять в том саду и любоваться всем, что в нем находилось»:* тропическими цветами, резными беседками и лодками, скользящими по пруду. (Евтропов К.Н. Стр. 45).

[3] ***«Для декабристов эти союзнические связи с сибирской буржуазией не были только деловыми,*** - писал В.Н. Соколов. - *Одновременно они становились и дружескими… За эти именно качества – активный либерализм, независимость по отношению к местной власти и открытую неприязнь к взяткам – и уважала их <декабристов> тогдашняя сибирская буржуазия. Это был союз не политического порядка… а добрососедский, культуртрегерский союз. Объединение происходило на основе взаимных персональных услуг. Широкие знания, культурные навыки, высокие протекционные связи – с одной стороны. А с другой – дружеское участие, помощь и содействие в создании жизненной обстановки, почтовое и коммерческое посредство. Короче, кредит и ласка».* (Стр. 157, 222).

[4] **Аракчеев Андрей Алексеевич** – (1769 – 1834) видный государственный деятель в эпоху Александра I, друг и ближайший сподвижник императора, фигура одиозная по своей жестокости и косности.

М.В. Довнар-Запольский называл его *«угрюмым служакой»* и *«воплощением духа зла»* (Идеалы декабристов. Стр. 3 - 4). А П.В. Долгоруков отмечал в нем *«бездушие, презрение к человечеству, часто жестокость, суровость всегда, отсутствие всякого лоска образованности, непреодолимую наклонность к тиранству и грубость в обхождении».* (Стр. 266). Тем не менее, А.А. Аракчеев правил Россией как временщик почти единовластно на протяжении 12-ти лет. И осуществляя идею Александра, насаждал в стране военные поселения.

С января 1824 года, когда Г.С. Батеньков *«за отличия по службе»* произведен был в подполковники и назначен **членом Совета военных поселений,** до сентября 1825 года, он **служил под началом графа А.А. Аракчеева**. Близость его к А.А. Аракчееву, по свидетельству Ю.М. Лотмана, *«вызывала неодобрение в кругах заговорщиков»,* входивших в тайные общества. (Стр. 342). *«Александр видел все недостатки Аракчеева, считал его человеком жестоким и непросвещенным,* - отмечал историк, - *но ценил в нем бескорыстие, искреннюю преданность и усердие в исполнении служебных обязанностей».* (Лотман Ю.М. Стр. 256). В следственном деле сохранилось очень ценное и необычайно точное сравнение двух помощников Александра I, с которыми Г.С. Батенькову довелось работать, - М.М. Сперанского и А.А. Аракчеева.

[5] **Политические взгляды Г.С. Батенькова не выходили за рамки конституционной монархии.** Как дворянин и последователь М.М. Сперанского, он полагал за благо сохранить на какое-то время монархическое правление, ограничив его обязательными для всех законами. И оказавшись вовлеченным в тайное общество, призывал наиболее радикальных заговорщиков сохранить «священную» жизнь государя и всей августейшей фамилии. А после *«раскаявшись в преступлении своем, он дал присягу ныне царствующему Императору и в возмущении 14 декабря никакого участия не принимал».* (Модзалевский Б.Л. стр. 80).

Но, оказавшись под следствием, Г.С. Батеньков повел себя более последовательно, чем многие вожди восстания. Дал «*самый яркий и точный отзыв о тайном обществе декабристов»* (Брегман А.А. стр. 71). Причины, по которым **Николай I,** лично допрашивавший Г.С. Батенькова, составил о нем резкое мнение и полагал его опаснейшим преступником, рассмотрены во многих работах. Не раз упоминались и знаменитые письма Г.С. Батенькова царю, где он, признанный душевнобольным, откровенно «поучал государя» и грозил ему страшными карами. Все историки сходятся в том, что мстительный, никогда

ничего не прощавший император сыграл действительно важную роль в судьбе «секретного узника».

[6] ***«Жизнь в Томске не удовлетворяла Батенькова****, несмотря на общую к нему любовь и уважение окружавших его людей, - он стоял целой головой выше их всех; его умственные и нравственные интересы были им чужды»* (Адрианов А.В. Г.С. Батеньков. Стр. 33).

«Какие философские мысли возбуждали в нем прошедшие, долгие периоды сменяющихся событий, с кем делился он мыслями в тогдашнем обществе? – читаем о том же в «Сибирских воспоминаниях». *– Если кругом его была пустыня и отсутствие образованных людей, тем положение его было трагичнее...».* (Д.С. Стр. 12).

[6] **Запись, сделанная Г.С. Батеньковым в первые месяцы томской ссылки.** Его письменные размышления той поры отражают сложную духовную работу и показывают образ мыслей важнейшего для него периода, начавшегося выходом из 20-летнего заточения. (Русские пропилеи. Стр. 33).

[7] **«Знаменитым несчастливцем»** весьма метко назвал декабриста историк С.Н. Чернов (Стр. 61).

[8] Сочинения и письма. (Стр. 221).

[9] Г.С. Батеньков. Тюремная песня. (Илюшин А.А. Стр. 109).

[10] Сочинения и письма. Стр. 236.

В том состоянии, в каком Г.С. Батеньков находился после заточения, **мысли о смерти были для него естественны,** и все же он сохранял поразительное, свойственное ему жизнелюбие даже тогда. *«Благодарю мою природу – она не имеет в себе ничего угрюмого и унылого,* - сообщал Г.С. Батеньков своему «ангелу-хранителю» **А.П. Елагиной.** – *Оттого я больше молодею, нежели старею: седины только изменяют. Ими обязан я тяжким болезням и потому больше, что не хотел их признавать…».* (Там же. Стр. 227).

[11] Там же.

[12] Там же. Стр. 260.

[13]. Батеньков Г.С. Тюремная песня**.** (Илюшин А.А. Стр. 103).

[14] Сочинения и письма. (Стр. 225-226).

Сходные мысли находим в сочинениях других декабристов и письмах современников Г.С. Батенькова. Екатерина Трубецкая писала матери г-же А.Г. Лаваль из Сибири: *«Конечно, моя вера не такова, как она должна была быть, но все же, дорогая маменька, если бы я не верила всей душой в безграничное милосердие и всемогущество Божие, и если бы я не надеялась, что он как-нибудь облегчит наши страдания, могла ли бы я относиться с таким спокойствием к тому, что мне предстоит еще в течение 16 лет? И не достаточно ли было бы одной этой мысли, чтобы покончить с собой?».* (Декабристы на каторге и ссылке. Стр. 42).

[15] Батеньков Г.С.. Тюремная песня. (Илюшин А.А. Стр. 100).

[16] Сочинения и письма. (Стр. 226).

[17] Там же. Стр. 234.

[18] **Из письма к декабристу Е.П. Оболенскому.** (Сочинения и письма. Стр.238).

[19] ***«Чего-нибудь ожидать просто от времени*** *– это не для науки, она не разобрала даже, что такое время,* - писал Г.С. Батеньков декабристу **И.И. Пущину.** – *Сам я долго довольствовался простодушным об нем понятием и едва не смешивал с машиною и счислением…».* (Сочинения и письма. Стр.237-238).

А в следующем письме, адресованном **Е.П. Оболенскому**, еще раз указывал: *«Обстоятельства моей жизни заставляли меня думать о времени».* Если настроить свой ум на *«свойственное ему самопознание»,* тогда он *«станет к пространству не как к стереометрической пустоте, и к времени не как к грубому механическому движению, но в прямом их к себе, к жизни и к богу отношении, и вообще на природу будет смотреть тогда*

не как на взъерошенную действием мертвых сил поверхность шара, но как на полное отражение –вечного бытия живой разумной причины <то есть Бога>, и в ней будет искать себе силы и благодати». (Сочинения и письма. Стр. 239).
Эта принципиальная для Г.С. Батенькова установка прослеживается, так или иначе, во многих письмах ссыльного декабриста.
[20] Батеньков Г.С. Надежда. (Илюшин А.А. Стр. 134).
[21] Сочинения и письма. (Стр. 251-252).

VI

[1] Некоторые отмечали, что **Г.С. Батеньков, живя в ссылке на положении государственного преступника, испытывал слежку со стороны полицейских властей.**.
«За освобожденным из равелина узником была установлена слежка», - писал В.Г. Карцов, опираясь на слова **И.И. Пущина**, который советовал Г.С. Батенькову *«гонять несносных клещей»,* следивших за ссыльными. (Стр. 186). Но то, что было возможно в Ялуторовске, совершенно, по всей вероятности, отсутствовало в Томске: ни намека на слежку мы не находим в томских письмах ссыльного Г.С. Батенькова и архивных документах той поры.
Можно согласиться, что неодинаковым было отношение к ссыльным самих жителей, о чем упоминал и М. Петров, поскольку среди *«пришлых»* были и уголовные ссыльные, дурно влиявшие на местные нравы, из-за которых сибиряки в иных «бойких» местах *«успели порядочно испортиться».* (Стр. 89). Но к образованным и смирным **политическим ссыльным** сибиряки, в большинстве, испытывали уважение. Жалели их, поскольку невольные жители края *«терпели в Сибири большую нужду, не умели заняться ручным трудом и земледелием, а всякие другие заработки им были запрещены».* (Там же).
[2] **Живя на поселении, декабристы наладили переписку в обход гражданских властей и III Отделения.** Г.С. Батеньков тоже пользовался услугами добровольных помощников, среди которых нужно назвать, в первую очередь, томского полицмейстера В.М. Любимова, на сестре которого женился Н.И. Лучшев. Помогали вести переписку также чиновник губернского правления Н.И. Мациевский и чиновник для особых поручений при томском губернаторе Н.А. Траверс. (Брегман А.А. Комментарии. Стр. 466, 472).
«Правительство требовало пересылку всей переписки декабристов… через жандармское управление, причем письма эти должны были сдаваться по начальству открытыми. Кроме того, почтовое начальство должно было вскрывать все письма декабристов, «поступая с ними соответственно их содержанию». Ко времени выхода большинства декабристов на поселение, переписка велась на имя служивших у них людей». (Декабристы на каторге и в ссылке. Стр. 10).
[3] **Из письма В.И. Штейнгеля мы видим, что Г.С. Батеньков не казался декабристам «странным и диким».** *«Скажу тебе,* - сообщал автор письма М.А. Бестужеву, - *что Батеньков написал мне письмо, исполненное юных чувств истинной дружбы; так что я изумлен был, читая, как могла сохраниться в нем эта благородная живость, которую он так отличался 20 лет назад. И сколько тут умного, интересного… в заключении увлекся поэзией и написал две строфы стихов».* (Штейнгель В.И. Стр. 258).
«От Батенькова недавно получил грамотку. Он здоров и здраво философствует», - читаем в другом письме В.И. Штейнгеля. (Стр. 268).
[4] **Судя по всему, почтовая служба в середине XIX столетия испытывала некоторые проблемы.** В архивных отчетах можно найти такие, например, сообщения: «*Имею честь*

уведомить, что в течение минувшего 1849 года почтовая гоньба отправлялась не исправно… за изнурением лошадей». (ГАТО ф. 2 оп. 1 д. 56 л. 191).

[5] **А.П. Елагина пыталась поддержать и облегчить участь друга семьи в самое трагическое для него время**. Но когда Г.С. Батеньков оказался на положении секретного узника, имя которого было известно лишь коменданту Петропавловской крепости, связь, и без того ненадежная, прервалась.

И возобновилась лишь осенью 1846 года. Г.С. Батеньков поблагодарил жену фронтового товарища за *«денежное пособие»* и письмо, полученное в 1826 году *(«подлинно оно было бальзамом на мои раны»).* Из письма выходило, что Елагины знали о его пребывании в Алексеевском равелине. ГС. Батеньков укорял, что долгие годы не получал от них вестей и искал оправдания столь долгому их молчанию: *«Стоя так близко к распорядителям моей судьбы, при отсутствии препятствий, чем, кроме смерти, могли вы быть остановлены простереть ко мне руку?»* (Сочинения и письма. Стр. 215-219).

Из этих слов, однако же, видно, что он преувеличивал возможности друзей и недооценивал трудность своего положения.

[6] **В 1844 году секретному узнику разрешено было пользоваться периодическими изданиями.** Получал он и «Отечественные записки», где *«мелькнули имена*» сыновей Авдотьи Елагиной, известных в литературных кругах **Ивана** и **Петра Киреевских** (с ними Г.С. Батеньков вступил в переписку позже). Поэтому некоторое представление о семье друга он все же имел.

[7] Из первого письма А.П. Елагиной. (Сочинения и письма. Стр. 219).

Тогда же Г.С. Батеньков сообщил о себе следующее: *«Томском я вполне доволен. Нашлись люди, которые меня любят и не оставляют. Они по возможности примирили меня с жизнию… О! Как милостив бог».*

[8] **Первым узнал о приезде Г.С. Батенькова в Томск «первый декабрист» В.Ф. Раевский**. Живя в Петербурге, Г.С. Батеньков получил от него несколько писем, ему приятель по Кадетскому корпусу посвятил несколько стихотворений, но в 1821 году переписка их оборвалась. В феврале 1822 года В.Ф. Раевский был арестован и шесть лет провел арестантом в разных крепостях. После чего был разжалован, лишен чинов и дворянства и сослан в Сибирь на поселение (село Олонки Индинской волости Иркутской губернии).

Проезжая в Сибирь, он остановился в Томске, был хорошо принят начальником губернии **Соколовским**, отобедал у **Философа Горохова** и там же остался на пару дней, чтобы отдохнуть с дороги. ***«Аргамаков,*** - вспоминал декабрист, - *отозвал меня в сторону, вынул письмо и подал мне; я тот час узнал почерк Г.С. Батенькова, моего товарища и друга. В 1824 году он писал к нему <Аргамакову>: «Может быть, известный тебе В.Ф. Раевский будет проезжать через Томск , поручаю и прошу тебя снабдить его деньгами и всем, что для него нужно, а я рассчитаюсь с тобою и проч». – «Все изменилось, - сказал я. Этот любимец и сотрудник Сперанского и самый близкий доверенный человек при Аракчееве, так же, как и я, посажен в крепость и может проедет здесь».* (Декабристы и литература. Стр. 110).

Спустя годы, получив сведения о «воскресшем» друге, В.Ф. Раевский отправил ему из села Олонки Иркутской губернии три записки, на которые ответа не дождался. Как отмечают исследователи, произошло это оттого, что Г.С. Батеньков по приезду в Томск, по собственному его признанию*, «был дик, отвык жить и едва говорил».*

Кроме теплых воспоминаний о молодости их в эту пору не связывало уже, кажется, ничего. У них были разные убеждения, жизненные установки, отношение к вопросам веры. Но, как и Г.С. Батеньков, «первый декабрист» на свое прошлое*, «полное тяжелых испытаний, смотрел спокойно, без ропота и раскаяния». (*Кудрявцев Ф. Стр. 75).

[9] Это высказывание Андрея Беэра приводит Яков Гордин в рецензии на очерки о декабристах (Стр. 213).
По мнению Я. Гордина, *«не входивший организационно в Северное общество, появившийся среди заговорщиков , как и Розен, накануне выступления, мало осведомленный об их замыслах»* **Г.С. Батеньков, *«тем не менее, крайне показательная и характерная для декабризма фигура».*** Тот, кого А. Беэр весьма точно назвал *«случайным декабристом»,* на самом деле, *«соединил в себе едва ли не все присущие декабризму как движению черты – вкус и талант к военному делу и религиозность, жадный интерес к европейской философии и глубокий патриотизм, любовь к ораторствованию и деловое практическое направление мысли, умение добросовестно служить государству и тяга к надгосударственности масонства и, наконец, неумение мириться с политическим несовершенствованием системы»* (Там же).
[10] **Г.С. Батеньков был едва ли не единственным, кто равно успешно, с одинаковой пользой** сотрудничал с людьми, которые, по выражению А.С. Пушкина, *«стояли в противоположных дверях царствования»* Александра I, как *«гений Добра и Зла»*, с А.А. Аракчеевым и М.М. Сперанским. И оставил о них яркую сравнительную характеристику.
[11] **Всего приговоренных к следствию, кроме солдат, было 579 человек** (из них 458 человек – 79 процентов, люди военные). До суда освободили 290 человек, ровно половину привлеченных к следствию, остальных 289 человек были осуждены Верховным уголовным судом.
Из них приговорены:
к смертной казни – 5,
в каторгу на разные сроки – 88,
на поселение в Сибирь – 18,
на житье в Сибирь – 1,
к крепостным работам – 4,
разжалованы в солдаты – 15,
высланы за границу – 4.
До и после следствия умерли 21 человек, судьба 9-ти неизвестна, а 124 осужденных были переведены в другие полки или на другую службу (или под надзор). Таким образом, в Сибири оказалось 100-120 человек каторжан и поселенцев. (Соколов В.Н. Стр. 53,57)
[12] Сочинения и письма. Стр. 249.
[13] **Письмо тоболячке Марии Ивановне Кочетовой написано было в декабре 1846 года.** *«Уже десять месяцев, как я в Томске,* - сообщал Г.С. Батеньков. – *Двадцатилетний период страдания так сильно изъял меня из круга общественной жизни, что я до сих пор не могу осмотреться и привыкнуть смотреть на себя, как на живого». (*Сочинения и письма. Стр. 219). Дочь М.И. Кочетовой, **Елизавета Григорьевна**, жила тогда в Томске и Г.С. Батеньков довольно часто с ней встречался. Рассказ о ее томской жизни и составлял, главным образом, содержание того письма.
[14] **Письмо В.Ф. Раевскому, написанное в конце 1849 - начале 1850 года, содержит ценные сведения об участии Г.С. Батенькова в *«известном деле»,*** то есть в подготовке к восстанию на Сенатской площади. Это одно из немногих письменных свидетельств декабриста о его поведении на следствии и последовавшей «горячке».
По словам Г.С. Батенькова, из крепости его собирались выпустить, но *«по причине ничтожной и частию скрытой»,* понятной только ему, *«а более по воле божьей, переменили и доклад и все дело».* После чего декабрист оказался в многолетнем заточении. Там же, в письме В.Ф. Раевскому, была фраза, которая послужила, во многом, предположению о том, что заболевший «горячкой» декабрист избрал заточение добровольно (наиболее последовательно эту версию разрабатывал М.О. Гершензон*). «Я убедился,* - писал он, - *в*

том, что не должен оставлять своего уединения и не жалеть, что прекращаю все связи с людьми» (Сочинения и письма. Стр. 245). Хотя это высказывание можно истолковывать, конечно, по-разному.

[15] **С глубоким уважением, дабы *«исполнить долг благодарности»,* пишет Г.С. Батеньков дочери М.М. Сперанского овдовевшей Е.М. Фроловой-Багреевой.** Сообщает, с какой скорбью узнал о кончине *«великого благодетеля»,* память о котором *«будет жить не в одном поколении»,* коротко рисует томскую жизнь и просит *«молитвой помочь ему»* пронести свой крест до конца.

«Я год уже живу в Томске, - пишет декабрист. – *Несколько отдохнул. Снова увидел людей, как из гроба вставший. Все мои чувства – психическая редкость. Понятия переступили время и пространство».* И добавляет о любви к людям, которая позволяет «*разгадать тайну жизни»* и *«смотреть на всех с лучшей стороны»*. (Сочинения и письма. Стр. 221-222).

[16] Батеньков Г.С. Откровение. (Илюшин А.А. Стр. 129).

[17] **Киреевский Петр Васильевич** – (1808 – 1856) известный славянофил, собиратель фольклора, публицист и переводчик. Был знаком с А.С. Пушкиным, который интересовался русскими народными песнями и высоко ценил деятельность Петра Киреевского, сына первого мужа А.П. Елагиной. *«Летом 1835 года Киреевский вместе с Жуковским был у Пушкина на его даче на Черной речке. Пушкин с великой радостью перебирал с Киреевским его собрание, много читал из собранных им песен и обнаруживал самое близкое знакомство с этим предметом»,* - находим у В.В. Вересаева (Том II Стр. 141).

Далее помещена характеристика С.М. Соловьева: *«Доброе, кроткое, симпатичное существо; был очень трудолюбив, много читал, но не был даровит, не был умен, не имел никакого характера; нравственная слабость. Неспособность двинуться. Сделать что-нибудь доходили в нем до неимоверных размеров; вобрать в себя, начитаться, наслушаться, наглядеться – это было его дело; но самому что-нибудь написать, сделать – для этого нужны были усилия неимоверные».* (Там же).

[18] Сочинения и письма. Стр. 223.

[19] Н.Н. Бакай писал, что среда, которую выбрал для себя Г.С. Батеньков», ***«была не окружавшие его люди»,* а *«молчаливые друзья, таившие в себе творчество человеческой мысли», «книжный мир».*** Оказавшись в Томске, *«Батеньков набрасывается на книги, журналы и газеты, русские и иностранные, последние он достает из библиотеки местного золотопромышленника Асташева. Он очень увлекается философской литературой, усиленно просит прислать из России сочинения Шеллинга. Он по возможности следит за ходом русской литературы…».* (Стр. 46).

[20] Сочинения и письма. Стр.233.

[21] Там же. Стр. 224-225.

[22] Жуковский В.А. Судьба. (Стр. 106).

[23] Козельский Я.П. Философские предложения. (Русская философия. Стр. 15).

[24] **В Томске Г.С. Батеньков имел при себе две книги церковных песнопений, подаренные ему, очевидно, кем-то из горожан.** Уезжая, он передал обе книги в *«молитвенный храм»,* который выстроил сам же за городом, на хуторе Степановском. Ныне они хранятся в собрании Томского краеведческого музея. *«Листы в обоих томах – из тонкой белой бумаги и хорошо сохранились, печать церковно-славянская»,* - сказано в сопроводительном тексте.

[25] Аничков Д.С. Слово о разных причинах… (Русская философия. Стр. 104).

VII

[1] **Только за первые три месяца после объявления подписки на строительство Троицкого кафедрального храма,** с декабря 1842 по февраль 1843 года, удалось собрать 16 489 рубля 82 ½ копейки добровольных приношений. Сверх того, крупную сумму, по 3500 рублей каждый, прибавили братья Архип и Федот Толкачевы. Не поскупились на пожертвования также купцы Николай Филимонов (городской голова) и Александр Серебренников. Оба вошли, кстати, вместе с Иваном Дмитриевичем Асташевым в Комитет по постройке собора. Те томичи, которые не могли внести свой вклад деньгами, приносили ценные вещи – золотые и серебряные украшения, часы, столовые приборы. (Евтропов К.Н. Стр. 35-40).

[2] Эту черту мироощущения Г.С. Батенькова, жизнь которого ***«протекала на грани двух эпох – на «экваторе», как он образно выразился»,*** отмечал и В.Г. Карцов. Но вряд ли можно согласиться с утверждением исследователя, что Г.С. Батеньков *«не мог предвидеть»* того, что *«надвигалось на смену отмиравшему».* Тем более, что он действительно *«правильно подметил ростки капитализма в России как некое прогрессивное начало и к ним тянулся»,* и в тоже время *«внутренне ощущал весь ужас надвигавшейся власти капитала, ее грязь, попирание ею всех лучших человеческих чувств, нравственности».* (Карцов В.Г. Стр. 192).

[3] **О старой жизни и старых устоях Г.С. Батеньков вспоминал в очерке «Рассказ о Томске», рукопись которого хранится в Москве.**

Раньше, писал, *«все жили замкнуто в своих семействах, с крытыми дворами и запертыми воротами. Не было ни одного здания, которое бы отвечало хоть первым требованиям архитектуры, улицы в луговой, то есть лучшей части города вымощены были по болоту без осушки его, деревом…Постройка нового дома составляла дату в местном летоисчислении… Немного было грамотных и книг в употреблении… Нравы Томска не славились строгостью; костюмы – смесь татарских с русскими… о вкусах и удобствах не заботились… Только быт чиновников и казачьих семейств представлял некоторые особенности».* (Цит. по: Карцов В.Г. Стр. 187).

[4] Сочинения и письма. Стр. 406.

Сравнение Томска с разбогатевшим на золоте Сан-Франциско Г.С. Батеньков приводил в письме незадолго до отъезда, в 1856 году. Но общая оценка *«простого народа»* сформировалась у него, как видно, еще в конце сороковых годов.

Сходное мнение имел архиерей Агапит, прибывший на томскую кафедру в 1834 году, в разгар «золотой лихорадки», о чем упоминал К.Н. Евтропов: *«Обозревая в первый год своего служения епархию, преосвященный Агапит нашел ее в самом безотрадном нравственно религиозном положении».* (Стр. 4). И позже *«томская паства»*, *«перепорченная наполовину грубым, нравственно испорченным ссыльным элементом»,* совершенно не изменилась, как видно из того же источника. (Стр. 21).

«В сибиряках развилась склонность к пьянству и картежной игре», - сообщал В.К. Андриевич, отмечая *«низкий уровень нравственности, отсутствие образования и стремления к нему».* (Стр. 337).

[5] В 1849 году, для примера, ***«с казенных алтайских золотых промыслов»*** **отправлено было в Санкт-Петербург 26 с лишним пудов золота** *«по предельным ценам»* на 336 799 рубля 4 копейки серебром. Кроме того, с Колывановоскресенских заводов *«отправили в трех караванах золотистого серебра, выплавленного по нарядам 1848 и 1849 годов»,* 1000 пудов 34 фунта 45 золотника, где чистого серебра оказалось 896 с лишним пудов, а

золота – 42 пуда. Стоимость этих драгоценных металлов составила, в общей сложности, 1 416 208 рублей 8 копеек (1,4 миллиона).
Но существовали и частные золотые прииски. В округах, подведомственных Томскому горному правлению, их было несколько десятков:
в Томском округе – 41,
в Минусинском – 24,
в Ачинском – 6,
да в Киргизских округах – 5.
В том же 1849 году на частных золотых приисках в Томской губернии, в Ачинском, Минусинском, Красноярском округах Енисейской губернии, округах Сибирских киргизов и в Восточной Сибири было добыто, сплавлено в Барнаульских заводах и отправлено в столицу 1185 пудов золота на 15 324 154 рубля 63 копейки (15,3 миллиона). **Всего благодаря сибирским драгоценным металлам казна получила в тот год свыше 17 миллионов рублей.** (ГАТО ф. 2 оп. 1 д. 56 л. 233 – 239).

[6] **Первая томская школа** открылась, как известно, в 1744 году при Алексеевском монастыре. В 1758 году, при сибирском губернаторе Ф. Саймонове, здесь была открыта геодезическая школа. Ровно через 30 лет появилась в городе первая светская общественная школа, где учились дети купцов и мещан.
В 1789 году школа была преобразована в **малое народное училище**, действующее на средства казны, городской думы и Приказа общественного призрения (позже оно получило статус уездного). В 1829 году томичи открыли **приходское училище**, а спустя 9 лет, в декабре 1838 года, была открыта **мужская гимназия** на 25 учащихся. Срок обучения в гимназии составлял 7лет, а в уездном училище – 3 года. (Емельянов Н.Ф. Стр. 43).

[7] Из письма А.П. Елагиной от 12 марта 1847 года. (Сочинения и письма. Стр. 222).

[8] **Публичная библиотека в Томске действительно уже имелась, но фонды ее были крайне бедны.** В год на содержание и пополнение библиотеки город отпускал 79 рублей 28 ½ копейки, тогда как содержание городского суда, предположим, обходилось более чем в 2 тысячи рублей. (ГАТО ф. 127 оп. 2 д. 518 л. 9 об.).

[9] Цит. по: Карцов В.Г. Стр. 187.

[10] **В середине XIX столетия в Томске проживало 8102 душ мужского пола и 5247 душ женского пола.** Всего, значит, населения насчитывалось 13349 человек. При этом лиц духовного звания было немного, всего 84 человека, крестьян (государственных, экономических, заводских и помещичьих) проживало тоже не так много – 679 душ мужского пола. Зато к военному ведомству относилось 1922 человека, а гражданских служащих и служащих суда было 462 человека. (ГАТО ф. 2 оп 1 д. 56 л. 328 об. –329).
Как писал Н.Ф. Емельянов, ***«Томск обрел черты военно-чиновничьего города».*** По его данным, податного населения в конце 40-х – начале 50-х годов *«было меньше, чем военных и гражданских чиновников».* (Стр. 68-69).

[11] ***«Здесь у многих назначены дни, куда собираются все знакомые*** *играть в карты или танцевать; иногда бывают даже домашние спектакли и детские праздники»,* - сообщал о Томске К.Н. Евтропов (Стр. 45).

[12] **Число мастерских в городе возросло, получило развитие ремесленное дело.** И тем не менее, К.Н. Евтропов счел нужным заметить о Томске, что по сравнению с другими городами *«не было в нем ни опытных, сведущих ремесленников, ни вольнопрактикующих механиков, техников, инженеров»,* а местная промышленность была все еще *«слабо развита»,* за исключением кожевенного, свечного, мыловаренного и кирпичного производств. (Стр. 44).

[13] В отличии от некоторых других декабристов, **Г.С. Батеньков, оставаясь глубоко верующим человеком, сохранил приверженность масонской идеологии в зрелые годы.**

«Религиозное миросозерцание масонов не препятствовало многим декабристам примкнуть, по крайней мере на время, к масонству так как среди них было немало людей религиозных, хотя и не всегда в духе нашего православия», - писал В.И. Семевский (Стр. 403). А для «вольных каменщиков» характерно стремление «возводить собственный храм». Как отмечал В.И. Сахаров, *«осторожные, но принципиальные споры»* русских масонов с официальной церковью происходили, во многом, из *«претензии масонов на роль* ***новой, «внутренней» церкви».*** (Стр. 28).

[14] Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. Стр. 111.

[15] Из письма И.И. Пущину от 3 ноября 1847 года. Сочинения и письма. Стр. 230.

[16] Из письма А.П. Елагиной от 18 января 1848 года. Сочинения и письма. Стр. 233.

[17] Там же.

[18] Русские пропилеи. Стр. 56.

[19] Сочинения и письма. Стр. 233.

[20] Там же. Стр. 235.

[21] Там же. Стр. 266.

Как видно из писем, **приступы болезни довольно часто укладывали Г.С. Батенькова в постель,** но жаловаться на нездоровье ему было несвойственно. Он лишь сокрушался, что *«по климату холодеет душа»* и мечтал перебраться к Елагиным, в родной ему кров, где теплее и лучше. *«Летел бы к вам,* - писал Ивану Киреевскому, - *но по закону крайностей северные наши крылья не подымают, а тайга менее способна и к разбегу, нежели африканские пески»*. (Сочинения и письма. Стр. 274).

[22] Там же.

[23] **В томской ссылке Г.С. Батеньков написал насколько важных статей по экономике и истории края**. Его перу принадлежат рукописи, посвященные золотопромышленности, финансовому делу и развитию путей сообщения в Сибири. Много лет он работал над упоминавшимся очерком по истории Томска, оставил статью о метод мышления («Современная схоластика») и ряд других серьезных работ. Кроме того, декабрист занимался переводами и писал критические заметки о современной ему литературе. (Подробнее об этом – в книге В.Г. Карцова).

[24] **Аносов Павел Петрович** – генерал-майор корпуса горных инженеров, был назначен губернатором и главным начальником Алтайских заводов в феврале 1847 года, и оставался в этой должности до 1851 года.

Выдающийся русский ученый, **автор крупных открытий и изобретений в области металлургии,** производства стальных изделий и упрочняющей термической обработки стали. Первым в мире *«употребил микроскоп для изучения структуры металла и фактически создал металлографический анализ»,* который используют по сей день. Знаменит тем, что, экспериментируя в обработке металла, открыл утерянный секрет изготовления булатной стали.

Родился в Петербурге в семье чиновника; окончил Горный кадетский корпус с большой золотой медалью и был направлен в Злагоустовский горный округ. Там, работая техником, написал первую научную статью «Систематичное описание горного и заводского производства Златоустовского завода», которая *«доставила ему известность».* Император Александр I наградил Аносова, который пребывал уже в должности управляющего, орденом *«за отличный порядок и устройство» фабрики».*

В 33 года талантливый инженер назначается начальником всех Златоустовских заводов, в 42 года получает чин генерал-майора, а в 49 лет становится губернатором и переезжает на жительство в Томск. *«Жили Аносовы в доме, находившемся на месте теперешнего здания суда на Набережной Ушайки… Павел Петрович был человеком скромным, добро-*

совестным и внимательным к людям». Его богатой библиотекой пользовался Г.С. Батеньков. (Лозинский Ю.М. Стр. 29-31).

Губернатор П.П. Аносов был в числе тех, кто помогал вести переписку опальному декабристу. *«Господин губернатор уже здесь,* - сообщал тот А.П. Елагиной, - *и ты пиши на имя его превосходительства Павла Петровича Аносова».* (Сочинения и письма. Стр. 228). В другом письме находим: *«Здешний гражданский губернатор, по званию главного начальника Алтайских горных заводов, отлучается с весны в Барнаул и заводскую округу, тогда и случается, что письма из Омска проходят к нему, и чрез то теряется несколько недель».* (Там же. Стр. 263).

[25] **Описание губернатора П.П. Аносова относится к 1850 году,** дал его сосланный в Томскую губернию петрашевец Ф.Г. Толль. (Щеголев П.Е. Стр. 268).

[26] ***«Переводами Батеньков начал заниматься еще до 1825 года, находясь а службе в Сибири.*** *Переводил он главным образом с французского… В Томске Батеньков переводил статьи из периодических изданий. После амнистии он усердно занимался переводом исторических трудов, рассчитывая их опубликовать. Им были переведены: «Призвание писателя» Шарля де Ремюза, «Старый режим и революция» Токвиля, «История Франции XVI в.» Мишле и огромный труд Лебо – «История Византийской империи».*

В конце пятидесятых годов Батеньков просил Е.И. Якушкина подыскать ему издателя для переводов с французского. Подбирая книги для перевода, Батеньков руководствуется не спросом, а соображениями о «пользе просвещения»… Батеньков охотно переводил сочинения XVIII века, причем, хорошо зная русский и французский языки, старался сохранить в переводе колорит оригинала…». (Снытко Т.Г. Стр. 314).

[27] Батеньков Г.С. Статья по поводу второй части «Мертвых душ» (Там же. Стр. 316).

[28] Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. Стр. 97.

[29] Там же.

[30] Батеньков Г.С. Статья по поводу второй части «Мертвых душ». (Снытко Т.Г. Стр. 317).

Комментируя переписку Г.С. Батенькова с автором «Мертвых душ», профессор Ф.З. Канунова отмечала, что **декабрист *«настаивал на необходимости идти в ногу со временем»,*** убеждал, что для нового времени нужна *«новая концепция, которая бы оживила, а может быть перевернула современную литературу».* Он *говорит* «о необходимости новой литературы великого художественного синтеза реального и идеального, философской символики и голубого проникновения в действительную жизнь, ее монументальную эпическую сущность». Теперь, убеждал Г.С. Батеньков, *«обличение уже не поможет, оно рано или поздно вырождается»*: *«на новую ступень искусства нельзя подняться лишь с «бичами и хлыстами».* Теперь ***«надобно уже дарить. А это возможно лишь при нравственном восхождении каждого человека и поэта прежде всего».*** (Канунова Ф.З. Томск в литературной судьбе... Стр. 55-56).

VIII

[1] Сочинения и письма. Стр. 247.

[2] Там же. Стр. 232.

Особенно сильный приступ болезни пришелся на осень 1849 года. В октябре Г.С. Батеньков сообщил А.П. Елагиной, что *«с наступлением месяца слег в постель и мог потерять употребление руки и языка»*. Но, добавил, *«по милости божией я сильнее болезни. Вот уже сижу и пишу, не могу только быть с людьми, а к этому я уже и привык… Ме-*

дик посещает меня, но ничего не поит, не сосет кровь и не мажет. Надобно было всему случиться со мною, чтоб крест мой был полон, очищение удовлетворительно и упование на бога имею во всякой милости… Есть провидение, и потому оптимизм не совсем места». (Сочинения и письма. Стр. 251).

[3] Там же. Стр. 225.

[4] **Батеньков Г.С. Песнь девятая** (по мотивам 9-го псалма Давида). (Илюшин А.А. Стр. 122).

[5] Русские пропилеи. Стр. 69.

[6] Из письма к декабристу В.И. Штейнгелю от 16 мая 1856 года (Сочинения и письма. Стр. 402).

«Старый холостяк, бессребреник, до последней степени скромный в своих привычках, *он все, что имел, отдавал Лучшевым, считая себя членом этой семьи»,* - писал А.В. Адрианов, ссылаясь на приведенный отрывок письма. (Адрианов А.В. Г.С. Батеньков. Стр. 33).

[7] Сочинения и письма. Стр. 255.

[8] Там же. Стр. 266.

[9] Из письма А.П. Елагиной от 24-26 июня 1849 года. (Русские пропилеи. Стр. 66).

[10] **Пущин Иван Иванович** - декабрист, член Северного общества, один из ближайших друзей А.С. Пушкина.

«Оба были приняты в лицей и в октябре месяце отвезены в Царское Село», где поселились в соседних комнатах – *«это близкое соседство еще больше способствовало сближению».* Товарищи очень тепло относились к Пущину, он был в лицее общим любимцем. Казалось, с Пушкиным их мало что связывало, и тем не менее, *«оба друга были неразлучны».* Пущину поэт посвятил эти и многие другие строки:

Помнишь ли, мой брат по чаше,
Как в отрадной тишине
Мы топили горе наше
В чистом пенистом вине?
Помнишь ли друзей шептанье
Вкруг бокалов пуншевых,
Рюмок грозное молчанье,
Пламя трубок грошовых…

После лицея *«Пущин определился в гвардейскую конную артиллерию в Петербурге».* Затем *«поступил на службу в Московский надворный суд, участвовал в тайном обществе, был приговорен к смертной казни, которая была заменена каторжными работами. Пробыв в Чите и Петровском заводе до 1839 года, был водворен в Туринск, а затем через четыре года переведен в Ялуторовск».* (Вересаев В.В. Т.1 Стр. 80-82; Тимирязев В.А. Стр. 966).

[11] Декабристы. 86 портретов. Стр. 201.

Прижизненный портрет декабриста И.И. Пущина хранился в Томске. В 1925 году, когда шла подготовка к празднованию столетнего юбилея восстания на Сенатской площади, Томский краеведческий музей получил ряд уникальных документов. Бывшая ученица основанной декабристами Ялуторовской школы **Ольга Николаевна Балакшина** передала музею по просьбе заведующего губернским архивом **Николая Никитича Бакая** имеющиеся у нее документы о декабристах и запись своих воспоминаний.

«Несмотря на свои 86 лет, - говорилось в сопроводительном документе, - *О.Н. Балакшина сохранила подробные данные о быте декабристов, об отношении их к населению и*

населения к ним, об организации декабристами школы и преподавании в ней». Из документов особую ценность представляла ***музыкальная пьеса, написанная декабристом Пестелем накануне его ареста.*** *Пьеса эта хранилась декабристами как гимн. Названа она была Пестелем «Последние мысли»… Пьеса была разыграна в Томске и, по мнению слушателей, <оказалась> очень музыкальна».* Кроме того, томичи *«получили* ***портреты декабристов Якушкина, Пущина (с автографом), Басаргина, Оболенского и Муравьева-Апостола****...».*

Эти документы Ольга Николаевна хранила как семейную реликвию (ее отец, у которого жили декабристы, *«помогал сноситься письмами с Москвой, минуя полицейский надзор»)* и, читаем, *«была весьма довольна тем, что они попали в государственное учреждение, и станут достоянием истории».* (ТОИКМ Фонд декабристов оп. 4).

[12] **Г.С. Батеньков переписывался со многими декабристами.** Сохранились его письма к В.Ф. Раевскому, князю Е.П. Оболенскому, И.И. Пущину, А.П. Беляеву, барону В.И. Штейнгелю, Н.А. Бестужеву, И.Д. Якушкину и его сыну Евгению.

В томской ссылке он писал, кроме того, шефу III Отделения графу А.Ф. Орлову, покровителю и другу С.Т. Аргамакову, бывшему сотруднику по Сибирскому комитету К.Г. Репинскому, И.В. Киреевскому, издателям А.А. Краевскому и Ф.В. Булгарину, генералу Я.Д. Казимирскому и некоторым другим.

[13] Из письма И.И. Пущину от 3 ноября 1847 года. Сочинения и письма. Стр. 230.

[14] По версии И.Т. Лозовского, **хозяйка дома встретила И.И. Пущина в отсутствие Г.С. Батенькова и, ожидая, поведала о его томской жизни.** Рассказала, что *«со всеми он…ровен и приветлив, но не особенно разговорчив. Всё слушал да помалкивал. В городе его любили и уважали. Многие помнили его еще молодым, в годы его службы в Томске… Сам губернатор Аносов, заверила хозяйка, относится к Батенькову с большим уважением. Время от времени Гавриил Степанович бывает у губернатора дома…».* (Стр. 292)

Но вряд ли А.М. Лучшева стала раскрывать *«сердечные тайны жильца»,* говорить о бывшей его невесте **Полине Аргамаковой.** И рассказ о жизни Г.С. Батенькова на хуторе, приведенный далее, во время приезда И.И. Пущина не мог состояться: строительство загородного дома развернулось позже – судя по письмам, в начале пятидесятых годов.

Трудно предположить и то, что декабристов *«занимала участь нового поколения революционеров»,* что беседа их касалась *«стремительно развивающихся в мире событий», «надежд на скорые социальные и политические перемены».* (Брегман А.А. Стр. 81). Подобные мысли в то время мало занимали Г.С. Батенькова, для него был характерен другой настрой. Его заботила *«не идеология новых революционных кружков»* и уж, конечно, не *«задачи социального и политического переустройства»,* а «философия жизни», волновали сложные мировоззренческие вопросы.

[15] **Строки из ежегодного отчета городской полиции:** *«Гавриил Степанович Батеньков занимается чтением книг, ведет себя хорошо, в образе мыслей скромен. Гражданами и духовенством за честный и кроткий нравы, прямой и благородный образ мыслей любим и уважаем… Охотно занимается домашним хозяйством. Имеет склонность к строительному искусству и < соответствующие > познания».* (ГАТО ф. 3 оп. 2 д. 513 л .28).

Следующая запись относится к 1851 году, когда в Томске под надзором полиции состояло уже 11 человек. Г.С. Батеньков проходил в списке под первым номером, и имел самую подробную, самую благожелательную характеристику: *«Из подполковников. Прикосновен к преступлению 14 декабря 1825 года. Прибыл в Томск из Санкт-Петербурга в марте месяцев 1846 года и находится в Томске под надзором полиции. Семейства не имеет. Вследствие пятилетнего надзора полиция находит, что Батеньков охотно занимается домашним хозяйством. Имеет склонность к строительному искусству, много*

читает. Отличается кротким нравом. Любит за важность церковный обряд и выполняет его как религиозный христианин». (ГАТО ф. 3 оп. 36 д. 196 л. 25).
И позже в полицейских отчетах появлялись подобные записи. *«Батеньков,* - читаем, - *ведет себя отлично, занимается чтением книг. Получает пособие от казны 114 р. 28 ½ коп. в год».* (Там же. Л .88).
Из прочих государственных преступников, состоящих под надзором, следует отметить отставного штабс-капитана Федора Варфоломеева, сосланного за невыполнение присяги. Кроме него отбывали в Томске ссылку польские дворяне Антон Оржешко, Иосиф Малецкий, Людвиг Кшиневский, Феликс Ивашкевич и другие.
[16] Отрывок из воспоминания И.И. Пущина о жизни декабристов в Ялуторовске. (Тимирязев В.А. Стр. 961).
[17] Там же. Стр. 962.
[18] Там же. Стр. 961.
Ялуторовская колония декабристов была больше, но к тому времени Враницкий и Ентальцев умерли, барон Черкасов был сослан на Кавказ, а Басаргин, напротив, еще не приехал… Пущин ***«вел жизнь тихую, ничем не занимался, кроме чтения книг.*** *Переводил записки Франклина и историю Паскаля. Лечил местных жителей, заботился о благе местного населения».* (Там же. Стр. 966).
[19] ***«Я смотрю не иначе на Сибирь, как на Американские Штаты,*** - писал И.И. Пущин. *– богата она всеми царствами природы. Измените несколько постановлений – всё улучшится… Народ здесь смышленый, за малыми исключениями довольно образованный, сравнительно с Россией; не встречается большой нищеты, живут опрятно, дома очень хороши, едят как нельзя лучше».* (Соколов В.Н. Стр. 204).
Сходные мысли высказывали некоторые другие декабристы. *«Нет никакого сомнения, что она <Сибирь> мало бы уступала Соединенным Американским Штатам в быстрых успехах материального и политического значения»,* - отмечал Н.В. Басаргин. *«Сибири, может быть, предстоит в своем роде назначение Северной Америки, куда также за политические и религиозные мнения, волею и неволею, переселялись изгнанники, и <где> молитвою и трудами вызвали в новом мире все те блага, коих так долго, так тщательно ищет мир старый и опытный»,* - вторил барон А.Е. Розен. (Там же. Стр. 204-205).
Г.С. Батеньков сравнивал разбогатевший на золоте Томск с американским Сан-Франциско. Но, имея печальный опыт сибирских преобразований, не думал, как И.И. Пущин, что *«все улучшится»* благодаря *«нескольким постановлениям».* Большое значение в связи с этим он придавал **развитию нравственности, воспитанию и просвещению сибиряков.** И тут роль декабристов, живших на поселении, как отмечали многие, была действительно огромна. О взглядах Г.С. Батенькова на будущее Сибири и его томских проектах писал В.Г. Карцов. *«Решительно высказываясь за единство Сибири с Россией,* ***декабрист вместе с тем оставался горячим поборником федеративной системы управления*** *как более гибкой и соответствующей требованиям жизни... <Он полагал, что> для рационального развития Сибири нужно управление с учетом ее местных особенностей. Помимо всего прочего, это необходимо для того, чтобы «охранить» народы Сибири…»,* - отмечал исследователь. (Карцов В.Г. Стр. 193).
[20] **Шелехов Григорий Иванович** – известный русский путешественник; один из основателей Российско-Американской акционерной компании.
В 1775 году поселился в Охотске, снарядил судно «Святой Павел» для промысла ценного пушного зверя и отправился на Алеутские острова, а следом к берегам Японии. Заложив собственную верфь, построил в 1784 году три галиота и вновь отправился к берегам Америки. Об этом двухлетнем плавании написал книгу, которая была издана в Петербур-

ге. *«Книга содержала большой фактический материл о начале заселения Аляски и Калифорнии русскими».* Григорий Шелехов, будучи первым исследователем флоры и фауны Алеутских островов и Аляски, уделял много внимания изучению природы - еще и поэтому книга имела большое научное значение. Заслуга Г.И. Шелехова кроме того, состояла в подробном описании 23-х островов Курильской гряды, Алеутских островов и побережья Аляски, в описании быта и нравов курильцев и алеутов.
Г.И. Шелехов *«строил обширные планы по разведению в открытых им землях землепашества и скотоводства. Он привез с собою коз, свиней и кур, семена огородных растений, ржи, ячменя, проса».* Добивался укрепления среди туземцев русского влияния. Готовил *«проект организации мощной монопольной компании по эксплуатации природных богатств Аляски».* Приехав по приглашению Екатерины II в Петербург, удостоился получить из рук императрицы золотую медаль, шпагу, осыпанную алмазами, и похвальную грамоту. Но проект «монопольной компании» Екатерина отвергла по политическим соображениям. Тем не менее, в 1793 году благодаря Г.И. Шелехову *«в ожесточенной борьбе с конкурентами»* была создана Северо-Американская компания, под контролем которой оказалась вся Алеутская гряда и северо-западное побережье Америки. А через два года, в июне 1795 года, основатель компании заболел и скоропостижно скончался в возрасте 48 лет. Похоронен в Иркутске. (Адамов А. Стр. 69-81).
[21] Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. Стр. 88.
Упоминание о дяде, служившем у Шелехова, находим в другом месте «Повести*». «Классическою моею книгою*, - указывал Г.С. Батеньков, - *был географический атлас, подаренный дядею».* (Там же. Стр.100).
[22] В декабре 1824 года, получив отпуск, Г.С. Батеньков отправился в Москву, где познакомился с **директором Российско-Американской компании И.В. Прокофьевым,** который жил в Петербурге в одном доме с К.Ф. Рылеевым, секретарем компании. Знакомство *это «способствовало сближению Батенькова с членами тайного общества. Он стал частым гостем в доме Российско-Американской компании на Мойке, где жили ее служащие. Здесь бывали братья Бестужевы, останавливался… В.И. Штейнгель, собирались у Рылеева все члены Северного общества».* (Брегман А.А. Стр. 41).
Позже, когда Г.С. Батеньков из-за доноса лишился должности, он начал вести переговоры с Российско-Американской компанией, которая *«предложила ему стать* ***правителем ее колоний «на Восточном океане».*** *Переговоры действительно были почти завершены – он обязывался служить пять лет за 40 тысяч рублей в год. Но это оглашение предназначалось прежде всего для петербургской публики. Батеньков стремился этим поступком избежать небезопасных пересудов, которые могли возникнуть в связи с его скоропалительной отставкой, названной им «деспотической мерой»*… и не спешил ехать на Восток, *«рассчитывая получить более спокойное место в столице».* (Там же. Стр. 48).
[23] Из письма К.Г. Репинскому от 6 июля 1850 года (Сочинения и письма. Стр. 259).
[24] Из письма А.П. Елагиной от 24 мая 1849 года (Там же. Стр. 247).
[25] Из письма И.И. Пущину от 3 ноября 1847года (Там же . Стр. 229-230).

IX

[1] **О мистическом значении чисел для масонов,** приверженность к которым до конца своих дней сохранил Г.С. Батеньков, писали А.Н. Пыпин и другие исследователи. В.И. Сахаров связывал это с *«влиянием древних сект»* и каббалистов, с использованием бога-

того *«эзотерического опыта Востока»,* отмечал родственность для масонов аллегорического языка, *«иероглифических знаков»* и чисел. (Сахаров В.И. 25-27).

[2] **Ольга Павловна, вдова младшего брата Епинета Ивановича Лучшева,** воспитывала двух сыновей, Константина (Коку) и Анатолия – имена их не раз встречаются в письмах Г.С. Батенькова. По всей вероятности, в доме Николая Ивановича какое-то время жила и семья Александра Лучшева. (Комментарии к письмам. Стр. 478).

[3] Из письма С.Т. Аргамакову, начало1850 года. (Сочинения и письма. Стр. 254).

[4] **Предстоящему строительству полностью посвящено письмо Н.И. Лучшеву, написанное летом 1849 года.**

«Постройка жилого флигеля, - сообщает Г.С. Батеньков, - *отнюдь не начата… 15 тысяч кирпича и 12 сажень камню все равно, что наличные деньги, ибо заготовлены своевременно и <при необходимости> всегда могут сойти с рук без убытку, сколь не с выгодою».*

А дальше, буквально по пунктам, извещает о хозяйственных делах, связанных с намечаемой постройкой. Из письма видно, что денежную помощь в строительстве поспешил оказать **И.Д. Асташев**, прислав из Петербурга 500 рублей, но эти деньги Г.С. Батеньков, из каких-то соображений, не очень-то хотел использовать. *«Он человек сторонний от нашей жизни и может принять это не так, как я вижу, а лучше ежели отдадим <эти деньги> безмолвно после оборота почт, как будто бы я сам занимал»,* - пишет Г.С. Батеньков. (Сочинения и письма. Стр. 249-250).

[5] Там же. Стр. 251.

[6] Как видно из документов, **Г.С. Батеньков получал от казны скудное пособие в размере 114 рублей 28 ½ копеек ежегодно**. Хотя другие томские ссыльные вынуждены были хлопотать даже о таком незначительном пособии. Испытывая бедственное положение, они обращались с просьбой начислить или же увеличить казенное содержание.

Так, **Владислав Янковский***, «поселенец из политических преступников», «освобожденный из Киреевского винокуренного завода»,* писал управляющему губернией: «Не имея никаких средств для содержания себя, осмеливаюсь обеспокоить… всепокорнейшею просьбою соблаговолить исходатайствовать мне предоставленное политическим преступникам вспомоществование». С такой же просьбой обращался к властям ссыльный **Людовик Войтасинский,** который, *«имея 60 лет от роду и расстроенное здоровье»,* был *«не вилах доставить себе пропитание, и никакой помощи от оставшихся в Царстве Польском родственников»* ожидать не мог. (ГАТО ф. 3 оп. 2 д. 599 л 1-4).

В то же время декабрист **Павел Выгодовский**, живший на поселении в Нарыме, получал годовое пособие в размере 51 рубля 14 ¼ копейки. Вероятно, вследствие того, что имел незначительный земельный надел, якобы способный его прокормить, хотя земледелие в условиях Севера мало эффективно. (Там же. Стр. 29 об). Но ни он, ни Г.С. Батеньков не беспокоили губернские власти просьбами об увеличении казенного *«вспомоществования».*

[7] Из письма С.Т. Аргамакову, отправленному в начале 1850 года. (Там же. Стр. 254).

[8] Там же.

Высказывая эти мысли, **Г.С. Батеньков сообщал, что действительно решился отделиться от Лучшевых,** но удержал его *«Иван Дмитриевич <Асташев>, рассмотрев, что значение его в Сибири не совсем забыто, и что скромный быт его благоразумно тому <его положению> соответствует и должен быть поддержат доселе, что спуститься с него было бы оскорбительно дружбе…».*

[9] Из письма А.П. Елагиной от 18 января 1848 года. (Там же. Стр. 233).

«Быть с тобою, хотя и в разлуке, для меня больше всех потребностей. *Измеряя свой крест, я вижу на нем твое дружеское участие как единственный бальзам на мои незажившие раны»,* - находим признание Авдотье Петровне в том же письме. (Стр. 232).

[10] Батеньков Г.С. А.П. Елагиной (Илюшин А.А. Стр. 130).

[11] **Орлов Алексей Федорович** – (1786-1861) государственный деятель, брат декабриста М.Ф. Орлова; участник подавления восстания декабристов. В 1844 – 1856 гг. шеф жандармов. В 1856 г. первый уполномоченный России на Парижском конгрессе. В 1856-1860 гг. председатель Госсовета и Комитета министров.

«В 1844 году шеф жандармов А.Ф. Орлов «нашел» потерянного всеми Батенькова и сообщил о нем Николаю. В ответ услышал от царя, что Батеньков содержится в крепости, так как был признан (?) сумасшедшим. Убедившись в абсолютной нормальности узника, засвидетельствованной врачами, Орлов напомнил царю, что все осужденные даже по первым двум разрядам, отбыв срок каторги, вышли уже на поселение и что «секретный» узник также заслуживает освобождения от крепости.

Посетив Батенькова «на правах родственника», Орлов разрешил выписать для него газеты и журналы. Он же порекомендовал ему изложить на бумаге все, о чем думал в период «откровения»… В 1845 году записки Батенькова были закончены. Они составили четыре тетради, которые сейчас хранятся в ИРЛИ. Но и на этот раз никто ими не заинтересовался. Однако положение заключенного изменилось: Орлов дал свои деньги на его содержание, а крепостное начальство выказывало ему «свою дружбу». 31 января 1846 года, спустя 20ь лет 1 месяц и 15 дней со дня ареста, Батенькову сообщили об освобождении из Алексеевского равелина и ссылке на поселение в Томск». (Брегман А.А. Стр. 77).

[12] Здесь и далее – из письма А.Ф. Орлову от 6 июля 1850 г. (Сочинения и письма. Стр. 257-259).

[13] **В одном из писем Г.С. Батенькову барон В.И. Штейнгель писал*:*** *«Сокрушает более всего, что не могу найти себе дела, которое бы дало кусок хлеба. Наняться в писцы в какое-либо присутственное место можно бы, но подыматься на 30-саженную гору два раза в сутки невмочь. Помощи ниоткуда верной: из Петербурга пишут, что сами в долги должны были войти… Остается одна надежда на Бога». (*Штейнгель В.И. Стр. 281).

[14] **Г.С. Батеньков был убежден, что ему было дано Откровение, что он услышал Слово Божие,** но *«это слово, как и ожидать надобно, не было ни принято, ни уважено. Оно произвело некоторое слабое сочувствие в высшем слое властей, к котором упрямо и относилось, но главное почтено сумасшествием и преступным покушением беспокойного ума».*

«Следующим образом, - продолжает Батеньков, – Слово было принято. В ноябре месяце 1827 года я стал чувствовать сильный пиитический восторг, непоколебимую веру Богу, стал выражать мысли обыкновенным размером стихов и ясно чувствовал, что это действие в душе высшей силы…» (Модзалевский Б.Л. Стр. 93).

«Мне представляется, что Батеньков опять желал и добивался какого-то использования начальством того ***дара «ясновидения»,*** *которого*

[15] Батеньков Г.С. Откровение. (Илюшин А.А. Стр. 128).

[16] Из письма К.Г. Репинскому, написанному после 6 июля 1850 года. (Сочинения и письма. Стр. 259-260).

[17] Там же. Стр. 259.

[18] Батеньков Г.С. Раздумье. (Илюшин А.А. Стр. 140-141).

[19] Русские пропилеи. Стр. 68.

[20] Там же. Стр. 69.

[21] Там же. Стр. 70.

X

[1] **Сосулин Степан Егорович** – богатый томский откупщик-виноторговец. *«На откупах и виноторговле он нажил миллионное состояние и, как «широкая натура», которыми так богата Русь, начал тратить деньги на широкую, открытую жизнь и различные затеи»,* - писал о нем А.В. Адрианов (Томская старина. Стр. 3).
Владел одним из крупнейших состояний в Томске. Имел мыловаренный, кожевенный и свечной заводы. В 30-40-е годы заводы Сосулина давали 8-10 тысяч пудов сальных свечей, а мыловаренный завод производил в год до 1000 пудов мыла (в 1957году завод сгорел). В 1859 году на предприятиях Сосулина было занято около 100 наемных работников. (Емельянов Н.Ф. Стр. 97).
[2] Сочинения и письма. Стр. 260.
[3] Там же.
[4] Там же. Стр. 263-263.
[5] **В середине XIX столетия Томск делился на два полицейских участка, которые, в свою очередь, дробились на 1254 квартала**. В городе насчитывалось 33 большие улицы, 38 переулков, 6 мостов. Благоустройство по-прежнему отставало, но было *«вообще замечено, что город год от году приходит в лучшее устройство. Улицы усыпаются хрящем и песком, канавы и тротуары при частных домах устраиваются и поддерживаются жителями на свой счет, а при домах, принадлежащих обществу, на счет городских доходов».*
В 1849 году казенных домов имелось 12 каменных и 4 деревянных, частных домов – 34 каменных и 1818 деревянных, торговых лавок – 202. (ГАТО ф. 2 оп. 1 д. 56 л. 329, 316, 335).
[6] **Зарисовку губернского Томска той поры находим у В.Н. Виноградского*:***
«Томск в пятидесятых годах был уже довольно большим городом, но грязным и мало устроенным. Большая улица шла почти через весь город и пересекалась грязною речонкой Ушайкою, чрез который был устроен деревянный неказистый мост; с этого места Ушайка шла параллельно улице, так что большая улица тут была застроена только с одной стороны.
Здесь были хорошие дома: вблизи моста был дом Захария Михайловича Цыбульского, знаменитого богача… в одном квартале с домом Цыбульского находился и дом Шумигиных; далее, делая небольшой изгиб, улица шла к Юрточной горе и тут направо на самом краю горы был дом Сосулина, а налево дом почтовой конторы и дом губернатора…
Всякий дивился на дворец золотопромышленника Асташева; на дворце красовались золоченные звезды громоотвода и вообще он выделялся своей величиной и отделкой… <Общественных> садов в городе не было, если не считать городской березовой рощи на окраине монастырской рощи, представляющей скорее заброшенный пустырь с несколькими деревьями. Грязь была непролазная!». (Стр.452-454).
[7] Сочинения и письма. Стр. 270.
[8] Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. Стр. 95-96.
По мнению С.Н. Баландина*, «нельзя классифицировать архитектурные формы сооружений»* ссыльного декабриста, как готические. ***«Все-таки в этот период на Батенькова более всего влияло романтическое течение в архитектуре****. Историко-археологическое воспроизведение стилей в этот период еще не было достаточно распространено в Сибири, да и сам Батеньков не знал достаточно архитектуру в плане*

воспроизведения чистоты стиля какой-либо эпохи. ***Многие его высказывания говорят об эклектичности его взглядов на архитектуру****».* (Баландин С.Н. Стр. 96).
А Г.Н. Потанин писал следующее: *«Может быть, архитектура была его призванием, развиться которой помешала его тяжелая болезнь»,* – имея в виду «душевное помрачение» в равелине. *«Его архитектурный вкус определился под влиянием детских наблюдений…».* (Потанин Г.Н. Стр. 73).
[9] Сочинения и письма. Стр. 266.
[10] Русские пропилеи. Стр. 79-80.
В одном из писем, адресованных А.П. Елагиной, читаем:
«Главное, ожидает нас вода. ***Величавая и быстрая Томь бывает крайне беспокойна в весеннее вскрытие.*** *И в обыкновенное половодье подымается на несколько аршин, и проникая по лощинам неровного местоположения нашего города, потопляет многие домашние строения; когда же при мелководье в известных местах между островами затрет лед до самого дна, тогда бывает действительно потоп. Для этих десяти дней, обыкновенно холодных и случающихся лет через десять, при земле мерзлой как камень и не совсем растаявших снегах, доводится все строения возвышать или огораживать неверными дамбами на большую длину и около двух сажень. Часто нет никакой возможности удовлетворить официальным требованиям красоты и строго держаться первоначальных планов и предположений, с их сметами.*
Все это задачи, ибо к несчастию наше жилье примыкает к низменности и болоту, а пришла крайняя нужда много построить, и потому уже жаль оставлять далее и один аршин земли в пустоте и негодности». (Русские Пропилеи. Стр. 70).
[11] Там же. Стр. 90.
[12] Сочинения и письма. Стр. 247.
[13] **Образованность и начитанность Г.С. Батенькова отмечал в воспоминаниях В. Н. Виноградский**. *«Отец иногда заезжал к Батенькову и беседовал с ним*, - писал он. – *Это был человек очень образованный, кругом него была масса книг, и он постоянно читал. Я, будучи мальчишкой, несколько боялся этого, на мой взгляд, сурового старика; мне помнится, он не только никогда не смеялся, но и не улыбался. Впрочем, это и не мудрено после страшных испытаний в жизни».* (Стр. 450).
[14] Из письма к А.П. Елагиной от 17 августа 1850 г. (Сочинения и письма. Стр. 262).
[15] **Томский кафедральный собор возводился по проекту академика Константина Андреевича Тона,** знаменитого в свое время архитектора, создателя так называемого псевдорусского стиля, имевшего при Николае I широкое распространение.
По его проектам возведен был храм Христа Спасителя, копией которого явился томский собор (сибиряки воспользовались альбомом Тоновских типовых чертежей), построены Введенская церковь в Петербурге и церкви в Воронеже, Новгороде, Петергофе, Царском Селе, Большой Кремлевский дворец и Оружейная палата в Москве, столичные вокзалы и некоторые другие сооружения.
[16] Сочинения и письма. Стр. 262.
В другом письме Г.С. Батеньков сообщал о катастрофе, уже ставя под сомнение невиновность строившего собор А.П. Деева:
«Кажется, я писал уже, что купол упал в Томске 26 июля. Может быть, самая концепция гениального художника не сообщима исполнителю, вышедшему не из его школы; может быть, также качество здешних материалов и жестокий климат физическим их действием одолевают геометрический строй и расстраивают равновесие. Велика еще задача для науки, и много ей потребно жизни…».
И дальше, в соответствии со своими убеждениями, **размышляет о «метафизических» причинах падения купола**: *«Сказать легко, что тут божие наказание, божий гнев; но*

чтоб это было разумно, надобно еще найти такой грех, который бы влек за собою полную меру законов природы, дабы судящая воля могла стать свободно выше их. Оно так как-то, но точно непостижимо. Нам остается в таких катастрофах видеть только и без того бедную сторону нашей слабости и невежества». (Сочинения и письма. Стр. 264-265).

[17] Там же. Стр. 265.

[18] Там же.

[19] Русские пропилеи. Стр. 64-65.

[20] Сочинения и письма. Стр. 265.

[21] Карцов В.Г. Стр. 189.

[22] **По мнению А.А. Брегман, ссыльный Г.С. Батеньков пользовался репутацией хорошего инженера и *«часто получал заказы на проектирование дач и особняков»*.** (Стр. 78). Но документального тому подтверждения обнаружить не удалось. *«Своих больших знаний и опыта, как инженера и строителя, Батеньков не применял за этот период в жизни в Томске*, - полагал А.В. Адрианов. – *Единственной большой работой его такого рода остается «Степановка», где все первые постройки, как церковь, дача Сосулина и все другие его постройки возведены по плану Батенькова и под его руководством»*. (Томская старина. Стр. 32).

Некоторые исследователи оспаривают даже строительство загородной усадьбы С.Е. Сосулина, поскольку **подтверждения авторства тут имеются, скорее, косвенные.** «*В краевом музее Томска хранится альбом рисунков архитектурного характера, частично приписываемых Батенькову. Но до тех пор, пока специалисты не выскажут своего мнения по этому поводу, дать точное заключение об альбоме нельзя, так как он не датирован и нет подписи»*. (Бакай Н.Н. Стр. 47).

XI

[1] В письме к С.Т. Аргамакову, написанном в начале 1850 года, **находим одно из немногих упоминаний о Полине Трофимовне.**

«Жизнь твоей семьи не представляет никакой аномалии с жизнью почтеннейших домов в городе, - сообщал Г.С. Батеньков. – *Была всегда нравственно строга и стоит незыблемо на корню, оставленном родителями»*.

И дальше: *«Всем известно, что сестра не имеет никаких собственных средств и зависит в этом от брата, уделяющего ей по родственной любви даже и из того, в чем отказывает самому себе, не будучи неимущим, но не обладающим богатствами в современном, роскошном значении этого слова, -– такое понятие установлено самою ею, и она высказывает себя всегда зависимою, ограниченною, но довольною»*. (Сочинения и письма. Стр. 253).

[2] **Все годы, живя в Томске, Г.С. Батеньков показывал пример благочестия, исправно посещал храм**. *«Я все дни молился: не пропустил ни одной церковной службы,* - писал он А.П. Елагиной, - *молился о тебе, и заключаю светлые дни упованием»*. (Сочинения и письма. Стр. 269).

В другом письме, написанном в канун пасхи, читаем: *«Неделю поклоняемого креста я кончил причащением; молюсь и в настоящую неделю креста болезненного… Мысль занята теперь одним, чтобы собрать все, что посеяно в душе благочестивого. Я люблю эти святые дни, и как-то жаль, что они кратки. В нынешний год еврейская пасха почти совпадает с нашею. Так точно было и в Христово время. Впечатление удвояется, как будто бы страдание и воскресение теперь и происходит. Тут перед глазами агнец и*

опресноки; тут и крест. Факт писания очевиден, а осьмнадцати вековая его торжественность явно свидетельствует, что и внутренняя истина несомненна». (Русские пропилеи. Стр. 90).

[3] Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. Стр. 93.

[4] Сочинения и письма. Стр. 261.

[5] Там же. Стр. 274.

[6] Русские пропилеи. Стр. 79.

[7] Там же. Стр. 89.

«Восходит, заходит и паки восходит солнце, говорит Соломон. Правда. Но чувство наше возходит единожды; померкнет, закатится и не взойдет. Нельзя однако же согласиться на его уничтожение, - писал Г.С. Батеньков. – *Ум нечто вечное, неразрушимое; бодрствует, стремится и вероятно воспарит. Свободный и чистый. Как его исток, лучше и познает, что такое быть, когда вольется в океан своей Причины.*

Я не мастер на материальные розыски в природе. При всем старании следить, что об этом пишут, всегда выходит у меня в результате бездушный механизм. Во всей громаде опытов Парижских Академиков, во всем обилии цифр, добытых изумительно-остроумными инструментами, не вижу ровно никакого изъяснения. ***Мне Бога надобно; чтобы понятие его бытия было единственным светильником, а где он скрывается, там и не могу ничего видеть…».*** (Русские пропилеи. Стр. 91).

[8] Батеньков Г.С. Тюремная песнь. (Илюшин А.А. Стр. 108).

[9] Это описание жилья Г.С. Батенькова сохранилось в письме к Екатерине Ивановне, дочери Авдотьи Петровны Елагиной. (Сочинения и письма. Стр. 381).

[10] Из письма А.П. Елагиной от 16 октября 1850 года.

«Живу преимущественно воспоминаниями, - *указывал Г.С. Батеньков. – По крутому повороту моих чувств вся жизнь от детства представляется вдруг и настоящею, как строки книги, мною прочитанной. Забытое считаю ненужным и всегда рад, когда вновь забуду. Возраст уже преклонный, но представляется кратким, почти однодневным… Встречаясь с людьми, которых давно знал, начинаю приветствие и разговор, как в бывалое время, и всегда почти выходит неловко. Вскоре, приметив страшную метаморфозу от лет, я подвергаюсь полному удивлению, и едва-едва могу войти в приличную колею и впить в себя то и другое количество, накопившееся от времени и обстоятельств…».* (Сочинения и письма. Стр. 267-268).

[11] Из письма И.В. Киреевскому от 3 июня 1853 года. (Сочинения и письма. Стр. 274-275).

[12] Батеньков Г.С. Стихотворение, сочиненное в Алексеевском равелине. (Илюшин А.А. Стр. 115).

[13] *«Поверишь ли,* - сообщал Г.С. Батеньков «ангелу-хранителю» А.П. Елагиной, - ***мне часто жаль бывает своего прежнего совершенного уединения****. В нем недоставало только беседы с другом, а я тогда немного меньше знал тебя и о тебе, и не преодолял это препятствие, а мог бы чрез полное напряжение сил, в несравненной степени более нынешнего тогда во мне сосредоточенных. Я не знал еще слабости и немощей, надпоминающих возраст и подводящих итог неправильностям прошедшей жизни. Хорошо знаю я, что дух наш пребывает в пространстве стихии, проникающей вполне все вещественные затворы…».* (Сочинения и письма. Стр. 277).

[13] Батеньков Г.С. Раздумье. (Илюшин А.А. Стр. 141)

[15] Русские пропилеи. Стр. 75.

[16] Там же.

[17] Сочинения и письма. Стр. 262.

«Дети меня любят, и все без изъятия зовут родным дедушкой, - указывал Г.С. Батеньков в другом письме Авдотье Петровне. И добавлял, повторяя старую мысль: *«Вот*

бы мне было житье, если б я каким-нибудь волшебством очутился в кругу истых твоих и моих внуков…». (Там же. Стр. 268).

[18] Сочинения и письма. Стр. 262.

«Дети меня любят, и все без изъятия зовут родным дедушкой», - указывал Г.С. Батеньков в другом письме Авдотье Петровне. И добавлял, повторяя старую мысль: *«Вот бы мне было житье, если б я каким-нибудь волшебством очутился в кругу истых твоих и моих внуков…».* (Там же. Стр. 268).

[19] Там же. Стр. 92.

«Не смею думать, - продолжает Г.С. Батеньков свою мысль, - *что лучше было бы, если б мы меньше чувствовали и меньше знали. Ибо это значило бы отказываться от жизни и порицать свет.* ***Все, что в нас втекает или возникает, уже сливается с нашим бытием, и уничтожение возможно только самому Творцу. Всяко уже должно терпеть самого себя****...».*

XII

[1] Сочинения и письма. Стр. 269-279.

[2] Там же. Стр. 380.

[3] Там же. Стр. 381.

[4] **Потребность жить интересами словесности ощущали в Сибири многие декабристы**: они писали критические произведения, развивали правила русского языка. Князь **Федор Шаховской,** живущий в Енисейске, прислал губернатору *«экземпляр своего сочинения»* о русском языке, а через неделю отправил новую работу. Оба сочинения попали к генерал-губернатору Восточной Сибири А.С. Лавинскому, *который «не нашел в этих сочинениях ничего недозволенного»* и, в свою очередь, счел нужным ознакомить с ними шефа жандармов генерал-адъютанта А.Х. Бенкендорфа. (ГАТО ф. 417 оп. 1 д. 6 л .2 об).

В 1832 году в журнале «Московский телеграф» были напечатаны стихи декабриста **Николая Чижова***, «в чем он сам и сознался»,* после того, как *«учинено было дознание».* (ГАТО ф. 417 оп. 1 д. 13 л .2).

Особенно серьезно занимался литературой **В.И. Штейнгель**. *«Находящийся на поселении… государственный преступник Штейнгель,* - сообщал в Петербург новый генерал-губернатор Семен Броневский. - *Прислал ко мне три письма к издателям «Северной Пчелы» со своими замечаниями… с просьбой напечатать… и <изъявил желание>* ***впредь посвящать свои литературные занятия отечественной словесности****…».*

Послание В.И. Штейнгеля начиналось словами: *«У нас нередко достается иностранцам за ложные изыскания, сообщаемые о России, - и поделом! Но, укоряя их, надобно бы самим быть точнее… и взыскательнее. Несколько лет занимаясь чтением всего, что выходит из-под пера, мы встречали в книгах и журналах разные промахи… и довольно грубые, которые оставались в других журналах вовсе незамеченные...».* (ГАТО ф. 417 оп. 1 д. 21 л. 1об , 8).

Но Г.С. Батеньков рассуждал не только о словесности, он писал статьи о Сибири, пытаясь издать их с просьбой «избавить от всякой гласности». Сохранилось его письмо **А.А. Краевскому, издателю «Отечественных записок»,** где он предлагал (от имени коллежского регистратора А.И. Лучшева) *поместить «случайно доставшуюся рукопись неизвестного автора»* (Сочинения и письма. Стр. 271-272).

[5] Из письма А.П. Елагиной от 9 февраля 1849 года. (Русские пропилеи. Стр. 60).

[6] Там же. Стр. 60-61.

[7] Там же. Стр. 62.

Сходные мысли выражал Иван Киреевский. *«Еще в первой половине XIX века*, - писал он, - *чисто литературные интересы были одной из пружин умственного развития народов; великие поэты производили великие сочувствия; различия литературных мнений производили страстные партии; появление новой книги отзывалось в умах, как общественное дело. Но теперь отношение изящной литературы к обществу изменилось…* ***При множестве стихов… нет поэзии, незаметно даже ее потребности…***

Прежде мы гонялись за стихом, за фразою, за мечтою, теперь ищем существенности, науки, жизни… Мне жаль прежней неприменяемости к делу бесполезной литературы. В наше время изящную словесность заменила словесность журнальная… Везде мысль подчинена текущим обстоятельствам, чувство приложено к интересам партии, форма приноровлена к требованиям минуты». (Гофман В. Стр. 1-2).

[8] Из письма И.И. Пущину от 3 ноября 1847 года. (Сочинения и письма. Стр. 229).

[9] Их письма И.И. Пущину от 17 марта 1848 года. (Сочинения и письма. Стр. 236-237).

Размышление Г.С. Батенькова о состояние русского языка находим также в письме А.П. Елагиной от 24 марта 1849 года:

«Вообще в последнее время медицина доставила литературе много ясных фраз… логика может иметь уже свой лексикон и подвинуться к соображению категорий слов, фигур и тропов; в этом и сущность математического метода. Правда, слог еще пестр и неровен; но нам, русским, бояться нечего, сколько потому, что мы… разделяем корысти, собираемые в готовых цивилизациях, столько и потому, что имели уже опыт и входа и выхода <иноземного влияния>. Теперь то же повторяется, что было при Петре».

И дальше: *«Гнушаться экзотическими пересадками не значит ли отказываться от благодеяний своего климата и почвы… Пятьдесят лет теперь громады в движении и болезни. Они же родят, бог даст понятие, и наука узнает, чего искала. А понятию всегда сопутствует слово,* ***посему Пушкин и Жуковский не останутся последними из говорящих».*** (Сочинения и письма. Стр. 249).

[10] Сочинения и письма. Стр. 272.

[11] Там же. Стр. 273.

«Оказавшись в Сибири, декабристы… не возненавидели край, ставший для них местом ссылки. Великие сибирские просторы они рассматривали не как гиблое место… а как неотъемлемую часть родной земли, такую же дорогую и русскую, как и любой район Европейской России» (Габов Г.И. Стр. 95).

[12] Русские пропилеи. Стр. 80.

Дальше Г.С. Батеньков берется рассуждать об истории Сибири, которая, в его понимании, «проста и рациональна»:

«Сначала богатые здешние промыслы были главным двигателем и производили северное население, северные пути; потом соприкосновение с Китаем на протяжении трех тысяч верст, безопасною и мирною границею…<давало> достаточное богатство, транзитом оживляющее необъятную страну. Далее разработка северных руд, сближение с кочевыми пастушескими народами и с промышленностию средней Азии населили южную часть. Наконец золотые прииски соединили Юг и Север, и стерли Азиатский характер… Орбита Сибири явно означила оба свои фокуса. В перигее (относительно России) растет ея народонаселение; в апогее материальный балласт и точка опоры всех дел. В целом – это маховое колесо для движения неизмеримого нашего отечества и необходимая черта его величества». (Там же. Стр. 81).

И вновь приведем высказывание В.Г. Карцова*:*

«Взглянув на Сибирь на новом этапе ее развития, Батеньков меняет свой взгляд на нее. ***Он убеждается, что Сибирь «составляет не колонию в обыкновенном значении сло-***

ва», *а «действенное протяжение России к востоку»… Батеньков понял, что в отличие от большинства колоний западных государств, насильно удерживаемых метрополиями, Сибирь связана с Россией «всеми своими интересами»… Но чтобы окончательно «утвердить Сибирь, как верную спутницу России», надо изменить ее состояние, сделать ее «образованной и прогрессивной» и этим «еще раз присоединить» уже единое целое с самой Россией».* (Стр. 192-193).

[13] Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. Стр. 98-99.

[14] **В 1851 году население Томской губернии составляло 621114 человек**. По числу жителей Тобольская (934866 человек) и Иркутская (656841) губернии превосходили Томскую, но ежегодный прирост последней составлял около полутора процентов (хотя Барнаул рос более быстрыми темпами). Всего в Сибири проживало тогда 2,6 миллиона человек. Крупнейшим сибирским городом оставался Иркутск (16795 жителей), затем шел Тобольск (15359) и следом Томск (13511). Дальше, по убывающей, Омск, Барнаул, Тюмень. ((Щеглов И.В. Стр. 547).

[15] Из письма А.П. Елагиной от 12 января 1849 г. (Летописи… Стр. 27-28).

О философском значении «света», который у Г.С. Батенькова противопоставлен «тьме», упоминал Г.Н. Потанин, анализируя детские впечатления декабриста. Когда Г.С. Батеньков впал в религиозный экстаз, *«перед его глазами как бы возникла оси, которая разделила видимый мир на две симметричные половины, правую и левую, светлую и темную, и его самого поставила лицом к светлой половине**; так он до старости и остался обращенным к свету»***.** (Потанин Г.Н. Стр. 72).

[16] **По поводу проектов развития экономики и общественных отношений Сибири,** которые составлял Г.С. Батеньков, размышлял в своей книге В.Г. Карцов:

«Батеньков был не таким человеком, чтобы писать ради писания. Он не столько теоретик, сколько практик. Его кипучая натура жаждала деятельности. В ожидании полного переворота в жизни России, он по-прежнему стремился правдами и неправдами проталкивать в жизнь свои проекты. Он пытался их издавать в печати… Так, опубликованные им проекты дорожного строительства в Сибири даже получили несколько откликов в печати. Он также… разрабатывал новый, а вернее воссоздавал свой старый, первоначальный… проект реорганизации ссылки и борьбы с преступностью, очевидно, тоже предназначенный для представления А.Ф. Орлову». (Стр. 193-194).

«Сквозь туманность и явную намеренность завуалировать ***нельзя не видеть в Батенькове крупного мыслителя,*** *подобно М.А. Фонвизину, Н.а. Бестужеву и другим, отдавшим дань новейшим для того времени общественным теориям»* (Брегман А.А. Стр. 82).

[17] Из письма А.П. Елагиной от 16 октября 1850 г. (Сочинения и письма. Стр. 267).

[18] Сочинения и письма. Стр. 275-276.

[19] Там же. Стр. 275.

[20] Батеньков Г.С. К математике. (Илюшин А.А. Стр. 125).

XIII

[1] ***«…Любуюсь простым розовым цветом, которым в нынешнюю весну роскошно покрылись окрестности города****, и с осторожностию от шипов наполнил не одну корзину нащипанными листочками для домашнего употребления. Не ем я сладкое, <но> из всех вареньев люблю только розовое, ежели по моему вкусу приготовлено. Оно как-то по-моему и благовонно…,* - писал Г.С. Батеньков «дорогой сестре» А.П. Елагиной.

И дальше: *«Лето наше наступило хотя очень поздно, но ведет себя как прилично честному лету. Тихое свежее утро с росою, жаркий полдень, вечером дожди и гром весьма благоприятны… В миниатюрном моем хозяйстве озимы уже околосились, травы манят косу, огородная зелень раскидывается, цветет, и огурчики завязываются. Земляника, редиска и салат являются и на стол, а это мое лакомство и сытная пища. Купаюсь ежедневно и был бы бодр, если б только ноги… Ах, мои бедные ноги, они, кажется, прежде всего откажутся служить, явно-то от ран, а может быть, есть и другие причины. Убийственный наш климат всех наделяет ревматизмом…».* (Сочинения и письма. Стр. 277-278).

[2] А.М. Прибыткова, писавшая об архитектурном наследии декабриста, убеждала, что **альбом рисунков, который сохранился в Томском краеведческом музее, приписывают Г.С. Батенькову небезосновательно**: *«Дом в Степановке имел значительную общность с некоторыми проектами в альбоме по характеру архитектуры, а в отдельных деталях наблюдается полное подобие».*

О самой усадьбе, которую автор статьи в двадцатые годы успела застать и выполнить план здания, говорилось: *«Бревенчатый дом с мезонином находился в живописной местности на берегу реки Ушайки, привлекая внимание сложным силуэтом, острыми фронтонами и шпилями».* (Стр. 212-213).

[3] ***«Сосулинские сооружения в Степановке характеризуются сочетанием многочисленных элементов****, различных по происхождению, заимствованных и из русского народного зодчества, и из каменной русской архитектуры XVII века, русского классицизма(ампира), и из местного татарского деревянного зодчества. К последнему относятся цветные витражные стекла, шатровообразные завершения эркеров, килевидные очертания окон…».* (Баландин С.Н. Стр. 97).

Этот же автор описывает проект другого здания, **Красноярского благородного собрания,** построенного, предположительно, по проекту Г.С. Батенькова: *«Одноэтажный дом … в жестких и типичных формах николаевского классицизма…»* (Там же).

[4] *«Здесь же,* - писал А.В. Адрианов, - *был возведен* ***целый ряд построек для заводов: мыловаренного, свечного и кожевенного, и помещения для рабочих,*** *которых, по словам И.Л. Фуксмана, сосредоточивалось здесь до тысячи человек. Затем была построена деревянная церковь, устроены оранжереи с фруктовыми деревьями, грот, горы для катанья.*

Жизнь, было такое время, кипела здесь. На заводах шла работа… а в хозяйском доме шло шумное веселье массы наезжавших из города гостей, пользовавшихся широким гостеприимством ничего не жалевших хозяев. Для удобства гостей от этой дачи и до Сосулинского дома в городе… весь путь освещался по вечерам развешанными фонариками. Этот уголок и получил название Степановки, по имени хозяина». (Томская старина. Стр. 3).

[5] **Рисунок церкви и план местности выполнил томский краевед Петр Хандорин**. Изображение западного фасада церкви опубликовано в альманахе «Сибирская старина». Там же помещены уникальные фотографии самой церкви и купеческой усадьбы, сделанные профессором Н.И. Карташевым. «На обороте снимка, - читаем, - рукою Николая Ивановича Карташева написано*: «Церковь, построенная по проекту Батенькова. 1912 год».* (Казачков А. Стр. 6-7).

[6] ***«Завтра понесут из города образ Спасителя****, - сообщал в письме Г.С. Батеньков, -* ***и масса народа двинется провожать до Басандайки****. Из окрестностей это самое лучшее место, в 9 верстах отсюда <то есть от города>. В бытность мою здесь, за 34 года прежде, оно было пусто, и мы езжали туда на летнюю прогулку, потому, что оно нравилось еще молодому тогда Федору Ивановичу Попову. Впоследствии, когда он сделался*

знаменитым, чрез открытие в Сибири золотых приисков, обратилось и место им любимое в прекрасную дачу, и украсилось каменною церковью. Недавно еще Поповы, по старинному русскому обычаю, в доме и на лугах, угощали огромное число богомольцев… Теперь многое уже не так. Дела Поповых затруднились – а с тем вместе и праздник лишился торжественности и обилия». (Русские пропилеи. Стр. 92).

[7] *Описание церковных праздников, которые оставил П.В. Хандорин, очевидно,* ***следует соотнести с каменной церковью, упоминаемой Г.С. Батеньковым.***

«В дни богослужений звон колоколов церкви был слышен в ближайших деревнях Хайдуковой, Куташевой и на станции Томск I, - вспоминал краевед. – *Стечение больших масс народа около этой церкви наблюдалось* ***в дни встреч и проводов «чудотворных» икон****, приносившихся в город из сел Спасского (Коларово) и Ярского… Горожане в эти дни массами шли сюда пешком и ехали на массовое гулянье. На лошадях везли бочонки с домашним вином или брагой. Они располагались справа от церкви по склону горы и под горою, не доходя болота, на зеленом лугу, окаймленном с востока и юга зарослями черемухи. На этом лугу предприимчивые люди разбивали палатки, ставили столы, лавки. Подавали чай, блины, оладьи, вареные яйца, кренделя, пряники…».* (Казачков А. Стр. 6-7).

[8] В доме С.Е. Сосулина ***«окна зала имели луковичное очертание,*** *в угловых комнатах эркеры застеклены в косую решетку, некоторые окна – с наличниками фигурного абриса»,* - указывала А.М. Прибыткова, и приводила проект окна: *«На проекте стекла показаны цветными… Цвета стекол: красный, желтый и зеленый».* (Стр. 213).

[9] *«Полы <там были> обыкновенные, деревянные. По устным преданиям, под ними были обогревательные каналы, как дополнительное тепловое устройство, ввиду недостаточного обогрева обширного зала».* (Там же).

[10] Из письма А.П. Елагиной от 18 сентября 1850 года. (Сочинения и письма. Стр. 264).

Высказав мысль о необходимости бережного отношения к творениям Создателя, Г.С. Батеньков заключает: ***«Неприятно, что досюда не простерлось религиозное чувство, столь свойственное нашему народу****. Это открытие, что попечение о благе будущих поколений состоит в разумном употреблении даров, принимаемых от лица живого Бога, и потому уже отнюдь не с пренебрежением и злоупотреблениями, - объемля этим правилом совокупно дары материальные и душевные».* (Там же).

[11] **Увы, усадьба С.Е. Сосулина сотню лет не простояла**: *«в январе 1928 года,* - писала А.М. Прибыткова, - *дом сгорел, как предполагается, по неосторожности птицеловов…».* (Стр. 214). В.Г. Карцов называет другую дату: по его мнению, усадьба сгорела в 1927 году. (Стр. 189).

Вместе с домом, указывал А.В. Адрианов, **сгорел и винокуренный завод.** *«На месте последнего Фуксман выстроил существующий и теперь, <в начале XX века>, двухэтажный дом, а вместо сгоревшего винокуренного завода купил у Сосулина выстроенный им новый завод. Прокурил он на нем только одну зиму – большой весенней водой разрушена была плотина, а самый завод смыт. Существующий теперь Григорьевский завод стоит уже на новом месте, ниже по течению Ушайки. <Но> память о Г.С. Батенькове здесь не совсем стерта. Здесь оберегаются три ели и две сосны, посаженных Батеньковым, а также сохраняется и сад и кое-какие насаждения от того времени, когда здесь хозяйничал Г.С. Батеньков»* (Томская старина. Стр. 4).

[12] Сочинения и письма. Стр. 277.

[13] «*Ум наш,* - писал Г.С. Батеньков, - *более созрел: в нем ярче сияет убеждение, и превозмогает иногда всю слабость, произведенную трудом и летами. Трудом, говорю я, потому что я точно* ***тружусь и трудился, преимущественно в борьбе с собою, умножаемой напором странной судьбы моей.*** *Стараюсь не оставить ничего не обмысленнаго,*

поколику есть сила, и это-то составляет труд, при котором работа кажется отдыхом». (Русские пропилеи. Стр. 55).

[14] Сочинения и письма. Стр. 278.

[15] Русские пропилеи. Стр. 67.

[16] Сочинения и письма. Стр. 276.

*«Давно уже я не рисую***,** - признается Г.С. Батеньков в одном из писем, - *и рука не берется за кисть по решительной неспособности…».* (Сочинения и письма. Стр. 288)

[17] **Человека, который живет прошлым, Г.С. Батеньков сравнивает с Лотовой женой, которая, оглядываясь, превращается в соляной столб**. А будущее, пишет, *«не освещает никакая звезда, и кажется, оно стало еще более непонятным». (*Русские пропилеи. Стр. 75-76).

[18] ***«После посещения И.И. Пущина о Батенькове узнали все декабристы, их семьи, родственники и знакомые,*** *оживилась переписка, особенно с Пущиным, Якушкиным, Раевским, Трубецким, Волконским, Н. Бестужевым и другими. Не проходило недели, чтобы его не посещал кто-нибудь из декабристских курьеров, чиновников, знакомых и незнакомых, жаждавших встречи с бывшим узником…*

Особенно близкие отношения установились с жандармским офицером Я.Д. Казимирским, губернатором П.П. Аносовым, чиновниками Восточной Сибири Н.Д. Свербеевым, Н.Р. Ребиндером и их семьями, и почти родственные – с детьми декабристов И.Д. Якушкина, С.П. Трубецкого, С.Г. Волконского и В.Л. Давыдова. К ***сыну И.Д. Якушкина Евгению*** *Батеньков питал отцовские чувства, готов был удочерить* ***Елену Сергеевну Волконскую****… С ее фотопортретом Батеньков сфотографировался в конце своей жизни. Детей же О.П. Лучшевой он считал фа4ктически своими приемными детьми, заботился о них, как об их матери, до конца своей жизни».* (Брегман А.А. Стр.83).

[19] ***«Письма декабриста открывают перед читателями многогранность интересов их автора,*** - указывал А.А. Брегман. – *Проблемы внутренней и международной жизни России, настоящее и будущее народов, война и мир, вера и безверие, взаимоотношения и взаимосвязь сменяющихся поколений, наука, литература и искусство – вот сюжеты, которыми наряду с личными делами автора и его адресатов насыщены тысячи страниц, хранящихся в различных архивах, музеях и библиотеках».* (Стр. 85).

[20] Сочинения и письма. Стр. 280-281.

[21] Узнав, что А.П. Елагина страдает ревматизмом, Г.С. Батеньков дает совет, рассказывая, что лечат его *«довольно просто и нередко успевают. Это молодой весенний лист, кажется, лучше всего березовый, которым обкладывают страждущие места».*

И добавляет: *«Но у вас, верно, есть средства более рациональные. Скорбно мне за тебя, которую желал бы всегда видеть здоровою, веселою и бодрою.* ***Охотно желал бы часть твоих недугов взять на себя****, потому, во-первых, что я мужчина, а потом по медленному до сего времени напору на меня старости, наконец и потому, что против обыкновения в настоящее время я совершенно здоров… Да, я бы мог взять на себя часть твоих недугов, но не так устроил бог, а мне все кажется, что, если б мы жили вместе, он дал бы мне и целебную для тебя силу. Я имел бы одну неуклонную волю, всю для тебя,* ***и непосредственно слушая своею душою твою прекрасную душу, жил бы в ней светло и крепко».*** (Сочинения и письма. Стр. 318-319).

[22] Из письма А.П. Елагиной от 28 августа 1853 года. (Сочинения и письма. Стр. 283).

[23] Там же. Стр. 328.

[24] Батеньков Г.С. А.П. Елагиной. (Илюшин А.А. Стр. 130).

[25] Из письма А.П. Елагиной от 23 апреля 1854 года. (Сочинения и письма. Стр. 295).

[26] Там же. Стр. 302-303.

[27] Там же. Стр. 317.

XIV

[1] **Штейнгель Владимир Иванович** – (1783 – 1863), известный декабрист, глубокий мыслитель; на следствии по делу о мятеже 1825 был осужден по одному разряду с Г.С. Батеньковым, с которым его связывали особые отношения.

Детство В.И. Штейнгеля тоже прошло в Сибири, он вырос в Иркутске, где служил отец, а затем переехал с родителями на Камчатку, куда отца назначили капитан-исправником. *«Честный отец Штейнгеля немало пострадал… Эти впечатления детства определили на всю жизнь симпатии, взгляды и убеждения Штейнгеля».* После окончания Морского кадетского корпуса *«был произведен в гардемарины, а в 1797 году – в мичманы с назначением на корабль «Эмгётен» в составе эскадры, посланной… к берегам Голландии. По возвращении в Россию Штейнгель был отравлен сухим путем в Охотск для вооружения там корвета «Слава России». С этого времени по 1810 год Штейнгель постоянно служил в Восточной Сибири, где… женился на дочери директора кяхтинской таможни».*

В 1812 году вышел в отставку, а через два года поступил на службу заведующим канцелярий московского генерал-губернатора Тормасова. Но из-за интриг вынужден был покинуть должность, стал заниматься литературой, публицистикой. Затем познакомился с членами Северного общества (сблизился, в частности, с Г.С. Батеньковым), в день восстания составлял ставший знаменитым «Манифест к народу». (Декабристы. 86 портретов. Стр. 266- 269).

В июле 1826 года барон В.И. Штейнгель вместе с Г.С. Батеньковым и В.А. Бесчастновым, был препровожден в крепость Свартгольм. А через год был отправлен в Сибирь – сначала в Читу, затем в Петровский завод. В 1832 года срок каторги В.И. Штейнгелю был сокращен до 10 лет, а через три года он был «*обращен на поселение».* Местом ссылки стало село Еланское в 67 верстах от Иркутска. Оттуда, по его просьбе, декабриста перевели в Ишим, а в 1840 году разрешили поселиться в Тобольске. После доноса по поводу близкого знакомства с губернатором М.В. Ладыженским на декабриста обрушились гонения со стороны генерал-губернатора Западной Сибири П.Д. Горчакова. В.И. Штейнгеля выслали в Тару, где он прожил больше восьми лет. Только в 1852 году ему было разрешено вернуться в Тобольск – здесь он прожил до амнистии…Его жизнь по поселении подробно описана в книге А.И. Дмитрия-Мамонова (Стр. 177-184).

[2] Из письма Н.А. Бестужева: *«В твоем письме есть <замечание>, что ты* ***не любишь своих писем и часто, заготовив, уничтожаешь их****. – На что? Ты говоришь, что пролитая через край мысль жалка по растрате. Мне кажется, что ты не прав. Мысль не сообщенная выветривается, как залежалый табак...».* (Декабристы. Новые материалы. Стр. 246).

[3] Из письма Г.С. Батенькову от 6 ноября 1853 года (Штейнгель В.И. Стр. 280).

[4] *«Здесь меня знают как бессемейного и безродного, и не знаю, достанет ли у кого столько толку, сколько нужно, чтоб обнять воистину,* ***что и как может святая дружба»,*** - писал Г.С. Батеньков. (Сочинения и письма. Стр. 308-309).

«Чувствую все ту же жизнь, - читаем в другом письме. – ***Люблю доброе во всех людях и красоту во всех вещах.*** *Старею тихо и немоществую, как всегда. Желаю симпатии в сердцах, но они давно и без меня заняты…».* (Там же. Стр. 317).

[5] Сочинения и письма. Стр. 320.

В другом письма, развивая тему изгнания, Г.С. Батеньков жалуется, что ***«оторванный от общей жизни»,*** он страшно ***«рад и проблескам <живого чувства>, и хватается за них со всем напряжением…»*** (Там же. Стр. 324).

«Для меня тоска всегдашнее состояние, хроническая тридцатилетняя болезнь, потушившая множество сил, и этого тягостного чувства вы не должны знать, - пишет А.П. Елагиной, - *не следует вам ни рассудком, ни воображением вступать в его мраки… **Тягостно изгнание, но оно тяжелее еще от раскаяния,** когда своим печальным голосом затронет тех, кому желаешь всегдашней радости и неизменного благополучия…».* (Там же. Стр. 333).

[6] **С.Е. Сосулин расплатился с Г.С. Батеньковым землей,** *«выделил ему из своих владений участок в 55 десятин. Привыкший за годы заточения к одиночеству, декабрист поспешил покинуть город. На скорую руку соорудил какую-то постройку из плах, с набитою между ними соломой, - **«соломенный хутор»** – и поселился на новом месте один… Вскоре Н. Лучшев перенес на участок декабриста свой старый пятикомнатный городской дом и вновь поселился вместе со ссыльным».* (Стр. 189).

Построив себе дом, Г.С. Батеньков *«соорудил помещение и для кур, назвав его «Куропетуховский замок». Сюда-то Николай Лучшев и перенес свой старый дом… Здесь Лучшев, в компании с Сосулиным, выстроил винокуренный завод, названный Гаврило-Степановским (соединение имен Батенькова и Сосулина).*

***Впоследствии этот участок перешел во владение Николая Лучшева, а затем его вдовы Анны Михайловны**. Лучшева сначала отдала Фуксману в аренду винокуренный завод, а затем продала из этого участка ему 15 десятин, вместе с постройками, и первые годы и сама жила у Фуксмана в Батеньковском доме. Последний был расширен новым владельцем пристройками к нему. Из остальных 40 десятин участка Лучшева продала затем Фуксману лес на сруб, а затем продала и самый участок. Во время пожара, бывшего здесь, сгорел винокуренный завод и Батеньковский дом. На месте последнего Фуксман выстроил существующий и теперь двухэтажный дом, а вместо сгоревшего винокуренного завода купил у Сосулина выстроенный им новый завод…».* (Томская старина. Стр. 4).

«В 20-х годах нашего века на крутой возвышенности, по правому берегу речки Ушайки… было три-четыре прекрасных дачных постройки, стоявших разграбленными и разоренными в годы революции «нетрудовым элементом». В середине этих лет они сгорели до основания. Теперь на месте западной из этих построек давно добывается бутовый камень… На левобережье Ушайки уже в 40-х годах лес был вырублен, а земля распахана. Без специальных научно-розыскных работ установить «Батеньковские уголки» на Степановке ныне, вероятно, невозможно». (Славнин В.Д. Стр. 43).

[7] ***«В мой Соломенный дворец»,*** - сообщал Г.С. Батеньков летом 1853 года, - ***я не на шутку день ото дня массивнее переселяюсь,*** *может быть, для постоянного пребывания, так что перевез уже и книги… В шести верстах далее на винокуренном заводе полковника Валериана Петровича Шредера, которого лесные дачи прямо перед моими окнами, за рекой Ушайкой – поместилась губернаторша наша Августина Николаевна Бекман… Еще далее верстах в полутора на даче Поповых Басандайке расположилось семейство председателя Федора Семеновича Политковского… Все это люди добрые и меня полюбили».* (Сочинения и письма. Стр. 280).

[8] **Бестужев Николай Александрович** – (1791-1855) один из видных деятелей Северного общества, член Верховной думы и ближайший друг К.Ф. Рылеева. С 1839 года до самой смерти жил в Восточной Сибири (в Селенгинске) вместе со своим братом Михаилом, который в 1825 году познакомился с Г.С. Батеньковым в доме правления Российско-Американской компании и вовлек его в тайное общество.

«Переписка Н.А. Бестужева и Г.С. Батенькова еще не собрана и не опубликована», за исключением двух-трех писем. (Декабристы. Новые материалы. Стр. 235).

[9] Там же. Стр. 248.

«У меня нет больших желаний, - сообщал декабрист Г.С. Батенькову, - *но между теми, какие есть, первое, чтоб вести исправную корреспонденцию со своими друзьями; но воля моя до такой степени обленилась здешнею сибирскою жизнию, что, несмотря на совесть, еще не уснувшую, я почти всегда в отсталых. Здесь нет ничего, что могло бы подстрекнуть к большей деятельности; нет никаких происшествий, которые могли бы служить станциями для определения полета времени, теряемого бесплодно, и оттого произошла та апатия, с какою мы смотрим на потерю времени, не имеющего для нас цены».* (Там же).

[10] Там же. Стр. 245.

В этом письме, очевидно, продолжая прежний *«метафизический»* разговор, **Н.А. Бестужев** развивает свое понимание бога, как *«первой причины».* Его мысль о бессилии науки объяснять все явления жизни *(«физика есть только сбор фактов без всякой между ними связи»)* **прямо соотносится с мировоззренческими установками Г.С. Батенькова.**

[11] Николай Бестужев, как и его братья, был необычайно одаренным и разносторонне образованным человеком. Несмотря на разговоры об апатии, он находил себе важные и нужные занятия: писал портреты местных чиновников и купцов, изучал местную жизнь, публикуя очерки в «Трудах вольного экономического общества», изобретал, готовил станки и машины.

[12] В молодости оба, Н.А. Бестужев и Г.С. Батеньков, входили в петербургскую масонскую ложу **«Избранного Михаила»,** но более тесно сблизились через несколько лет, в доме М.М. Сперанского, где жил Г.С. Батеньков.

О нем Николай Александрович упоминал, в частности, в своих «Воспоминаниях о Рылееве».

[13] Из письма Екатерине Елагиной от 18 февраля 1856 года. (Сочинения и письма. Стр. 381).

«Если ребятишки нашей Ольги посетят меня здесь, - продолжает Г.С. Батеньков, - то не смеют ни до чего дотронуться и играют и ласкаются совершенно в порядке… При всей ограниченности ***средств быт наш имеет всегда какой-то праздничный вид****…».* (Там же).

[14] ***«Жизнь Батенькова в Соломенном отличалась чрезвычайною скромностью,*** *по складу она походила несколько на крестьянскую. Вставал рано, работал в своем небольшом садике, поправлял грядки, пересаживал рассаду, очищал и подрезывал деревья, кормил домашнюю птицу, смотрел за удоем коровы, в свободные часы читал запоздалые петербургские газеты и для развлечения выезжал навестить своих друзей… Зимой домашние занятия несколько видоизменялись: вместо садоводства и огородничества Батеньков отгребал снег от избенки, подчищал дорожки и т.д.»* (Иванов А. Стр. 149).

[15] Из письма А.П. Елагиной от 28 августа 1853 года. (Сочинения и письма. Стр. 284).

[16] Это подробнейшее описание окрестностей «Соломенного» содержится в письме А.П. Елагиной конца 1853 года. **Рисуя живописные здешние виды, Г.С. Батеньков продолжал:**

«Вторая ветвь <дороги> поднимается в гору… Здесь начинается лесистое место, сперва узкою полосою, оканчивающеюся оврагом, и, минуя его, через взвозы и мост расстилается по возвышению. В промежутках вычищенного леса помещаются сенокосы и в самом конце поля озимого и ярового хлеба… К дому возле дороги течет искусственный ручей, то есть собранная вода из оврагов, имеющих ключи, даже обитаемый рыбками…

Возле самого дома на горе начинается сперва пчельник, потом сад, и в нем дом богатого соседа <Сосулина>. Тут с балкона прекрасный открытый вид к ручьям и ближней деревне, а с другой стороны – обширный двор с цветником, огородами, оранжереями и

разными мастерскими, с свечным и мыловаренным заводом, а тотчас за двором, через дорогу, обширное засеянное поле…
Таким образом, дикость места мало-помалу исчезает, и оно уже дошло до того, что везде можно пройти и проехать с удовольствием. Цветов, ягод и грибов не могут всех выбрать и толпы приходящих из города. Лес большой, частью березовый, но много сосны, ели, а кедры, растущие в четырех верстах, равно и тополи, здесь уже насаждения – лип и вовсе нет около Томска. Из кустарников в обилии смородина и малина…Вот мое жилище…». (Сочинения и письма. Стр. 292-293).

[17] **Якушкин Иван Дмитриевич** (1796-1857) – выдающийся деятель декабристского движения, член Союза Спасения, Союза Благоденствия и Северного общества.
В архиве Г.С. Батенькова сохранилось пять писем к нему И.Д. Якушкина, они *«относятся ко времени их личного знакомства в ссылке в 1854 году, когда И.Д. Якушкину разрешена была поездка в Иркутск для лечения…».*
***По дороге он «заезжал в Томск и останавливался в доме… Лучшевых, где жил Г.С. Батеньков**. О своих впечатлениях от встречи и бесед с Батеньковым Якушкин писал тогда же своему сыну Евгению, И.И. Пущину и С.Я. Знаменскому. Наиболее **развернутую характеристику Батенькова** он дал в письме к сыну:*
«С Гавриилом Степановичем мы обнялись не только как товарищи, но как давнишние приятели… Ты говорил правду, уверяя меня, что он необыкновенно умен: чего он не знает – он во время самого разговора отгадывает… потом, сколько он в свою жизнь видел и испытал любопытного, и я его слушаю по целым часам с истинным удовольствием… У него, несмотря на то, что ему 60 лет, воображение необыкновенно живо и представляет ему факт за фактом, картину за картиной, когда в разговоре коснешься предмета ему близкого». (Декабристы. Новые материалы. Стр. 242).

[18] Там же. Стр. 299.
Евгений Иванович Якушкин, сын декабриста, который тоже не раз гостил у Г.С. Батенькова, оставил свои воспоминания:
«Соломенное верстах в трех от города, оно расположено на очень красивом месте и состоит из небольшого дома в 5 комнат, очень маленького сада и нескольких не очень изящных хозяйственных построек. Зимой Соломенное до такой степени заносит снегом, что к нему бывает трудно подъехать. Батеньков от времени до времени приезжает сюда из города и живет здесь по неделе или две, чтобы отдохнуть от городского шума…» (Якушкин Е.И. Стр. 44).

[19] **Толль Феликс-Эммануил Густавович** – (1823-1867) один из участников пятниц М.В. Буташевича-Петрашевского. По происхождению немец, сын канцеляриста; по окончании Главного педагогического института был преподавателем русской словесности и географии в астраханской гимназии, в Финляндии, а в 1848 году перебрался в Петербург и стал преподавать в столичном инженерном училище и частных пансионах; занимался переводами.
В 1864 году сошелся с петрашевцами, а в 1849 году был подвергнут обыску и аресту. *«За участие в преступных замыслах и чтении на собраниях… речи против религии»* суд приговорил его к смертной казни, которая заменена была каторгой.
В январе 1850 года Ф.Г. Толль месте с петрашевцем Ф. Львовым был доставлен в Томск, а затем в Керевский винокуренный завод, находившийся в 67 верстах от города. О последнем дне пути и первых впечатлениях на заводе впоследствии написал в воспоминаниях, которые назвал «Из записок моего сосланного приятеля». В 1852 году Г.С. Батеньков принялся хлопотать, чтобы облегчить участь Ф.Г. Толля. Благодаря содействию губернатора П.П. Аносова и сменившего его В.А. Бекмана, Ф.Г. Толль был освобожден.

После двухлетней каторги прибыл на поселение в село Жарково, что в 132 верстах от Томска, а затем перебрался в губернский центр.
«Прекрасно сделали, что приютили Толля, - писал И.И. Пущин в «Соломенный». – *По правде, это наше дело – мы, старожилы сибирские, должны новых конскриптов сколько-нибудь опекать, беда только в том, что не всех выдают».* (Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Ф.Г. Толля. Стр. 245). В 1856 году Г.С. Батеньков после амнистии покидает Томск, а через три года уезжает и Ф.Г. Толль. Но дружба их продолжается: они поддерживали переписку много лет.
[20] Характеристика, которую оставил в воспоминаниях **М.А. Бакунин**, знавший Ф.Г. Толля по томской ссылке и высоко ценивший его человеческие качества.
«Голова у него светлая, разумная, - читаем дальше, - *но, несмотря на это, далеко не упорная, способная принять всякую истину. Сердце золотое, благородное, чисто, не способное ни к какой двусмысленности, и совершенно чуждое эгоизму и тщеславию. Характер рыцарский, порывистый, то иногда женственно-мягкий, то буйно-энергичный и смелый, неспособный, кажется, к постоянному делу и к выдержке.*
Когда же он выпьет, тогда становится ужасным, точно лютый разъяренный зверь. Шея у него короткая, толстая, а потому кровь легко бросается в голову…». (Щеголев П.Е. Стр. 132).
Более лаконичное и не столь беспристрастное высказывание оставила **Н.Д. Фонвизина**, с которой петрашевцы встретились в Тобольске по дороге в Сибирь. Толль в ее глазах выглядел как *«претолстый молодой человек, по наружности, кажется, весьма ограниченный».* (Декабристы и литература. Стр. 620).
[21] Ко времени, когда Г.С. Батеньков покинул Томск, относятся слова М.А. Бакунина, который вспоминал, что **Ф.Г. Толль *«был худо окружен в Томске и предавался пьянству;*** *в Сибири пьют страшно и пьют без затей, простую водку. Я успел отвлечь его от пьянства и от худого общества, и мы в продолжении полугода до возвращения его в Россию жили как братья…».* (Щеголев П.Е. Стр. 133).
[22] Сочинения и письма. Стр. 323; 238.
[23] Русские пропилеи. Стр. 87.
[24] *«Религия, по утверждению Толля, подавляет развитие ума и заставляет человека следовать правилам общежития не по убеждению, а по чувству страха пред наказанием и страданием. Толль страстно веровал в нравственную свободу человека, основанную на прогрессе общества, на развитии техники, инженерной мысли, а главное на образовании и просвещении».* (Жилякова Э.М. Стр. 60).
[25] Сочинения и письма. Стр. 279.
«Я верю боле чувству, которое всегда совершенно, *и производящему его в нас Вседержителю»,* - писал Г.С. Батеньков. (Там же. Стр. 316).
[26] Там же. Стр. 301.
[27] Там же. Стр. 301-302.
В другом письме Г.С. Батеньков сообщал о покраске полов в «Соломенном» и *«страсти всё красить».* Печей во «дворце», пишет, *«решительно не будет, зато построен каменный этаж, и чуть где показалось дерево, размалевано оно так, что смотреть страшно…»,* и теперь *«во всем доме решительно нельзя ни к чему коснуться, да и нечем: все пальцы у всех в охре, белилах и черляди, под олифой и лаком».* (Там же. Стр. 307).
[28] ***«Люблю я мой лесной угол: в нем как-то вера живее, молитва чище; ум деятельнее и сосредоточен; сердце более веще.*** *Здесь мало-помалу утихают и мои тревоги о твоих недугах,* - писал декабрист А.П. Елагиной. – *Более, нежели надежда, уже уверенность начинает занимать их место. Кажется, должно быть так, что мы будем жить и когда-нибудь радостию свидания увенчаем нашу дружбу. Прежде я сильно почувствовал*

себя отсталым от тебя. Это молодость, перенесенная в гроб и оставленная в нем, обманула меня, но, пересчитав лета, я не вижу между нами большой разницы…». (Там же. Стр. 326).

[29] После ареста Феликс Толль какое-то время провел в **Алексеевском равелине Петропавловской крепости,** где прежде находился Г.С. Батеньков.

XV

[1] *«Дешевизна у нас стала… ощутительна; остаются еще два желания:* ***чтоб скорее миновал денежный кризис и сколько-нибудь смягчился климат»,*** - писал Г.С. Батеньков. В том же письме есть строки о *«скромном, по преимуществу»*, Томске:

«Всегда он служил этапом для неимущих в их странствии по Сибири, не был скупцом на частное благотворение, и вот дает несколько благородных спектаклей в пользу бедных… Он попускает смотреть на себя, описывать себя, а сам о себе не говорит ни слова. Нельзя сказать, чтоб был вовсе безграмотным или объят был ложным стыдом; но так уж установился быть скромным, и дай Бог, чтобы это продлилось. Мало занимаются даже сибирскими новостями… Здесь не глушь, но любопытство как-то поглощено. Не запаздывают в познании современности, но все принимают покойно, без страсти, без увлечения. ***Это оазис в пустыне, предельная грань европейской цивилизации, крайний пункт тяготения главных интересов к Западу.*** *Далее начинается Азия, ощутительным становится соседство другого великого народа <Китая>…».* (Русские пропилеи. Стр. 89).

[2] ***«К нам прибыла группа странствующих актеров*** *и начала тешить город Букою, открывается и благородное собрание…»,* - сообщал Г.С. Батеньков в одном из писем к А.П. Елагиной (Сочинения и письма. Стр. 327).

Томичи тоже ставили спектакли. *«В масленицу… был в благородном спектакле в пользу страждущих томского егерского полка…»,* - находим в другом письме. (Там же. Стр. 331).

[3] Из книги А.И. Дмитриева-Мамонова:

«По Тобольской губернии вспомоществование государственным преступникам выдавалось натурою, им отпускалось из запасных инородческих магазинов кормовое довольствие в размере солдатского пайка, а затем крестьянская одежда… ***По Томской же губернии пособие выдавалось не натурою, а деньгами,*** *в размере стоимости солдатского пайка и крестьянского одеяния… С 1845 года Высочайше утвержденным положением Комитета министров разрешено было выдавать государственным преступникам до 114 рублей 28 коп. серебром в год, если только они не получали от родственников своих из России никакого вспомоществования… В Западной Сибири это государственное пособие получали Башмаков, Николай Бобрищев-Пушкин, Штейнгель, Батеньков, Тизенгаузен, Д. Кюхельбекер».* (Стр. 14-18).

Скудного государственного пособия, конечно, не могло хватить, Г.С. Батенькову помогали деньгами С.Т. Аргамаков, И.Д. Асташев и А.П. Елагина. Но утверждать, как некоторые исследователи, что это обеспечивало декабристу безбедное существование, нет оснований. По словам Г.С. Батенькова, в первые годы его месячный доход составлял около 80 рублей, что *«не было огромным по страшной тогда в Томске дороговизне»,* но на жизнь хватало, а затем, когда *«Аргамаков увеличил пенсию сперва до 800, потом до 1000 рублей в год»,* **Г.С. Батеньков *«уже видел себя в избытке»,*** и решительно отказы-

вался, как говорилось ниже, от всяких предложений о вспомоществовании. (Русские пропилеи. Стр. 109).

«Я долго боялся нищеты. Но, встретив это чудовище лицом к лицу, обрадовался случаю разглядеть его», - это замечание Г.С. Батенькова из письма 1849 года. *«Усиленным напряжением моей природы,* - писал декабрист в 1850 году, - *я во всю жизнь боролся с нуждою, скорбями, лишениями и бедствием, и если б не имел добросердечия, привелось бы терпеть и от людей. Теперь настает время дать отчет в долголетнем употреблении заимствованных от неба сил…».* (Декабристы. Летописи… Стр. 27, 29).

[4] Рассказывая о дороге на каторгу, Ф.Г. Толль упоминал томского полицмейстера **В.М. Любимова**, *«мужчину лет тридцати в шинели с бобровым воротником и гражданской каске»,* который был с ним довольно обходителен. Хотя в глазах окружающих сосланный на каторгу Ф.Г. Толль был преступником. (Щеголев П.Е. Стр. 268).

«Этот полицмейстер, можно сказать, «воспитанник» декабристов, *занимает в комментариях декабристской литературы весьма почетное место. Он «выделялся из среды сибирского чиновничества бескорыстием и некоторой образованностью». В 30-х годах Любимов – мелкий чиновник в Ялуторовске. В !842 г. переведен стряпчим в Туринск… Пущин писал о нем Якушкину: «Вижу желание служить бескорыстно, а между тем заметна привычка жить открыто с некоторой роскошью… Во всяком случае, и фигура его и образ изъяснения заметен между здешними дикими».* (Соколов В.Н. Стр. 152).

[5] *«…Трудиться надо много,* ***чтобы выйти из кризиса, поколебавшего в последние годы почти все капиталы***… - писал Г.С. Батеньков. – *Наши Колумбы увлеклись миражом и при широких расчетах на миллионы потеряли из виду прозаический рубль, а теперь с него-то и начинать доводится. Но не надобно никого осуждать… Для полноты жизни надобно прежде испытать и добро и зло. Жаль только, что по краткости века некогда воспользоваться плодами опыта и самый крест полезен уже не для здешней жизни…».* (Сочинения и письма. Стр. 278-279).

«Как ни плохо идет ваше хозяйство, - говорит декабрист А.П. Елагиной в другом письме, - *но в настоящее время все же лучше, что оно зависит прямо от земли, кормилицы нашей, и менее подлежит тем* ***страшным кризисам,*** *которые поражают другие богатства, более счетные, нежели существенные».* (Там же. Стр. 291).

И потом вновь возвращается к кризису, указывая, что *«в частном быту, оставив предания, все разорились, и трудно указать на фамилию, которая в будущем могла быть исторической… можно даже спросить, есть ли теперь недвижимые имения? Прямо ведет это к насильственному изменению городского и сельского быта, а это должно бы быть следствием и успехом веры и нравов».* (Там же. Стр. 335).

[6] Из письма Г.С. Батенькова к приятелю, жандармскому офицеру Я.Д. Казимирскому. (Сочинения и письма. Стр. 353). Здесь упоминаются томские знакомые декабриста, с которыми он поддерживал отношения.

[7] Семейство Лучшевых не испытывало достатка во все годы, когда там жил Г.С. Батеньков, но в начале 50-х годов, как видно из писем**, наметился «*сущий домашний кризис».***

В 1854 году глава семьи, **Николай Иванович Лучшев**, был назначен горным исправником *«по части золотых приисков»* и отбыл из города, а вместо него томским исправником стал коллежский секретарь Иван Семенович Засулин. (Брегман А.А. Комментарии к письмам. Стр. 488).

«Жаль мне своего уединения, которое надобно будет посещать только урывками, а распорядиться иначе никак нельзя, - сообщает в этой связи Г.С. Батеньков, на которого всецело легли заботы о доме. – *Больше будет забот с хозяйством, однако я сумею выкро-*

ить и для себя сколько нужно будет времени, по привычке вставать рано поутру и не засиживаться в гостях». (Сочинения и письма. Стр. 313).
«Николая Ивановича уже нет в городе. Он уехал в томскую тайгу, определенный туда в горные исправники, - сообщал декабрист Н.Д. Свербееву. – *Остаюсь я с Ольгой Павловной хозяевами…».* (Там же. Стр. 321-322). А в следующем письме, адресованном А.П. Елагиной, писал про ***«домашний кризис»,*** **в котором** ***«множество неопределенных гипотез».*** И добавлял: *«Говоря о семейных делах, я немного неясен. Запутан в них своею же волею, и от меня зависит завтра стать в сторону, потому что не удерживает никакое обязательство, никакой долг…».* (Там же. Стр. 323-324).
[8] **Г.С. Батеньков не забывал о возрасте**: седьмой десяток лет заставлял помнить о себе *«застарелыми ранами, головокружением, зубной болью, неповоротливостью мышц, слабостью ног и желудка».* (Там же. Стр. 296).
[9] Там же. Стр. 304.
«Здоровье мое держится на обычном уровне. *И вообще в городе не слышно болезненности… Милосердие божие над нами не оскудело»,* - повторял в письмах Г.С. Батеньков. – *«Здоровье мое улучшается, и если я плохо молодею, то, по крайней мере, и старость не весьма настойчива».* (Там же. Стр. 314; 323).
На самом же деле, он по-прежнему испытывал недомогание и слабость, а иногда довольно сильно хворал, стараясь меньше упоминать об этом. В 1855 году, *«простудившись в холодной церкви»,* Г.С. *Батеньков «с неделю страдал головною болью».* И по этому случаю сообщал: *«Резкой болезненности у нас нет. Но не я один жалуюсь на тесноту в голове и на какое-то расслабление, а медицина вообще безответна, когда дело касается атмосферических или топографических влияний, и ничего в них не распознает, предоставляя натуре исправить самое себя… Я к этому искусству и не прибегаю…».* (Там же. Стр. 349).
[10] Там же. Стр. 350.
Г.С. Батеньков плохо переносил смену погоды, болел же чаще всего осенью. А в июне 1855 года написал Я.Д. Казимирскому: *«Прежде хворал я обыкновенно осенью, теперь вышло наоборот…С самого наступления весны я не пользовался полным здоровьем. Тяжесть и по временам кружение в голове, давление в груди, зуд и боль в заживших ранах, лом в контуженном плече – все это делает из меня сущего инвалида, хотя по милости божией в последнее время чувствую облегчение…».*
И добавлял: *«Верно, шестидесятилетний человек, подобно часам, к которым привешен длинный маятник, отстает от времени, а уйти вперед нет никакого основания, как бы ни казалось приятным это последнее изъяснение».* (Там же. Стр. 354).
[11] **Когда Г.С. Батеньков обосновался в «Соломенном», Лучшевы, которые его навещали, выразили желание перебраться туда же**. *«Вскоре Н. Лучшев перенес на участок декабриста свой старый пятикомнатный дом и вновь поселился вместе с ссыльным».* (Карцов В.Г. Стр. 189).
Домашнее хозяйство окрепло, разрослось. *«На место вывезенного из Томска на Соломенный дома Лучшевы построили, как пишет А. Лучшев, три флигеля, на угловом месте против старого собора, которое принадлежит* ***П.И. Макушину,*** *сломавшему старые Лучшевские постройки. Собственно, здесь стояли не «три флигеля», а двухэтажный дом на углу и два маленьких флигелька по три комнаты, один из которых стоял по Протопоповскому переулку, а другой – в глубине двора. Возможно, что этот флигелек и был <с той поры томским> жилищем Батенькова. П.И. Макушин подарил его Обществу содействия физическому развитию, перенесшему его на свой каток. Можно не сомневаться, что план этих зданий составляли постройкой руководил Батеньков»,* - отмечал А.В. Адрианов (Томская старина. Стр. 33).

[12] Из письма И.И. Пущину от 16 июня 1856 года. (Сочинения и письма. Стр. 305).
Начав обустраивать хутор, Г.С. Батеньков не мог остановиться: хозяйственные работы росли и ширились. Возвел, первым делом, дом и баню, а потом *«за двумя первенствующими зданиями потянулись и все прочие»,* даже огород пришлось забросить, оставив его на попечении Ольги Павловны *(«это не наше, а женское дело»*). (Там же. Стр. 307). *«Пресловутая баня»*, с которой было, видимо, много возни, упоминается в нескольких письмах.
[13] ***«Домашний наш кризис, о котором я упоминал, все еще продолжается, только означился яснее,*** - сообщал Г.С. Батеньков в конце 1854 года. – *Направление мое главное было к тому, чтобы жить в городе. Внезапное отсутствие Николая Ивановича хоть временно, но увлекло меня в другую сторону. На руках моих остался большой городской дом, и я должен был четыре месяца держать его, не оставляя и загородной дачи… Если Ольга <Павловна> успеет пристроится, как есть кое-какие виды, то я останусь покойно и уютно в своем Соломенном, и вся напасть минует. В противном случае опять приводится основаться в городском доме, а сюда искать постороннего жильца, которого… найти нелегко, а оставаясь по-нынешнему, я уже не сведу концы с концами. Здесь главную статью расходов составляет прислуга, это дорогая, безумная, разнообычная вольница, с которой ладить большая задача…».* (Сочинения и письма. Стр. 326).
К этому надо добавить, что **городской дом Лучшевых был известен гостеприимством**: здесь во всякий *«воскресный день всегда народ»* бывал, и это несколько тяготило не привыкшего к суете и шуму Г.С. Батенькова. При всякой возможности он старался *«бежать на Соломенный»,* дабы *«иметь досуг и собраться с памятью и мыслями».* (Там же. Стр. 329).
Ближе к концу ссылки это удавалось все чаще. ***«Сам я здесь типически одинок,*** - жаловался Г.С. Батеньков в 1855 году ялуторовскому другу Н.А. Бестужеву. - *Дня два-три в неделю живу совершенным аскетом на даче версты за четыре, остальные дни в городе семьянином и всегда с людьми, между которыми приметно составляю какую-то притчу во языцех…».* (Там же. Стр. 338).
А в сентябре того же года писал Н.Д. Свербееву: ***«Живу большей частию в Соломенном,*** *с книгами, с лесами, и кроме мух не имею… никаких собеседниц. Сквозь эти слова явно просвечивает, что летом были и посетительницы, которым нравится неизысканный, простодушный прием старого дедушки, всегда готового приласкать своих внучек, преимущественно пред внуками, рассеянными в городских удовольствиях».* (Там же. Стр. 359). Как видно из писем, **Г.С. Батеньков опекал дочерей близких к нему семейств Сосулиных, Филимоновых, Гороховых,** хлопотал за них перед столичными знакомыми, пытаясь устроить их судьбу.
[14] **Первое упоминание о Крымской войне,** которую предчувствовал в своих *«откровениях»* забытый узник, находим в письме от 6 ноября 1854 года.
«Чем мрачнее скопилися тучи, - писал Г.С. Батеньков, - *чем менее известно, какое откроется небо, когда они перестанут, тем глубже западает в душу какое-то ожесточение, лишенное ожиданий. Все мы чувствуем, что отечество наше непоколебимо и неприступно; могут помяться и растрепаться бахромы, но материковый солид надолго сохранит свою неразрушимость, хотя очевидно, что и в нем совершается какой-то роковой перелом. Станем молиться, да просияет луч вечного божественного света...»* (Сочинения и письма. Стр. 316).
Другое высказывание Г.С. Батенькова приводит Е.И. Якушкин:
«А у нас в Томске… патриоты так разбушевались, что мне житья от них не было… чем бы ни кончилась война… она должна принести нам пользу; переворот и у нас неизбежен. В этом убеждают все события последних лет…» (Стр. 44-45).

[15] *«Заметив в вас воинственное расположение*, - пишет, адресуя И.И. Пущину, хозяин «Соломенного», - *я мог бы уже предполагать вас в числе защитников Севастополя и беседовать о той стране, где начал сам я под красными эполетами совершеннолетие; но, рассчитывая, что не могли вы легко прыгнуть на одной здоровой ноге в такую даль, почти уверен, что доселе кушаете воду синего Тобола… Мое расположение по преимуществу мирное, однако и я могу страшно прогневаться, ежели оно, уже более по малодушию, нежели по храбрости союзников, в настоящий благоприятный час удовлетворено не будет.* ***По старой памяти я закоренелый антибонапартист,*** *и ничего доброго не ожидаю от пресловутой тризны, снаряженной французским народом своему громадному Воителю… Бонапарт и мир – все как-то кажется противоречием****…».*** (Там же. Стр. 347).

[16] *«Батеньков с увлечением погрузился в чтение французских и бельгийских газет… Вспоминалась молодость.* ***Само собой напрашивалось сравнение войны 1812 года с войной 1853-1856 годов.*** *В Крымской войне, по наблюдениям декабриста, заметнее стали активность общественности и героизм… <но> Отечественная война завершилась победой России, а Крымская – поражением. Батеньков тяжело переживал его, хотя и понимал, что лишение силы на Черном море… не колеблет и не истощает могучей России*». (Карцов В.Г. Стр. 198-199).

Та война 1812 года, *«правду сказать… была быстрая, обильная событиями и передвижением, за которым не могло угнаться усердие и даже долг*, - размышлял декабрист в письме И.И. Пущину. – *Если идти на сравнение, то надо признаться, что полевые Бородинская и Лейпцигская битвы… едва ли уступят Севастопольской, убеждающей, между прочим, и в том, что* ***история не повторяется в явлениях…****».* (Сочинения и письма. Стр. 355-356).

[17] Там же. Стр. 352.

[18] Батеньков Г.С. «Каким огромным великаном…» (Илюшин А.А. Стр. 138).

[19] ***«Странна для меня нынешняя война,*** *когда сравнить ее с нашей, столь быстрою в движении: толкутся на одном месте, и обе стороны только томят друг друга… Ужель перевелись или переучились все орлы и под страхом ответственности ощипали себе перья? Или же под австрийским «ветом» раздолье одному чугуну? Более всего сходства с Троянской войной, но та нужна была для взаимного опознания и передвижения народов; а из этой что будет? Кажется, лбом ударились в непостижимость судеб? Старая дипломатия обнаружила все свое бессилие, а создать вновь международное право – некому. Как же теперь заключат мир? Хотят, чтоб был он прочный, честный и справедливый, а до чего ни коснуться - нет ни прочного, ни честного, ни справедливого…»,* - писал Г.С. Батеньков в октябре 1855 года. (Сочинения и письма. Стр. 362).

Это письмо дает понять, **как глубоко и верно постигал происходящее человек, вырванный приговором из жизни, находящийся за тысячи верст от волнующих его событий.**

«… Царства и народы представляют страшную агонию и ищут будто бы только с шумом сойти с арены, - находим в другом письме. – *Формы их устарели, обнажают много неправд и закоренелое несогласие, по которому нет между ними ни дружбы, ни веры, и каждая тянет в свою сторону по привычке к отжившим уже свой век интересам… Прежде всего нужен мир для мира, тогда протиснутся может истина и обновление. Военная слава уже решительно сдвинута с первого места, и история переменила свой характер».* (Там же. Стр. 368).

[20] Речь идет об упоминаемом в письме тайном советнике Деменкове, *«единственный здесь из сослуживцев»* Батенькова по Отечественной войне, который чудом остался жив, *«раненый насквозь пулею в живот».* (Там же. Стр. 286).

[21] **В начале пятидесятых годов один за другим стали уходить из жизни близкие Г.С. Батенькову и знакомые люди.** Не стало Анны Алексеевны Поповой, супруги его старого приятеля, *«женщины редкой доброты»* (Сочинения и письма. Стр. 277). *«В цвете лет»* ушла из жизни Александра Павловна Асташева, *«женщина образованная… готовая на всякое добро»,* которая *«оставила сиротами больного мужа, отсутствующего сына и до ста малюток в содержимом ею приюте».* Затем скончался знакомый Г.С. Батенькову советник Дягилев, после которого остались *«десять дочерей, беременная вдова и до 9000 ассигнациями долгу».* Умер брат Сосулина Иван Егорович. (Там же. Стр. 289), а потом скончался Иван Киреевский – *«один из лучших друзей»* Г.С. Батенькова, старший сын Авдотьи Елагиной (Стр. 406).

На эти события Г.С. Батеньков откликался в письмах, искренне переживая каждый уход. *«Некрологи стали для нас текущим делом*, - грустно замечал он, - *и кажется уже. Что отходящие переселяются в нашу сторону»* – так много смертей (Там же). **Особенно горько было узнавать о смерти друзей - декабристов и их жен.** *«Мы лишились превосходной нашей спутницы страданий, доброго всем нам друга и много уважаемой женщины*, - писал он А.П. Елагиной в ноябре 1854 года. – *Екатерина Ивановна Трубецкая скончалась как добрая истинная христианка».* (Там же. Стр. 319). Эта смерть *«наклонила к закату и мою мысль»,* - добавил он в следующем письме. (Там же. Стр. 320).

И размышления о войне заставляли возвращаться к вопросам жизни и смерти. *«Мы не замечаем смерти в мене поколений, и сами себя чувствуем как бы всегда пребывающими в одном неразрушенном солиде, а чуть где смерть достигнет меры общего явления, хотя и никогда не сравнится с механизмом – мы повергаемся в тревогу и нечто теряем от мужества. Самая война, раскрывая широкие ворота разрушению, никогда не доходит до того, чтоб мы слышали скрип их петель даже при громе тысячи жерл. Тут же и покой, тут же и мир, неистощимо и неразрушимо. Ясна премудрость божия на всех делах его».* (Там же. Стр. 380).

[22] Русские пропилеи. Стр. 88.

[23] Сочинения и письма. Стр. 369.

[24] Батеньков Г.С. Стихотворение, написанное в Петропавловской крепости. (Илюшин А.А. Стр. 115).

[25] Из письма барону В.И. Штейнгелю от 15 апреля 1856 года. (Там же. Стр. 388).

[26] **После отца Афанасия, переведенного в Иркутск, во главе Томской епархии встал отец Парфений**.

Глава Казанской духовной академии преосвященный Парфений, в миру Петр Тихонович Попов, был назначен на томскую кафедру в январе 1854 год, а в марте возведен в сан епископа. *«Большое внимание он уделял устройству в епархии новых церквей… Всего за 7 лет управления»* при нем *«было выстроено 157 новых церквей».* При нем в 1858 году (после отъезда Г.С. Батенькова) была построена часовня Иверской иконы Божией Матери на Базарной площади, которая стала чтимой святыней в городе.

«Парфений отличался большой ученостью, имел хорошую библиотеку, состоявшую из серьезных научных изданий на разных языках и по разным отраслям знаний, которую он пожертвовал впоследствии Томской духовной семинарии… В 1860 году был возведен на архиерейскую кафедру в Иркутск, где стал архиепископом» (Исаков С.А. Дмитриенко Н.М. Стр. 19-21).

[27] Из письма Г.С. Батенькову от 11 ноября 1854 года. (Штейнгель В.И. Стр. 309-310).

В другом его письме читаем: «*Надобно потерять вовсе доверенность к благости отца небесного, чтобы думать, что нужно молиться о прощении грехов твоих, мой благородный брат и друг. Ты поставил в заключение эту фразу, не обдумав, а увлекшись звоном*

колокола, я вижу. Впрочем, я постоянно упоминаю тебя в своей молитве к божией матери, которой покровительства ты так достоин…». (Там же. Стр. 320).

[28] **Всё чаще Г.С. Батеньков задумывается о времени, дает в письмах его философское истолкование**. Прожив жизнь, отмечает, что *«как бы сошлись крайние точки в чувстве»,* видит перед глазами *«отца в прусском походе»,* представляет, как сидит с ним на берегах Томи, добавляя: «*Зеркало вполне напоминает мне его образ».*

Так «не пора ли <сердцу> успокоиться и предоставить уму совершить рабочий свой цикл, чтоб в отдаленном будущем оба эти начала жизни слились в одну гармонию? Кажется, и в самом деле происходит что-то подобное, ежели только чувству и разуму провидение благоволит открывать себя. Но не опустело ли сердце и не истощился ли ум?..» (Русские пропилеи. Стр. 88).

Г.С. Батеньков размышляет о влиянии времени, которое *«ничего не заимствует от математического движения»,* **на историю, о взаимосвязи времени и пространства.** Жизнь представляет ему колесом, которое *«всё вертится на одном месте, хотя и меняются поколения»,* потому что природа человека неизменна, и каждое поколение проходит путь *«вновь сначала»,* не учась на ошибках других, и *«хотя видит, что стоит впереди, но ничего о том не знает и обыкновенно не туда смотрит».* (Сочинения и письма. Стр. 288).

Проникнуть мыслью в будущее непросто, *«мысль видит себя отторгнутою и почти заблудившеюся, ежели переступает за круг настоящего времени… Время в этом отношении – строгий блюститель нашего преуспеяния, и нельзя из него выкинуть ни одного часа, не пережив его всецело».* (Там же. Стр. 295). Но время, увы, быстротечно, и «жизнь так тороплива, что потомки действительно догоняют предшественников…» (Там же. Стр. 305).

Только любовь и дружба, любовь и бессмертное добро, по Г.С. Батенькову помогают вырваться из круга времени, а достигнуть этого можно, удалившись от пошлой и суетной обыденной жизни.

[29] **Менделеев Павел Иванович** (1834-1907) – родной брат великого русского ученого Д.И. Менделеева. Выбрал в жены **Полину Мозгалевскую**, дочь сосланного в Нарым декабриста Николая Мозгалевского и местной мещанки Авдотьи Катаргиной. Когда Николай Осипович заболел чахоткой, друзья способствовали его переезду в Минусинск, где он в скором времени и скончался, оставив молодую вдову с детьми без средств к существованию.

На помощь им пришли ссыльные декабристы. Семья Николая Васильевича Басаргина, который был женат на старшей дочери Менделеевых **Ольге Ивановне,** не имела детей и упросила вдову Мозгалевского отдать на воспитание одну из девочек, трехлетнюю Полиньку. Когда выросла, она «составила счастье» Павлу Менделееву. *«В июне-сентябре 1858 года Басаргины, <жившие в Смоленской губернии>, совершили поездку в Сибирь на бракосочетание воспитанницы Полиньки с братом жены Павлом Ивановичем Менделеевым…».* (Порох И.В. Стр. 23).

Молодые поселились в Омске, где служил Павел Иванович, у них родилось двое детей. Они вели переписку с Дмитрием Ивановичем, ездили к нему в Петербург, поддерживали связь со многими декабристами. Но после рождения второго ребенка Полина заболела и вскоре скончалась, а следом умер и младший ребенок. И Павел Иванович решает переехать со старшей дочерью Ольгой в Томск Одним из тех, кто способствовал этому переезду, был Г,С. Батеньков.

[30] **Бекман** Валерин Александрович – генерал-майор, томский гражданский губернатор с 1853 по 1856 гг. Как и его предшественник, П.П. Аносов, покровительствовал ссыльному Г.С. Батенькову.

[31] Из письма Г.С. Батенькову от 21 июня 1854 года. (Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Ф.Г. Толля. Стр. 247).
Отвечая на просьбу, Г.С. Батеньков сообщал: *«…В менделействе могу принять я сердечное участие. Отец его был моим учителем в гимназии и впоследствии добрым другом, равно как и мать со всем ее родом… **Ее дядя Василий Дмитриевич был верен мне всем сердцем до последнего его вздоха…».*** (Сочинения и письма. Стр. 307-308).
В.Д. Корнильев был известен литературными связями – в столице познакомился с А.С. Пушкиным, В. Кюхельбекером, другими известными поэтами и писателями. А еще тем, что дед его был основателем первой в Сибири типографии и издателем первого сибирского журнала. Г.С. Батеньков учился с ним в тобольском училище и затем поддерживал отношения всю жизнь, а в 20-годы помог перебраться в Петербург и получить чиновничье место.
Г.С. Батеньков участвовал в хлопотах по поводу переезда **П.И. Менделеева** в Томск. Но не приписывал себе заслугу в благополучном решении вопроса. *«Менделеев сел на <служебный> стул по личному участию в нем губернатора, а надпомнить об нем мог разве Романов или хлопотал старый подчиненный его, а теперь советник Семенов*, - сообщал декабрист И.И. Пущину. – *Напрасно приписывает он мне <одному>, человеку, не имеющему никакой силы, всякое тут посредничество. Разуверьте его, если есть средство… Я за счастие бы почел сделать всякую услугу для его отца и матери, с которыми был связан добром и дружбою, но может ли от моего Назарета что-нибудь быти».* (Декабристы. Летописи… Стр. 34).
[32] Сочинения и письма. Стр. 326.

XVI

[1] В канун 1855 года В.Г. Батеньков писал А.П. Елагиной: *«Год этот должен быть тяжким, но **может быть и последним в этом направлении…**».* А позже говорил в письме И.И. Пущину, *что «не бросается вплавь по океану надежды»,* но все же *«полагает добыть при благоприятном случае»* что-то получше куриных крыльев, дабы взмахнуть ими и *«перелететь через частокол».* И добавлял: *«Все, однако же, в воле божией… Не скрываю, что **есть какое-то доброе предчувствие** и возникли лучшие симпатии, по крайней мере, то почти очевидно, что тяжести не прибавится».* (Сочинения и письма. Стр. 328; 347).
[2] Там же. Стр. 316.
«Зима у нас курам на смех теплая, почему и не перестают они класть яйца во всё её продолжение…», - шутил в письмах Г.С. Батеньков. (Там же. Стр. 331).
[3] В том же письме дальше читаем**: Томск *«есть главный этап транспортировки для всей Сибири»,*** но наступает затишье – *«всё чинно прибрано, и можно подумать, что все заняты одним домашним хозяйством. Строятся только быстро и охотно, а неоконченные или развалившиеся здания разорившихся богачей, несмотря на протекшие годы, кажутся уже отодвинутыми в археологическую даль… Большой пожар 1845 года, истребивший многие кварталы незастрахованных строений, через год уже был забыт и весь послужил популярности архитектуры, деятельности и успехам работников, живости промышленности; падение же нескольких капиталов наполнило <его> неисцелимыми язвами. Выходит, что богатство – добрый спутник жизни; но оно много требует ума и в практике верного понимания, натуральных консепций… а без того рушится и при са-*

мом твердом основании, как великолепные куполы Тоновских проектов». (Там же. Стр. 299).

[4] Там же. Стр. 315.

И далее – рассуждения о ***«странном отношении»*** **капитала к добру и злу:** *«Предполагая скопленный явными неправдами, его не любят долго и ропщут, но наконец уже подвергаются, как некоторой власти, благотворному из него влиянию, и тогда-то на преследование его и разрушение смотрят как на новое и бесполезное зло, кроме злых и неисправимых завистников. У нас <в Томске> и этого не было. Источник капиталов известен и безукоризнен…».* Хотя, пишет Авдотье Елагиной, для людей, лишенных капитала, *«это постороннее дело…»* (Там же).

Впрочем, **о своей нужде Г.С. Батеньков сообщал спокойно**, как о чем-то, само собой разумеющимся: *«Мне и делать нечего, как только пересчитывать дни и часы и отмечать их то минувшею, то наступающею нуждой». Хотя «при всех угрозах расстройства всё какая-то сила подкрепляет меня и внушает надежду, что хотя я и пристав к чужому добру, но бог не лишит насущного хлеба...»* (Там же. Стр. 370).

Но говорил о нужде только близким. *«Могу закончить год,* - сообщал И.Д. Асташеву, - *без значительных затруднений,* ***не касаясь данного вами мне при отъезде кредита.*** *Остается только пробел в первых двух месяцах нового года, он происходит оттого, что Авдотья Петровна… не могла в нынешнем году выслать <деньги> по известным обстоятельствам, расстроившим кассы. Это составляло обыкновенно сумму 300 рублей…».* (Там же. Стр. 365-366).

[5] *«Есть у меня небольшой запас, который в нынешнем году снабдил меня Семен Трофимович <Аргамаков>,* - читаем в том же письме И.Д. Асташеву, - *Но я положил его хранить в золотой монете* ***неприкосновенным, на всякий случай»*** **(**Там же. Стр. 366). Хотя позже, в 1862 году, Г.С. Батеньков признавал, что много лет, ***«питая надежду когда-нибудь вырваться из Сибири, старался что-нибудь сберечь для проезда».*** (Русские пропилеи. Стр. 110).

Подробный отчет о денежных своих делах Г.С. Батеньков приводит в письме А.П. Елагиной за несколько месяцев до отъезда из Томска:

«Надобно тебе… обрисовать картину моего экономического года*. Он начинается с марта, когда я из несомненных избытков после расчета с монетным двором Аргамакова получаю обыкновенно 800 рублей. Эти деньги располагаю на обыденный домашний расход помесячно, впрочем, немаловажный, потому что живу теперь домом и в семье. Весенние издержки состоят в именинах… потом следуют огородные работы на даче и… хозяйство в поле. Затем заготовление дров и сенокос. Эти две статьи, простирающиеся до 300 рублей, покрыл Николай Иванович.*

Потом все просто до осени, то есть до заготовления на год овса, муки и других припасов. Тут опять помог Николай Иванович и частию Иван Дмитриевич <Асташев>. К концу зимы закупка на Ирбитской ярмарке бакалейных для дома потребностей и тому подобного. Это собственно статья Ольги Павловны и ее братьев. Вот как оборотился год, и мы успели еще построить службы за городом и повесить в зале 20-рублевую люстру.

Из твоих денег обыкновенно содержу гардероб, ремонты и всякого рода пополнения. Сюда же отношу церковные расходы… Всего тяжелее у нас прислуга: вся она наемная и пьет чай. Нужны две женщины, два дворника, два слуги, кучер и кроме того прачешная. Повара не держу…<И> вообще ***я никогда рубль не теряю из виду, свой рубль, часто дичающий у других от фантазий и роскоши.*** *Вот как нужда заставила меня калачи есть. Люблю поделиться с теми, кто беднее меня, за то и мои друзья делают по временам облегчительные мне сюрпризы».* (Сочинения и письма. Стр. 375-376).

А после сообщал, что весною *«хозяйственной части занимается слегка и свысока»,* и все же ***«расходы часто выводят из терпения и погружают в хандру и раздумье». (***Там же. Стр. 388).

Наконец, в письме В.И. Штейнгелю, касаясь своего положения, Г.С. Батеньков признавал, что для поддержания средств продал бы что-нибудь, *«если бы имел хоть нитку не общую и не строго потребную для обыденного употребления».* И далее пишет о скромной жизни, бережливости *(«всё… раздаю и вообще покупаю не для себя, а в общину»*), о том, что денег вечно не хватает – *«худо и понимаю, как бог помогал доселе».* (Там же. Стр. 402-403).

[6] Русские пропилеи. Стр. 102.

[7] В письме Я.Д. Казимирскому декабрист вспоминал о том, как **познание добра и зла стало для него *«серьезной наукою и деятельным искусством****, некоторым охлаждением страстного на них взора».* В сходном поиске противостояния злу и *«сатане»* пребывал *«умный Гоголь»,* но он *«не мог вынести и потерял талант и жизнь, единожды до того коснувшись».* Дальше следует признание, что метод Г.С. Батенькова («охлаждение взора» на зло) признавал важным и Н.В. Гоголь, что *«он чувствовал его <Батенькова> истину, но как-то не мог ею воспользоваться на самом деле».* (Сочинения и письма. Стр. 360).

В другом письме читаем: *«…Человек давно не щадит себя, ему недорога жизнь, он охотно расточает ее на познание добра и зла, и имеет главною задачею* ***приобрести высокий божественный ум и дух бессмертный, как праведное воздаяние за страдания свои, смирение и веру****. А это такие дары, которые не могут уже основаны быть на веществе, и должны опираться на Бога, как всякий свет и сила…».* (Там же. Стр. 400).

[8] ***«Оторванный теперь от общей жизни****,* ***я рад и проблескам,*** *и хватаюсь за них со всем напряжением сжатого чувства»,* - писал декабрист Н.Д. Свербееву. (Там же. Стр. 324). *«Тяжко жить здесь, хотя большинство и не отказывает в доброй приязни,* - жаловался в другом письме. – *Меня ужасно тяготит отдаление; кажется, живу на самом краю света…».* (Там же. Стр. 404).

«Стыдно теперь, кажется, и говорить о своей жизни. *В ней ничего, кроме тяжелого на сердце камня, обросшего бесцветным мхом, годным только для теплоты жилища и лихорадочных настоек. Не пропал еще вовсе - и за то слава богу»,* - признавал Г.С. Батеньков. – Ибо *«грунт, на котором стою, ничего не производит…* ***не вижу здесь дела,*** *решительно никакого дела, кроме простой работы своими руками и мелочных»* дел. (Там же. Стр. 363; 365).

[9] Сочинения и письма. Стр. 275.

«Идеи наши тянутся из нас, как паутина, *но это еще простой узор, пока нет в них довольно силы, чтоб сделаться правилом, и довольно света, чтоб быть приятными властию. Вот еще консепции и поле для анализа, но я не пишу диссертаций, а лучше сказать. И не могу ничего и не умею писать по простой отвычке и слабо владея наукою»,* - читаем в письме А.П. Елагиной. (Там же. Стр. 286).

Трудно сказать, насколько откровенны были слова Г.С. Батенькова о нежелании писать. *«Вы хотели писать записки,* - интересовался у него Евгений Якушкин. – *начали вы или отложили в долгий ящик?.. «И не начал и не начну,* - отвечал декабрист. – *Писать может только тот, кто уверен, что его бумаги сохранятся, а у нас кто может быть в этом уверен? Фамильных архивов у нас нет, а у себя держать бумаг нельзя; завтра же могут придти и забрать все…. Самое лучше средство положить бумаги где-нибудь в монастырь или в церковь, потому что за попов можно поручиться, что они читать не станут, и стало быть не узнают, что у них за бумаги, но нельзя поручиться, что бумаги не уничтожатся. Как же при таких обстоятельствах писать?»* (Якушкин Е. Стр. 47).

А в письме к не нему же Г.С. Батеньков сообщал: *«**Не жди от меня никаких записок, для того, что предполагал, не нашел и не собрал данных.** Притом я плохой и отсталый литератор. Самая диалектика моя слишком оригинальна, чтоб годилась в печать, а вдохновение мое про себя…»*. (Сочинения и письма. Стр. 341).

В тоже время сохранился рассказ о записях, которые вел в Томске ссыльный декабрист.

«В Томске долгое время и настойчиво сообщали, что Батеньков оставил свои записки Лучшевой, завещавшей эти записки положить, когда она умрет, в гроб, что будто бы и было исполнено», - сообщал Н.Н. Бакай, ссылаясь на А.В. Адрианова (Стр. 47)

*«Память о Батенькове свято чтила в Томске **вдова Ник. Ив. Лучшева – Анна Михайловна, урожденная Любимова**…Она хранила, как святыню, оставшиеся у нея мемуары Батенькова, которые, по словам И.Л. Фуксмана, приходилось ему не только видеть, но и читать, когда Лучшева жила в семье Фуксмана. А.М. Лучшева, больная старушка… чувствуя приближение смерти, зашила записки Батенькова в шелковую подушку и приказала положить* их в гроб, под ея голову, когда она умрет... Клятва была дана и исполнена». (Адрианов А.В. Стр. 34).

[10] *«Судя по замечаниям в письмах… **Батенькова привлекали новейшие социально-политические теории**, исповедуемые петрашевцами, и социально-коммунистические… Его особенно интересовали новые силы, которые в начавшемся мировом процессе разложения старого и рождения нового строя доведут их дело до конца»* (Брегман А.А. Стр. 82).

***«Странный народ эти коммунисты**,* - недоумевал декабрист, - *в них есть инстинкт потребности выйти из политических громад, но главное стремление – разрушить социальную форму. Если они усилятся, конечно, выйдет борьба; но все же право и силы создания окажутся не на их стороне. Неоспоримо, что вышеозначенная <прежняя> форма <борьбы> исполнила свою меру, обветшала и клонится к падению, хорошо также, что они нам на это указали, хотя и сами мы достигли знания… но все же **необходимо терпение, чтоб дать место метаморфозе естественно совершиться**. Много пущено аргументов, но **большею частию обращены они на гниль**, а не на осредоточение силы в индивидуумах и их группировке».* (Сочинения и письма. Стр. 338-339).

Здесь, вкратце, важнейшая составляющая политической позиции Г.С. Батенькова, который считал, что события должны развиваться естественным образом, и что одна критика существующего порядка, который нуждался в критике, ничего не даст без просвещения, нравственного воспитания людей.

Правильно *«мыслить, что по настоящему нашему положению **все силы, все симпатии должно соединить и направить к поддержанию умного абсолютизма,*** - писал Г.С. Батеньков «приемному сыну» Евгению Якушкину. - *Историческое наше сложение (и географическое) сделали это необходимым, тем более, что всякую другую форму <правления> составить уже поздно, а окончательную… рано; и всегда будет рано, пока стоит такая необъятная громада, составленная завоеванием и славою. Но много сверх того есть вопросов, не менее существенных… Главный из них тот, возможен ли просвещенный деспотизм и абсолютная централизация <в России>?…*

*Необходимо было бы улучшить начала, не почитать Россию огромным поместьем и всех нас имуществом, не стремиться обратить его в военную силу и не полагать главным цементом уголовный кодекс, тюрьмы и арестантские роты. Но это пути сообщения тирании. Она влюбилась уже в них, как все большинство в железные дороги. По ним легко двигаться на простых парах, и надобно только разветвлять и размножать, чтоб превысить и доверенность и дело… **Но объемлется ли так вся природа человека**; где*

же поместятся его нравственные способности, где свобода, необходимая для силы и действия их?..» (Сочинения и письма. Стр. 340-341).

[11] Там же. Стр. 357.

Замечания по поводу сочинения А. Гумбольдта находим в письме Авдотье Елагиной: *«Прочтение всех <его> книг оставляет тяжелое впечатление… Вместо прекрасной, пластической астрономии является звездочетство. Между тем ум и чувство вопиют, что Земля занимательнее математической единицы и самом материализме от нее должно идти и к ней возвращаться. Вот почему прекрасная и умная часть произведения германского писателя кажется эпизодом… Если взглянуть на небо со стороны его красоты, можно прийти к другим понятиям пространства и света, к разуму бесконечности…»* (Там же. Стр. 298).

[12] Там же. Стр. 366.

Вот книги, которые Г.С. Батеньков рекомендовал приобрести для библиотеки И.Д. Асташева:

«1. «Аполлинарий и Сидоний» Ешевского. 2. «О поклонении Зевсу». Никогда они не будут лишними в библиотеке, особенно при моем об ней понятии, как складе всего того, что может остаться от меня вашему сыну. Есть еще и другие книги, которые впоследствии будут редки и дороги. К числу их принадлежат полное собрание Законов, Свод летописей, издания Географического общества и разные Археологические акты… Но вы еще долго пробудете в Петербурге , и мы еще успеем обменяться мнением». (Там же).

Дальше, в одном из писем, мы видим рассуждения о журналах:

«Читаю я «Русский вестник» и желаю ему успеха: он налаживается немного на новый тон, но приметна еще непривычка и некоторая неловкость, сдается что-то ученическое… но много еще веры в крепость старого грунта. Вот почему ***потребность в новом сильном журнале, который бы смелее коснулся жизни и расшевелил ее, остается неудовлетворенною…».*** (Там же. Стр. 384-385).

[13] Там же. Стр. 276.

Значимость слова приводят к мысли об *«обетовании истины»*, **стремлении к *«слову небесному»*, которое «*составляет все наше упование»*,** поскольку *«оно не ограничивается настоящим бытием, но может продолжаться и по разрушении его; оно <становится> плотию, а следственно, сохраняет красоты в слове возвышенном и прославленном».* (Там же).

«Никогда человек не отрицался и не может отречься от своего небесного происхождения и непрестанной зависимости от своей причины, но беспрестанно и затемняет это благородное сознание земными страстями и ***, единожды возгордясь дарами <небесными>, считает унизительным признавать себя созданием <Творца>*** *».* (Там же. Стр. 295).

[14] Из письма И.Д. Якушкину от 17 апреля 1855 года (Сочинения и письма. Стр. 346).

«Всего кажется вероятнее, что крутых перемен ожидать нельзя; - писал Я.Д. Казимирскому в том же месяце, - *новая воля выскажет себя по времени, последовательно. Теперь всего желательнее внешний мир, о внутреннем и заботиться нечего. Само провидение приметно тушит бурю страстей, и, кажется, люди начали понимать, что улучшения не извергаются, а наступают тихим шагом… Чем менее мы захочем переломить ее <нравственную необходимость> по-своему, тем добрее к нам будут, и мы можем даже полюбить ее», которая «в руках Бога».* (Там же. Стр. 350).

[15] Из письма Г.С. Батенькову от 27 мая 1855 года (Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина, Э.Г. Толля. Стр. 261).

«Новое царство больше нежели бледно, - сообщал И.И. Пущин несколько позже, 13 сентября 1855 года, - *да и нелегко действовать в таких обстоятельствах. Я бы созвал,*

на его месте, народное вече, чтоб не лежала на мне ответственность за отца незабвенного! Кажется, этого ничего не будет – пахнет только мундирами и пуговицами… <Но> что ж делать, добрый друг… будем ждать». (Там же. Стр.264).
По случаю смерти отца Александр II объявил траур.
«Какое событие! – писал в Томск В.И. Штейнгель. ***– Думали ли мы с тобою, что можем до него дожить*** *– до годового траура всей России!.. Поистине, неведомы судьбы божии. Это было так поразительно, что я не мог собраться с духом говорить об этом; ждал, что ты скажешь. Но получил от тебя всегда для меня отрадные строки, еще от «в неведении сущего»… Как, пред богом предстать! Я с грустью принял эту весть, забыв все личное. Молился о душе преставленного, как немногие, быть может, из облагодетельствованных. Давно сердце и душа примирились с судьбою и с ним.* ***До сих пор не предавался нисколько надеждам, хотя родные уже начали. Хочу оставаться в нерушимом спокойствии,*** *чтобы не потратиться ощущениями напрасно. Да сотворит господь и с нами волю святую!»* (Из письма Г.С. Батенькову от 7 апреля 1855 года. Стр. 328).
[16] Сочинения и письма. Стр. 374.
[17] Некоторые исследователи полагали, что **библиотека Г.С. Батенькова попала к прибывшему в томскую ссылку М.А. Бакунину.**
«…Главное, чем он занимался в Томске, были книги, - писал о знаменитом теоретике анархизма И.Т. Лозовский. – *Ему досталась оставленная Батеньковым богатая библиотека. Уезжая из Томска, Гавриил Степанович заявил, что увозить книги из Сибири, столь бедной литературой, - настоящее преступление, и ни одной книги не увез. А библиотека у него была собрана отменная. Бакунин договорился с хозяйкой дома, у которой хранились книги Батенькова, и перевез библиотеку к себе….».* (Стр. 298).
[18] *«Как бы ни было желание наше далеко от исполнения, все же оно оживляет душу; сердце охотно верит богу и людям, но* ***ум требует прежде быть призванным, чтоб начать свою деятельность****. Он соглашается только, что здесь я на чужой уже стороне, виден как старик, отживший свой век, и должен подавлять все свои симпатии, чтоб еще дальше не оттолкнуть от себя море жизни, всегда глубокое и бурное.* ***Ежели нужно избрать себе могилу, то я не здесь бы желал иметь ее…****»,* - писал Г.С. Батеньков в марте 1856 года. (Сочинения и письма. Стр. 386).
[19] Батеньков Г.С. Non exegi monumentum. (Илюшин А.А. Стр. 144).
[20] Сочинения и письма. Стр. 370.
[21] Русские пропилеи. Стр. 61.
[22] Сочинения и письма. Стр. 400.
«Жизнь и наука делают огромные шаги; *географические условия начинают составлять статистическую ценность. Города, реки, горы могут быть взвешены и выражены цифрою, входить в формулы или занимать точки в каком-нибудь дельном очертании. Все это ведет к обновлению как человека лично, в семейном быту, так и огромную целость царства,* - писал Г.С. Батеньков приятелю Я.Д. Казимирскому. - *Когда же будет уже светло до того, что* ***под густотою материального покрова откроем божие бытие****, точка действительно переправится в новый свет с жизнию, наукою и делами. Такие весьма недавно завоеванные у мистики мысли становятся теперь логическою потребностью».* (Там же. Стр. 396-397).
[23] Батеньков Г.С. Молитва старца. (Илюшин А.А. Стр. 143).
[24] *«Пишу к тебе обыкновенно ночью или в раннее утро…*- признавал Г.С. Батеньков в письме Авдотье Елагиной, - *и ток моей мысли* ***всегда уходит в то аскетическое состояние, в котором я так долго находился, и потому выходит целое странным и необычным…*** *Но я верю своему чувству; оно не разлучается с тобою, и ты ясно или тем-*

но, но непрерывно слышишь, что говорю я, а не кто другой». (Сочинения и письма. Стр. 378).
[25] Из письма Евгению Якушкину от 20 февраля 1856 года. (Там же. Стр. 383).
[26] Там же.
«Для меня <эти мысли> клубок нити в странствии по катакомбам. Я так уверен в его прочности, что готов предложить любому Тезею», - добавлял Г.С. Батеньков. (Там же).
[27] Батеньков Г.С. Non exegi monumentum. (Илюшин А.А. Стр. 144).

Эпилог

[1] *«Смерть Николая I возбудила надежды на новое царствование. Поговаривали о либерализме наследника престола. А.П. Елагина, пользуясь придворными связями, обратилась через императрицу с просьбой о милостивом заступничестве за Батенькова – о разрешении ему вернуться в круг друзей»,* - писал В.Г. Карцов (Стр. 200).
Ходатайство Авдотьи Елагиной 1855 года привел в своей известной статье Б.Л. Модзалевский.

Государыня!

Поскольку Господь призвал Вас править, он вселил великодушие в Ваше сердце… вот почему я осмеливаюсь молить Вас о пощаде к несчастному изгнаннику, бывшему преступнику, а теперь уже давно раскаявшемуся и страдающему.
Батеньков… был замешан в печальной памяти деле 14 декабря. Он был наказан более сурово, нежели другие… А затем девять лет ссылки в Томск, - старый, немощный, все еще страдающий от ран… именно к Вашему милосердию обращает он свои чаяния. И я, старая вдова одного из его сослуживцев, единственное живое существо, оставшееся подле него от его –прежней жизни, осмеливаюсь молить Вас о милосердии к нему. Во имя нашего спасителя, умершего за наши грехи, соблаговолите протянуть несчастному Вашу христианскую руку, соблаговолите вступиться за него перед Вашим августейшим супругом: да снизойдет на него полное помилование, пусть закончит он свои дни в Москве, окруженный заботами и дружеской поддержкой. Правосудие уже давно удовлетворено; нет больше преступника, есть лишь несчастный раскаявшийся и покорный старик…».
(Модзалевский Б.Л. Стр. 417).
Однако просьба не возымела действия. На бумагу легла резолюция «милостивого» государя: ***«Оставить это до коронации, тогда можно будет сделать общую милость…».*** (Там же. Стр. 125). И лишь через год, 23 июня 1856 года, *«секретарь Марии Александровны препроводил, по поручению последней, Л.В. Дубельту новую записку о Батенькове, никем не подписанную, но, судя по почерку и дальнейшей переписке, принадлежащую перу той же А.П. Елагиной, - доброго гения Батенькова, - с просьбою повергнуть оную на Всемилостивейшее воззрение Государя Императора».* (Там же).
26 августа 1856 года, в день коронации, был опубликован манифест об амнистии государственных преступников, в котором значилось имя Г.С. Батенькова.
[2] Русские пропилеи. Стр. 93.
[3] Из письма Я.Д. Казимирскому (Сочинения и письма. Стр. 398).
А в письме В.И. Штейнгелю признавал*: **«Восток был мне и ласков и тепел; но я все в нем исчерпал, что только было моего»**.* (Там же. Стр. 406).

[4] *«В числе причин, ускоривших мой выезд, - признавал декабрист, - было и* ***опасение, чтоб не задержали какими-нибудь мудростями власти****, и распоряжение Семена Трофимовича получил уже в Тобольске. Оно состояло в поручении одному его агенту купить у меня за что бы ни было все мое заведение. Не желая обижать Лучшева и не имея возможности с ним рассчитаться, а равно и потому, чтоб не совсем отчуждиться от любимаго мною, как называл я земляного дела, оставил все как было и ответил отрицательно, - находим в письме неизвестному, написанному из Калуги в 1862 году.*
Однако «несколько лет спустя, - продолжал Г.С. Батеньков, - ***князь Орлов изходатайствовал возвращение мне конфискованного имущества****; и так очутился мой собственный капитал в 5 тыс. рублей. Попечители мои в Петербурге решили, однако же, деньги эти у меня отобрать и вложить в кассу их общаго прокопьевскаго прииска, выдали мне только документ в 1000 золотых полуимпериалов с обеспечением дохода 7 %, и прибавив к тому еще ежегодную высылку 1000 рублей, что доставляло уже 27%, утвердили мой бюджет в 100 рублей на месяц с карманными в год 150 рублей. Так я остался в прежней норме…».* (Русские пропилеи. Стр. 110).
[5] Сочинения и письма. Стр. 411.
[6] Из письма С.П. Трубецкому от 22 сентября 1856 года. (Там же).
[7] Батеньков Г.С. Утром уеду… (Илюшин А.А. Стр. 145).
[8] ***«Посетить здешний город входило в мой план****, сколько потому, что я не был здесь 36 лет, сколько и для ознакомления с товарищами и соображения с ними дальнейшего пути…* - сообщал Г.С. Батеньков из Тобольска Н.Д. Свербееву. – *Здесь застал я Анненкова, Свистунова, Флегонта Башмакова, а со Штейнгелем поменялись приветами из тарантаса в тарантас; он уже укатил в Россию. Из ялуторовских также явились Пущин и Муравьев…».* (Сочинения и письма. Стр. 412).
«Уже пятеро из наших отправились в Россию, - писал в дневнике Басаргин, - Первый Штейнгель… потом Волконский из Иркутска, после него Батеньков… Последнего я не знал прежде и познакомился с ним во время проезда. Он человек замечательный как по уму, так и по характеру. Непонятно, как, пробыв в крепости 20 лет, он так сохранился. ***Все его суждения, даже письма носят какой-то оригинальный отпечаток и показывают в нем недюжинного человека».*** **(**Басаргин Н.В. Стр. 260).
[9] *«Москва! Здесь радостные встречи с Якушкиным, Волконским, Свербеевым, Голицыными и другими. Но уже через три дня – отъезд…».* (Карцов В.Г. Стр. 201).
«Данное Батенькову разрешение жить везде, кроме Петербурга и Москвы, не удовлетворило его, и уже в марте 1857 года он обратился к главному начальнику III Отделения князю В.А. Долгорукому» с просьбой отменить это распоряжение. В просьбе, однако, ему было отказано.
Только в конце 1858 года было принято ***«высочайшее соизволение на освобождение Батенькова… от надзора»,*** после чего отменен был и запрет на жительство в столицах. (Модзалевский Б.Л. Стр. 127; 132).
[10] У Елагиных декабрист прожил год, а затем, купив домик в Калуге, поселился там, **пригласив на жительство Ольгу Павловну Лучшеву с детьми.**
«В Калуге <он> обзавелся крошечным, но чистеньким домиком в самом конце города на Дворянской улице, и когда приехала Ольга Павловна… с ребятишками, прибрали жилье общими силами и ***начали продолжать ту самую жизнь, какая была в Томске…»*** (Лучшев Ал. Стр. 278).
Умер Г.С. Батеньков там же, в Калуге, на 71-м году жизни, и был *«похоронен в ограде церкви села Петрищево в десяти километрах от г. Белева, рядом с могилой друга своей молодости А.А. Елагина».* (Карцов В.Г. Стр. 208).

«После него не осталось ни семейства, ни близких родных, - сообщал **некролог в «Библиотеке для чтения»,** - *но об этом человеке искренне пожалеют многие… Батеньков пользовался вполне заслуженным всеобщим уважением…*
В старости, испытав много горя и лишений, Батеньков сберег всю свежесть ума и энергию характера… Сила духа в этом человеке была необычайная; ее присутствие слышалось во всем его существе. Казалось бы, эта сила, в соединении с обширным умом, высокой образованностью и деятельною любовью к добру, к людям, призвана была совершить многое для человеческого блага, - но, по неисповедимой воле провидения, ей суждено было оказать себя только в страданиях… Грустно было смотреть на это неудавшееся существование, на обилие даров, оставшееся бесплодным, на эту неудовлетворенную, но не угасшую до последнего часа жажду деятельности, на эту громадную силу духа, пораженную бездействием, тоскующую, недоумевающую…
Теперь она опочила, успокоилась эта сила». (Некролог. Стр. 162-163).
«Мир праху твоему, великий мученик русской свободы… - отозвался на смерть декабриста П. Долгоруков. – *Судьба не допустила тебя до блистательного поприща, тебя ожидавшего, и не дозволила отечеству воспользоваться твоими способностями, твоим умом, твоей энергией и высоким благородством душевным, но пример твой будет назидательным для грядущих поколений! Великий пример твой ясно покажет, с какой непоколебимой твердостью энергия и сила воли научают исполнять долг свой и переносить страдания самые тяжкие, и до какой степени покорность воле провидения может довести добродетель!*
Мир праху твоему!
Память твоя не умрет в летописях России и человечества, и твое имя, имя Гавриила Степановича Батенькова, будет навеки дорого и мило друзьям свободы; имя это произносимо будет всегда с чувством священного благоговения» (Стр. 395).

Δ

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

Архивы

Государственный архив Омской области (ГАОО).

Государственный архив Томской области (ГАТО)

Томский областной историко-краеведческий музей, фонд Г.С. Батенькова (ТОИКМ).

Книги

Адамов А. Колумб российский. Курск. Изд. Курская правда. 1948 г.

Адрианов А.В. Г.С. Батеньков // Томская старина. Томск. 1912 г.

Адрианов А.В. Масоны в Томске // Томская старина. Томск. 1912 г.

Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. СПб. Тип. В.В. Комарова. 1889 г. Часть 2-я (период с 1806 по 1819 гг).

Басаргин Н.в. Воспоминания. Рассказы. Статьи. Иркутск. Восточно-Сибирское книжное издательство. Серия «Полярная Звезда». 1988 г.

Батеньков Г.С. Записки и письма // Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. М., Изд. Сабашниковых. 1916 г. Том II.

Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни (автобиографические «припоминания») // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1933 г Том II.

Батеньков Г.С. Сочинения и письма в двух томах. Иркутск. Восточно-Сибирское книжное издательство (письма 1813-1856 гг). Серия «Полярная Звезда». 1989 г. Том I.

Бородавкин А.П., Шатрова Г.П. Декабрист Батеньков (из серии книг «Замечательные сибиряки»). Томск. 1960 г.

Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Биографии в 12-ти томах. М., 1991 г. Том I.

Брегман А.А. Декабрист Гавриил Степанович Батеньков. Вступительная статья к иркутской книге писем // Батеньков Г.С. Сочинения и письма в двух томах. Иркутск. Восточно-Сибирское книжное издательство. 1989 г. Том I (письма 1813-1856 гг).

Бурлачук Ф. Владимир Раевский. М., «Молодая гвардия». Серия «ЖЗЛ». 1987 г.

Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб. Тип. Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1872 г. Том I.

Ведьмин О.П. Масоны в России. (1730 - 1825 гг) Кемерово. Изд. Кемеровского университета. 1998 г.

Вересаев В. В. Спутники Пушкина. В двух томах. М., «ЛОКИД-ПРЕСС», 2001 г.

Вигель Ф.Ф. Записки. М., Изд. «Русский архив». 1892 г. Часть II.

Габов Г.И. Общественно-политические и философские взгляды декабристов. М., Изд. политической литературы. 1954 г.

Герцен А.И. Сочинения в 4-х томах. М., Изд. «Правда». 1988 г. Том I, II.

Гершензон М.О. Г.С. Батеньков // Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. М., Изд. Сабашниковых. 1916 г. Том II.

Гессен А. И. Во глубине сибирских руд… Декабристы на каторге и в ссылке. Новосибирск 1977 г.

Город Томск в XIX веке // Очерки истории Томска (1604-1954). Томск. 1954 г.

Гофман В. Рылеев-поэт // Русская поэзия XIX века. (под редакцией Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова). Л., Изд. «ACADEMIA» 1929 г.

Декабристы. 86 портретов. Вступительная статья В.А. Мякотина. М., 1906 г.

Декабристы и литератора. М., Серия «Литературное наследство». Изд. АН СССР 1956 г. Под редакцией В.В. Виноградова Том 60 Кн.I Часть II.

Декабристы. К столетию заговора (1825 – 1925). М., «Молодая гвардия». 1825 г.

Декабристы. Летописи государственного литературного музея. Изд. Государственного литературного музея. Под редакцией В. Бонч-Бруевича. М., Кн.III 1938 г.

Декабристы на каторге и в ссылке (1825-1925). М., Библиотека журнала «Каторга и ссылка». 1925 г. кн. 8-9.

Декабристы. Новые материалы. Под редакцией проф. М.А. Азадовского М., 1955 г.

Дмитриев Ф.М. Сочинения. Статьи и исследования. М., Тип. тов-ва А. Мамонтова 1900 г. Том II.

Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. СПб., 1909 г.

Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. М., Тип. Товарищества И.Д. Сытина. 1907 г.

Довнар-Запольский М.В. Политические идеалы М.М. Сперанского. М., Изд. Товарищества И.Д. Сытина. 1905 г.

Долгоруков П. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860-1867 гг. М., Изд. «Новости». 1992 г.

Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование Александра I (с 1807 по 1829 гг.). СПб 1883 г.

Дубровский К. Декабрист-Сибиряк (Г.С. Батеньков) // Рожденные в стране изгнания. Петроград. Тип. «Виктория». 1916 г.

Евтропов К. Н. История Троицкого Кафедрального собора в Томске (постройка его с характеристикой времени и деятелей с тремя видами и девятнадцатью портретами). Томск. Тип. Епархиального братства. 1904 г.

Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск. ТГУ. 1984 г.

Жилякова Э.И. «Сердце золотое, благородное, чистое…» // Русские писатели в Томске. Томск. Изд. «Володей». 1996 г.

Жуковский В.А. Стихотворения и поэмы. Новосибирск. Западно-Сибирское книжное изд. 1985 г.

Записки неизвестного о декабристах и о русских моряках прежнего времени. // Щукинский сборник. М., Изд. Отделения Императорского Российского Исторического музея им. Императора Александра III и музея П.И. Щукина. 1905 г.

Зуев А.С. Сибирь: вехи истории (XVI - XIX вв). Новосибирск. Изд. «ИНФОЛИО-пресс». 1999 г.

«Издревле сладостный союз...» (антология поэзии пушкинской поры). М., «Сов. Россия». 1984 г. Кн. II.

Иванов Ал. Один из декабристов (из воспоминаний старого сибиряка) // Сборник статей о Сибири. Том 292.

Илюшин А.А. Поэзия декабриста Г.С. Батенькова. М., Изд. МГУ 1978 г.

Исаков С.А., Дмитриенко Н.М. Томские архиереи. Библиографический словарь (1834-2002). Томск. ТГУ. 2002 г.

Канунова Ф.З, Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религии (1820-1840 гг). Томск 2001 г.

Канунова Ф.З. Томск в литературной судьбе Г.С. Батенькова // Русские писатели в Томске. Томск. Изд. «Володей». 1996 г.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., Изд. «Правда». 1988 г.

Карцов В. Г. Декабрист Батеньков. Новосибирск. Изд. «Наука». (Сиб. Отделение АН СССР). 1965 г.

Кодан С.В. Устав об этапах 1822 года // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск. Изд. Иркутского университета. 1982 г.

Корф М.А. Жизнь графа М.М. Сперанского. СПб. Изд. Императорской публичной библиотеки. 1861 г. Том I

Котляров Г.М. Г.С. Батеньков в Сибири (в 1817 – 1819 гг.) // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Изд. Всесоюзного общества политкаторжан. М. 1933 Том II.

Кудрявцев Ф. Первый декабрист В.Ф. Раевский в Олонках //Сибирь и декабристы. Иркутск. Изд. Иркутского губисполкома. Под редакцией М.К. Азадовского 1925 г.

Летописи государственного литературного музея. Декабристы. Общая редакция В. Бонч-Бруевича. М., 1938 г. кн. III.

Лозовский И.Т. Предки, друзья и знакомые А.С. Пушкина в Томске. // «Мороз и солнце» (сборник произведений томских писателей). Томск Изд. ЦНТИ 1999 г.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. (Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX вв). СПб. «Искусство - СПб» 1994 г.

Модзалевский Б. Декабрист Батеньков // Алексеевский равелин. Секретная государственная тюрьма России в XIX веке. В двух книгах. Ленинград. Лениздат, 1990 г. Кн. 1.

Новаковский Вл. Михаил Михайлович Сперанский. Биографические очерки. СПб. Изд. Тов-ва «Общественная польза». 1868 г.

Новиков В.И. Масонство и русская культура М., «Искусство». 1998 г.

Петрашевцы в воспоминаниях современников. Сборник материалов. Сост. П.Е. Щеголев. М., 1926 г.

Петров М. Западная Сибирь. М., Изд. Товарищества И.Д. Сытина. 1908 г.

Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толля. Из архива Елагиных. М., Изд. Всесоюзной библиотеки им. Ленина. 1936 г.

Пичурин Л.Ф. Толстого кистью рукотворной. Новосибирск. Западно-Сибирское книж. изд-во. 1980 г.

Попов А.И. Томск. Сер. «Архитектура городов СССР». М., Госиздат. 1959 г.

Потанин Г.Н. Тайжане. Историко-литературные материалы. Томск. ТГУ. 1977 г.

Порох И.В. Декабрист Н.В. Басаргин… // Басаргин Н.В. Воспоминания. Рассказы. Статьи. Иркутск. Восточно-Сибирское изд. 1988 г.

Пыпин А.Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I. Петроград. «Огни». 1916 г. Том 1.

Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII век и первая четверть XIX в. Петроград. Изд. «ОГНИ», 1916 г.

Руденская М., Руденская С. Они учились с Пушкиным. Л, «Лениздат», 1976 г.

Русская философия второй половины XVIII века. Хрестоматия. Сост. Б.В. Емельянов. Свердловск. Изд. Уральского университета. 1990 г.

Русский биографический словарь. СПб Тип. Главного управления уделов 1897 г. Том X.

Русские писатели. Биографический словарь. Составители Спасибенко А.П. и Гайденков Н.М.. М., Изд. Просвещение. 1971 г.

Сабуров А.А. Декабрист Г.С. Батеньков. Вступительная статья к московской книге писем // Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толля. М., Изд. Всесоюзной библиотеки им. Ленина. 1936 г.

Сахаров В.И. Иероглифы вольных каменщиков. М., Изд. «Жираф» (серия «Три века русского искусства»). 2000 г.

Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб. 1909 г.

Серков А.И. Русское масонство. Энциклопедический словарь (1731 – 2000 гг). М., Изд. Российской политической энциклопедии. 2001 г.

Славнин В.Д. Томск сокровенный. Томск. Томское книжное изд. 1991 г.

Снытко Т.Г. Г.С. Батеньков-литератор //Декабристы-литераторы. М., Изд. АН СССР. Под ред. В.В. Виноградова Т. 60 Кн.1 1966 г.

Соколов В.Н. Декабристы в Сибири. Новосибирск. ОГИЗ 1946 г.

Соловьев О.Ф. Масонство (словарь-справочник). М., «АГРАФ» 2001 г.

Солярский П. (протоирей). Записки по нравственному православному богословию. СПб 1860 г.

Сперанский М.М. Письма из Сибири к дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). М., Тип. «Грачев и компания». 1869 г.

Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб. Тип. Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1845 г.

Толстой Л.Н. Война и мир. СПб. Всемирная библиотека. Изд. «Каравелла». 1993 г. Том II.

Чернов С.Н. Вступительные замечания к автобиографическим «припоминаниям» Батенькова // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1933 г. Том II.

Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII - XIX вв. г. Томск Изд. ТПУ. 1999 г.

Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Иркутск. Восточно-Сибирское издательство. Серия «Полярная Звезда». 1985 г. Том 1.

Щеголев П.Е. Петрашевцы в воспоминаниях современников. М., 1926 г.

Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири. Иркутск Изд. Восточно-Сибирского Императорского Географического Общества. 1883 г.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб Изд. И.М. Сибирякова. 1892 г.

Якушкин Е.И. Письма к жене из Сибири (1855 г) // Декабристы на поселении (Из архива Якушкиных) Записки прошлого в воспоминаниях и письмах. Изд. Сабашниковых СПб 1926 г.

Периодика

Бакай Н. Н. Сибирь и декабрист Г.С. Батеньков. // Труды Томского краеведческого музея Томск. 1927 г. Том I.

Баландин С.Н. Декабрист Г.С. Батеньков – инженер-строитель // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Новосибирск. 1975 г. Вып.3 №11.

Безымянный автор. Рассказы о Г.С. Батенкове // Русский архив. 1881 г. Кн. III.

Большаков В. Для исполнения возложенного поручения // Томская старина. 1992 г. №2 (4)

Барер И. Сперанский и его реформы // Исторический журнал. 1938 г. №8.

Виноградский В.Н. Записки // Русская старина 1916 г. кн. IX.

Гордин Яков. Декабристы и Сибирь – тогда и сегодня // Звезда. 1977 №7

Д.С. Сибирские воспоминания. // Восточное обозрение. 1887 г. за 2 июля. №26

Казачков А. Временем сокрытое…// Сибирская старина 1993 г. №4

Калашников И.Т. Записки иркутского жителя. // Русская старина. 1905 г. кн.VI.

Котляров Г.М. Арест декабриста Г.С. Батенькова (по неизданным материалам). // Былое. 1925 г. №6.

Лозинский Ю.М. Булат и бани для остяков (200 лет П. Аносову). // Сибирская старина. 1999 г. №16 (21)

Лучшев Ал. Декабрист Г.С. Батеньков // Русский архив. 1886 г. кн. II.

Некролог «Гаврила Степанович Батеньков» // Библиотека для чтения 1863 г. кн. X

Овсиенко С.В. Из проектов Г.С. Батенькова по преобразованию государственного устройства // Вестник МГУ (сер. 8). 2003 г. №1.

Ореус И.И. Гавриил Степанович Батеньков // Русская старина. СПб. Изд. М.И. Семевского. 1889 г. Том 63.

Потанин Г.Н. Гавриил Степанович Батеньков // Сибирские огни. 1924 г. №2

Прибыткова А.М. Архитектурные работы декабриста Г.С. Батенькова // История СССР. 1975 г. №6

Пыпин А.Н. Материалы для истории масонских лож // Вестник Европы. 1872 кн. VII

Пыпин А.Н. Очерки общественного движения при Александре I // Вестник Европы 1870 г. кн. X.

Семевский В. И. Декабристы-масоны. // Минувшие годы. 1908 г. №5-6

Стогов Э. И. Очерки, рассказы и воспоминания. // Русская старина 1878 г. том XXII кн. IX –XII.

Тимирязев В.А. Пионеры просвещения в Западной Сибири // Исторический вестник 1896 г. кн.VI.

Δ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Важнейшие даты жизни Г.С. Батенькова

1793 год 25 марта – дата рождения;

1811 год – зачислен в Дворянский полк при 2-м Кадетском корпусе в Санкт-Петербурге;

1812 год 21 мая – выпущен в чине прапорщика в 13-ю артиллерийскую бригаду;

1813 год 8 января – в составе русских войск вступил в Силезию;
27 января – участвовал в освобождении от французов Варшавы;
1 мая – участвовал в освобождении Кракова;
7 августа – в сражении у сел. Кренбау получил первое ранение (в левое плечо);
4 октября – отличился в бою у крепостей Ветенберг и Магдебург (Германия);
17 декабря – за отличие у Магдебурга произведен в подпоручики;
20 декабря – в составе русских войск вступил во Францию;

1814 год 7 января – отличился в деле при г .Вокулере;
20 января – награжден орденом св. Владимира IV степени с бантом;
30 января – в бою при Монмирале, получил 11 штыковых ран и попал в плен;
10 февраля – освобожден из плена, определен в русский госпиталь;
15 марта – 4 апреля –бой при Сен-Миэле и блокада крепости Мец;
31 июля – вернулся с войсками в Россию;
23 сентября –13-я артиллерийская бригада Г. Батенькова переименована в 27-ю;
13 декабря – получил отпуск *«для излечения ран»* и уехал в Тобольск к матери;

1815 год 1 апреля – вызван из отпуска, получил назначение в корпус генерала Дохтурова;
22-25 июня – принимал участие во второй блокаде крепости Мец;
25 июля – 30 августа - продвигался с частями к городу Вертю;
24 декабря – вернулся с армией в Россию;

1816 год 11 января – переведен в 14-ю батарейную роту 7-й артиллерийской бригады;
7 мая – подал прошение об увольнении *«с чином, мундиром и пенсией»;*
август – прибыл в Санкт-Петербург;
осенью становится членом масонской ложи «Избранного Михаила»;
5 октября – сдав экзамен в институте Корпуса инженеров путей сообщения, получил звание инженера III класса с назначением на службу в X Сибирский округ;
21 ноября – прибыл в Тобольск к начальнику округа полковнику Ф.Ф. Риддеру;

1817 год 14 март – по просьбе генерал-губернатора И.Б. Пестеля выехал в Томск;
23 марта – прибыл в Томск как руководитель инженерно-строительных работ;
30 апреля начались работы по устройству в Томске мостовой;
5 июля – по поручению губернатора приступил к *«отделке»* городского ключа;
август-сентябрь – вел работы по укреплению берега реки Ушайки;
сентябрь – нач. ноября – работы по благоустройству въезда на Юрточную гору;
30 сентября – завершил работы по благоустройству ключа;

8 октября – 24 декабря – работы по строительству моста через Ушайку;
31 декабря – представил губернатору проект на устройство бассейна;

1818 год 3 января – отправился в Тобольск для временного вступления в должность управляющего X округом путей сообщения;
март – вышел запоздалый указ об отставке Г. Батенькова от армейской службы;
12 апреля – по требованию И.Б. Пестеля вернулся в Томск, состоя в двух должностях – начальника округа и инженера;
30 апреля – возобновил работы по строительству моста;
10 мая – подписан приказ о *«помещении Г. Батенькова в должности инженера II класса с оставлением в X округе»;*
23 июня – Совет путей сообщения одобрил намерение Г. Батенькова заняться *«теорией стечения двух рек»* Томи и Ушайки;
30 августа – благодаря Г. Батенькову открылась первая в Сибири масонская ложа «Восточного светила на востоке Томска»;
8 октября – 24 декабря – под руководством Г. Батенькова вновь проводились работы по строительству моста через Ушайку;

1819 год январь-февраль – скончалась в Тобольске мать Г. Батенькова;
15 февраля – Г. Батеньков слег из-за обострившейся болезни;
12 марта – объявлено о предписании немедленно выехать из Томска в Иркутск;
17 апреля – Г. Батенькову присвоено звание капитана по Корпусу инженеров путей сообщения;
апрель-май – готовясь к встрече со М.М. Сперанским, подготовил подробную «*Записку о состоянии 10-го округа путей сообщения»;*
24 мая – в Тобольск для ревизии Сибири прибыл М.М. Сперанский;
6 июня – командировка в Омск для осмотра моста и проверки сметы;
5 июля – в свите М.М. Сперанского прибыл в Томск;
конец августа – выехали на восток *«для обозрения Сибири»;*
29 августа – вместе с М.М. Сперанским прибыл в Иркутск;
сентябрь – вел работу по пересмотру проекта укрепления набережной Ангары;
25 сентября – прибыл для «*обревизирования»* в пограничную Кяхту;
2 декабря – 25 января – болел *«от полученных в сражении ран»;*

1820 год февраль-март – занимался проектированием и составлением сметы укрепления правого берега р. Ангары;
22 марта – отправился в Иркутский и Верхнеудинский уезды, чтоб удостовериться в возможности *«учредить»* трактовую дорогу вдоль Байкала;
7 апреля – вернувшись, представил предварительные итоги изысканий, которые были отправлены в Петербург;
28 апреля – отослал в Петербург экземпляр *«геометрических таблиц»,* уповая на открытие ланкастерской школы;
26 мая – представил М.М. Сперанскому готовый проект обустройства набережной р. Ангары с чертежами и сметой;
31 мая – уезжает для окончания проектирования дороги по берегу Байкала;
23 июня – возвращается в Иркутск, передает начальству результаты работы;
сентябрь 1820 – январь 1821 – работает над «Записками о заселении Сибири»;
27 ноября – после врачебного освидетельствования подал прошение о четырехмесячном отпуске для лечения «*в более умеренном климате»;*

14 декабря – М.М. Сперанский просит департамент путей сообщения оставить Г.С. Батенькова в своем ведении;

1821 год 10 января – получено разрешение отправиться в отпуск *«на кавказские воды»;* вместе с М.М. Сперанским выехал из Сибири;

8 февраля – получив подорожную, отправился из Тобольска на Кавказ, по дороге заехал к А.А. Елагину в Белев;

апрель – возвращается из отпуска, гостит в Москве в доме Елагиных;

май – по предписанию М.М. Сперанского приезжает в Петербург для службы в Сибирском комитете; встречается с генералом А.А. Бетанкуром;

20 июня – произведен в майоры, получив *«махровые эполеты»;*

28 июля – Александр I подписал Указ о назначении Г.С. Батенькова в Особый комитет для рассмотрения разных предметов по Сибирским губерниям (1-й Сибирский комитет);

сентябрь-октябрь – пишет критические замечания о петербургских театрах;

октябрь – назначен правителем дел «Комитета для рассмотрения отчета по обозрению Сибири»;

1822 год январь-февраль – сблизился с графом А.А. Аракчеевым;

22 февраля – Александр I подписал Указ об утверждении проекта устройства набережной Ангары (через 2 года после написания);

март – Г. Батеньков обратился к М.М. Сперанскому с просьбой ходатайствовать о переводе его на гражданскую службу *«из-за слабого здоровья»;*

весной – работает над статьями «Общий взгляд на Сибирь» и «Записки о заселении Сибири» для журнала «Сын Отечества»; публикует «Генеральную карту Российской Империи с означением больших и малых почтовых дорог…».

сентябрь – прибыл в Грузино для знакомства с военными поселениями; привлекался к работе над проектом учреждений военных поселений;

1823 год 26 января – по представлению М.М. Сперанского получает денежную награду в 10 тыс. рублей;

29 января – оставаясь правителем дел Сибирского комитета, освобожден от занятий в Главном управлении путей сообщения, откомандирован в Отдельный корпус военных поселений и назначен членом Комиссии по составления проекта учреждения военных поселений; начинает работать под руководством графа А.А. Аракчеева;

март-май – участвует в собраниях Вольного общества любителей российской словесности; Г.С. Батенькова *«почти каждый день»* навещает поэт В.А.Жуковский;

конец мая – уезжает в Москву к Елагиным;

весна-лето – готовит Положение о поселенцах артиллерии;

1824 год 25 января – произведен в подполковники и назначен членом Совета главного над военными поселениями начальника графа А.А. Аракчеева;

март – сообщает друзьям, что надеется *«как топограф, этнограф, лингвист и просветитель»* отправиться в Сибирскую экспедицию для *«продолжения»* открытий Матюшкина и Врангеля;

29 мая – Г. Батенькову объявлена благодарность *«за отличное исполнение возложенных на него поручений»;*

весной - по просьбе Н.А. Полевого и Н.И. Греча занимался аналитическим разбором системы спряжения русских глаголов; печатает анонимно брошюру «О египетских письменах»;

10 июля – назначен старшим членом Комитета военных поселений по отделениям военных кантонистов;

июль-август – в нескольких номерах «Сына Отечества» в виде отдельных статей печатается брошюра Батенькова «О египетских письменах»;

7 ноября – на основании Указа, автором которого был Батеньков, создан «Комитет для пособия с- петербургским жителям, потерпевшим от наводнения»;

19 декабря – получил *«домовой»* отпуск на 28 дней и отправился в Москву к Елагиным;

1825 год январь – думая о политическом устройстве России, готовит политическое сочинение «Опыт теории правительственных учреждений»;

20 января – Г. Батеньков устраивает в доме М.М. Сперанского литературный вечер, принимая *«весь петербургский Парнас»;*

3 февраля – первое посещения собрания Северного общества, когда члены общества собрались на квартире К.Ф. Рылеева, чтоб отпраздновать именины его сестры;

весной- Г.С. Батеньков пишет «Положение о покупке лесов для поселений в Старой Руссе» и наблюдает там за ходом строительных работ;

май – едет в Грузино, *чтобы «отдохнуть от дел» и полечиться;*

летом - работает над «Опытом теории правительственных учреждений»;

10 сентября – в Грузино крепостные убили экономку А.А. Аракчеева Н.Ф. Минкину-Шумскую; от П.А. Клейнмихеля на Батенькова поступил донос об «одобрении» им убийства;

сентябрь-ноябрь – часто бывает в доме петербургского градоначальника И.В. Кусова, где общается с представителями купечества; обдумывает проект конституции;

27 сентября – участвует в демонстрации на похоронах подпоручика К. Чернова, который был убит на дуэли, защищая честь сестры;

октябрь – извещает друзей о своем болезненном состоянии;

7 ноября – подает в Штаб поселений письмо с просьбой уволить его от службы;

12 ноября – получил извещение о необходимости просить об отставке Главное управление путей сообщения, где числился в штате инженерного Корпуса;

14 ноября – обратился с прошением об отставке к герцогу А. Вюртембергскому и был устно извещен об отчислении из Корпуса военных поселений;

ноябрь – вел переговоры о поступлении на службу в Российско-Американскую компанию, где предложено стать правителем дел восточных русских колоний компании;

ноябрь – неудачная попытка вовлечь в тайное общество Н.И. Греча; болезнь Г.С. Батенькова;

27 ноября – встреча у К.Ф. Рылеева членов тайного общества, вызванная известием о кончине Александра I и необходимостью срочно менять план выступления; в тот же день Государственный совет присягнул цесаревичу Николаю;

ноябрь – в последних числах месяца Г.С. Батеньков, в числе прочих, присягнул Константину Павловичу;

7 – 14 декабря – встречается с С.П. Трубецким, К.Ф. Рылеевым и другими руководителями Северного общества, где обсуждался план выступления;

13 ноября – от М.М. Сперанского узнает о намерении Николая Павловича стать государем; поздно вечером участвует в последнем совещании у К.Ф. Рылеева; узнает об избрании его в состав Временного правительства;

14 декабря – восстание на Сенатской площади; Г.С. Батеньков с утра отправляется *«в Дежурство Корпуса инженеров»;* встречает недалеко от площади К.Ф.Рылеева и И.И. Пущина; вечером навещает Рылеева, чтобы узнать подробности дела;

26 декабря – в журнале заседаний Следственного комитета появились данные, которые предопределили арест Г.С. Батенькова;

28 декабря – арестован по делу о восстании на Сенатской площади и заключен в Петропавловскую крепость;

1926 год начало января – А.А. Елагин в Петербурге хлопочет по делу Батенькова;

18 и 22 марта – дает показания Следственному комитету;

28 марта – подаёт Следственному комитету записку с критикой *«внутреннего состояния»* государства;

29 марта – представил генералу В.В. Левашову в виде записки проект Конституции;

3 июня – открылось заседание Верховного уголовного суда;

28 июня – 9 июля – идет судебное заседание по делу декабристов;

13 июля - исполнение приговора: казнь пяти декабристов и гражданская казнь для остальных 116 осужденных;

30 июля – поименное оглашение приговоров;

5 июля – Г.С. Батеньков осужден Верховным уголовным судом по 3 разряду и приговорен к лишению чинов и дворянства и вечной ссылке в каторжные работы

8 июля – Верховный суд утвердил всеподданнейший доклад М.М. Сперанского (приговор декабристам); Г.С. Батеньков осужден по III разряду и приговорен к 20 годам каторжных работ;

12 июля – осужденным декабристам объявлены приговоры суда; затем по случаю коронации нового царя срок каторги Г.С. Батенькову был сокращен до 15 лет;

25 июля – временно отправлен в крепость Свартгольм (Аландские острова, Финляндия);

1827 год 18 июнь – переведен в Петербург и заключен в одиночную камеру Алексеевского равелина Петропавловской крепости;

23 июня - принят комендантом крепости и заключен в каземат №9 «секретного дома» Алексеевского равелина;

1828 год – январь-февраль – происходит сильное потрясение души, в результате которого Г.С. Батеньков ощущает в себе пророческий дар;

середина марта – комендант крепости доносил, что Г.С. Батеньков *«принял намерение не принимать пищи и лишился вовсе сна»,* чтобы уйти из жизни;

26 марта – Г.С. Батеньков прекратил голодовку;

1832 год – весной декабрист А.О. Корнилович пишет из крепости А.Х. Бенкендорфу, что сидевший в соседней с ним камере Г.С. Батеньков *«подвергается припадкам»* и просит облегчить его страдания, помочь больному врачебным участием; просьба не возымела действия;

1835 год – январь – возобновилась переписка по поводу заключенного Г.С. Батенькова: комендант крепости генерал А.Я. Сукин сообщает А.Х. Бенкендорфу о состоянии узника, приводит его *«безумные»* рассуждения;

февраль – смотритель равелина представил коменданту А.Я. Сукину пакет на высочайшее имя, где содержались две записки Г.С. Батенькова; в одном из писем Г.С. Батеньков *«поучает»* царя: пишет гневные письма Николаю I с критикой сложившихся в стране порядков;

1844 год – при вступлении в должность, новый шеф жандармов А.Ф. Орлов разобрал тюремные записки Г.С. Батенькова и стал хлопотать, чтобы «*совершенно переменить его положение»;* о позабытом всеми узнике он сообщил Николаю I;

1845 год 14 января – комендант крепости А.Я. Сукин сообщает шефу жандармов А.Ф Орлову, что заключенный №5 (Г.С. Батеньков) просит выписать для него некоторые издания, что было дозволено; к тому времени относятся слова Г.С. Батенькова, что он «закончил свое изъяснение»;

1846 год 31 января – получена резолюция Николая I на освобождение «секретного узника»; Г.С. Батенькову сообщено об освобождении из равелина и отправке в Томск;

5 февраля – генерал-губернатору П.Д. Горчакову и томскому губернатору С.П. Татаринову сообщили от отправлении Г.С. Батенькова в Томск;

6 февраля – принято решение Комитета министров назначить Г.С Батенькову пособие по 114 руб. 28 4/7 коп. серебром ежегодно;

14 февраль – в сопровождении жандармского унтер-офицера отправлен на поселение в Сибирь;

9 март – Г.С. Батеньков прибыл в Томск;

1848 год апрель – декабрист И.И. Пущин, Д.И. Завалишин и другие узнают о приезде Г.С. Батенькова и пытаются установиться с ним связи;

1849 год – пишет статью по поводу второго тома «Мертвых душ»; Г.С. Батенькова навещает декабрист И.И. Пущин;

1850 год – переселился во флигель во дворе дома Н.И. Лучшева;

6 июля написал графу А.Ф. Орлову письмо с просьбой переехать в г. Белев Тульской губернии в семью А.П. Елагиной;

1852 год – Г.С. Батеньков помог перебраться в Томск петрашевцу Ф. Г. Толлю, который с 1850 года отбывал наказание в Киреевском заводе;

1854 год – проездом в Иркутск для лечения Г.С. Батенькова посетил декабрист И.Д. Якушкин;

1856 год 26 август – новый царь Александр II объявил декабристам амнистию, Г.С. Батенькову в числе прочих возвращено потомственное дворянство и с правом жить во всех местах Российской Империи кроме столиц;

17октября - получил паспорт в Томском губернском правлении;

23 октября - выехал из Томска;

конец октября –прибыл в Москву;

19 ноября – прибыл в село Петрищево Белевского уезда Тульской губернии;

1857 год март - обратился к главному начальнику III Отделения кн. В..А. Долгорукову с просьбой временного посещения Москвы и Петербурга *«для пользования боевых ран»;* решение было дано положительное;

9 ноября - прибыл в Калугу на жительство, приобрел там собственный дом и пригласил туда семью О.П. Лучшевой,

1858 год - ноябрь-декабрь освобожден от секретного надзора;

1859 год – вместе с другими декабристами получает разрушение навещать Москву;

1860 год – поездка в Варшаву к бывшему сослуживцу сенатору В.В. Погодину;

1863 год – сентябрь – октябрь – простудился и заболел воспалением легких;

29 октября – умер, похоронен в селе Петрищево Тульской губернии рядом с А.А. Елагиным

Δ

СОДЕРЖАНИЕ

Путь в Сибирь ……

Ч а с т ь I. ПЕТЕРБУРГ – ТОБОЛЬСК – ТОМСК (1817 – 1819) ……

Часть 2. ТОМСК – ИРКУТСК – ПЕТЕРБУРГ (1819 – 1821) ……

Часть 3. ПЕТЕРБУРГ – ТОМСК – КАЛУГА (1846 – 1856) ……

Путь из Сибири …….

Примечания …….

Библиография ……

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА
(важнейшие даты жизни Г.С. Батенькова) ……